

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Арзамасский государственный
педагогический институт им. А.П. Гайдара»
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им.
Н.И.Лобачевского» (ННГУ)
Институт стратегических исследований ННГУ
НРОО «Фонд европейских исследований в Нижнем Новгороде»

Европа:
проблемы интеграции и развития

Монография

в 2-х томах

Том 1

Часть 1

Нижний Новгород,

2008

УДК 327
ББК 66.4(4)г.
Е 24

Под общей редакцией академика О.А. Колобова

Авторский коллектив:

Колобов О.А. (руководитель), Браницкий А.Г., Бугров Р.В., Дмитриева Д.В., Жильцов Н.В., Кабешев Р.В., Каблова Л.В., Кемаев К.В., Колобов А.О., Леушкин Д.В., Морозова О.С., Сергеев А.Е., Толкачев В.В., Хохлышева О.О., Чумаков В.А.

Рецензенты:

д.и.н., профессор А.С. Макарычев
д.полит.н., профессор А.А. Сергунин
д.и.н., профессор С.В. Устинкин

Ответственный за выпуск: к.и.н., ст. преп. А.П. Коротышев

Е 24 Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. - Т.1.История объединения Европы и теория европейской интеграции. - Ч.1. Кол. авт. /Под общей редакцией академика О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им.А.П. Гайдара, 2008. - с.

ISBN 978-5-86517-391-5

В коллективной монографии прослеживается история объединения Европы от самых первых проектов до середины 2008 г., анализируются актуальные проблемы европейской интеграции и развития Европейского Союза, исследуются взаимоотношения России и единой Европы. Работа написана с привлечением широкого круга оригинальных источников, еще не введенных в научный оборот в России и за рубежом.

Она предназначена специалистам-международникам, студентам, аспирантам, докторантам, преподавателям классических университетов России.

ISBN 978-5-86517-391-5

УДК 94(4)
ББК Ф 4(0) 6
Е 22

© Коллектив авторов, 2008.

© Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара, 2008.

© Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2008.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа выполнена коллективом авторов, принадлежащих к научно-педагогической школе американистики и сравнительного изучения процесса формирования внешней политики великих держав в новое и новейшее время (основатель и научный руководитель - д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ Колобов О.А.), официально признанной ведущей в России. Собственно Программа европейских исследований как самостоятельное научное направление возникла на историческом факультете ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 1997 г. по инициативе декана, профессора Колобова О.А. Тогда же было образовано Нижегородское отделение Ассоциации европейских исследований (председатель – профессор Колобов О.А.). Вскоре под научным руководством О.А. Колобова были защищены первые кандидатские диссертации европейской тематики по специальности «всеобщая история»: «Французско-американские взаимоотношения и общеевропейский интеграционный процесс в 1988-1996 гг.» (Д.В. Кабешев, 1997) и «Интеграционные процессы в Западной Европе в первой половине 50-х годов XX века и позиция США» (А.Г. Браницкий, 1998). В ноябре 1999 года была образована Нижегородская региональная общественная организация «Фонд европейских исследований в Нижнем Новгороде» (председатель правления – Колобов О.А., исполнительный директор – Браницкий А.Г.). В декабре 1999 г. состоялось вступление НРОО «Фонд европейских исследований в Нижнем Новгороде» в российскую Ассоциацию европейских исследований в качестве коллективного члена.

В настоящее время многие проекты Программы европейских исследований реализуются с помощью Фонда европейских исследований в Нижнем Новгороде (председатель правления – профессор О.А. Колобов, исполнительный директор – профессор А.Г. Браницкий), Почетного Консульства Чешской Республики в Нижнем Новгороде (Почетный Консул – профессор О.А. Колобов), Общества польской культуры «Полонез» (исполнительный директор – профессор А.Г. Браницкий), а также через Программу европейских исследований Института стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского (директор Института – профессор О.А. Колобов, руководитель Программы – профессор Р.В. Кабешев). Развиваются связи Программы европейских исследований ННГУ с европейскими вузами, посольствами европейских стран в России, центральными органами Евросоюза, а также Представительством Европейской Комиссии в Российской Федерации. Следует подчеркнуть, что данное издание – плод многолетних инновационных научных усилий нижегородских ученых-европеистов.

Объединение Европы – далекий от завершения исторический процесс, в котором современная Россия вынуждена принимать участие. Становление единой Европы совершается на наших глазах: в начале 2007 г. Евросоюз «расширился» до 27 стран-членов, ожидается присоединение Хорватии, Македонии и некоторых других западнобалканских государств. Все еще стоит в очереди Турция, вступление которой в ЕС крайне проблематично. Россия, являясь полноправным членом Совета Европы, строит с ЕС четыре «общих пространства». Сложившаяся ныне международная ситуация требует аргументировано ответить на вопрос о максимальных пределах расширения Евросоюза, а также определить ближайшие перспективы развития институтов ЕС. Именно об этом в 27 странах-членах Евросоюза ведутся непрекращающиеся напряженные дебаты. Европарламент требует от Комиссии определения «природы» Европы, включая ее географические границы. На официальных сайтах ЕС постоянно появляются все новые материалы, призванные ответить на вопрос: «Какими должны быть ценности и границы единой Европы?». Однако сделать это практически невозможно без углубления в историю Европы, без полноценного анализа всех попыток объединить континент, предпринимаемых в разное время и с разными целями. Именно предыстория ЕС должна

дать ключ к пониманию важнейших проблем современного Европейского Союза: только зная прошлое, мы сможем понять настоящее и заглянуть в будущее. Необходимо оценить роль католицизма, протестантизма и православия в общеевропейском интеграционном процессе, а также понять суть разногласий между христианскими демократами, социал-демократами и либералами в современном Евросоюзе. Поиск европейской идентичности продолжается, споры не утихают, посему крайне актуально определить действительные принципы формирования единой Европы.

Следует признать, что в современной науке (как отечественной, так и зарубежной) не существует единого мнения насчет того, что именно представляет собой Европа и каковы ее истинные границы. Кроме того, к данному вопросу можно подходить с самых разных позиций: географической, геополитической, экономической, социологической, религиоведческой, культурологической, этнографической, лингвистической, даже расовой или демографической. И всегда определение понятия «Европа» будет несколько иным. К этому следует прибавить различия национальных образов Европы и всю совокупность индивидуальных мнений самых разных исследователей. С одной стороны, научная литература, посвященная отдельным аспектам истории объединения Европы, достаточно разнообразна и обширна, а с другой стороны, работы, рассматривающие именно историю объединения Европы (с древности до наших дней) как единый исторический процесс, практически отсутствуют. В последние годы необходимость пересмотра концептуальных рамок европейской истории растет пропорционально распространению моды на высокоспециализированные исследования с большой «кратностью приближения». Некоторые историки в стремлении «писать больше и больше о меньшем и меньшем» доходят до полной утраты общей перспективы (этим особенно «грешат» работы, посвященные отдельным, часто незначительным, аспектам европейской интеграции). Однако ряд авторов провозглашает предметом своей исследовательской деятельности историю «европейской идеи» (или «идеи Европы»), рассматривая, в том числе, реальные попытки объединения Европы, которые неоднократно предпринимались в ходе истории, и завершая свои труды 1945-м годом. Другие авторы «подхватывают эстафету» и детально разрабатывают историю послевоенной европейской интеграции. Если они и уделяют какое-либо внимание более ранним периодам европейской истории, то лишь символическое (обычно - несколько страниц). Наконец, самые смелые исследователи (чаще – целые коллективы ученых) дерзают писать всеобщую историю Европы – отправной точкой может быть и первобытное общество (в отечественной традиции), и упадок Древнего мира (IV-V вв.), и раннее Средневековье (VIII в.). В таких обобщающих трудах, как правило, история объединения Европы теряется и не прослеживается детально. В результате мы, в лучшем случае, имеем историю Европы (с древности до наших дней), историю «европейской идеи» (с древности до 1945 г.) и историю европейской интеграции (с 1945 г. до наших дней), но никак не историю объединения Европы (в качестве непрерывного исторического процесса, с древности до наших дней).

Исследования, посвященные теоретическому осмыслению процесса объединения Европы, концентрируют основное внимание на механизме интеграции, а не на сущностных характеристиках единой Европы. Многочисленные теории интеграции предлагают четыре основных подхода к определению предмета исследования: 1) ЕС как международная организация. С одной стороны, европейские интеграционные институты, действительно, созданы национальными государствами, которые продолжают играть важную роль в процессе их функционирования (достаточно назвать Европейский Совет) и развития (периодически созываемые межправительственные конференции). С другой стороны, слишком велики специфические особенности ЕС, качественные отличия европейских институтов от органов обычных межправительственных организаций; 2) Европейская интеграция как частный случай региональной интеграции. С одной стороны, в основе интеграционных процессов, вне зависимости от их территориальной привязки, лежат одни и те же процессы интернационализации производства, торговли и инвестиций.

С другой стороны, ответы, которые даются на один и тот же вызов в европейском макрорегионе и других регионах мира, настолько различны, что попытки выработать единую методологию для анализа международной интеграции скорее затемняют, чем проясняют суть дела; 3) Европейская интеграция как высший уровень национальных политических систем и процессов (в контексте сравнительной политологии). С одной стороны, европейский уровень политической организации общества, действительно, существует. С другой стороны, при таком подходе имеется серьезный риск оставить без должного внимания самостоятельную роль национальных государств (и даже некоторых интеграционных институтов); 4) Европейская интеграция как уникальное явление (*suu generis*), не имеющее аналогов в мировой истории и не терпящее поверхностных обобщений. С одной стороны, такой подход кажется эмпирически привлекательным и – в некоторых вопросах – неизбежным. С другой стороны, он обрекает европейские исследования на теоретическую замкнутость, отрывает их от общего развития мировой науки, не говоря уже о том, что европейская интеграция неразрывно связана с глобальным развитием и постоянно как испытывает влияние внешнего мира, так и оказывает сильнейшее воздействие на состояние мировой политики и экономики.

Ни географический, ни геополитический, ни цивилизационный, ни формально-логический подходы к проблеме не способны – в отдельности – ответить на вопрос о «природе» Европы и ее истинных границах. Требуется системный анализ понятия «Европа». Только полноценный синтез различных подходов к данной проблеме может дать понимание возможных пределов европейской интеграции. Известно, что на протяжении всей своей многовековой истории Россия как крупнейшее государство Евразии стремилась быть активным участником процессов, затрагивающих интересы всех европейских стран и народов. Продолжительные политические, экономические, культурные, человеческие связи всегда лежали в основе нашего понимания необходимости обеспечения общеевропейской безопасности и стабильности как залога благополучия самой России. Особенно важно такое понимание сегодня, когда Россия осознанно и твёрдо сделала выбор в пользу активной интеграции в мировое сообщество, о чём неоднократно заявляло высшее политическое руководство нашей страны.

В последнее время сотрудничество Российской Федерации как с общеевропейскими организациями, так и с отдельными европейскими странами, вышло на новый качественный уровень и подкрепляется конкретными шагами во внутренней и внешней политике. Подтверждением этому служат проведение ставших в последние годы регулярными таких важных международных встреч, как саммиты Россия-ЕС и Россия-НАТО, сессии Совета государств Балтийского и Баренцева морей, ряд других многосторонних и двухсторонних встреч и переговоров, в том числе и на высшем уровне, в рамках ОБСЕ, Совета Европы, других континентальных форумов. Документы и решения, принятые в ходе этих встреч, позволили приступить к строительству качественно новой системы коллективной безопасности как в Европе, так и в мире в целом.

На рубеже XX-XXI веков Россия совместно со своими европейскими партнёрами решает задачу укрепления стратегической стабильности, адекватного ответа на новые вызовы и противостояния новым угрозам, формирования новых отношений и расширения сотрудничества по различным направлениям. Меж тем расширение НАТО, как известно, никогда не воспринималось Россией как позитивный и безопасный процесс. За расширением Евросоюза наша страна также наблюдает с внимательной осторожностью. Так или иначе, сейчас практически все государства, некогда участвовавшие в работе Совета экономической взаимопомощи и в Организации Варшавского договора (то есть состоявшие в так называемом «советском блоке»), а также три бывшие союзные республики СССР окончательно влились в интенсивный процесс многосторонней, многоуровневой и многоскоростной европейской интеграции.

Европейский Союз – это порождение и результат сложных международных отношений, мощнейшая структура, в рамках которой созданы единая валютная система, заложены основы гармонизации экономической политики государств-членов, действует единая правовая база. Тенденция к перенесению части государственных функций на наднациональный уровень проявляется и в политической сфере. Глобальная эволюция подталкивает государства европейского центра силы ко все большей координации их внешней политики, политики безопасности, политики в области борьбы с терроризмом, наркобизнесом и организованной преступностью. По существу, закладываются основы нового супергосударственного образования, осуществляется трансформация в сторону государственного образования нового типа. Эта трансформация определяется волей государств-участников и получаемыми результатами: имеет место взаимозависимый процесс, который длится уже около 60 лет. Возрастающее значение в контексте современной жизни Евросоюза приобретает процесс коммунитаризации – процесс, согласно которому осуществляется передача отдельных полномочий государств-членов в ведение Сообществ и распространение на них юрисдикции Суда ЕС. Коммунитарный принцип получает все большее распространение в лексиконе Европейского Союза, при помощи которого описываются те или иные особенности интеграционного процесса.

Как комплексная, структурная идея коммунитаризация обладает высоким политико-правовым и экономико-социальным содержанием. Можно сказать, что она является отражением в сознании европейцев принципа сознательного самоограничения личной свободы во имя мира и всеобщего процветания. К пониманию этого факта сегодня приходит Европейский Союз, где процесс коммунитаризации оказывает влияние на ход общественной дискуссии о поиске моделей институционального дизайна, о процессах политического объединения, служит в качестве механизма урегулирования споров между национальными государствами и надгосударственным образованием.

Для нашей страны далеко не безразлично, с какой единой Европой ей придется иметь дело. Станет ли Европейский Союз федеративным супергосударством, фундамент которого будет составлять коммунитарный подход, или свободным союзом наций-государств, избравшим в качестве ориентира для своих действий межгосударственный подход? От этого во многом будут зависеть как характер внешнеполитической стратегии России в отношении нашего крупнейшего экономического и политического партнера, так и сама возможность общеевропейской интеграции.

ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ ИДЕИ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ КONTИНУУМЕ

1. Поиски европейской идентичности в Древнем мире и в Средневековье

Европа и Азия стали резко противопоставляться только с эпохи греко-персидских войн. Так, Фукидид, творивший во второй половине V века до н.э., упоминает имя "Европа" лишь дважды: указывая, что персы покинули Европу после сражения 479 года, и описывая царство скифов как самое большое в Европе.[1] Зато Гиппократ, родившийся почти одновременно с Фукидидом, но значительно его переживший, уделяет теме Европы значительное внимание. В своем труде "О воздухах, водах и местностях" Гиппократ выдвигает оригинальную концепцию Европы как "континента свободы". В ходе войны между греками и персами нейтральный географический термин "Европа" постепенно получал новое значение. Ранее "Европа" и "Азия" различались языками и культурными особенностями, отмеченными еще греческими колонизаторами Малой Азии. Но в ходе войны с персами "Европа" и "Азия" стали также символизировать различные системы правления. Полис, город-государство как символ политической свободы противопоставил себя империи как символу деспотизма и рабства. Различие между Грецией и Персией спроецировалось на целые "части света". Европа стала восприниматься греками как "континент свободы" в противовес Азии, "континенту деспотии".

Именно эту мысль выражает и пытается аргументировать Гиппократ, отделяя Европу от Азии в географическом плане "Меотийским озером", то есть Азовским морем: "Я хочу также сказать относительно Азии и Европы, насколько они между собой во всем разнятся, а также и относительно внешнего вида их племен, насколько они отличны друг от друга и ни в чем не схожи ... все в Азии рождается более красивым и более великим, и сама страна мягче другой, и нравы людей приветливей и спокойней ... Но мужественный дух, выносливость ... не могут рождаться в такой природе ..., но по необходимости берет верх наслаждение ... народ азиатский лишен всякого мужества ... и по причине их законов, ибо большая часть Азии управляется властью царей. А там, где люди сами над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, забота у них – не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне". Для Гиппократа основополагающим является природный фактор, что делает данного философа первым пророком будущей концепции географического детерминизма. По его мнению, разнообразие природных ландшафтов привело к тому, что европейцы "более отличаются друг от друга по внешнему виду, чем азиаты". Далее же утверждается: "Я считаю населяющих Европу более мужественными, чем азиатов, ибо равномерность вещей производит лень, а разнообразие возбуждает тело и душу к труду. И от покоя и лени возрастает трусость, а от упражнения и трудов – храбрость. По этой именно причине жители Европы воинственны, а также благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты. Где подчиняются царям, там необходимо людям быть самыми боязливymi ..., ибо души, попадая в рабство, не желают добровольно подвергать себя опасности за чужую власть ... А которые живут по своим законам, те подвергаются опасностям для себя, а не для других, и они охотно по своей воле идут навстречу опасности ... очевидно, что законы немало значат для величия духа".[2]

Итак, Азия – это континент трусов и рабов, несмотря на все свои земные блага, в то время как Европа – континент свободолюбивых героев и тружеников. Эта аргументация, безусловно, повлияла на взгляды Аристотеля, жившего в IV веке до н.э., выраженные им в знаменитой "Политике". Однако Аристотель писал уже в новой исторической ситуации, в эпоху господства македонской династии. Сам он был учителем и воспитателем великого завоевателя Александра Македонского. Естественным образом чувство военного

превосходства греков над азиатами трансформировалось в чувство превосходства политического. Греки стали полагать себя в некоей идеальной "срединной позиции" между воинственными, но недалекими европейцами-македонцами, с одной стороны, и умелыми, но раблепными азиатами, с другой. Так рождалась идеология "евразийства", первым представителем которой можно считать Аристотеля. По Аристотелю, греки занимают промежуточную географическую нишу между европейцами и азиатами. Вот почему они соединяют в себе положительные качества народов обоих континентов. Аристотель пишет, что у греков наилучшие политические институты, они свободны и при этом способны править другими людьми. Европейцы (то есть македонцы) как продукты холодного климата храбры, но не мудры, и поэтому не могут достойно управлять захваченными территориями. Азиаты же, обладая мудростью и разнообразными умениями, трусливы и безвольны, и потому остаются в рабском подчинении.

В отличие от Гиппократ Аристотель не считает «власть царей» безусловным бедствием для народа. Напротив, царская власть, наряду с аристократической республикой и политией, относится к числу «правильных» видов государственного устройства. «Неправильными» же называются тирания, олигархия и демократия. Критерием здесь является забота об общем благе, а не о своекорыстных интересах. Сама «царская власть», по Аристотелю, имеет несколько различных видов: «Исследованию подлежит вопрос: полезна ли царская власть для государства и страны ... или не полезна, ... или для одних государств царская власть полезна, для других не полезна? Нетрудно усмотреть, что существует несколько видов царской власти, и самый способ ее проявления в каждом данном случае не один и тот же ... Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, и азиатские варвары превосходят в этом отношении варваров, живущих в Европе, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия. Вследствие указанных причин царская власть имеет у варваров характер тирании, но стоит она прочно, так как основой ее служит преемственность и закон».[3]

Аристотель связывал возможность осуществления своих социально-политических идеалов с колонизацией и эллинизацией Востока. Особенно благоприятные условия для создания полисов с образцовой, по его мнению, организацией он находил в Азии. Азиаты, склонные по своей природе к рабскому подчинению, но обладающие многочисленными способностями и умениями, должны были составить, по мысли Аристотеля, идеальную экономическую базу для развития новых греческих поселений. На огромных просторах завоеванной македонским царем Персидской державы открывалась возможность распространить греческие формы политического бытия в "очищенном" и "облагороженном" виде. Здесь рабами должны были стать исключительно варвары, которые по своей природе и так являются рабами, рассуждал Аристотель. Эллины же образуют свободную прослойку общества, его правящий класс.

Однако в процессе эллинизации Востока контраст между Европой и Азией начинает размываться. Уже Александр Македонский старательно связывал династическими узами "европейские" и "азиатские" правящие элиты. В то же время в самой Европе становились модными восточные культы и традиции. Потомкам эллинов в Азии и Африке утверждение о том, что различные континенты населены людьми различных темпераментов, уже казалось абсурдным. Осталась лишь чисто географическая идея Европы, причем греческие названия континентов в процессе эллинизации стали общепринятыми в Средиземноморье и на большей части Передней и Средней Азии. Греки могли по-прежнему гордиться своими политическими учреждениями и своими законами, которые теперь становились достоянием всей эллинистической цивилизации. Ученики Платона в поисках источника греческой правовой культуры указывали на критского царя Миноса, сына Европы. В одном сочинении платоновской школы Сократ и его друг ведут следующий диалог:

“Сократ. Значит, критяне пользуются древнейшими законами среди всех эллинов?”

Друг. Да.

Сократ. А ты знаешь, кто были лучшие цари Крита? Минос и Радамант, сыновья Зевса и Европы, и им-то и принадлежат эти законы.”[4]

Следует также отметить постепенный рост географической культуры греков в эпоху эллинизма. Греческая и финикийская колонизация Средиземноморья прояснила многие географические реалии. Около 310 г. до Рождества Христова Пифей, грек из Массалии (теперь это Марсель на юге Франции), посетил Британские острова, а также Норвегию и, возможно, Исландию. Его данные использовал в своей “Географии” Эратосфен Киренский, живший в конце III – начале II века до Рождества Христова. Сам Эратосфен, по-видимому, мало представлял себе северные области Европы.

Полибий, известный историк II века до н.э., считал границами Европы реку Танаис и Геракловы Столбы, вполне в русле более древней традиции.[5] Однако далеко не все разделяли подобную точку зрения. Страбон, творивший на рубеже тысячелетий, подвел некоторые итоги дискуссии о «частях света». В своей «Географии» он указывает на то, что было много споров о материках, и что одни ученые отделяют их реками – Нилом и Танаисом, считая материки островами, другие же разграничивают их перешейками – перешеек между Каспийским и Понтийским морями и перешеек между Красным морем и Экрегмой – и признают их полуостровами.[6] Согласно Страбону, Европа – наиболее разнообразный континент. Север Европы необитаем из-за ужасного холода, царящего там. Народы, населяющие Европу, также довольно различны, но преобладают те, которые настроены миролюбиво. Здесь мы видим явное противоречие с концепцией Гиппократов. Впрочем, за четыреста лет Европа не могла не измениться существенным образом. Страбон указывает, что долгое время гегемония в Европе принадлежала грекам, затем – македонцам, позднее – римлянам. По его мнению, как бы там ни было, Европа – наиболее независимый континент, свободный от чужеземного господства.

Здесь мы видим, как трансформировалась со временем концепция «Европы - континента свободы». Первоначально «свободная Европа» мыслилась в качестве альтернативы «раболепной Азии». Термин «свобода» означал, прежде всего, гражданские свободы, известную автономию личности перед лицом государства. Спустя четыре века “свобода” стала означать не что иное, как государственный суверенитет, то есть свободу государства перед лицом внешней агрессии.

Эллинизация Ближнего Востока затронула в определенной мере даже такой укорененный в собственной традиции народ, как иудейский. Не даром им пришлось переводить Библию на греческий язык (уже за 130 лет до Рождества Христова, вполне вероятно, был переведен весь Ветхий Завет)[7], а некоторые апостолы, бывшие стопроцентными иудеями, носили греческие имена. Между тем, термина «Европа» в Библии нет. Для апостолов, как и для древних патриархов, понятие «Европа» как будто и не существовало. Однако в первой книге Пятикнижия Моисеева (Торы), называемой согласно традиции Септуагинты «Происхождение» (в русском переводе – «Бытие»), а согласно Масоретскому изводу «В начале», рассказано о трех сыновьях Ноя: «И родил Ной трёх сыновей – Сима, Хама и Иафета».[8] После потопа именно их потомство наполнило собою мир (родословная сынов Ноя приводится в 10-11 главах). Египет здесь назван «Сыном Хама», дорийцы (то есть греки) – сыновьями Иафета, а еврейский народ возводится к потомкам Сима.

Знаменитый иудейский учёный, военный и государственный деятель первого века от Рождества Христова Иосиф Флавий в своём сочинении «Иудейская война» сопоставил греческие названия с библейскими. Согласно ему, семь сыновей Иафета поселились в горах Малой Азии, откуда их потомство распространилось к северу до реки Дон и к западу. Таким образом, по Иосифу Флавию, Европа была заселена исключительно потомками Иафета. Фактически, ученый скомбинировал еврейскую генеалогическую историю и греческую географию. Однако он упоминает сам термин «Европа» лишь один раз, говоря что «вся Европа» была тесна для войска Ксеркса.[9]

Древние христианские апологеты также, как правило, избегали говорить о «Европе», так как хорошо чувствовали языческую традицию, стоящую за этим понятием. В частности, Татиан в «Слове к эллинам» говорит: «Осуждаю я и Пифагора, водрузившего Европу на быке, и вас, почтивших Зевсова обличителя ради его искусства».[10] Татиан развенчивает мифологические представления греков со всеми «непристойными нелепостями» вроде похищения Европы. Он убежден, что Моисей жил ранее древних греческих героев, а значит, ему «должно верить более, нежели эллинам, которые, не признавая того, заимствовали у него учение». Другой ранний христианский апологет, Афинагор Афинянин в своем «Прошении о христианах», представленном, вероятно, Марку Аврелию и сыну его Коммоду около 176 года по Р.Х., гневно вопрошает (несмотря на характер послания): «Какое отношение имеет Европа ... к земле и воздуху, так чтобы нечестивое совокупление ... Зевса было соединением земли и воздуха?».[11] Ему вторит Св. Аристид: «Зевс ... превращается в животных, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. По их представлениям, он преобразился в быка для Европы».[12] Таким образом, можно утверждать, что ранним христианам само слово «Европа» казалось мало пристойным. Они предпочитали говорить о «доле Иафета» или прибегать к эвфемизмам другого рода.

Ситуация не меняется радикально вплоть до V века. Св. Иероним Стридонский (348-420), выполнивший знаменитый латинский перевод Святого Писания (известный под именем Вульгаты), во многом опирался на данные Иосифа Флавия, когда писал свои сочинения о еврейской топографии и еврейских именах (хотя первое было переработкой «Ономастикона» Евсевия, а второе – переработкой Филона при использовании трудов Оригена). Все свои прочие сочинения Св. Иероним скромно перечислил в своем же произведении «О знаменитых мужах».[13] Однако вывод, сделанный им, вполне оригинален: он нашел в текстах Библии пророчество о победе потомков Иафета над потомками Сима, то есть европейцев над иудеями: «да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему».[14]

Святой Августин (354-430) в своём труде «О граде Божием» пошёл ещё дальше – он трактует имя «Иафет» как «расширение», «распространение»: «Ибо Иафет в переводе значит “Широта”».[15] Следовательно, христиане-европейцы в качестве потомков Иафета не только возобладают над семитами и хамитами, но и распространятся по всему миру. Впрочем, согласно собственным представлениям Св. Августина, Азия, Европа и Африка занимают лишь половину мира, а другую половину – «Великое Море».

Павел Орозий, известный историк-хроникёр, был учеником Св. Августина и деятельно помогал тому в борьбе с еретиками. По настоянию своего учителя он и написал около 417 года свое главное сочинение «История против язычников», всемирную хронику от Адама до своего времени, первую систематическую попытку христианской общей истории. Он полагал, что река Танаис (Дон) обозначает границу Европы и Азии, но о размерах континентов точного понятия не имел (в частности, считал, что Африка меньше Европы): «Европа берет начало ... близ областей севера, от реки Танаис, там где Рифейские горы, протянувшиеся от Сарматского океана, изливают реку Танаис, которая ... питает водами Меотидское озеро, бесконечные воды которого возле города Феодосии вливаются в Понт Эвксинский. После этого те воды близ Константинополя надолго зажимаются в теснины, пока их не примет то море, которое мы называем «Нашим». Пределом Европы является западный океан в Испании, там, где ... находятся Столпы Геркулеса, и где океанские валы вливаются в горловину Тирренского моря».[16]

Орозий следует, по всей видимости, за Помпонием Мелой, утверждая, что Рифейские горы (то есть Урал) изливают Танаис (Дон) – и это первая явная ошибка. Под «Сарматским океаном» понимается Северный Ледовитый (в другом месте Сарматский океан отождествляется с Северным, а вообще Орозий приводит названия двенадцати океанов, часть которых дублируется). Повторяет Орозий и ставшую уже традиционной географическую ошибку, смешивая Танаис с Яксартом. Зато термин «Европа»

употребляется уже свободно, с достаточной частотностью. Описание Европы только в первой книге приводится дважды (сначала только кратко обозначаются границы, а потом указываются все известные тогда страны и народы), причем Европа и Азия называются «величайшими и могущественнейшими частями земли».

Ранние средневековые авторы в один голос повторяли, что Сим получил Азию, Хам – Африку, а Иафет (Яфет) – Европу. Так, Исидор, архиепископ Севильский, (570-636) дал картину мира, вполне аналогичную той, что предлагал еще Св. Августин за 200 лет до этого. На его карте мир разделен на три части: Европа занимает менее четверти, от Африки ее отделяет «Большое море» (то есть Средиземное). Меотидское болото (Азовское море) нарисовано между Средиземным морем и рекой Танаис (Доном), отделяющим Европу от Азии. Вокруг всех трех континентов простирается Море-океан. Надписи дублируются: Азия-Сим, Африка-Хам, Европа-Яфет. Наверху расположена самая большая (и важная) часть света – Азия, Африка почти в два раза меньше, но все равно несколько превосходит размерами Европу. Так христианская традиция, ассимилировавшая иудейскую и греческую духовную культуру, связала эпоху Древнего мира со Средневековьем.

Следует помнить, что в Римской империи еще не вставал вопрос о значимости «европейской идентичности» как чувства единства, разделяемого всеми европейцами. Само основание Римской империи никогда не воспринималось как «европейская экспансия». Даже ожесточенное противостояние Рима и Карфагена не интерпретировалось как столкновение Европы и Африки. Понятие «Европа» было нейтральным, в лучшем случае – «родным». Так, Плиний Старший в своем «Естествознании» называет Европу «самым очаровательным континентом» и закрепляет за ней добрую половину мира (а не треть). Упоминает он и пресловутый миф о Европе. [17] Эта работа – шаг назад в сравнении с достижениями эллинистических географов. Плиний воспекает Европу за то, что она воспитала народ, который покорил «все другие народы», но не разделяет при этом строго Европу и Азию и не признает никаких различий в темпераменте населения и в политических системах, как это делал Гиппократ. Концепция «континента свободы» в эпоху империи себя исчерпала: можно было лишь, подобно Страбону, прославлять свободу континента от чужеземных захватчиков. Свои, «европейские», как говорится, не в счет.

Понятие «Европа» не пользовалось успехом не только у ранних христиан – многие известные римские писатели его также фактически игнорировали. Так, Тацит употребляет слово «Европа» во всех своих многочисленных произведениях лишь один раз: «... греки расположили Бизантий на самом краю Европы, там, где пролив, отделяющий Европу от Азии, наиболее узок».[18] И это автор «Анналов» и «Истории»! Зато понятие «Германия», к примеру, встречается у него постоянно и в разных значениях: как часть центральной и северной Европы, населенная германскими племенами; как римская провинция Верхняя Германия (в верхнем течении Рейна) и как римская же провинция Нижняя Германия (в нижнем течении Рейна соответственно). Отсюда можно сделать вывод, что судьба Германии (римской и не римской) тогда представляла для историка куда больший интерес, чем абстрактная и практически неразработанная «европейская идея».

Итак, древнегреческая концепция Европы как «континента свободы» весьма рано потеряла актуальность – в связи с зарождением евразийской идеологии в трудах Аристотеля, а также с преобладавшими взглядами эллинов, римлян и иудеев на положение Европы в Древнем мире. Следует, видимо, заключить, что в Римской империи Европа уже никем не воспринималась ни как «континент свободы», ни как некое самостоятельное геополитическое пространство.[19]

«Римская идея» - это идея мирового государства, обеспечивающего всеобщий мир и порядок. В истории Европы эта идея неоднократно находила реальное воплощение, причем как в собственно имперских государственных структурах, так и в форме теократии. Среди имперских вариантов «римской идеи» следует назвать, прежде всего,

концепцию «второго Рима» как идеологического фундамента Византийской империи, концепцию «Новой Европы» (империи Каролингов), а также идею «Священной Римской империи германской нации». Сюда же следует отнести и широко известную любому россиянину концепцию «Москва - Третий Рим», и национал-социалистическую доктрину «Третьего Рейха», и новомодный «Рах Americana».

Как известно, император Константин I (306-337) перенес столицу ещё единой тогда Римской империи в город Византий, переименованный в Константинополь. Отсюда и позднейшее название Восточной Римской империи - Византия. При Константине Христианская Церковь стала государственной. Именно в IV веке христианство из религии гонимого меньшинства превратилось в веру большинства населения Римской империи. По нашему мнению, это означает рождение Христианской метацивилизации. Под "метацивилизацией" мы понимаем совокупность двух или более родственных цивилизаций, основанных на общей для них мировой религии, впитавшей в себя философские традиции.[20]

В 395 году Восточная Римская империя окончательно обособилась от Западной. Это обстоятельство послужило (по нашему мнению) первой предпосылкой зарождения в рамках ещё единой Христианской метацивилизации двух братских цивилизаций: Западно-христианской и Восточно-христианской. В 476 году Западная Римская империя сошла с исторической сцены. Восточной же было отпущено еще почти тысячелетнее существование. Постепенно сформировалась и концепция "Второго Рима", пришедшего на смену "Первому", покоренному варварами. После периода нестабильности и междоусобной борьбы во главе Восточной Римской империи встал Юстиниан (527-565), правитель сильный и мудрый. Он оставил неизгладимый след в области законодательства. Кодекс Юстиниана был принят всем Христианским миром и стал основой юридической жизни средневековой Европы. Таким образом, Юстиниан заложил основы правового единства европейских государств.

Заветным желанием императора было возрождение славы Древнего Рима на новой, христианской основе. Но, чтобы восстановить Рах Romana требовалось подчинить земли бывшей Западной империи. Только так можно было воплотить "римскую идею" в жизнь. И полководцы Юстиниана отвоевали Северную Африку у вандалов, Италию – у остготов и часть юго-восточной Испании – у вестготов. Империя снова включала, как и Древний Рим, территории Европы, Азии и Африки. Но именно поэтому, нельзя рассматривать эти завоевательные походы в качестве попытки объединить Европу. Речь шла именно о восстановлении единства Христианского мира.

Успехи Юстиниана талантливо описал его современник, историк Прокопий Кесарийский. Но он же зафиксировал и первые признаки упадка империи – массовое вторжение в пределы государства славянских племен: «В это время славяне ... получили полную возможность беспрепятственно вторгаться в пределы империи».[21] Прокопий восхищался не только военным гением Юстиниана, но и его созидательными усилиями. В частности, в трактате "О постройках" воздается хвала знаменитому собору Святой Софии, который после освящения 27 декабря 537 года стал символом Христианства. Прокопий часто упоминает Европу: "Средиземное море, начинаясь от океана и от берегов Испании, на левой стороне образовало землю Европы". Но понятию "Европа" придается лишь географический смысл. После смерти Юстиниана, практически восстановившего универсальное римское государство, Восточная Римская империя постепенно приходит в упадок, её территория постоянно сокращается. К началу VIII века Византия окончательно превратилась в "евразийское" государство, держащее восточную границу европейского геополитического пространства и граничащее с миром ислама.

Со времени Разделения Церквей (1054 год) установились откровенно неприязненные отношения между Византией и западноевропейскими странами. Греки ненавидели Рим как источник ереси, свидетельством чему, по их мнению, было пресловутое исхождение Святого Духа и от Сына (filioque). К этому примешивались обиды на крестоносцев,

поруговших греческие святыни. Таким образом, латиняне рассматривались на Востоке Европы как вполне чуждая сила. Произошло окончательное обособление Восточно-христианской цивилизации. Однако чисто политические соображения иногда заставляли византийских императоров вспоминать об общехристианских ценностях и даже помышлять о соединении Церквей. Так, первый император из династии Палеологов, Михаил VIII (1224-1282) заставил Византийскую Православную церковь заключить в 1274 году в Лионе унию с Римом. Сам Михаил Палеолог, его сын Андроник и греческое духовенство обещали признавать первенство Римской церкви и выразили полную покорность папе.[22] Но наибольшие политические выгоды извлек из Лионской унии именно византийский император. Под давлением папы Карл Анжуйский, уже овладевший Неаполем и Сицилией, был вынужден заключить мир с Византией. Само же дело соединения церквей на Востоке не было прочным. В массе своей греки не принимали унию, и вскоре в Риме об этом узнали. Папа Николай III (1277-1280) прислал в Константинополь легатов, которым поручил настоять на полном введении унии с принятием латинского чтения символа веры. Император оказал послам глубокое почтение, показал им тюрьмы, полные противников унии, и даже отослал двоих таких на суд к папе. Кстати, папа возвратил их без наказания. Кроме всего прочего, Михаил Палеолог приказал составить от имени греческого духовенства грамоту с поддельными подписями епископов. Вполне успокоенный, папа заключил с императором тайный союз против Карла Анжуйского. Но в 1281 году на папский престол вступил Мартин IV. Получив убедительные доказательства того, что реальной унии в греческой церкви нет, он с презрением отослал послов императора, а его самого отлучил. Михаил Палеолог, раздраженный действиями папы, запретил поминать его при богослужении, но унию все-таки формально не уничтожил. Карл Анжуйский, возобновивший войну с Византией, был разбит. За это византийский император ещё раз был отлучен от церкви. А со смертью Михаила Палеолога в 1282 году прекратила действие и Лионская уния. Новый император встал на сторону православных - начались преследования униатов.

Ещё одна серьёзная попытка религиозного сближения Запада и Востока Европы относится к 1439 году. Она также была предпринята по инициативе византийского императора. Когда империя была окончательно стеснена османскими турками, Иоанн VI Палеолог (1425-1448) решил обменять независимость Византийской Православной церкви на военную помощь от западных государей и начал переговоры с папой Евгением IV. В конце 1437 года в Феррару отправились сам император, константинопольский патриарх Иосиф, а также уполномоченные от других восточных церквей, ряд греческих епископов и – самое интересное - митрополит Московский и Всея Руси Исидор, с которым прибыли суздальский епископ Авраамий и около ста других духовных и светских лиц из русских земель. Вспомним, что Московия еще формально находилась под игмом Золотой Орды, да и объединение Руси еще было далеко до завершения. 8 октября 1438 года папа, по соглашению с императором, открыл собор. Целых пятнадцать заседаний прошло в спорах о "filioque". Меж тем в Ферраре появилась чума, и собор пришлось перенести во Флоренцию. Здесь восточные отцы под давлением императора согласились и на латинское чтение символа, и на признание главенства папы. Был составлен Акт соединения церквей, который подписали все восточные епископы, кроме Марка Эфесского. Однако, по приезде в Константинополь те же греческие епископы, которые согласились на унию во Флоренции, отказались от нее, заявив, что действовали по принуждению. Вокруг Марка Эфесского сгруппировались все противники унии. Патриархи александрийский, антиохийский и иерусалимский созвали в 1443 году в Иерусалиме свой собор, где произнесли отлучение на униатов. Константинопольские же патриархи с трудом проводили дело соединения церквей в Византии. А не получив от Запада ожидаемой военной помощи против турок, византийцы утратили к унии всякий интерес. На соборе в Константинополе в 1450 году униат Григорий Мамма был низложен и на патриарший

престол возвели ортодокса Афанасия. Через три года Византийская империя прекратила свое существование.

Интересно отметить, что присутствие на Ферраро-Флорентийском соборе представителей Русской Православной церкви свидетельствовало о том, что русские земли, все ещё находившиеся под татаро-монгольским игом, все же рассматривались на Западе как часть Христианской Европы. Судьба же русского митрополита Исидора, подписавшего унию, была воистину удивительна. Он старался честно служить московским великим князьям. Так, по пути на Собор, он искусно изъясил Псков из ведения новгородского епископа и переподчинил Москве. Исидор не придавал большого значения догматическим и обрядовым различиям Западной и Восточной Христианских церквей, поэтому принял унию сердцем и начал ревностно проповедовать её в звании кардинала и папского легата. Однако в Москве после провозглашения Акта унии и поминания на литургии папы Евгения митрополит Исидор был взят под стражу. Он бежал и после различных приключений достиг Рима. В Москве его признали еретиком и низложили, зато в Италии Исидор пользовался большим авторитетом, слыл разносторонне образованным эрудитом и снискал благоволение ряда пап. Он умер в 1463 году титулярным Константинопольским патриархом и старейшим кардиналом.

Пожалуй, уния 1439 года была последней попыткой Римско-католической церкви включить в свою сферу влияния Московское княжество с тем, чтобы объединить под началом Рима всю Христианскую Европу. Впоследствии заключались и другие союзы христиан византийского обряда с Римом: Брестская уния 1590 года, Ужгородская уния 1646 года, уния в Альба Юлия (Трансильвания) в 1697 году. Но к тому времени силу набрали различные протестантские церкви, так что даже полное соединение Католического и Православного культурных миров не означало бы единства всей Христианской Европы.

Широко известно, что византийское наследие – важнейшая составная часть русской культуры. Мы не будем здесь останавливаться на концепции "Москва - Третий Рим", разработанной старцем Псковского Елеазарова монастыря Филофеем в начале XVI века. Следует лишь отметить, что на звание "Третьего Рима" были и другие претенденты. А теперь возвратимся в раннее средневековье, когда о "Европе" и "европейцах" упоминали сравнительно редко. В 769 году Исидор Младший писал об армии европейцев, сражавшихся против арабов (то есть не европейцев, пришельцев из Азии и Африки). Примерно с этого времени Европа и начинает противопоставляться Азии и Африке как Мир Христианский – миру ислама. На рубеже VIII-IX веков империя Каролингов была самым крупным государством в Западной Европе. Франкский король Карл Великий (768-814), по имени которого и стала называться династия, присоединил к своим владениям в 774 году Северную и Центральную Италию с Вечным городом. Папа Адриан (772-795) оказал победителю лангобардов почести, подобавшие лишь византийским императорам. На Пасху 774 года папа и король поклялись в обоюдной верности на могиле апостола Петра. Адриан получил от Карла Южную Тоскану, Перуджу, Равенну и некоторые земли Центральной Италии. Присоединенные к Римскому герцогству, они в совокупности и образовали Папское государство. Именно с этого времени и начинается независимость папы от императора Византии.

Знаменитый французский мыслитель А.Сен-Симон писал: "Карл Великий понимал, что многочисленное население целой части света с прилегающими островами, составленное из многих наций ... не может быть подчинено одному правительству. Он также понимал, что эти различные народы, занимающие смежные территории, неизбежно будут постоянно воевать между собой, если их не связать общими идеями... Он понимал, что религия есть моральный кодекс, общий для всех европейских народов, и что административный орган, составленный из служителей этой религии, должен иметь характер общего учреждения. Наконец, он понимал, что нужно дать религии и главам духовенства независимость, а, следовательно, освободить их от непосредственного

подчинения какому бы то ни было национальному правительству. Таковы были мотивы, побудившие его представить папе верховную власть над Римом и его территорией".[23]

Сен-Симон объявил Карла Великого истинным основателем европейского единства, связавшим все европейские народы религиозными узами с Римом и давшим Вечному городу независимость от всякой светской власти. Эту мысль развил выдающийся английский мыслитель Арнольд Тойнби: "Более детальный анализ этого исторического периода позволяет определить истинное имя нашего общества. Поскольку на земли эти распространялось духовное владычество папы, то их можно назвать "западным христианством"; с другой стороны, это были владения Карла Великого – так называемое франкское государство Австразия, а, следовательно, правомочно название "мир франков". Это "франкское" имя не является во всех отношениях подходящим ... В то же время это имя, будучи собирательным, является единственным общим именем, которое употребляется для обозначения всего нашего сообщества ... к разделению нашего общества на отдельные национальные группы мы относимся как к великому делению человечества и, употребляя такие определения, как "французы", "англичане", "немцы" и т.п., забываем, что это всего лишь подразделения единой группы внутри единой семьи". [24] Словом, по мнению Тойнби, Западная цивилизация родилась в 775 году именно благодаря трудам Карла Великого.

В 795 году королевство франков уже достаточно укрепилось. Карл начал считать себя не только франкским королем, но и повелителем Запада Христианского мира. До этого времени Восточная Римская империя помогала папе сохранять единство христиан, и западные государи всегда признавали это право. Теперь подобные же почетные обязанности принял на себя и Карл. С политической точки зрения он уже сравнился с императорами Византии. Но не хватало юридического закрепления данного положения дел. И вот, используя внутренние трудности папы Льва III (795-816), вызвавшего недовольство римской знати, Карл добился в 800 году коронации императорской короной. В "Лоршских анналах" читаем: "так как в стране греков прекратилась династия императоров и власть над ними была в руках женщины, апостолическому Льву и всем святым отцам ... стало ясно, что Карл, король франков, который владеет самим Римом, где всегда пребывали императоры, а также обладает и другими владениями в Италии, Галлии и Германии, должен именоваться императором ... Король Карл не хотел отказывать их просьбам, но ... в то же Рождество ... принял титул императора вместе с посвящением от господина папы Льва".[25]

Таким образом, в Вечном городе в ночь на Рождество Карл Великий стал императором Рима. Трудно переоценить этот факт, усиливший единство Запада, но одновременно углубивший трещину в отношениях с Христианским Востоком. Византийские императоры, почитавшие себя единственными преемниками Древнего Рима, полагали некоторое время Карла выскочкой и почти что самозванцем. Но могущество франкской империи было столь велико, что в 812 году император Востока был вынужден признать новый титул властелина Запада. На целое столетие правления Каролингской династии "Новая Европа", как часто величали тогда Латинский Запад, стала политически стабильной. Хронисты Карла Великого действительно нередко называли его "отцом Европы" (*pater Europae*) или "королем Европы" (*rex Europae*). Эйнхард, самый чтимый из всех приближенных двора того времени, в своей книге «Жизнь Карла Великого» не скупится на похвалы своему государю. Нитхард, автор «Истории в четырех книгах», утверждает: «Когда Карл, славной памяти император, заслуженно названный всеми народами Великим, скончался ..., всю Европу он оставил после себя, наполненную всяческими благами». [26] Таким образом, оформилось "узкое" понимание границ "Новой Европы": под "Европой" чаще всего подразумевалась только лишь "Западная Европа", "мир франков". "Европа Каролингов" как идея дожила до середины XX века. В частности, генерал де Голль неоднократно упоминал о Европе Каролингов в связи с западноевропейской интеграцией.

Однако сама империя Карла Великого оказалась довольно непрочной. Уже его сын и преемник Людовик Благочестивый (814-840), прославившийся щедрыми дарами в пользу Церкви, разделил в 817 году свои владения между сыновьями, сохранив лишь верховную власть. За этим последовал ряд новых разделов и, наконец, в 843 году сыновья Людовика, собравшись в Вердене, заключили договор об окончательном разделе империи. Данное соглашение положило начало существованию трех современных государств: Франции, Германии и Италии. Заметим, что их объединение в Европейский Союз означало именно "интеграцию" в изначальном смысле данного слова - а именно, "воссоединение", "восстановление утраченного единства". Западно-Франкское королевство, включавшее основные территории будущей Франции, досталось при разделе Карлу Лысому, младшему сыну Людовика. На этих землях господствовал романский язык, легший в основу французского. Средний из братьев, Людовик Немецкий, завладел областями, лежащими к востоку от Рейна и к северу от Альп, население которых было чисто германским. Наконец, Лотарь, сохранивший по старшинству императорский титул, воцарился в Италии. В его государство вошли также земли, расположенные вдоль Рейна, со смешанным населением. В XX веке на этих землях, получивших название Лотарингия, роятся многие активные сторонники западноевропейской интеграции, такие как Робер Шуман и Конрад Аденауэр. Видимо, они подсознательно ощущали себя подданными Европы Каролингов.

Дьякон Лионской епархиальной церкви Флор Лионский в "Жалобе о разделе империи", созданной в середине IX века, писал: "Франкская нация блистала в глазах всего мира ... Но теперь, придя в упадок, эта великая держава утратила сразу и свой блеск и наименование империи: государство, недавно еще единое, разделено на три части, и никого уже нельзя считать императором".[27] Постепенно блекла идея единства времен Карла Великого. Европейские народы стали жить независимо друг от друга. Люди ощущали, что они находятся во власти местных феодалов, а отнюдь не императора. Только Католическая Церковь еще поддерживала духовную связь западноевропейских народов. Имперское единство отчасти удалось восстановить лишь Оттону I Великому, правившему Германией с 936 года. После объединения своей собственной страны он, по просьбе папы Римского, вторгся в Италию и захватил её северную часть, а также Ломбардию и Тоскану. 2 февраля 962 года Оттон I короновался императором в Соборе Святого Петра. В это время термин «Европа» в источниках вновь упоминался лишь в чисто географическом смысле. Так, Рихер Реймский в своей «Истории» (созданной в 991-998 годах) пишет: «... мир ... разделен на три части, а именно на Азию, Африку и Европу. Первая из них с севера, через восточные области и до юга снаружи ограничена Океаном, изнутри же – Рифейскими горами до самой середины земли, Танаисом, Меотидой и Средиземным морем отделена от Европы ... Африка и Европа, окруженные снаружи с юга на север Океаном, разделяются вторгшимся между ними Средиземным морем». [28] Никаких намеков на то, что Оттон I стал «королем Европы», нет и в помине. Правда, надо учесть западнофранкское происхождение автора, который не мог не жалеть о потере Францией значения центра империи (как это было при Карле Великом). Теперь короли западных франков формально ставятся ниже императоров из династии Оттонов. Однако новая империя ещё долго называлась Германской или Тевтонской, пока в XII веке не получила имя "Священной Римской империи германской нации".

Внук первого германского императора Оттон III способствовал избранию папой своего старого учителя Герберта из Рийяка, принявшего имя Сильвестра II. Новый папа сумел вернуть престолу апостола Петра прежние представления о единой и вселенской Церкви. Одновременно получила широкое распространение и "римская идея". В конце X века Оттон и Сильвестр пользовались на Западе большим авторитетом. Однако постепенно набирала силу феодальная система. В 1002 году римляне, стремясь к полной независимости, изгнали императора из Рима. Он умер совсем молодым, в 22 года. Стало казаться, что идея империи начала изживать себя. Но в XI-XII веках, несмотря на все

внутренние противоречия и национальную разнородность, империя сумела добиться значительного территориального расширения. Германские императоры активно стремились к господству над всей Европой, что в итоге и получило выражение в идеологии "Священной Римской империи". В 1033 году Фридрих Барбаросса из дома Штауфенов осмелился бросить вызов власти папы Римского, разработав проект Великой Германской империи. В 1181 году была присоединена Померания, и к началу XIII века "Священная Римская империя германской нации" представляла собой весьма значительное государственное образование.

Фридрих II (1220-1250) присоединил к империи Сицилийское королевство. В сущности, он и был изначально не германским, а сицилийским королем. Унаследовав в 1212 году Королевство Обеих Сицилий, что в Южной Италии, он лишь затем попал на императорский трон. Именно поэтому при нем "Священная Римская империя" перестала выражать интересы "германской нации". У Фридриха II была совсем другая цель – господство над всей Европой, то есть воплощение в жизнь "римской идеи". При этом император сам способствовал политическому усилению немецких князей и распаду единого Германского королевства. Таким образом, Фридрих оказался во главе эфемерного объединения феодально раздробленной Италии и распадавшейся на княжества Германии. В 1254 году Германское королевство окончательно распалось на мелкие территориальные княжества. Самым крупным образованием в пределах Священной Римской империи оказалась Богемия (Чехия). Прага долгое время служила столицей империи (с 1346 г.), почему и стала - в конце концов - одним из самых красивых городов средневековой (и современной) Европы.

Границы "Священной Римской империи германской нации" стали постепенно сужаться. Папская область, напротив, увеличилась и в начале XIV века окончательно вышла из состава империи. Франция, усиливаясь, все более теснила империю на западе. Правда, на северо-востоке Силезия и еще кусочек Поморья (Померании) вошли в начале XIV века в состав "Священной Римской империи". Но к концу этого века империю теснила уже и Венецианская республика, особенно разросшаяся в XV-XVI веках. В конце XV века усилилась и Венгрия. Не претендуя на "передвижку" границы империи, венгерские короли владели в пределах имперских земель Лужицами, Силезией, Моравией, частью Австрии, Штирии и всей Карниолой. Последний всплеск могущества "Священной Римской империи" связан с именем Карла V, защитника католической веры в смутное время Реформации, создателя испанской колониальной империи. Как король Испании он носил имя Карл I. В 1516 году Карл стал королем Обеих Сицилий, а в 1519 году его короновали императором Священной Римской империи. Под рукой императора оказались огромные территории в Западной и Центральной Европе. Карл V вынашивал планы объединения христиан под светской властью империи и духовной – Римско-Католической Церкви. На Аугсбургском рейхстаге 1530 года он отверг "Аугсбургское исповедание", документ, составленный соратником Лютера Филиппом Меланхтоном и излагавший основы лютеранства. В ответ протестанты отказались признавать императорскую власть. Начались долгие войны, в которых войска Карла V одержали победу. В состав имперских земель на северо-западе вошла Фландрия. Но империя оставалась беспокойной и слабо управляемой.

25 сентября 1555 года на новом Аугсбургском рейхстаге было подписано мирное соглашение, которое признавало лютеранство наряду с католицизмом официальным вероисповеданием. Был утвержден принцип "чья страна, того и вера". Перспектива устранения разногласий между христианами исчезла. Разочарованный Карл V отрекся от престола и удалился в монастырь, где и умер в 1578 году. Получалось, что он напрасно провел свою жизнь в походах и почти не знал отдыха. Грандиозный план создания мировой католической империи рухнул, несмотря на многочисленные военные и внешнеполитические успехи Карла. С этих пор рост «Священной Римской империи» в каком-либо направлении совершенно прекратился и начался быстрый процесс её сужения.

Дания с севера, Франция с запада все более сокращали территорию «германской нации». В связи с Реформацией империя потеряла к середине XVII века практически все свои итальянские владения, из нее вышли также Швейцария и Нидерланды. К концу этого века Франции удалось захватить Страсбург. Правда, Дания немного отступила, оставив Гамбург за империей. В дальнейшем пересмотру подвергалась преимущественно западная граница «Священной Римской империи» - и всегда в пользу Франции. Самые существенные потери империя понесла от Французской революции, когда даже Кельн и Кобленц стали французскими. А затем Наполеон образовал «Рейнскую Конфедерацию» и окончательно похоронил этим «Священную Римскую империю». Её восстановление в эпоху Реставрации оказалось невозможным.

Священная Римская империя долгое время конкурировала с Католической Церковью в борьбе за власть в западноевропейском и центральноевропейском регионах. Императоров вдохновляла идея о том, что господство над Римом обеспечивало империи универсализм, придавало ей ореол «Священной» и «Вселенской». По мнению некоторых западных, преимущественно немецких, исследователей, империя воплощала не только «идеалы германской нации», но и «общеевропейские интересы». Однако даже в период апогея её могущества власть империи в пределах Западной и Центральной Европы была весьма ограниченной. Империя не смогла полностью подчинить себе ни Польшу, ни Венгрию, ни Данию, ни тем более Англию. Попытки германских императоров установить свое господство над славянскими и прибалтийскими народами также не увенчались полным успехом. В целом, императорский вариант стремления к универсализму был много ограниченной по средствам церковного, ибо Католическая Церковь располагала агентами (как священниками, так и мирянами) во всех тех европейских землях, где не чувствовалось никакого влияния Священной Римской империи. Ю.А. Борко не без оснований утверждает: «Священная Римская империя с самого начала была рыхлым и неустойчивым образованием, конгломератом феодальных государств и владений, связанных между собой сложными отношениями вассальной зависимости, непрерывно ссорящихся и с трудом терпящих своего верховного сюзерена – императора. Фактически его власть превратилась в фикцию уже в середине XIII в. Так что реальная роль империи как проводника «европейской идеи» была очень незначительной, если не нулевой».[29]

В связи с вышесказанным любопытно отметить, что идеологическое обоснование политическая практика Священной Римской империи получила только в начале XIV века. Немецкий историк Энгельберт Д'Адмонт в своем сочинении «О происхождении и упадке Римской империи» (1307-1310) доказал необходимость единой империи в Европе. Он рассматривал императора как высшего арбитра для сохранения мира.[30] Но наибольший вклад в развитие имперского варианта «римской идеи» внес Данте Алигьери (1265-1312), великий итальянский мыслитель и литератор. В трактате «Монархия», написанном в 1312-1313 годах, он заложил основы светского толкования "европейского единства". Данте считал монарха во главе единой империи (мирового государства) истинным гарантом мира в Европе. Этот государь должен был олицетворять христианские добродетели, справедливость, свободу и благополучие. Для Данте мир - это, прежде всего, Христианский Мир, а единая Европа - христианская империя. Защищая светскую императорскую власть, он писал: «Светская монархия, называемая обычно империей, есть единственная власть, стоящая над всеми властями во времени и превыше того, что измеряется временем». Начиная с Данте, идея общеевропейского государства тесно связывается с задачей установления всеобщего мира. Ибо, по мнению Данте, монарх уже достиг господства над всеми народами, и у него нет причин стремиться к новым завоеваниям. Таким образом, итальянский мыслитель стоял у истоков пацифистского понимания «римской идеи».

Согласно Данте, власть империи не зависит от наместника Бога, так как она зависит от самого Бога. В этой связи приводится идея о разделении властей: «Для человека нужно двойное руководство, а именно со стороны верховного первосвященника, который в

соответствии с откровениями вел бы род человеческий к жизни вечной, и со стороны императора, который в соответствии с наставлениями философскими направлял бы род человеческий к земному счастью». Данте пришел к выводу, что именно император Священной Римской империи и есть наместник Бога на земле. Папе же он предоставил заботу о жизни вечной, наступающей после жизни земной. Таким образом, «светская власть монарха без всякого посредства нисходит в него из источника власти Вселенской». [31] Но как бы высоко не превозносил Данте власть императора, власть Христианской Церкви в средние века была не только более универсальной, но и более действенной. В конце концов, все имперские варианты «римской идеи» меркли в сравнении с теократическими концепциями, определявшими сам дух времени.

Теократические концепции в Европе восходят все к той же «римской идее», представляя собой её церковные варианты. Безусловно, теократии существовали (и до сих пор благополучно существуют) во многих государствах Востока. И там они никакой связи с «римской идеей» не имели и не имеют. Иначе сложилась ситуация в Европе. Здесь на реальную власть претендовали папа Римский, Вселенские церковные соборы [32] и Вселенский патриарх. Все они - так или иначе - опирались на римскую имперскую традицию, христианское Священное Писание и Предание, обосновывая свои притязания на роль объединителей Европы. При этом ярче всего теократическая идеология проявила себя в Западной и Центральной Европе, а её главными проводниками стали епископы Рима. Духовный авторитет Римского епископа как наследника апостола Петра был признан ещё в I веке, о чем свидетельствует "Послание Святого Климента к коринфянам", читавшееся в древней Церкви на богослужениях. Во II веке авторитетом епископа Рима утвердилась традиция празднования христианской Пасхи в воскресенье, а не в любой день недели в соответствии с Пасхой еврейской. Уже Первый Вселенский собор 325 года предоставил папе Римскому первое место "по преимуществам чести". [33] Однако вначале епископ Рима являлся лишь митрополитом Италии, причем его административные полномочия простирались только на центральную и южную части Апеннинского полуострова. [34]

Юрисдикция епископов Рима вне пределов Италии документально подтверждается лишь при Св. Дамасе I (366-384), назначившим своим викарием в Иллирии Асколия, митрополита Фессалоникийского. С именем Дамаса связано и наименование кафедры Римских епископов – "Апостольский Престол", которое он впервые использовал в своем послании испанским епископам около 375 года. Дамас пользовался авторитетом не только на Западе, но и на Востоке. Сам Св. Василий Великий в письме просил его своим вмешательством положить конец схизме в Антиохии. При Дамасе состоялся Второй Вселенский Собор (381) в Константинополе, где была принята новая редакция Символа веры. На данном Соборе был принят и Третий канон, согласно которому епископу Константинопольскому предоставлялось первенство чести сразу после епископа Рима. [35] Но Св. Дамас так и не признал этот канон. В 382 году он писал: «... святая Римская Церковь возвышена над другими Церквами не постановлениями, но словами Спасителя, Господа нашего, записанными в Евангелии: «Ты, Петр, и на этом камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет разрешено на небесах». [36] С Римом соединена также память святого апостола Павла ... Таким образом, первый престол апостола Петра – это Римская Церковь, не имеющая ни пятна, ни порока ... [37] Второй престол – это Александрия ... Третий престол – это Антиохия ...». [38]

Папы и в дальнейшем упорно не желали признавать Третий канон Второго Вселенского Собора, что стало первым шагом на пути к Великому Разделению Церквей 1054 года. С другой стороны, Св. Сириций (384-399) считал, что каждый уклонившийся от соблюдения установленных канонов должен быть отлучен от общения с Римом, то есть "с апостольским камнем, на котором Христос основал Свою Церковь". [39] Имя Св. Сириция связано с первыми папскими декретами. До него папские послания были лишь

частными или пастырскими, а с этого времени они приобрели законодательный статус. Средневековые канонисты определяли "декреталии" как ответ, данный папой на вопрос по частному делу, но разрешение которого может служить общим правилом. Само слово происходит от латинского "decretum" в смысле "решение". Эта законодательная практика восходит к императорским письменным ответам – рескриптам.

Первым из пап мысль о главенстве Рима в Христианском мире ясно выразил Св. Лев Великий (440-461).[40] В частности, в совсем Четырнадцатом Послании он пишет: "Хотя священство принадлежит всем епископам, но не в равной степени: и между апостолами не было равенства, все они одинаково избраны, но власть над всеми дана только одному. Согласно с этим и между епископами существует неравенство, ибо постановлено, чтобы не всякий из них претендовал на власть над всей Церковью... попечение о всей Церкви принадлежит только престолу Петра". Св. Лев был в определенной мере последователем Евсевия Кесарийского, апологета тесного союза христианского государства и Христианской Церкви. Однако Евсевий полагал, что император избран Богом и правит от Его имени, являясь его орудием и от Него получая свою власть.[41] В сознании Св. Льва великая идея Древнего Рима подверглась глубокой трансформации. Петр и Павел основали новый, Небесный Рим и совершили это более счастливо, чем Ромул и Рем. Благодаря проповеди и мученической кончине апостолов Рим чудесным образом получил отпущение грехов. И вот уже империя Св. Петра, объединяющая всех истинных христиан, превзошла империю августа. Заслугами апостолов Рим стал истинно Вечным Городом, а история древнеримской империи стала предтечей и составной частью истории Христианства, Духовного Рима. Эту идею римского патриотизма Св. Лев завещал наступавшему Средневековью, и она имела огромное значение для поднимавшейся из варварства Европы.

Св. Лев неоднократно подчеркивал, что Спаситель непосредственно передал Свою власть не всем апостолам, а именно Петру, поэтому каждый епископ Римский (как его преемник) является не первым среди равных, но представителем всего Христианского Мира. В проповеди, произнесенной во время Великого Поста в 451 г., папа сказал: "... апостол Петр ... принял ... таинственную крепость неколебимого камня, и основанная на нем Церковь обрела власть над вратами ада и законами смерти, и чтобы разрешать или связывать что бы то ни было, нет другого основания на небесах, чем то, которое утвердилось властью Петра".[42] При Льве Великом закончилось образование Галльского викариата, куда вошли южные провинции Галлии. При нем же состоялся и IV Вселенский Собор в Халкидоне (451). Но Св. Лев не признал и не утвердил 28-й канон, согласно которому Александрийская кафедра должна уступить второе место в ранге чести епископской кафедре Константинополя. Интересно отметить, что Св. Лев пользовался особым почтением на Руси. Русская Православная церковь и поныне признает его Святым. Крайне высоко ставил заслуги этого папы перед всей Христианской Церковью и знаменитый философ Владимир Соловьев.[43]

В дальнейшем влияние римских первосвященников неуклонно росло. При папе Св. Симплиции (468-483) в юрисдикцию Рима вошла Испанская церковь. Особенно активно боролся за расширение влияния Римской кафедры папа Григорий I Великий (590-604). Он рассылал по всей Европе своих миссионеров и реально претендовал на господство в Христианском Мире. Григорий Великий провозгласил папу высшим судьей по любым делам. Папа Лев III (795-816), в свою очередь, создал прецедент, в соответствии с которым папа не подлежал ничьему суду. Этому папу, обвиненного в безнравственности, в 800 году попытались привлечь к суду, для чего сам Карл Великий прибыл в Рим. Оспаривалась также законность избрания Льва на папский престол. Папа явился на суд, заявил под присягой: "Я отвергаю лживые обвинения римлян, злонамеренно преследовавших меня, ибо ничего подобного не совершал"[44], прочитал молитву и удалился. По сути, он так и не предстал пред судом, который вполне удовлетворился устным заявлением папы о собственной невинности.

Лев IX (1049-1054) предпринял первые шаги по реформе своей администрации. Начался процесс централизации управления Церковью, причем главными инструментами выступали папские послания, легаты и Соборы. Резко увеличился объем корреспонденции. В частности, в одном из посланий Льва IX излагалась история Рима, где Церковь рассматривалась как патронимия Св. Петра и его преемников, наделённых Константином императорской властью над Западом. Так называемый "Константинов дар" был поддельным документом, датированным 313 годом. Он начинался длинным отчетом об обращении Константина, его крещении и излечении от проказы. Затем описывались дары императора викарию Св. Петра: официальное предоставление ему первенства над патриархами Антиохии, Александрии, Иерусалима и Константинополя, а также над всеми другими церквями, пожалование императорских знаков отличия, а также латеранской базилики в Риме, и, наконец, передача папе императорской власти в Риме, Италии и во всех провинциях на Западе. Далее папа провозглашался не подлежащим суду мирскому. Церкви Иерусалима, Антиохии, Александрии и Константинополя назывались "дочерними", требующими "воспитания". Таким образом, Римская церковь представляла терпеливой Церковью-Матерью. Подложность "Константинова дара" доказал итальянский священник и ученый Лоренцо Валла только в середине XV века. [45]

Лев IX разделяет историческую вину за Великий Раскол между Католицизмом и Православием, Западом и Востоком Европы с кардиналом Гумбертом и патриархом Михаилом Керулларием (1043-1054). С точки зрения Православия, это печальнейшее событие в истории Церкви было вызвано непомерным властолюбием и гордыней пап, а также различными новшествами, допущенными на Западе. Так, еще в 883 году патриарх Фотий назвал исхождение Духа Святого "и от Сына" "латинской ересью". С точки зрения Католицизма, Раскол возник из-за отказа Востока признавать своего законного верховного главу, преемника апостола Петра, в лице папы Старого Рима. "Греческая схизма" в глазах католиков - также свидетельство греховной гордыни. В момент Раскола обе стороны отдавали себе отчет в серьезности последствий, но обе придавали слишком большое значение вопросу о власти внутри Церкви. Позиция папы в 1054 году была далеко не безупречна. Он стремился подчинить восточных патриархов и тем самым укрепить единство Церкви. Результат же был прямо противоположным. Как известно, кардинал Гумберт доставил в собор Святой Софии буллу, содержащую анафему Михаилу Керулларию и его приверженцам. Законность этого отлучения является спорной, так как тем временем папа Лев IX скончался и, если рассматривать дело с юридической стороны, кардинал не мог отлучать от имени усопшего папы. Патриарх Михаил Керулларий в ответ созвал Собор, произнесший анафему против папских легатов, и разослал окружное послание, предостерегавшее весь Христианский Восток от церковного общения с Римом. Папу перестали поминать при богослужениях во всех восточных церквях. Разделение Церквей состоялось.

Разрыв "тела Христова" тяжело переживался многими христианами как на Востоке, так и на Западе. Поэтому неудивительно, что именно со второй половины XI века представления о европейском единстве уже четко прослеживаются во множестве письменных источников. Борьба за единую Европу, таким образом, имела первоначально характер борьбы за воссоединение Христианской Церкви. Лев IX опирался в своей деятельности на монаха Гильдебранда. В 1059 году, уже при папе Николае II (1059-1061), этот монах, ставший впоследствии папой Григорием VII, добился на Латеранском соборе решения о новом порядке выбора пап – только кардиналами. Тем самым подрывалось влияние светских властей на Католическую Церковь. С этих пор союз Церкви и государства на Западе был разрушен, чтобы никогда впредь не восстановиться. Власть императоров пошатнулась, а влияние пап, напротив, усилилось, причем как на духовные дела, так и на светские. Николай II огласил соответствующий декрет, где говорилось, в частности, следующее: "Если кто, вопреки нашему декрету, обнародованному соборным приговором, будет избран, или же посвящен, или торжественно возведен на апостольский

престол вследствие мятежа, козней или какой-либо хитрости, тот должен считаться всеми не папою, но сатаною".[46]

Григорий VII (1073–1085) продолжил дело обновления Церкви. Он требовал, чтобы при назначении епископов и священников принимались во внимание их вера и добродетель, а не богатство и знатность. При этом смещались все, кто купил свою должность. Для этой цели использовались легаты и личные посланники папы, облеченные властью смещать епископов и священников. Григорий VII задумал полностью централизовать Церковь и подчинить её папской власти. Он детально изложил свою программу теократии в сочинении "Диктат папы". Ввиду важности данного документа следует его привести практически полностью, с минимальными купюрами: "Папа начертал: 1. Римская Церковь создана единым Богом. 2. Только Римский епископ по праву зовется вселенским. 3. Только он один может низлагать епископов и восстанавливать их. 4. Легат его на Соборах занимает первое место пред всеми епископами... и может приговаривать их к низложению. 5. Папа может низлагать отсутствующих ... 6. Ему одному надлежит ... издавать новые уставы, учреждать новые епархии, каноникаты превращать в аббатства, и наоборот, богатую епархию делить, бедные соединять. 7. Он один вправе распоряжаться знаками императорского достоинства. 8. Одному папе все князья лобызуют ноги ... 9. Он один в мире именуется папой. 10. Он может низлагать императоров. 11. Он может... перемещать епископов с кафедры на кафедру. 12. В любую церковь, куда угодно, он может ставить клириков ... 13. Ни один Собор без его соизволения не может называться Вселенским. 14. Ни одно постановление, ни одна книга не могут быть признаны каноническими без его санкции. 15. Никто не смеет отменить его решения, а сам он отменяет чьи угодно ... 16. Никто не смеет привести в исполнение приговор над взывающим к папскому престолу ... 17. Римская Церковь никогда не заблуждалась и впредь ... не будет заблуждаться. 18. Римский епископ, канонически поставленный, заслугами Св. Петра непреложно получает святость ... 19. Без Собора он может низлагать и восстанавливать епископов ... 20. Он может освобождать подданных от присяги плохим владыкам".[47]

Григорий VII стремился сделать духовенство полностью независимым от контроля светской власти. Архиепископы, епископы, аббаты и священники должны были стать людьми папы, а не императора. Доказывая верховенство пап, Григорий VII ссылаясь на все тот же "Константинов дар", центральные пункты которого были включены в новый свод канонического права. Тем самым подтверждалось "императорское" положение папы на Западе и признавалось его церковное верховенство повсюду. Однако даже этот свод законов не вполне соответствовал взглядам Григория VII. В нем указывалось, что император передал власть папе, а это отражало понимание природы власти самими императорами. Григорий Седьмой, напротив, полагал, что власть свою папы получили непосредственно от Иисуса Христа. По его глубокому убеждению, папская власть дарована папе свыше и над самими императорами. Григорий VII окончательно изменил традиционное соотношение между светской и церковной властями, покончив с идеей о том, что император – это "священник-монарх". Ранее короли и императоры претендовали на божественный викариат, проистекавший якобы из их коронации. Теперь лишь папа признавался викарием Св. Петра. Григорий VII утвердил глубинное и безусловное различие между духовенством и мирянами. Попытки императоров и королей назначать на должности епископов и аббатов отныне объявлялись не имеющими юридической силы, а виновные в их совершении отлучались от Церкви. Таким образом, император лишился священного сана и стал обыкновенным мирянином, в религиозных вопросах подчинявшимся Церкви.

Естественно, это вызвало глубокое недовольство императора Генриха Четвертого, который сам желал ставить епископов и аббатов. Началась продолжительная "борьба за инвеституру", в ходе которой папа отлучил непокорных ему епископов, а также и самого императора. Германские князья сразу же объявили, что намерены избрать нового

императора. Генрих был вынужден отправиться с покаянием в Каноссу, где в то время гостил папа. Император три дня стоял под стенами замка, прежде чем папа его принял и снял отлучение. В это время германские князья уже избрали нового императора. Но Генриху все же удалось овладеть ситуацией и одержать верх над своим конкурентом. Укрепившись, он снова стал ставить епископов и аббатов без участия папы. На синоде в Риме Григорий VII вновь отлучил Генриха. Но на этот раз император нашел достойный ответ: он избрал Виберта Равеннского "антипапой" под именем Климента III и пошел походом на Рим. Захватив полгорода, император предложил Григорию VII союз и пообещал низложить "антипапу" при условии, что состоится новое венчание Генриха императорской короной. Григорий VII отказался – он предпочел изгнание. Вскоре, 25 мая 1085 года, папа умер. Его последними словами были: "Я любил справедливость и ненавидел беззаконие, поэтому умираю в изгнании".[48]

Григорий VII черпал силу из осознания того факта, что он - преемник Св. Петра на Земле. Он первым возвестил всему Христианскому Миру, что наиважнейшей сферой в обществе является сфера духовная. В то время, как на Востоке Европы Вселенский патриарх часто был лишь главным епископом императора, на Западе после Григория императоры нередко сами склонялись перед епископом Вечного города. Григорий VII ставил папу выше не только любой светской власти, но и выше церковных Соборов, ибо согласно учению Католической Церкви именно преемнику Петра принадлежат на Земле ключи от царства небесного. Он выработал план полного подчинения всех христианских государств римской курии. На практике Сардиния и Корсика должны были перейти в собственность Церкви. Сицилия, Чехия и Венгрия "брались под покровительство". Притязания Григория VII распространялись также на Испанию, Англию, Данию и Ирландию, не считая самой Священной Римской империи. Таким образом, была выдвинута первая теократическая программа, предусматривающая создание "универсальной монархии" во главе с папой. Все христианские короли должны были принести ленную присягу апостольскому престолу, который присвоил себе право назначать и смещать не только епископов, но и светские власти - императоров, королей, герцогов. Сам факт выдвижения идеи универсальной монархии во главе с папой положил начало длительному соперничеству светских и духовных властей в Европе. Именно в этот период стали широко распространяться трактаты, утверждающие принцип единовластия и единобожия в Христианском Мире. В Послании Григория VII "Quod ad preferendos" от 15 мая 1081 года четко проводилась мысль о зависимости светской власти от духовной. Всякая власть, утверждал папа, действительна лишь постольку, постольку она исходит от главы Церкви.

В противовес притязаниям пап сторонники светской власти доказывали её историческую обоснованность, силу и божественное происхождение. Королевский судья в Равенне Петр Красс в своем сочинении "Защита короля Генриха IV" (1080-1085), ссылаясь на кодекс Юстиниана, писал, что духовная власть папы всегда зависела от светской власти короля или императора. В ответ Манегольд фон Лаутенбах выступил с "Книгой в защиту папы Григория VII", где убедительно доказывал, что Церковь как Божье установление выше государства – установления человеческого и что власть королей не основана на Божественном праве. Светские владыки, согласно фон Лаутенбаху, обладают лишь исполнительной властью. В те же годы была издана "Всемирная хроника" (или "Церковная история") Ордерика Виталия, который четко проводил в своем труде идею церковного приоритета. Появились и первые компромиссные предложения. Кельнский каноник Александр де Роэс писал, что римский народ (то есть итальянцы) получил от Бога власть над Церковью, немцы – господство над миром в делах политических и светских, а французы были дарованы превосходство в научных делах. По смыслу в первом случае имелись в виду папы Римские, а во втором – императоры.

"Борьба за инвеституру" продолжилась и после смерти Григория VII. Формально она закончилась 23 сентября 1122 года Вормским конкордатом, подписанным папой

Каликстом II (1119-1124) и императором Генрихом V. В нем признавалось, что назначение и инвеститура епископа является исключительным правом папы, но жалование бенефиций – компетенция императора. Таким образом, был провозглашен принцип разделения гражданской и церковной сфер. В 1123 году Первым Латеранским Вселенским Собором (православные данный Собор “Вселенским”, естественно, не признают) был утвержден новый церемониал папского приема: "все смертные ... лишь только предстают они пред взором первосвященника, должны трижды преклонять на определенном расстоянии перед ним колени и в честь Спасителя нашего Иисуса Христа, которого он замещает на Земле, облобызать его стопы. Император, короли, крупнейшие князья, представители князей и властителей допускаются в первую очередь к поцелую в руку и уста, прочие только к стопам ... Кардинал целуют правую руку у застежки мантии, епископы – только колени, императоры и крупнейшие князья – руку и ноги".[49] При Каликсте II право пап назначать епископов и аббатов вполне признавалось только в пределах Священной Римской империи. В других странах решающее слово на выборах часто еще оставалось за королем. Но когда епископа переводили в другую епархию или когда он снимал с себя обязанности, или когда папа лишал его должности - во всех этих случаях папа имел право назначить нового епископа. В спорных случаях решение также принадлежало Риму. Если папа усматривал в выборах ошибки юридического характера, он мог сам назначить нового епископа. Таким образом, реальная власть папы Римского постепенно росла.

Наиболее видным представителем теократии после Григория VII был папа Иннокентий III (1198 –1216). Он настойчиво добивался признания за папой первенствующей роли не только в церковных, но и в светских делах, утверждая решающую роль Церкви в мировом историческом процессе. Иннокентий III заявлял, что папа не только имеет право, но и обязан подробно изучить кандидатуру лица, предложенного на пост императора и короля римлян. Он указывал на то, что власть центрального правительства в Риме простирается "на весь Христианский мир", и поэтому правители отдельных входящих в него государств должны обращаться за разрешением своих спорных вопросов к папе. В одном из своих посланий Иннокентий III заявил: "Подобно тому, как Бог – создатель Вселенной установил два великих светила в тверди небесной..., так и в тверди Церкви Вселенской Он установил два великих достоинства – большее, дабы, подобно дням, душами руководило, и меньшее – которое, подобно ночам, руководило бы телами; таковы папское полновластие и королевское могущество. И затем – так же, как луна свет свой получает от солнца, она же меньше и количественно и качественно, но одинакова по положению и действию, так и королевское могущество от папского полновластия получает сияние своего достоинства". В другом своем послании он высказался ещё более категорично: "Папа как посредник Слова Божьего вознесен над императорами и королями".[50]

Папская власть активно развивалась благодаря апелляционному суду. Юридическая система Римско-Католической Церкви стала предметом опыта каждого человека на Западе Европы. Она детально регулировала как сферу собственно религиозной жизни, так и многие стороны жизни повседневной, обычной. От крещения до отпевания человек находился под пристальным вниманием церковной общины. Церковь следила за состоянием нравственности, занималась благотворительностью, в её компетенции были завещания и дела наследования, заключение брачных уз и причащение умирающих. Законотворчество во всех областях жизни укрепляло власть папы, потому что для средневекового человека возможность эффективного отправления правосудия была главным символом подлинного могущества. При Иннокентии III власть Католической Церкви достигла наибольшего признания в странах Западной Европы. Только император и самые могущественные короли могли целовать папе руку, остальные же короли и князья вынуждены были целовать крест на папской туфле. Папская курия стала высшей инстанцией по всем церковным делам и вопросам вероучения на Западе Европы.

Иннокентий III властно вмешивался в европейскую политику, широко прибегал к политическим интригам, умело использовал феодальные усобицы. Он добился положения истинного арбитра в борьбе между феодалами. Позиции Католической Церкви особенно упрочились в Италии, Швеции, Дании и Польше. Вассальную зависимость от папы признали короли Арагона и Португалии. Иоанн Безземельный, король Англии, также признал папу своим сеньором, дабы опереться на его поддержку в борьбе с английскими баронами.

Иннокентий III благословил походы немецких феодалов в Прибалтику с целью христианизации латышских и эстонских племен и санкционировал создание в 1202 году Ордена меченосцев. Папа рассчитывал постепенно подчинить своему господству как русские княжества, так и Византию. В то же самое время он гневно осудил варварское разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 году. Вот как он выговаривал по этому поводу маркизу Монферратскому в своем письме: "Вы, не имея никакого права, ни власти над Грецией, безрассудно уклонились от вашего чистого намерения, устремившись не на завоевание Иерусалима, а на завоевание Константинополя, предпочитая земные блага небесным. Но Ваша вина гораздо более отягчается тем, что никому не было пощады, ни религиозному сану, ни возрасту, ни полу ... Вы протянули руки к имуществу церкви и, что еще хуже, к святыне их, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивая себе иконы, кресты и реликвии, для того чтобы Греческая Церковь отказалась возвратиться к повиновению апостольскому престолу, усматривая со стороны латинян лишь изуверства и дела дьявольские".[51] Однако Иннокентий III не отказался использовать результаты акции крестоносцев в интересах осуществления своей теократической программы. Во главе церкви в Византии был поставлен новый Константинопольский патриарх, представитель Католической Церкви, стремившийся ускорить заключение унии. Но учреждение Латинской империи и подавление греческих традиций обострило до последней степени отношения между Западом и Востоком Европы. Таким образом, намерение папы создать нечто вроде общеевропейской империи, включающей и территорию Восточной Европы, осталось неосуществленным.

В XIII-XV веках идея теократической империи в определенной степени трансформировалась в практику Вселенских церковных Соборов. По мнению некоторых католических деятелей, Собор (Concilium) был призван заменить или хотя бы модифицировать теорию папского единовластия, которая стала обнаруживать свою слабость. Еще Марсилиус Падуанский и Уильям Оккам начали развивать идею приоритета Церковного Собора над папой. А в 1381 году немецкий теолог Генрих фон Вангенштейн, преподававший в Парижском университете, опубликовал трактат, где утверждал, что только Церковный Вселенский Собор, независимый от папской власти, в состоянии освободить Церковь от хаоса и упадка, в котором она к этому времени оказалась. Первоначально Соборы Католической Церкви, продолжавшие в новых исторических условиях традиции древних Соборов высшего христианского духовенства, были в полном подчинении у пап, и их роль сводилась к тому, чтобы освящать его единоличные решения. Папы активно использовали Соборы для утверждения своей теократической программы и проведения её в жизнь. На Соборах обсуждались важные международные вопросы, такие как организация крестовых походов, борьба с татаро-монголами и турками. Здесь же обсуждались взаимные жалобы светских феодалов, кандидатуры на императорский престол и другие важные проблемы. Таким образом, Соборы постепенно стали претендовать на роль арбитров, органов национальной власти, призванной быть выше князей, королей и императоров.

В XV веке Соборы стали ареной столкновения между папами, по-прежнему выдвигавшими теократические проекты, и набиравшей силу национальной государственностью в Европе. На Пизанском Соборе 1409 года впервые кроме церковных прелатов присутствовали посланцы почти всех европейских государств, а также представители крупнейших университетов, ученые-теологи и юристы. Участники были

распределены по четырем "нациям" (германской, итальянской, французской и испанской). В то время Католическая Церковь переживала трудные времена. На высшую власть претендовали сразу два папы – Авиньонский и Римский. Кардиналы призвали их принять участие в Пизанском Соборе, но каждый из пап созвал свой Собор. Тем не менее, Собор в Пизе сместил обоих пап и избрал третьего – Иоанна XXIII. В Католической Церкви оказалось сразу три папы. Недоразумение должен был разрешить следующий, Констанцкий Собор (1414-1418). Здесь светское представительство было еще более внушительным. Только князей прибыло свыше 500 человек. Все участники были разделены на пять "наций", так как из "германской" выделилась "английская". Во главе каждой "нации" стоял Президент, сменяемый ежемесячно. И прелаты, и светские делегаты пользовались одинаковыми правами. Собор принял декрет "Sancrosancta", где утверждалось, что власть Собора исходит непосредственно от Христа. Это позволяло Собору требовать повиновения ото всех, включая папу. Иоанн XXIII, избранный на предыдущем Соборе, был низложен первым, в 1414 году. Затем, в 1415 году объявил о своей отставке папа Римский Григорий XII. Наконец, в 1417 году аналогичный шаг сделал и папа Бенедикт XIII. Путь к выборам нового папы был открыт. В конце концов, папой был избран Оттоне Колонна под именем Мартина V (1417-1437). Кризис Церкви был преодолен. Собор на деле доказал свою власть низлагать и избирать Римских первосвященников.

Следующий, Базельский Собор (1413-1449) стал ареной ожесточенных споров между отдельными европейскими странами. В 1439 г. Собором был смещен папа Евгений IV, который, однако, не смирился с данным решением. Избранный новым папой Феликс V так и не получил всеобщего признания. Собор прямо объявил себя стоящим выше пап. Это заявление оказалось роковым для истории Соборов - папы просто прекратили их собирать. Таким образом, из борьбы с Соборами главы Католической Церкви вышли победителями. В конце XV века ни папе, ни светским властям Соборы оказались не нужны.

Пытались предьявить теократические притязания и Константинопольские патриархи, которые очень рано ощутили выгоды своего положения в столице Восточной Римской империи. Уже Второй Вселенский Собор постановил: "Константинопольский епископ да имеет преимущество чести после Римского епископа, так как Константинополь есть Новый Рим".[52] Таким образом, идея "Второго Рима" закрепилась и в церковной практике. Тем же Собором Константинопольскому патриарху был подчинен фракийский диоцез. В действительности же его власть уже распространилась и на Малую Азию, и на Понт, то есть на побережье Черного моря. Халкидонский Собор (451) санкционировал эту возросшую компетенцию патриарха "Второго Рима": "... мы определяем и постановляем то же самое о преимуществах святейшей церкви Константинополя, Нового Рима. Ибо и престолу древнего Рима отцы прилично дали преимущество, потому что он был царствующий город. Следуя тому же побуждению, и 150 боголюбивейших епископов предоставили равные преимущества святейшему престолу Нового Рима ... И потому только митрополиты понтийского, асийского и фракийского округа ... да рукополагаются от вышеупомянутого святейшего престола святейшей Константинопольской церкви".[53]

Со временем Константинопольский патриарх стал единственным посредником между императором и епископами, прибывавшими в столицу Византии. Около середины VII века александрийский, антиохийский и иерусалимский патриархаты оказались под властью арабских завоевателей-мусульман. Число прихожан здесь неуклонно сокращалось, а, следовательно, падало и влияние трех ближневосточных патриархов. Константинопольский престол оказался единственным в пределах Византийской империи. Такое исключительно выгодное положение побудило патриарха Фотия (858-867 и 878-886) разработать постановления о патриаршей власти. Согласно этим постановлениям, Константинопольский престол призван "рассматривать и исправлять

возникающие при других кафедрах несогласия", то есть служить высшим арбитром в споре других епископов.

Стремление Константинопольского патриарха к главенству над всем Христианским Миром выразилось также в титуле "Вселенский патриарх" (греч. οἰκουμηνικός πατριάρχης), который возник еще в начале VI века, а окончательно вошел в употребление при Иоанне Постнике в 587 году. Естественно, данный титул вызывал резкий протест Римских пап. После падения Византии Константинопольский патриарх не только не потерял свою власть, но и приумножил её. Он был официально признан турецким правительством политическим главою всего православного населения Оттоманской империи. Таким образом, Вселенский патриарх получил обширную гражданскую юрисдикцию. Однако его положение стало ещё менее прочным, чем при византийских императорах. Мало кто из Константинопольских патриархов мог удержаться у власти хотя бы несколько лет.

Теократические концепции Христианской Европы оказали определенное влияние не только на позднейшие проекты объединения Европы на христианской основе, но и на мир ислама. Именно мусульманские страны в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова все еще демонстрируют готовность верно служить идее теократии (яркий пример – шиитский Иран). Напротив, в Европе еще в XIV веке появились первые светские проекты, сводящие роль Церкви в процессе объединения европейских стран к минимуму.

Первые светские проекты объединения Европы появляются в начале XIV века, что тесно связано с началом упадка папской власти, а также с укреплением национальной государственности в некоторых западноевропейских странах. В частности, значительно возросло могущество французских королей. Филипп IV Красивый (1285-1314) посмел обложить французское духовенство налогами без разрешения папы Римского. В ответ папа Бонифаций VIII (1294-1303) опубликовал несколько гневных посланий, а затем отлучил короля от Церкви. Булла "Clericis laicos" появилась во Франции в 1298 году, а на следующий год была опубликована в Англии. Это была попытка положить конец налогообложению духовенства, установленному светской властью. Английский и французский короли усмотрели в данном Послании неумеренные теократические претензии. В частности, Филипп IV ответил запретом на вывоз любых монет за пределы Франции и тем самым лишил папу необходимых ему финансовых средств. Бонифаций VIII не успокоился и опубликовал в 1296 году новое Послание. Булла "Ineffabilis" содержала требование надзора за всеми действиями короля. Естественно, подобный документ был отвергнут Филиппом IV. Следующее Послание - булла "Ausculta fili" - появилось в 1301 году. Папа говорил о короле как о "заблудшем сыне" и требовал приезда французских епископов в Рим, чтобы побудить их призвать короля к послушанию. Наконец, в 1302 году Бонифаций VIII издал буллу "Unam sanctam", где заявил: «Церковь ... имеет только одно тело, одну голову, а не две, как монстр ... необходимо, чтобы земная власть подчинялась духовной. Духовная власть имеет достоинство и честь большие, чем любая земная власть ... и поэтому ей должна быть дана власть судить земную ... как апостол Павел писал: "Духовный человек судит все, но его не судит никто"».[54]

В ответ на отлучение от Церкви Филипп IV приказал схватить папского легата и бросить его в тюрьму. В 1303 году король собрал у себя во дворце крупнейших представителей французского духовенства и светских феодалов. Было принято специальное решение, обвиняющее Бонифация VIII в различных преступлениях. Затем представителям короля удалось захватить папу в Италии. Впервые в истории глава Католической Церкви подвергся неслыханным оскорблениям со стороны людей, называвших себя католиками. Под давлением папа был вынужден объявить недействительными свои собственные недавно изданные буллы. Бонифаций VIII попросил считать свои поступки действиями частного лица, сеньора Бенедетто Гаэтани. В результате авторитет института папства и всей Католической Церкви серьезно пошатнулся. С этого момента следует начинать отсчет упадка теократической идеологии.

Видный английский философ и историк западной философии Бертран Рассел, в частности, пишет по этому поводу: «Первый юбилей – 1300 год – явил папу на вершине его успехов, и эта дата может быть удобно принята как начальная веха упадка папства ... Бунт против папского владычества принимал разные формы в разных странах. Иногда он оказывался связанным с монархическим национализмом, иногда – с пуританским негодованием по поводу развращенности и обмирщения папского двора. В самом Риме этот бунт был связан с архаическим демократизмом».[55]

Бонифаций VIII сумел все-таки бежать в Рим, где и скончался в 1303 году. Его преемник Бенедикт XI удерживал власть лишь около года. Затем под давлением французского короля был избран новый папа - француз по происхождению – Климент V (1305-1314). Местопребывание папской курии было перенесено в Авиньон, что на юге Франции. К этому времени и относится появление трактата Пьера Дюбуа "О возвращении Святой земли".[56] Магистр Парижского университета и французский королевский прокурор Пьер Дюбуа (1250-1320) выдвинул вполне конкретный проект объединения Европы, исходя из примата светской власти. Формально трактат был всего лишь одним из многочисленных планов организации нового крестового похода. Но содержание данного сочинения выходило далеко за рамки заявленной темы. По сути, проект предусматривал создание "христианской республики", своего рода федерации европейских монархий, управляемой Советом под главенством французских королей. Автор отмечал, что для успешного отвоевания Святой земли необходимо прекратить междоусобные войны католических правителей европейских стран и объединить их усилия: "Было бы хорошо, если бы всем католикам ... был обеспечен мир тем, что они как бы объединились в одно государство, которое должно быть так объединено, чтобы ничто не могло его разделить. Ибо каждая империя, в которой царит несогласие, будет разорена, как сказал Спаситель".

Дюбуа предложил созвать общий Собор, состоящий из духовных лиц и католических князей. Главную задачу этого Собора он видел в том, чтобы прекратить все войны в Христианской Европе: "У кого есть желание воевать, тот должен стремиться воевать против врагов Христианской веры и святых мест Господних на Святой земле, но не против братьев под угрозой телесной и духовной гибели". Тем самым проповедовалось единство и братство европейских народов в борьбе с миром ислама. К сожалению, Дюбуа не разработал конкретного механизма созыва и деятельности «Всеевропейского» Собора. Но в ряде мест трактата звучала мысль об "арбитраже", который мог бы разбирать взаимные конфликты и недоразумения католических правителей. В качестве наказания за неповиновение предлагалась конфискация владений (имений) непокорных.

Конкретные предложения Пьера Дюбуа были направлены на ослабление реальных и возможных конкурентов Франции и установление французской гегемонии во всей Европе. В частности, автор трактата считал необходимым восстановить французское влияние в Испании и укрепить власть Карла II Анжуйского в Сицилии. Светские курфюрсты в Германии должны были согласиться на наследование титула императора родственниками короля Филиппа Красивого. При этом сам французский король распространил бы свою власть на Ломбардию, Геную и Венецию, а его брат Карл Валуа мог бы стать императором Византии. Таким образом, свободные от захватчиков неевропейского происхождения территории Восточно-христианской цивилизации не исключались бы из состава Европы. Сердцевина плана Дюбуа состояла в том, чтобы перенести папскую резиденцию во Францию и обеспечить с помощью избрания большого числа французских кардиналов переход папской власти в руки французов, что и было осуществлено на практике. Как известно, период "авиньонского пленения пап" продолжался с 1305 до 1378 года. Все законно избранные папы этого времени были французами: Раймон Бертран де Го (Климент V, 1305-1314), Жак Дюэз (Иоанн XXII, 1316-1334), Жак Фурнье (Бенедикт XII, 1334-1342), Пьер Роже де Бофор (Климент VI, 1342-1352), Этьен Обер (Иннокентий VI, 1352-1362), Гильом де Гримор (Урбан V, 1362-1370), Пьер Роже де Бофор (Григорий XI, 1370-1378).[57] Естественно, влияние французских королей на "своих" пап (да еще на

"своей" земле) было огромным. К примеру, Климент V был вынужден в 1312 году объявить уничтоженным Орден тамплиеров. Причина известна - французскому королю приглянулись знаменитые сокровища Ордена. Подробно эту историю описали Морис Дрюон и Умберто Эко. Это лишь один, но крайне характерный случай, доказывающий, что "авиньонские папы" были вполне покорны воле французских королей. В связи с переездом в Авиньон папство впало в зависимость от правителей Франции. В сущности, папский престол никогда уже не оправился от этого переезда. Он утратил очарование связи с Империей и больше не ассоциировался с престолом Св. Петра, на власти которого Церковь была основана "как на камне".

Проект Дюбуа предусматривал реформу Церкви, судебного дела и образования в Европе. Улучшение воспитания, по мнению автора, способствовало бы усилению влияния Католической Церкви как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Дюбуа писал: "... прежний взгляд на Христианство как на союз государей под духовной гегемонией папы, чья власть распространяется на все, как светские, так и духовные интересы людей, сделался пустым призраком". Европейское единство, по его мнению, стало проявляться через национальное многообразие. Таким образом, ставился крест на теократических планах объединения Европы. Следует принять во внимание, что идея колонизации Ближнего Востока выводит проект Пьера Дюбуа из разряда чисто европейских. Автор предложил выделить каждой европейской нации соответствующую территорию в пределах Святой земли, причем Иерусалим и Алкона должны были принадлежать Христианской Церкви в целом. Таким образом, Дюбуа, с одной стороны, выступал за объединение Европы, а с другой - за активную колонизацию Палестины, страны азиатской. Для проекта характерны и другие противоречия. С одной стороны, автор был сторонником укрепления авторитета и влияния Христианской Церкви, а с другой - способствовал принижению значения ее главы, папы Римского. С одной стороны, Дюбуа ратовал за сильную власть французского короля (по типу папской или императорской), а с другой - поддерживал идею укрепления национальных государств, что в перспективе означало бы крах любых планов французской гегемонии в Европе.

В целом, проект Дюбуа отразил столкновение двух основных тенденций европейского развития: стремление к дезинтеграции, то есть к созданию независимых светских национальных государств, и прямо противоположную тенденцию - к утверждению различных форм наднациональной гегемонии, к объединению под руководством сильного светского государя. Таким образом, трактат показал характерные для XIV века противоречия и явился одним из первых примеров в истории европейской политической мысли, когда европейская интеграция понималась как средство и форма гегемонии одной отдельно взятой державы в пределах всей Европы.

Как уже говорилось, проект Дюбуа сыграл важную роль в подрыве папской власти. Еще один удар по теократическим концепциям нанесла практика продажи индульгенций. Их теологической основой является учение, в соответствии с которым папа (как преемник Св. Петра) может использовать неиссякаемый источник милосердия Христа, Девы Марии и святых для освобождения всех грешников от грядущего наказания. К середине XIV века индульгенции «за наличный расчет» стали восприниматься в народе с недоверием, что также подрывало авторитет папы. Надо уточнить, что индульгенции существуют в Римско-Католической Церкви и по сей день, однако продаже не подлежат и по сему не вызывают уже народных волнений. Католическая энциклопедия, издаваемая в современной России францисканцами, определяет: «Индульгенция (лат. *indulgentia* – снисхождение), в богословском значении – благодать Святого Духа, исцеляющая от последствий греха; в церковно-правовом значении – освобождение от временного наказания за грехи, в которых грешник уже покался и вина за которые ему была прощена в таинстве исповеди».[58] Проще говоря, индульгенция - это обычное отпущение грехов, широко практикуемое как в Католической, так и в Православной Церкви (разнится только название, но не суть дела). Однако в Православном мире отпущением грехов не торговали

никогда.

В это же время Западную Европу поразила чума. Молитвы не спасали от страшной эпидемии, и это тоже нанесло ущерб образу Церкви как «всемогущей». Начал обостряться конфликт между светскими законами и церковными судами, между Церковью в целом и светскими монархами. Кардиналы стали объединяться в соответствии с интересами государств, которые они представляли. В результате система выборов нового папы уже не способствовала сохранению единства Католической Церкви. Итальянец Бартоломео Приньяно, избранный папой под именем Урбана VI (1378-1389), сразу же после интронизации вступил в конфликт с коллегией кардиналов. Те покинули Рим и объявили избрание Урбана VI недействительным, ибо оно якобы "было сделано под угрозой разъяренной толпы римлян". Затем те же самые кардиналы единогласно избрали папой кузена французского короля кардинала Роберта Женевского, который стал папой Климентом VII (1378-1394). Последний обосновался в Авиньоне. Возникла ситуация двоевластия, получившая название "Великий Раскол".

Оба папы принялись искать поддержку по всей Европе, назначая своих кардиналов и отлучая от Церкви непокорных, своих противников. В течение нескольких лет Европа раскололась на два примерно равных лагеря. За Урбана VI встали Италия, Империя, Венгрия, Богемия, Фландрия, Нидерланды, Англия и часть Кастилии. За Климента VII выступили Франция, Шотландия, Австрия, Савойя, впоследствии также Арагон и Наварра. Это событие еще больше подорвало престиж института папской власти и Католической Церкви в целом. Раскол 1378-1417 годов впервые открыто оспорил папские притязания на верховную власть в Церкви и обществе. Начало XV века - эпоха главенства церковных Соборов. Восстановить превосходство папы над Соборами удалось только теологу Энею Сильвио Пикколomini (1405-1464), избранному в 1458 году папой под именем Пия II. Широко образованный человек, оставивший труды не только теологические, но и географические, исторические, трактаты об античной поэзии, о сельском хозяйстве и ремёслах, папа Пий II впервые назвал Европу "нашим общим домом", "общим очагом". В конце XX века подобными выражениями любил пользоваться Михаил Сергеевич Горбачев, первый и последний президент СССР.

Энея Сильвио Пикколomini (еще не будучи папой Римским) дал следующую картину европейской жизни в одном из писем своему другу: «Христианство не имеет своего главы, которому все бы подчинились. Ни папе и ни императору не дают того, что им следует. Нет никакого благоговения, ни послушания. Как будто они вымысел - так смотрим мы на папу и императора ... Ну, хорошо, допустим, что все короли объединяются для борьбы! ... Кто подружит англичан с французами, кто объединит генуэзцев с арагонцами? Кто примирит немцев с венграми и чехами?.. И ты думаешь, что с такими нравами можно было бы уничтожить турецкую армию?».[59] Тема мира в Европе - "в нашем отечестве, в нашем собственном доме, у нашего святого очага" - была лейтмотивом трудов папы Пия II. Христианство и Европа для него - понятия равнозначные, поэтому вместо ранее принятых выражений "христианские народы", "Христианский мир" Пий II предложил употреблять термины "европейские народы" и "европейский мир". При этом в "европейский мир" включалась и Византия, то есть речь шла о Европейской Христианской метацивилизации. Следует напомнить, что многие на Западе рассматривали в то время Византийскую империю как чуждую и враждебную силу, ограничивая Европу рамками Западноевропейской (Католической) цивилизации.

Папа Пий II был одним из самых активных сторонников сближения Западной и Восточной Церквей в целях более сплоченного противостояния турецкой агрессии, а также и укрепления стабильности в самой Европе. Торжество Христианской веры, по его мнению, немислимо без торжества Европы, без прекращения ее внутренних раздоров. На следующий же день после своего избрания папой Римским Пий II специальной буллой объявил о созыве 1 июня 1459 года съезда всех государей в Мантуе. Это была попытка создать некий новый общеевропейский институт вместо скомпрометировавших себя

противопоставлением папе Соборов. С другой стороны, "съезд всех государей" мог рассматриваться как модификация самих церковных Соборов, где в течение XV века постоянно усиливалось влияние светских властей. Неудачу Соборов папа хотел компенсировать созывом еще более широкого собрания. В сущности, это был новый вариант идеи папского главенства в Европе, но уже не против светских государей, а в согласии с ними. Пий II задумал стать во главе нового светского европейского конкордата для борьбы с миром ислама и одновременно - для объединения Европы.

К сожалению, в день открытия Конгресса почти никто из приглашенных монархов на него не явился. Репутация нового папы еще не успела укрепиться. Только через четыре месяца Пий II смог провести заседание, на котором присутствовали посланцы некоторых европейских государей. Папа произнес большую речь, призвав к новому крестовому походу против турок. Участники заседания в принципе одобрили данную идею, причем некоторые государи даже обещали реальную помощь в организации похода: деньгами, сухопутным войском и флотом. Но истинного единства делегатов на Конгрессе не было. К тому же состав участников был не настолько представительным, чтобы можно было всерьез говорить о "съезде всех христианских государей". Главное, чего добился Пий II, было восстановление превосходства папы над церковным Собором. Перед закрытием Конгресса он зачитал декрет, прямо запрещающий созывать Соборы «помимо и без согласия папы». Тем самым завершился длительный этап борьбы папской власти с Соборами. После этого церковные Соборы утратили свое значение как общеевропейские органы и на долгое время прекратили существование. Однако и идея "съезда всех христианских государей" в итоге потерпела фиаско. Европа уже сделала выбор в пользу светской власти и национальной консолидации. А это предопределило ее историю, полную вражды, распрей и войн.

В середине XV века Католическая Церковь уже утратила большую часть своего авторитета в европейских странах. Пий II не смог объединить Европу вокруг своего престола и даже не сумел организовать эффективный крестовый поход против турок. Но папская власть была еще достаточно сильна, чтобы проваливать проекты, исходившие из стана реформаторов. По традиции эпоха Реформации начинается 31 октября 1517 года, когда Мартин Лютер прикрепил свои знаменитые тезисы к двери церкви Виттенбергского замка. Однако задолго до этого по Европе начали распространяться идеи реформы Католической Церкви. Одним из виднейших представителей ранней чешской Реформации был Ян Гус (1371-1415), ректор Карлова университета в Праге. Он выступил с резкой критикой Католической Церкви, за что был осужден церковным Собором в Констанце и сожжен. Казнь Гуса 6 июля 1415 года послужила толчком к началу массового революционного движения в Чехии, известного под названием гуситских войн (1419-1437). Острая политическая борьба вокруг Чехии продолжалась и позднее. С середины XIV века Прага была столицей Священной Римской империи и, естественно, императоры постоянно заявляли о своих правах на чешскую корону. С другой стороны, сторонники чешской автономии стремились добиться утверждения на чешском троне местного претендента. Наиболее подходящей кандидатурой при этом считался Иржи Подебрад, признанный глава чешских реформаторов.

Когда в 1452 году новый император Священной Римской империи Фридрих III прибыл в Рим для коронации, представители чешских земельных собраний попросили объявить Подебрада королем Чехии. Переговоры заняли почти пять лет. Наконец, Иржи Подебрад (1420-1477) был избран королем, но с самого начала своего правления был вынужден лавировать между возведшими его на трон реформаторами и главой Католической Церкви. Папа Пий II настаивал, чтобы Подебрад дал обет послушания. Чешские реформаторы были, естественно, активно против данного шага. Именно в этот период и появился знаменитый проект чешского короля, принесший ему европейскую известность - "Договор о союзе и конфедерации между королем Людовиком XI, королем Богемии Иржи и Большим Советом Венеции для противостояния туркам"(1463).[60] Это

был второй - после инициативы Дюбуа - детально разработанный светский план объединения Европы. Проект содержал не только обоснование идеи сплочения всех европейских государств перед лицом общей угрозы, но и схему институтов конфедеративной Европы. Главная мысль состояла в том, что только объединенная Европа в силах противостоять турецкой агрессии. Подебрад резко осудил междоусобные войны в Европе: "... мы хотим, чтобы все войны, ... которые повсюду распространились в Христианском мире, окончательно прекратились и были заменены похвальным союзом любви и братства". Участники предполагаемой конфедерации должны были дать обещание не применять оружия друг против друга.

Предусматривались и согласованные действия против агрессоров. В частности, Подебрад писал, что «если князь, который не входит в союз, будет готовиться к войне против члена союза или эту войну уже начал», то специально созданное Союзное собрание должно принять меры для улаживания спора, выделив третейский суд. Если и это не поможет, "тогда мы должны прийти на помощь нашему пострадавшему и нуждающемуся в защите союзнику и предоставить в его распоряжение десятины наших королевств". Иржи Подебрад, как видно, желал взаимопонимания всех христианских государей Европы, даже не собиравшихся входить в союз. Однако организовать поступление всех десятин в общую казну союза было на практике совершенно невозможно. Священники, естественно, не могли поддержать подобное предложение. Что же касается десятины от доходов князей и их подданных, то организация подобного сбора на территории союза также была бы делом весьма проблематичным.

Чешский король хорошо прописал в проекте механизм образования, структуру и состав предполагаемого союза. Князья должны были отправить "во второе воскресенье Великого поста" 1464 года своих представителей в город Базель, где планировалась создать Общее союзное собрание со сроком действия 5 лет. Затем - следующие пять лет - Собрание должно было заседать в каком-либо французском городе. Потом - новые пять лет - в каком-нибудь городе в Италии. Союзное собрание должно было составить Союзный совет, включающий Президента, а также всех глав государств Христианского Мира. Данное собрание, как предполагалось, утвердит канцлера, казначея и штат служащих. У Союза должен был быть свой герб. Не забыл Подебрад даже Союзную библиотеку. Специальный параграф трактата касался бюджета Союза. Отдельный раздел устанавливал порядок распределения голосов в Собрании: король Франции вместе со всеми французскими князьями получал один голос, второй доставался королям и князьям Германии, третий венецианскому дожу и главам итальянских городов, четвертый - королю Кастилии и испанским князьям. Как видно, распределение шло по нациям, по аналогии с работой церковных соборов. Заметим, что Англии в списке места не нашлось. Равно умалчивалось и о Польше с Литвою. Состав Совета, предложенный Подебрадом, не включал также ни папу Римского, ни императора. Впрочем, последний должен был заседать в Совете в качестве немецкого короля, то есть практически наравне с другими. Папа же вовсе упоминался в проекте с неожиданной стороны. Не имя никакого голоса в Совете, он должен был, тем не менее, позаботиться о взыскании десятины с церковью и священников "на дело мира", а также о сборе средств с князей и руководителей итальянских городов на постройку Союзного флота. Естественно, подобная миссия не могла устроить главу Католической Церкви: проект был воспринят как антипапский.

Надо отметить еще одну принципиальную особенность плана Подебрада: предлагаемый им "союз наций" представлял собой практически первый в Европе федеративный проект. До этого преобладала идея универсального единства, из чего следовало, что целью европейской интеграции может быть лишь какое-либо общеевропейское правительство. В целом, это соответствовало периоду расцвета папской власти. Но в новых условиях роста национальных государств в Европе на смену теократическим, универсалистским концепциям пришли первые варианты федеративных идей. Проект Подебрада прямо предполагал ограничение папской и императорской

власти. Однако планы Подебрада в XV веке не могли осуществиться даже частично (как это произошло с планом Дюбуа). Правда, на первых порах чешский король достиг определенных успехов. В частности, он привлек к союзу польского короля Владимира IV. Славянские государи обязались помогать друг другу в борьбе с турками и устранять возможные споры в Третьей суде. Венеция также заявила о принципиальной поддержке проекта. В 1463 году Подебрад заключил дружественный союз с герцогством Бранденбургским. Одновременно он вел переговоры с венгерским и французским королями. Но предлагаемый союз не мог иметь прочной основы в условиях нарастающего соперничества европейских национальных государств. Готовые к временным соглашениям, государи Европы не желали связывать себя долговременными союзами. Кроме того, они не хотели обострять свои отношения с Католической Церковью, следуя за королем-реформатором. Папская власть была еще достаточно сильна, и Пий II сумел найти средства провалить проект Подебрада. Папа Римский вызвался сам организовать новый крестовый поход против турок. Одновременно он усилил нажим на европейских государей, побуждая их отказаться от поддержки планов чешского короля. В результате, уже после смерти Пия II, новый папа Римский отлучил Иржи Подебрада от Церкви и лишил его королевского титула.

И все же Подебрад оставил заметный след в эволюции идеологии Единой Европы. Он впервые соединил идею "Крепости Европы" с федеративной идеей. От предложений Дюбуа данный план отличался еще и тем, что он не имел целью утверждение гегемонии в Европе какого-либо государства или нации. Пьер Дюбуа боролся за утверждение превосходства Франции над всеми другими европейскими державами. В случае временного успеха подобный проект сулил лишь дальнейшее обострение международных отношений в Европе (что, в сущности, и произошло). Напротив, проект Подебрада предполагал объединение ряда европейских государств на равной основе при согласовании общих интересов. Главной целью при этом называлась борьба с турецкой агрессией. Следует также отметить, что если проект Дюбуа выходил за рамки европейской интеграции и предусматривал колониальную экспансию, то план Подебрада отличался большей скромностью, охватывал даже не все европейские государства и был нацелен исключительно на общую оборону от агрессора. Таким образом, эти два проекта свидетельствовали о совершенно различных подходах к задачам и методам объединения Европы.

В XVI-XVII веках возникли первые европейские колониальные империи: испанская, португальская, голландская, английская и французская. В результате, чисто европейские политические процессы стали, как теперь принято говорить, «глобализироваться». Стала абсолютно невозможной только лишь европейская интеграция - любое объединение крупных европейских держав сопровождалось бы интеграцией зависимых территорий в Азии, Африке и Америке. С другой стороны, создание колониальных империй послужило поводом для появления различных европоцентристских теорий, концепций европейского превосходства и европейской исключительности. Европа постепенно превращалась в политический центр глобального масштаба. Соответственно, стали появляться первые проекты глобального характера (Э. Крюсе, Я.А. Каменского и других). Колониализм повлиял на восприятие Европы и европейцев жителями других стран света. "Европейцы" стали восприниматься населением зависимых территорий как угнетатели, разрушители старых устоев народной жизни. Однако наряду с дискриминацией осуществлялась и евангелизация, а наряду с разрушением прежнего быта – приобщение к европейской культуре. Почти весь мир медленно становился "Европой второго сорта". В то же время старая «Христианская Европа» постепенно уступала место новой, где ведущую роль стали играть светские государи суверенных национальных образований.

Максимально способствовала данному процессу и начавшаяся широкомасштабная Реформация. Мартин Лютер (1483-1546), бывший монах-августинец, создавший собственное вероучение, писал в своем послании «К христианскому дворянству немецкой

нации об исправлении Христианства» (1520): « ... так как светская власть учреждена Богом для наказания злых и защиты благочестивых, то круг ее обязанностей должен свободно и беспрепятственно охватывать все Тело христианства, без всякого исключения, будь то папа, епископ, священник, монах, монахиня или кто-нибудь еще».[61] В 1515-1516 годах Лютер еще не до конца порвал с Католической Церковью и ее идеологией, хотя и ясно осознавал уже доктрину об оправдании одной только верою, что хорошо прослеживается в написанных тогда «Лекциях по «Посланию к Римлянам».[62] Лютер начал с отрицания непогрешимости папы, а пришел к отрицанию и единственной альтернативы - безусловной правоты Соборов. В 1520 году папа Лев I осудил в особой булле труды Лютера как еретические. В ответ Лютер публично сжег буллу, тем самым окончательно порвав с Римом.

Еще дальше пошли в своем разрыве с западной христианской традицией Ульрих Цвингли (1484-1531) и Жан Кальвин (1509-1549). В начале XVI века Цвингли стал магистром философии и приходским священником, затем служил полковым священником и капелланом в Эйнзидельнском монастыре (где он «освободил» монахинь от обета безбрачия и прекратил культ святых). После переселения в 1519 г. в Цюрих он начинает проповедь идеи, что «римский папа должен пасть». В начале 1523 года здесь состоялся диспут, на котором Цвингли с упорством отстаивал свои тезисы, такие как: «Христос – единственный путь к блаженству для всех людей и ныне, и присно, и во веки веков; кто ищет или указывает другие врата, тот – тать и душегуб».[63] Таким образом, утверждалась ненужность посредников между Богом и человеком. Цюрихский сенат поддержал проповедника – были закрыты монастыри, уничтожен целибат, из церкви вынесли иконы, а драгоценности, бывшие на них, употреблены на нужды бедных. В 1525 году была уничтожена обязательная месса, а затем было положено начало особой цвинглианской литургии. В том же году Цвингли издал свое исповедание веры – «Об истинной и ложной религии». В отличие от Лютера, он смотрел на евхаристию не как на таинство, а как на воспоминание об искупительной жертве Христа, в своей церкви проводил начала пресвитерианского управления и устранял все те обряды и догматы, которые не находили прямого подтверждения в Священном Писании. Реформация в Швейцарии развивалась одновременно с учением Лютера, но совершенно независимо от него. При этом Лютер всегда оказывался умереннее, чем Цвингли: он оставлял все, что не входило в прямое противоречие со Священным Писанием. Мы вправе предположить, что в XX веке, после Второго Ватиканского Собора, большая часть претензий Лютера к Католической Церкви уже несостоятельна, в то время как оппозиция Цвингли все еще актуальна.

В 1533 году, через два года после гибели Цвингли в сражении на Каппельской равнине (где отряды католических кантонов наголову разбили цюрихцев), впервые продемонстрировал публично свое вольнодумство Жан Кальвин. Он был вынужден бежать из Парижа и скрывался почти год, затем вернулся в родной городок Нуайон, где 4 мая 1534 года отказался от церковных бенефиций (которые полагались ему с самого детства) и, следовательно, окончательно прекратил все отношения с Католической Церковью.[64] В своем основном труде «Наставление в христианской вере», который впервые появился на латинском языке в марте 1536 г. и тут же был переведен на французский, но непрерывно дополнялся автором при каждом новом издании вплоть до 1559 года, Кальвин писал: « ... у папистов полностью уничтожена свобода народа в деле избрания епископов ... Вся власть здесь передана каноникам, а они ставят епископом всякого, кого пожелают ... Вот аргумент, с помощью которого они отрицают у нас наличие Церкви: дескать, у них есть глава, от которого зависит единство Церкви и без которого она не может не подвергаться дроблению и развалу. Паписты вбили себе в голову, что Церковь подобна бездыханному обезглавленному телу, если не подчиняется римскому престолу как своему главе ... тот, кто желает отдать власть над всей Церковью одному человеку под тем предлогом, что она не может обойтись без главы, наносит

жестокое оскорбление Иисусу Христу. Только Христос есть глава Церкви».[65]

Таким образом, отрицалась необходимость всякой церковной иерархии, что неминуемо приводило к появлению бесчисленного количества самых разнообразных сект. А отстаивание права каждого человека на вольное толкование Священного Писания со временем вылилось в отказ от Священного Предания (и даже привело с течением времени к появлению таких поддельных «древних писаний» как «Книга Мормона» [66]). Кальвин был уверен, что предназначенные к вечному спасению люди составляют небольшую группу, избранную Богом в силу непостижимого решения и независимо от их заслуг. Точно так же никакие усилия не могут спасти тех, кто осужден на вечную гибель. Такая трактовка открывала прямую дорогу к атеизму, ибо если невозможно бороться против «предопределения», то зачем тогда вера вообще?

После Тридентского Собора Европа уже не могла стать такой, как до Реформации. Аугсбургский мирный договор 1555 года признал факт разделения мира по конфессиональному признаку, а Тридентский Собор сформулировал основу католического учения. Начались религиозные войны. К середине XVII в. стало ясно, что вопросом жизни и смерти является стабильность как таковая. Вестфальский мирный договор 1648 года положил конец надеждам на то, что Священная Римская империя когда-нибудь восстановит свое значение, а Католическая Церковь сможет вновь объединить всю Европу. Западная Церковь перестала быть единой организацией с папой во главе. Вестфальский мир был основан на принципе: «Чье правление, того и религия». Принадлежность территорий определялась, в целом, по состоянию на 1624 год. Тем самым был зафиксирован принцип мирного сосуществования между различными христианскими конфессиями.

Папа Иннокентий X в булле «*Zelus domus Dei*» осудил Вестфальский договор, назвав его «недействительным, ничтожным, не имеющим законной силы, несправедливым... и не обладающим действительностью». Но мнение его уже не имело прежнего веса. Папские представители были, по существу, отстранены от переговоров, приведших к заключению Вестфальского мира. Стало очевидно, что политические проблемы теперь могли быть урегулированы без активного участия Римско-Католической Церкви. Папа уже не мог смещать монархов с тронов, а его интердикты перестали быть действенными. Договор признал возросшую роль светских монархов в делах веры в пределах каждого отдельного государства. Вестфальский договор поставил Римского папу в крайне невыгодное положение. После этого с папами редко консультировались по международным делам, а Римско-Католическая Церковь не была представлена легатами на крупных международных конгрессах. Национальные католические церкви стали фактически независимыми. Церковная власть в каждой стране перешла к синоду епископов. Теократические планы, таким образом, окончательно отошли в область церковных преданий.

Однако еще в XVIII-XIX веках время от времени оживали мечты о Католической Европе. Так, граф Жозеф Мари де Местр (1763-1852), французский философ и политический деятель, единственный путь к спасению Европы от зверств якобинства видел в восстановлении духовной и светской власти Римско-Католической Церкви. Он предложил создать "Европейскую монархию" во главе папой Римским. Винченцо Джоберти (1801-1852), итальянский философ и теолог, участник борьбы за объединение Италии, был одновременно убежденным сторонником единой Европы. Он верил в то, что объединителем Европы явится Католическая Церковь. Джоберти считал, что Риму надлежит стать столицей Христианской Европы. Лидирующую роль Италии в объединении Европы Джоберти усматривал не только в том, что здесь расположен центр католицизма, но и в ее античных традициях, в наследии Ренессанса. Духовная сила Италии, а отнюдь не великодержавность - ключевой момент программы Джоберти, изложенной в сочинении «О моральном и гражданском превосходстве итальянцев» (1843). Книга была написана по-итальянски в Брюсселе, где Джоберти, пребывая в изгнании,

преподавал философию. Автор утверждал, что миссия итальянского народа состоит в распространении католической веры, просвещающей мир. При этом он подчеркивал необходимость сближения европейских наций при сохранении многообразия Европы. Таким образом, Джоберти стремился к конфедерации государств под властью папы. Конечно же, его проект остался лишь на бумаге. И все же многогранная деятельность Джоберти получила высокую оценку не только в Италии и не только у его современников. В частности, русский философ начала XX в. В.Ф. Эрн писал: «Джоберти не только гуманист, но и прогрессист нового вселенского типа».[67]

Э. Винтер, видный исследователь политики католицизма, отмечал, что идеалом Католической Церкви всегда была "политически единая Европа, на которой лежал бы отпечаток "Вечного Рима".[68] Фридрих фон Харденберг, известный по своему литературному псевдониму Новалис (1772-1801), немецкий поэт и философ, написал в 1799 году эссе "Христианский мир и Европа", опубликованное уже после его смерти, в 1826 году.[69] Для Новалиса Христианский Мир кончается с Реформацией. С точки зрения Римско-Католической церкви это вполне логично, так как после Реформации собрать Европу под главенством папы Римского уже не представлялось возможным. Светские проекты европейской интеграции должны были окончательно прийти на смену теократическим.

2. Проекты эпохи «Европейского равновесия» и попытки объединить Европу силой оружия

Приступая к изучению различных концепций единой Европы, появившихся на свет в Новое время, необходимо хорошо представлять себе сложившуюся тогда систему международных отношений. Обычно ее именуют "балансом сил в Европе" или "европейским равновесием". Английский поэт Александр Поуп язвительно отзывался о ней следующим образом: "В Европе годы мира настают. Уравновесятся весов военных чаши, когда всех наших ваши перебьют. А ваших наши".[70]

Гуго Гроций, голландский философ и юрист, опубликовал в 1625 году свой знаменитый трактат "О праве войны и мира", где в числе прочего, была затронута проблема «союза и союзников». В своем труде Гроций почти ничего не говорил специально о Европе, употребляя обычно термины «христианство» и «христиане». Но выдвигаемые им идеи имели отношение, прежде всего к Европе и неслучайно совпали по времени с формированием системы «европейского равновесия». Гроций отмечал, что равноправные союзники имеют обыкновение передавать свои споры на разрешение съезда союзников, не заинтересованных в данном вопросе. Таким образом, высказывалась идея о третейских или общих посредниках. Подобную роль, согласно Гроцию, мог бы играть и Председатель союза, например император «Священной Римской империи»: "Подобный союз был некогда заключен, и главой союза был с общего согласия доставлен Римский император. Следовательно, все христиане должны ради общей цели по мере их сил доставлять воинов и деньги". Гуго Гроций впервые попытался кодифицировать нормы отношений между государствами Европы и тем самым внес важный вклад в процесс институционализации "европейского равновесия". Отметим, что конфессиональные различия «христиан-европейцев» Гроций игнорировал, а, следовательно, считал европейцами и русских людей.[71]

Тридцатилетняя война (1618–1648) показала, как взаимозависимы европейские государства, как тесно связаны судьбы их народов. Национальные истории стали осознаваться составными частями общеевропейской истории. «Европейское равновесие» – это особенность общеевропейского развития, существовавшая с XVII до середины XX века и отражавшая взаимосвязь и взаимозависимость европейских государств. Естественно, проблема соотношения между различными государствами, их блоками и союзами существовала всегда и везде с того момента, как древние державы впервые соприкоснулись друг с другом. Но только в Европе и только в XVII веке соотношение

между отдельными центрами силы приобрело институционный характер. Идея «баланса сил» была впервые выражена Макиавелли в его труде «История Флоренции». Именно он впервые отметил некий "баланс сил" и "государственных интересов" между пятью итальянскими государствами: Папской областью, Венецией, королевством Неаполитанским, герцогством Миланским и Флоренцией.[72]

Уильям Робертсон (1721-1793), английский священник и историк, глава Эдинбургского университета, в своей «Истории царствования императора Карла V» (1770) отметил, что данная схема была воспринята правителями других европейских стран и стала универсальной (то есть общеевропейской). Он писал, что "в течении столетий европейские нации рассматривали себя как отдельные общества, едва связанные друг с другом общим интересом", и лишь в первой половине XVI века в Европе "сложилась единая большая политическая система, в которой каждое государство заняло свое место, меняющееся меньше, чем этого можно было ожидать».[73] Таким образом, установление «европейского равновесия» Робертсон датировал XVI веком. Однако, по мнению большинства отечественных ученых, окончательное упрочение «баланса сил» в Европе следует отнести к середине следующего, XVII века.

Равновесие держалось на определенном соотношении национальных интересов крупных европейских стран. Естественно, подобное «равновесие» было довольно хрупким. Баланс сил, собственно, и служил для накопления этих самых сил и изменения на этой основе баланса. Кроме того, «европейское равновесие» никак не препятствовало установлению гегемонии одной державы в Европе – правда, на сравнительно короткое время. Так, гегемония Франции при Наполеоне была устранена в рамках данной системы, силами блока европейских держав. Но уже вторая попытка силового объединения Европы, предпринятая Гитлером, этот баланс окончательно разрушила. Контроль над западной частью Европы был установлен заокеанской державой - США. Таким образом, эпоха "европейского равновесия" открывается процессом создания в Европе различных блоков и коалиций в середине XVII века и заканчивается установлением биполярного мира в глобальном масштабе в середине XX века. Разнообразные «великие проекты» объединения Европы эпохи «баланса сил» были просто обречены на неудачу. И, тем не менее, они достаточно регулярно появлялись, и первым здесь следует назвать так называемый «Великий план» Сюлли.

Герцог де Сюлли (1559-1641), министр финансов французского короля Генриха IV, удалившись от государственных дел, изложил в своих мемуарах план мирного устройства Европы. Он же и приписал его авторство покойному королю. Датируется «Великий план» по-разному: в 1617 году был закончен первый вариант, в 1638 году – завершено подробное изложение значительно модифицированного плана, в 1662 году (уже после смерти автора) мемуары вышли из печати. Согласно проекту Сюлли, Европа должна была стать конфедерацией 15 христианских государств, приблизительно равных по территории и ресурсам, чтобы обеспечить максимально возможное равновесие между ними. Это 6 наследственных монархий (Франция, Испания, Англия, Швеция, Дания и Люксембург), 5 выборных монархий (Империя, Итальянская церковная республика под руководством папы Римского, Польша, Венгрия и Богемия) и 4 республики (Венеция, Италия, Швейцария и Бельгия). Между правителями данных держав и планировалось заключить союз.

Что касается России, то Сюлли пишет: «Я ничего не говорю о Московии и России. Эти обширные страны были в большой степени еще изолированными и отчасти схизматическими, так же, как Греки и Армяне ... они принадлежат Азии, по крайней мере так же, как Европе. Мы можем в действительности рассматривать их как варварскую страну и поместим в тот же ряд, что и Турцию, хотя уже 500 лет мы рассматриваем их среди христианских держав». Как мы видим, Сюлли считал Московию и Россию двумя разными государствами. И все же он указывал на возможность приглашения России в конфедерацию. У государя России был выбор: или интегрироваться в объединенную

Европу, или же потерять все свои владения в этой части света. У турецкого султана даже такого выбора не было: его выставляли из Европы однозначно: "Если великий герцог Московский или царь России ... откажется войти в Ассоциацию после того, как это будет ему предложено, он должен быть, подобно турецкому султану, лишен его владений в Европе". Сюлли учел вероятность отказа российского государя войти в конфедерацию. В таком случае рекомендовалось усилить Польшу за счет территорий, захваченных у "неверных", то есть у Турции.

Верховный орган конфедерации предлагалось создать в виде Генерального совета (иначе - Сената), дополненного шестью провинциальными (региональными) советами. Генеральный совет следовало избирать раз в три года. Он должен был состоять из 40 "государственных мужей", представлявших все страны конфедерации. В частности, Сюлли называл следующее "национальное представительство": по четыре комиссара от папы Римского, императора, королей Франции, Испании, Англии, Швеции, Ломбардии, Польши, Венеции и по два комиссара - от каждой республики. Генеральный совет наделялся полномочиями верховного арбитра в любых спорах: как между государствами, так и между правителями и их подданными. Его решения должны были иметь окончательный характер. Сюлли видел в конфедерации не только гаранта мира в Европе, но и крепость против внешних врагов, к которым он причислял турок и, отчасти, татар и москвитов (то есть русских).

"Великий план" Сюлли был весьма противоречив. Он предполагал предварительную перекройку границ большинства европейских государств (и даже их заморских владений!). Более всего, согласно плану, страдали Габсбурги: они лишались всех территорий за пределами Испании (в Германии, Италии, Нидерландах). Здесь проявился политико-прагматический подход, учитывающий, прежде всего, национальные интересы Франции. Таким образом, Сюлли в скрытой форме выступал за гегемонию своей страны в Европе. Главной же заслугой герцога явилась разработка идеи "наднациональной высшей власти", с помощью которой он пытался преодолеть доминирующую силу его эпохи - национализм. Оценивая значение "Великого проекта", Жан-Жак Руссо писал, что он "был недостаточно хорош для Европы, так как Европа была недостаточно хороша для него". Важно отметить, что проект Сюлли предусматривал подключение к европейской интеграции зависимых территорий в других частях света: "... можно будет завоевать все территории в Европе, к ним можно будет присоединить завоевания в Азии, которые наиболее удобно расположены, и те территории в Африке, которые близки и важны для нашей безопасности". Таким образом, проект не был чисто европейским. Скорее, он отражал стремление к восстановлению границ Древнего Рима, то есть следовал "римской идее". Впрочем, в проекте упоминаются и Мексика, и Филиппины, и Молукка, и Гоа.

Судя по мемуарам Сюлли, Генрих IV и его приближенные предприняли некоторые конкретные шаги по реализации этого проекта. Французский король обращался с письмами к английской королеве Елизавете и ее наследнику Якову I. Королям Англии и Швеции, герцогам Савойскому и Лотарингскому были предложены брачные союзы. Папа выставил свое условие: только католики могли становиться императорами, Римско-Католическая Церковь сохраняла бы свои привилегии, протестантов не допускали бы на места, которые они не занимали ранее. Сам Сюлли считал "римскую", то есть католическую, религию самой "чистой". Но в таком виде она сохранилась, по его мнению, только в Италии и Испании. Францию он называл в ряду стран с "реформированной" религией. Сюлли утверждает в мемуарах, что на первых порах Англия, Швеция, Швейцария, Дания, Венгрия, Венеция, Богемия, папа Римский и некоторые другие поддержали проект и даже согласились выделить соответствующие войска и вооружение. [74] Однако осуществить проект на практике не удалось. Он остался в истории в качестве одной из первых попыток переустройства Европы на федеративных началах (здесь Сюлли следовал по стопам Иржи Подебрада). "Великий проект" отразил также стремление Франции к гегемонии в Европе и тенденцию к созданию европейской "наднациональной

высшей власти" (а в этом он продолжил линию Пьера Дюбуа).

В эпоху «европейского равновесия» не только католики, но и протестанты активно предлагали свои проекты объединения Европы. Идея пацифистской Христианской Европы была провозглашена квакерами на конгрессе в английском городе Скиптоне в 1660 году. А в 1678 году один из лидеров движения Р. Баркли обратился к европейским правителям с посланием, в котором призвал прекратить династические войны и установить христианский мир в Европе. Уильям Пенн (1644-1718), английский политический и общественный деятель, основатель колонии Пенсильвания в Северной Америке, опубликовал в 1693 г. "Опыт о настоящем и будущем мира в Европе". Он предложил подробный и обстоятельно аргументированный проект создания федерации европейских государств, который стал новым словом в развитии идеологии единой Европы. При этом Пенн попытался учесть реальную геополитическую структуру континента, разделенного на множество государств.

Основная идея Пенна – создание «Европейской лиги, или конфедерации». Ее задачами называлось как сохранение мира в Европе, так и обеспечение защиты от внешних врагов. Высшим органом конфедерации должно было стать собрание представителей европейских государств, которое автор именовал по-разному: конгрессом, верховным советом, парламентом или палатой. Предполагалось, что данное собрание займется мирным разрешением конфликтов между державами. Если же одна из враждующих сторон не подчинится принятому решению, собрание должно было организовать совместные действия остальных держав и принудить ее к подчинению. Планировалось также возмещение ущерба пострадавшей стороне. Местом первой встречи представителей должен был стать какой-либо город в центре Европы. В дальнейшем это место будет определяться самими собравшимися. Порядок заседаний палаты государств был проработан Пенном особенно тщательно. Он, в частности, настаивал на необходимости иметь для этих заседаний круглый зал в целях "предупреждения обид". От каждых 10 делегатов рекомендовалось выбрать одного представителя, который по очереди с другими председательствовал бы на заседании. Рабочими языками встреч Пенн предложил сделать либо латинский, который "удобен для юристов", либо французский, который "наиболее легок для знатных людей". Решения в палате должны были приниматься большинством в три четверти голосов (или, по крайней мере, большинством в семь голосов сверх половины). При этом представители всех государств должны были обязательно присутствовать на каждом заседании и активно участвовать в дебатах.

Автор ссылаясь на опыт Генеральных Штатов в Нидерландах и считал, что европейская структура могла бы выглядеть следующим образом: 1) Генеральные штаты, 2) суверенные государства, образующие эти Штаты и представляющие собой провинции, 3) различные города в каждой провинции, которые образуют независимые отдельные единицы и создают провинциальные Генеральные штаты. В какой-то мере эта схема превосхищает идею "Соединенных Штатов Европы", однако ей не хватает определенности. Пенн связывал осуществление своего плана с Англией "раньше, чем со всеми другими странами". В этом проявилась не только гражданская позиция автора, но и объективно возросшая роль Англии в Европе к концу XVII века. Пенн заключает: "Хотя это великое собрание представляет собой всего лишь четвертую часть известного нам в настоящее время мира, но зато лучшую и богатейшую, где религия и образование, цивилизация и искусство занимают достойное место". В случае объединения европейских держав, как отмечал автор, турки не посмеют более вторгаться в европейские страны. Вместе с тем Пенн не исключал и участия в палате самой Турции, что, видимо, также могло гарантировать от турецкой агрессии.

Надо признать, что в целом, проект У. Пенна основывался на планах его предшественников, особенно П. Дюбуа и герцога де Сюлли. Главной же особенностью трактата следует, видимо, считать детализацию условий работы общеевропейского механизма Общеевропейское собрание представителей государств Европы планировалось

проводить раз в два-три года (и по мере необходимости – чаще). Пенн точно определил, сколько голосов в палате будет иметь каждое государство. В качестве критерия он предложил ежегодные доходы тех стран, чьи представители войдут в палату. Эти доходы можно подсчитать, если учесть поступления с земельных владений, таможенные доходы от вывоза и ввоза, налоговые регистры и сметы. Желательно при этом учесть и "ценность территории", занимаемой тем или иным государством. В итоге, автор проекта давал Германской империи право иметь 12 представителей, Франции и Испании - по 10, Италии - 8, Англии - 6, Швеции, Польше и Нидерландам - по 4, Португалии - 3, Швейцарии и соседним с ней малым государствам - 2, герцогствам Курляндскому и Голштинскому – одного представителя на двоих. Если в палату государств будут приняты также Московия и Турция, то их квота оказалась бы на уровне Франции и Испании. Таким образом, в числе безусловных участников лиги автор называет «все европейские государства», завершая их перечень на востоке Польшей и Курляндией. Однако, по его мнению, "было бы достойным и справедливым" принять в лигу «турок и московитов».[75]

Судя по тому, что знаменитый английский квакер ставил "турок" и "московитов" на одну доску, он не считал Россию подлинно европейским государством. При этом он обоснованно полагал, что без участия Оттоманской Порты и Московии установить "вечный мир" в Европе невозможно. Примерно с таких же позиций подходят к проблеме границ европейского геополитического пространства современные американские аналитики. Как бы там ни было, предложив создать единую Европу в ее естественных границах, Пенн фактически заявил себя провозвестником современной идеи «Европы от Атлантики до Урала».

Джон Беллерс, другой лидер квакеров, выступил в 1710 году с трактатом "Некоторые соображения в пользу европейского государства". По основным организационно-политическим идеям его план практически не отличался от проекта Пенна. В трактате также развивались некоторые идеи Г. Гроция и других представителей европейской политической мысли. Согласно проекту Беллерса, следовало создать конфедерацию государств Европы. Ежегодно должен был созываться конгресс (сенат, сейм или парламент); где рассматривались бы жалобы европейских государств, вырабатывались общие нормы европейского права, улаживались территориальные и прочие споры. Беллерс писал: "Вся Европа будет иметь единое правительство, каждое королевство и государство можно будет ограничить в содержании войск и военных кораблей, чтобы лишить их возможности напасть на соседей". Таким образом, идея создания европейской конфедерации увязывалась с программой частичного разоружения.[76]

Шарль де Сен-Пьер (1658-1743), французский аббат, дипломат и философ, опубликовал свой «Проект вечного мира в Европе» в Утрехте, в 1712 году. Автор участвовал в мирной конференции, положившей конец войне за испанское наследство. Кстати, Утрехтский мир 1713 г. был последним крупным историческим событием, в связи с которым публично ссылались на «христианское содружество» или «христианскую республику» (*respublica Christiana*). Английский ученый Н. Дэвис пишет: «После этого преобладает самосознание не христианского, а европейского сообщества».[77] Значительно дополненный и переработанный «Проект» был издан в 1713 г. в двух томах, а в 1716 году появился и третий том. Наконец, в 1729 году в Роттердаме опубликовали еще один (сокращенный) вариант "Проекта". Никто до Сен-Пьера не писал с такой убежденностью о пользе федеративного устройства Европы. Он дал краткий исторический очерк федеративных форм в Европе и предпринял попытку обосновать истоки европейской общности (среди прочего назывались и законы Юстиниана, и Священная Римская империя). Подчеркивалось, что помимо различных политических конфедераций в Европе создавались и другие реальные формы общности (единство нравов, обычаев, религии). Таким образом, согласно Сен-Пьеру в Европе существовали благоприятные предпосылки для установления прочного мира. Здесь имелся опять «политического и гражданского единения» времен Римской империи, были разработаны

«гражданские установления и законы», а главное – христианство создало самую сильную связь между европейскими народами. «Все эти причины, - заключает Сен-Пьер, – превращают Европу, в отличие от Азии или Африки, в идеальное собрание народов, объединяемых не одним лишь именем в подлинное сообщество».

Автор впервые четко сформулировал тезис о равновесии сил как основополагающем принципе европейского устройства. В поддержании же равновесия, согласно Сен-Пьеру, исключительно важная роль принадлежит дипломатии: «Что действительно в определенной степени поддерживает европейскую систему, так это дипломатические переговоры». Сен-Пьер резко критикует идею объединения Европы под началом какого-либо монарха: "нет такого деятеля, который мог бы стать европейским властелином". Он доказывает, что "европейский опыт" уже продемонстрировал тщетность подобных попыток. Невозможен, по его мнению, и союз двух-трех государей, полностью контролирующих Европу: "Эти три властелина, кем бы они ни были, не составят вместе и половины Европы. Тогда другая ее часть, безусловно, объединится против них; им нужно будет победить более сильного противника, нежели они сами". Следовательно, возможно лишь конфедеративное устройство единой Европы. Для этого Сен-Пьер предложил созвать конгресс или ассамблею, где государи могли бы заключить Договор о конфедерации.

Статьи Договора прописаны автором достаточно четко. Ст.1 устанавливает "вечный и нерасторжимый" союз между всеми участниками. Образуются постоянный совет (или конгресс), арбитраж и суд для урегулирования возникающих разногласий. Ст.2 определяет число государств, представители которых будут иметь голос в конгрессе, структуру и порядок его работы, а также размеры взносов для покрытия расходов конгресса. Ст.3 гарантирует каждому из членов конфедерации правление в тех странах, которыми он владеет, причем государства отказываются от всяких взаимных претензий. Здесь же предусматривается создание арбитража. Ст.4 определяет, что каждое государство, нарушившее великий союз или начавшее подготовку к войне, должно быть подвергнуто изоляции и преследоваться как враг до тех пор, пока не подчинится постановлениям совета, и не возместит ущерб и расходы. Здесь же намечено создание единой армии союза (за общий счет) для борьбы с нарушителями. Наконец, ст.5 определяет, что представители европейских государств будут иметь возможность издавать в совете законы, необходимые для блага европейской республики. Для их принятия в окончательном виде необходимо будет собрать большинство в три четверти голосов.

Согласно проекту Сен-Пьера, каждый член европейской республики должен был получить один равный с другими голос в совете. Всего предлагалось включить в состав конфедерации 19 европейских держав. Участники перечислены в следующем порядке: император Римский, император России, король Франции, король Испании, король Англии, Генеральные штаты, король Дании, Швеции, король Польши, король Португалии, самодержец Рима, король Пруссии, курфюрст Баварский, курфюрст Пфальцский, швейцарцы и их союзники, князь церкви, Венецианская республика, король Неаполитанский, король Сардинии.[78] Таким образом, в список вошли все основные державы Европы. Сен-Пьер, безусловно, считал Московию европейской страной и даже отводил ей почетное второе место в списке. Нельзя не обратить внимания на то, что он мыслил конфедерацию как объединение исключительно христианских государств. Тем самым игнорировались конфессиональные различия христианских церквей, а Турция выводилась за рамки предполагаемого союза.

В "Проекте" детально разработан Договор о будущей европейской конфедерации. Определяется ее состав, задачи и компетенция, механизм принятия решений (в первую очередь - регулирования споров между государствами). Указывается на источники финансирования общих расходов. Ключевая роль, по Сен-Пьеру, должна принадлежать совету (или конгрессу) конфедерации. Лейтмотив предлагаемого договора - идея статус-кво, гарантируемого конфедерацией не только с помощью арбитража или суда, но и

посредством силы, совместных наступательных действий государств против нарушителя. Данный план был первым "европейским проектом", вызвавшим заметный резонанс. О Сен-Пьере писали Лейбниц, Вольтер, Руссо, французский кардинал Дюбуа, прусский король Фридрих II. Их оценки были вполне скептическими. Вольтер назвал подобный проект «неосуществимым», «чистейшей химерой».[79] Фридрих II иронизировал: «дело вполне осуществимое: единственно, чего ему не хватает для успеха, так это согласия всей Европы и некоторых подобных небольших деталей».[80] Правда, Жорж Санд написала о Сен-Пьере: «Этот мечтатель казался более чистым и ясным чем все его современники».[81] Но реально воплотиться в жизнь подобный план в первой половине XVIII века никак не мог.

Франсуа-Мари Аруэ, известный миру под литературным именем Вольтер (1694-1778), характеризовал Европу как "большую республику, разделенную на ряд государств", различных по формам правления, но «соответствующих друг другу, имеющих общую религиозную основу ... одинаковые принципы государственного и политического права, не известные в других частях мира; согласных в необходимости поддержания "равного баланса сил" и использующих метод переговоров даже во время войн».[82] Отношение Вольтера к России было неоднозначным. Он высоко оценивал деятельность Екатерины II, называя ее в числе немногих современных ему монархов-философов, и состоял с ней в переписке. И в то же время Вольтер определенно исключал Россию из числа христианских государств Европы, составлявших, по его словам, "одну большую республику" в силу того, что они были объединены не только общей религией, но и одинаковыми принципами "государственного и политического права". Написанная Вольтером "История Российской империи при Петре Великом" заслужила резкую критику Ломоносова за предвзятость и недооценку русской культуры .[83]

Жан-Жак Руссо (1712-1778), видный французский философ и литератор, считал нужным опубликовать в своем изложении. «Избранные места из Проекта вечного мира» (1760-1761). А в 1782 г. (посмертно) было издано эссе «Суждение о вечном мире». Руссо в принципе поддерживал проект Сен-Пьера: "Создайте европейскую республику на один день - этого будет достаточно, чтобы она существовала бесконечно, так как каждый из людей обнаружит на собственном опыте множество выгод для самого себя в общем благе". При этом он ставил под сомнение добрую волю европейских правителей, которым сложно будет отказаться от завоевания чужих территорий и расширения своих властных полномочий. Таким образом, Руссо отвергал не основную идею проекта Сен-Пьера, а "мечты" и "химеры", связанные с добровольным его принятием государями Европы. В эссе утверждалось, что проект разумен сам по себе, но средства, предлагаемые для его воплощения в жизнь, свидетельствуют о наивности автора. Пусть, однако, не говорят, писал Руссо, что если система Сен-Пьера не была осуществлена, то она не была хороша. Напротив, "она была слишком хороша, чтобы быть принятой, ибо зло и злоупотребления входят в жизнь".

Руссо заключает: "... С восхищением и удивлением отнесемся к столь прекрасному плану и утешимся, что он еще не осуществлен, ибо он осуществим только жестокими и чуждыми человечности средствами". Здесь уже предполагается возможность силового объединения Европы по методу Наполеона и Гитлера. Вообще-то Руссо мало верил в единство Европы: "То, что мы принимаем за братские узы, связывающие народы Европы, кажется ... ужасным ироничным эвфемизмом всего того, что в действительности ставит их один против другого". Философ прямо заявил, что европейская федерация возможна лишь как итог и следствие революционной борьбы: "Федеративные лиги, как видно, создаются только революционным путем; так кто же из нас решится сказать, желать ли создания Европейской лиги или страшиться ее? Быть может, создание ее за один раз принесет больше зла, чем отвратит на целое столетие".[84] Так прогнозировалось объединение Европы революционной Францией.

Впрочем, Руссо рассматривал всерьез и другой вариант насильственного

объединения Европы. Этот «проект», изложенный в трактате «Об общественном договоре, или принципы политического права» хорошо иллюстрирует также отношение автора к России: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения ... Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества ... Российская империя пожелает покорить Европу - и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими повелителями. Переворот этот кажется мне неизбежным. Все короли Европы сообща способствуют его приближению».[85] Как видно, Руссо предполагал возможность объединения Европы татарами и созидания ими своего рода Евразийской империи. Степень «дикости» и «нецивилизованности» русских Руссо, безусловно, преувеличивает. Читать такие строки россиянину просто обидно. Однако по части проектов объединения Европы русские очень долгое время, действительно, обладали лишь «подражательными талантами».

В частности, Василий Федорович Малиновский (1765-1814), директор Царскосельского лицея и выдающийся русский просветитель, издал в Петербурге в 1803 г. трактат «Рассуждение о мире и войне», где развил некоторые идеи Сен-Пьера. Автор указывал на то, что Европа уже «приготовилась» к объединению, ибо «закон, нравы, науки и торговля соединяют ее жителей и составляют уже из нее некоторый род особенного общества». Он предполагал возможность использования некоторых европейских национальных языков для общеевропейской коммуникации и утверждал, что «многие европейцы одного происхождения и все почти перемешаны». Поэтому-то Европа и должна быть устроена «подобно одному отечеству всех ее жителей». Малиновский полагает, что объединение Европы могло бы стать альтернативой колониальной экспансии, и предлагает принять «общенародные законы», т.е. общее для всех европейских народов законодательство. «Общий союз Европы» должен, по мысли автора, заменить все частные союзы и коалиции. Подчеркивая необходимость «соединения по согласию», он одновременно настаивает на окончательности, бесповоротности подобного объединения («дав оное по здравому рассуждению, невозможно возвратить по пристрастию»). Совет, составленный из «полномочных союзных народов», должен разрешать возникающие споры и обеспечивать общую безопасность. В случае отказа какой-либо страны от выполнения решений Совета необходимо подвергнуть ее бойкоту. Малиновский не считал колониальные владения европейских стран их интегральными частями, однако настаивал на нерушимости европейских границ.[86] Несмотря на явную «вторичность» многих идей Малиновского и слабую проработку деталей трактат, безусловно, заслуживает внимания в качестве первого проекта объединения Европы, созданного в России.

Иммануил Кант (1724-1804), знаменитый немецкий философ, в трактате «К вечному миру» (1795) изложил своеобразный дипломатический договор. Он выдвинул требование подвести под межгосударственные отношения в Европе прочную правовую основу. Средством обеспечения мира ему виделась федерация европейских республик. Таким образом, Кант был привержен принципам республиканизма и федерализма. В трактате говорится о некоем «союзе мира»: «...должен существовать особого рода союз, который можно назвать союзом мира и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый - всем войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств». Здесь предельно ясно изложена идея конфедерации, создаваемой на добровольной основе при обеспечении суверенитета каждого государства – участника.

Кант выделяет три уровня публичного права: право государственного гражданства, международное право (то есть право регионального союза) и право всемирного

гражданства (оно интерпретируется как «право посещения»).[87] Таким образом, взаимосвязь и неразрывность этих трех аспектов права у Канта предвосхищает наш век, когда вполне выстроена система "государство - региональный союз - ООН". Кант подчеркивает органическую связь между государством, признающим и гарантирующим фундаментальные права и свободы граждан, и добровольным объединением государств, обеспечивающим участникам совместную безопасность, суверенитет и сотрудничество.

Анри Клод Сен-Симон (1760-1825), известный французский социалист-утопист (впрочем, более утопист, чем социалист), в своих "Письмах женевого обитателя к современникам" (1802-1803) призывал к реорганизации европейского общества в духе проекта Сен-Пьера. Он, в частности, предлагал созвать общеевропейское собрание, названное им "Советом Ньютона". В состав данного Совета должны были войти так называемые "избранники человечества" числом двадцать один. Предполагалось создать и советы "четырёх частей человечества": английский, французской, германской и итальянской. Сен-Симон полагал, что «как только будут проведены выборы в главный совет и в советы отдельных частей, бич войны покинет Европу». К выборам в советы должны были быть допущены и женщины, причем они "могут быть избранными". Интересно, что Сен-Симон предполагал объединить Европу, прежде всего, против Азии и Африки: "Знай, что европейцы - дети Авеля; знай, что Азия и Африка населены потомством Каина ... Европейцы соединят свои силы и освободят своих братьев греков от владычества турок".[88]

В работе "Труд о всемирном тяготении" (1813), опубликованной лишь посмертно, в 1843 году, Сен-Симон развил свой проект преобразования европейского общества. Он писал, что средневековая Европа была «европейской федерацией». Европа же будущего должна основываться, по его мысли, на новой религии, соответствующей новой исторической эпохе. Как только появится теория, соответствующая состоянию просвещения, рассуждает он, все тотчас войдет в норму и общее устройство европейских народов восстановится само собой. Сен-Симон мыслил осуществить реорганизацию европейского общества посредством особого учреждения, общего для всех народов Европы: "Это учреждение, смотря по степени просвещения каждого народа, будет представляться ему научным или религиозным, но оно во всяком случае окажет положительное политическое воздействие в обуздании честолюбия парадов и королей». Ученые должны будут выправить своих представителей в Рим с тем, чтобы избрать «папу новой научной теории». Сразу после своего избрания данный «папа» обратится к Европе со своим воззванием, призывая к восстановлению «религиозной связи» между европейскими народами.

В последующих сочинениях «О реорганизации Европейского общества» (1814) и «О мерах против коалиции 1815 года» план преобразований в Европе уточняется и дополняется. В написании работ принимал участие и секретарь Сен-Симона, будущий известный историк Огюстен Тьерри. Авторы осудили Венский конгресс и возложили свои основные надежды на философов и писателей Европы. В их проекте предусматривалось создание общеевропейского парламента, который мог бы избирать короля всей Европы. Общеевропейская исполнительная монархическая власть – основная идея данного проекта. Как видно, социалистические убеждения Сен-Симона мало отразились на его видении единой Европы. В проекте выделяются три вида власти: национальные парламента (избираемые в соответствии с законами каждой отдельной страны), общеевропейский парламента и специальный орган, регулирующий отношения между ними. Общеевропейский парламента должен был состоять из 240 депутатов. В нем предполагалось создать палату общин и палату лордов (явно по английскому образцу). Депутаты палаты общин должны были выбираться на 10 лет всеми, кто умеет читать. Члены палаты лордов, по мнению Сен-Симона, могли назначаться королем. При этом предусматривался имущественный ценз: 25 тысяч франков для депутата нижней палаты и 1 млн. франков – для члена верхней. Правда, 20 человек, «достигших всеевропейской

славы в науке, торговле, промышленности или на административном поприще», могли бы войти в верхнюю палату вне зависимости от своего имущественного состояния.

Король Европы, избираемый общеевропейским парламентом, мыслился главным регулятором власти. Под его началом планировалось введение единой системы народного образования и составление общего кодекса морали.[89] Сен-Симон не питал иллюзий относительно быстрой реализации своих проектов. Он писал, что необходимо дождаться того времени, когда все народы будут жить при парламентских режимах. Во взглядах Сен-Симона действительно было много утопического и противоречивого. Однако, его европейские проекты, в целом, выражали демократическое видение перспектив общеевропейского развития.

Огюст Конт (1798 – 1857), французский философ и социолог, основатель школы позитивизма, в течение семи лет был секретарем и учеником Сен-Симона. В своем четырехтомном труде "Система позитивной политики" (1851-1854) Конт изложил свои соображения о политических началах будущего общественного устройства "Западной республики", в которую он включал, прежде всего, Францию, Италию, Испанию, Англию и Германию. При этом в составе "примыкающих государств" назывались также Голландия и Португалия. Конт добавлял к этой "передовой части человечества" и "два второстепенных элемента, которые, относясь исторически - один в древней, другой в новой истории - к западным народам, а географически к восточным, составляют во всех отношениях ... естественный переход между Востоком и Западом; эти элементы суть на юге греческое население и на севере польское". Интересно, что "северо-американцы" включались Контом в состав "британского населения". Таким образом, проект принимал характер не чисто европейского, но атлантического. Россия при этом не упоминалась совершенно. Зато Франция, по мнению Конта, "начиная с Карла Великого ... постоянно составляла необходимый социальный и географический центр ядра отборной части человечества".

"Общая доктрина и одинаковые нравы, покоящиеся на однообразной системе всеобщего воспитания, руководимой и применяемой одной и той же духовной властью" должны были, согласно Конту, привести к серьезным гражданским преобразованиям. Хотя "перестройка гражданских учреждений по необходимости ... будет представлять глубокие национальные различия", но эти необходимые различия нисколько не нарушат основного единства великой позитивистской республики, систематическая связь которой будет более полной и более прочной, чем связь католической республики, существовавшей в средние века". Конт полагал, что реформа "должна быть сначала интеллектуальная; она должна распространиться на весь Запад". Соответственно предлагалось «учреждение духовной власти как органа Западной Республики». Предусматривался некий "переходный режим" Временного правительства, за образец которого брался Конвент (в первой половине его правления). Конт неустанно подчеркивал, что "духовное преобразование должно предшествовать светской реформе", и видел основную задачу правительства в течение "духовного междуцарствия" в обеспечении "материального порядка", а также свободы "слова и прений".[90] В целом, проект Конта отличался слабой проработкой деталей и безудержным культивированием позитивистских принципов в качестве «общеевропейских».

Немецкий философ Карл Христиан Фридрих Краузе поместил в 1814 году в "Немецком журнале" свой "Проект европейского союза государств". Ранее он уже разрабатывал глобальные интеграционные проекты, где главной движущей силой объединения выступал Наполеон. Теперь, в новых условиях, Краузе не выходил за пределы проблем европейской, то есть региональной интеграции. К тому же на сей раз надежды возлагались уже не на императора, а на коалицию его противников. Как говорится, вовремя предать – это не предать, а предвидеть. Основой союза европейских государств, по мысли автора, должны были стать "новые международные права" и правовые нормы. Конституции отдельных государств - членов союза следовало привести

в соответствии этому новому международному праву. Всякие нарушения данного права должны были пресекаться системой штрафов и других карательных мер, но только не вооруженными акциями. Согласно Краузе, члены союза вольны были бы в любое время войти в него и выйти из него, что обеспечивало их свободу и суверенитет. Предусматривалось также создание "Суда народов" для урегулирования спорных вопросов. В высшие органы Союза должны были входить главы государств-членов или их уполномоченные. Для решения проблем требовалось единогласие всех его членов. Каждая страна могла иметь в Совете Союза лишь один голос. Союз государств, по мнению Краузе, должен был торжественно объявить всем народам, что он рассматривает себя как единое правовое лицо, что Союз отказывается от насильственных завоеваний, но готов защищать своих членов от нападения. Важным был принцип, согласно которому члены Союза не имели права самостоятельно вести войну. Это право принадлежало лишь всему Союзу в целом.[91]

Таким образом, проект Краузе, с одной стороны, опирался на суверенность отдельных государств, а с другой - предусматривал создание наднациональной структуры с определенными полномочиями. Автор решительно отклонял церковные и династические принципы создания Союза: он считал, что европейская интеграция возможна лишь на международно-правовой основе. В какой-то мере идеи Краузе были реализованы в Священном Союзе. Интересно в этой связи отметить, что некий анонимный, автор опубликовал в 1814 году статью под названием "Предложения к органическому законодательству Европейского союза государств для обоснования длительного мира во всем мире". Обращаясь к главам государств, съехавшимся на Венский конгресс, автор предложил создать "европейский правовой порядок" вместо того, чтобы строить мир на "равновесии" и "естественных границах". В частности, предусматривалось учреждение имперского (или союзного) совета, который улаживал бы все спорные вопросы, возникавшие как между государствами, так и между государями и народами. При помощи такого регулирования, по мнению автора, можно было бы предотвратить дальнейшие революции. Отвергая идею "равновесия", автор в то же время выступал за то, чтобы Европейский Союз был гарантом против возможного нарушения границ и попыток отдельных государств расширить свои территории и владения. Для этой щели предусматривалось создание специальной армии, численность которой определялась бы из расчета четырех тысяч солдат на полмиллиона жителей. И здесь автор шел в одном русле с решениями Венского конгресса. Аноним призывал также к свободе торговли и судоходства, к введению общей системы мер и весов и, что особенно важно, к единой денежной системе. В целом, проект повторял некоторые положения плана Краузе и, отчасти, видимо, был учтен создателями Священного Союза.

Фридрих фон Гентц (1764-1832), министр короля Пруссии, а позже секретарь Клеменса Меттерниха на Венском конгрессе, издал в 1800 году эссе "К вечному миру" (явно под влиянием Канта). Гентц как дипломат исходил не из категорий "просвещенного разума", а из реалий европейской политики. Он внимательно рассмотрел три предлагаемых метода обеспечения вечного мира: 1) мировое государство; 2) систему независимых наций и 3) федерацию государств. Глобальное объединение стран и народов Гентц счел утопией. Система независимых наций, по его мнению, возвратит Европу к нескончаемым истребительным войнам, которые приведут к полному разрушению этой части света. Однако, и идея добровольной федерации, несмотря на всю ее привлекательность, также утопична, ибо ни одно государство не хочет связывать себя обязательством поддерживать вечный мир. Поэтому, заключал Гентц, вернуться к политике "европейского баланса".[92] Будущий австрийский дипломат призывал к той самой политике, которая через полтора десятилетия воплотится, при его активнейшем участии, в знаменитый Священный союз.

В торжественной декларации от 15 ноября 1815 года, оповещавшей о создании Священного союза, провозглашалось, что его целью будет строжайшее соблюдение

международного права. В тайном протоколе, составленном в тот же день, речь шла о взаимной поддержке монархов, узаконении их права на вмешательство там и тогда, где и когда начинают рушиться легитимные режимы. Крепость Священного союза сооружалась в расчете на длительное существование. Архитекторы и не подозревали, насколько непрочной она окажется. В частности, Франц Ксаверий фон Баадер (1765-1841), баварский философ-мистик, отводил России мессианскую роль в объединении Европы. Он призывал царя Александра I принять участие в создании "христианской федерации", основанной на новой и более тесной связи между политикой и религией. В 1814 г. именно Баадер отправил российскому и австрийскому императорам, а также прусскому королю памятные записки, ставшие впоследствии идеологической основой Священного союза.

В своем письме министру народного просвещения России графу С.С. Уварову от 22 марта 1841 г., озаглавленном "Миссия Русской Церкви перед лицом упадка Христианства на Западе", Баадер утверждал, что "в великом сближении Запада и Востока Россия, соединяющая в себе черты этих двух великих культур, призвана сыграть роль посредника, который предотвратит губительные последствия их столкновения". По словам автора письма, русская Церковь в состоянии оказать благотворное влияние на Запад, поскольку она еще не затронута разрушительными принципами французской революции и духом "картезианского сомнения". Русская нация сохранила «религиозный инстинкт» и, как православная Россия освободила Европу от военного господства Наполеона, так она освободит ее и от атеизма.[93] Таким образом, Баадер, глубоко обеспокоенный процессом дехристианизации в Европе, уповал на Россию как на спасительницу христианской культуры.

Шарль Морис Талейран, блистательный дипломат, представлявший на Венском конгрессе побежденную Францию, сформулировал главные принципы, на которых базировался Священный союз. Он первым произнес на открытии конгресса ключевое слово - легитимизм: "Основная потребность Европы - это изгнание навсегда мысли о возможности приобретения прав одним завоеванием и восстановление священного принципа легитимности, из которого проистекают порядок и устойчивость".[94]

Йозеф Гёррес (1776-1848), немецкий философ, в молодости бывший поклонником Французской революции, а после кровавой якобинской диктатуры и ее краха - сторонником Реставрации, с энтузиазмом приветствовал создание Священного союза. Однако, единственной силой, которая могла бы объединить Европу, воссоздать "новую Священную Римскую империю", по его мнению, являлась Германия. В ней Гёррес видел "центральную ось, вокруг которой вращается вся система европейских государств, естественный центр новой Германской Священной Римской империи, более обширной, чем прежняя, и созданной ... Священным союзом в форме федерации государств".[95] Таким образом, с его точки зрения, федерация европейских государств в 1815 г. уже была создана и носила имя Священного союза, причем этот Союз был по сути германским.

В истории Европы только дважды предпринимались серьезные попытки объединить ее всю "огнем и мечом", силой оружия навязав некий "новый порядок": Наполеон от имени Франции попытался "унифицировать" европейские страны и народы в начале девятнадцатого века, а Гитлер от имени Германии предпринял подобную же попытку в первой половине века двадцатого. Однако при всем кажущемся сходстве эти варианты реализации европейской идеи имели и существенные отличия. Экспансия Франции в эпоху Наполеона привела к распространению в Европе идей и институтов Великой Французской революции. Эта революция с самого начала мыслилась некоторыми ее идеологами, как начало революционных действий в европейском масштабе. Поэтому делались первые попытки сформировать новые нормы европейского (и международного) права. Европеизм Французской революции проистекал из убеждения, что "свобода, равенство и братство" составляют право гражданина не только во Франции, но и в других странах Европы. В результате многие положения "Декларации прав человека и гражданина" послужили основой для различных европейских теорий XIX-XX веков.

Многочисленные концепции, ставившие целью объединение Европы в социальном плане, объявлялись их создателями продолжением идей и практики Великой Французской революции.

Однако революционная Франция в целом мыслила национальными категориями, не ставя практического вопроса о создании какого-либо общеевропейского революционного правительства. Переворот 1799 года, приведший к власти Наполеона Бонапарта, резко изменил внешнюю политику государства. Теперь все яснее вырисовывалось желание установить французскую гегемонию в Европе, все "унифицировать" и подчинить единому правлению. В противовес данной тенденции стали оформляться и различные националистические движения. Так Европа оказалась в состоянии своего рода "гражданской войны". Постепенно освободительные войны Французской республики перерождались в захватнические, а идея равенства - в идею "унификации" всего и вся перед лицом французской гегемонии. Амьенский мир 1802 года показал, что Наполеон приступил к реализации своего плана "Великой Франции" и, шире, единой Европы.

Следует заметить, что Наполеон Бонапарт (1769-1821) родился на Корсике в семье набожных католиков, и его образованием руководили католические священники и дьяконы. Более того, мать Наполеона Мария-Летиция Рамолино была племянницей одного из каноников собора в Аяччо, а отец Карло-Мария (Шарль-Мари) Бонапарт – племянником архидиакона того же собора. Весьма вероятно, что Бонапарты происходили из семьи патрициев во Флоренции. Во всяком случае, одна ветвь семьи обосновалась в Сан-Миниато, а другая – в Сарзане. Последний наследник сан-миниатской ветви, каноник Филипп, поддерживал связь с корсиканскими Бонапартами, в частности, с архидьяконом собора в Аяччо Люсьеном Бонапартом (ок.1711-1791), двоюродным дедушкой Наполеона, которого будущий император Франции считал «вторым отцом». Во время итальянской кампании 29 июня 1796 г. генерал Бонапарт спал в доме архидиакона Люсьена на пути их Ливорно в Сан-Миниато. Каноник Филипп дал великолепный обед в честь своего гостя и его штаба. После обеда он отвел Наполеона в сторону и рассказал ему, что Бонавентуре Бонапарт, монах из Болоньи в XVII в., был давно причислен к лику блаженных, но его не могли канонизировать из-за чрезмерных расходов. Филипп на правах дальнего родственника попросил Наполеона обратиться с просьбой к Папе Римскому, чтобы канонизировали Бонавентуре Бонапарта. Наполеон был сильно озадачен этой просьбой и даже не попытался обратиться к Папе Римскому. Позднее, во время коронации Наполеона, сам Папа Римский заговорил об этом проекте канонизации, но император пропустил это мимо ушей. Видимо, глава французского государства, хотя и оставался католиком, не желал слыть «Корсиканским выскочкой» и уже стеснялся своих «блаженных» итальянских сородичей (или, во всяком случае, не испытывал никакой гордости и не желал иметь в своем роду «святых покровителей»). Кстати, мощи благословенного Бонавентуре Бонапарта до сих пор хранятся в Болонье, в церкви Санта-Мария делла Вита. После безвременной кончины отца будущего императора Франции именно архидьякон Люсьен принял на себя управление собственностью Бонапартов, поскольку Мария-Летиция тогда была очень молодой, хотя и многодетной, вдовой.[96] Люсьен считался довольно важным человеком в Аяччо, и он предвидел великое будущее Наполеона. Перед смертью архидьякон заявил Жозефу Бонапарту: «Ты старший сын в семье, но есть другой глава семьи», - и указал при этом на Наполеона.[97]

Еще французский просветитель Клод Адриан Гельвеций (1715-1771) любил порассуждать о "революциях-сестрах", приводящих к образованию "республик-сестер". Он утверждал также, что «народы европейские, за исключением москвитов, могут считаться свободными».[98] Теперь идею «республик-сестер», крайне популярную во Франции на рубеже XVIII-XIX веков, воплощал в жизнь Бонапарт. Фактически создавались государства-сателлиты, не имевшие самостоятельной внешней политики, такие как Италия и Голландия. После решительных побед над австро-российской коалицией в 1805-1806 годах Наполеон приступил к широкомасштабной реорганизации

европейского геополитического пространства. Европа перестраивалась как семейный императорский домен, где император Франции, ставший одновременно королем Италии, на наиболее видные роли выдвинул своих родственников. Так, вице-королем Италии был назначен Евгений Богарнэ [99], Жером получил королевство Вестфалия, Луи - королевство Голландия. Жозефу Бонапарту, самому старшему брату Наполеона, досталась беспокойная Испания. А Неаполитанское королевство получил шурин императора - Мюрат.[100] Все эти государственные образования довольно мало походили на "республики-сестры", так как там существовала реальная императорская или королевская власть. Правившие родственники Наполеона являлись, по сути, его наместниками, полностью зависимыми от воли императора. Дядя императора, Жозеф Феш, стал кардиналом и оказывал серьезное влияние на дела Католической Церкви во Французской империи.[101] Даже союзные Франции государства, где родственники Бонапарта не стояли у власти, также вполне зависели от Парижа. Великое герцогство Варшавское, выкроенное из польских земель Австрии и Пруссии, Рейнская конфедерация государств и Имперские провинции находились под контролем императора и не проводили самостоятельной внешней политики. При этом Франция не растворилась во вновь приобретенных владениях, но оставалась центром империи, ее метрополией.

В 1809-1810 годах Бонапарт преобразовал многие завоеванные государства в обычные провинции. В прямом подчинении Франции оказались Португалия, Испания, Голландия, Иллирия. Возникла громадная империя от Балтики до Черного моря. Везде действовал "Кодекс Наполеона", защищавший частную собственность и провозглашавший равенство граждан перед законом.[102] После вынужденного присоединения России к континентальной блокаде, которую Франция объявила Великобритании, стали поговаривать о создании Бонапартом "Крепости Европа". В 1810 году австрийский император отдал руку своей дочери Наполеону, связав тем самым семейство Бонапарта с династией Габсбургов.[103] Церемония бракосочетания, естественно, прошла по католическому обряду. Никогда до этого не было такой концентрации власти в Европе в руках одного человека, исключая, разве что, некоторых Римских пап. Фактически только Россия, Великобритания, скандинавские страны и Турция сохраняли все признаки суверенных держав. Австрия обладала лишь ограниченным суверенитетом. Различия в статусе и в названиях бывших самостоятельных европейских стран не играли большой роли. Европа была уже почти превращена в территорию, полностью подвластную Франции. Тем более что Англия не являлась в глазах Наполеона европейской страной, а Россия подлежала скорому покорению и "унификации". Таким образом, идея единства Европы, претворяемая в жизнь Наполеоном, временно потеснила старую идею европейского баланса сил. Вторжение Великой армии, составленной из представителей всех покоренных европейских стран, в Россию ознаменовало пик могущества французского императора.

Создание общеимперской армии было одним из основных признаков европейского объединения, осуществленного Бонапартом, наряду с его знаменитым "Кодексом". Император имел вполне определенные планы переустройства европейского геополитического пространства после его окончательного покорения. Но, находясь во главе государства, он почти ничего не говорил об этих планах публично. Наполеон рассчитывал обнародовать свой проект единой Европы после разгрома России, которую он полагал главным и последним препятствием. Уже после падения французский император сумел все-таки изложить свой европейский проект (вероятно, несколько подновленный и приукрашенный).[104] В период "Ста дней" в Париже был опубликован "Дополнительный акт к Конституции империи", автором которого был назван Бенжамен Констан, но преамбулу написал, по всей видимости, сам Наполеон. В этой преамбуле, в частности, говорилось: "Нашей целью было создание обширной федеративной европейской системы, которая, как мы верили, соответствовала бы духу столетия и служила бы прогрессу цивилизации. Чтобы эту систему усовершенствовать и дать ей

большее распространение и стабильность, мы создали некоторые внутривосточные институты, особенно для того, чтобы защищать свободу граждан".[105]

В своих мемуарах Наполеон, уже находясь в ссылке на острове Св. Елены, писал о себе как о "настоящем посреднике между старым и новым порядком" и неоднократно возвращался к целям и деталям своего проекта. В частности, он утверждал, что "европейская ассоциация" должна была принести процветание и счастье континенту. В эту ассоциацию включались все европейские страны, кроме Великобритании. Относительно России утверждалось: "Сначала мне надо было победить Москву, потому что Россия была краеугольным камнем создаваемой системы". Победоносное завершение похода против России должно было стать концом всех военных мероприятий и вооруженных действий. После этого, уверял бывший император, он занялся бы организацией европейской системы, напоминая некий священный союз. Таким образом, территория нашей страны включалась в создаваемую европейскую империю. Во всей Европе следовало установить единую систему с едиными принципами: "европейский кодекс, европейский кассационный суд, разрешающий все ошибки". Должна была появиться единая европейская валюта, не говоря уже о единой системе мер и весов и едином законодательстве. Говоря современным языком, предполагалось создание своего рода единого правового и экономического пространства.

Наполеон предлагал также образовать Европейскую Академию наук и ввести в Европе систему "призов", то есть грантов, для поддержки важных научных изысканий. Европа должна была стать "одной семьей и одним народом": "Европа действительно превратилась бы в единый народ, и в своих путешествиях каждый человек находился бы на своей великой общей Родине". В общем, предполагалось свободное передвижение людей и товаров, что означало бы начало реальной интеграции европейских государств. Бонапарт утверждал, однако, что одной из его "великих идей" было слияние и концентрация всех народов, которые географически принадлежат к одной нации, но вследствие революции и по политическим причинам были раздроблены. В Европе насчитывается более 30 миллионов французов, 15 миллионов итальянцев, 30 миллионов немцев. Из каждого из этих народов я хотел образовать единственную и единую нацию ... Тогда можно было бы подумать о том, чтобы создать для семьи европейских народов организацию типа американского конгресса".[106] Здесь содержится довольно оригинальная мысль о том, что для европейской федерации необходима национальная консолидация как некое предварительное условие. Следует также отметить, что Наполеон видел будущее Европы в парламентаризме, а не в тоталитарном режиме. Во главе объединенной Европы, построенной на конфедеративной основе, с единой армией, общим законодательством и денежной системой, должен был стоять, тем не менее, император.

Отношение Наполеона Бонапарта к Католической Церкви и лично к папе Римскому, безусловно, менялось в течение бурной жизни и деятельности императора. Сразу после прихода к власти Наполеон распорядился восстановить алтари, разрушенные революцией 1793 г. Он не только считал, что католицизм необходим ему как средство правления, но и был, до известной степени, верующим человеком. В 1801 г. был заключен первый Конкордат Франции с Католической Церковью. Наполеон, пусть лишь на ограниченный срок, получил право назначать епископов во Франции (в случае появления вакансий, на освободившиеся места). В 1804 г. император вынудил папу Пия VII участвовать в своей торжественной коронации в парижском соборе Нотр-Дам. Наполеон принял от Папы помазание, однако не дал ему короновать себя. Титул императора означал, что Франция претендует на главенствующее положение среди европейских государств, а благословение Католической Церкви придавало коронации определенную степень законности (хотя Папу и доставили в Париж против его воли, специально для этой церемонии).

После заключения мира в Тильзите (1807) глава французского государства замыслил аннексию папской столицы. Как только первые военные успехи во время кампании 1808 г. подтвердили, что ему сопутствует удача, Наполеон решил (находясь в Шенбрунне)

присоединить владения Папы к французской империи. Пий VII тогда издал буллу о предании анафеме всех тех, кто окажется виновным в осуществлении подобного насилия. Наполеон, который был непосредственной целью данной буллы, ответил тем, что похитил Папу Римского, которого привезли в июле 1809 г. в Савону. Все это сильно напоминало злополучное средневековое «авиньонское пленение пап». Позднее император захотел иметь понтифика «под рукой». В 1812 г., готовясь в Дрездене к русской кампании, Наполеон приказал перевезти Пия VII в Фонтенбло. После тяжелейшей поездки Папа Римский 19 июня 1812 г. прибыл в императорский дворец в предсмертном состоянии, однако со временем сумел выздороветь и прийти в себя. Неволя Пия VII в Фонтенбло продолжалась до 21 января 1814 г.

Сам император сумел встретиться с Папой Римским только 19 января 1813 г., уже после злополучного бегства из России. Наполеон подчеркнуто вежливо обращался к Папе «Его Святейшество», «Святой Отец» и даже обнимал его, демонстрируя свое расположение. В свою очередь, Пий VII никогда, даже много позднее, не жаловался на плохое обращение с ним императора и при личном общении постоянно именовал Наполеона «Сын мой». После кратких переговоров 25 января 1813 г. в Фонтенбло был подписан новый Конкордат империи с Католической Церковью. Присутствовавший при сем событии Луи-Жозеф Маршан, самый верный камердинер Наполеона, в своих мемуарах утверждает: «Не случись перемены в судьбе императора, он бы следовал своему намерению обеспечить Папу Римского огромной духовной властью в самом центре столицы Франции, которая в дальнейшем стала бы резиденцией Его Святейшества. Таким образом, Париж стал бы центром религиозного и политического мира, а император стал бы работать над тем, чтобы добиться объединения Италии». Сам Наполеон сказал однажды графу де Нарбону: «Если я попридержу Рим для моего сына, то отдам Нотр-Дам Папе Римскому. Тогда Париж столь высоко возвысится в обожании человечества, что его собор станет центром обожания католического мира».[107] Кстати, и похоронен Наполеон на острове Св. Елены был по католическому обряду: около гроба на алтаре горели свечи, на сам гроб было положено распятие, рядом стояли освященная вода и кропильница, а отец Виньяли беспрестанно молился о душе усопшего.

В 1809 году знаменитый критик планов Наполеона австриец Меттерних так изобразил картину Европы "по-наполеоновски": "Европа, охваченная общей реформой. Центральное, обладающее чрезмерной властью правительство оказывает давление на слабых подданных, озабоченных только тем, чтобы влачить жалкое существование, скованное цепями. Испания покорена, Оттоманская Порты выдворена за Босфор, границы Великой Империи простираются от Балтики до Черного моря..." Выдающийся французский дипломат Талейран, в свою очередь, писал: «Наполеон был первый и единственный, кто мог дать Европе то настоящее равновесие, которое она тщетно ищет в течение нескольких веков ... Для этого надо было лишь: 1) способствовать объединению Италии, переведя в нее Баварский царствующий дом; 2) разделить Германию между Австрией, которая расширилась бы до устьев Дуная, и Бранденбургской династией, владения которой следовало увеличить; 3) восстановить Польшу, передав ее Саксонскому дому. Обеспечив подлинное равновесие, Наполеон мог бы дать европейским народам такую организацию, которая соответствовала бы истинным нравственным законам ... Наполеон мог бы все это совершить, но не совершил».[108]

Однако не приходится сомневаться, что французский император мечтал о федеративной и парламентской организации Европы, что резко отличает его планы от позднейших проектов лидеров германского Третьего рейха. В начале XIX века находились многочисленные поклонники Наполеона в соседних странах, в том числе и в Германии. Так, немецкий историк Н. Фогт писал в 1806 году, что Наполеон и его главный противник Александр I могли бы заключить союз друг с другом и взять на себя ту роль, на которую в свое время претендовал Генрих IV. На первых порах Бонапартом восхищались даже Гегель и Гете. А немецкий юрист А. Цинзерлинг предложил в 1809

году создать политическую конфедерацию европейских государств, которые образовали бы некую форму союзного государства под единым монархическим управлением во главе с французским императором. Уже известный нам немецкий философ К. Х. Ф. Краузе планировал создать глобальную систему, движущей силой которой должен был стать Наполеон. Но звучали уже и другие мнения. Так, немецкий философ Г. Гердер еще в 1792 году говорил, что французы не могут рассматриваться как "избранный народ". А в начале XIX века О. Шлегель уже писал, что "Германия - это сердце Европы, нация молодая и могущественная, потому что именно она сохранила черты и особенности средневекового периода, когда рыцарство и крестовое движение создали истинный "европейский патриотизм". Объединение Германии должно было, по словам Шлегеля, стать прелюдией к "большой континентальной ассоциации", ибо «лишь немцам присуща эта национальная черта – воздавать божеские почести науке и искусству ради самих науки и искусства».

[109]

Силовой вариант объединения Европы, предложенный германским национал-социализмом, опирался не только на опыт наполеоновских войн, но и на сильную националистическую традицию. Напомним, что именно Наполеон «разбудил» европейских националистов, которые после объединения Германии и Италии поставили себе новые, более «высокие» цели. А первыми националистами, пришедшими к власти в Европе, были итальянские фашисты. Бенито Муссолини (1883-1945), придя к власти в конце октября 1922 г., провозгласил свое движение "авангардом Европы". Хотя он и вырос в католической среде, но не спешил урегулировать отношения итальянского государства с Католической Церковью. Может быть, дело в том, что если мать Бенито была глубоко верующей провинциальной школьной учительницей, то отец – кузнецом, ярким анархистом и безбожником. Даже предложенное матерью имя Бенедетто (итал. «благословенный») отец при крещении переделал в Бенито – в честь известного тогда в Италии мексиканского либерала Бенито Хуареса. Следует напомнить также, что после объединения Италии в 1870 г. папы лишились светской власти. Только в конце 20-х годов XX в. Муссолини пошел на переговоры с папой и помог-таки возродить церковное государство, пусть и небольшое по размерам. В 1929 г. были подписаны Латеранские соглашения, в силу которых было создано и получило международное признание Государство Град Ватикан (обладающее всеми правами и институтами суверенного государства). 7 июня 1929 г. папа Пий XI провозгласил Конституцию Государства Града Ватикан.[110]

Итальянский фашизм позволял некоторую долю европеизма. Итальянская делегация даже посещала панъевропейские конгрессы. А в 1932 году Международный конгресс европейской культуры был проведен именно в Риме. В нем приняли участие фашисты и националисты из самых разных европейских стран. Германию, в частности, представляли Геринг, Розенберг и Шахт. Однако фашистский европеизм был более пропагандистской уловкой, чем политической практикой - итальянские фашисты никогда не стремились завоевать (и тем самым – объединить) всю Европу. У них просто не было для этого достаточно сил. Поэтому Муссолини в 1927 г. достаточно осторожно заявлял: «в Европе имеются те, кто поднимается, и те, кто опускается. Среди тех, кто поднимается до европейского горизонта, – итальянцы». Дуче в душе надеялся на то, что фашистская идеология распространится по всей Европе, и все политические дороги снова будут вести Рим. Даже в 1944 г. Муссолини еще видит себя в любимой роли Наполеона и сравнивает себя с ним: «Когда Наполеон закончил свою карьеру ... двадцать лет его эпической борьбы подверглись ругани и проклятиям ... Двадцать лет Наполеона представляют собой больше чем историческое явление, это факт, теперь неотделимый от французского национального сознания. Возможно, что-то подобное произойдет в Италии. Десятилетие между Примирением и окончанием войны в Испании, десятилетие, которое подняло Италию на уровень великих империй, десятилетие фашизма, который позволил каждому

человеку нашей расы в любой точке мира высоко держать голову и гордо называть себя итальянцем».[111]

Муссолини вовсе не бездействовал – он щедрой рукой бросал в Европу «семена фашизма», дабы «итальянское слово» приобрело «международное звучание». Дуче искренне гордился тем, что фашизм поднимал голову в Германии, Англии и во Франции. Он даже предпринял скромные попытки объединить фашистов на европейской основе. В частности, один из ближайших соратников дуче, Гравелли, основал журнал «Анти-Европа» (так новая фашистская Европа объявляла войну старой либеральной). Гравелли заявлял, что фашисты «спешат дать реальное единство Европе» (естественно, «руководимой Римом»). Однако фашистский интернационализм продемонстрировал свою ограниченность, когда интересы Италии и Германии столкнулись в Австрии. Уже в декабре 1934 г. представители Германии отказались участвовать в международном фашистском конгрессе, организованном в швейцарском городке Монтре. Представители же Италии всячески подчеркивали в своих выступлениях на конгрессе, что они вовсе не стремятся к гегемонии в Европе.

Только война и первые существенные территориальные «приобретения» Гитлера позволили появиться на свет новому «еврофашизму». Многие, причем не только немцы и итальянцы, но и венгры, румыны, болгары, хорваты, словаки стали приветствовать рождение "новой Европы" под протекторатом Германии. Изначально немецкий национал-социализм был программой для «внутреннего пользования», только для Германии, пусть и в широком смысле слова (с присоединенными по периметру территориями и обширными колониями на Востоке Европы), но никак не для всего континента. Адольф Гитлер (1889-1945), действительно, не собирался включать в состав «третьего рейха» все без исключения европейские земли. Он вынужден был считаться со своими союзниками и, прежде всего, с Италией. Следует напомнить, что Гитлер вырос в провинциальной Австрии, в католической среде. Его родители, Алоис Гитлер и Клара Пёльцль, не смогли, однако, дать своему ребенку достойное образование. Адольф добровольцем ушел в германскую армию, стал капралом (ефрейтором) и был дважды награжден «Железным крестом» за храбрость. В печально знаменитом труде «Моя борьба» Гитлер довольно осторожен – он лишь критикует тех, кто призывает восстановить границы Германии до 1914 г.: «Границы 1914 г. никакого значения для будущего немецкой нации не имеют. Эти границы не обеспечивали в полной мере ни завоеваний прошлого, ни интересов будущего ... Эти границы совершенно неудовлетворительны с военной точки зрения и абсолютно не дали бы того соотношения между нами и другими мировыми державами ..., которое нам необходимо».[112] Далее фюрер говорит лишь о 'Lebensraum' для немцев на Востоке Европы. Ни Испания, ни Финляндия, ни даже Венгрия, Болгария, Румыния, Хорватия и Словакия – не должны были, видимо, зависеть от Германии более, чем реально зависел Запад от США после Второй мировой войны.

Две основные цели фюрера формулировались следующим образом: во-первых, очистить германскую расу от евреев и цыган, а германскую жизнь от влияния иудеобольшевистского мышления, а во-вторых, завоевать для Германии жизненное пространство путем экспансии на европейский Восток. Национализм "крови и почвы" не принимал проектов Пан-Европы, которые Гитлер проклинал, считая их "дегенеративными жидовскими попытками" ввергнуть германский народ в расовое месиво. В частной беседе в 1941 году Гитлер заявил, что настоящей границей между Европой и Азией является та, что "отделяет Германский мир от Славянского". Долг германцев он видел в том, чтобы проложить эту границу по собственному желанию. Только Германская Европа - настоящая Европа, а славяне должны быть уничтожены или выброшены с тех земель, в которых нуждаются германцы. В отношении романских народов Гитлер не проявлял никакой заинтересованности, соглашаясь на будущий раздел Европы между двумя силами – Пан-Германией и Пан-Италией. Посему он вовсе не заботился о южных европейских странах.

Однако первоначальные успехи Гитлера во Второй мировой войне объединили континентальную Европу, где многие люди начинали верить, что новая федеральная объединенная Европа может быть создана под гегемонией национал-социалистической Германии. Во время войны имя Европы чаще использовалось в нацистской пропаганде, чем в документах союзников. В 1936 году Гитлер в своей речи использовал выражение "европейский дом". Имелся в виду дом, в котором Германия должна поддерживать порядок. Захват к 1940 году большей части континента заставил Гитлера усилить европейскую пропаганду. Стали говорить не только о "Новом порядке в Европе", но и о необходимости создания континентального европейского общего рынка. Восхвалялись военные и экономические добродетели "европейской автаркии". Предлагалась организация "европейской семьи народов" в политический и экономический союз на германских условиях и при доминировании Германии. В частности, летом 1940 г. немецкий Рейхсбанк разработал план превращения рейхсмарки в общую валюту на всем пространстве оккупированной немцами Европы.[113] А в листовке, изданной в 1941 году в Дании, воспевался молодой и здоровый единый фронт различных народов континента против старой Британии. Там же содержался призыв отстоять свободу Европы. Лозунги об общей европейской экономике маскировали грубую германскую эксплуатацию ресурсов завоеванных Гитлером европейских стран.

Мотив борьбы народов Европы против большевизма был также довольно силен. Национал-социалисты призывали защитить европейскую культуру от угрозы с Востока. Кроме того, «населенные нерусскими народами территории» СССР, примыкающие на востоке к Великой Германии, рекомендовалось не просто оккупировать – они, по меткому выражению Розенберга, должны были «войти в тесные политические отношения с Рейхом». Здесь речь шла, прежде всего, о Прибалтике, где присутствие немцев было весьма ощутимо в течение ряда веков. Украинцы и белорусы к «нерусским народам», с точки зрения национал-социалистов, явно не относились. В мае 1941 г., незадолго до вторжения в СССР, хозяйственная организация «Ост» в своей директиве заявляла: «В будущем южная Россия должна повернуть свое лицо к Европе. Избытки производимого там продовольствия могут быть оплачены только в том случае, если юг России будет получать нужные ему промышленные товары из Германии, то есть из Европы». Как мы видим, Германия здесь прямо отождествляется с Европой, а «югом России» (и «южной Россией») именуется Украина. Гитлер всерьез рассчитывал завоевать европейскую Россию и создать немецкие поселения повсюду до Волги и Дона. Нацистское видение послевоенной Европы хорошо рисует нам известный английский историк А. Буллок в своей книге «Гитлер и Сталин: Жизнь и власть».[114]

Именно Германия в первой половине XX в. показала всем, что объединенная Европа – это не область утопий, когда подчинила себе на короткое время все геополитическое пространство от Атлантики до Волги. Границы 1942 г. дают представления не только о реальных очертаниях «Третьего рейха» в период максимального расширения, но и о дальнейших планах Гитлера. В частности, рейхкомиссариаты Остланд и Украина были вполне готовы к движению дальше на Восток. Следовало «только лишь» добить СССР и укрепить затем «Крепость Европу» против всего внешнего мира. Летом 1942 г., когда победа казалась такой близкой, фюрер любил порассуждать о том, «каких усилий стоило сплотить воедино запад, север, центр и восток Европы во имя образования великого содружества», и постоянно подчеркивал, что «сплочение Европы воедино произойдет отнюдь не в результате стремления множества государственных деятелей к единству, нет, оно будет осуществлено исключительно силой оружия». Гитлера беспокоило то прискорбное обстоятельство, что зримой границы между Европой и Азией все еще нет. Поэтому фюрер планировал по линии Архангельск-Астрахань прорыть канал (там, где нет подходящей реки, Волги, к примеру) и насыпать земляной вал, чтобы на веки вечные разделить два континента. Гитлер желал, «чтобы гигантский вал защищал ... новый Восток от среднеазиатских полчищ» и определял собою «окончательную границу

Европы». Он, правда, временами сомневался, где ему провести эту «окончательную границу». Среди вариантов фигурировали и Уральские горы, и другие «подходящие» рубежи. Но Гитлер никогда не отказывался от своего «права» самому прочертить границу между Европой и Азией и неоднократно заявлял, что «Европа – это не географическое понятие».[115]

30 февраля 1942 года Гитлер произнес в Берлине следующие слова: "Теперь это не война, которую мы ведем только в интересах германского народа, но борьба за всю Европу и таким образом - за все цивилизованное человечество". Добровольцы шли умирать "за Германию и за Европу" - так нацистская пропаганда пыталась оправдать безграничное германское господство на континенте. Однако один их руководителей МИД гитлеровской Германии писал 22 сентября 1942 г.: «Следует избегать до поры до времени любой конкретизации целей нового порядка и существа новой организации Европы». В циркуляре министерства по оккупированным восточным территориям от 3 декабря 1942 г. также настоятельно рекомендуется избегать в официальных документах таких терминов, как «колониальная политика», «немецкие поселения» и «отчуждение земли». А секретная директива Геббельса от 15 февраля 1943 г., предназначенная рейхслайтерам, гаулайтерам и гауптпропагандалайтерам, уже содержит упоминание о «проживающих вне Германии европейских народах, включая народы Восточной Европы». Видимо, после поражения под Сталинградом к «европейским народам» немцы стали причислять и восточных славян, до того считавшихся «недочеловеками». Кстати, в январе 1943 г. из эмиграции, по нью-йоркскому радио, к европейцам обратился великий немецкий писатель Томас Манн: « ... Великий европейский идеал был искажен и извращен ужасным образом; он попал в руки нацизма, который десять лет назад завоевал Германию и сумел из-за нашей разобщенности подчинить себе весь континент. Это завоевание континента преподносится нацистами как объединение Европы ... Из всей лжи Гитлера самая наглая – ложь о Европе, извращение европейской идеи ... Знайте, европейские радиослушатели ... настоящая Европа будет создана вашими руками, с помощью свободных государств».[116]

В июне 1943 г. гауптман II отдела абвера Оберлендер в своей «научной» работе «Союз или эксплуатация» утверждал: «Маленькая Европа без освобожденных восточных территорий в борьбе больших жизненных пространств земли играет роль полуострова, политические потенции которого соответствуют возможностям Греции в рамках Римского мира. Освобожденные восточные территории еще не сделали выбор между принадлежностью к Европе или СССР. Обращение их к Европе и, как следствие этого, значительное усиление этого континента возможно лишь путем свободного выбора подданства освобожденными народами. Этот выбор можно назвать также доверием Германии. Война на Востоке не может быть выиграна чисто военными методами. Последние должны быть дополнены и поддержаны политическими мероприятиями». В соответствии с быстро меняющейся на фронтах ситуацией летом 1943 г. в недрах германского МИД даже появляется проект «Соединенных Штатов Европы». Однако борьба против СССР по-прежнему признается «важнейшей целью объединенной Европы». Посему предлагается распространить антикоминтерновский пакт «на всех членов европейского союза государств». В национал-социалистическом проекте «Европейской хартии» утверждается: « ... ни один народ Европы, малый или большой, не в состоянии в одиночку должным образом защитить свою свободу, независимость и производительные силы. Это возможно лишь в рамках Европейского сообщества». «Соединенные Штаты Европы» на национал-социалистический манер означали, по сути, все ту же «унификацию» европейских стран при полном господстве Германии. План сей был недостаточно продуман и служил, скорее, идеологическим прикрытием истинных намерений гитлеровского режима.

Интересно отметить, что и многие противники Гитлера в Германии, в том числе - руководители заговора против него, Карл Фридрих Гёрделер (1884-1945) и Людвик Бек

(1880-1944), полагали, что «Европе необходима гарантированная защита от русской сверхдержавы», обеспечить которую могут лишь совместные усилия немцев и англичан. Гёрделер высказал свои мысли о европейской идее в секретных мемуарах в марте 1943 г.: «Объединение Европы на основе независимых европейских государств будет осуществляться поэтапно! Европейский экономический союз с постоянным экономическим советом будет создан немедленно. Политическое объединение будет не предшествовать экономическому, а последует за ним».[117] Спустя несколько месяцев он дополнил свой план, в котором предусматривалось также создание европейского министерства экономики, европейской армии, общеевропейского министерства иностранных дел. Видный немецкий геополитик Карл Хаусхофер (1869-1946), профессор Мюнхенского университета, в свое время оказавший сильное влияние на взгляды Гитлера и лично хорошо знакомый с фюрером, был при всем этом активным противником вторжения в СССР и ратовал за блок Германия-Россия-Япония. Он предсказывал, что германская армия потерпит поражение, «если попытается проглотить обширные земли России».[118] Так оно и случилось.

Итак, обе попытки объединить Европу «огнем и мечом» провалились. Однако они весьма способствовали распространению идеологии единой Европы. Уже после Наполеоновских войн концепт Европы стал пользоваться доверием в широких кругах общественности. Термин «Европа» стал использоваться и чаще, и продуктивнее. Теперь он был связан с определенными историческими интерпретациями и политическими идеалами. Сама идея Европы как чего-то целого стала и более распространенной, и более значимой. С другой стороны, национализм поднял голову и реальная интеграция Европы на протяжении всего XIX века (и даже первой половины века XX-го) оказалась практически невозможной. Националисты и фашисты тоже заигрывали с «европейской идеей», прикрывая свои узкокорыстные интересы. Но безумная попытка привить к националистической идеологии наднациональный концепт Европы окончилась полным крахом. Различные политические группировки в разное историческое по-своему интерпретировали концепт Европы, и каждая из них имела собственные представления о том, чем Европа была и чем она должна быть. Европейский проект Наполеона, безусловно, выигрывает при сопоставлении с национал-социалистическим. Однако им свойственны и некоторые общие черты: использование широкомасштабных военных действий для достижения европейского единства, недооценка силы сопротивления покоренных народов, геополитическая близорукость. При этом Наполеон постоянно «забывал» о существовании в Европе скандинавских стран, а Гитлер вполне игнорировал Южную Европу, отдавая ее на откуп итальянскому фашизму (а также испанским франкистам). Католическое воспитание в детстве получили и Наполеон, и Муссолини, и Гитлер. Но французский император, несмотря на весьма вольное обращение с Папой Римским, оставался католиком (и примерным семьянином) до конца жизни, в то время как фюреру милее оказалась языческая мистика. Все же Наполеон не стремился так жестко править Европой, как Гитлер, и даже всерьез говорил о европейской федерации. Основное же различие, на наш взгляд, состоит в том, что после провала первой попытки объединения Европы «огнем и мечом» в европейских странах возобладала национальная идея, а после провала второй – наднациональная.

Концепт «Соединенных Штатов Европы», активно разрабатываемый национал-социалистами в 1943 г., имел довольно долгую историю (особенно в сравнении с противостоявшим ему «дегенеративным», с точки зрения Гитлера, концептом «Пан-Европы»). Впервые о Соединенных Штатах Европы заговорили во Франции в первой половине XIX в., почти сразу после Наполеоновских войн. К примеру, Эмиль Жирарден задавал европейцам справедливый вопрос: «Почему не могут быть созданы Соединенные Штаты Европы подобно тому, как существуют Соединенные Штаты Америки?». Упоминали США также Анри Фегерей, адвокат Венизер и многие другие.

Карло Каттанео, итальянский республиканец, историк, экономист, друг и соратник знаменитого Джузеппе Маццини, выделил четыре символа европейского единства: 1) единство власти – император; 2) единство законов – Римское право; 3) единство веры – Христианство; 4) единство языка – латынь. Он писал: «Принцип национальностей ведет к разрыву государств на Востоке Европы и к фрагментарной федерации свободных народов. Между этими народами возможна лишь единственная форма единства – федерация. Мы можем достичь мира только тогда, когда будем иметь Соединенные Штаты Европы». Сам Дж. Маццини (1805-1872) в 1829 г. утверждал: «По всей Европе какое-то веяние новой жизни будоражит умы и влечет их на неиспытанные дотоле пути ... нет неизменной, вечной причины, чтобы между одним народом и другим встало непреодолимое различие нравов, страстей и интересов ... Поэтому если движение умов обнаруживает теперь единый характер во всех странах Европы, ... если мнение большинства постепенно восстает против национальной неприязни, разделения и изоляции, отделяющих одну нацию от другой, если, наконец, народы жаждут единства ... - что нужды, если прихоть или корысть горстки людей и различие политических законов продолжает разъединять их? ... в Европе существует согласие потребностей, стремлений, единства мысли, общность духа, ведущего нации по одним путям к одинаковой цели, - словом, существует европейское движение».[119] Здесь Маццини развивает свою концепцию европейской культурно-исторической общности и призывает европейские народы объединяться, невзирая на волю своих правителей. Он и на практике попытался создать общеевропейскую революционную организацию.

В начале 30-х годов существовали отдельные национальные революционные тайные общества - «Молодая Италия», «Молодая Германия», «Молодая Швейцария», «Молодая Польша». «Молодую Италию» организовал сам Маццини в 1831 г. среди итальянских изгнанников во Франции и Швейцарии, но в 1833 г. речь шла уже и о 60 тысячах членах, рассыпанных по всей Италии. В феврале 1934 г. небольшой добровольческий отряд из итальянских, немецких и польских изгнанников под общим руководством Маццини и командованием бывшего наполеоновского генерала Раморино безуспешно попытался начать «всеитальянскую революцию». 11 февраля в Генуе молодой военный моряк и поэт Джузеппе Гарибальди, принятый в Марселе в «Молодую Италию», покинув корабль, пришел на площадь Сарцано, откуда должно было начаться нападение на казармы в целях поддержки экспедиции Маццини. Но он не встретил в условленном месте ни души и, чудом избежав ареста, пробрался за границу. Революция не удалась, однако в середине апреля того ж года в Берне представители «Молодой Италии», «Молодой Германии» и «Молодой Польши» приняли «Статут Молодой Европы» и «Акт братства», где утверждалось, что «Молодая Европа» представляет собой прообраз Европы будущего. В 1935 г. была организована также «Молодая Швейцария» - под прямым влиянием «Молодой Европы».

У Маццини идея единства Италии тесно переплеталась с идеалом единой Европы. Именно о дорогой его сердцу Италии написаны данные строки: «Она трижды пробуждалась, с тех пор как языческий Рим своим падением прервал развитие античной цивилизации и сделался колыбелью современной. Первый раз в Италии родился призыв, который заменил торжество материальной силы духовным единством. Во второй раз Италия озарила мир светом просвещения благодаря своему искусству и литературе. В третий раз она вычеркнет мощным перстом символ средневековья и заменит старое духовное единство единством социальным. Поэтому только в Риме – и об этом следует напомнить иностранцам – может в третий раз раздаться призыв к современному единству». Звучит, действительно, довольно современно - почти как призыв немедленно подписать знаменитые Римские договоры. Попутно подвергается критике Христианство под маркой «старого духовного единства», что так типично для нынешних социал-демократов, все еще тщетно взыскующих «единства социального».

В течение короткого времени в Берне издавался бюллетень «Молодая Европа», чуть дольше, два года (1835-1836) выходила газета «Молодая Швейцария» (с периодичностью дважды в неделю). Маццини в своих статьях и выступлениях резко противопоставлял свою революционную организацию как Священный Союз народов - Священному Союзу монархических правителей европейских стран: «Существует новая европейская ассоциация, созданная на широкой основе, соответствующей движению века, и учрежденная на развалинах старой карбонарии. Эта ассоциация представляет собой федерацию народов, основанную на принципе национальной независимости и свободе каждого во внутренних делах ... Это – Священный Союз народов, и каждый народ, который сможет восстать первым, будет способствовать всеми средствами пропаганде реализации общего плана, определяющего деятельность ассоциации». Он говорил о создании «Молодой Европы»: «Это была ... декларации демократии о том, что она живет настоящей, коллективной европейской жизнью». Однако «настоящая жизнь» европейской демократии скоро закончилась и деятельность всех «молодых» организаций была прекращена в результате преследований и репрессий. В 1843 г. Маццини от имени руководства «Молодой Италии» обратился к представителям демократической общественности России с призывом создать Священный Союз народов против абсолютистских правительств. Но «Молодая Россия» появилась на свет только в начале 60-х годов XIX века, с явным запозданием. Зато россияне пожелали взять себе девиз «Молодой Италии» - «Отныне и вовеки».[120]

Идея Соединенных Штатов Европы получила широкий резонанс благодаря популярности великого французского писателя Виктора Гюго (1802-1885). Либеральные и революционно-демократические проекты европейского единства в середине XIX в. часто выдвигались на так называемых «мирных конгрессах» пацифистов.[121] Самым важным для нас является Третий (Парижский) мирный конгресс, который Гюго открывал 21 августа 1849 г. в качестве председателя. Здесь он озвучил проект Соединенных Штатов Европы, обращаясь, прежде всего, к великим державам (Франции, Англии, Пруссии, Австрии, Испании, Италии, России): «Настанет день, когда ты, Франция, ты, Россия, ты, Италия, ты, Англия, ты, Германия, - все вы, все нации континента, не утрачивая ваших отличительных черт и вашего ... своеобразия, все неразрывно сольетесь в некоем высшем единстве и образуете европейское братство ... Настанет день, когда мы воочию увидим два гигантских союза государств – Соединенные Штаты Америки и Соединенные Штаты Европы». Гюго говорил долго, ярко и образно, но недостаточно конкретно, упоминая походя «рынки, открытые для торговли», «умы, открытые для идей», «всеобщее голосование народов», «мудрое посредничество великого верховного сената, который будет для Европы тем, чем парламент является для Англии». США и СШЕ, «скрепив свою дружбу рукопожатием через океан, будут обмениваться своими произведениями», то есть создадут, говоря современным языком, некое Атлантическое сообщество.[122] Как видно, чисто европейской интеграции Гюго было мало, он предвидел еще и атлантическую.

Европейские федералистские проекты частью исходили из революционно-демократического лагеря, частью – из либерально-демократической оппозиции реакционным режимам, иногда – из кругов, связанных с правительствами некоторых стран Западной Европы. Обычно они служили средством борьбы с европейской реакцией. В 1867 г. в Женеве была создана Международная лига мира и свободы. В деятельности этой организации активно использовался лозунг Соединенных Штатов Европы, а со временем в Берне даже стали издавать специальный журнал «Соединенные Штаты Европы».[123] Состав Лиги был довольно представительным в том смысле, что члены организации представляли самые разные европейские страны и социальные слои. Сюда вошли такие знаменитости европейского масштаба, как В. Гюго, Л. Блан, Дж. Гарibaldi, Дж. Маццини, Дж. Милль, Л. Кошут, М.А. Бакунин, Н.П. Огарев. Возглавили Международную лигу француз Ш. Лемонье и немец А. Гёгг, а россиянин Огарев стал одним из вице-президентов. Лемонье объявил важнейшей задачей организации создание

общеевропейской республиканской федерации, то есть Соединенных Штатов Европы. Федеративная программа Лиги была недостаточно последовательна: с одной стороны, признавался принцип «суверенности народа», а с другой – во главу угла выдвигались «наднациональные интересы». Политической основой для вступления в федерацию назывались «обладание всеобщим избирательным правом, правом вводить и отменять налоги, правом заключать мир и объявлять войну, правом заключать и ратифицировать политические союзы и торговые договоры, правом вносить поправки в конституции». Второй конгресс Международной лиги мира и свободы состоялся в 1868 г. в Берне.[124]

На следующий, третий по счету, конгресс мира в Лозанну (1869) почетным председателем был приглашен Виктор Гюго. Еще 4 сентября он обратился из Брюсселя с письмом к «друзьям мира», то есть организаторам конгресса: «Сотраждане мои по Соединенным Штатам Европы! Позвольте мне назвать вас этим именем, так как европейская федеративная Республика уже основана юридически, если еще не установлена фактически. Вы существуете – значит, она существует. Вы подтверждаете ее существование своей сплоченностью, в которой намечается грядущее единство. Вы – зачинатели великого будущего ... Границы – худший вид порабощения ... сотрите границы, уберите таможенника, уберите солдата, иначе говоря, установите свободу». А 14 сентября Гюго, открывая конгресс, заявил: «Мы хотим великой Республики всего континента, хотим Соединенных Штатов Европы».[125] Впрочем, в Лозанне наряду с лозунгом «Соединенные Штаты Европы» широко употреблялась формула «Федерация народов Европы». С Международной лигой мира и свободы была связана и Лига за Европейский Союз, созданная в Германии в 1869 г. публицистом Э. Левенталем. К сожалению, после франко-прусской войны (1870-1871), а также объединения Германии и Италии идея европейского единства стала меркнуть, уступая место не только национальной идее, но и политической практике создания блоков, и борьбе за передел мира.

На конгресс Лиги в Лугано (1872) еще прислали свои письменные приветствия В. Гюго, Дж. Гарибальди, Л. Блан. И Гюго в 1872 г. все еще повторяет слова о Соединенных Штатах Европы как утратившее силу заклинание: «римский мир склонился перед Соединенными Штатами Европы, и славная республика прошлого приветствовала величественную республику будущего».[126] Однако даже он не мог не признать очевидного – в обращении «Будущее Европы», адресованном участникам конгресса мира в Лугано, Гюго явно скорбит, продолжая упорно надеяться на лучшее: «Безграничная ненависть заполняет будущее ... Произошел устрашающий раскол Европы, но вместе с расколом появилось и средство для его устранения ... Отныне будущее Европы возможно лишь в двух видах: либо она станет Германией, либо Францией. Я хочу сказать, что она может быть либо империей, либо республикой ... Европа-империя или Европа-республика – один из этих вариантов будущего есть прошлое. Но можно ли оживить прошлое? ... Итак, мы будем иметь Европу-республику. Каким же путем мы этого добьемся? Путем войны или путем революции ... Несомненно, однако, что это грандиозное здание, Европейскую республику, мы создадим. Мы добьемся создания великих Соединенных Штатов Европы, которые увенчают Старый Свет ... мы добьемся родины без границ, бюджета без паразитизма, торговли без таможен, передвижения без преград, образования без дурмана, юности без казармы, ... слова без кляпа, ... истины без догм, бога без священника».[127] Среди других разнообразных «без», перечисленных Гюго в его пламенной речи, выделены лишь программные моменты. Здесь намечены и бездефицитный бюджет, и таможенный союз, и свобода передвижения для людей и товаров (возможно, также и для капиталов с услугами), и светское образование, и отмена призыва (видимо, речь идет о профессиональной армии), и свобода слова и мысли, и свобода вероисповедания (особенно – радикально протестантского, сектантского). Из текста ясно, что верующим католиком этого француза назвать никак невозможно.

Методами достижения США (или Европейской республики) названы война и революция – здесь комментарии излишни.

Разнообразные конгрессы, в том числе – под эгидой Международной лиги мира и свободы, продолжали регулярно собираться и дальше, однако они все меньше влияния оказывали на реальную политическую жизнь европейских стран. Даже Гюго с Гарибальди вскоре перестали посылать «конгрессменам» свои приветствия. Кроме того, идея Соединенных Штатов Европы постепенно трансформировалась: революционно-демократическое содержание выветривалось, зато набирали силу мотивы подготовки войны. С помощью США стали маскировать даже откровенные планы господства и гегемонии какой-либо одной европейской державы, а также борьбу за передел «сфер влияния» и колоний в глобальном масштабе. Показателен в этом отношении конгресс политических наук, проходивший в Париже на рубеже веков (1900) под эгидой Общества бывших и настоящих учеников Свободной школы политических наук, посвященный именно идее Соединенных Штатов Европы. Докладчик А. Леруа-Болье утверждал, что экспедиция европейцев в Китай в 1900 г. показала, до какой степени европейские державы не привыкли действовать сообща.[128] Посему весьма желательно создать для выражения «общих европейских интересов» постоянный орган в виде унии или ассоциации европейских государств. Леруа-Болье подчеркивал, что соперничество и вражда разных частей Европы между собой приносит «громадный вред» общему делу (т.е. колониальной экспансии). Напротив, объединение Европы в союз способно придать ей новую силу, обеспечить мир и устранить многие межгосударственные противоречия. Однако французский политолог не считал модель Соединенных Штатов Европы (по американскому образцу) вполне подходящей, ибо европейские народы обладают сильной «национальной индивидуальностью». Европейский союз призван умерять страсти узкого национализма, но он не должен никого лишать его родины. Образцами подобного союза Леруа-Болье называет Германский союз до 1866 г. и Швейцарский союз до 1848 г.

Следует напомнить, что Германский Союз был создан 8 июня 1815 г. Там существовала широкая самостоятельность отдельных германских государств (Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Ганновера и др.). А в 1866 г. в результате австро-прусской войны за господство в Германии (и Центральной Европе в целом) Германский Союз был распущен, и Австрия окончательно уступила первенство в германских делах Пруссии. [129] Датой организации Швейцарской Конфедерации принято считать 1 августа 1291 г., когда три лесных кантона (Ури, Швиц и Унтервальден), отстаивая независимость от австрийских Габсбургов, с оборонительной целью создали «вечный союз» в рамках Священной Римской империи. В 1481 г. союз 10 кантонов объявил себя самостоятельным государством, получив впоследствии международное признание по Вестфальскому миру (1648). С 1798 до 1803 г. существовала так называемая Гельветическая республика (где была введена всешвейцарская конституция). Венский конгресс 1814-1815 гг., установив границы Швейцарии, близкие к современным, гарантировал ей «вечный нейтралитет». Степень самостоятельности кантонов все это время оставалась очень высокой. Только 12 сентября 1848 г. была принята конституция, превратившая Швейцарию в единое федеративное государство.[130] Таким образом, Леруа-Болье одним из первых сознательно поменял «Соединенные Штаты Европы» на «Европейский Союз». Из состава планируемого союза он исключил Россию и Великобританию. Наша страна, по его личному мнению, не составляла части старой исторической Европы: «Ее традиции, учреждения, политический строй, народный дух, даже сама природа отделяют ее от Запада. В ней нет того чувства западной солидарности, которое связывает между собой при всех их различиях германские и романские народы». Видимо, за скобки выводились не только русские, но и все славяне (в том числе – балканские). Однако Леруа-Болье признавал, что общие политические и экономические интересы ведут к установлению между Россией и Западной Европой соглашения, предзнаменованием которого является

франко-русский союз.[131] Англия же со своей империей имела, с точки зрения французского политолога, слишком отличные от Европы интересы.

Следующий докладчик, А. Флер, уделил внимание и европейской комиссии, учрежденной на Нижнем Дунае для обеспечения свободы судоходства, и «нейтрализации» Суэцкого канала, направленной против чрезмерных притязаний Великобритании.[132] Именно Дунайская комиссия, по его словам, являлась «воплощением европейского синдиката», который служит общему и постоянному европейскому интересу. Флер подчеркнул, что Европа представляет собой нечто большее, чем географическое понятие или политическая фикция, и что в европейских странах пробуждается сознание взаимной солидарности и стремление к более активному совместному регулированию восточных дел в интересах Европы, как целого. Следует пояснить, что «восточными делами» или «восточным вопросом» тогда было принято именовать, преимущественно, проблему взаимоотношений с Османской империей, «большим человеком Европы».[133]

В докладе Р. Долло содержится интересная классификация общих интересов Европы. Выражением политических интересов Европы в целом он считает международные конгрессы и союзы вроде Священного, нейтрализацию некоторых стран, заботу об охране Средиземного моря (как моря общеевропейского). Общеевропейские экономические интересы выражены в международных соглашениях о реках, таможенных союзах и формах международного финансового контроля. «Санитарные» интересы всей Европы требуют обсуждения на международных конференциях таких вопросов, как борьба с эпидемиями. Однако интересы Европы, как духовного и культурного целого, проявляются в глобальном масштабе. Особое внимание, в связи с этим, Долло уделил проблеме противодействия США в Западной полушарии и во всем мире, причем именно Соединенные Штаты прямо называются главным и опаснейшим конкурентом Европы.

Однако только Г. Изамбер предложил на Парижском конгрессе 1900 года более-менее целостный и детальный проект объединения Европы. Он подверг критике практику европейских третейских судов и заявил, что нужна политическая организация с законодательной и исполнительной властью, которая обращала бы в законную силу постановления международного суда (то есть власти судебной). Для прочности и жизнеспособности союза государств, согласно Изамберу, необходимы общность интересов и цивилизации. Поэтому Турция не может войти в европейский союз, ибо представляет другую цивилизацию, а США – поскольку имеют совершенно особые экономические интересы. Однако автор проекта, в принципе, не против того, чтобы США и Европа составили со временем «один громадный политический синдикат». То есть, говоря современным языком, европейская интеграция должна предшествовать атлантической. Изамбер предпочитает конфедерацию, где составляющие ее части остаются суверенными, федерации, ибо отдельные европейские государства слишком ревниво оберегают свою независимость и невозможно получить их добровольное согласие на более тесный союз. Конфедерация, в свою очередь, должна быть республикой, а не монархией, так как для свободных государств сама идея подчиненности какому-либо монарху будет неприемлема, да и выборы подобного «короля» определенно станут причиной смут и потрясений. Общеевропейские представительные органы должны основываться на принципе равенства отдельных государств и пропорциональности представительства их населения. Пропорционально численности населения должна формироваться и общеевропейская армия, причем в случае неповиновения одного из союзных государств общеевропейский исполнительный совет будет вправе использовать эти войска.[134]

Итак, проект Соединенных Штатов Европы уже к началу XX века впитал в себя мотив передела «сфер влияния», избавившись в ряде вариантов от революционно-демократической риторики, что и позволило Гитлеру в дальнейшем использовать эту весьма поношенную «европейскую идею». Впрочем, Соединенные Штаты Европы продолжали по инерции лоббировать и европейские социалисты. Потребовались США

даже нашим, отечественным революционерам – в «Программе мира» (1917) Льва Давидовича Троцкого (урожденного Бронштейна, 1879-1940) утверждается: « ... экономическое и политическое объединение Европы является необходимой предпосылкой самой возможности национального самоопределения ... в общеевропейском масштабе принцип «права» на самоопределение может получить кровь и плоть только в условиях европейской федеративной республики ... Непреодолимой трудностью для буржуазной политики является уничтожение «внутренних» европейских таможен, а без этого межгосударственные третейские суды и кодексы будут обладать не большей прочностью, чем, например, бельгийский нейтралитет ... сколько-нибудь полное экономическое объединение Европы сверху, путем соглашения капиталистических правительств, является чистой утопией. Тут дело не может идти дальше частичных компромиссов и полумер. Тем самым экономическое объединение Европы ... становится революционной задачей европейского пролетариата ... Соединенные Штаты Европы – без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии – являются поэтому важнейшей составной частью пролетарской программы мира». Более того, для Троцкого Европейские Соединенные Штаты представляют собой «единственно мыслимую форму диктатуры европейского пролетариата». Интересно отметить, что зоркий революционер уже в ходе Первой мировой войны ясно разглядел, что «программа насильственного объединения Европы ... характерна для тенденций немецкого империализма». Он прямо говорит о попытке Германии «осуществить принудительный военно-таможенный союз европейских государств» как о «карикатуре Европейских Соединенных Штатов».[135]

Проект «Пан-Европа», так раздражавший фюрера, напротив, появился только в XX в. на его исторической родине, в Австрии. Граф Рихард Куденхове-Калерги (1894-1972) в 1922 г. выдвинул свою, относительно новую идею объединения Европы, а на следующий год из печати вышла его книга «Пан-Европа»[136] и была образована общественная организация под громким названием «Панъевропейский союз». Интересно отметить, что именно в 1923 г. в Таллинне, столице Эстонии, был открыт один из первых офисов этого Панъевропейского союза. А в июне 1924 г. австрийский граф обратился с открытым письмом, содержащим конкретные предложения, к французским парламентариям. Данный «Панъевропейский манифест» призывал объединить Европу без участия Великобритании, США и СССР и, во многом, в пику им. В октябре 1926 г. в Вене состоялся первый Панъевропейский конгресс, на который прибыло около двух тысяч участников из 24 европейских стран (преимущественно ученые, писатели, деятели искусства, политики и промышленники).[137] Конгресс одобрил «Панъевропейский манифест» и определил основные параметры европейской конфедерации: гарантия конфедеративного равенства, безопасности и суверенитета; военный альянс; постепенное создание таможенного союза; совместное использование колоний европейских государств; единая денежная единица; уважение «национальных цивилизаций» (так значится в тексте) и защита национальных меньшинств; сотрудничество европейских и других государств в рамках Лиги Наций. Главная цель конгресса состояла в том, чтобы убедить не только общественность, но и правительства европейских стран в необходимости конкретных действий по созданию Пан-Европы. Панъевропейский союз Куденхове-Калерги получил новый импульс к развитию.

В 1927 г. министр иностранных дел Франции Аристид Бриан (1862-1932), став почетным президентом Панъевропейского союза, созвал Центральный совет в Париже, дабы определить стратегию на ближайшее будущее. Два года спустя, в сентябре 1929 г., он от имени Франции произнес речь перед Ассамблеей Лиги Наций в Женеве, в которой призвал народы Европы скрепить некие федеральные узы: «Я думаю, что между народами, которые географически могут называться народами Европы, должны существовать некие федеральные связи. Эти народы должны иметь возможность в любой момент войти в контакт друг с другом, обсуждать свои интересы, принимать общие решения, установить между собой дух солидарности, которая помогла бы в возможных

серьезных обстоятельствах. Очевидно, ассоциация должна была бы преобладать прежде всего в сфере экономической. Но я уверен, что с точки зрения политической и социальной федеральный союз, не посягая на суверенитет каждой нации, мог бы быть весьма полезным». Маловероятно, что трезвый политик Бриан верил в возможность реализации своего проекта, но он, видимо, полагал, что само обсуждение данной инициативы повысит вес Франции в европейской политике. В целях конкретизации данного предложения французское правительство опубликовало 1 мая 1930 г. «Меморандум об организации режима Федерального европейского союза» и разослало данный документ 27 европейским государствам-членам Лиги Наций. Проект Бриана предполагал сохранение полного суверенитета всех участников будущего Федерального союза, за образец структуры которого была взята система институтов Лиги Наций. Кроме созыва «европейских конференций» с участием представителей всех европейских стран-членов Лиги Наций планировалось создание исполнительного органа (Политического комитета) и Секретариата. Каждое из государств, получившее проект Бриана, должно было в течение нескольких месяцев прислать письменный ответ.

Реакция на официальный запрос французского правительства по поводу создания Федерального союза в Европе оказалась неоднозначной. Болгария и Югославия выразили свое полное согласие. Норвегия, Чехословакия и Греция поддержали предложения Бриана с небольшими оговорками. Германия, Эстония, Литва и некоторые другие европейские страны высказались за привлечение к проекту СССР и Турции. Впрочем, в Германии и Италии, в силу сложившихся в этих странах внутривнутриполитических условий, французские предложения и так не получали полной поддержки. Великобритания, что вполне естественно, инициативу Бриана также принять не могла – английские правящие круги предпочитали традиционно играть на противоречиях между европейскими державами. Таким образом, французский проект реализован не был – собственно, он был обречен еще до своей публикации, но оставил след в истории изобретением «европейского языка». Настоящим автором текста «Меморандума» был Алексис Леже, ближайший соратник Бриана, генеральный секретарь французского министерства иностранных дел и известный поэт, писавший под псевдонимом Сен-Жон Перс. В дальнейшем у европейцев получили широкое распространение такие понятия, как «федеративный наднациональный орган» (впервые это выражение было использовано в предисловии к официальному документу), «общий рынок», «таможенный союз», «перемещении товаров, капиталов и граждан», «забота об экономически менее развитых европейских регионах», «фактическая солидарность», «сообщество европейских народов», «Европейское сообщество», «непрерывный процесс созидания». Проект Бриана не состоялся, но европейские умы настолько прониклись панъевропейскими идеями, что даже Гитлер нашел время, чтобы эти идеи проклясть.

В том же, 1930 году с новой инициативой выступил и Куденхове-Калерги. Его проект создания федерации европейских государств шел, в некоторых отношениях, гораздо дальше планов Бриана и был, безусловно, более детально прописан. Предполагалось создание следующих федеральных общеевропейских органов: Федерального совета (из представителей государств-членов), Федеральной Ассамблеи (члены которой должны были направляться парламентами европейских стран), Федерального суда и Федерального казначейства. Куденхове-Калерги специально указывал на то, что у Федерации должны быть свои финансы, независимые от стран-членов. Европейское гражданство вводилось бы наряду с национальным. Появились и другие принципиальные нововведения, но среди потенциальных членов новой Пан-Европы по-прежнему отсутствовали Великобритания, США и СССР. Австрийский граф искренне полагал, что «вся Европа должна признать русскую опасность», а безопасность континента не может быть обеспечена иначе, чем путем создания европейской федерации. В этом утверждении он несколько обогнал свое время – «холодная война» еще была далеко впереди. Разумеется, и проект Куденхове-Калерги оказался мертворожденным.

3. Основные концепты Единой Европы

Понятием «Европа» долгое время пользовались как синонимом гармонии и единства, каковых континенту как раз и недоставало. Самые разные политики выдвигали «Европу» в качестве недостижимого идеала, цели, к которой должны стремиться все добрые европейцы. Этот мессианский (или утопический) взгляд на Европу обнаруживается, к примеру, в дискуссиях перед подписанием Вестфальского мира. Эти идеи громко звучали в пропаганде Вильгельма Оранского и его союзников, когда они собирали коалиции против Людовика XIV, а также и в лагере противников Наполеона. В данном контексте даже российский император Александр I имел смелость провозглашать: «Европа – это мы». Подобные идеи присутствовали и в риторике по поводу равновесия сил в XVIII в., и по поводу европейского согласия («концерта») в XIX в. Ими отмечена и политика поддержания мира в эпоху империализма (вплоть до 1914 г.), когда в Европе видели своего рода центр, из которого осуществлялось управление миром.

Хрупкость европейского идеала признавалась и его противниками, и его сторонниками. К примеру, в 1876 г. «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, игравший одну из важнейших ролей в европейской политике на протяжении 40 лет, просто отмахнулся от понятия «Европа» (как прежде Меттерних отмахнулся от Италии как «географического понятия»). В XX в. европейский идеал возродили политики, мечтавшие залечить раны мировой войны. В 20-е годы «европейская идея» нашла свое выражение не только в деятельности Р. Куденхове-Калерги и А. Бриана, но и в практической работе Лиги Наций. Эта идея была особенно привлекательна для новых государств Центральной и Восточной Европы (кроме, разумеется, СССР), которые не были отягощены заморскими территориями и активно искали союзников для защиты от великих держав.

Географические, культурные и политические параметры европейского сообщества - в широком смысле этого слова - всегда оставались (и остаются) спорными. Недаром еще в 1794 г. Уильям Блейк взял в качестве иллюстрации к своей поэме «Европа. Пророчество» изображение Бога-Отца, склоняющегося с небес с циркулем в руках.[138] Континент Европа в древности был искусственно и произвольно выделен из общего массива земель Старого Света и не имел серьезного географического основания. На современном этапе развития географических знаний единственным таким основанием может быть признана евразийская (иначе - европейская) плита литосферы.

Географически Европа представляет собой субконтинент евразийского материка, отличающийся разнообразием ландшафтов и климатических зон, а также сильно изрезанной береговой линией и обилием рек. На севере, западе и юге Европа имеет естественные морские границы. На востоке границей Европы в разное время считались различные рубежи: горы, реки, государственные границы. Самый распространенный на сегодня вариант в западной научной литературе: Уральский хребет, река Урал, Кавказский хребет. В отечественной научной литературе преобладает следующая точка зрения: восточные предгорья Урала, река Эмба, реки Кума и Маныч.

Древнейший концепт единой Европы - «континент свободы», понимаемый как пространство, где обеспечены права и свободы человека (другое, противоположное и позднее возникшее понимание – «континент, свободный от чужеземных завоевателей»). Концепция Европы как «континента свободы» появилась еще в эпоху греко-персидских войн, а около 424 г. до н.э. Гиппократ предпринял первую серьезную попытку определить таким образом общеевропейскую идентичность. В результате деятельности просветителей в XVIII в. Европа почти повсеместно стала восприниматься как континент свободомыслия и прогресса, противостоящий «азиатской» отсталости и деспотизму. Концепт «континента свободы» сохраняет актуальность для сторонников атлантической интеграции и либералов, объединенных на европейском уровне в Альянс демократов и либералов за Европу («третья сила» в Европарламенте). С точки зрения либералов, современная Европа противостоит миру ислама в качестве светской системы власти (где церковь отделена от

государства), не допускающей ограничений свободы личности, слова и печати. Основным критерием расширения ЕС – соблюдение прав человека и основных свобод в странах-кандидатах. С этой точки зрения и Беларусь не является европейским государством. Либералы являются лишь «третьей силой» в современном Евросоюзе, однако они пользуются активной поддержкой со стороны США.

Вторым по времени появления (но важнейшим по сути) следует считать концепт «Христианской Европы». В современной Европе три четверти (75,2%) населения исповедует христианство (из них 39,2% - католики, 21,7% - православные, 14,3% – протестанты).[139] В южной, юго-западной и центральной частях Европы преобладает католицизм, в восточных и юго-восточных – православие, в северной части – протестантизм. Являются атеистами (или не принадлежат ни к какой религии) 17,8% населения. На ряде территорий востока (Татарстан, Башкортостан, европейская часть Казахстана) и юго-востока Европы (Босния, Албания, европейская часть Турции) доминирует ислам суннитского толка, а в Калмыкии – буддизм в форме ламаизма. Во Франции, Германии, Испании, Бельгии и некоторых других странах-членах ЕС насчитывается около 8 миллионов мусульман. Таким образом, несмотря на светский характер современной европейской государственности, христианство вполне сохраняет позиции важнейшей религии на континенте.

В средние века Европа фактически отождествлялась с Христианским Миром (в пределах Евразии), противостоящим миру ислама. «Интеграция» - это, кроме всего прочего, обретение утраченного единства. Европейская «Христианская республика» во главе с папой Римским была фактом истории, однако Ватикан в современной Европе уже не способен играть роль главного «интегратора». При этом отцы-основатели ЕС (Ж. Монне и Ж. Делор), а также многие другие лидеры исторического процесса объединения Европы (Р. Шуман, К. Аденауэр, А. де Гаспери и т.д.) были католиками, а принцип субсидиарности был прямо заимствован из учения Римско-Католической Церкви. В начале третьего тысячелетия от Рождества Христова концепт Христианской Европы все еще сохраняет актуальность для Ватикана и довольно многочисленных христианских демократов, объединенных на европейском уровне в самую большую группу Европарламента - Европейскую народную партию. Основным критерием расширения ЕС – религиозный фактор (преобладание христианского населения в странах-кандидатах). С этой точки зрения полноправное членство Турции в ЕС недопустимо.

Концепция «Социальной Европы» зародилась в XIX в. в среде революционных демократов, республиканцев и социалистов. Окончательную форму данный концепт приобрел только во второй половине XX в. в ходе западноевропейского интеграционного процесса. В качестве наиболее «современного» способа определения европейской идентичности выдвигается второй по численности группой Европарламента – Европейской социалистической партией. Основным критерием расширения ЕС – уровень социально-экономического развития страны-кандидата (ВВП на душу населения). С этой точки зрения Молдова в ближайшее время не может войти в ЕС.

Попытки объединить Европу силой оружия успехом не увенчались. И Франция (под руководством Наполеона), и Германия (под началом Гитлера) встретили ожесточенное сопротивление окраинных европейских держав, прежде всего – Великобритании и России, чьи национальные интересы выходили далеко за рамки европейского геополитического пространства. Но, хотя обе попытки объединить Европу «огнем и мечом» провалились, они весьма способствовали распространению идеологии единой Европы. Уже после Наполеоновских войн концепт Европы стал пользоваться доверием в широких кругах общественности. Термин «Европа» стал использоваться и чаще, и продуктивнее. Теперь он был связан с определенными историческими интерпретациями и политическими идеалами. Сама идея Европы как чего-то целого стала и более распространенной, и более значимой. С другой стороны, национализм поднял голову и реальная интеграция Европы

на протяжении всего XIX века (и даже первой половины века XX-го) оказалась практически невозможной.

Националисты и фашисты тоже заигрывали с «европейской идеей», прикрывая свои узкокорыстные интересы. Но безумная попытка привить к националистической идеологии наднациональный концепт Европы окончилась полным крахом. Различные политические группировки в разное историческое по-своему интерпретировали концепт Европы, и каждая из них имела собственные представления о том, чем Европа была и чем она должна быть. Европейский проект Наполеона, безусловно, выигрывает при сопоставлении с национал-социалистическим. Однако им свойственны и некоторые общие черты: использование широкомасштабных военных действий для достижения европейского единства, недооценка силы сопротивления покоренных народов, геополитическая близорукость. При этом Наполеон постоянно «забывал» о существовании в Европе скандинавских стран, а Гитлер вполне игнорировал Южную Европу, отдавая ее на откуп итальянскому фашизму (а также испанским франкистам). Католическое воспитание в детстве получили и Наполеон, и Муссолини, и Гитлер. Но французский император, несмотря на весьма вольное обращение с Папой Римским, оставался католиком (и примерным семьянином) до конца жизни, в то время как фюреру милее оказалась языческая мистика. Все же Наполеон не стремился так жестко править Европой, как Гитлер, и даже всерьез говорил о европейской федерации. Основное же различие, на наш взгляд, состоит в том, что после провала первой попытки объединения Европы «огнем и мечом» в европейских странах возобладала национальная идея, а после провала второй – наднациональная.

Концепт «Соединенных Штатов Европы», известный с первой половины XIX в., отражает стремление к созданию полноценной европейской федерации. Был использован самыми разными политическими силами – от крайне левых (Л. Троцкий) до крайне правых (А. Гитлер). Сегодня призыв создать США внутри ЕС означает желание придать институциональный характер Европе «разных скоростей» и «переменной геометрии».

Д. Хэй полагает, что окончательное осознание понятия «Европа» произошло в 1796 г., когда Эдмунд Бёрк написал: «Всякий европеец у себя дома в любой части Европы».[140] Однако Европейский парламент не может «окончательно осознать» это понятие и сегодня. Недаром 16 марта он 397 голосами (при 95 «против» и 37 воздержавшихся) принял резолюцию, призывающую Комиссию ЕС до конца текущего года определить «природу ЕС, включая его географические границы».[141] По всей видимости, Европейский Союз остро нуждается в новом лидере, способном примирить (и, возможно, «интегрировать») концепты Христианской Европы, Социальной Европы и «континента свободы».

Примечания:

1. Фукидид. История. Пер. с древнегреч. - Т.1. / Фукидид. - СПб.,1994. - С.57, 165.
2. Гиппократ. Клятва. Закон о враче. Наставления. Пер. с древнегреч. / Гиппократ. – Мн.,1998. - С.214-215, 219, 227-228.
3. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Пер. с древнегреч. - Т.4. / Аристотель. - М.,1984. – С.474-475.
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Пер. с древнегреч. - Т.4. / Платон. - М.,1994. – С.589.
5. Полибий. Всеобщая история. Пер. с древнегреч. - Т.1. / Полибий. - СПб.,1994. - С.286.
6. Страбон. География. Пер. с древнегреч. / Страбон. - М.,1994. - С.71, 126.
7. Христианство. Энциклопедический словарь в 2 т. - Т.1. - М.,1993. - С.231.
8. Учение. Пятикнижие Моисеево. Пер. с древнеевр. - М.,1993. - С.52.
9. Иосиф Флавий. Иудейская война. Пер. с древнегреч. / Иосиф Флавий. - Мн.,1991. - С.180.

10. Татиан. Слово к эллинам / Татиан // Раннехристианские апологеты II-IV веков. Пер. с древнегреч. и лат. - М., 2000. - С.11.
11. Афинагор. Прощение о христианах / Афинагор // Сочинения древних христианских апологетов. Пер. с древнегреч. и лат. - СПб., 1999. - С.77.
12. Апология Св. Аристида / Св. Аристид // Там же. - С.307.
13. Иероним Стридонский. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. Пер. с лат. / Иероним Стридонский. - М., 1996. - С.13.
14. Бытие 9, 27 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. В русском переводе с параллельными местами. - М., 1993. - С.12.
15. Бл. Августин. О граде Божием. В 4 т. Пер. с лат. - Т.3. / Бл. Августин. - М., 1994. - С.138.
16. Павел Орозий. История против язычников. Книги 1-3. Пер. с лат. / Павел Орозий. - СПб., 2001. - С.130-132.
17. Плиний Старший. Естествознание. Пер. с лат. / Плиний Старший. - М., 1994. - С.101.
18. Тацит, К. Сочинения в 2 т. Пер. с лат. - Т.1. / К. Тацит. - М., 1993. - С.221.
19. Браницкий, А.Г. Зарождение «европейской идеи» в Древнем мире: концепция Европы как «континента свободы» / А.Г. Браницкий // Нижегородский журнал международных исследований. - Весна-лето 2005 г. - Н. Новгород, 2005. - С.10-14.
20. Браницкий, А.Г. Интеграционные процессы в Западной Европе в первой половине 50-х годов XX века и позиция США : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Браницкий Андрей Геннадьевич. - Н.Новгород, 1998. - С.13.
21. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Пер. с лат. / Прокопий Кесарийский. - М., 1996. - С.329.
22. Denzinger, E. El magisterio de la iglesia / E. Denzinger. - Barcelona, 1963. - P.167-168.
23. Сен-Симон, А. Избр. произведения. Пер. с фр. / А. Сен-Симон. - М., 1948.
24. Тойнби, А.Дж. Постижение истории. Пер. с англ. / А.Дж. Тойнби. - М., 1991. - С.32--33.
25. Хрестоматия по истории средних веков. В 2-х т. - Т.1. - М., 1961. - С.469-470.
26. Историки эпохи Каролингов. Пер. с лат. - М., 1999. - С.97.
27. Хрестоматия по истории средних веков. В 2-х т. - Т.1. - М., 1961. - С.501.
28. Рихер Реймский. История. Пер. с лат. / Рихер Реймский. - М., 1997. - С.9.
29. Борко, Ю.А. Исторические метаморфозы европеизма / Ю.А. Борко // Борко, Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе / Ю.А. Борко. - М., 2003. - С.45; См. также: Колесницкий, Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность / Н.Ф. Колесницкий. - М., 1977.
30. Чубарьян, А.О. Европейская идея в истории / А.О. Чубарьян. - М., 1987. - С.29-30.
31. Данте Алигьери. Монархия / Данте Алигьери // Данте Алигьери. Собр. соч. в 5 т. Пер. с итал. - Т.5. / Данте Алигьери. - СПб., 1996. - С.442-443.
32. В Православной Церкви Вселенскими соборами признаются следующие семь: 1-й Никейский (325), 1-й Константинопольский (381), Эфесский (431), Халкидонский (451), 2-й Константинопольский (553), 3-й Константинопольский (680-601) и 2-й Никейский (783-787) В Римско-Католической Церкви признают 21 Вселенский собор. Полный список см.: Католическая энциклопедия. Т.1. А-3. М., 2003. С.1112. Однако в средневековой Европе только Констанцкий (1414-1418) и Базельский (1431) соборы претендовали на высшую власть, оспаривая полномочия папы Римского.
33. См. Деяния Вселенских Соборов. Пер. с доевнегреч. - Т.1. - СПб., 1996.
34. Предтеченский, С. Развитие влияния папского престола на дела западных церквей до конца IX века / С. Предтеченский // Православный собеседник. - 1890. - № 9. - С.117.
35. Деяния Вселенских Соборов. Пер. с древнегреч. - Т.1. - СПб., 1996. - С.117.
36. Мт. 16, 18-19

37. Эф. 5, 27
38. Св. Дамас. Из Барония под 382 г. / Св. Дамас // Задворный, В. История Римских пап от Св. Петра до Св. Симплиция / В. Задворный. - М., 1991. - С.183-184.
39. Св. Сириций. Послание епископу Гимерию Тарраконскому от 10 февраля 385 г. / Св. Сириций // Там же. - С.191-192.
40. Труды Св. Льва см.:
- 1) Деяния Вселенских Соборов ... - Т.2. - СПб., 1996. - С.13-15, 19-37, 46-48, 52-53;
 - 2) Деяния Вселенских Соборов ... - Т.3. - СПб., 1996. - С.185-189, 193-194, 205-208;
 - 3) Лев Великий. Проповеди / Лев Великий // Воскресное чтение. - Киев, 1849-1850, 1854, 1857-1860;
 - 4) Лев Великий. Проповеди / Лев Великий // Прибавления к Церковным ведомостям. 1899, 1901;
 - 5) Св. Лев Великий Сочинения / Св. Лев Великий // Задворный В. История ... - С.244-317.
41. См. Paschoud, F. Roma aeterna / F. Paschoud. - Roma, 1967.
42. Св. Лев Великий. Проповедь, произнесенная в субботу накануне второго воскресения Великого Поста ... / Св. Лев Великий // Задворный В. История ... - С.281.
43. Соловьев, В. Россия и Вселенская церковь / В. Соловьев. - М., 1991. - С.258-297.
44. Цит. по: Тоттон, М. Лекции по истории Церкви. Пер. с англ. / М. Тоттон. - М., 1997. - С.81.
45. Lorenzo Valla. De falsa credita et ementita Constantini donationis / Lorenzo Valla. - Weimar, 1976.
46. Цит. по: Хрестоматия по истории средних веков. - М., 1949. - С.271-273.
47. Цит. по: Средневековье в его памятниках. - М., 1913. - С.98-99.
48. Цит. по: Скальфи, Р. «Я с вами до скончания века». Пер. с итал. / Р. Скальфи. - М., 1998. - С.88.
49. Цит. по: Хрестоматия по истории средних веков. - Т.2, ч.1. - М., 1938. - С.240
50. Цит. по: Ромм, Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках / Б.Я. Ромм. - М., 1959. - С.92.
51. Цит. по: Герье, В. Расцвет западной теократии. - Т.2., ч.2. / В. Герье. - М., 1916. - С.81.
52. Деяния Вселенских Соборов. Пер. с древнегреч. - Т.1. - СПб., 1996. - С.117.
53. Деяния ... - Т.3. - СПб., 1996. - С.142-143.
54. Цит. по: Denzinger, E. El magistro de la iglesia / E. Denzinger. - Barcelona, 1963. - P.170-171.
55. Рассел, Б. История западной философии. Пер. с англ. / Б. Рассел. - Новосибирск, 1997. - С.450-451.
56. Dubois, P. De recuteratione Terrae Sanctae / P. Dubois. - Paris, 1891.
57. Харенберг, Б. Хроника человечества. Пер. с нем. / Б. Харенберг. - М., 1996. - С.1164-1165
58. Католическая энциклопедия. - Т. II, И-Л. - М., 2005. - С.246.
59. Цит. по: Чубарьян, А.О. Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира / А.О. Чубарьян. - М., 1987. - С.42.
60. The Universal Peace Organization of King of Bohemia. - Praha, 1964.
61. Лютер, М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства / М. Лютер // Лютер, М. Избранные произведения. Пер. с лат. и нем. / М. Лютер. - СПб., 1994. - С.60.
62. Лютер, М. Лекции по «Посланию к Римлянам». Пер. с лат. / М. Лютер. - Мн., 1996.
63. Цит. по: Христианство: Энциклопедический словарь. В 3 т. - Т.3. - М., 1995. - С.184.
64. McNeill, J.T. The History and Character of Calvinism / J.T. McNeill. - N.Y., 1954. - Ch.VII.
65. Кальвин, Ж. Наставления в христианской вере. Пер. с фр. В 3 т. - Т.3. / Ж. Кальвин. - М., 1999. - С.80, 97, 104.
66. Книга Мормона. Новые Свидетельства об Иисусе Христе. Пер. с англ. - Солт Лейк-Сити (США), 1988.

67. Эрн, В.Ф. Основная мысль второй философии Джоберти / В.Ф. Эрн // Эрн В.Ф. Сочинения / В.Ф. Эрн. - М.,1991. - С.460.
68. Винтер, Э. Политика Ватикана в отношении СССР / Э. Винтер. - М.,1977. - С.175.
69. Новалис. Христианство и Европа / Новалис // Новалис. Гимны к ночи. Пер. с нем. / Новалис. - М.,1996. - С.156-188.
70. Перевод с англ. С.Я. Маршака. В оригинале:
Alexander Pope. The Balance of Europe
Now Europe balanced, neither side prevails;
For nothing's left in either of the scales.
// Topsy-Turvy World. English Humour in Verse. - М., 1978. - P.246, 296.
71. Гроций, Г. О праве войны и мира. Пер. с лат. / Г. Гроций. - М.,1994.
72. Макьявелли, Н. История Флоренции. Пер. с итал. / Н. Макьявелли. - Л.,1973.
73. Rougemont, D. The Idea of the Europe. / D. Rougemont. - N.Y.-L., 1966. - P.162.
74. Peace Projects of Seventeenth Century. - N.Y.- L., 1972.
75. Пенн, У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского конгресса, парламента или палаты государств Пер. с англ. / У. Пенн // Трактаты о вечном мире. - СПб.,2003. - С.115-135.
76. Павлова, Т.А. «Общество друзей» / Т.А. Павлова, В.С. Чибисенков // Вопросы истории. - 1986. - № 12. - С.100.
77. Дэвис, Н. История Европы. Пер. с англ. / Н. Дэвис. - М., 2004. - С. 6.
78. Сен-Пьер, Ш.И. (де) Избранные места из проекта вечного мира. В изложении Ж.-Ж. Руссо. 1760. Пер. с фр. / Ж.-Ж. Руссо, Ш.И. де Сен-Пьер // Трактаты о вечном мире ... С.136-161
79. Voltaire, J.F. De la paix perpetuelle / J.F. Voltaire // Voltaire J.F. Collection complete des oeuvres. - Vol.28. / J.F. Voltaire. - Paris, 1971. - P.105.
80. Genealogie des grands desseins europeens // Bulletin du Centre Europeen de la Culture. - Geneve, 1960-1961. - № 6. - P.37.
81. Цит. по: Андреева, И.А. Проблема мира в западноевропейской философии / И.А. Андреева. - М.,1975. - С.67.
82. Voltaire, J.F. Siecle de Louis XIV / J.F. Voltaire. - P.,1986. - P.5.
83. Ломоносов, М. Избранная проза / М. Ломоносов. - М.,1986. - С.320.
84. Руссо, Ж.-Ж. Суждение о вечном мире. Пер. с фр. / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты о вечном мире ... - С.162-172.
85. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. Пер. с фр. / Ж.-Ж. Руссо. – М.,1998. - С.235.
86. Малиновский, В.Ф. Рассуждение о мире и войне / В.Ф. Малиновский // Трактаты о вечном мире ... - С.265-387. См. также: Малиновский, В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения / В.Ф. Малиновский. - М., 1958.
87. Кант, И. К вечному миру. Пер. с нем. / И. Кант // Кант И. Соч. в 6 т. Пер. с нем. - Т.6. / И. Кант. - М.,1966. - С.257-309.
88. Сен-Симон. Письма женеvского обитателя к современникам. Пер. с фр. / Сен-Симон // Антология мировой философии. В 4 т. - Т.3. / Сен-Симон. - М.,1971. - С.506-508.
89. Сен-Симон. Избранные произведения. В 2 т. Пер. с фр. - Т.1-2. / Сен-Симон. – М.-Л.,1948.
90. Конт, О. Система позитивной политики. Пер. с фр. / О. Конт // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. - М.,1996. - С.180-242.
91. Краузе, К. набросок проекта союза европейских государств в качестве основы всеобщего мира и правового средства предотвращения любых посягательств на внутреннюю и внешнюю свободу Европы. Пер. с нем. / К. Краузе // Трактаты о вечном мире ... С.351-364.
92. Генц, Ф. О вечном мире. Пер. с нем. / Ф. Генц // Там же. - С.316-350.
93. Баадер, Ф. (фон) Миссия Русской Церкви перед лицом упадка Христианства на

- Западе (фрагмент). Пер. с нем. / Ф. фон Баадер // Эстетика немецких романтиков. Пер. с нем. - М., 1987. - С.528-564.
94. Талейран. Мемуары. Пер. с фр. / Талейран. - Екатеринбург, 1997. - С.295.
 95. Гёррес, Й. Всеобщий мир – идеал. Пер. с нем. / Й. Гёррес // Трактаты о вечном мире ... - С.259-315.
 96. Шарль-Мари (Карло-Мария) Бонапарт родился в 1746 г., а скончался в 1785 г. К этому времени у них с Марией-Летицией (1750-1836) было уже восемь детей: Жозеф (1768-1844), Наполеон (1769-1821), Люсьен (1775-1840), Мария-Анна (прозванная Элизой, 1777-1820), Луи (1778-1846), Мария-Паолетта (прозванная Полиной, 1780-1825), Мария-Аннунциата (прозванная Каролиной, 1782-1839) и Жером (1784-1860).
 97. Маршан, Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания: Мемуары. Пер. с фр. / Л.-Ж. Маршан. – М., 2003. - С.100-101.
 98. Гельвеций, К.А. Об уме. Пер. с фр. / К.А. Гельвеций // Гельвеций, К.А. Соч. в 2-х т. – Т.1. / К.А. Гельвеций. - М., 1974. - С.468.
 99. Евгений Богарнэ (1781-1824) - приемный сын Наполеона. В 1796 г. Наполеон женился на Жозефине Мари Роз де Богарнэ (урожденной Таше де ла Пажери, 1763-1814), вдове виконта де Богарнэ (казненного якобинцами), которая не смогла подарить ему наследника, и брак закончился разводом. Однако Гортензия Богарнэ (1783-1837), дочь Жозефины, стала супругой Луи, брата Наполеона.
 100. Иоахим Мюрат (1767-1815) – маршал Франции, король Неополитанский в 1808-1815 гг. Женился на сестре Наполеона Каролине в 1800 г. Был возведен на престол Неаполитанского королевства как преемник Жозефа Бонапарта. В 1815 г. Фердинанд IV был восстановлен на троне в Неаполе как Фердинанд I, король Обеих Сицилий, а Мюрат бежал во Францию. Присоединился к Наполеону во время «Ста дней», но потерпел поражение от австрийцев при Толентино (Италия). В октябре 1815 г. был схвачен, передан в руки Фердинанда и расстрелян.
 101. Жозеф Феш (1763-1839) – брат Марии-Летиции, матери Наполеона
 102. Кодекс Наполеона (Code Napoleon, Code Civil) – это, прежде всего, Французский гражданский кодекс, первый опыт кодификации французского гражданского права, осуществленный комиссией Ж.Ж. Камбасереса в 1804-1810 гг. Наполеон, действительно, сам председательствовал на заседаниях комиссии, разрабатывавшей проекты законов. Кодекс Наполеона подвергся пересмотру только в 1904 г., но остался основой французского частного права и был принят во многих странах Европы. Кроме гражданского кодекса при Наполеоне были приняты гражданский процессуальный кодекс (1807), коммерческий кодекс (1808), уголовный процессуальный кодекс и собственно уголовный кодекс (1811).
 103. Австрийская принцесса Мария-Луиза, дочь императора Франца I, стала женой Наполеона в 1810 г. Их единственный ребенок Жозеф-Франсуа-Шарль еще в детстве был официально провозглашен «королем Римским» (умер в возрасте 21 года).
 104. Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены. Пер. с фр. / Наполеон Бонапарт. - СПб., 2000; Las Cases. Memorial de Sainte-Helene / Las Cases. – Paris, 1968.
 105. Конституция империи, принятая в 1804 г. в связи с коронацией Наполеона как наследственного императора, предоставляла, по существу, неограниченные полномочия главе государства.
 106. Napoleon a Sainte-Helene, par les quatre evangelistes Las Cases, Montholon, Gourgaud, Bertran. Textes choisis, prefaces et commentes par J. Tulard / Las Cases [et al.]. - Paris, 1981.
 107. Маршан, Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания: Мемуары. Пер. с фр. / Л.-Ж. Маршан. –

- М., 2003. - С.44-45.
108. Талейран. Мемуары. Пер. с фр. / Талейран. - Екатеринбург, 1997. - С.269.
 109. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. Пер. с нем. В 2-х т. - Т.1. / Ф. Шлегель. - М., 1984. - С.362.
 110. Ныне действует новая Конституция Ватикана, вступившая в силу 22 февраля 2001 г. при папе Иоанне Павле II.
 111. Муссолини, Б. Мемуары. 1942-1943. Пер. с итал. / Б. Муссолини. - М., 2004. - С.203.
 112. Гитлер, А. Моя борьба. Пер. с нем. / А. Гитлер. - М., 1992. - С.551-553.
 113. Дэвис, Н. История Европы. Пер. с англ. / Н. Дэвис. - М., 2004. - С.748.
 114. Буллок, А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Пер. с англ. В 2-х т. - Т.1. / А. Буллок. – Смоленск, 1994.
 115. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера. Пер. с нем. / Г. Пикер. - Смоленск, 1993. – С.37.
 116. Halin, H. L'Europe unie objectif majeur de la Resistance / H. Halin. - Paris-Bruxelles, 1967. - P.47-48.
 117. Ibid. - P.49.
 118. Хаусхофер, К. О геополитике: Работы разных лет. Пер. с нем. / К. Хаусхофер. - М., 2001. - С.373-403, 420-422.
 119. Маццини, Дж. Эстетика и критика. Избранные статьи. Пер. с итал. / Дж. Маццини. – М., 1976. - С.96, 104, 106, 123.
 120. В оригинале, по-итальянски – «Ora e sempre», т.е. «Сегодня и всегда».
 121. Первый подобный конгресс состоялся в июне 1848 г. в Лондоне, следующий – в сентябре того же года в Брюсселе, третий – в августе 1949 г. в Париже, четвертый – в 1850 г. во Франкфурте, пятый – в июле 1951 г. в Лондоне. В дальнейшем конгрессы продолжали созываться, но их значение для политической жизни Европы неуклонно уменьшалось.
 122. Гюго, В. Речи на конгрессе мира в Париже (1849). Речь при открытии конгресса. 21 августа 1849 г. Пер. с фр. / В. Гюго // Гюго В. Собр. соч. в 15 т. Пер. с фр. - Т.15. Дела и речи / В. Гюго. - М., 1956. - С.209.
 123. Журнал «Соединенные Штаты Европы» имел небольшой тираж, скромную читательскую аудиторию и в 1885 г. перестал издаваться совсем.
 124. Тогда же установилась традиция собирать конгрессы мира под эгидой Международной лиги мира и свободы поочередно в каком-либо из городов Швейцарии.
 125. Гюго, В. Конгресс мира в Лозанне. I. Письмо друзьям мира. Брюссель, 4 сентября 1869 г. II. Речь при открытии конгресса. 14 сентября 1869 г. Пер. с фр. / В. Гюго // Гюго, В. Собр. соч. в 15 т. - Т.15 ... - С.433, 436.
 126. Гюго, В. Ответ римлянам / В. Гюго // Там же. - С.573.
 127. Гюго, В. Будущее Европы. Участникам конгресса мира в Лугано. Отвиль-Хауз, 20 сентября 1872 г. / В. Гюго // Там же. - С.580-582.
 128. Речь шла о подавлении «боксерского восстания» всеми заинтересованными сторонами, т.е. европейскими колониальными державами.
 129. Харенберг, Б. Хроника человечества. Пер. с нем. / Б. Харенберг. - М., 1996. – С.756-757.
 130. Европа. Энциклопедия. Сост. В.Б. Новичков. - М., 2001. - С.151.
 131. Имеется в виду, скорее всего, франко-русский союз 1893 г., проложивший дорогу к созданию Тройственного соглашения (Антанты).
 132. Египет (включая зону Суэцкого канала) был оккупирован британцами в 1882 г. Фашодский кризис в 1898 г. едва не привел к войне между Великобританией и Францией, однако после его преодоления (в марте 1899 г.) сложились условия для англо-французского сближения.

133. Соловьев, С.М. Восточный вопрос / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. История падения Польши. Восточный вопрос. - М., 2003. - С.305-365.
134. Чубарьян, А.О. Европейская идея в истории ... - С.211-215.
135. Троцкий, Л.Д. Программа мира / Л.Д. Троцкий // Троцкий, Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий. - М., 1990. - С.137-144.
136. Coudenhove-Kalergi, R. Pan-Europe / R. Coudenhove-Kalergi. - Paris, 1988.
137. Панъевропейский союз объединил видных представителей большинства европейских стран. Туда, в частности, входили Эдуард Эррио, Леон Блюм, Эдуард Даладье, П. Бонкур, Поль Валери (Франция), Ялмар Шахт, К. Вирт, Томас Манн, Генрих Манн, Альберт Эйнштейн (Германия), Хосе Ортега-и-Гассет (Испания), Ф.Н. Бейкер (Великобритания), Эдуард Бенеш и Зигмунд Фрейд (Австрия), Карло Сфорца (Италия).
138. Blake, W. Europe. A Prophecy / W. Blake. - L., 1965. - P.1.4.
139. Католическая энциклопедия. - Т. 1. - М., 2002. - С.1761.
140. Hay, D. Europe: The Emergence of an Idea / D. Hay. - Edinburgh, 1957. - P.123.
141. Enlargement: EU must keep its promises but take account of absorption capacity // <http://www.euparl.eu.int> – официальный сайт Европейского парламента.

ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ ЭТАП СТРОИТЕЛЬСТВА ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ж. МОННЭ

1. От европейских движений до провала проектов ЕОС и ЕПС (1945-1954)

В годы Второй мировой войны стало окончательно ясно, что Европе необходимо свободное объединение демократических народов, а не выстроенные на крови и костях Соединенные Штаты Гитлера или Римская империя Муссолини. Французский социалист Леон Блюм заявил в 1939 г., в самом начале войны: «Наши решения ... предусматривают переход от интеграции Германии к такой организации Европы, которая сама служила бы надежной гарантией против агрессий ... Мы возвращаемся снова и снова к тем же формулам, к одному и тому же заключению: независимость наций в рамках федеральной и разоруженной Европы». Движение Сопротивления нарастало, причем одновременно выдвигались все новые проекты федеральной Европы, освобожденной от национал-социализма и фашизма. В странах «оси» множились свои диссиденты. Альтьеро Спинелли и Эрнесто Росси, депортированные итальянским фашистским режимом на остров Вентотен в июне 1941 г., сочинили знаменитый «Вентотенский манифест» и основали Европейское федералистское движение.[1] На заседании ЕФД в Милане в августе 1943 г. была выработана четкая программа действий организации. Целью было объявлено создание «Европейской федерации, которая взяла бы на себя суверенные полномочия, касающиеся общих интересов всех европейцев». Далее говорилось, что «жители различных государств должны иметь европейское гражданство, т.е. обладать правом избирать и контролировать федеральные власти и непосредственно подчиняться федеральным законам».[2]

Первый номер «Политических тетрадей», вышедший в апреле 1943 г. в оккупированной Франции, был посвящен не только положению в стране, но и европейской идее. А январский номер 1944 г. сообщил: « ... политика больше не должна ограничиваться узкими рамками отдельных государств ... Одним из первых действий должно стать создание Соединенных Штатов Европы. Речь идет не об утопии: Соединенные Штаты Европы уже в пути».[3] Эти призывы нашли отклики в различных статьях и выступлениях в Бельгии, Голландии, Польше и даже в Германии. Европейское Сопротивление, действительно, становилось надеждой Европы и «цементом завтрашнего объединения» (по меткому выражению сотрудника газеты «Комба» и члена Общего комитета исследований Анри Френэ). 31 марта 1944 г. в Женеве состоялось первое заседание участников Движения Сопротивления девяти государств с участием представителя группы антинацистских немецких активистов. Затем прошли еще четыре подобные встречи, результатом чего стало принятие проекта декларации европейских движений Сопротивления и создание постоянного бюро для координации действий по освобождению стран-участниц (а также, в перспективе, для организации Федерального союза европейских народов).

В «Декларации Движения Сопротивления» участники обязуются «рассматривать свои национальные проблемы как отдельные аспекты европейской проблемы в целом». Федеральный союз должен основываться на гарантии экономических, политических и гражданских прав, создающих условия для свободного развития человеческой личности и нормального функционирования демократических институтов. Государства навсегда передадут федерации «прерогативы, принадлежащие их национальному суверенитету», касающиеся обороны их территорий и отношений с державами, не входящими в Федеральный союз (т.е. международного обмена и связей). Среди институтов будущего Федерального союза авторы проекта называли «правительство, ответственное не перед правительствами различных стран-участниц, а перед своими народами, опираясь на которые оно должно будет осуществлять непосредственную юрисдикцию в границах

своих полномочий»; «армию под командованием этого правительства и исключаящую другие национальные армии»; «Верховный суд, который будет рассматривать все вопросы, связанные с исполнением законов федеральной конституции, и решать возможные разногласия между странами-участницами или другими государствами». О Европейском парламенте европейские федералисты почему-то забыли. Относительно Германии и ее союзников говорилось, что «они должны будут участвовать в экономической реконструкции регионов, которые они опустошили». Чтобы Германия смогла войти в Федеральную союз, ей следует «изменить свою политико-экономическую структуру», «полностью разоружиться и подвергнуться временному федеральному контролю».[4]

Резкую критику в адрес Германии можно было встретить к концу войны и у самих немцев, особенно – в эмигрантской среде. В статье «Германия и немцы» (1945) знаменитый немецкий писатель Томас Манн (только что получивший американское подданство) указывает на пагубную роль, которую сыграл в немецкой истории Лютер, «ибо реформация, как и, позднее, восстание против Наполеона, была националистически-освободительным движением». Манн утверждает: «Немецкое в чистом виде – сепаратистски-антиримское, антиевропейское – отталкивает и пугает меня ... Я бы не хотел быть гостем Лютера и, оказавшись с ним за одним столом, наверное, чувствовал бы себя как под гостеприимным кровом людоеда; я убежден, что с Львом Десятым, Джованни Медичи, доброжелательным гуманистом, я гораздо скорее нашел бы общий язык ... Закоренелый индивидуализм немцев по отношению к внешнему миру, к Европе, к цивилизации прекрасно уживался с удивительной внутренней несвободой ... Немецкая идея свободы носит народнически-антиевропейский характер, весьма близкий к варварскому, а в наши дни и открыто смыкается с варварством ... идея свободы превращается в варварство, ибо она направлена лишь против внешнего мира, против Европы, против культуры ... Немцы позволили совратить себя на то, чтобы их врожденный космополитизм превратился в стремление к европейской гегемонии, ... перешел в свою прямую противоположность, в самый что ни на есть наглый и опасный национализм и империализм».[5]

Забавно, что лютеранин по крещению не только ругает свою родную Лютеранскую Церковь, но и предпочитает находить «общий язык» с католиками; немец по крови не только поливает грязью историю Германии, но и «пугается» всего немецкого «в чистом виде». Стоит напомнить, что до войны Т. Манн (как и его брат Г. Манн) был активным членом Панъевропейского союза. Позже Томас Манн в своей статье «Прощальные письма европейских борцов Сопротивления» (1954) воспоет «чудесное имя “Resistance”».[6] Многие руководители и члены Сопротивления после войны вышли из подполья, заняли серьезные правительственные посты в западноевропейских странах и смогли использовать систему контактов на европейском уровне. Остатки антинацистского Движения Сопротивления в Германии сосредоточились на международном примирении. Для них важнейшей стала «Декларация вины», как ее сформулировал пастор Мартин Нимёллер на конференции Немецкой евангелической церкви в Штутгарте в октябре 1945 г. Во Франции патриарх пацифизма Марк Санье (1873-1950) создал Общество Гратри, боровшееся за «новое интернациональное состояние ума» и оказал серьезное влияние на ряд католических организаций, политику во французской зоне оккупации Германии, а также на Робера Шумана лично.[7]

И все же первым выдающимся политическим деятелем, определившим, в каком направлении развиваться Европе, был Уинстон Черчилль. Отвергнутый британскими избирателями в июле 1945 г., он получил достаточно времени для размышлений. И 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете прозвучали знаменитые слова: «Нам необходимо построить нечто вроде Соединенных Штатов Европы ... Нет никаких оснований опасаться, что создание региональной европейской организации хоть в чем-то помешает деятельности такого всемирного органа, как Организация Объединенных Наций

... На мой взгляд, первым шагом по воссозданию европейской семьи народов должно быть налаживание партнерства между Францией и Германией ... Духовное возрождение Европы без участия Франции и Германии с их величайшим духовным наследием попросту невозможно. Структура Соединенных Штатов Европы, если это сообщество будет построено на надежной, хорошо продуманной основе, должна быть таковой, чтобы экономический уровень каждого входящего в него государства не имел определяющего значения. Малые страны будут играть в новом объединении не менее весомую роль, чем большие, поскольку авторитет той или иной страны будет определяться, главным образом, ее вкладом в общее дело ... Первым нашим шагом должно быть учреждение Совета Европы. Даже если не все европейские государства проявят готовность сразу же вступить в новое сообщество, мы будем создавать его в составе тех стран, которые выразят такую готовность». Следует обратить внимание на то, что впервые речь заходит о Совете Европы как некоей организации, предвещающей создание СШЕ. В заключение Черчилль заявил, что «хотел бы надеяться» на участие Советской России в проекте, «ибо в этом случае можно было бы и в самом деле рассчитывать на надежный успех».[8] Как мы видим, антисоветизм Черчилля был несколько преувеличен.

Р. Куденхове-Калерги одним из первых поздравил Черчилля: «Теперь, когда Вы подняли европейский вопрос, правительства больше не могут его игнорировать».[9] В 1946-1947 гг. были воссозданы Панъевропейский союз и Европейский парламентский союз под руководством Р. Куденхове-Калерги. Они регулярно проводили конгрессы и организовывали акции в пользу создания Европейского союза. В декабре 1946 г. в Париже был основан Европейский союз федералистов. Все три организации объединяли активистов, независимо от их партийной, национальной и социальной принадлежности. Напротив, Новые интернациональные группы (куда входили только христианские демократы или лица, близкие к ним по убеждениям) и Социалистическое движение за создание Соединенных Штатов Европы представляли собой организации партийного толка.[10] Панъевропейский союз поставил своей целью прямые выборы европейского учредительного собрания.[11] Проект федеральной европейской конституции следовало, по мнению соратников Куденхове-Калерги, представить на ратификацию народам либо через парламенты стран-участниц, либо путем референдума. Необходимо было добиться как поддержки данной идеи в правительствах европейских стран, так и понимания ее в широких кругах европейской общественности. И Панъевропейский союз всерьез взялся за решение этих задач, уделяя преимущественное внимание работе с членами национальных правительств и парламентов.

Европейский союз федералистов, насчитывавший более ста тысяч членов и десятки отделений в разных странах Европы, разделял принципиальные установки «панъевропейцев». Однако в практической работе он сделал упор на активную просветительскую деятельность, прибегая к разнообразным средствам разъяснения «европейской идеи» среди самых различных слоев населения. В ход шли и публикации бюллетеней и брошюр, и организация курсов, и проведение кампаний по сбору подписей. Согласно Уставу, перед Европейским союзом федералистов стояла задача создать европейскую федерацию – основной элемент мировой конфедерации. Федерация должна была гарантировать основные свободы, включая свободу организованной оппозиции. Именно Федерации предполагалось передать суверенные полномочия, необходимые для защиты общих интересов граждан европейских государств, а также полномочия в области международного обмена, обращения денежных единиц, внешней политики и обороны.[12]

В 1947 г. Европейский союз федералистов созвал конгресс в Монтрё (Швейцария), длившийся с 27 по 31 августа. В докладе Дени де Ружмона «Федералистская точка зрения» перечислялись шесть принципов, на которых зиждется федерация: 1) Федерация может образоваться лишь при отказе от всякой идеи организаторского гегемонизма. Поражение Наполеона, а затем Гитлера в их попытках объединить Европу – наглядное тому доказательство; 2) Федерализм может родиться лишь при полном отказе от всякой

системы. Создать федерацию – значит лишь упорядочить множество, соединить так или иначе конкретные и разнородные реальности: нации, экономические регионы, политические традиции; 3) Федерализм не знает проблем меньшинств. Это ярко видно на примере Швейцарии, особенностей ее политической и культурной жизни; 4) Федерация не ставит перед собой цель стереть различия и слить все нации воедино, наоборот, она стремится сохранить их собственные качества. Каждая из наций, составляющих Европу, выполняет свои функции так же, как каждый орган в организме человека; 5) Федерализм основывается на любви к сложному в отличие от грубого упрощенчества, характерного для тоталитарного мышления; 6) Федерация формируется постепенно при помощи лиц и групп, а не правительствами. Необходимость в европейской федерации очевидна: историческая зрелость здесь достигла высокой степени, довольно четко просматривается структура федерации, а не хватает лишь федеральной хартии, представительных органов и «последнего рывка», движения снизу для воздействия на правительство.[13]

Любопытно сравнить данную теорию со взглядами на федерацию некоторых ярких представителей русского зарубежья. И.А. Ильин (1883-1954) в статье «Что такое федерация?» (1949) ввел в обиход термин «псевдо-федерация»: «Типичное возникновение федеративного государства: снизу – вверх, от малого – к большому, от множества – к единству, это есть процесс политического срастания, т.е. целесообразное движение от разрозненности ко взаимопитающему единству ... Идея “федерализма” получает помимо своего главного, объединяющего и центростремительного значения – еще и обратный оттенок: неугасшей самобытности частей, их самостоятельности в законных пределах, их органической самодеятельности в недрах большого союза ... Наряду с юридически прочными и политически жизнеспособными союзами государств, история знает еще и мнимые, фиктивные “федерации”, не возникающие в органическом порядке – снизу, а искусственно и подражательно насаждавшиеся сверху. Мы называем их “псевдо-федерациями”».[14] А Г.П. Федотов (1886-1951) искренне полагал, что «европейская федерация немыслима без России». Он вполне поддерживал идею лорда Лотиана, британского посланника в Вашингтоне, о создании Европейской федерации с участием США, и пытался найти достаточные основания для участия в данной федерации России. Однако ставить вопрос об этом в практическом плане не решался, пока «тоталитарный труп» не будет «воскрешен к свободе». Федотов тепло поминал в своих работах Черчилля, который «имеет смелость» говорить о Соединенных Штатах Европы, и Маршалла, который требует единой экономической организации Европы как условия оказания американской помощи.[15]

Морис Алле, будущий нобелевский лауреат в области экономики (1988), выступил на конгрессе в Монтрё с докладом «Экономические аспекты федерализма». Он напомнил, что полномочия по урегулированию всех экономических вопросов, которые могли бы быть разделены между странами-членами федерации, должны принадлежать федеральному союзу. В частности, Союз может регламентировать валютные отношения (общая единица расчетов), разрабатывать законы в области торговли и движения капиталов. Полномочия распределяются, согласно следующим принципам: 1) предоставление каждому государству-члену федерации максимума свободы; 2) вмешательство лишь в те проблемы, которые затрудняют взаимоотношения между странами-членами федерации; 3) осуществление наиболее справедливого распределения ресурсов, которое не тормозило бы рост реальных доходов. Это предполагает свободную циркуляцию товаров (рынки, организованные на конкурентной основе), капиталов и граждан при условии свободного обмена информацией. Алле выделил три важных момента европейского федерализма: 1) политическая федерация не может просуществовать длительный период без федерации экономической; 2) экономическая федерация не может возникнуть без предшествующей ей политической федерации; 3) экономическая федерация усиливает политическую федерацию – и наоборот. Конечная

цель экономической федерации (по мнению Алле) - это «реализация федерального экономического оптимума».[16]

На конгрессе в Монтрё был утвержден проект Генеральных Штатов Европы и определены главные позиции, которые федералисты будут защищать на следующем, Гаагском конгрессе. И в том же, 1947 г. по инициативе Поля ван Зееланда была основана Европейская лига экономического сотрудничества. Совет президентов, руководящий орган данной организации, немало содействовал не только экономическому, но и культурному сближению западноевропейских государств, постепенно создавая их реальное социально-экономическое единство. Организация европейского экономического сотрудничества, созданная 16 апреля 1948 г. и служившая каналом помощи по плану Маршалла, также являлась важным шагом в направлении европейской интеграции. Кроме западных (оккупированных) зон Германии американскую помощь по Программе восстановления Европы получали Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Швейцария и Швеция.[17] 17 марта 1948 г. Великобритания, Франция и страны Бенилюкса подписали Брюссельский договор о сотрудничестве в экономической, социальной, культурной и, самое главное, военной областях (сроком на 50 лет). Возник Западный Союз, который стал предвестником все новых союзов по обеспечению безопасности эпохи «холодной войны».[18] В ответ 1 апреля советские патрули начали мешать движению в коридоре Берлин – западные зоны. Дело шло к блокаде Берлина - именно в этой сложной международной обстановке готовился и проходил Гаагский конгресс.

У. Черчилль стал главным инициатором созыва конгресса в Гааге, однако федералисты быстро подхватили его призыв. За подготовку нового конгресса взялся Международный комитет по координации движений за европейское единство, опиравшийся на деятельность трех комиссий: политической, экономической и комиссии по культуре. Последнюю, в частности, возглавил высланный из Испании министр и писатель Сальвадор де Мадариага. В Координационный комитет вошли представители пяти различных организаций: Комитета объединения Европы (У. Черчилль), Европейского парламентского союза (Р. Куденхове-Калерги), Европейской лиги экономического сотрудничества (П. ван Зееланд), Новых интернациональных групп (Бише, генеральный секретарь Народно-республиканского движения) и Французского совета за объединенную Европу (Дотри). Кроме того, национальным комитетам было поручено назначить делегатов от всех сил, готовых сотрудничать: парламентов, политических партий, университетов, профсоюзов, женских организаций, религиозных конфессий. В результате, в Гаагу съехалось около тысячи делегатов, среди которых было двенадцать бывших председателей советов министров, двадцать действующих министров и целая сотня парламентариев самых разных политических направлений (христианские демократы, либералы, социалисты, консерваторы). Германию представляла сильная делегация во главе с Конрадом Аденауэром.[19]

Гаагский конгресс проходил с 7 по 10 мая 1948 г. как очень представительное, но все же чисто общественное мероприятие. Черчилль в качестве председателя заявил: «Мы должны провозгласить своей целью устройство объединенной Европы, моральная концепция которой завоеует себе уважение и благодарность человечества ... Я надеюсь увидеть такую Европу, где мужчины и женщины в каждой стране будут думать, что быть европейцем – значит принадлежать своей родной земле, и куда бы они ни отправились в этой большой отчизне, они действительно почувствуют: здесь я дома». Англичане, как консерваторы, так и лейбористы (кроме Макея), сформировали единый фронт в поддержку так называемого «унионистского» тезиса против всякой идеи федерации. Они были сторонниками «рыхлого» союза (англ. “union”), основанного на идее международного сотрудничества при полном уважении суверенитета государств. Черчилль вообще предлагал «братский союз» трех связанных друг с другом кругов: Европейского союза, Британского Содружества и Соединенных Штатов Америки

(Британия должна будет обеспечить «жизненно важную связь между ними всеми»).[20] Разумеется, такое глобальное «стратегическое видение» вступало в резкое противоречие с замыслами федералистов. Дени де Ружмон писал: «Очевидное желание прийти к окончательному решению, возникшее благодаря общему ощущению серьезности ставки, привело бы конгресс к значительно большим результатам, если бы не было представителей Великобритании. Перед Гаагой многие думали, что главный конфликт возникнет между лейбористами и консерваторами. Это от недостаточного знания англичан. Единственный глубокий конфликт, имевший место на конгрессе, был вызван глухим противостоянием общего фронта представителей Британских островов и разделившихся во взглядах на тактику действий отдельных делегатов континента. Противостояние может быть резюмировано в двух репликах, которые я записал во время дебатов в политической комиссии. Гарольд Макмиллан: “Вспомните вашу французскую поговорку – спешите не торопясь”. Поль Рейно: “Любопытно, что это изречение адресуется тонущему”».[21]

На конгрессе прозвучало немало ярких речей. Например, глава комиссии по культуре де Мадариага заявил: « ... Европа должна родиться. И она родится, когда испанцы скажут: «Наш Шартр», англичане – «Наш Краков», итальянцы – «Наш Копенгаген», а немцы – «Наш Брюгге» ... Тогда Европа заживет. Потому что тогда дух, который ведет Европу, произнесет слова творения: “FIAT EUROPA”».[22] Однако единства не было - даже континентальные федералисты разделились во мнениях по поводу методов, которыми следует действовать. Так, необходимость создания Европейской ассамблеи не подвергалась сомнению, но делегаты-федералисты серьезно расходились в способах избрания ее членов. В частности, Робер Арон требовал, чтобы Европейская ассамблея состояла из представителей местных, профессиональных и «духовных» сообществ (т.е. семьи, профсоюза, приходской общины), которые «знают лучше, чем парламенты, внутреннюю жизнь стран».[23] Поль Рейно вообще настаивал на выборах в Учредительное собрание Европы (всеобщим голосованием, из расчета один делегат на миллион избирателей). Его предложение собрало лишь девять голосов, натолкнувшись на почти единодушную оппозицию. Одни посчитали его преждевременным (и невыполнимым), другие нашли, что оно противоречит федералистскому принципу, третьи проявили осторожность или выступили против по принципиальным соображениям.

Окончательное коммюнике Гаагского конгресса призывало к таким практическим действиям, как создание Европейской ассамблеи и Суда по правам человека. Три резолюции конгресса (политическая, социально-экономическая и культурная) определили конкретную программу действий по объединению Европы. В частности, предлагался «срочный созыв Европейской ассамблеи, которая, будучи избранной на конгрессе или вне его парламентами государств-участников ... будет способствовать формированию европейского общественного мнения; ... будет рекомендовать срочные меры для постепенного единения Европы, как экономического, так и политического; ... изучит конституционные и юридические проблемы, возникшие в связи с созданием союза или федерации, а также его социально-политические последствия; ... подготовит необходимые для этого программы».[24] Как видно, отражением компромисса между федералистами и унионистами явилось использование в тексте сразу двух терминов: «союз» и «федерация». Социально-экономическая резолюция конгресса предусматривала такие меры, как свободное перемещение капиталов и рабочей силы, денежная унификация, согласованное оздоровление бюджетной и кредитной политики, таможенный союз (с умеренным тарифом), гармонизация социальных законодательств и координация экономической политики стран-членов (дабы способствовать полной занятости населения Европы). Конгресс призвал к «тесному сотрудничеству» трудящихся и их представительных организаций (профсоюзов) в создании и развитии экономики объединенной Европы.

Автором Резолюции по вопросам культуры и «Послания к европейцам» (или «Европейского манифеста», как его часто называли впоследствии) был Дени де Ружмон. В первом из этих документов подчеркивалось, что будущий европейский союз должен опираться на единство европейской культуры. Во втором – повторялись основные положения всех резолюций, в частности, говорилось о необходимости создания экономического и политического союза (но при этом не упоминалось ни о европейском правительстве, ни о какой-либо другой структуре власти). Особым решением был учрежден Координационный комитет для поддержки целей конгресса во главе с Андрэ Филипом. Помимо Уинстона Черчилля (Великобритания) его почетными президентами стали Робер Шуман (Франция), Альcide де Гаспери (Италия), Поль-Анри Спаак (Бельгия), Рихард Куденхове-Калерги (Австрия), Конрад Аденауэр (Германия). Именно этому институту предстояло в дальнейшем принять имя «Европейского движения» - на основе его заключений и меморандумов были созданы Европейский центр культуры, Европейский колледж, Совет Европы и Европейский суд по правам человека.[25] Гаагский конгресс поручил комитету немедленно подготовить проект Хартии прав человека и определить критерии, которым должны отвечать демократические режимы (свобода мысли, собраний и слова, свободное функционирование политической оппозиции и т.п.), а также учредить Суд для надзора за соблюдением прав человека. Европейское движение объединяло отдельные европейские движения и довольно успешно координировало их деятельность, одновременно активно влияя на национальные правительства и парламенты западноевропейских стран. К примеру, ушедший в отставку министр иностранных дел Франции Жорж Бидо напоследок (20 июля 1948 г.) выступил с речью в пользу объединения Европы. Вскоре появился Меморандум президента Европейского движения, Андрэ Филипа, в котором содержался конкретный проект создания Совета Европы. Новый европейский институт должен был включать Европейскую ассамблею и Комитет министров с ограниченными, но реальными полномочиями. Совместное предложение французского и бельгийского правительств выглядело более радикально, однако необходимо было найти компромисс с британской стороной.

5 мая 1949 г. был создан Совет Европы, включающий Консультативную ассамблею (с совещательными правами) и Комитет министров (в котором решения принимались единогласно). Изначально Устав Совета Европы подписали только десять западноевропейских стран: Бельгия, Великобритания, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Франция и Швеция. Генеральный секретарь Совета Европы избирается сроком на пять лет. Комитет министров утверждает программу и бюджет организации, выносит решение о приеме новых членов и предоставлении статуса наблюдателя. Он дает рекомендации странам-членам СЕ и, после консультации с Ассамблеей, может вводить санкции против отдельных государств-нарушителей Устава. После того, как сформулирована позиция Консультативной ассамблеи, Комитет принимает текст разработанных в Совете Европы конвенций. Задачами новой организации были объявлены защита принципов свободы и правопорядка, а также сохранение европейского культурного наследия. Местом расположения институтов Совета Европы был избран г. Страсбург во Франции, а официальными языками стали английский и французский. Первое заседание Комитета министров проходило с 8 по 13 августа, а Консультативная ассамблея собралась впервые 10 августа 1949 г. в здании Страсбургского университета. Бельгиец Поль-Анри Спаак был избран первым председателем Ассамблеи, которая интенсивно работала вплоть до 8 сентября. Специально уполномоченный турецкий посланник в Париже уведомляет 8 августа Генерального секретаря Совета Европы о присоединении его страны к организации, однако формальное заявление Турции о вступлении появляется только 13 апреля 1950 г. Несмотря на это, турецких представителей уже 9 августа допускают на заседания Комитета министров и Ассамблеи в качестве наблюдателей. Тогда же, 9 августа Устав

Совета Европы ратифицирует Греция, и в работе СЕ начинают участвовать ее представители.[26] Одной из первоочередных своих задач Совет Европы считал подготовку и подписание Конвенции о защите прав человека и основных свобод. После продолжительных согласований документ была принят и открыт для подписания странами-членами Совета Европы 4 ноября 1950 г.[27] В декабре 1949 г. в Лозанне состоялась Европейская конференция по культуре, которая сформулировала программу будущего Европейского центра культуры. Были поставлены следующие задачи: пропагандировать в средствах массовой информации европейские культурные (а затем и политические) ценности, способствовать развитию образования, свободному обмену идеями и координации исследований, налаживать контакты между европейскими университетами и развивать сотрудничество преподавателей (в частности, в целях пересмотра методики преподавания истории Европы).[28]

В декабре 1949 г. Мишель Дебрэ выдвинул свой «проект пакта о союзе европейских государств». Он предложил президентскую модель, предусматривающую «арбитра, избираемого на пять лет всеобщим голосованием мужчин и женщин», Сенат (членами которого были бы министры европейских государств и комиссары, назначаемые «арбитром»), а также «Ассамблею европейских наций, состоящую из депутатов, избранных из расчета один на миллион жителей». Все страны-участницы должны были передать Союзу свои полномочия на решение задач обеспечения обороны, улучшения условий жизни народов, экономического развития и свободы торговли, а также унификации юридических институтов. Внешняя политика государств-членов должна быть «объединена координацией». Каждое государство сможет сохранить «привилегию автономно проводить свою внешнюю политику», а «власти Союза будут ответственны за обеспечение координации, от которой никакое государство не сможет отказаться после подписания пакта». В Сенат следовало ввести по одному министру от каждой страны-участницы (по представлению национального правительства), которые составят Комитет министров во главе с председателем-арбитром. Главной задачей Комитета министров будет координация внешней политики. Десять комиссаров, назначаемых в Сенат арбитром, будут, в свою очередь, обеспечивать функционирование служб Союза. Таким образом, Сенат оказывается органом исполнительной, а не законодательной власти. Ассамблея европейских наций должна избираться прямым всеобщим голосованием и осуществлять демократический контроль над деятельностью исполнительных органов власти: проверять и утверждать бюджет, обсуждать законопроекты или программы, подготовленные Сенатом. У арбитра, в любом случае, сохраняется право вето. Работе трех главных учреждений помогает Совет Союза, выполняющий консультативную функцию и состоящий из четырех секций: производства и труда; образования; городов и других населенных пунктов; государственных и частных фондов социальной солидарности. Суд Союза формируется сложным образом: часть судей назначается Комитетом министров, часть – избирается Ассамблеей, остальные – секцией образования Совета Союза. В Суд может обратиться только страна-участница или сам арбитр (но не другие институты Союза, а тем более - не частные лица). Решения Суда исполняются беспрекословно при обязательном контроле со стороны арбитра.[29] Во многом проект Дебрэ опередил свое время и может служить ярким примером неиспользованных возможностей.

Общепризнанно, что процесс европейской экономической интеграции начался с формирования структур Европейского объединения (или «сообщества») угля и стали. Но кто же был действительным автором этого «проекта века»? Вальтер Швиммер, к примеру, утверждает, что «идея создания “Европейского объединения угля и стали” возникла 30 апреля 1950 года в Комитете министров Совета Европы, бывшего тогда еще единственным и потому центральным органом объединенной Европы».[30] Некоторые поверхностные исследователи проблемы отдают приоритет министру иностранных дел Франции Роберу Шуману, который 9 мая 1950 г. обратился от имени своего правительства к правительству ФРГ с Декларацией (так и вошедшей в историю как “Декларация

Шумана»), предлагая создать франко-западногерманское сообщество угля и стали в качестве первого шага к преодолению бывшего антагонизма. Однако при ближайшем рассмотрении совершенно ясно, что план, согласно которому угольная и металлургическая промышленность ФРГ и Франции должна была подчиниться единому органу управления (и его по традиции именуют «планом Шумана») был подготовлен Генеральным комиссаром по вопросам планирования Жаном Моннэ (и его командой).[31]

Сам Моннэ вспоминает, что в 1950 г. Германия все еще была «источником риска» в Европе – не потому, что опасность исходила от нее, а потому, что она стала ставкой в игре американцев и русских, и, следовательно, именно в связи с Германией Франции следовало сделать «решающее позитивное усилие».[32] Страх французов перед немецким промышленным превосходством мог стать самым большим препятствием на пути к объединению Европы. Требовалось решение, которое обеспечивало бы французской промышленности равные с немецкими исходные условия и одновременно освобождало бы немцев от дискриминации, явившейся следствием их поражения. Месторождения угля и железной руды располагались вдоль границы Франции и ФРГ неравномерно, взаимно дополняя друг друга, что и порождало постоянное соперничество двух держав. Война могла разрешить проблему лишь временно – на срок, необходимый, чтобы подготовиться к реваншу, как уже наглядно показала история. Уголь и сталь были, в условиях середины XX века, важными ключами к экономическому могуществу – они лежали в основе всей военной промышленности, а также имели огромное символическое значение, сравнимое с нынешним обладанием ядерным оружием. Моннэ предложил слить их производство «поверх государственной границы», превратив тем самым главное «яблоко раздора» в залог мира между Францией и ФРГ, а в перспективе – в фундамент всей западноевропейской экономической интеграции.

Жан Моннэ упорно стремился превратить франко-германскую проблему в проблему европейскую еще и потому, что боялся растущей гегемонии США. 15 апреля 1950 года он изложил суть своего проекта о слиянии французского и германского производства угля и стали молодому профессору права Полю Рейтеру, предложив ему подумать о том, какую форму мог бы иметь орган для управления общими активами двух стран. На следующий день, когда к Моннэ и Рейтеру присоединился Этьен Гирш, был разработан первый вариант того, что стало впоследствии называться «Декларацией Шумана» (заметим, в отсутствие и без ведома самого министра иностранных дел Франции). Уже в Преамбуле говорилось, что Европа должна быть организована на федеративной основе, а франко-германская уния является важнейшим элементом такой системы. В окончательной версии «Декларации Шумана» первоначальный замысел Моннэ будет выглядеть не так четко, а франко-западногерманское объединение не станет выделяться в качестве центральной задачи: «Франция делает решительный шаг к созиданию Европы – и приобщает Германию к этому созиданию ... Объединение европейских наций требует устранения векового противостояния Франции и Германии: предпринятое действие должно затронуть, прежде всего, Францию и Германию».[33] Однако сам Моннэ в какой-то момент полагал, что первым шагом к европейской федерации будет «уния» только двух стран – Франции и Западной Германии, а другие желающие присоединятся позже. В частности, фраза о том, что «организация будет открыта для присоединения других стран Европы» была приписана самим Жаном Моннэ от руки к первоначальному тексту только вечером 16 апреля. Так было положено начало основным разделам европейских договоров, сделан первый шаг к юридическому утверждению принципа равенства между Францией и ФРГ.

В срок между 16 апреля и 6 мая 1950 года сменились девять вариантов будущей «Декларации Шумана». На этом этапе в работу включился также Пьер Юри, экономист и философ, благодаря которому проект обрел более четкую структуру, система институтов стала более стройной. Международный орган власти стал именоваться Верховным совместным органом власти. В четвертом варианте он был назван «сверхнациональным» (или «наднациональным»), что, однако, не понравилось Жану Моннэ. Юри ввел понятие

«Общего рынка» – пространства без таможенных границ и торговых ограничений, но регламентированного в общих интересах. Он же предложил идею «переходных мер». Окончательный текст Декларации содержал призыв к другим европейским государствам присоединиться к новому сообществу и начать строительство единой Европы: «Из всего этого родится надежно объединенная и прочно построенная Европа ... будут заложены первые конкретные основания европейской Федерации».[34] "План Шумана" действительно нашел позитивный отклик не только в ФРГ, но и в других европейских странах - Италии, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге. Именно поэтому 9 мая принято отмечать как «День Европы» - начало реальной европейской интеграции (есть, правда, и «День Европы» по версии Совета Европы – 5 мая).

В начале 1950 г. экономическая и политическая ситуация в западноевропейских странах была достаточно сложной. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр 23 марта в интервью американскому журналисту Кингсбери Смитсу сам высказал предложение о создании франко-западногерманского экономического союза, причем объединению подлежали как экономика, так и парламенты (предполагалось даже введение единого гражданства). 2 апреля в интервью другому корреспонденту речь шла уже о создании англо-франко-западногерманского союза с общим парламентом. Такой союз, по мнению Аденауэра, мог бы стать краеугольным камнем более широкого объединения западноевропейских государств. При этом канцлер требовал полного равноправия для ФРГ в рамках «европейской федерации».[35]

22 апреля 1950 г. госсекретарь США Дин Ачесон выступил с заявлением о необходимости подчинения тяжелой промышленности в Западной Европе планам производства вооружений для нужд НАТО. Одновременно французскому правительству была направлена нота, содержащая требование определить свою позицию в отношении интеграции ФРГ в Европу. Сам Робер Шуман оценил обстановку как состояние «двойного кризиса: кризиса экономического характера и кризиса политического характера».[36] Поэтому он с энтузиазмом поддержал предоставленный ему Жаном Моннэ план создания «Европейского сообщества угля и стали».

Еще 14 апреля 1950 г., до начала реальной работы над Декларацией, Моннэ стало известно от Бернара Клапье, что Шуману необходима инициатива, с которой он мог бы выступить в Лондоне 10 мая на совещании министров иностранных дел США, Великобритании и Франции. И вот, уже готовый текст Моннэ представил в один и тот же день Фалезу, начальнику кабинета председателя Совета министров Жоржа Бидо (по прямой подчиненности) и – с помощью Клапье – Шуману, который вечером должен был отбыть в Метц на отдых. Утром в понедельник Шуман сказал встречавшему его на вокзале Клапье: «Я прочел проект, я согласен». Таким образом, дело перешло в сферу политики и государственной ответственности. Шуман и Клапье вошли в круг «заговорщиков», а Бидо и Фалез остались в стороне лишь потому, что не удосужились вовремя прочесть письмо Моннэ и адекватно на него отреагировать. Премьер-министр Жорж Бидо мог пылать гневом сколько угодно, но на свет родился в результате не «план Бидо», а «план Шумана».[37]

Неизбежное принятие ФРГ в систему союзов западных держав должно было происходить в форме, исключающей возрождение германского национализма. Здесь и пригодилась идея «наднационального сообщества» как особого учреждения западноевропейских государств, не подчиненного непосредственно правительствам. Кроме того, «наднациональное» объединение Западной Европы означало бы возникновение новой самостоятельной силы на политической арене, пусть и связанной «атлантическими узами» с США. Западная Германия могла бы раствориться в подобном объединении, а ее принятие на таких условиях не вызвало бы серьезного сопротивления французской общественности.

Кроме Робера Шумана в содержание проекта заранее были посвящены еще несколько членов французского правительства, в частности - министр юстиции Рене Мейер. 3 мая

Шуман коротко упомянул о своем плане на заседании Совета министров. А 6 мая 1950 г. текст, наконец, принял свою окончательную форму. В нем, в частности, утверждалось, что единая Европа “будет создана не сразу и не в готовом виде; она возникнет на основе реальных дел и фактической солидарности».[38] Документ отправился к Плевену, министру заморских территорий, последнему из тех девяти лиц, которые были вовлечены в данное предприятие.[39]

Вечером того же дня тайный эмиссар Шумана прибыл в Бонн и, благополучно миновав все бюрократические препоны, ознакомил с содержанием проекта Конрада Аденауэра, заручившись его согласием. В личном письме Аденауэру Шуман подчеркивал, что цель его предложения - не экономическая, а политическая. В свою очередь Аденауэр расценил проект как возможность возрождения военного потенциала ФРГ, не вызывая тревоги во Франции.[40]

7 мая Робер Шуман встретился в Париже с госсекретарем США Дином Ачесоном, прибывшим туда проездом в Лондон на сессию Совета НАТО, и беседовал с ним в присутствии американского посла Дэвида Брюса и самого Жана Моннэ. Ачесону сначала показалось, что речь идет о создании большого европейского картеля по углю и стали, и он высказал «озабоченность» тем, что такой картель может превзойти уже существующие в США. В ответ Шуман особо подчеркнул политический характер предполагаемого нового экономического объединения. Жану Моннэ пришлось вмешаться, чтобы лично развеять все опасения – он был довольно коротко знаком с Дином Ачесоном.[41] В ходе данной беседы и состоявшейся на другой день встречи Ж. Моннэ с прибывшим в Париж американским верховным комиссаром в ФРГ Джоном Макклоем (и другими американскими чиновниками) были согласованы детали проекта. Дин Ачесон и Дэвид Брюс в дальнейшем действительно проявили себя как надежные сторонники и защитники «плана Шумана». Интересно отметить, что американцы в начале 50-х годов XX века были склонны преувеличивать свое влияние на европейские дела и "план Шумана" записывали почти исключительно в свой актив. Так, специальный представитель США в Европе Дрейпер сообщает 2 апреля 1952 г. в Агентство Взаимной Безопасности о том, что США несут ответственность за создание «плана Шумана», после чего предлагается использовать «влияние» с тем, чтобы назначить на посты в Высшем руководстве ЕОУС угодных США людей.[42]

Утром 9 мая 1950 г. содержание проекта было впервые полностью доведено до сведения Совета министров Франции. Повестка дня заседания уже была исчерпана, а Шуман все не брал слова, ибо не имел официально подтвержденного согласия от Аденауэра. Это подтверждение Клапье получил как раз в тот момент, когда заседание Совета министров было закрыто, и всем пришлось снова рассаживаться по своим местам. Шуман был краток и говорил не очень внятно, однако никто не поставил под сомнение своевременность предложения, которое он собирался сделать в Лондоне. Плевен и Мейер живо поддержали выступление Шумана, что и решило дело. При этом большая часть министров прочла полный текст Декларации только в утренних газетах на следующий день.[43] Жан Моннэ получил известие о благополучном завершении заседания Совета министров от Клапье. Теперь следовало принять послы европейских стран, чтобы ввести их в курс проекта (о котором их правительствам предстояло узнать не из их донесений, а из прессы).

В 18 часов Шуман изложил свой план публично на пресс-конференции, куда в спешке забыли пригласить фотографов и радио. Он говорил о стремлении обеспечить всеобщий мир, устранить “вековую вражду между Францией и Германией” путем объединения Европы, искренне веря в то, что проект увенчается созданием “европейской федерации”. Значение Декларации Шумана, таким образом, выходило далеко за рамки двусторонних отношений между ФРГ и Францией. Шуман от имени французского правительства обратился ко всем европейским странам с призывом присоединиться к предполагаемому объединению.[44] В это же время в Бонне Конрад Аденауэр ожидал официального

сообщения о французской инициативе, чтобы объявить собравшимся уже журналистам о согласии своей страны.

На следующий день после своего исторического выступления Робер Шуман отправился в Лондон на конференцию министров иностранных дел США, Великобритании и Франции, а также на заседание Совета НАТО. 11 мая 1950 г. конференция провозгласила готовность трех держав к «дружественному сотрудничеству» с ФРГ и одобрила в целом «план Шумана».[45] Но Шуман и Клапье с большим трудом могли отвечать на конкретные вопросы, касающиеся плана, и они вынуждены были вызвать 14 мая в Лондон главного автора, Жана Моннэ. На помощь французским политикам пришел и Дин Ачесон, с согласия Трумэна одобдивший «далеко идущую французскую инициативу». Горячо поддержал ее и граф Карло Сфорца от имени итальянского правительства. В странах Бенилюкса власти хотели было получить разъяснения технического характера, но давление общественного мнения заставило их заявить о немедленном одобрении. 15-18 мая предложение начать переговоры о создании наднационального Сообщества угля и стали было официально разослано французским правительством. Его получили, в частности, правящие круги Великобритании, ФРГ, Италии и стран Бенилюкса.

Только в Великобритании «план» не получил должной поддержки: британская пресса расценила его как покушение на национальную независимость страны и угрозу связям с Британским Содружеством. Правда, первоначально молодой государственный секретарь Форин Оффиса Кеннет Янгер склонялся к тому, чтобы Великобритания присоединилась к Франции и Германии. Энтони Иден горячо поддержал эту идею в публичном выступлении, то же сделал и лорд Лейтон от имени либеральной партии. Сам Эттли, вернувшийся в Лондон 11 мая, в своей речи в палате общин приветствовал франко-германское примирение, но призвал более глубоко рассмотреть экономические последствия «плана». В результате правящая лейбористская партия выдвинула резкие возражения против подчинения «наднациональному органу» жизненно важной области британской экономики. Консерваторы, находившиеся в оппозиции, предложили более гибкую тактику. Они призвали правительство принять участие в переговорах с тем, чтобы воздвигать на пути к соглашению одно препятствие за другим. Так, на второй сессии консультативной ассамблеи Совета Европы в августе 1950 г. консерватор Г. Макмиллан предложил подчинить верховный орган ЕОУС Комитету министров Совета Европы и наделить участников объединения правом «вето». Это предложение поддержали делегаты скандинавских стран, но оно было отвергнуто представителями Франции, ФРГ, Италии и стран Бенилюкса.[46]

При определении позиции ФРГ в отношении «плана» решающую роль сыграли политические, а не экономические соображения. Конрад Аденауэр считал, что данный проект сможет обеспечить равноправие ФРГ в системе «европейских сообществ». Он откровенно заявлял, что «только сильная Европа, включающая сильную Германию, могла бы стать волнорезом против красного прилива и позволить нам когда-нибудь вернуть как советскую зону, так и районы за линией Одера-Нейсе».[47] В Бонне Жана Моннэ, официально ведущего переговоры от имени французского правительства, сопровождал Бернар Клапье, который и осуществлял связь с Робером Шуманом. Там же находился и Джон Макклой, американский верховный комиссар и действующий председатель Совета при Верховной комиссии союзников. Этот Совет все еще обладал большими полномочиями по контролю над ФРГ, в том числе и над ее внешней политикой. Моннэ предстояло испросить разрешение на начало переговоров с Аденауэром именно у Макклоя, целиком стоявшего на стороне «плана». Но сами эти переговоры предполагали восстановление отношений равенства между Францией и Германией, так что решение Совета должно было стать последним актом его дипломатической опеки и могло вызвать резкие возражения британской стороны. Английский генерал Робертсон, входивший в Совет, полагал, что Германия – подконтрольное государство, его уголь и сталь находятся под секвестром союзников. А значит, Верховная контрольная комиссия должна быть

представлена на переговорах. Но это противоречило самому духу «плана Шумана». Моннэ и Арман Берар, помощник Франсуа-Понсэ, представлявшего в Совете Францию, сумели настоять на своем (сам Франсуа-Понсэ в тот день отсутствовал). Таким образом, Моннэ получил разрешение начать переговоры с канцлером ФРГ.

В данных переговорах участвовали также Клапье, Берар (как частное лицо) и Бланкенхорн, руководитель кабинета канцлера. Моннэ боялся, что «план» может быть поставлен под угрозу в ФРГ, как и в Великобритании, из-за слишком скрупулезного и нарочито технического подхода. Аденауэр выслушал Моннэ с предельным вниманием и ответил, что уже давно ожидал подобной инициативы. Однако канцлер не имел при себе «немецкого Моннэ», способного плодотворно вести данные переговоры. В конце беседы он заявил, что считает осуществление французского предложения своей самой важной задачей. Поездка Моннэ в Бонн завершилась подписанием официального коммюнике о достигнутом соглашении.[48] Это сразу же вызвало негативную реакцию в Великобритании. 25 мая французское правительство направило в Лондон меморандум, предлагая проект коммюнике, который уже был принят Германией и предлагался также Италии и странам Бенилюкса. Но это послание разминулось в пути с первой британской нотой, в которой заранее отвергалась идея международной конференции и выражалось пожелание, чтобы Франция и Германия начали между собой прямые переговоры. Сама Великобритания хотела бы принять участие в данных переговорах с самого начала с тем, чтобы получить разъяснения относительно деталей предлагаемой системы. На следующий день пришел и ответ из Лондона на французский меморандум. Это был формальный отказ от участия в дальнейших переговорах по «плану Шумана». На все разъяснения французской стороны британцы упорно отвечали требованием вести переговоры на других основаниях и не давали даже предварительного согласия на создание «сверхнациональной Верховной власти».[49] Проблема сводилась к следующему: англичане требовали себе на переговорах особый статус, с чем категорически не были согласны Моннэ и его команда. В конце концов, англичане и французы констатировали «различия в подходе» и решили держать друг друга в курсе дела с тем, чтобы британское правительство имело возможность присоединиться к общему делу в любой подходящий для него момент.

3 июня шесть правительств опубликовали совместное коммюнике, открывшее путь к поэтапной реализации «плана Шумана».[50] 20 июня 1950 года в Париже открылась конференция шести стран, в которой приняли участие представители Франции, ФРГ, Италии и стран Бенилюкса. Следует отметить, что если в Великобритании у власти находились лейбористы, проводившие «социалистический эксперимент», то на континенте ситуация была совсем иная. У власти в Италии и Бельгии находились католические партии, члены которых искренне стремились восстановить утраченное некогда европейское единство и образовать вместе со своими единомышленниками в ФРГ и Франции «католическую Европу». Сам Робер Шуман был основателем Народно-республиканского католического движения, Конрад Аденауэр возглавлял Христианско-демократический союз ФРГ, а Альчиде де Гаспери был не только премьер-министром Италии, но и лидером Христианско-демократической партии. Таким образом, все самые активные сторонники европейской интеграции в правящих кругах Франции, ФРГ и Италии одновременно принадлежали к числу лидеров национальных католических партий и движений. И только в Италии существовала серьезная опасность прихода к власти левых сил.

Национальные делегации на конференции были очень многочисленными, они включали всевозможных экспертов и специалистов. Шестьдесят делегатов еще не знали, что им предстоит искать компромисс на протяжении целых десяти месяцев. Единственным рабочим документом был тот «план Шумана», который составили сотрудники Жана Моннэ при его участии и под его руководством. Другие делегации приехали скорее для того, чтобы задавать вопросы, а не вносить предложения. Однако

уже 21 июня была высказана идея консультативных комитетов и совместного парламентского организма под названием Общая Ассамблея. С 22 июня началась серия узких заседаний, на которых только главы делегаций с одним или двумя советниками решали вопрос о ходе конференции и ее процедурах. ФРГ представлял Хальштейн, Бельгию – Суэтенс, Нидерланды – Спиренбург, Люксембург – Верер, а Италию – Тавиани. При этом депутаты от стран Бенилюкса опирались на опыт создания ограниченного таможенного союза.

Сразу же возникли две проблемы, озвученные Спиренбургом. Во-первых, не будет ли Ассамблея ЕОУС дублировать функции Ассамблеи Совета Европы? Каковы должны быть их взаимоотношения? И, во-вторых, какова будет реакция правительств, согласятся ли они на частичный отказ от суверенитета, какова будет их роль в новой системе? Эти вопросы стали впоследствии самыми большими препятствиями на конференции. В рабочем документе, розданном прессе в конце июня было включено важное уточнение: «Выход из Сообщества государства, являющегося его членом, может произойти только при согласии всех других членов с таким выходом и его условиями ... В федерации не может допускаться одностороннее прекращение членства».[51]

Формально Шуман считался председателем конференции, но после дня открытия не появлялся на ней до 12 июля, когда на свет стала рождаться идея о Совете министров Европейского Сообщества. С его участием система учреждений приобрела свою окончательную форму: сверхнациональная власть, Совет министров, состоящий из министров от каждой страны, парламентские и юридические органы контроля. Затем Моннэ вызвал в Париж Рейтера, который создал комитет юристов и подготовил проект соглашения. В Меморандуме от 5 августа 1950 г. уже прописан весь корпус учреждений будущей ЕОУС: Верховный орган, Общая Ассамблея, Совет министров и Суд.[52] В дальнейшем терминология больше не менялась.

В течение сентября был составлен новый общий Меморандум, зафиксировавший очередные соглашения по ряду конкретных пунктов – шел процесс превращения первого рабочего документа в проект договора, который юристы уже начали составлять, статью за статьей. Однако в связи с Корейской войной возник вопрос о перевооружении Германии и появилась опасность, что ФРГ может утратить интерес к ЕОУС, как только будут восстановлены ее суверенитет и национальная армия. Но позиция Хальштейна на конференции (отражавшая позицию Аденауэра) оставалась лояльной и конструктивной. Только назначение министром внутренних дел правительства ФРГ доктора Лара, бывшего явным оппонентом «плана Шумана», внушало некоторые опасения Жану Моннэ.

Позиция Аденауэра действительно была ясной и неизменной. В беседе с Макклоем, он категорично заявил, что ФРГ готова участвовать своим контингентом в европейской армии и не желает ремилитаризации путем создания национальных вооруженных сил. Моннэ, Гирш, Юри, Клапье, Рейтер и присоединившийся к ним Альфан вынуждены были теперь параллельно заниматься разработкой договора о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС).[53] Сам же Моннэ настаивал на том, чтобы осуществление решения о создании европейской армии было отложено до подписания соглашения по «плану Шумана».

Представители ФРГ тянули с согласованием двух последних пунктов проекта договора о ЕОУС до 14 марта 1951 года, когда союзный план по декартелизации получил одобрение Аденауэра. Эти две последние статьи вводили принципиально новое для Европы антитрестовское законодательство. 19 марта договор о ЕОУС был парафирован в Париже. Оставалось только собрать министров шести государств-членов, чтобы договориться относительно нескольких слов, на месте которых в тексте пока стоял пробел, а затем – торжественно подписать договор. Пробелы были связаны с важнейшей политической проблемой – удельного веса каждой из стран «шестерки» в институтах ЕОУС. Бенилюкс и Италия производили лишь четвертую часть всего угля и стали предполагаемого Сообщества, но при равенстве голосов они получили бы возможность

диктовать свою волю Франции и Германии.

После длительных консультаций 18 апреля 1951 года в Париже было подписано соглашение о создании ЕОУС.[54] Документ предусматривал общую рамку таможенных тарифов, в частности - отмену пошлин внутри объединения и введение единых тарифов для стран, которые в ЕОУС не вошли. Государства-члены договорились также об условиях свободной конкуренции в рамках объединения. Соглашение, заключенное сроком на 50 лет, подлежало обязательной ратификации всеми заинтересованными сторонами.

Процесс ратификации прошел успешно во всех шести европейских странах, подписавших соглашение. Первыми ратифицировали договор Нидерланды – уже в октябре 1951 года. В парламентах стран Бенилюкса только коммунисты голосовали «против». Парламентарии Франции и ФРГ при обсуждении документа указывали на его особое значение в деле примирения давних противников - Франции и Германии. В ФРГ договор был ратифицирован 11 января 1952 года большинством в девяносто голосов. Во Франции документ прошел через палату депутатов 13 декабря 1951 года большинством в 377 голосов против 233 (среди противников договора были коммунисты, голлисты и некоторые независимые депутаты). Окончательное голосование в сенате Франции состоялось 1 апреля 1952 года – договор ратифицировали подавляющим большинством голосов. 13 мая документ без трений прошел через парламент Люксембурга, а 12 июня соглашение ратифицировали бельгийцы. Последними оказались итальянцы, где проект ЕОУС был плохо принят общественным мнением. 16 июня ратификация состоялась, но против голосовали правые вместе с социалистами и коммунистами.

25 июля 1952 года документ вступал в силу. Встал вопрос о формировании руководящих органов новой организации, которые, согласно соглашению, наделялись высшими полномочиями по сравнению с соответствующими национально-государственными органами. 23 июля в Париже состоялась встреча министров стран-членов ЕОУС, где было сформировано Высшее Руководство новой организации. Германию на конференции представлял сам Аденауэр, Италию – де Гаспери, Францию – Шуман, страны Бенилюкса – ван Зееланд, Стиккер и Бек. Все они выступали в качестве полномочных министров своих государств, причем каждый имел право вето. В Высшее Руководство вошли по два представителя от Франции и ФРГ и по одному - от Италии, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга. Как мы видим, экономическая мощь Италии была на практике приравнена к потенциалу малых европейских стран, во всяком случае - в области добычи угля и производства стали. Естественно, итальянские представители не могли считать такое положение дел справедливым. Однако, "план Шумана" был изначально предназначен для интеграции именно французских и западногерманских отраслей промышленности, посему итальянской стороне пришлось смириться. Зато в Суд новой организации было избрано по одному представителю от каждой страны "шестерки".

Рабочими языками ЕОУС признавались французский, немецкий, итальянский и нидерландский, т.е. все без исключения государственные языки стран-участниц. Вопрос о признании английского языка рабочим даже не поднимался ввиду отсутствия заинтересованных сторон - представителей Великобритании и США. Оживленные споры вызвал вопрос о месте расположения руководящих органов ЕОУС. В ходе обсуждения министры "шестерки" остановились на Страсбурге. Именно здесь намечено было 10 сентября созвать Ассамблею "плана Шумана". Однако Высшее Руководство организации должно было встретиться предварительно в Люксембурге 10 августа для решения важнейших организационных вопросов. Таким образом, именно Люксембург становился временной резиденцией Верховного органа. Председателем ЕОУС был единогласно избран Жан Моннэ.

10 августа 1952 года в Люксембурге началась работа руководства ЕОУС, причем сразу же Верховный орган располагал всеми каналами национальных администраций и обладал непосредственной властью над конкретными предприятиями. Изначально всех

сотрудников, входящих в руководство ЕОУС, было чуть более тридцати. Вице-президентом Верховного органа стал Франц Этцель, представитель ФРГ. Все сотрудники дали торжественную клятву сохранять полную независимость организации. Итак, началась реальная работа – требовалось составить баланс ЕОУС, завязать первые внешние связи, помочь созданию других институтов в предусмотренные договором сроки. Первое приветственное послание, содержащее предложение «начать переговоры с председателем Верховного органа», поступило из Лондона уже на следующий день. Моннэ тотчас же ответил, что готов установить с Великобританией «тесное взаимодействие».[55] Спустя десять дней Моннэ прибыл в Лондон, где в отсутствие Идена, имел беседы с Плауденом и сэром Роджером Мейкинсом. Для поездки в Люксембург Британия подготовила делегацию во главе с сэром Сесилом Уиром.

Руководство ЕОУС могло искренне радоваться тому факту, что их вновь созданная организация уже обрела "международное признание". Жан Моннэ в качестве главы Верховного органа ЕОУС заявил на переговорах с американским послом Уильямом Дрейпером 27 августа 1952 г.: "Сотрудничество ЕОУС с Британией и США должно быть таким, чтобы отражать реалии мировой ситуации, и оно должно действительно представлять ассоциацию Свободного мира ... Очень важно объяснить народу, что Новая Европа не росла обособленно от Соединенного Королевства и США".[56] 3 сентября того же года в заявлении для прессы эта тема была продолжена. Моннэ высоко оценил поддержку, оказанную США делу строительства единой Европы и пояснил, что не настаивает на строительстве Европейского континента, отделенного от других народов.

9 сентября в Люксембурге впервые собрался Совет министров ЕОУС для принятия основных процедурных правил, назначения на должность Секретаря Совета и обсуждения некоторых технических вопросов. Председательствовал Аденауэр, который заявил, что Совет должен предоставить широкую свободу действий Верховному органу. От других стран «шестерки» присутствовали Шуман, де Гаспери, ван Зееланд, Стиккер и Бек. Министры получили ноту правительства Великобритании, где, в частности, предлагалось использовать секретариат Консультативной Ассамблеи Совета Европы для организации работы Ассамблеи ЕОУС. Германская делегация была крайне обеспокоена британской «поддержкой» и интерпретировала ноту как попытку "смутить и погубить" развитие нового сообщества, поставив его под контроль Совета Европы.[57] Французская, итальянская и нидерландская делегации просто не придали большого значения новой британской ноте и отказались работать на ее основе. Однако Шуман оговорился, что британская поддержка абсолютно необходима. В результате министры пришли к общему мнению, что важно четко проводить разделение полномочий между органами ЕОУС и Совета Европы, не смешивая их функции, но и не вступая в прямой конфликт с Великобританией. В соответствии с этим общим принципом была отвергнута возможность того, что Ассамблея ЕОУС и Консультативная Ассамблея Совета Европы будут пользоваться общим секретариатом.

Усиление независимости Ассамблеи ЕОУС по отношению к самому Высшему руководству организации выразилось в декларировании "суверенитета" Ассамблеи, причем со стороны Совета министров гарантировалась "абсолютная независимость и автономия в ее строении и функционировании по отношению как к другим учреждениям сообщества, или к любым другим национальным или международным учреждениям". Впервые Ассамблея ЕОУС собралась 10 сентября 1952 г. в Страсбурге. Согласно решению Совета министров, Секретариат Ассамблеи был обособлен от Секретариата Совета Европы. Председателем Ассамблеи был избран Поль-Анри Спаак, представитель Бельгии, который за несколько месяцев до этого демонстративно подал в отставку с поста председателя Консультативной ассамблеи Совета Европы в знак протеста против неэффективности данной организации.

На заседании Совета министров ЕОУС, проходившем также 10 сентября, но в Люксембурге, было принято решение разработать проект федерализации, так как

утверждение договора о ЕОС казалось далеким и проблематичным. На подготовку Ассамблеи был дан срок в шесть месяцев. И уже на следующий день в Страсбурге была создана соответствующая конституционная комиссия.

3-4 июня 1953 г. состоялся визит Моннэ, представлявшего Высшее руководство ЕОУС, в Вашингтон. Речь шла о перспективах развития ЕОУС и об отношениях между ЕОУС и другими западноевропейскими странами. Американская администрация укоряла лидеров ЕОУС в закрытости и предлагала подумать о принятии новых членов в эту организацию. Отдельно рассматривался вопрос о франко-германских и франко-британских взаимоотношениях. Моннэ ясно выразил свою позицию относительно принятия новых членов в ЕОУС: «ЕОУС не только не воздвигает барьеров на пути присоединения к нему, но уже готово пригласить новых членов из "свободной зоны Европы»».[58] На деле ЕОУС еще не был готов к принятию новых членов. Даже серьезный разговор об "ассоциированном членстве" Великобритании состоялся лишь в самом конце 1953-го и начале 1954-го года. Рост числа членов нового экономического сообщества явно отставал на первых порах от качественных изменений в европейских интеграционных структурах. В подписании Римского договора участвовали все те же шесть государств, что и при основании ЕОУС: Франция, Италия, ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Более того, историческое соглашение об объединении ЕОУС, ЕЭС и Евратома в ЕС подписали 1 июля 1967 г. представители все той же "шестерки". Лишь с января 1973 г. число стран-участниц стало неуклонно расти - и первыми стали отколовшиеся от ЕАСТ Великобритания, Ирландия и Дания.

В конце 1953 г. Великобритания действительно предприняла реальные шаги в деле сближения со странами "шестерки" - она согласилась начать переговоры об "ассоциации" в ЕОУС. 22 ноября следующего, 1954 г., Совет министров ЕОУС одобрил подготовленный проект договора об ассоциированном членстве Великобритании в этой организации. Но существенные противоречия между позицией Великобритании и взглядами лидеров "шестерки" на будущее европейской интеграции сохранялись. Кроме того, резко обострились отношения между Францией и другими странами-членами ЕОУС (внутри самой этой организации).

Однако ЕОУС имело значительный "запас прочности", чему немало способствовала и финансовая поддержка со стороны США. 15 июня 1953 г. президент Эйзенхауэр принял решение оказать по просьбе Моннэ и Высшего руководства ЕОУС поддержку этой организации в виде предоставления займа в сумме около 100 млн. долларов.[59] Этот заем был необходим ЕОУС для нужд развития своей структуры, но в США увязывался, прежде всего, с угрозой срыва ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе. Переговоры от имени ЕОУС блестяще провел Жан Гийо, и 22 апреля 1954 года между американским правительством и Верховным органом был заключен контракт. США предоставили ЕОУС искомый заем в 100 млн. долларов под довольно низкий процент – 3,7%. Ни одно правительство не могло бы в тот момент добиться более выгодных условий. Но это никак не помогло созданию «европейской армии» в соответствии с Договором о ЕОС - он так и не вступил в силу. А вот органы ЕОУС работали достаточно плодотворно и в будущем именно они послужили базовым элементом всей европейской интеграции. Объединение строилось на принципах свободы и равенства условий конкуренции, причем степень вмешательства в суверенные полномочия государств-членов изначально была весьма ограничена в строгом соответствии со статьями Договора. В международных отношениях ЕОУС, тем не менее, было наделено достаточной правоспособностью. В каждом из государств-членов Объединение получило наибольшие права, предоставляемые юридическим лицам в данной стране.

Финансовая база ЕОУС создавалась двумя способами: посредством обложения стали и посредством займов (преимущественно у США). К 10 февраля 1953 года был создан Общий рынок угля, а 1 апреля того же года был открыт и Европейский рынок стали.

Началось становление реального «Общего рынка» стран «шестерки». Высшее руководство ЕОУС (Верховный орган) получило право принимать решения, обязательные для всех государственных учреждений стран-членов, то есть довольно широкие наднациональные полномочия. Однако по ряду ключевых вопросов решения Верховного органа подлежали утверждению на специальном Совете министров. Данный Совет, с одной стороны, несколько ограничивал и тормозил деятельность Верховного органа, но, с другой стороны, способствовал нахождению компромисса между национальными и наднациональными интересами. Ассамблея ЕОУС, имевшая минимальные полномочия, послужила предтечей Европарламента. Также был создан и особый Суд для рассмотрения вопросов, связанных с законностью действий других органов ЕОУС. Его председателем стал авторитетный итальянский юрист Массимо Пилотти. Суд ЕОУС расположился в Люксембурге и ни одно его решение не было оспорено (или не исполнено) на территории всех стран «шестерки», вплоть до слияния в 1967 году органов всех трех существовавших тогда европейских сообществ - с образованием единой структуры.

Таким образом, вновь созданные институты ЕОУС послужили в начале 50-х годов XX века главным «локомотивом» всей западноевропейской экономической интеграции. Следует заметить, что Жан Моннэ, главный «архитектор» единой Европы, воспитывался в католическом духе, а его мать «была набожна и очень терпима».[60] В свою очередь, Робер Шуман, Конрад Адэнауэр и Альчиде де Гаспери были не просто католиками, но лидерами национальных католических партий и движений. Они, безусловно, верили в культурное единство Христианской Европы и искренне желали восстановить не только экономический, но и политический, и военный союз европейских народов. Абсолютное большинство населения стран изначальной «шестерки» исповедовало католицизм. И хотя влияние религии на поведение людей в середине XX века заметно ослабло, никак нельзя сбрасывать со счетов тот очевидный факт, что поначалу шла интеграция преимущественно католической части Европы. Показательно и то, что протестантская Великобритания не захотела (и не смогла) полноценно участвовать в создании первого европейского сообщества.[61]

Оборона Западной Европы после Второй мировой войны была возложена, преимущественно, на США и НАТО. Вероятным противником выступал, естественно, Советский Союз. К концу 1947 г. «железный занавес», который упоминал У. Черчилль в своей знаменитой речи годом раньше, стал реальностью.[62] Западный Союз самостоятельно с обороной западноевропейских стран справиться не мог. Идея создания «европейской армии» обсуждалась многократно и на самых различных форумах (в том числе, на Гаагском конгрессе 1948 г.). И в 1950 г., когда уже шли официальные переговоры о создании ЕОУС, стали раздаваться призывы распространить «федерализацию» на обеспечение военной безопасности. Ускорило создание конкретного плана «Европейского оборонительного сообщества», получившего в литературе название «план Плевена», начало Корейской войны. 25 июня 1950 года Жан Моннэ, занимавшийся у себя дома, в шестидесяти километрах от Парижа, работой над планом Шумана, получил известие о вторжении северокорейской армии в Южную Корею и сразу оценил значение случившегося. Теперь США могли более настойчиво требовать участия ФРГ в западных военно-политических союзах. Хотя Конрад Адэнауэр был категорически против возрождения вермахта, он еще в декабре 1949 года высказывался о «возможности вхождения немецкого контингента в состав федеративной европейской армии под европейским командованием».[63] Отказ французского правительства даже обсуждать эту тему в то время был вполне понятен. Но теперь ситуация сильно изменилась: американцы не желали держать два фронта сразу – в Европе и в Азии. А канцлер ФРГ был уверен, что относительно Германии у Сталина существует такой же план, как и относительно Кореи. В августе Адэнауэр попросил полномочия на создание полицейских сил в количестве 150 000 человек (в Восточной Германии к тому времени уже существовала военизированная милиция).

Летом и осенью 1950 года Жан Моннэ неоднократно обсуждал с Конрадом Аденауэром возможность создания европейской армии. 11 июля Рене Плевен, личный друг Жана Моннэ, сменил Жоржа Бидо во главе правительства Франции. А в августе на Консультативной ассамблее Совета Европы по инициативе бывших глав правительств Великобритании и Франции У. Черчилля и П. Рейно была принята «Рекомендация №5», в которой наиболее надежным способом «защиты Западной Европы от угрозы агрессии со стороны СССР» объявлялось создание «европейской армии». Ее предполагалось сформировать в кратчайшие сроки, поставив под контроль «европейского министра обороны» и подчинив «демократическому европейскому надзору».[64] Однако французское и английское правительства первоначально заняли по отношению к этому предложению отрицательную позицию. Жан Моннэ был вынужден обратиться к Рене Плевену с личным посланием, в котором говорилось, в частности, следующее: «Необходима новая, сильная и конструктивная идея, чтобы создать единый фронт для защиты Европы... Соединенные Штаты прислушались бы к Франции, если бы она выразила такую конструктивную идею и предложила эффективное решение».[65]

В США активно прорабатывались варианты ремилитаризации ФРГ. Дж. Даллес, занявший впоследствии пост государственного секретаря США, писал, что вооруженная Западная Германия смогла бы «занять передовые стратегические позиции в Центральной Европе, которые будут подрывать военные и политические позиции советского коммунизма в Польше, Чехословакии, Венгрии и других близлежащих странах». Однако проект создания западногерманских военных соединений в рамках НАТО вызвал бурный протест во Франции. Сам Робер Шуман, прибывший 12 сентября 1950 г. в Нью-Йорк для участия в сессии ООН, испытал шок. Дин Ачесон и Бевин одновременно проинформировали его, что американские подкрепления будут посланы в Европу, только если сами европейцы поставят под ружье 60 дивизий, из которых «десять могли бы быть немецкими». Американский госсекретарь уточнил, что речь идет о «включении немецких соединений в НАТО под общим командованием американского генерала».[66] Даже в такой форме и при условии отсрочки это предложение было абсолютно неприемлемо для французского министра иностранных дел. 16 сентября на заседании Атлантического союза Шуман оказался в полной изоляции. В тот же день Жан Моннэ послал ему письмо с вылетавшим в Нью-Йорк Кув де Мюрвилем: «Кажется, есть только три пути. Не делать ничего, но разве это возможно? Или строить отношения с Германией на национальной основе, но тогда создание объединенной Европы и успех плана Шумана становятся неосуществимыми. Или интегрировать Германию в Европу через расширенный план Шумана и перевести на европейский уровень те решения, которые будут приняты».[67]

Моннэ понимал, что теперь европейская федерация становилась ближайшей задачей – обстоятельства вынуждали «перескакивать» через этапы: следовало подставить под общий суверенитет одновременно армию, вооружения и базовые отрасли производства. А общая армия, по его мнению, могла создаваться только под общим политическим руководством. Таким образом, Моннэ уже в сентябре 1950 г. начал негласно заниматься разработкой нового плана, для всех окружающих оставаясь комиссаром плана Шумана и председателем конференции «шестерки». Тем временем сам Шуман безуспешно попытался отстоять перед французским правительством идею включения немецких формирований в европейскую армию, но получил твердые инструкции держать занятые позиции. Не удержал - несмотря на возражения Франции, Совет НАТО в принципе одобрил формирование вооруженных сил ФРГ в рамках блока. Шуману удалось получить лишь месячную отсрочку (до новой встречи министров трех стран, назначенной на 28 октября в Вашингтоне), которую Моннэ, Гирш, Юри, Клапье, Рейтер, Альфан и использовали для создания чернового проекта «европейской армии». На этом этапе они обошлись без помощи военных экспертов и других технических специалистов. Самого Моннэ мало волновало, какие формы примет «европейская армия», - он воспринимал данную задачу как политический заказ и строил всю аргументацию именно в

политическом плане.

С Рене Плевеном как главой правительства Моннэ установил ежедневный личный контакт. То, что обсуждалось устно, подкреплялось многочисленными конфиденциальными меморандумами. Так, в Меморандуме от 14 октября говорилось: «Наше правительство, еще до заседания комитета по обороне в Нью-Йорке 28 октября, должно сделать следующее: 1) во имя интересов Европы и всеобщего мира вновь повторить свое категорическое «нет» возрождению немецкой армии; 2) предложить, чтобы военный аспект германской проблемы решался в том же духе и теми же методами, что и вопрос об угле и стали, то есть: создание европейской армии с единым командованием, единой организацией снабжения и финансирования, под руководством единой сверхнациональной власти (включение немецких частей в это первоначальное ядро будет производиться постепенно); 3) получить подтверждение, что осуществление этого решения будет отложено до подписания соглашения по плану Шумана».[68]

16 октября состоялось неформальное совещание Плевена, Шумана и Моннэ по поводу плана «европейской армии», на котором был представлен первый черновой вариант проекта правительственного заявления. В нем говорилось: «Французское правительство полагало, что осуществление плана по углю и стали поможет идее европейского Сообщества укрепиться в умах до того, как будет затронут деликатный вопрос о совместной обороне. Мировые события не дают нам необходимой передышки. Поэтому, веря в мирное будущее Европы и заботясь о том, чтобы все народы Европы обрели чувство коллективной безопасности, французское правительство предлагает урегулировать этот вопрос теми же методами и в том же духе, что и Объединение по углю и стали ... и создать, в целях совместной обороны, европейскую армию, связанную с политическими институтами объединенной Европы ... Создание европейской армии не может быть результатом простого соединения национальных военных сил, которое на деле прикрывало бы коалицию старого типа. Целям, которые не могут не быть общими, должны соответствовать и общие организмы. Единая европейская армия, образованная из людей разных европейских наций, должна осуществить в максимально возможной степени слияние всех составляющих ее человеческих и материальных элементов под единым европейским командованием, политическим и военным».[69]

Команда Жана Моннэ разработала затем еще десять вариантов правительственного заявления, но уже в первом содержались все принципиальные подходы к проблеме. В окончательном виде Декларация была зачитана Плевеном 24 октября 1950 года в Национальном собрании Франции. Премьер-министр озвучил официальный план создания европейской армии, тесно привязанной к экономическим и политическим институтам «объединенной Европы». Интеграция национальных вооруженных сил должна была осуществляться на довольно низких уровнях военной структуры. Интегрированные формирования следовало создавать из компонентов разной национальной принадлежности, и лишь комплектование самых мелких воинских подразделений можно было доверить какому-либо одному государству-члену. Штабы интегрированных частей также должны были состоять из офицеров разных национальностей. Для содержания объединенной армии предусматривалось принятие общего бюджета. Вся армия ставилась «под единое европейское военное и политическое руководство». Следовало создать и единое европейское министерство обороны, возглавляемое «европейским министром обороны». Плевен выкинул из текста, подготовленного командой Моннэ, слова о «единой военной униформе», символическое значение которой казалось разработчикам чрезвычайно важным. В Декларации пришлось также специально оговорить, что части французской армии, находящиеся в Африке, интеграции не подлежат. Таким образом, план частично утратил цельность, но только такой ценой правительству удалось получить поддержку большинства. Принцип созыва конференции «шестерки» с участием Великобритании был одобрен по умолчанию.

На Нью-йоркской конференции, открывшейся 28 октября, план Плевена был

официально представлен французской делегацией, но первоначально нашел довольно холодный прием. В США многие полагали, что это либо новый «замедляющий маневр» Франции, либо просто временное решение. Генерал Маршалл не желал даже слышать о французской инициативе. Он настаивал на своем плане формирования немецких дивизий под очень строгим контролем и без бронетанковых и военно-морских сил (а также без офицеров старше звания полковника). Аденауэру этот американский план понравился еще меньше, чем французский, хотя и там, и там он видел элементы дискриминации. Германия, действительно, была единственной страной, которой запрещалось иметь национальную армию.

На встрече Плевена, Шумана и Макклоя в Ужаррэ была достигнута предварительная договоренность о совместной работе на основе французского проекта. Аденауэр также склонился на сторону «плана Плевена». Затем данной инициативе была обеспечена поддержка в государственном департаменте США. В декабре 1950 года Совет НАТО дал, наконец, согласие на дальнейшую разработку проекта «европейской армии». Одновременно было принято решение о ликвидации военной организации Западного союза, поскольку ее поглотила НАТО. Долгие споры вызвала лишь фраза Декларации Плевена о том, что «контингенты стран-участниц будут включаться в европейскую армию на уровне как можно более мелких соединений». Для ФРГ французский проект оказался действительно гораздо более приемлемым, чем, к примеру, «план Споффорда», выдвинутый американской стороной и предусматривавший непосредственное включение западногерманских вооруженных сил в НАТО. Великобритания одобрила инициативу, но уклонилась от участия в предложенном проекте, как и в случае с ЕОУС. Американская администрация, в итоге, также поддержала план создания европейской армии, но одновременно объявила, что американский контингент, расположенный в Западной Европе, в нее не войдет.

Усилия Жана Моннэ были направлены в этот сложный период времени на отстаивание некоторых ключевых пунктов «плана Плевена». Он требовал, чтобы ни при каких условиях не было допущено возникновение немецкой армии и немецкого генерального штаба, а первый солдат, призванный под ружье в Западной Германии, был именно «европейским солдатом». Кроме того, Моннэ настаивал на том, чтобы никакое решение не принималось до подписания Соглашения по плану Шумана. Самую сильную оппозицию «план Плевена» нашел в лице генерала Маршалла. Но американские проекты, на счастье французов, отвергались общественным мнением Западной Германии. Причем протестовали не только пацифисты, но и начинавшие выходить из подполья националисты самой разной политической ориентации.

На протяжении осени и зимы 1950 года комитеты экспертов разрабатывали параллельно два возможных варианта: немецкая армия в составе НАТО и она же – в составе европейских вооруженных сил. Шли долгие споры о том, что считать «базовым соединением». Наконец, потеряв много времени, договорились считать таковым контингент численностью от пяти до десяти тысяч человек, какие бы наименования ему не давались. Позже такие же споры вызвало понятие «дивизия». По существу же все ждали политического решения.

26 января 1951 года Франция в очередной раз предложила всем западноевропейским странам начать переговоры о создании ЕОС. Откликнулись лишь страны «шестерки», причем даже здесь не было полного единодушия – Нидерланды колебались. Однако, начиная с февраля 1951 года, в Париже стала заседать европейская комиссия по вооружениям. Великобритания категорически отказалась в нее войти. Военные эксперты довольно быстро пришли к согласию по сложной системе интеграции вооруженных сил. Наиболее эффективный тип национальных подразделений стали называть «облегченными дивизиями» или «усиленными боевыми группами», как кому нравилось. Этот компромисс подсказал Жан Моннэ, хотя представителем Франции в комиссии был Эрвэ Альфан, который и нес самый тяжкий груз ответственности.

После подписания Договора о создании ЕОУС, то есть после 18 апреля 1951 года, было устранено еще одно важное препятствие на пути разработчиков «плана Плевена». Кроме того, благодаря июньским парламентским выборам сместился политический центр тяжести во Франции: в правительстве больше не было социалистов, упорно сопротивлявшихся проекту. Плевен же был переизбран председателем Совета министров, получив тем самым время для продвижения своего плана. Полностью изменилась к тому времени и американская политика в отношении Европейского оборонительного сообщества. Генерал Эйзенхауэр после личной беседы с Моннэ встал на его сторону и стал безоговорочно поддерживать объединение Европы в федерацию. Он пустил в ход свое влияние в Пентагоне и в госдепартаменте, в результате чего «плану Плевена» в США был дан «зеленый свет».

К. Аденауэр назначил главой западногерманской делегации в Париже депутата парламента Теодора Бланка, который должен был следить за тем, чтобы согласно «плану Плевена» интеграция немецких войск проводилась без дискриминации и одновременно помогала бы положить конец оккупационному режиму. Составители Договора о ЕОС не проявили особой изобретательности – они ограничились тем, что скопировали применительно к европейской армии механизмы плана Шумана. Институты были такими же, только исполнители – другими. Но потребовалось еще более года дискуссий и пять международных конференций – в Вашингтоне, Оттаве, Риме, Лиссабоне и Париже – чтобы полностью согласовать текст, в основных своих чертах готовый еще летом 1951 года. К концу этого года стало окончательно ясно, что создать единую армию готовы лишь страны ЕОУС. После напряженных переговоров в Париже, в которых в качестве наблюдателей участвовали также представители США, Канады и Великобритании, спорные вопросы между странами «шестерки» были сняты. В итоге 26 мая 1952 года в Бонне состоялось подписание Договора об урегулировании отношений между ФРГ и тремя западными оккупационными державами,[70] а на следующий же день в Париже – о создании самого Европейского оборонительного сообщества. Парижский договор, заключенный на 50 лет, содержал обязательства сторон о взаимопомощи и предусматривал создание наднациональной организации с общими вооруженными силами, не зависимой от его участников и наделенной собственными суверенными полномочиями.

В отличие от НАТО, намечалось не только подчинить войска нового военного блока общему военному командованию, но и создать однородные вооруженные силы. Договор предусматривал образование «европейских оборонительных сил» с участием Западной Германии (о чем говорилось еще в боннском документе). Однако интеграция осуществлялась не на уровне батальона или полка, а на уровне армейского корпуса. Следовательно, в состав европейской армии должны были войти довольно крупные национальные воинские соединения – дивизии. Это была явная уступка требованиям германской стороны. Основным военным формированием, входящим в состав объединенных вооруженных сил, становилась, таким образом, именно дивизия.[71]

С образованием ЕОС фактически исчезло бы само понятие «национальные вооруженные силы» для стран «шестерки». В состав европейской армии Франция должна была ввести 14 дивизий, Италия и ФРГ – по 12, страны Бенилюкса – 5. Никаких других военных формирований, за исключением жандармерии для поддержания внутреннего порядка, иметь не разрешалось. При этом если Франция, Италия и страны Бенилюкса могли – пусть и с оговорками – иметь определенный контингент, находящийся под национальным командованием, то ФРГ пришлось бы полностью подчинить все свои войска командованию объединенному (для других стран-участниц была предусмотрена, к примеру, процедура временного отзыва национальных воинских контингентов из европейской армии). Военная организация ЕОС предполагала создание Генерального штаба, главных штабов войск и военных территориальных командований. Однако самостоятельность «европейской армии» была бы весьма ограниченной.

Предусматривалось тесное сотрудничество с НАТО: все вооруженные силы ЕОС должны были войти в состав войск НАТО и подчиниться Верховному главнокомандующему Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. А это означало неизбежный контроль со стороны США над всеми действиями «евросолдат».

В конце декабря 1951 года в США была принята т.н. "Программа Взаимной Безопасности", призванная заменить собой "план Маршалла", срок действия которого истек в 1951 году.[72] Данная Программа вовсе не концентрировала все свои усилия на европейских странах - ее деятельность распространялась на весь земной шар. Деньги из США в Европу после прекращения действия плана Маршалла поступали по трем каналам: экономическая помощь по Программе Взаимной Безопасности - через Агентство Взаимной Безопасности; прямые расходы американского правительства на содержание своих войск в Европе; затраты на оффшорные закупки в США, прежде всего, вооружения, боеприпасов и продовольствия. Суммы, выделяемые каждой стране на "поддержку обороны", в определенной мере могут служить показателем как уровня отношений между этой страной и США, так и места той или иной страны в системе американских "оборонительных" приоритетов. Интересно, что социалистическая Югославия получала практически такую же помощь, как и Нидерланды, и несколько большую, чем Турция. Впрочем, помощь Турции также не могла быть сокращена, хотя и по другой причине: в расчете на каждого турецкого солдата она оказывалась сравнительно небольшой (а, учитывая геополитическое положение Турции, приходилось активно укреплять ее "обороноспособность").

Если расходы на содержание американских войск в Европе (в объеме около миллиарда долларов в год) оставались на протяжении долгого времени практически на одном уровне, то прямое финансирование «на поддержку обороны» существенно снижалось год от года. Зато увеличивались затраты на оффшорные закупки вооружений: к примеру, в 1954 г. эти затраты почти удвоились по сравнению с 1953 г. В связи с кризисом в Европейском платежном союзе,[73] обострившемся как раз в 1951-1952 годах, в США начали проявлять обеспокоенность судьбою европейских интеграционных процессов. Министр иностранных дел США Стиккер даже полагал, что американские инвестиции в данный Союз более важны, чем прямая военная помощь, для усиления обороноспособности западноевропейских стран. Стиккер беспокоился о том, что "без ЕПС придет конец либерализации торговли в Европе, и будут не возможны ни план Шумана, ни Европейское оборонительное сообщество".[74] По его мнению, в 1952 г. проблема платежей в ЕПС была одной из ключевых в Европе.

Если для США главными являлись "атлантические структуры", т.е. НАТО и ОЕЭС, призванные закрепить американское присутствие в Европе, то для Великобритании основным инструментом вмешательства в "континентальные" дела служил Совет Европы. Так, Иден противопоставлял Атлантическое сообщество (НАТО) Европейскому сообществу как небольшой группе государств, движущейся к созданию политической федерации посредством последовательного учреждения наднациональных структур в определенных областях. Сам Э. Иден разъяснил свою позицию на открытии второй части четвертой сессии Консультативной Ассамблеи Совета Европы в Страсбурге 15 сентября 1952 г. Он выступил в защиту континентального союза в рамках усиливающегося Атлантического сообщества. "План Идена", по словам его автора, не посягает на суверенитет и независимость ЕОУС, ЕОС и Европейского политического сообщества. Иден не настаивал на их работе "в рамках" или в подчинении Совету Европы. Однако Великобритания поддерживала, прежде всего, усиление именно "атлантических структур": "Свобода на Западе покоится на гармоничной связи и силе Британского сообщества, Европы и Соединенных Штатов". В заключение Иден подчеркнул, что усиление как НАТО, так и Совета Европы совершенно необходимо.[75] Таким образом, его речь оставила у слушателей двойственное впечатление.

Проблема взаимоотношений между Британским Сообществом и другими странами

Западной Европы стояла в момент образования новых европейских структур достаточно остро. Вопрос был в том, должна ли будущая европейская федерация включать только лишь самую Великобританию (т.е. Соединенное Королевство), или же все Британское Сообщество. До решения этой сложной проблемы было еще далеко. Кроме того, интеграции Великобритании в новые европейские структуры мешало серьезное опасение: "Соревнование с новой Германией уже начинается и даст еще себя серьезно ощутить", как отметил в конфиденциальном письме помощнику Госсекретаря Брюсу посол США в Бельгии Коуэн, ведя речь о взаимоотношениях Германии и Великобритании.[76] Опасность восстановления германской мощи хорошо понимали не только в Великобритании, но и в США. Помощник Госсекретаря США Брюс в личном конфиденциальном письме американскому послу в Бельгии Коуэну, датированном 21 октября 1952 г., отвечает на вопросы последнего относительно германской проблемы. Брюс видит два пути воздействия на усиливающуюся Германию: или строительство "государственных и частных барьеров" вокруг этой страны с целью отторжения от нее региональных рынков, или же "наращивание мощи негерманской Европы" с тем, чтобы она могла противостоять не только Германии или, скажем, Японии, но - со временем - и самим США.[77] Однако, вряд ли американские политики в массе своей были так "альтруистично" настроены и желали ощутить полномасштабную конкуренцию со стороны объединенной Европы.

Кэмп, к примеру, во главу угла ставит не развитие конкуренции между США и Европой, но построение Североатлантического Сообщества. В плане долгосрочной политики его заботит вопрос, какая из двух структур - ОЕЭС или НАТО - станет базисом для такого сообщества. Отмечая растущий страх французской стороны перед возможным доминированием Германии на континенте, Коэн рекомендует усилить связи предполагаемого Европейского оборонительного сообщества с НАТО путем организации совместной работы Советов двух этих организаций. Сама европейская интеграция, по его мнению, должна быть рассмотрена с "атлантической" точки зрения: к "шестерке" неминуемо присоединятся другие западноевропейские страны, затем пойдет речь об "ассоциации" с США и Канадой: "Эволюция шестерки делает более необходимыми, чем когда бы то ни было, любые сильные военные и политические североатлантические образования".[78]

Ачиллес в своем Меморандуме "Оценка нашей политики по отношению к Европе к декабрю 1952 г." как бы подытоживает достижения американской дипломатии в Европе за истекший год. Он ставит прямые вопросы и сам же на них отвечает: "Были ли мы правы в концентрации наших главных антисоветских усилий в Европе? Да. Действительно ли мы хотим, чтобы Европа объединилась? Европа, объединенная вне рамок Атлантического Сообщества, не была бы в наших интересах; существует слишком большая опасность, что она была бы нейтральна или бессильна противостоять советскому давлению или сразу и то, и другое. Европа, объединенная внутри развивающегося Атлантического единства, может быть, а может и не быть в наших национальных интересах ... С развитием Атлантического единства мы можем обнаружить, что блок шести стран в нем - ненужное и, возможно, опасное осложнение. Основной вопрос для Америки, как бы там и было, состоит в том, что, в наших интересах, надо делать для развития Атлантического единства. Работает ли НАТО? Без сомнения. Оно создало основную связь между США и Европой. Как лучше мы можем бороться со стремлениями русских разделить Запад? Прежде всего, интенсификацией наших усилий по консолидации и углублению западного, прежде всего Атлантического, единства".[79]

Америка внимательно следила за двумя важнейшими для нее проблемами в Европе: за ратификацией договора о Европейском оборонительном сообществе и за выработкой проекта договора о Европейском политическом сообществе. Причем многим американским политикам представлялось, что прогресс в деле создания Европейского политического сообщества может положительно повлиять на процесс ратификации. Новая

администрация, пришедшая в Белый Дом в 1953 г., рассматривала срыв ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе как "кризис европейской интеграции" в целом. В этом она была явно не права. Вновь созданные органы ЕОУС работали плодотворно и в будущем именно они послужили базовым элементом всей европейской интеграции. Однако Америка была, как мы видим, озабочена не столько внутренними проблемами Европы, сколько включением западноевропейских стран в более широкое "Атлантическое сообщество", а с этим как раз и возникали многочисленные проблемы.

Весь 1952 г. на будущее Европейское оборонительное сообщество возлагались очень большие надежды. Ван Зиланд сообщает 15 марта этого года Госсекретарю США: «Лиссабонская конференция была успешной. Принятые там резолюции означают большой шаг вперед. Европейское Оборонительное сообщество, возможно, будет создано в очень короткий срок».[80] В следующем, 1953, году оптимистических оценок поубавилось. На сессиях Совета НАТО, на Бермудской конференции трех держав в декабре 1953 г., в многочисленных публичных выступлениях новый госсекретарь США Дж. Даллес настаивал на скорейшей ратификации Договора о ЕОС. При этом он угрожал «пересмотреть» политику США в отношении Западной Европы. В давлении на Францию принимало участие и правительство Аденауэра, который направил французскому премьер-министру в июле 1954 г. специального эмиссара с заданием обрисовать перспективу победы Народного фронта во Франции в случае отклонения проекта ЕОС.

Великобритания вела в этой ситуации двойную игру. С одной стороны, она демонстрировала лояльность США и на словах поддерживала создание ЕОС. С другой стороны, в самый решающий момент, накануне постановки Договора на ратификацию французским Парламентом (а именно, 23 августа 1954 г.), У. Черчилль в беседе с французским премьер-министром Пьером Мендес-Франсом намекнул, что у Великобритании есть иное решение «немецкого участия в атлантической обороне». При этом Черчилль ясно дал понять, что не верит в успех ратификации.

Подписанный 27 мая 1952 г. Договор о Европейском оборонительном сообществе действительно так и не вступил в силу. 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции провалило его ратификацию («за» - 264 голоса, «против» - 319 при 43 воздержавшихся).[81] К этому времени произошли важные подвижки в системе международных отношений. После смерти Сталина наметились первые признаки разрядки международной напряженности. СССР выступил с призывами к созданию системы коллективной безопасности в Европе, что нашло во Франции положительный отклик. В то же самое время колониальная политика французского правительства потерпела тяжелое и окончательное поражение во Вьетнаме. Постепенно нарастал кризис в Алжире, самой важной французской колонии. Поэтому Франция стала стремиться к сохранению некоторой независимости своих вооруженных сил. Обострилась и внутривнутриполитическая ситуация: социалисты все громче требовали «демократического контроля» над европейской армией, а голлисты были недовольны «неприкрытым давлением со стороны США». В результате рассмотрение вопроса о создании ЕОС в Национальном собрании Франции было отложено на неопределенный срок.

В Италии борьба левых сил против проекта «европейской армии» привела к тому, что Договор о ЕОС вообще не был поставлен на ратификацию. Тем самым был нанесен последний удар по планам сторонников военной и политической интеграции. Позднее немецкие генералы с горечью указывали на то, что если бы Европейское оборонительное сообщество не распалось, то Европа уже давно могла бы стать равноправным военным партнером Соединенных Штатов.[82] У самих США остались лишь смутные надежды на реанимированный Западный союз с участием Италии и ФРГ. Однако, созданный 17 марта 1948 г. Западный Союз, первоначально включавший в себя Великобританию, Францию, страны Бенилюкса, даже после трансформации был не слишком жизнеспособен. Основой системы европейской безопасности стал не он, а НАТО. Еще в начале 1954 г.

министерство иностранных дел Великобритании подготовило проект включения ФРГ и Италии в Западный союз. В сентябре того же года Э. Иден посетил Бонн, Париж и Рим, где провел соответствующие переговоры. Его предложения нашли благоприятный отклик.

Правда, вскоре госсекретарь США Дж. Ф. Даллес и канцлер ФРГ К. Аденауэр выступили в Бонне с совместным заявлением, где подчеркнули, что между ними «существует полное согласие в том, что европейская интеграция столь жизненно важна для мира и безопасности, что следует решительно продолжать усилия для ее достижения, и эта цель не должна быть оставлена в связи с одной неудачей».[83] Далее Даллес проследовал в Лондон, где подверг английские предложения резкой критике за отсутствие в нем «наднационального» решения и еще раз подтвердил свое единство взглядов с Аденауэром. Однако в итоге США все же поддержали этот план, не видя другого пути из дипломатического тупика.

Напомним, что всего два года назад предыдущая американская администрация демонстрировала изрядный оптимизм в отношении своих дипломатических возможностей. Меморандум Халли, рожденный в недрах Агентства Взаимной Безопасности 21 июля 1952 г., констатировал с явным удовлетворением: «через многосторонние агентства, такие как НАТО и ОЕЭС, и через многие другие учреждения мы научились достаточно успешно проводить наши возражения».[84] Действительно, работа НАТО и Агентства Взаимной Безопасности стали приоритетными для американской администрации после окончания действия "плана Маршалла". В конце своего правления президент Трумэн запросил у Конгресса по программе Взаимной Безопасности 7,9 миллиардов долларов, из которых 5,889 млрд. должны были пойти в Европу в форме прямой военной помощи (4,07 млрд.) и поддержки обороны (1,819 млрд.). Сенат выделил лишь 6,9 млрд. долларов. "Акт о Взаимной Безопасности на 1953 г." был окончательно принят в качестве закона 20 июня 1952 г.

Меморандум Лоренса Вэсса, сотрудника офиса Европейской региональной политики, составленный 7 мая 1952 г., содержит данные по отдельным странам - как запрос на "поддержку обороны" в 1953 г., так и выделенные Сенатом средства. Запрос составлял по этой статье, как уже говорилось, 1819,2 млн. долларов. Сенат выделил 1589,6 миллионов, из которых т.н. "нераспределяемая помощь" составила 42,8 млн. долларов, а все остальные средства были распределены следующим образом: Великобритании - 516 млн., Франции 367 млн., ФРГ - 139,5 млн., Греции - 126,6 млн., Италии - 96,2 млн., Австрии - 75,2 млн., Нидерландам - 69,8 млн., Югославии - 68,2 млн., Турции - 61,2 млн. Помощь Дании составила всего 7,5 млн., Норвегия получила 8,7 млн., Исландия - 0,9 млн. Всем остальным европейским странам деньги на "поддержку обороны" не выделялись, что не исключало, впрочем, других форм поступления финансовых средств из США.[85]

Новая администрация Дуайта Эйзенхауэра продолжила сокращать прямые расходы на оборону Европы. Как известно, сам Эйзенхауэр был в 1950-1952 годах верховным главнокомандующим вооруженными силами НАТО и хорошо представлял себе истинное состояние дел. После провала ратификации договора о ЕОС он не видел серьезных альтернатив британским предложениям о реорганизации Западного Союза. В результате после жарких дебатов в Лондоне и Париже в сентябре-октябре 1954 г. были выработаны соглашения о включении ФРГ и Италии в организацию Брюссельского пакта, переименованную в Западноевропейский союз (и значительно измененную) и в НАТО. Брюссельский договор был дополнен четырьмя протоколами, ставшими его неотъемлемой частью.[86] 23 октября 1954 г. представителями Бельгии, Великобритании, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Франции и ФРГ был подписан Парижский договор о создании Западноевропейского союза. После ратификации Договора всеми странами-участницами в мае 1955 года были созданы институты Союза, который получил крайне ограниченные полномочия и должен был подчинить всю свою военную и политическую деятельность органам НАТО. Однако проблема ремилитаризации Западной Германии была решена. ЗЕС в дальнейшем успешно выполнил задачи по контролю над

первооружением ФРГ и ее вступлением в НАТО.[97] Кроме того, Парижский договор формально положил конец оккупации Германии и Италии западными союзными державами. В 1955 г. ФРГ смогла обменяться послами с основными мировыми державами, включая СССР, стать полностью суверенным государством и вступить в НАТО. В тексте Парижского договора предусматривалась также совместная деятельность в социальной и культурной сфере. Но в этих областях ЗЕС себя положительно зарекомендовать не сумел, и в 1960 г. передал все данные полномочия в ведение Совета Европы (оставив себе лишь сугубо военное сотрудничество).[88]

Как известно, создать с помощью структуры ОЕЭС реальный механизм "атлантической" экономической интеграции так и не удалось. Напротив, в военной области именно организация НАТО (а не чисто "европейские" оборонительные структуры) заняла ключевые позиции. Парадоксальным образом успех европейской экономической интеграции был связан с провалом подобной же интеграции в военной области, а успех атлантической военной интеграции - с провалом попытки создания "атлантического общего рынка". В результате до сих пор объединённая Европа вынуждена опираться в области обороны на атлантическую структуру – НАТО, а «европейская армия» все еще только создается.

Первая попытка создания Европейского политического сообщества также относится к началу 50-х годов XX века. Политическая интеграция всего европейского геополитического пространства тогда не могла состояться в силу объективных причин: биполярная модель мира исключала всякую возможность общеевропейских интеграционных процессов. Но и внутри Западного блока вскрылись многочисленные противоречия между западноевропейскими государствами (в целом) и США, а также между отдельными западноевропейскими странами по вопросу о целях и путях европейской интеграции. Впрочем, даже неудавшаяся попытка такого рода говорила о многом. Создание Европейского политического сообщества предполагалось еще в Договоре о Европейском оборонительном сообществе, подписанном 27 мая 1952 года, а именно – в статье 38. Там, в частности, ставилась задача изучить возможности создания новой Ассамблеи, избираемой на демократической основе. Подобная Ассамблея могла бы составить один из элементов предполагаемого федеративного или конфедеративного образования.[89] Таким образом, идея политического объединения европейских стран на добровольной основе впервые в истории переводилась в практическую плоскость.

В условиях успешной ратификации Договора о создании ЕОУС вопрос о политической интеграции западноевропейских государств казался весьма своевременным. 30 мая 1952 г. Консультативная Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию № 14, где указывалось на необходимость выработать статус наднационального политического сообщества, открытого для всех государств – членов Совета Европы. Процессы западноевропейской экономической, военной и политической интеграции должны были идти параллельно. Предполагалось, что ЕОУС, ЕОС и Европейское политическое сообщество (ЕПС) будут (так или иначе) координировать свои действия между собой, а также – с Советом Европы. Британские политики особенно настаивали на ключевой роли Совета Европы, ибо видели в этой организации свой основной инструмент вмешательства в «континентальные дела». На 10-й сессии Комитета министров Совета Европы британской стороной был предложен к рассмотрению так называемый. "план Идена" по интеграции вновь создающихся структур ЕОУС и ЕОС с уже существующими органами Совета Европы.[90]

Энтони Иден был в 1951-1955 годах министром иностранных дел Великобритании. Суть его предложений состояла в следующем: Совет Европы надо реформировать таким образом, чтобы его органы могли обслуживать министерские и парламентские институты ЕОУС, ЕОС и любых других будущих европейских интеграционных институтов. В то же самое время Совет Европы продолжал бы служить в качестве консультативного органа и в качестве форума для межправительственного и межпарламентского сотрудничества в

Западной Европе.[91] "План Идена" вызвал многочисленные возражения - как со стороны США, так и со стороны континентальных европейских держав. Американцы подвергли этот план резкой критике за то, что один Секретариат должен был обслуживать множество различных организаций, в результате чего возникала возможность "утечки" секретной информации. Указывалось на то, что некоторые страны, представленные в Совете Европы, не являются одновременно членами НАТО. В частности, госсекретарь США Дин Ачесон в телеграмме от 2 мая 1952 г., адресованной американскому посольству во Франции, указывал на серьезные проблемы в отношениях ЕОС с НАТО, если только ЕОС будет тесно "интегрировано" с Советом Европы. Но, осознавая все административные сложности увязки ЕОУС, ЕОС и Совета Европы, Ачесон видит и некоторые положительные аспекты проблемы: "... план может иметь важный психологический эффект посредством вовлечения стран, не являющихся членами ЕОС и ЕОУС, в более тесные отношения с этими организациями".[92] В связи с этим позиция США определилась как «выжидательная». Ачесон говорит, что это, прежде всего, европейская проблема, которая должна быть разрешена самими европейцами.

Среди представителей континентальных держав не было единства мнений относительно "плана Идена". В Германии, Италии и странах Бенилюкса настрой был с самого начала сугубо негативный, ибо полагали, что принятие подобных предложений только замедлит реальную европейскую интеграцию. Франция, напротив, приветствовала некоторые положения «плана Идена». В результате во время обсуждения плана 16-21 мая в Страсбурге на уровне Комитета министров Совета Европы возник конфликт между французской делегацией и делегациями других стран «шестерки». 26-30 мая обсуждение "плана Идена" было продолжено на Консультативной Ассамблее Совета Европы, где были высказаны многочисленные аргументы как "за", так и "против". В ходе дискуссии США и Франция постепенно все более и более отказывали плану в поддержке. Несмотря на это, Консультативная Ассамблея Совета Европы приняла 30 мая Резолюцию, предусматривающую объединение Ассамблеи ЕОУС и Ассамблеи ЕОС. По существу, имелась в виду попытка создать наднациональные политические институты, способные управлять как ЕОУС, так и ЕОС. Это вызвало резкую критику в лагере интегрирующейся «шестерки».

Даже французская сторона перешла от конструктивной критики в открытую оппозицию. Американский посол во Франции Данн сообщил в секретной телеграмме от 22 июня 1952 г. в Госдепартамент, что Франция намерена отныне избегать ратификации соглашения о ЕОС.[93] Как известно, именно отказ Франции ратифицировать Соглашение о ЕОС привел в 1954 году к тупиковой ситуации, и Европейское оборонительное сообщество так и не было создано. Таким образом, стремление Совета Европы поставить под свой контроль все без исключения интеграционные процессы в Западной Европе действительно привело к плачевному результату. Напомним, что за этим стремлением проглядывались, прежде всего, британские национальные интересы. Однако контроль со стороны Совета Европы был выгоден и другим государствам западноевропейского региона, не входившим в «шестерку». Через Совет Европы они могли воздействовать на экономическую политику стран-членов ЕОУС и на военную политику государств, подписавших Соглашение о ЕОС.

"План Идена" породил ответную французскую инициативу по созданию европейского политического руководства - но не в рамках Совета Европы, а на базе ЕОУС. В сверхсекретной телеграмме от 27 июня 1952 г. поверенный в делах во Франции Ачиллес проинформировал Госдепартамент о том, что "министры иностранных дел шести стран дадут Ассамблее Плана Шумана мандат на черновое составление проекта договора, создающего Европейское политическое сообщество".[94] Предполагалось, что данный проект будет содержать положение об общем Парламенте, общих исполнительных органах и общем суде, что в совокупности и составит европейскую политическую структуру. Парламент должен был состоять из двух палат, одна из которых могла

избираться напрямую всеобщим голосованием, а другая - состоять из делегатов от национальных парламентов.

Как мы видим, работа над Европейским политическим сообществом началась еще до вступления в силу соглашения о ЕОУС, т.е. до 25 июля 1952 года, когда не были сформированы сами руководящие органы «плана Шумана». Известно, что ЕОУС считается предтечей общеевропейских экономических и политических объединений, тем ростком, из которого и развивался Евросоюз. Однако, тот факт, что речь о Европейском политическом сообществе шла еще в мае-июне 1952 года, не так широко известен. Вопрос о создании европейских политических институтов впервые ставился именно в практической плоскости, а не в виде "мечтаний" и "проектов". Только теперь появляется экономическое основание политической структуры - ЕОУС, договор о создании которого был уже ратифицирован практически всеми государствами «шестерки».

Американский посол в Великобритании Гиффорд в секретной телеграмме от 3 июля 1952 года информирует Госдепартамент о том, что Шуман желал бы участия в предполагаемом политическом объединении Великобритании и США, но это привело бы к созданию более широкого политического союза, чем континентальная федерация или конфедерация. Одновременно высказывается опасение, что если Ассамблея ЕОУС будет подчинена Совету Европы в деле создания политической конфедерации стран ЕОУС, то создать эффективное политическое объединение не удастся.[95] В свою очередь посол во Франции Данн (примерно в это же время) сообщает, что "инициативе французского правительства по созданию европейского политического руководства аплодируют не только защитники ЕОС и наднациональных структур, но также и противники ЕОС", [96] т.к. создание Европейской федерации, по их мнению, лучше защитило бы западноевропейские страны, чем организация совместной обороны посредством ЕОС. Голлисты, в частности, полагали, что создавать Европейское оборонительное сообщество до политического объединения Европы – значит, «ставить телегу впереди лошади», и предлагали заниматься этим уже в рамках европейской политической конфедерации.

Три секретные телеграммы, отправленные в Госдепартамент американским послом во Франции Данном 11 и 13 июля, рисуют дальнейшие события на континенте, связанные с обсуждением идеи европейского политического сообщества. Высказывается опасение, что «такие страны, как Греция и Турция, могут выразить желание стать полноправными участниками» предполагаемого союза, «что могло бы серьезно осложнить дело».[100] В частности, особое беспокойство по этому поводу выражал Робер Шуман, который, однако, искренне надеялся, что среди наблюдателей от Совета Европы окажется не слишком много греков и турков. Следует помнить, что Греция и Турция оказались в западноевропейском геополитическом регионе, в известной мере, случайно. Без мощного давления со стороны США Турция вообще никогда не стала бы неотъемлемой частью европейского геополитического пространства. Греция же без участия США не заняла бы место в западноевропейском регионе, ибо ее истинное геополитическое положение – среди центрально-европейских стран.

Во Франции на самом деле не было полного единства взглядов. Так, Шуман был готов идти навстречу Идену и, в частности, не возражал против того, чтобы Ассамблея ЕОУС собиралась в том же здании, что и Консультативная Ассамблея Совета Европы, и даже использовала поначалу тот же самый секретариат. Совсем иначе видел ситуацию Моннэ, который полагал, что США в силах в любой момент надавить на Великобританию в вопросе о Европейском политическом сообществе. Следовательно, работать над «планом Идена» вообще не было нужды. В его Меморандуме, направленном британскому правительству, указывалось, что требуется объединение Европы вокруг ЕОУС, а Совет Европы для данной цели непригоден: "Учреждения ЕОУС и Совета Европы существенно различаются по природе. ЕОУС имеет эффективные властные функции, Страсбургская Ассамблея - всего лишь консультативные". Далее Моннэ напоминал, что решения в Совете Министров в Страсбурге принимаются лишь при всеобщем одобрении (т.е. у

каждой страны есть право вето), в то время как в Совете Министров ЕОУС решения принимаются простым большинством голосов. В целом, Моннэ полагал, что «Совет Европы может быть членом сообщества не более чем Панамериканский Союз, как его представляют себе в правительстве США».[101]

В то же время подтвердились худшие опасения Шумана относительно намерений Греции и Турции. В Меморандуме, составленном советником по финансовым и экономическим вопросам американского посольства во Франции Томлинсоном 8 июля 1952 г., говорится: "Итальянское посольство только что проинформировало меня, что греки и турки обратились с неофициальной просьбой стать полноправными членами политического руководства".[102] Французская сторона была, мягко говоря, не в восторге от этой просьбы. Посол США в Нидерландах Чэпин сообщает 28 июля в Госдепартамент, что французское предложение по созданию политического руководства не было даже включено в повестку дня совещания министров иностранных дел стран – членов «плана Шумана».[103] Однако за время подготовки к встрече Совета Министров ЕОУС произошли важные изменения. Франция нашла общий язык с Италией, и теперь уже совместные франко-итальянские предложения о создании Европейского политического сообщества выносились на суд министров стран-членов ЕОУС (об этом в телеграмме от 13 августа проинформировал Госдепартамент поверенный в делах в Люксембурге Кэтчем).[104]

Перевод франко-итальянских предложений о создании Европейского политического сообщества на английский язык содержится в конфиденциальной телеграмме поверенного в делах во Франции Ачиллеса, ушедшей в Госдепартамент США 15 августа 1952 г. На следующий же день им была отправлена и вторая телеграмма по тому же адресу - уже с анализом сложившейся ситуации. Ачиллес напоминает, что возможность создания подобного политического сообщества подразумевалась еще в Договоре о ЕОС, подписанном 27 мая 1952 года, а именно - в статье 38. Однако его беспокойство вызывают некоторые конкретные пункты франко-итальянского проекта. Так, параграф 4 "b" предоставляет статус представителя или наблюдателя на ассамблее ЕОУС делегату от любой страны, являющейся членом Совета Европы, но исключает подобный статус для делегата от США. Ачиллес считает, в связи с этим, что следует настоять на получении статуса представителя (или наблюдателя) на Ассамблее для делегата от США, дабы он мог принять активное участие в обсуждении проекта и создании политического сообщества. Далее, Ассамблея сама должна будет определять статус представителей от стран, не входящих в "шестерку". Следовательно, существует опасность того, что некоторые континентальные государства смогут настоять на полном участии Великобритании в политическом сообществе. Ачиллес считает, что это противоречило бы национальным интересам США. Третий повод для волнений давало само место встречи - Ассамблея ЕОУС должна была собраться в резиденции Совета Европы. Значит, вполне мог возникнуть феномен "взаимопроникновения" двух Ассамблей.

Четвертый параграф документа вызывал у Ачиллеса особое беспокойство. Пункт "a" сужал выбор дополнительных членов Ассамблеи ЕОУС от Франции, ФРГ и Италии. И, что еще хуже, в пункте "d" министры декларировали, что они "были вдохновлены предложениями Идена". Если министры и далее будут настаивать, что решение ЕОУС работать над проектом политического сообщества - всего лишь исполнение "плана Идена", то, по мнению Ачиллеса, не миновать серьезных осложнений, в частности, относительно роли Совета Европы.[105] 7 сентября 1952 г. Ачиллес жалуется в Госдепартамент, что французское и другие правительства ведут переговоры о Европейском политическом сообществе «без каких бы то ни было консультаций с нами».[106] Он полагает, что необходимо срочно найти пути прямого влияния на эти переговоры, пока еще не приняты окончательные решения.

На Совете министров ЕОУС в Люксембурге, проходившем с 9 по 11 сентября 1952 г., среди прочего были рассмотрены франко-итальянские предложения по созданию

Европейского политического сообщества. Этому вопросу было уделено менее получаса. [107] Министры иностранных дел "шестерки" одобрили окончательный текст резолюции утром 10 сентября, причем было решено, что Конрад Аденауэр представит этот текст на рассмотрение Ассамблеи ЕОУС. В конфиденциальной телеграмме, направленной консулом в Страсбурге Эндрюсом в Госдепартамент 10 сентября, приводится данный документ. Резолюция начинается с преамбулы, где после ссылок на ст. 38 Договора о Европейском оборонительном сообществе и на резолюцию № 14 от 30 мая 1952 г. Консультативной Ассамблеи Совета Европы указывается на необходимость выработки статуса наднационального политического сообщества, открытого для всех государств-членов Совета Европы.

Собственно заявление Совета министров состояло из нескольких пунктов, важнейшие из которых приводятся ниже. Пункт "а": "Члены Ассамблеи ЕОУС приглашаются к выработке проекта договора, учреждающего Европейское политическое сообщество, взяв за основу принципы ст.38 Договора о ЕОС". Пункт "b": "Ассамблея ... соберется на пленарное заседание в месте расположения Совета Европы ... Она выработает условия, на которых представители других стран и, в частности, тех стран, которые являются членами Совета Европы, могут принять участие в ее работе в качестве наблюдателей". Пункт "с": "Совещание министров иностранных дел в качестве Совета министров ЕОУС будет участвовать в работе Ассамблеи". Пункт "d": «В течение шести месяцев, считая со времени созыва Ассамблеи ЕОУС, которая состоится 10 марта 1953 г., результаты изучения должны быть представлены ... Ассамблее ЕОУС ... так же, как и министрам иностранных дел шести стран». Пункт "e": "Правительства провозглашают, что они очень воодушевлены предложениями британского правительства, чья цель - установление как можно более тесных отношений между будущим политическим сообществом и Советом Европы". Пункт "f": "Консультативная Ассамблея будет проинформирована о данном решении".[108]

В следующих телеграммах из Страсбурга Эндрюс более подробно описывает обстановку на первой сессии Совета министров ЕОУС. Министры были поставлены перед выбором - действовать на основе «плана Идена» или «Совместных франко-итальянских предложений». Решено было предпочесть «континентальный» вариант, однако пункт «e» документа содержал «жест благодарности» британскому правительству. Напомним, что без «плана Идена» не было бы и самих «Совместных предложений»..

10 сентября 1952 г. впервые собралась Ассамблея ЕОУС. В Меморандуме помощника Госсекретаря США по европейским делам Паркинсона, подготовленном в Вашингтоне 15 сентября того же года, подробно анализируется обстановка на Ассамблее. В частности, сообщается о достигнутой договоренности завершить работу над проектом Договора о Европейском политическом сообществе к марту 1953 г. [109]

В качестве членов Совета Европы Турция и Греция настаивали на своем праве участвовать в европейских интеграционных процессах и активно стремились стать членами предполагаемого Европейского политического сообщества. В Меморандуме Кэмпбелла от 2 октября 1952 г., посвященном т.н. «Ассамблее ad hoc» («по случаю»), т.е. Ассамблее, специально собранной для выработки Договора о Европейском политическом сообществе, говорится, что Турцию и Грецию представляют на данной Ассамблее два наблюдателя с правом выступать в комитете, представлять письменные и устные заявления. Большое количество подобных наблюдателей от стран-членов Совета Европы, но не членов ЕОУС, разрешено было направить лишь Великобритании (3 человека). От Швеции, Исландии, Дании и Норвегии присутствовало лишь по одному наблюдателю. [110]

"Ассамблея ad hoc" состояла из Ассамблеи ЕОУС в полном составе и дополнительных представителей (наблюдателей) числом 13. Первоначально, правда, предполагалось участие 26 наблюдателей, но это число было сочтено чрезмерным. Председателем был избран Поль-Анри Спаак. "Ассамблея ad hoc" образовала на встрече в

Брюсселе 6-8 октября рабочую группу Конституционного комитета из 10 членов, входящих в три подкомитета: по институциональным (т.е. организационным) вопросам; по правам и полномочиям будущего Европейского политического сообщества; по связям предполагаемого Европейского политического сообщества с другими международными организациями. Вопрос о статусе наблюдателя от США на встрече в Брюсселе еще не был решен.[111]

23-28 октября 1952 г. в Париже прошла вторая сессия Конституционного комитета "Ассамблеи ad hoc", где было выработано соглашение относительно двухпалатного парламента будущего Европейского политического сообщества. Специально оговаривалось, что одна из палат должна будет избираться напрямую. Французские представители затронули потенциально опасную проблему заморских территорий, т.е. колониальных владений Франции. Они утверждали, что Французская республика состоит из метрополии, заморских департаментов и заморских территорий, причем это единство неделимо. Только лишь Французская метрополия не может участвовать в Европейском союзе.[112] Таким образом, Франция, как и Великобритания, оказалась в двойственном положении: стремление сохранить свои колониальные владения пришло в противоречие со стремлением принять активное участие в движении за Европейский политический союз.

Две "первостепенные" колониальные державы - Великобритания и Франция - столкнулись с серьезными проблемами в своих колониальных владениях, разбросанных по всему миру, сразу после окончания Второй мировой. Для Великобритании особо тяжелым ударом стала утрата Индии в 1947 г. Франция с сентября 1945-го до середины 1954-го года вела военные действия в Индокитае. Кризис французской колониальной системы реально препятствовал участию Франции в политической интеграции на континенте. В сходной ситуации оказалась и Бельгия, также входившая в «шестерку» и имевшая крупное владение в Африке. Таким образом, вполне проявилась зависимость европейской политики колониальных держав от их же колониальной политики. Великобритания, Франция и Бельгия не могли полноценно участвовать в политической интеграции на континенте, не решив проблем со своими заокеанскими владениями.

Конституционный комитет, сформированный "Ассамблеей ad hoc" в сентябре 1952 г., выполнил первую часть своей работы уже к декабрю того же года. В отчете Комитета от 20 декабря даны рекомендации относительно полномочий и компетенции предполагаемого сообщества, строительства его политических и юридических институтов, а также относительно его связей с другими странами и международными организациями.[113] Все три подкомитета выполнили свои задачи и прояснили природу и принципы устройства нового сообщества. Доклад Конституционного комитета был представлен на январской (1953 года) сессии "Ассамблеи ad hoc", которая заседала совместно с Консультативной ассамблеей Совета Европы в Париже.

Доклад был одобрен обеими ассамблеями. Затем Конституционный комитет продолжил работу над проектом Договора, и к 26 февраля завершил ее. Проект был готов и должен был быть представлен для окончательного обсуждения "Ассамблее ad hoc". В преамбуле подчеркивалось, что именно народы шести государств «решили создать Европейское политическое сообщество». Далее содержалось перечисление основополагающих целей: поддержание мира, сохранение цивилизации и общего культурного наследия, экономическое развитие и повышение уровня жизни населения, соблюдение свобод и прав человека. Авторы (и, прежде всего, Поль-Анри Спаак) напоминали о наднациональном характере предполагаемого Сообщества, которое, однако, не будет ни федерацией, ни конфедерацией. Предусматривалась полная институциональная структура с ограниченными полномочиями в области обороны, внешней политики и социально-экономической интеграции, а именно: двухпалатный Парламент, Европейский исполнительный совет, Совет национальных министров, Суд и Социально-экономический совет.

Докладчик Ф. Деусс указал на выборы всеобщим голосованием нижней палаты Парламента как на существенный момент участия самих народов в строительстве единой Европы. Парламент, согласно проекту, состоял из Палаты народов и Сената, являясь полноценным законодательным органом Сообщества. В его функции входило принимать законы, рекомендации (ныне они именуется в ЕС директивами), бюджет и осуществлять демократический контроль. Германия, Франция и Италия имели право направить по 63 депутата (Франция также дополнительно 7 депутатов от своих заморских департаментов и заморских территорий), Бельгия и Нидерланды – по 30 депутатов, а Люксембург – 12. Это было, в целом, выгодно малым странам, так как при строгой пропорциональной системе Люксембургу досталось бы лишь одно место. Таким образом, Палата народов должна была состоять из 268 депутатов, в то время как Сенат – из 87 сенаторов, избираемых национальными парламентами. Германия, Франция и Италия получили право направлять по 21 сенатору, Бельгия и Нидерланды – по 10 и Люксембург – 4. Обе палаты, согласно проекту, обладали равными полномочиями, а законы принимались бы последовательным голосованием обеих палат простым большинством (ст. 52). Демократический контроль Парламента над деятельностью Европейского исполнительного совета должен был осуществляться следующим образом. Сенат имел возможность избирать нового Президента, а Палата народов – право выражать вотум недоверия (большинством в три пятых ее состава). В подобных случаях предусматривалась коллективная отставка всего кабинета министров. Однако Европейский исполнительный совет мог, в свою очередь, распустить Палату народов, если голосование о вотуме недоверия (или отказе в доверии) не собирало требуемого большинства. В этой ситуации Совет сам был волен решать: подать в отставку или распустить нижнюю палату Парламента. Наконец, за каждой из палат закреплялось право на расследование.

Европейский исполнительный совет, согласно проекту, «осуществляет руководство Сообществом» и состоит из т.н. «европейских министров» (не более двух человек от каждого государства). На практике это должно было означать по 2 представителя от Германии, Франции, Италии и по одному – от прочих стран «шестерки». Функции Совета напоминают таковые современной Европейской комиссии, то есть это функции правительства в политическом союзе. Председатель совета (Президент) избирается Сенатом – тайным голосованием и простым большинством. Но члены Совета не избираются – они назначаются самим Председателем. Затем Европейский исполнительный совет в полном составе подлежит утверждению Парламентом (каждая из палат выражает доверие простым большинством). За Председателем и после этого остается право отстранить или заменить любого члена Совета (но каждое подобное решение должно быть обязательно одобрено обеими палатами Парламента). Все это позволяет усилить роль Председателя и добиться относительной однородности исполнительного органа. Таким образом, Председатель является ключевой фигурой исполнительной ветви власти и представляет Сообщество на мировой арене.

Полномочия Европейского исполнительного совета включали право законодательной инициативы для достижения основополагающих целей, обозначенных в Договоре. Однако наиболее важной функцией Совета следует считать принятие решений, обязательных для исполнения по всем пунктам, и рекомендаций, которые оставляют право выбора средств для достижения поставленных целей, но обязательных в отношении данных целей. Совет имел также право высказывать свое мнение по любому вопросу, относящемуся к деятельности Сообщества.

Суд был задуман как своего рода Кассационный суд (или Федеральный трибунал), открытый как для юридических, так и для физических лиц. Социально-экономический совет имел, согласно проекту, консультативные функции. Совет национальных министров должен был (по примеру Специального совета министров ЕОУС) «гармонизировать» деятельность Европейского исполнительного совета и правительств стран-участниц.

Проекты, подготовленные Европейским исполнительным советом, подлежали

первые пять лет единогласному утверждению Советом национальных министров – только тогда они получали бы статус законов Сообщества. Далее предполагался переход к утверждению проектов простым большинством голосов. Но все же Парламент, а не Совет национальных министров, имел последнее слово в области законотворчества. Действительно велики были полномочия Совета национальных министров в области координации внешней политики, при приеме новых членов и в области налоговой политики Сообщества.

Проект соглашения предусматривал полную интеграцию структур ЕОУС и ЕОС, создание единого Общего рынка, основанного на свободном перемещении товаров, капиталов и граждан, координацию валютно-финансовой и кредитной политики стран-участниц, а также общие полномочия в области международных отношений. В частности, ст. 67-68 давали Европейскому исполнительному совету полномочия вести переговоры и заключать международные соглашения (или договоры об ассоциации) от имени Сообщества; ст. 74 наделяла Сообщество правом пассивного и активного представительства (в рамках своей компетенции); ст. 76 предполагала предварительное рассмотрение бюджета Сообщества Европейским исполнительным советом с последующим утверждением его Парламентом; ст. 82 указывала на необходимость согласованной валютно-финансовой и кредитной политики; ст. 88 позволяла создавать общественные службы (т.н. «автономные органы») для выполнения ими различных функций под контролем Сообщества.

Ст. 111-113 предусматривали несколько различных вариантов возможного изменения Конституции Сообщества. В первом случае, когда речь шла о наиболее существенных моментах (пересмотре компетенции Сообщества по отношению к странам-членам; изменении содержания понятия о правах человека и основополагающих свободах, гарантированных Сообществом), проект Европейского исполнительного совета должен был получить единогласное одобрение Совета национальных министров, а затем пройти длительную процедуру ратификации Парламентом Сообщества и парламентами государств-членов. Во втором, менее важном, случае (когда изменение касалось отношений между институтами Сообщества или затрагивало гарантии, предоставляемые странам-членам в отношении состава или правил функционирования данных институтов) одобрения национальных парламентов не требовалось. Наконец, процедура могла (в наименее важных случаях) становиться автономной: проект Европейского исполнительного совета подлежал утверждению лишь Парламентом Сообщества.

Обязательность исполнения законов и решений Европейского исполнительного совета, а также постановлений Суда гарантировалась странами-участницами соглашения. При этом отдельные страны получали право обращаться в Европейский исполнительный совет за помощью в обеспечении на их территории конституционного порядка и сохранения демократических институтов. Условия же, когда Сообщество правомочно вмешиваться по собственной инициативе, должен был определить Европейский исполнительный совет при соответствующем единогласном заключении, принятом Советом национальных министров и утвержденном Парламентом (ст. 104).

Политическое сообщество предлагалось сделать открытым для вступления в него стран-членов Совета Европы (а также любого другого европейского государства, которое гарантирует соблюдение прав человека и основополагающих свобод). Акт принятия должен был осуществляться Европейским исполнительным советом при одобрении Совета национальных министров и подлежал ратификации Парламентом (ст. 116).[114]

Обсуждение проекта состоялось 6-11 марта 1953 г. в Страсбурге. Хотя первоначальный текст подвергся небольшой правке, никаких существенных изменений внесено не было. 9 марта Жорж Бидо, президент Специального совета министров, в своем выступлении заявил: «Мы предприняли попытку создать единую Европу. Сначала мы хотели определиться с границами географическими. Здесь, в Страсбурге, пришли к согласию в вопросе о границах свободы. В настоящий момент мы начинаем ее строить в

границах, в которых проявляется соответствующая воля». 10 марта "Ассамблея ad hoc" проголосовала за исправленный вариант проекта: 50 делегатов было "за", 5 - воздержались, против не выступил никто.[115] Однако Комитет министров Совета Европы отказался обсуждать данный проект Договора. Поскольку политическая интеграция самым существенным образом касалась лишь представителей стран «шестерки», в начале мая 1953 г. было принято решение дожидаться заключения министров иностранных дел стран-членов ЕОУС.[116]

Министры собрались 8 августа того же года в Баден-Бадене. Обсуждение проекта Договора о Европейском политическом сообществе вызвало горячую дискуссию. Французская делегация с самого начала заняла деструктивную позицию и отвергала все позитивные предложения германской и других делегаций. Особо яростное сопротивление французской стороны вызывало упоминание "европейской исполнительной власти". Принципиальная позиция Франции состояла в том, что никаких новых исполнительных структур не нужно. Французы соглашались только на создание Парламента, избираемого напрямую, и на "специальное руководство" ЕОУС и ЕОС, подотчетное этому парламенту. В результате, в итоговом коммюнике говорилось уже не о "наднациональных структурах", а всего лишь о "сообществе суверенных государств". Американский посол во Франции Диллон сообщает 10 августа 1953 г. в Госдепартамент, что члены французской делегации не желали участия США в обсуждении проекта и не допустили наблюдателей от США и Великобритании, хотя члены немецкой и итальянской делегаций хотели их видеть за столом переговоров для противодействия "разрушительной" линии французской стороны. При этом США были охарактеризованы французами как "неевропейская страна", чье участие в европейских интеграционных процессах неуместно и нежелательно.[117]

Как мы видим, позиция Франции претерпела всего лишь за один год кардинальные изменения. Если ранее французы были согласны на участие в политическом сообществе Великобритании и США и резко выступали лишь против подобных претензий Греции и Турции, то теперь, после структурирования руководящих органов ЕОУС, во внимание стали приниматься только интересы стран «шестерки». При этом Франция не желала ни углубления политической интеграции, ни территориального расширения существовавшего блока стран – членов ЕОУС. Естественно, подобная позиция могла быть охарактеризована всяким объективным наблюдателем как «деструктивная».

Римская конференция, специально посвященная проблеме Европейского политического сообщества, проходила с 22 сентября по 9 октября 1953 г. в условиях резко обострившихся противоречий между Францией и Германией по саарскому вопросу. Выяснилось, что создание ЕОУС не обеспечило автоматически решение этой серьезной проблемы. Кроме того, во многих странах возникли серьезные трудности с ратификацией Договора о Европейском оборонительном сообществе, особенно же - во Франции и Бельгии. Причем вопрос о ратификации Договора о ЕОС оказался роковым образом связан с обсуждением проекта Договора о политическом сообществе. Срыв ратификации, как уже стало ясно, мог привести и к срыву переговоров.

Римская конференция, несмотря на принятое решение о создании двухпалатного парламента, была фактически провалена. Два Меморандума, составленные Розалиндой Сойер, Мириам Кэмп и Рут Филлипс, сотрудницами Офиса европейской региональной политики, 13 и 20 ноября 1953 г., рисуют безрадостную картину обсуждения проекта договора. Остались нерешенными вопросы о взаимоотношениях Верхней палаты предполагаемого Парламента и Совета министров, о взаимоотношениях исполнительных органов Европейского политического сообщества и Совета министров ЕОУС, о полномочиях сообщества в вопросах финансов и внешней политики, о контроле над финансовой сферой и многие другие "из-за отсутствия согласия по некоторым более существенным вопросам".[118] К числу подобных «более существенных» вопросов относилось, в частности, требование Франции и Бельгии допустить их в предполагаемое сообщество вместе со своими колониальными владениями. Одновременно страны

«шестерки» пытались вытолкнуть из нового сообщества всех «посторонних» претендентов: от Великобритании и США до Греции и Турции. Подобная тенденция, наряду с обострением франко-германских отношений, никак не способствовала успеху переговорного процесса.

На встрече министров иностранных дел в Гааге 26-28 ноября 1953 г. попытки принять новые важные решения по вопросу о Европейском политическом сообществе также потерпели провал. Правда, Дания согласилась, наконец, на всенародное избрание нижней палаты Парламента Европейского политического сообщества (с самого начала), а Франция дала согласие предоставить этой палате некоторые полномочия в области исполнительной власти. Однако итоговое коммюнике практически повторяло "те договоренности, что были достигнуты уже в Риме", как сообщает в Госдепартамент американский посол в Нидерландах Мэттьюс в телеграмме от 28 ноября.[119]

8 января 1954 г. в Париже началась работа Комитета государственных экспертов по Европейскому политическому сообществу. Представитель США в ЕОУС Брюс информирует 11 февраля 1954 г. Госдепартамент о том, что "комитет государственных экспертов по ЕПС достиг очень немногого со времени парижских встреч, начавшихся 8 января 1954 г. Комитет готовит сейчас доклад, который будет представлен министрам иностранных дел 15 марта".[120] В следующем сообщении - от 22 марта 1954 г.- Брюс передает: "Второй месяц переговоров в Париже Комитета "шестерки" по Европейскому политическому сообществу завершился впустую, ничем не изменив ранее достигнутые договоренности ... Хотя комитет подготовил доклад объемом более 200 страниц, он мало добавил к сущности римских соглашений шестимесячной давности и по большому количеству пунктов представляет собой шаг назад со времени Римской встречи".[121] Далее идут обычные жалобы на неконструктивную позицию французского правительства, из-за чего никакие новые шаги в направлении европейской интеграции оказываются невозможными.

Итак, деструктивная позиция Франции стала одной из важнейших причин срыва европейской политической интеграции. У французского правительства возникли серьезнейшие проблемы - как во внешней, так и во внутренней политике. Кризис французской колониальной системы был налицо. В 1953 г. Франции пришлось признать Лаос независимым королевством и вывести свою администрацию из Камбоджи. До середины 1954 г. продолжалась бесперспективная война в Индокитае против Демократической Республики Вьетнам. Начала резко обостряться обстановка в Алжире. В метрополии социалисты все громче требовали "демократического контроля" над европейской армией, предусмотренной соглашением о ЕОС. 30 августа 1954 г. французский парламент провалил ратификацию данного договора, чем обусловил и кризис в деле создания Европейского политического сообщества. Нельзя забывать, что проект политической интеграции базировался на статье 38 Договора о Европейском оборонительном сообществе. В результате первая попытка создания европейских политических структур была сорвана.

Другими причинами провала стали: бесосновательные претензии стран -членов Совета Европы, но не членов ЕОУС, на вхождение в Европейское политическое сообщество; столь же бесосновательные претензии Франции и Бельгии на вхождение в новое сообщество вместе со своими колониальными владениями; стремление Великобритании поставить Европейское политическое сообщество под контроль Совета Европы; нерешенные проблемы во взаимоотношениях Германии и Франции. Безусловно, нежелание западноевропейских стран видеть в новом Сообществе Грецию и Турцию и одновременно стремление включить в данное Сообщество африканские колонии сыграли роковую роль. Урок заключается в том, что нельзя решать проблему политической интеграции на европейском континенте, не решив проблемы с колониальными владениями и полностью игнорируя интересы европейских стран, не принадлежащих к Западной цивилизации.

Позиция Великобритании, ставшая с конца 1953 г. вполне конструктивной, уже не смогла ничего изменить. Британское руководство слишком поздно начало переговоры об «ассоциированном членстве» в ЕОУС. Когда в конце ноября 1954 г. Совет министров «шестерки» одобрил проект Договора о данном членстве, первая попытка создания европейских политических структур уже была сорвана. Наконец, Америка слишком долго занимала выжидательную позицию в деле европейской политической интеграции. У США были мощные рычаги воздействия на ситуацию в регионе, которыми слишком осторожно и неуверенно пользовались. Американская администрация, пришедшая в Белый Дом в 1953 г., первоначально расценила провал ратификации Договора о ЕОС и срыв переговоров о создании ЕПС как провал европейской интеграции в целом. И в этом она была явно не права: вновь созданные органы ЕОУС работали достаточно плодотворно.

Итак, «выжить» удалось лишь «плану Шумана». Автор не берется утверждать, что религиозные мотивы играли важнейшую роль на начальном этапе европейской интеграции, однако сам Робер Шуман писал: «Святой Престол, благодаря своей независимости, беспристрастности и незаинтересованности, ... стал тем авторитетным и осведомленным советчиком, к голосу которого прислушиваются все».[122] Особую роль в европейской интеграции сыграл и принцип субсидиарности, прямо заимствованный из учения Римско-Католической Церкви. Кроме того, большая часть причастных к осуществлению «европейского проекта» в первой половине 50-х гг. XX в. (Ж. Моннэ, Р. Шуман, К. Аденауэр, А. де Гаспери и др.), не только исповедовала католицизм, но и искренне верила в возможность возрождения Христианской Европы.

2. Сообщества, ЕАСТ и «Европа Отецеств»

Создать единую Европу одним мощным рывком не удалось. Однако неудача многому научила сторонников углубления западноевропейской интеграции, которые оставили максималистские планы и решили продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом. Одной из узких, но перспективных областей сотрудничества могла стать, в частности, атомная энергетика. Ее развитие в 50-х гг. прошлого века вызывало у многих жителей Западной Европы противоречивые чувства страха и надежды. Страх был связан с атомным оружием (которое очень быстро перестало быть монополией США), а надежды возлагались на «мирный атом» как на новый и практически неиссякаемый источник энергии. СССР, Великобритания (а позднее – и Франция) включились в гонку атомных вооружений. Однако для немцев доступ к атомному оружию был закрыт, и никакое сотрудничество с ними в этой области было невозможно. Зато использование атома в мирных целях было открытой областью – здесь не возбранялся обмен опытом даже с Германией. При этом доклады экспертов убеждали, что именно атом вскоре станет главным источником энергии для экономически развитых стран мира.[123]

В этой совершенно новой технологической области методы плана Шумана могли оказаться особенно успешными. Поэтому Жан Моннэ считал совершенно закономерным создание специализированного международного учреждения (наподобие ЕОУС) для развития атомной энергетики в мирных целях. Поль-Анри Спаак поддержал данный проект, который оформили в виде декларации, и взялся убедить своих коллег. П.-А. Спаак, один из организаторов Европейского движения, а в 1954-1957 годах – министр иностранных дел и внешней торговли Бельгии, обладал достаточным политическим влиянием в Западной Европе. Именно он предложил министрам иностранных дел «шестерки» принять данную декларацию за основу для работы, а позднее в решающей степени способствовал появлению на свет договоров о ЕЭС и Евратоме. Еще в декабре 1952 г. министр иностранных дел Нидерландов Ян-Виллем Бейен разработал свой план таможенного союза.[124] Теперь он взялся подготовить новый документ – в результате появился «Меморандум стран Бенилюкса к шести странам-участницам европейского Объединения угля и стали».[125] Наряду с предложением «Экономического Сообщества» в документе содержалось почти все, что касалось создания новой организации для

развития атомной энергетики в мирных целях. Договоры о создании «Экономического Сообщества» и Евратома, согласно данному плану, предстояло подписать на конференции, где должны были присутствовать правительства «шестерки», руководство ЕОУС и представители британского правительства.[126] Таким образом, провал проектов о создании ЕОС и ЕПС заставил приверженцев западноевропейской интеграции сосредоточиться на насущных экономических проблемах.

Конференция министров иностранных дел «шестерки» в Мессине открылась 1 июня 1955 г. Министры приняли за основу для соглашения Меморандум Бенилюкса, внося в него лишь несколько смягчающих моментов, и предложили описание рабочей процедуры. Проект распространения опыта ЕОУС на хозяйственные структуры стран-членов в целом вызвал всеобщее одобрение. 2 июня на свет появилась резолюция, согласно которой создавался Комитет, состоящий из делегатов и правительственных экспертов. Он должен был подготовить доклад для министров, которые затем брали на себя обязательство дать дальнейшие инструкции по доработке договоров. В коммюнике, опубликованном по итогам конференции, подчеркивалось также, что страны-участницы придерживаются «единого мнения» о важности «совместного развития главных путей сообщения» в целях объединения Европы и дальнейшего продвижения по пути «европейского строительства».[127]

Меж тем Брезертон, британский дипломат, представлявший на Мессинской конференции в качестве наблюдателя интересы своей страны, покинул ее в знак протеста, произнеся следующую отповедь: «Нет никаких шансов согласовать обсуждаемый вами будущий договор; если все-таки согласовать удастся, у него нет никаких шансов быть ратифицированным; а если будет ратифицирован, нет шансов, что его станут выполнять. Если же выполнять его будут, для Британии он останется совершенно неприемлемым. Вы говорите о сельском хозяйстве то, что нам не нравится, о регулировании таможенных пошлин такое, с чем мы не согласны, и намечаете создание институтов, которые нас пугают».[128] Демарш британского представителя не остался незамеченным, однако Великобритания по-прежнему приглашалась к участию в работе Комитета.

Верховному органу ЕОУС, в котором теперь председательствовал Рене Мейер, предстояло участвовать в этом процессе и оказывать ему содействие. Председателем Комитета экспертов был назначен П.-А. Спаак. Со стороны Верховного органа ЕОУС для работы в Комитете были выделены лучшие силы: Пьер Юри, Поль Делуврие, Дирк Спиленбург. Таким образом, был дан мандат сделать дальнейшие шаги в направлении западноевропейской экономической интеграции.

А. Тьери, один из идеологов «европеизма», так охарактеризовал избранную на конференции в Мессине тактику: «Идея Европы просачивалась там, где встречала наименьшее сопротивление. Таможенное разоружение, которое было ее первым проявлением, вначале было достаточным для того, чтобы использовать как развитие экономических сил, с трудом сдерживавшихся границами слишком узких пространств, так и взаимодополняемость национальных экономик».[129] В свою очередь А. Мюллер-Армак, статс-секретарь министерства хозяйства ФРГ и один из авторов Римских договоров, высказал следующее убеждение: «Конференция в Мессине сознательно вела работу в таком направлении, чтобы задача по созданию европейской политической интеграции, которая постоянно имела в виду, была решена ... окольным путем экономической интеграции».[130]

В начале лета 1955 г. Ж. Моннэ, оставив пост Председателя Верховного органа ЕОУС, посвятил себя созданию Комитета борьбы за Соединенные Штаты Европы. Он считал политические партии и профсоюзы реальной силой и решил заручиться их поддержкой в целях достижения европейского единства. Главная цель состояла в том, чтобы побуждать правительства европейских стран передавать все большую часть своей компетенции европейским институтам. А для этого нужно было, чтобы некая внешняя сила постоянно воздействовала на правительства. Разумеется, Соединенные Штаты Америки

поддерживали образование новых Европейских сообществ, но их мнение уже переставало решающим образом влиять на ход западноевропейской экономической интеграции. Моннэ встретился с ответственными функционерами более чем 20 партий, представлявших семь десятых избирателей в шести странах, и с руководителями профсоюзов, объединявших 14 млн. трудящихся. Он не обращался только к голлистам и коммунистам, ибо и те, и другие находились в оппозиции идее европейского единства. В результате христианские демократы, либералы и социалисты «шестерки» обещали Моннэ полную поддержку в деле углубления европейской интеграции. Сам Моннэ, еще один бывший член Верховного органа ЕОУС Жак ван Хельмонт, Франсуа Дюшен, Ричард Мейн и Макс Конштамм занялись налаживанием аппарата предполагаемого Комитета.

Лидеры основных политических партий и профсоюзов «шестерки» получили в начале октября 1955 г. от Моннэ письмо следующего содержания: «Я имею честь обратиться к вам с просьбой принять участие в учреждении Комитета борьбы за Соединенные Штаты Европы. Каждое лицо, участвующее в учреждении Комитета, будет ходатайствовать о вступлении в Комитет той организации, которую оно представляет. Подразумевается, что политические или профсоюзные организации, вступающие в Комитет, будут представлены там делегатами, имеющими соответствующий мандат. Комитет будет осуществлять единство действий организаций-членов с целью конкретными делами добиваться создания Соединенных Штатов Европы. Ближайшая цель состоит в том, чтобы все организации довели до сведения своих правительств, парламентов и общественного мнения свою решимость сделать Мессинскую резолюцию от 2 июня прошлого года реальным шагом к созданию Соединенных Штатов Европы ... Чтобы этого добиться, необходимо отказаться от мнимых решений. Простого сотрудничества между правительствами недостаточно. Необходимо, чтобы государства делегировали некоторые из своих властных полномочий федеральным учреждениям, которые будут выступать как представители всех стран-участниц. Речь идет также о том, чтобы обеспечить тесное участие Великобритании во всех этих начинаниях».[131]

Согласие лидеров большинства партий и профсоюзов удалось получить, и 13 октября 1955 г. одновременно в шести столицах было публично объявлено об учреждении Комитета борьбы за Соединенные Штаты Европы. Свободный от любого подчинения правительствам, он должен был функционировать, используя минимум средств. Штаб-квартира располагалась в Париже на авеню Фош, всего в двух комнатах. Средства Комитета складывались, главным образом, из взносов организаций-членов. Поэтому аппарат оставался немногочисленным, а бюджет – минимальным. Реальная деятельность началась в январе 1956 г. и продолжалась двадцать лет. Первоначально в Комитет вошло тридцать коллективных членов (двадцать партий и десять мощных профсоюзных федераций) из семи стран («шестерка» плюс Великобритания). Пленарные сессии собирались один-два раза в год. На них принимались резолюции, оказывавшие существенное влияние на политику европейских правительств. Но основная работа Комитета осуществлялась через повседневные контакты с сетью его членов.

Первая сессия Комитета проходила 18 января 1956 г. в Париже (в то же время в Брюсселе продолжались переговоры под председательством П.-А. Спаака, следовавшие за конференцией в Мессине). Моннэ подготовил тексты Заявления и Декларации, где предлагалось создание Евратома по образцу ЕОУС. Его исполнительный орган, Комиссия по атомной энергии, должна была обладать правом собственности на ядерные материалы, произведенные и импортированные, и контролировать их использование с начала и до конца. Только она наделялась полномочиями вести переговоры и заключать соглашения с третьими странами. Она же должна была нести ответственность за соблюдение правил безопасности. В Заявлении, в частности, говорилось: «Надо действовать быстро, если Европа не хочет упустить свой шанс. Атомная промышленность, вырабатывая энергию, способна также изготавливать бомбы. Поэтому в атомной энергетике экономические и политические аспекты неразделимы. Европейское Сообщество должно направить

атомную энергию исключительно на мирные цели. Такой выбор требует безукоризненного контроля. Он открывает путь ко всеобщему контролю в мировом масштабе. Чтобы обеспечить скорейшее принятие необходимых мер, мы согласились представить прилагаемую декларацию на утверждение парламентов Германии, Бельгии, Франции, Италии, Люксембурга и Нидерландов и призвать наши правительства к безотлагательному заключению договора, отвечающего содержащимся в декларации условиям».[132]

Среди участников парижской встречи были: Ги Молле, Аминторе Фанфани, Джовани Малагоди, Уго Ла Мальфа, Тео Лефевр, Макс Бюзе, Д.А.У. Бургер, Эрих Олленхауэр, Герберт Венер, Ганс Фурлер, Морис Фор, Рене Плевен, Робер Ботро, Август Кул, Вальтер Фрайтаг и многие другие видные политические деятели европейского масштаба. Все они подписались под документом, провозгласившим позицию Комитета: «Развитие атомной энергетики в мирных целях открывает перспективы новой индустриальной революции и создает возможности глубокой трансформации условий труда и жизни людей. Объединившись, наши страны способны сами развивать атомную промышленность. Они составляют единый регион, способный быть на уровне великих мировых держав. Однако порознь они не способны преодолеть отставание, являющееся следствием европейской раздробленности».[133] Проект Евратома получил единогласную поддержку в Комитете, но немцы и французы голосовали за него по разным причинам. Первые видели в проекте возможность вступить в ядерный век мирным путем, причем Общий рынок был их главной задачей, а Евратом – лишь небольшим шагом на пути к нему. Вторые, напротив, считали Сообщество по атомной энергии ясной и четкой идеей, способной обеспечить энергетическую независимость Западной Европы посредством общих усилий, а Экономическое сообщество – чем-то туманным и далеким. Таким образом, в Париже было решено ускорить создание Евратома, а Общий рынок должен был стать следующим этапом европейской интеграции (поэтому рассмотрение проекта Экономического сообщества было отложено).

Напротив, в Брюсселе, в комитете П.-А. Спаака, разрабатывались одновременно два проекта. Спаак полагал, что Аденауэр будет нуждаться во всевозможной поддержке, и что объединение Европы (вместо невозможного в условиях биполярного мира объединения Германии) позволит консолидировать здоровые силы западногерманского общества. Однако Спаака тревожило негативное отношение Великобритании к проектам ЕЭС и Евратома. Он вел по этому поводу оживленную дискуссию с Гарольдом Макмилланом, британским представителем на переговорах и будущим премьер-министром Великобритании (в 1957-1963 гг.).[134]

В мае 1956 г. в Венеции была проведена очередная встреча министров иностранных дел стран «шестерки». После обсуждения представленных разработок министры согласились с тем, что целесообразно вести дело к полной экономической интеграции, сохраняя вместе с тем в качестве обособленного направления интеграцию к сфере атомной энергетики.

В июле 1956 г. резолюция первой сессии Комитета борьбы за СШЕ была обсуждена и принята шестью парламентами. Однако во Франции на заседании Национального собрания Ги Молле, глава правительства и лидер французской Социалистической партии, заявил: «Евратом не станет препятствием для возможного решения Франции создать собственное атомное оружие». По этому пункту французские социалисты резко разошлись с социалистами немецкими, которые в ответ усилили свою позицию. Так, в октябре того же года Эрих Олленхауэр, лидер немецких социал-демократов, писал министру иностранных дел ФРГ Хайнриху фон Брентано: «Моя партия считает абсолютно необходимым в целях безопасности строжайший контроль за использованием расщепляющихся материалов на базе собственности на эти материалы со стороны Евратома. Создание Евратома, которое моя партия и лично я считаем срочной необходимостью, будет поставлено нами под вопрос, если оно не будет происходить на

условиях строгого контроля, предусмотренного резолюцией комитета Моннэ».[135]

В тот момент правительство ФРГ было расколото. Франц Йозеф Штраус и Людвиг Эрхард блокировали переговоры о Евратоме в Брюсселе в надежде на двусторонние соглашения с США. Только когда после визита Ф.Й. Штрауса в Вашингтон эта надежда развеялась, К. Аденауэр смог настоять на своем подходе к контролю над расщепляющимися материалами и прибыл в начале ноября 1956 г. в Париж на переговоры с Ги Молле. Их соглашение было абсолютно необходимо, так как несколькими месяцами ранее Д. Эйзенхауэр предложил западноевропейским странам двадцать тонн урана-235 для использования в мирных целях, но только при условии международного контроля. [136] Быстрое создание Евратома давало шанс заменить международный контроль контролем чисто европейским - и тем самым сохранить независимость нового Сообщества.

19 сентября 1956 г. Комитет Моннэ вновь собрался в Париже и принял резолюцию в связи с национализацией Египтом Суэцкого канала, где, в частности, говорилось: «От снабжения Западной Европы энергоносителями зависит прогресс или упадок наших стран. Сегодня Западная Европа получает пятую часть необходимой ей энергии за счет импорта. Через десять лет доля энергетического импорта возрастет до одной трети ее потребностей. Большая часть импорта нефти идет с Ближнего Востока. Такая зависимость порождает неуверенность и постоянную опасность конфликтов ... Возможность оказывать давление на Западную Европу с помощью ближневосточной нефти мешает развитию мирных отношений между Западной Европой, Африкой и Азией, и в целом – между Востоком и Западом. Вместе, развивая и объединяя свои ресурсы, наши страны смогут производить атомную энергию в нужное время и в нужном количестве, чтобы поддерживать в разумных пределах свой импорт нефти и угля».[137] Комитет потребовал от правительств быстрого заключения договора о Евратоме и его ратификации до конца года, а в качестве первого шага предложил европейским министрам поручить трем выдающимся специалистам составить доклад о возможностях развития атомной энергетики в объединенной Западной Европе.

Это поручение действительно было дано – в группу, которую окрестили «Три мудреца», вошли Луи Арман (автор самого названия – «Евратом»), Франц Этцель и итальянский атомщик Франческо Джордани. Они вели свое исследование шесть месяцев, посетив США, Канаду и Великобританию. В результате появился документ, указывающий точную цель и определяющий этапы ее достижения. Франко-британская операция 5 ноября 1956 г. в зоне Суэцкого канала, угрозы со стороны СССР и уклончивая позиция США оставили у французов унижительное чувство своей экономической и политической незащищенности. Необходимость интеграции стала ощущаться еще острее – только так можно было сохранить престиж и перспективу независимого развития западноевропейских народов. Луи Арман в шутку даже предложил поставить памятник Г.А. Насеру как человеку, подтолкнувшему Европу к федерации.[138]

Тем временем в Брюсселе Комиссия П.-А. Спаака шаг за шагом готовила проекты договоров о создании Общего рынка и Евратома. Главным автором текстов здесь выступил Пьер Юри, что никак не уменьшает заслуги Спаака в защите и пропаганде новых Сообществ. Доклад Спаака помог более четко наметить перспективу. Но Евратом ждал, когда будет согласован проект Общего рынка, так как по политическим соображениям оба договора, связанные между собой противоречивыми интересами, могли быть подписаны только одновременно. Франция стремилась обставить проект ЕЭС разными условиями в свою пользу, требуя преимуществ в области производства и, особенно, в области социальных отчислений, считая их слишком тяжелыми для себя. Кроме того, предлагалось включение в Общий рынок сельского хозяйства и заморских территорий. Каждая проблема влекла за собой массу технических трудностей, но все же в начале 1957 г. для завершения дела не хватало только политической воли.

Госдепартамент США ясно выразил 15 января 1957 г. свою поддержку «дальнейшему

политическому и экономическому усилению Западной Европы», правда, «внутри расширяющегося Атлантического сообщества».[139] Но совещание министров, отложенное на две недели, вызвало задержку переговорного процесса на два месяца. В это время в ФРГ сложилась очень непростая обстановка. Западные немцы видели в Евратоме попытку взять под опеку их промышленность, и были согласны на подписание данного договора только в связке с договором о ЕЭС. Кроме того, 6 июля 1957 г. бундестаг завершал свою работу, после чего, в сентябре, предстояли всеобщие выборы. Каждый потерянный день увеличивал риск, что социалисты из СДПГ ужесточат свою оппозицию Евратому или, в лучшем случае, воздержатся при голосовании.

В феврале 1957 г. компромисс между интересами ФРГ и Франции был найден. Проблема Саара решалась окончательно. Евратом становился собственником расщепляющихся материалов. Франция вступала в Общий рынок вместе со своими заморскими территориями. Германия получала расширенные экспортные рынки для своих промышленных товаров, а Франция – новые рынки и субсидии для ее сельского хозяйства в рамках Общей сельскохозяйственной политики (ОСП). В Преамбуле Договора о ЕЭС декларировались более скромные задачи, чем в Договоре о ЕОУС, - «заложить основы для всё более тесного союза европейских народов», обеспечить экономический и социальный прогресс путем общих действий, направленных на устранение разделяющих Европу барьеров. Было признано, что устранение препятствий требует согласованных действий для гарантирования устойчивого развития, сбалансированной торговли и честной конкуренции. В Преамбуле нашла также отражение проблема преодоления разрыва в уровне жизни, экономическом и социальном развитии различных регионов Западной Европы. Подчеркивалось стремление не только укреплять единство экономики, но и уменьшать различия между регионами и преодолевать отсталость тех из них, которые находятся в менее благоприятных условиях.

Договор о ЕЭС имеет, помимо Преамбулы, шесть частей, насчитывающих 248 статей, а также четыре приложения, содержащие разъяснения по разным сферам применения определенных положений. Основные направления деятельности определены в ст. 3 следующим образом: устранение между государствами-членами таможенных сборов и количественных ограничений на импорт и экспорт товаров, а также всех других эквивалентных по своим последствиям мер; введение общего таможенного тарифа и общей торговой политики по отношению к третьим государствам; устранение между государствами-членами препятствий свободному движению лиц, услуг и капиталов; введение общей политики в области сельского хозяйства; введение общей политики в области транспорта; предотвращение нарушений правил конкуренции в общем рынке; согласование экономической политики государств-членов и устранение «неравновесий» в платежных балансах; сближение законодательств государств в той мере, в какой это необходимо для функционирования общего рынка; создание Европейского социального фонда с целью улучшения возможностей занятости для трудящихся и содействия повышению их жизненного уровня; создание Европейского инвестиционного банка, призванного способствовать экономическому развитию Сообщества путем привлечения новых ресурсов; ассоциация с заморскими странами и территориями с целью увеличения торговли и совместного содействия экономическому и социальному развитию.[140]

25 марта 1957 г. в Риме состоялось торжественное подписание договоров о создании ЕЭС и Евратома. Европейское сообщество по атомной энергии имело, как и ЕОУС, отраслевой характер и ставило своей задачей объединение усилий в развитии ядерной энергетики, используемой в мирных целях. Европейское экономическое сообщество, напротив, имело универсальный характер. Создание ЕЭС стало решающим шагом к осуществлению стратегии западноевропейской экономической интеграции. Ближайшая задача заключалась в создании к 1970 году таможенного союза и общего рынка товаров. Но договор о создании ЕЭС предусматривал также введение общей аграрной и торговой политики и координацию других важнейших направлений экономической политики

государств-членов.

Начался процесс ратификации договоров национальными парламентами. Следовало спешить, дабы успеть до начала парламентских каникул (особенно это касалось бундестага ФРГ). 22 июня Ж. Моннэ и М. Конштамм посетили Бонн и провели переговоры с Э. Олленхауэром, который полагал, что лучше отложить дебаты до осени. Лидера СДПГ удалось уговорить поддержать ратификацию, и 5 июля его партия проголосовала «за» вместе с ХДС, Немецкой партией и частью либералов. Несколько дней спустя во французском Национальном собрании договоры также успешно прошли этап ратификации: 342 голоса «за» и только 239 голосов «против» (голлисты, коммунисты и часть радикалов). 30 июля состоялось голосование в Италии, где договоры были ратифицированы 311 голосами против 144 при 54 воздержавшихся. Христианские демократы, либералы, республиканцы и социалисты Джузеппе Сарагата образовали внушительное большинство. Социалисты Пьетро Ненни проголосовали за Евратом, но воздержались от поддержки Общего рынка. 19 ноября договоры были одобрены бельгийской Палатой депутатов (174 голосами против четырех). 26 ноября состоялась ратификация договоров люксембургским парламентом (46 голосами против 3). Процесс ратификации завершился в Нидерландах, где обе Палаты поддержали договоры подавляющим большинством голосов. Повсюду Сенаты согласились с голосованием нижних палат. Таким образом, удалось достичь широкого демократического консенсуса. Все партии, представленные в Комитете борьбы за СШЕ, голосовали в полном соответствии со своими обязательствами.

1 января 1958 г. договоры вступили в силу. Начался этап создания новых структур. Вальтер Хальштейн возглавил ЕЭС, а Луи Арман – Евратом. Встал вопрос о местопребывании руководящих органов новых Сообществ. В ноябре 1957 г. Комитет борьбы за СШЕ выступил с инициативой собрать в одном месте учреждения ЕОУС, ЕЭС и Евратома, выделив для этого «Европейский округ», управляемый европейскими учреждениями и «легко доступный для всех». В январе 1958 г. министры стран «шестерки» в принципе согласились с идеей единого местопребывания, но не смогли договориться относительно выбора места. Люксембург, к примеру, хотел сохранить учреждения ЕОУС, но при этом боялся «нового европейского вторжения». А бельгийские члены в знак протеста даже покинули на некоторое время Комитет борьбы за СШЕ. В результате долгих поисков компромисса Брюссель стал местом пребывания вновь создаваемых учреждений. Разброс европейских институтов по разным городам и странам предотвратить не удалось.

В июне 1958 года к власти во Франции пришел Шарль де Голль, который, долгое время находясь в оппозиции, постоянно говорил о грандиозном проекте единой Европы от Атлантики до Урала, состоящей из расположенных рядом суверенных государств. По сравнению с этим проектом Сообщество шести выглядело столь ничтожным, что сам генерал даже не снисходил до его критики, предоставляя это другим политикам (выступавшим от его имени).[141] Активный противник всякого «слияния» и любой «наднациональной власти», генерал, однако, поддерживал конфедеративное устройство единой Европы. В этой ситуации перескакивание через этапы интеграционного процесса не представлялось возможным, следовало на время забыть о политическом объединении и сосредоточиться на построении Общего рынка.

В декабре 1958 г. британское правительство во главе с Гарольдом Макмилланом высказалось за переговоры о создании зоны свободной торговли между «шестеркой», Великобританией и некоторыми другими западноевропейскими странами. 1 января 1959 г. состоялось первое снижение – на 10% - общего уровня таможенных тарифов странами «шестерки».[142] Началось реальное осуществление стратегии равномерного ступенчатого снижения общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле. Итогом должна была стать полная отмена таможенных сборов, количественных квот и других ограничений в торговле между государствами-членами.

В ноябре 1959 г. Комитет борьбы за СШЕ обратился с призывом к правительствам «шестерки» ускорить прохождение этапов, предусмотренных договором. В результате в 1960 г. было осуществлено снижение общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле сразу на 20%. [143] Параллельно проводилось постепенное сокращение разрыва между средним и национальным уровнями тарифов. Опережающее понижение таможенных пошлин между странами «шестерки» и немедленное установление общих тарифов в торговле с третьими странами укрепляли единство ЕЭС.

На фоне благоприятной экономической конъюнктуры стали появляться новые проекты углубления интеграции и придания ей политического измерения. В 1960 г. вышла в свет книга французского социолога М. Алле «Объединенная Европа. Путь к процветанию», где предлагалось создать «политический орган» для того, чтобы преодолеть «давление частных интересов» отдельных стран и граждан, обеспечивать честную конкуренцию и гарантировать всем слоям населения гражданские и политические свободы. В результате «синтеза либерализма и социализма», где соединятся «от либерализма – его техника высокоэффективного управления децентрализованной экономикой, основанной на частной инициативе и конкуренции цен, от социализма – его ... высокое стремление к улучшению экономической организации путем структурных реформ», [144] Алле предрекал появление в Западной Европе более справедливого общества.

5 сентября 1960 г. генерал де Голль неожиданно выдвинул во время пресс-конференции следующее предложение: «Осуществление постоянного сотрудничества в Западной Европе рассматривается Францией как желательное, возможное и практически полезное в политической области, в экономической области, в культурной области и в области обороны». Система взаимодействия должна была включать в себя «регулярное согласование действий ответственных правительств», создание специализированных учреждений, подчиненных правительствам, таких как Комиссия по вопросам оборонной политики и Постоянный политический секретариат с местопребыванием в Париже, Ассамблею, состоящую из представителей национальных парламентов, а также проведение «широкого европейского референдума». Что же касается «некоторых более или менее наднациональных органов», то они «имеют техническую ценность, но не имеют и не могут иметь политического авторитета и политической эффективности». [145] Таким образом, де Голль, по-прежнему негативно относясь к наднациональным институтам ЕС, взял на себя дипломатическую инициативу в деле политического переустройства Западной Европы. При этом генерал настаивал на полном подчинении европейских учреждений национальным правительствам, что вызвало понятную озабоченность в руководящих органах ЕЭС, ЕОУС и Евратома.

Сразу после инициативы де Голля в отношениях между Францией и Западной Германией, которые оставались долгое время хорошими, наступил холодок. Голландцы и итальянцы также задавали вопросы французским дипломатам о судьбе европейских организаций. Представителям Франции пришлось успокаивать своих европейских коллег: не могло быть и речи о том, чтобы затронуть существующие Сообщества. Напротив, новые подходы во французской политике давали дополнительные возможности для углубления интеграции. Однако Франция настаивала на том, чтобы строить военный и политический союз при полной самостоятельности и независимости стран-членов, исключительно через развитие межгосударственного сотрудничества. Категорически отвергалась возможность «навязывания» коллективной воли кому бы то ни было через механизм принятия решений большинством голосов. Принципиальным требованием было сохранение за каждым из участников права вето в отношении любых вопросов.

Обосновывая необходимость сохранения полного государственного суверенитета и выдвигая лозунг «Европы отечеств», де Голль в глубине души боялся возможной гегемонии Германии в наднациональных институтах ЕС. Напротив, в ФРГ, Италии и странах Бенилюкса видели будущее Сообщества именно в его постепенной эволюции в

сторону конфедеративного образования. Наднациональные органы при этом рассматривались как абсолютно необходимые - в их усилении и был главный залог эффективности всей интеграционной группировки.

Ситуация в Европе и на Западе в целом подтверждала, что Общий рынок совершил прорыв на международную арену. В феврале 1959 г. в Осло представителями правительств Австрии, Великобритании, Дании, Норвегии, Португалии, Швейцарии и Швеции было принято принципиальное решение о создании ассоциации свободной торговли, призванной составить конкуренцию Сообществам. В июне 1959 г. в Стокгольме состоялось совещание экспертов из этих стран, на котором был разработан детальный проект образования «малой зоны свободной торговли». В соответствии с планом, страны-участницы обязывались систематически снижать таможенные тарифы и количественные ограничения во взаимной торговле промышленными товарами. 20 ноября 1959 г. в итоговом Коммюнике Стокгольмского саммита, на котором присутствовали министры семи стран, было провозглашено создание Европейской ассоциации свободной торговли. [146] 4 января 1960 г. документ был одобрен правительствами «внешней семерки» ЕАСТ, куда вошли (помимо самой Великобритании) Дания, Норвегия, Швеция, Португалия, Австрия и Швейцария. Конвенция, подписанная в Стокгольме, создала в Западной Европе конкурентную среду – ЕЭС, Евратом и ЕОУС должны были теперь постоянно доказывать превосходство их модели экономической интеграции по сравнению с ЕАСТ.

Стокгольмский договор об учреждении ЕАСТ вступил в силу после обмена ратификационными грамотами 3 мая 1960 г. С. Дэлл, английский экономист, написал по этому поводу: «Ничто не смогло так разделить Западную Европу, как стремление объединить ее».[147] Раскол, чреватый торговой войной между двумя интеграционными группировками, долго не удавалось преодолеть. С одной стороны, Франция видела в лице Великобритании опасного конкурента и проводника интересов США. С другой стороны, британские амбиции считать себя «третьей великой державой» все еще были сильны. В 1961 г. к ЕАСТ в качестве ассоциированного члена присоединилась Финляндия.[148] В том же 1961 г. по инициативе европейских стран и США Организация европейского экономического сотрудничества была реорганизована в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, англ. OECD), чьей главной целью стала координация экономической политики и согласование программ помощи развивающимся странам.[149] Странам «шестерки» пришлось взять на себя часть ответственности за межконтинентальные торговые отношения, что было следствием быстрых успехов их экономической интеграции.

На повестке дня стояли три задачи, хотя их трудно было решать одновременно: развитие Сообществ, создание новых западноевропейских политических структур, присоединение к Сообществам Великобритании и других стран ЕАСТ. Нельзя было допустить, чтобы успехи в политической области поставили под вопрос самостоятельность Сообществ или оставили Великобританию за пределами зоны реальной западноевропейской экономической интеграции. Но и присоединение Великобритании к ЕЭС нельзя было покупать ценой отказа от уже полученных результатов или перспектив на достижение успехов в будущем. Сказывались и национальные приоритеты: Франция охотно пошла бы на политический шаг при условии отступления в области наднациональных учреждений, а Нидерланды также готовы были поступиться своими наднациональными принципами, но с целью присоединения Великобритании.

21 ноября 1960 г. Моннэ пишет Аденауэру: «Больше всего в данный момент я опасюсь того, что мы остановимся в нашей работе по созданию Европы и начнем долго дискутировать по поводу вопросов, безусловно, важных, но не обязательных для нашей деятельности. Разве решение вопроса о НАТО должно быть предварительным условием для интеграции Европы? Должна ли Англия как одна из сторон участвовать в политических дискуссиях? Предложения генерала де Голля относятся к «национальному»

или «наднациональному» сотрудничеству? Только двигаясь вперед, и, прежде всего, в политической области, мы сможем найти ответы. Я думаю, что некоторые предложения, которые мы обсуждали с генералом де Голлем, могут сослужить хорошую службу развитию Европы, а мы должны идти следом и помогать их конкретной реализации ... Я думаю, что частые и по возможности регулярные встречи между главами правительств с целью обсуждения совместной политики наших шести стран, а также встречи между министрами иностранных дел и министрами обороны, были бы полезны. Временно, в нынешней ситуации и с учетом возникших политических проблем, межгосударственная кооперация является необходимым этапом. Она будет означать движение вперед, особенно если совокупность европейских учреждений, включая интеграционные сообщества и (хотя и отличающиеся от них) организации межгосударственной кооперации, будут включены в единый ансамбль – европейскую конфедерацию».[150]

Речь шла как о политических проектах де Голля, так и о французских предложениях относительно общей сельскохозяйственной политики. Через несколько недель Аденауэру предстояло участвовать в конференции «шестерки» в Париже, и Моннэ пытался убедить канцлера действовать, невзирая на негативное отношение де Голля к некоторым аспектам атлантической и западноевропейской интеграции. В ответном письме Аденауэр выразил желание закрепить ориентацию своего народа на Запад и признал Моннэ «добрым служителем» европейской идеи.

В самом Комитете борьбы за СШЕ не было единодушия по поводу предложений де Голля. Председатель западногерманских профсоюзов Людвиг Розенберг, к примеру, заявил: «Если речь идет всего лишь о регулярных конференциях министров, надо отказаться от слова «конфедерация» и вводить людей в заблуждение. Иногда лучше признать невозможность чего-либо, чем делать вид, будто мы чего-то добились, употребляя слово, не имеющее реального содержания». Иначе считал Моннэ, который так объяснил свою позицию членам Комитета: «... конфедерация принесла бы величайшую пользу. Она дала бы почувствовать общественному мнению наших стран, что они стали частью некоего целого, не только экономического, но и политического, и значительно большего, чем каждая страна в отдельности».[151]

10 февраля 1961 г. на первой в истории Сообществ конференции глав государств, правительств и министров иностранных дел в Париже была образована комиссия, которая стала носить имя ее председателя Кристиана Фуше. В ходе обсуждения предложений де Голля Аденауэр первоначально оказал им полную поддержку. Однако национальные делегации в Комиссии Фуше не смогли сразу выработать компромиссное решение. 18 июля 1961 г. в Бонне состоялась новая встреча «шестерки» на высшем уровне. Предложения Комиссии, представленные на совещании, содержали, по сути дела, лишь перечень разногласий. Необходимо было продолжать начатую работу. В опубликованном по итогам совещания коммюнике содержались многочисленные положения в поддержку существующих Сообществ и Атлантического альянса, говорилось об «институциональном закреплении начатого дела» и о расширении компетенции парламентской Ассамблеи. Высказывалось также пожелание, чтобы «к европейским Сообществам присоединились другие европейские страны, согласные принять на себя такие же обязательства и такую же ответственность». Комиссии Фуше был дан недвусмысленный мандат «представить предложение о мерах, с помощью которых можно было бы незамедлительно придать статусный характер объединению наших народов».[152] Таким образом, Декларация доброй воли поручала выработать проект политического союза шести стран.

Комиссия Фуше действительно оказалась в затруднительном положении, так как члены ее вынуждены были выполнять противоречивые инструкции своих национальных правительств. Франция стремилась перевести на уровень межгосударственных отношений то, что уже приобрело европейский статус. Нидерланды и Бельгия закрывали путь к политическому объединению, желая тем самым помочь присоединению Британии. Но Великобритания могла присоединиться только к процветающему и динамично

развивающемся Сообществе, явно побеждающему в конкуренции с ЕАСТ (что и подтвердило будущее). Тем не менее, первый «план Фуше» был представлен Комиссии 2 ноября 1961 г. под названием «О союзе европейских народов».[153] Он был направлен на создание межгосударственной организации, стоящей над Европейскими сообществами и в определенной степени противопоставленной НАТО. В частности, решение вопросов внешней политики и военной стратегии «шестерки» не связывалось с решением данных вопросов в рамках Североатлантического альянса.

Данный проект встретил многочисленные возражения национальных делегаций и подвергся резкой критике в Европейском парламенте. 21 декабря там была принята резолюция, призывавшая правительства «идти как можно дальше в вопросе о Европейском Союзе», «избегать всего, что может ... даже казаться отступлением» по сравнению с договорами о создании ЕОУС, ЕЭС и Евратома, и следовать во внешней политике и политике в области обороны «цели укрепления Атлантического союза».[154] На встрече шести министров иностранных дел в декабре 1961 г. Комиссии было предложено учесть критические замечания в адрес проекта. Новый вариант «плана Фуше» был разработан к 18 января 1962 г. и стал, не считая незначительных изменений, основой для его обсуждения государствами «шестерки». Однако и этот проект предполагал непосредственное подчинение межправительственному сотрудничеству в рамках Союза вопросов экономики, находившихся в компетенции трех Европейских Сообществ.

Преамбула документа утверждала принципы свободы и демократии, которые должны были стать обязательным условием для приема новых членов. Страны-участницы заявляли о готовности и далее проводить линию на сближение своих основных интересов, «с тем, чтобы быть готовыми разделить общую судьбу». В первой статье говорилось, что союз является нерасторжимым. Следовательно, не признавалось право на отделение, которое в основном допускали конфедерации, - это был явный шаг в сторону федерации. Цели союза формулировались следующим образом: проводить общую линию в вопросах, представляющих взаимный интерес (прежде всего в вопросах, касающихся внешней политики и обороны); осуществлять тесное сотрудничество в области науки и культуры; содействовать защите прав человека и демократии в странах-участницах. Таким образом, речь шла не просто о координации внешней политики стран «шестерки», но о выработке общей внешней политики.

Институтами предполагаемого союза назывались: Совет, Парламент и Европейская политическая комиссия. Монопольным правом на принятие решений должен был обладать Совет, созываемый раз в четыре месяца на уровне глав государств или правительств. Между данными заседаниями не менее одного раза следовало устраивать совещания министров иностранных дел. На каждом из заседаний на высшем уровне Совет назначал бы Президента с мандатом на четыре месяца. Данный срок, безусловно, был слишком мал, чтобы обеспечить нормальное функционирование президентской власти. Проект предполагал, что Совет «единогласно принимает решения, необходимые для реализации целей союза». Государство, не считавшее какое-либо решение необходимым, могло воспользоваться правом вето или воздержаться от голосования. Согласно ст. 6, если один или два участника отсутствовали (или воздержались от голосования), то это не является препятствием для принятия решения. Таким образом, принцип единогласия был существенно смягчен. Однако отсутствовавшие или воздержавшиеся от голосования освобождались от обязательного выполнения общих решений. Тем самым был открыт путь к бегству от всякой ответственности.

Европейский парламент получал весьма ограниченные полномочия. Исполнительный орган обязан был предоставлять ему отчеты о своей деятельности в целях демократического контроля. Парламент мог выразить недоверие исполнительному органу, но окончательное решение принимал Совет, куда направлялись все вопросы и рекомендации. Парламентариям позволялось лишь осведомляться о последовавших действиях Совета. Европейский парламент мог сколь угодно долго обсуждать цели,

стоящие перед союзом, но не имел ни законодательных функций, ни права контролировать бюджет. Более того, парламентариям было отказано даже в праве высказывать свое мнение по поводу изменений в Договоре о союзе без разрешения Совета.

Европейская политическая комиссия должна была состоять из чиновников высшего аппарата министерств иностранных дел. Ее создание означало бы серьезный отказ от концепции Сообщества, которая обеспечивала автономию исполнительного органа, состоящего из независимых лиц. Роль Политической комиссии сводилась к роли рядового коллективного секретариата, оставленного на произвол национальных правительств. Таким образом, авторы проекта не довольствовались сосредоточением всех полномочий в рамках Совета, они заменили ставшие классическими международные секретариаты межправительственным секретариатом под обманчивым названием «Политическая комиссия».[155]

Самым положительным моментом в проекте Фуше была обязательность пересмотра договора, осуществляемая по мере достигаемых успехов. Главной целью такого пересмотра должно было стать ведение единой внешней политики и постепенное создание в рамках союза центрального аппарата европейских Сообществ. Однако процесс «пересмотра» начался задолго до заключения самого договора. Пять делегаций отказались принять второй «план Фуше» в качестве основы для обсуждения и выдвинули свои контрпредложения. Они исключили экономические вопросы из компетенции Союза и подчеркнули, что военное сотрудничество должно осуществляться в рамках Атлантического альянса. Настояли они и на учреждении поста генерального секретаря Союза, не зависящего от правительств. В дальнейшем же предполагалось учредить независимый от правительств исполнительный орган и принятие в Совете решений большинством голосов. Затем в данный компромиссный вариант проекта, подготовленный комиссией Фуше, президент де Голль лично внес существенные поправки. В числе других функций Совета снова появилась функция сближения, координации и унификации экономической политики, которая ранее по просьбе пяти стран была устранена. Таким образом, Союз приобретал право возглавить и подчинить себе деятельность трех Сообществ. Поправки касались и «нерасторжимости» договора. Эти изменения вызвали резкие протесты истинных сторонников углубления интеграции.

5 февраля 1962 г. де Голль выступил по телевидению с нападками против «технократов» из наднациональных институтов. В том же месяце состоялась встреча Президента Франции с канцлером ФРГ, на которой генерал выразил готовность пойти на уступки и сохранить прежние полномочия органов Сообществ, даже сделать в проекте политического союза ссылку на НАТО. В апреле подобные предложения были сделаны и А. Фанфани, председателю Совета министров Италии и активному члену Комитета борьбы за СШЕ. Однако позиция де Голля в вопросе о порядке принятия решений в Союзе и руководящей роли его органов в «малой Европе» осталась неизменной. Заседания Комиссии Фуше следовали одно за другим, но не приводили к согласию. 5 апреля Фуше был заменен на посту председателя комиссии итальянским представителем Каттани. И 17 апреля шесть министров иностранных дел, собравшись в Париже, вынуждены были констатировать полную неудачу работы комиссии. Ее полномочия больше не продлевались, а «план Фуше» исчез из повестки дня.

П.-А. Спаак и его голландский коллега Йозеф Лунс выступили против Европы отдельных государств в пользу Союза европейских народов и наднациональной Европы. Причем Лунс заявил: «Если мы и далее будем действовать в направлении интеграции и придерживаться наднационального подхода, то останемся без Лондона, так как он не готов следовать за нами. Однако из того, что нам предложено, нет, по сути, ничего такого, что могло бы помешать Англии присоединиться».[156] В таком случае, по мнению Лунса и Спаака, нет смысла строить политическую Европу без Великобритании. Они уверяли, что остается либо немедленно привлечь Англию к переговорам, либо ждать ее вступления

в ЕЭС. Однако и этот шаг мог привести к негативным последствиям. Вероятно, ослабилась бы позиция «шестерки» на переговорах, а граждане стран-членов ЕЭС примирились бы с фактом существования слабо интегрированного союза (ибо Великобритания только усилит лагерь «минималистов»).[157]

На деле разногласия между странами «шестерки» не имели характера выбора между Европой отдельных государств и Европой наднациональной. Ни одно из правительств не выказало готовности подписать соглашение о реальной федерации, аналогичной существующей в США или Швейцарии. Когда П.-А. Спаак говорил о наднациональной Европе, он имел в виду главным образом замену принципа большинства на принцип единогласия, оставляя в стороне как проблему независимости от национальных правительств европейского исполнительного органа, так и проблему прямого действия европейского права на граждан (минуя вмешательство национального государства). Совет национальных министров должен был решить дальнейшую судьбу руководящих органов Сообществ. Таким образом, споры шли не столько о характере союза, который предстояло создать, сколько о степени слабости конфедеративных связей.

Аденауэр не сделал ничего, чтобы спасти проект Фуше. Он не хотел более оказывать давление на де Голля и оставил ему инициативу в европейской политике. Другие видные государственные деятели «шестерки» подозревали генерала в желании навязать всем лидерство Франции, «причесать» Сообщества с помощью Совета национальных министров и ослабить НАТО, организовав оборону шести стран. 15 мая 1962 г. де Голль устроил пресс-конференцию, где вновь изложил свою концепцию Европы: «Я думаю, что создание единства – дело Государств: только они обладают для этого силами, легитимностью и возможностью действовать. Я говорил и повторяю: нет и не может быть иной Европы, кроме как состоящей из Государств, разумеется, если не считать мифов, фикций и показухи ... Интегрированная, как теперь принято говорить, Европа, у которой не будет собственной политики, окажется под каблуком у того, кто такой политикой будет обладать. Может быть, и найдется такой «федератор», но он не будет европейцем. И может быть именно это – иногда и какой-то степени – вдохновляет некоторых сторонников интеграции Европы».[158] Под «федератором» де Голль, очевидно, понимал США. Речь генерала глубоко оскорбила как членов Комитета борьбы за СШЕ, так и других видных политиков, поддерживающих интеграционные процессы в Западной Европе.

26 июня 1962 г. появилось ответное заявление Комитета борьбы за СШЕ, где говорилось: «Перспективы, которые открываются сегодня перед Европой, стали возможны потому, что европейские страны согласились рассматривать экономические проблемы не как национальные, а как имеющие общее значение. Чтобы их разрешать, они приняли решение действовать сообща. После периода первоначальных поисков этот метод привел к установлению постоянного диалога между европейскими интеграционными органами, способными предлагать решения общих проблем, и национальными правительствами, выражающими национальные точки зрения. Этот метод является совершенно новым. Он не предполагает существования центрального европейского правительства. Но он приводит к совместным решениям, принимаемым Советом министров европейских стран. Решение общих проблем европейскому организму удастся находить в том числе и потому, что внутри него с успехом отменен принцип единогласия. Парламент и Суд придает конструкции завершенность. Этот метод и есть подлинный «федератор» Европы ... Только экономическое и политическое объединение Европы, включая Англию, и установление равных партнерских отношений с Соединенными Штатами позволят консолидировать Запад и создать таким образом условия для мира между Востоком и Западом».[159]

Провал «плана Фуше» еще не означал общего кризиса западноевропейских интеграционных процессов. В 1961 и 1962 годах продолжалось снижение общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле стран ЕЭС – на 10% ежегодно. 9 июля 1961 г.

ЕЭС и Греция подписали соглашение об ассоциации – первый документ такого рода в истории Сообщества. 31 июля 1961 г. появилось заявление премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана: «Правительство Ее Величества пришло к заключению, что было бы верным для Британии подать официальную заявку ... на присоединение к Сообществу».[160] Великобританию опередили: 31 января 1962 г. официальную заявку на присоединение к Европейским сообществам подала Ирландия. 30 апреля подобную же заявку подала Дания, член ЕАСТ. Великобритания и Норвегия последовали их примеру 9 и 10 августа того же года. Начались детальные переговоры об условиях расширения Сообществ. 30 июня 1962 г. была введена в действие общая сельскохозяйственная политика ЕЭС. В США с приходом к власти новой администрации Д.Ф. Кеннеди хотели видеть Европу объединенной и сильной, иметь в ее лице надежного партнера, с которым можно было бы вести диалог и делить ответственность за положение в мире.[161]

К сожалению, в январе 1963 г. переговоры между Великобританией, Ирландией, Данией, Норвегией и ЕЭС были прерваны из-за отрицательного отношения де Голля к вступлению Великобритании в Сообщества.[162] Йозеф Лунс, министр иностранных дел Нидерландов, был весьма разочарован таким поворотом событий.[163] В самой же Великобритании разгорелась новая дискуссия о необходимости участвовать в европейской интеграции.[164]. Затем приход к власти в Британии Гарольда Вильсона, победившего на выборах в октябре 1964 г. с огромным перевесом, отсрочил начало новых переговоров. Однако некоторые позитивные сдвиги, несмотря на выявившуюся невозможность расширения Сообществ, все еще наблюдались.

В плане углубления европейской интеграции важнейшими решениями Европейского Суда стали: признание прямого действия европейского права на территории стран-участниц (дело 26/62, слушалось 5 февраля 1963 г.)[165] и признание приоритета европейского права перед национальным (дело 6/64, слушалось 15 июля 1964 г.)[166] 22 января 1963 г. Франция и ФРГ подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, укрепивший связи между двумя странами и, как тогда казалось, придавший новый импульс процессу западноевропейской интеграции.[167] Елисейский договор предусматривал проведение регулярных встреч между президентом Франции и канцлером ФРГ, министрами иностранных дел, обороны, культуры и просвещения, начальниками генеральных штабов обеих стран в целях консультаций по самому широкому кругу вопросов. Действие договора распространялось также на Западный Берлин (в тексте – «земля Берлин»). А 20 июля 1963 г. ЕЭС и 18 африканских стран подписали в г. Яунде (Камерун) Конвенцию об ассоциации.[168] Позднее данный документ получил название Яундская конвенция. Он предусматривал льготный доступ африканских товаров на рынок ЕЭС. 12 сентября 1963 г. ассоциированным членом ЕС стала Турция.

В июне 1964 г. Комитет борьбы за СШЕ собрался на свою одиннадцатую сессию (предыдущая состоялась в декабре 1962 г.). Впервые заседание проходило не в Париже, а в Бонне. В принятой резолюции намечалась последовательность этапов западноевропейской интеграции и предлагался обширный план, состоявший из четких пунктов. Некоторые из них касались экономического и социального развития Общего рынка, другие – институциональных проблем, в том числе – прямых выборов Европейского парламента и расширения его бюджетных полномочий. Имелись также главы, посвященные международным отношениям: «Последовательное установление отношений равного партнерства между Европой и Соединенными Штатами Америки», где в качестве главного инструмента таких отношений рассматривался Комитет согласия, и «Достижение последовательных соглашений между Западом и СССР в целях урегулирования европейских проблем, в частности – объединения в европейском Сообществе ныне разделенного немецкого народа».[169]

Правительство ФРГ направило в ноябре 1964 г. государствам-членам ЕЭС свои предложения, четко сформулировав свой подход к проблеме политического

сотрудничества. Подчеркивалась неотложность слияния воедино руководящих органов трех Сообществ на базе Комиссии ЕС. Европейский парламент предлагалось наделить правом принимать законы, утверждать бюджет Сообщества и одобрять или отвергать договоры, заключенные Сообществом с третьими странами. Был выдвинут лозунг «Европейского отечества» в пику голлистской концепции «Европы отечеств». Фактически данная программа предлагала пойти по пути наднационального объединения, в рамках которого ФРГ с ее экономической мощью могла бы задавать политический курс.

Столкновение двух концепций – последовательно наднационального политического объединения с соответствующей модификацией институтов Сообщества (соответствующего национальным интересам Западной Германии) и сотрудничества суверенных государств (отстаиваемого голлистской Францией) - послужило причиной первого институционального кризиса в рамках Сообщества летом 1965 г. Правда, некоторые исследователи, такие как Д. Сиджански, указывают на кризис европейской интеграции 1963 г.[170] Но следует признать, что, несмотря на «застой», в 1963 и 1964 годах продолжалось снижение общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле «шестерки» - на 10% ежегодно. Более того, 8 апреля 1965 г. был подписан Договор о создании единой Комиссии вместо Высшего руководящего органа ЕОУС, Комиссий ЕЭС и Евратома, а также единого Совета для всех трех Сообществ.[171] Однако данный Договор вступил в силу только 1 июня 1967 г. именно из-за разразившегося вскоре серьезного кризиса, когда Франция отозвала своих представителей из всех органов Сообщества.

Ровно через месяц после заключения Договора о слиянии состоялось очередное заседание Комитета борьбы за СШЕ в Западном Берлине. Декларация Комитета, принятая 8 мая 1965 г., утверждала в условиях «застоя» необходимость продолжать движение. Она призывала, в том числе, к началу консультаций между СССР и ее союзниками, с одной стороны, и США и Европейскими сообществами, с другой. Тогда же канцлер ФРГ Людвиг Эрхард, выступая перед городским Сенатом и бургомистром Вилли Брандтом, заявил: «Немецкий народ на собственном опыте убедился, что политика господства, основанная на разжигании национальных чувств, обречена на провал; такие гегемонистские устремления одной европейской нации встречают сопротивление со стороны всех других. Мы в полной мере сознаем, что Европа не может быть ни немецкой, ни французской, ни русской, но должна быть устремлена к объединению и согласию».[172]

Меж тем разногласия между голлистской Францией и руководством Сообществ неуклонно нарастали. Прежде всего, они касались источников финансирования общей аграрной политики и расширения полномочий таких институтов, как Комиссия ЕЭС и Европейский парламент. Европейская комиссия в Брюсселе требовала передать ЕЭС средства от таможенных сборов для финансирования расходов на аграрную политику. [173] По сложившейся практике данные расходы покрывались государствами, однако Римский договор предусматривал иной механизм. Европейский парламент, в свою очередь, пытался увеличить свои права по бюджетному контролю и отнять право окончательного решения у национальных советов министров. Все это было в рамках закона. Но, приводя в действие соответствующие статьи Римского договора, Комиссия ЕЭС усиливала федеративный характер Сообщества и склоняла в свою сторону баланс властных полномочий. Дипломаты предупреждали, что де Голль никогда с этим не согласится. Однако большинство членов Комиссии не захотело прислушаться к предостережениям, опираясь на свое законное право. Вальтер Хальштейн, Сикко Маншо и другие полагали, что Франции выгоден новый механизм инвестирования в национальное сельское хозяйство, поэтому правительство де Голля согласится с передачей новой порции государственного суверенитета в распоряжение ЕЭС (в качестве платы за европейское финансирование своего сельскохозяйственного экспорта). Они думали также, что французы по самому складу своего ума не смогут устоять против логических доводов.

Но де Голль воспринял логику Комиссии ЕЭС в штыки, приняв ее за обычную уловку

с целью придать как можно больше значения и блеска учреждениям Сообщества. Особенно он опасался вступления в силу принципа принятия решений большинством голосов, который в соответствии с Договором о ЕЭС должен быть с 1966 г. упразднить право вето в институтах Сообщества. Положение усугублялось личной неприязнью де Голля и многих членов его правительства к Вальтеру Хальштейну. В результате генерал сказал свое решительное «нет» расширению полномочий Комиссии, а исполнитель его воли Кув де Мюрвиль в полночь 30 июня, в момент, когда заканчивался срок французского председательства в Совете, закрыл заседание констатацией, что соглашение не состоялось. С этого момента французская сторона отказалась продолжать дискуссию, Франция «де-факто» вышла из европейских учреждений, а ее представители больше не появлялись в своих офисах. В течение почти семи месяцев – с 30 июня 1965 г. по 29 января 1966 г. – правительство де Голля придерживалось тактики «пустого кресла» в органах Сообществ. В 1965 г. не было осуществлено и ставшее обычным снижение общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле «шестерки».

В октябре 1965 г. пять стран-членов Сообществ официально обратились к Франции с призывом занять свое место в институтах Сообществ. Де Голль, занятый подготовкой к президентским выборам, проигнорировал обращение. Лишь после того, как генерал был переизбран пятьюдесятью четырьмя процентами голосов, Кув де Мюрвиль возобновил переговоры. В январе 1966 г. на заседании в Люксембурге французский делегат заявил, что Франция сохраняет за собой одностороннее право вето. Таким образом, кризис был преодолен на основе так называемого «Люксембургского компромисса», подтвердившего соблюдение принципа единогласия при голосовании в Совете.[174] Принятый под давлением Франции, компромисс предоставлял каждому члену Сообществ право объявлять «жизненно важным» для себя любой из рассматриваемых вопросов и налагать вето на предлагаемое решение, даже если «за» выскажутся все остальные государства. Эта договоренность снова выдвигала на первый план межгосударственный подход и тормозила реальные интеграционные процессы. Начался длительный период, получивший в научной литературе названия «застой», «время терпения» и даже «евросклероз».

Когда де Голль остановил «утечку власти» из национальных правительств в наднациональные институты, ЕЭС многими стало рассматриваться как тусклое, не очень-то достойное внимания образование. С этого времени все правительства по образцу Франции стали ссылаться на Люксембургский компромисс, оправдывая свои вето на решения даже по самым незначительным вопросам. В последующие почти двадцать лет через Совет министров законы проходили либо очень медленно, либо вообще не проходили. Данное состояние дел и характеризовали (не без веских оснований) как «еврозастой». Тем не менее, в эти годы были созданы многие предпосылки будущего развития. Самыми зримыми достижениями явились создание таможенного союза, расширение Сообщества и учреждение Европейского Совета.

В период кризиса и последовавшего за ним, сильно затянувшегося «застоя» (совпавшего, приблизительно, по времени и с нашим, отечественным) руководство ЕС, действительно, смогло извлечь из ситуации несколько полезных уроков, способствовавших в дальнейшем ускорению процессов европейской интеграции во многих областях.[175] 1 июня 1967 г. вступил в силу так называемый «Договор о слиянии», подписанный в Брюсселе 1 апреля 1965 г. В соответствии с этим документом были сформированы единая Комиссия и единый Совет всех трех Сообществ. Вместе с Европейским парламентом и Судом ЕС они образовали общую институционную структуру. Все официальные документы, исходившие из единых институтов, стали издаваться под грифом «Европейские сообщества», поскольку формально каждое объединение продолжало действовать на основе собственного договора. Вместе с тем в политическом, научном и журналистском лексиконе стал все шире использоваться термин «Европейское сообщество», отражающий их фактическую идентичность. Первым председателем объединенной Комиссии Европейских сообществ стал бельгийский юрист,

доктор права Жан-Жак Рей.

В начале 1967 г. премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон вместе со своим министром иностранных дел Джорджем Брауном посетил шесть европейских столиц и провел ряд консультаций со странами ЕЭС, готовясь вновь выдвинуть английскую кандидатуру для вступления в Общий рынок. Заручившись поддержкой видных европейских политических деятелей, а также большинства палаты общин,[176] он 11 мая официально подал заявку Британии на членство в Сообществах. Но уже 16 мая де Голль заявил на пресс-конференции, что Англия – это остров, связанный с Британским Содружеством и с США, имеющий неблагоприятный курс фунта и потому не могущий вступить в Общий рынок.

На тринадцатой сессии Комитета борьбы за СШЕ, состоявшейся 15 июня в Брюсселе, была принята резолюция, требующая продолжения переговоров с Великобританией и призывающая каждый национальный парламент «шестерки» обсудить данное предложение. 13 октября такое обсуждение состоялось в бундестаге ФРГ, причем депутаты оказали резолюции единодушную поддержку. Но 29 октября де Голль вновь подтвердил свою негативную позицию и заблокировал тем самым начало переговоров. Проблема же осталась и продолжала привлекать к себе внимание все большего числа европейцев. Великобритания, несмотря на позицию Франции, не чувствовала себя в изоляции: резолюцию поддержали парламенты в Италии, Люксембурге, Бельгии и Нидерландах.

И в 1966, и в 1967 году продолжалось снижение общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле «шестерки» - на 10% ежегодно. В итоге, 1 июля 1968 г. было завершено – на полтора года раньше намеченного в Договоре о ЕЭС срока – создание таможенного союза.[177] Внутренние таможенные границы в Сообществе были полностью упразднены, а на внешних границах введены общие таможенные тарифы. Темпы прироста промышленной продукции в ЕЭС оказались на целых 50% выше, чем в ЕАСТ. С 1960 по 1970 г. доля стран Общего рынка в мировом экспорте выросла на 6%, а доля ЕАСТ упала на 1,5%. В результате многие страны-члены ЕАСТ стали стучаться в двери ЕЭС – соревнование с конкурентами было выиграно. Отныне именно Сообщества олицетворяли собой европейскую интеграцию. Наднациональное начало доказало свою жизнеспособность. Это был большой успех, но он вызвал мало оправданные иллюзии. 28 сентября 1968 г. Ж. Монне обратился к Гарольду Вильсону, председателю Лейбористской партии Великобритании, Энтони Барберу, возглавлявшему Консервативную партию, и Джереми Торпу, лидеру британских либералов, с предложением вступить в Комитет борьбы за СШЕ: «Политические партии и профсоюзы, входящие в Комитет и представляющие две трети электората и трудящихся шести стран европейского Сообщества, выражают единодушное мнение, что Великобритания должна стать полноправным членом Сообщества с теми же правами обязанностями, что и шесть других входящих в него стран. Они полны решимости проложить путь для вступления Великобритании в Сообщество, как только это станет возможно. Они считают важным, чтобы уже сейчас страны Шестерки и Великобритания приступили к выработке единых подходов к европейским проблемам». Ответ от Вильсона пришел незамедлительно: «Цели Комитета борьбы полностью совпадают с теми задачами, которые ставит перед собой Лейбористская партия. Наша партия считает, что политическая интеграция Европы жизненно необходима для того, чтобы Европа могла привести в действие все свои возможности и внести свой незаменимый вклад в поддержание и укрепление мира во всем мире. Ваш комитет и его уважаемые члены делают огромное дело. Приглашение принять участие в этой работе является честью для Лейбористской партии, и я как председатель партии счастлив принять его и подтвердить, что Лейбористская партия согласна войти в Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы в качестве его полноправного члена».[178] Исполком Лейбористской партии назначил в качестве своих представителей в Комитете Джорджа Брауна, Уолтера Пэдди и Майкла Стюарта.

Затем пришел ответ от Барбера, который также дал положительную оценку деятельности Комитета, «позволяющего обсуждать и решать, каким образом может осуществляться продвижение к более тесному европейскому единству». В качестве представителей от Консервативной партии в Комитет были назначены Реджинальд Модлинг, сэр Алек Дуглас Хоум и Селвин Ллойд. Наконец, пришел положительный ответ от Джереми Горпа, который был готов лично участвовать в работе Комитета. Таким образом, основные политические силы Великобритании проявили готовность содействовать вступлению своей страны в Европейские сообщества.

В апреле 1969 г. после неудачного референдума де Голль заявил, что слагает с себя бремя власти. Став хозяином Елисейского дворца, Жорж Помпиду сразу же оценил выгоду, которую французская экономика могла извлечь из Экономического сообщества. Будучи прагматиком, он, в отличие от генерала де Голля, считал вполне возможным вступление Великобритании в ЕС. Между Францией и ее партнерами установились отношения, основанные на прагматизме. В октябре 1969 г. в ФРГ канцлером был избран Вилли Брандт, открытый сторонник западноевропейской интеграции.[179] Он и Помпиду были людьми разного склада, но оба не придавали этому излишнего значения. Конференция в верхах в Гааге должна была стать для них первым случаем заявить о себе как о политических деятелях европейского масштаба.

Ж. Монне обратился к В. Брандту с письмом по случаю его избрания канцлером, где напоминал: «Совещание в верхах приближается. Оно позволит охватить широким взглядом назревшие европейские проблемы и добиться фундаментальных и практических успехов в объединении народов Европы. Необходимо превратить Общий рынок в экономическое и валютное объединение; переговоры с Англией возможны при одном условии: пусть ваша инициатива изменит их климат, чтобы вместо упорной торговли из-за мелочей речь шла о конструктивных действиях с целью разрешения общих для всех проблем». Монне предложил Брандту создать организацию для валютного регулирования: «Что касается ограниченного слияния национальных суверенитетов, которого требует новая валютная организация, то с каждым днем становится яснее, что оно имеет гораздо более скромное значение, чем непрерывные и не осознанные уступки суверенитета вследствие скатывания наших стран в долларовую зону и постоянного и неконтролируемого финансирования бюджетного дефицита».[180] Этой же проблемой в Европейской комиссии занимался выдающийся экономист Раймон Барр, подготовивший соответствующий доклад.

1-2 декабря 1969 г. на саммите ЕЭС в Гааге главы государств и правительств «шестерки» одобрили идею создания Экономического и валютного союза и европейского Резервного Фонда, расширения Сообщества и укрепления его институтов, а также высказались за более тесное политическое сотрудничество.[181] Таким образом, произошло возрождение духа Европейского сообщества. Государства члены ЕС начали реально координировать свою внешнюю политику в рамках процесса, названного позднее «Европейским политическим сотрудничеством» (ЕПС). Тон на саммите задавал Вилли Брандт, который выдвинул далеко идущие предложения и увлек за собой других. В результате 21-22 апреля 1970 года было принято решение о создании собственных ресурсов Сообщества, образуемых за счет таможенных сборов с импортируемых их третьих стран промышленных товаров, налогов на сельскохозяйственный импорт, а также отчислений в размере 1% собранного налога на добавленную стоимость. Наконец-то у ЕС появились собственные финансовые средства!

Председателем Комиссии Европейских сообществ в 1970-1972 годах был Франко Мария Мальфатти. Журналист по профессии, член Христианско-демократической партии Италии, он в 60-70-е годы прошлого века неоднократно входил в итальянское правительство, занимая посты заместителя министра и министра в самых различных министерствах (к примеру, торговли и промышленности, внешних сношений, по вопросам государственного регулирования, почты и телекоммуникаций, общественного

образования), а также неизменно избирался депутатом итальянского парламента. Практический опыт работы часто возмещал Мальфатти недостаток специального образования. В трудном для европейской экономики 1973 году итальянского журналиста на посту председателя Комиссии сменил французский экономист Франсуа-Ксавье Ортолли. До этого он занимал во Франции посты министров труда, образования, финансов, развития промышленности и науки. Ортолли пробыл на посту председателя до 1977 года, после чего не оставил работу в Комиссии, а был назначен вице-председателем по вопросам экономической и валютной политики (и занимал эту должность вплоть до воцарения в 1985 году Жака Делора).

27 октября 1970 г. министрами иностранных дел «шестерки» был одобрен доклад Комиссии экспертов во главе с бельгийским Этьеном Давиньоном относительно создания системы Европейского политического сотрудничества (ЕПС) с целью координации внешней политики государств-членов Сообщества.[182] В Люксембургской декларации, в частности, говорилось: «Современное развитие Европейских Сообществ настоятельно требует от стран-участниц укрепления их политического сотрудничества; на первом этапе они должны создать практические предпосылки для того, чтобы иметь возможность гармонизировать свои позиции в области международной политики». Целями сотрудничества были объявлены «обеспечение с помощью периодической информации и консультаций лучшего взаимопонимания по важным проблемам международной политики; согласование точек зрения и позиций, а также ... создание наиболее благоприятных условий для совместных действий и укрепление солидарности».[183] Механизм внешнеполитических консультаций (так называемое «Европейское политическое сотрудничество») предусматривал проведение четыре раза в год встреч политических директоров министерств иностранных дел в рамках Политического комитета (отвечающего за подготовку совещаний министров иностранных дел и выполнение принятых решений), а также не менее двух раз в год – консультативных встреч самих министров иностранных дел. В случае возникновения серьезного кризиса или при особой необходимости предполагались внеочередные консультации. Люксембургская декларация создала условия для оживления внешнеполитических консультаций между странами ЕС.

Примерно в это же время другая комиссия экспертов, возглавляемая премьер-министром Люксембурга Пьером Вернером, предоставила план создания Экономического и валютного союза.[184] В начале следующего года данную программу утвердил Совет, который принял решение считать началом первого этапа реализации «Плана Вернера» 1 января 1971 г. Конечной датой этого этапа интеграции был намечен 1980 год. За десять лет участники предполагаемого союза должны были в три этапа решить следующие задачи: ввести полную взаимную обратимость валют; обеспечить свободу передвижения капиталов; объединить все официальные золотовалютные резервы и создать Фонд валютного сотрудничества (который поддерживал бы паритеты валют, следил за равновесием платежных балансов и координировал национальные денежно-кредитные политики); твердо зафиксировать обменные курсы, и, возможно, перейти к единой валюте. Однако план создания ЭВС потерпел в 70-е годы прошлого века полную неудачу, причем главную роль в этом сыграли внешние обстоятельства. Принятое в августе 1971 г. решение Вашингтона приостановить свободную конвертацию доллара в золото привело к расстройству всей международной валютной системы, девальвации не только доллара, но и большинства валют государств, входящих в ЕС.

21 марта 1972 г. в Брюсселе Совет министров ЕС принял резолюцию, предусматривающую введение в действие автономной системы регулирования валютных курсов стран-членов (получившей название «валютной змеи»).[185] 24 апреля 1972 г. по решению Парижского саммита «шестерка» взяла обязательство образовать Валютный союз и ввела в действие «валютную змею». Но этот механизм с самого начала не был совершенен. Уже 19 марта 1973 г. «змея» фактически развалилась. В мае 1973 г. Комитет

борьбы за США, собравшись в Брюсселе, предложил, чтобы Соединенные Штаты и Европейское Сообщество назначили по одному независимому представителю, которые составили бы перечень существующих коммерческих и валютных проблем. Таким образом, руководители государств получили бы объективную картину трудностей, на преодоление которых им следовало направить свои главные усилия. Предложено было также объединить валютные резервы государств ЕС и выйти на мировой финансовый рынок с облигациями займов Сообщества. Следует помнить, что в это время в ЕЭС отсутствовало единое экономическое пространство (не было, в частности, общей экономической политики и свободы передвижения капиталов). О.В. Буторина не без оснований утверждает, что «в 70-е годы страны ЕЭС не имели опыта координации экономической политики, не существовало механизма и институтов, которые вырабатывали бы общую для всех стран валютно-кредитную и экономическую политику». Не было и единого наднационального центра, наделенного правами в области эмиссии денежных знаков, валютного и бюджетного регулирования, налоговой и процентной политики. Действительно, «трудно представить, как мог бы функционировать валютный союз, ориентированный на внешнюю валюту – американский доллар».[186]

В апреле 1973 г. был образован Европейский фонд валютного сотрудничества (ЕФВС), который объединил ресурсы национальных центральных банков, выделяемые для взаимных кредитов. Но тут еще одним ударом по экономике западноевропейских стран стало четырехкратное повышение цен на нефть, произведенное по решению арабских государств-экспортеров в октябре 1973 г. Это повлекло за собой резкий рост цен на промышленную продукцию, нарушение платежных балансов и другие негативные последствия (страны ЕС покрывали более 60% своих энергетических потребностей за счет импорта ближневосточной нефти). «Валютная змея» дала Западной Европе первый опыт валютного сотрудничества в условиях плавающих курсов, однако ее участники слишком часто прибегали к девальвациям и ревальвациям, а некоторым государствам даже приходилось покинуть систему (например, Франции и Италии).

В июне 1970 г. начался третий раунд переговоров о вступлении в ЕС Великобритании, Ирландии, Дании и Норвегии. В Великобритании к власти пришла Консервативная партия. Ее лидер Эдвард Хит использовал весь свой авторитет (и свой политический успех), чтобы сдвинуть с мертвой точки дело вхождения в единую Европу. В мае 1971 г. состоялась его встреча с Ж. Помпиду, установившая взаимопонимание между двумя политиками. После этого участники переговоров перестали нагнетать трудности. В самом начале следующего года Комиссия высказала свое положительное мнение по поводу расширения Сообщества.[187] В результате 22 января 1972 года со всеми государствами-кандидатами были подписаны соответствующие договоры.[188] Но Норвегия так и не вошла в ЕС, так как национальный референдум незначительным большинством в 53% отверг подписанный правительством договор. Остальные же три страны стали членами Сообществ - 1 января 1973 г. «шестерка» превратилась в «девятку». Одновременно вступило в силу соглашение о свободной торговле между Сообществами и некоторыми странами ЕАСТ – Австрией, Португалией, Швейцарией и Швецией. Позже к нему присоединились остальные члены и ассоциированные члены ЕАСТ – Исландия, Норвегия и Финляндия. Однако еще многие в Британии резко критиковали вхождение в Сообщества. После победы лейбористов в феврале 1974 г. к власти вернулся Гарольд Вильсон, который заставил отступить тех, кого в Англии называли «антирыночниками». Референдум 1975 г. стал окончательным признанием существующего положения вещей.

В результате первого расширения 80% промышленного потенциала Западной Европы сосредоточилось в ЕС. Присоединение оставшихся стран-членов ЕАСТ к ЕС в форме «зоны свободной торговли промышленными товарами» подтвердило, что центральным интеграционным ядом западноевропейского региона является именно Сообщество. Территория ЕС увеличилась на 31%, а численность населения – на 32%. Однако ВВП в расчете на одного человека уменьшился на 3%.

В октябре 1972 г. Помпиду пригласил в Париж своих коллег с их многочисленной свитой. Кроме глав государств и правительств «шестерки» впервые на подобной встрече присутствовал Э. Хит, а также премьер-министры Ирландии и Дании в качестве равноправных участников. На саммите был принят календарный план экономических, политических и институциональных мероприятий, который предварялся обращением руководителей девяти стран: «Государства члены Сообщества, являющегося движущей силой построения Европы, утверждают свое намерение до конца нынешнего десятилетия превратить свои отношения в Европейский Союз».[189] Окончательная форма Союза не определялась, но его содержание раскрывалось в пространном коммюнике. Было принято и предложение создать Европейский валютный фонд, названный Фондом регионального развития. Европейское сообщество, несмотря на финансовые и энергетические проблемы, продолжало закреплять свои позиции в мировой политике. Оно выступало как единое целое перед лицом Восточного блока на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Оно ответило единым голосом на запрос президента США Ричарда Никсона в связи с объявлением 1973 года «годом Европы». Однако становилось очевидным, что нарушено соответствие между внешним обликом ЕС, его ролью в международной политике, и его реальной силой.

В конце августа 1973 г. Ж. Моннэ составил проект Временного европейского правительства, где утверждалось: «1. В настоящее время происходят международные перемены, имеющие важнейшее значение для будущего Европы ... Если Европа сама не позаботится о своем единстве, решения, касающиеся ее будущего, будут приниматься другими и за ее пределами. Вот почему президент Французской Республики, канцлер Федеративной Республики Германии, премьер-министр Объединенного Королевства, председатель Совета Итальянской Республики, премьер-министр Бельгии, премьер-министр Дании, премьер-министр Ирландии, президент Люксембурга, председатель Совета Нидерландов, - стран, образующих Европейское Сообщество, решили образовать Временное европейское правительство в составе поименованных выше должностных лиц. 2. ... По мере необходимости и после консультаций с председателями советов министров и с Комиссией европейских сообществ оно дает инструкции министрам, представляющим государства-члены в Совете европейских сообществ. Оно действует, полностью уважая уже подписанные договоры. В течение шести месяцев оно образует организационную комиссию Европейского Союза. Оно дает ей необходимые директивы. Оно принимает проект Европейского Союза, подлежащий последующей ратификации государствами-членами. Институты Союза будут включать в себя европейское правительство и европейскую Ассамблею, избираемую всеобщим голосованием. 3. Временное европейское правительство собирается не реже, чем раз в триместр. Его обсуждения ограничиваются кругом входящих в него лиц и не подлежат разглашению. Временное европейское правительство не располагает собственным административным аппаратом. Оно назначает секретаря, обязанности которого ограничиваются протоколированием принимаемых решений».[190]

Помочь Моннэ в деле лоббирования данного проекта согласились Мишель Жибер, министр иностранных дел Франции; Роберт Армстронг, начальник кабинета Эдварда Хита; Катрин Фокке, министр семьи и здоровья, и Вольф-Дитрих Шиллинг в команде Вилли Брандта. 3 сентября 1973 г. Моннэ отправил личное письмо Брандту: «Я хотел бы приехать повидаться с вами в ближайшее время. Я думаю, что европейские институты много говорят, но мало действуют, и мы рискуем встать на самый легкий путь – ничего не решать. Все будущее наших стран – мы с вами часто об этом говорили – зависит от развития европейской организации. Решения Сообщества, если они вообще принимаются, чаще всего зависят от администрации. Высшая власть стран не включена в поиски общих решений. Такая ситуация меня очень тревожит. Я думаю, что есть способ этому помочь, но мне нужна короткая встреча с вами».[191] Эта встреча была назначена на 19 сентября. Меж тем М. Жюбер вызвался показать проект Помпиду во время предстоящего

официального визита в Китай. Встреча Монне с Хитом 16 сентября состоялась, и в целом идея нашла поддержку премьер-министра Великобритании. Однако ему не понравилось выражение «Временное правительство». Хит предложил название «Верховный Совет» и более интенсивный график консультаций. Монне возразил, что более частые встречи приведут к обсуждению технических вопросов, в то время как данные Собрания предназначаются исключительно для решения политических проблем общего характера. В заключение Хит подтвердил, что Монне может сообщить о его согласии Брандту и Помпиду. 19 сентября в Бонне Монне был принят канцлером ФРГ. Брандт внимательно прочел проект и обещал свою поддержку при условии, что Помпиду возьмет на себя инициативу. Два дня спустя Монне проинформировал об этих беседах Жобера, который уже успел передать текст Помпиду во время их поездки по Тибету. Президенту Французской Республики не очень понравилась организационная комиссия, однако неделю спустя он выступил на пресс-конференции с заявлением: «Не будет настоящего европейского единства до тех пор, пока не будет общей европейской политики. И не думайте, будто Франция настроена против этого, - совсем напротив. И если, например, существует мнение, что для более быстрого развития политического сотрудничества нужно, чтобы самые высокопоставленные руководители, не очень часто, но регулярно, встречались между собой, и только между собой, для обсуждения подобных вопросов, то я высказываюсь за это. Я готов не то чтобы взять на себя инициативу, но переговорить об этом с моими партнерами. Если мы придем к тому, что у нас будет общая европейская политика в отношении других стран, то препятствий к этому не будет».[192]

Вскоре на съезде Консервативной партии в Блекпуле Хит заявил: «Я полагаю, что у некоторых из моих коллег, руководителей правительств, уже возникла потребность в регулярных встречах, без многочисленных делегаций, для того, чтобы вместе направлять европейское Сообщество по намеченному нами пути. Я бы хотел, чтобы главы государств-членов Сообщества встречались, может быть, два раза в год в сопровождении небольшого количества сотрудников и в присутствии председателя европейской Комиссии: это будет что-то вроде саммита по делам, касающимся Комиссии. Я надеюсь, что мои партнеры откликнутся на инициативу такого рода. Целью наших собраний будет определение общих ориентиров европейской политики, поддержка движения к большему единству в области внешней и внутренней политики, в общем, - согласование важнейших вопросов Сообщества с тем, чтобы не возникало ненужных споров, которые, как представляется общественному мнению, нередко затрудняют обсуждения в Брюсселе».[193]

Брандт письменно выразил Помпиду свое согласие. Председатель итальянского правительства Мариано Румор ответил положительно на личное послание Монне. Оставалось убедить правительства Бенилюкса, определить процедуру приглашения и назначить дату. Война на Ближнем Востоке и ожидание визита Р. Никсона в Европу, назначенного на самое начало 1974 г., ускорили события. 31 октября 1973 г. Помпиду произнес на совете министров следующие слова: «Мне кажется необходимым испытать и доказать прочность европейской солидарности, равно как и способность Европы способствовать решению мировых проблем. Французское правительство намерено предложить своим партнерам принять принципиальное решение о регулярных встречах между руководителями государств без сопровождающих делегаций, чтобы сопоставить и согласовать их подходы в рамках политического сотрудничества. Первая из этих встреч должна была бы состояться до конца 1973 года».[194] Эта инициатива была сразу же подтверждена в письмах, направленных в адрес восьми других правительств.

Несколько дней спустя Брандт заявил: «Этот орган, нечто вроде конференции глав государств, регулярно собирающийся для делового, насыщенного и не стесненного никаким «протоколом» обсуждения проблем, встающих перед формирующимся союзом как во внешней, так и во внутренней политике, может стать прочной основой политического единства и важным шагом на пути к его формированию».[195] Согласие

было полным, потому что оно было достигнуто между небольшим количеством лиц, способных принимать решения. Сам Моннэ не без оснований полагал, что метод, который оправдал себя при создании Верховного Совета, будет также способствовать дальнейшему успеху его работы.

15 ноября Моннэ встретился с премьер-министром Нидерландов ден Уйлом, который признал, что авторитет глав государств и правительств лишь усилится в результате такого порядка принятия решений, который предполагает всю полноту ответственности с их стороны. Попытки сопротивления предпринимали лишь некоторые министры иностранных дел, не привыкшие к тому, что руководители правительств берут на себя инициативу во внешней политике. Моннэ убедил также Франсуа-Ксавье Ортоли, бывшего председателем Комиссии Общего рынка 1973-1976 годах, в том, что институты Сообщества только выиграют от создания центра решений на самом высоком уровне, действующего при полном соблюдении существующих договоров. Сами Сообщества будут представлены во всех дискуссиях, имеющих отношение к их компетенции. Кроме того, глава Комиссии получит большую свободу, чтобы выступать со смелыми инициативами, которые не будут душиться в зародыше (как это часто происходило, когда дело зависело от технических министров девяти стран).

Таким образом, в конце 1973 г. уже были подготовлены конкретные решения, выражающие единую позицию «девятки» по вопросам региональной и энергетической политики. Вилли Брандт выступил 13 декабря с программным заявлением по поводу предполагаемого политического сотрудничества,[196] а датское правительство пригласило своих коллег собраться в Копенгагене. Но застигнутые врасплох объявлением эмбарго со стороны нефтедобывающих стран, руководители государств и правительств потеряли контроль над подготовкой своей встречи и допустили ее превращение в классическую международную конференцию с большим количеством экспертов. Кроме того, в руководстве государствами ЕС в первой половине 1974 г. произошли существенные изменения: 5 марта Г. Вильсон сменил Э. Хита в Великобритании, а 14 мая Хельмут Шмидт пришел на смену В. Брандту в ФРГ. В промежутке между этими событиями умер Ж. Помпиду. 19 мая президентом Франции был избран Жискара д'Эстен. Таким образом, оказалось, что у трех крупнейших европейских стран появились новые руководители.

Моннэ вынужден был начинать практически сначала. 28 марта он был принят Вильсоном на Даунинг-стрит. Но из-за сложной ситуации в Лейбористской партии, грозящей расколом, новый премьер-министр не только не мог допустить себе какой-либо европейской инициативы, но вынужден был требовать некоторых уступок со стороны Общего рынка. Только осенью 1974 г. ситуация изменилась. 19 сентября Жискара д'Эстен на встрече с Моннэ согласился с представленным проектом, заявив: «Я отношусь положительно к регулярным совещаниям руководителей государств и правительств, - это будет настоящий Европейский Совет. Я также думаю, что следует назначить срок, до истечения которого должны состояться европейские всеобщие выборы. А потом надо будет отказаться от принципа единогласия и принимать решения квалифицированным большинством».[197] 16 октября в Бонне Х. Шмидт обещал Моннэ поддержать французское предложение и даже выступить с совместной франко-германской инициативой. Шмидта беспокоила позиция Великобритании, и он отправился в Лондон, где сумел убедить Вильсона сделать решительный выбор в пользу единой Европы. Моннэ же тем временем склонил на свою сторону бельгийского премьер-министра Лео Тиндеманса, будущего автора знаменитого доклада.

9-10 декабря 1974 г. состоялась встреча «девятки» на высшем уровне в Париже, где было принято решение избирать Европейский парламент всеобщим и прямым голосованием.[198] 10 декабря, открывая собрание «девятки», Жискара д'Эстен заявил: «Саммит умер, да здравствует Европейский Совет!». Таким образом, поскольку проводимые от случая к случаю встречи в верхах действительно более не устраивали

лидеров стран-членов ЕС, решено было заменить их регулярно созываемым органом. Моннэ написал по этому поводу членам Комитета борьбы за СШЕ: «Главы правительств показали свою способность договариваться. Они решили регулярно собираться вместе не менее трех раз в год. Занимаясь делами Сообщества, они будут соблюдать существующие договоры ... они объявили, что в работе Совета они перестанут руководствоваться правилом единогласного принятия решений по всем вопросам, и что с 1978 года европейская Ассамблея будет избираться всеобщим голосованием ... Наконец, господину Тиндемансу поручено подготовить доклад о Европейском Союзе к концу 1975 года».[199]

В феврале 1975 г. Комитет борьбы за СШЕ прекратил свою работу, так как с созданием Европейского Совета Моннэ полагал его миссию исчерпанной. Встречи высших руководителей, происходившие до того время от времени, стали регулярными, формально организованными мероприятиями. Моннэ, рассматривавший данный процесс как рождение «европейской власти», сложил с себя полномочия 9 мая на торжественной церемонии в Салоне часов на Кэ д'Орсэ в присутствии некоторых глав государств и правительств «девятки». Эстафету принял Л. Тиндеманс, который по поручению Европейского Совета провел целую серию консультаций в политических, социально-экономических и научных кругах стран ЕС в поиске консенсуса о будущем Европейском Союзе. На основе докладов высших органов ЕС он должен был подготовить общий доклад, где определялись бы параметры предполагаемого союза и практические задачи, связанные с его созданием.

26 июня 1975 г. по данному вопросу высказалась Комиссия ЕС, которая выдвинула обширную программу институциональных изменений, нацеленных на создание особой государственной структуры федеративного типа. При этом утверждалось, что «Европейский Союз, как и существующие Сообщества, не должен породить централизованное сверхгосударство». Независимому правительству, назначаемому непосредственно Европарламентом, следовало предоставить широкие полномочия во внешнеполитической и военной сферах. Однако в представленном КЕС докладе подчеркивалось, что «на Союз будет возложена ответственность только за те проблемы, которые государства-члены более не в состоянии разрешать достаточно эффективно». Таким образом, компетенция Союза ограничивалась только теми областями, которые будут ему переданы в соответствии с Конституционным актом, а «вне этих областей неизбежно останутся сферы, в которых государства-члены будут поддерживать различные типы отношений друг с другом, но которые, по крайней мере, на некоторое время, а возможно и навсегда останутся за пределами компетенции Союза».[200]

Доклад Тиндеманса, представленный 29 декабря 1975 г. и опубликованный в январе 1976 г. под названием «О Европейском Союзе», был гораздо более осторожным. Он имел своей целью, прежде всего, усиление экономической интеграции с помощью Экономического и валютного союза, вписываясь в логику плана Вернера. В качестве отправной точки был избран Римский договор, куда были внесены новые положения, касающиеся внешней политики и безопасности. В основе лежало предложение создать центр единого решения, где европейские институты должны были обсуждать все проблемы, находящиеся в компетенции Союза. В области внешних сношений следовало разработать новую общую политику и применять процедуры Сообщества за пределами его соглашений. Проведение общей политики предполагалось, прежде всего, в следующих областях: новый мировой экономический порядок; отношения между ЕС и США; безопасность; кризисы, возникающие в непосредственной географической близости к Европе. В других областях можно было временно ограничиться существовавшей системой политического сотрудничества.

В целях скорейшего создания экономического и валютного союза рекомендовались следующие меры: проведение дифференцированной интеграции с введением многоступенчатой системы прав и обязанностей стран-членов при сохранении институциональных рамок ЕЭС для того, чтобы исключить возможность неравномерного

экономического развития отдельных стран; обязательное и согласованное осуществление мероприятий в области экономической и валютной политики; создание валютного объединения ряда стран ЕЭС. Особое внимание было уделено вопросам проведения совместной политики в области промышленного производства, аграрного, энергетического, социального и регионального секторов, а также в научных исследованиях.

Для повышения эффективности институционального аппарата докладчик рекомендовал чаще использовать метод делегирования. Проведение общей политики и руководство ею должны были способствовать более широкому применению ст. 155 соглашения, предусматривавшей возможность предоставления дополнительных полномочий Комиссии. Еще раз подтверждалась необходимость использования мажоритарного голосования внутри Совета, которое должно было найти широкое применение во всех сферах Сообщества. Европейский парламент следовало избирать прямым голосованием и придать ему право законодательной инициативы. Совещание министров иностранных дел, согласно проекту, облакалось дополнительными полномочиями в области координации политики. Также были предусмотрены специальные совещания, призванные формировать «совместную политику в области обороны».[201]

Тиндеманс руководствовался принципом институционального равновесия между институтами, защищающими национальные интересы (такими, как Европейский Совет и Совет министров), и институтами, защищающими интересы интеграционного объединения в целом (Комиссия, Европейский парламент, Суд). К примеру, выборы председателя КЕС должны были осуществляться Европейским Советом. Таким образом, институциональная структура Сообщества в целом сохранялась. Речь шла лишь об объединении деятельности уже существовавших органов внешнеполитической координации с деятельностью других органов ЕС.

Резкие возражения в руководящих кругах Сообщества вызвала предложенная Тиндемансом «двухскоростная» интеграционная модель, предполагавшая различные темпы развития интеграционных процессов «сильных» государств, таких как ФРГ и страны Бенилюкса, и «слабых», таких как Италия и Великобритания. Франция в данной схеме занимала промежуточное место. Относительно целей, обязанностей, полномочий, структуры и перспектив развития Союза (а также по вопросу отношения к НАТО) между самими странами ЕС имелись существенные разногласия. Франция, Великобритания и Дания соглашались лишь на создание нежесткого объединения, в котором право принятия политических решений в значительной степени сохранялось бы за отдельными странами. Большинство стран Сообщества выступало за тесную взаимосвязь структуры и деятельности политического союза с США в рамках системы атлантических отношений. Но Франция ориентировалась на создание политического союза, обладающего широкой автономией.

В феврале 1976 года в Брюсселе был созван «Европейский конгресс», в котором приняло участие более 900 человек, в том числе премьер-министры Бельгии и Люксембурга, министры иностранных дел этих стран и Ирландии, руководящие деятели КЕС и других органов ЕЭС, лидеры политических партий и профсоюзов, представители парламентских, научных и деловых кругов «Общего рынка». В связи с тем, что Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы, бывший главной неправительственной организацией стратегов интеграции, прекратил свою деятельность, инициативу проведения данного форума взяло на себя Европейское движение. На Конгрессе состоялось первое публичное обсуждение «Доклада Тиндеманса». После длительных дискуссий «Европейский конгресс» поддержал основные идеи данного плана и призвал население западноевропейских стран приложить усилия для их реализации.[202]

Во время встречи ЕС на высшем уровне в Люксембурге 1-2 апреля 1976 года из-за явных разногласий между участниками Сообщества не было принято никаких конкретных

решений. Главным объектом критики стали предложения Тиндеманса об усилении элементов наднациональности в деятельности институтов ЕС. Нидерланды, Дания, Ирландия, Великобритания и Франция, кроме того, высказались против общей политики в области обороны. Одновременно Европейский совет отдал Ж. Моннэ особую дань признательности, присвоив ему звание почетного гражданина Европы. Однако официальное обсуждение «Доклада» состоялось лишь на сессии Европейского совета в ноябре 1976 года в Гааге. Положения, затрагивавшие суверенитет стран-участниц, поддержки не получили. Однако отмечалось, что сотрудничество в области внешней политики должно быть направлено на разработку совместной внешнеполитической стратегии Сообщества. Было также решено делать ежегодные доклады «о состоянии продвижения по пути к Европейскому союзу». Речь шла о том, чтобы «построить Европейский Союз путем усиления практической солидарности ... государств-членов и их народов как во внутренней, так и во внешней политике» и «постепенно обеспечить Европейский союз средствами и институтами, необходимыми для его деятельности».[203]

28 февраля 1975 г. ЕС и 46 стран Африки, Карибского моря и Тихоокеанского региона (АКТ) подписали в г. Ломе (Того), Конвенцию, открывавшую им свободный доступ на рынок Сообщества и гарантировавшую стабильный доход от экспорта 36 видов продукции. Первая Ломейская конвенция заменила собой Яундские конвенции 1963 и 1969 годов.[204] Документ представлял собой целую систему соглашений между развитыми индустриальными государствами Севера и странами Юга, испытывающими значительные экономические трудности. Основными инструментами сотрудничества были избраны соглашения о таможенных тарифах, система стабилизации экспортных доходов и механизмы консультаций по вопросам внешнего долга, прав человека и защиты окружающей среды. Товары, произведенные в странах АКТ, поступали на рынки ЕС по ценам, установленным для европейских производителей, без соблюдения принципа взаимности. Это означало, что государства АКТ имели право облагать налогами импорт ЕС, причем эти меры не рассматривались как дискриминационные. В случае падения цен на сельскохозяйственную продукцию, экспортируемую в ЕС, странам АКТ гарантировалась компенсация из специального стабилизационного фонда.

В 1975 г. Западная Европа испытала первый за послевоенные годы экономический кризис. В этих условиях Сообществу пришлось решать в первую очередь задачи «выживания», то есть сохранения достигнутого уровня интеграции, преодоления усилившихся протекционистских тенденций и сепаратных действий государств-членов. Тем не менее, генерал У. де Мезьер, бывший генеральный инспектор Бундесвера, писал в 1975 г.: «Европа должна ... играть более активную роль, чем до сих пор, в политическом и военном отношении ... И чем сильнее такая Европа говорит одним голосом, тем действеннее она может представлять свои интересы и тем охотнее США будут стремиться сохранять свои связи».[205] Кризис показал, что ЕС обладает большим запасом прочности и политической воли. В 1975 г. был создан Европейский фонд регионального развития (ЕФРР),[206] а в 1976 г. начал деятельность Европейский Совет.[207] Таким образом, Сообщества приступили к проведению собственной региональной политики и выработке общей внешней политики. Разного рода кризисы не имели для Европейских сообществ фатальных последствий. Но они серьезно тормозили ход европейской интеграции.

3.Формирование Европейской социальной модели

Вторая мировая война заставила во многом пересмотреть подходы к объединению Европы. В результате войны и изменения в расстановке сил на мировой арене Европа в целом утратила былое политическое влияние и экономические позиции, оказалась позади США. Ситуация на континенте была нестабильной. Налицо были симптомы надвигавшегося кризиса 1946—1947 гг. Экономические проблемы порождали социальную напряженность. Ситуацию усугубляли узаконенный Ялтинской конференцией раскол континента на два лагеря и все более явственно

проявлявшиеся симптомы холодной войны. Можно утверждать, что опыт Второй мировой войны привел к активизации в разных формах существовавшего и ранее движения за объединение европейских стран.

По инициативе ведущих государственных деятелей Западной Европы в 1948 г. в Гааге собрался Европейский конгресс, который продемонстрировал популярность идеи европейского объединения и выработал практические рекомендации по реализации этой цели. Конгресс принял "Послание к европейцам" с призывом к созданию объединенной Европы со свободным движением людей, идей и ценностей; к принятию Декларации прав человека, гарантирующей свободу мысли, собраний, мнений, а также свободу выражения оппозиционных идей; созданию Суда, обеспечивающего соблюдение положений Декларации прав человека; созыву Европейской ассамблеи, в которой были бы представлены "живые силы" всех европейских наций; к активной работе по продвижению идей строительства объединенной Европы как единственного залога мира и большого будущего для нынешних и грядущих поколений.[208] Из недр Гаагского конгресса вышел и Совет Европы, выполняющий важную роль в обеспечении социальной защиты граждан, их основных демократических прав и свобод. Принципы защиты социальных прав и основных свобод человека нашли отражение в Европейской конвенции в защиту прав человека и основных свобод, принятой уже в 1950 г. (вступила в силу в 1953 г.) государствами, входящими в Совет Европы. Несмотря на некоторую ограниченность и оговорки, Конвенция 1950 г. оказала серьезное влияние на разработку более поздних документов в области прав человека. Именно на ее основе в 1961 г. была принята Европейская социальная хартия Совета Европы, где гарантировались права на труд, его справедливую оплату, социальное страхование, медицинскую помощь, профессиональную подготовку, на заключение коллективных договоров, право на забастовку и подчеркивалось, что "осуществление социальных прав должно обеспечиваться без дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения".[209]

Таким образом, к середине XX столетия Европа подошла к историческому этапу своего развития, когда объединительные идеи перестали носить умозрительный характер и начали воплощаться в жизнь. Важный шаг к практическому осуществлению идеи европейского единства был сделан 9 мая 1950 г. министром иностранных дел Франции Робером Шуманом, который предложил "немедленно предпринять ограниченную, но решающую акцию" — учредить франко-германское объединение угля и стали, открытое для присоединения других европейских стран. Это объединение рассматривалось им как шаг к созданию "экономического сообщества", "первый этап европейской федерации". В области экономики и институционального устройства с самого начала работа шла по четким конкретным схемам, хотя, конечно, вносились дополнения и модификации в зависимости от экономической и политической конъюнктуры. Что же касается области социальной, то здесь с самого начала возникли трудности, связанные с разнообразием и самобытностью стран, входящих в состав Сообщества, их национальными особенностями, разными уровнями их систем социальной защиты населения. Социальная политика в этот период рассматривалась национальными государствами как сугубо внутреннее дело, и любые попытки регулирования ее на наднациональном уровне наталкивались на противодействие как государственных властей, так и организаций трудящихся — профсоюзов. Подобной же точки зрения придерживались предприниматели, предпочитавшие самостоятельно улаживать трудовые конфликты и вообще трудовые отношения. В тех же странах, где успешно функционировали системы социальной защиты, организации трудящихся опасались, что потеря суверенитета в этой области приведет к снижению их эффективности и утрате социальных завоеваний, и им придется поступиться своими правами. В наиболее развитых государствах — членах ЕС

выражались опасения по поводу того, что попытки перейти к общей социальной политике приведут к социальному демпингу и что в ходе формирования единого рынка будет иметь место процесс уравнивания с государствами, имеющими низкие показатели.

Рассматривая вопрос об обеспечении прав трудящихся в Западной Европе, следует учитывать, что системы социальной защиты универсального характера, основанные на понятии гражданства, возникли там после Второй мировой войны и были приспособлены к условиям того времени. Однако они обеспечивали лишь минимальную социальную помощь и нуждались в корректировке в соответствии с меняющимися обстановкой и общественными потребностями. Дополнения в эту систему с разной степенью эффективности пытались вносить отдельные государства. Впрочем, с самого начала каждая страна строила системы социальной защиты, исходя из своих конкретных условий, соотносившись с требованиями времени и расстановкой политических сил.

Во второй половине XX в. практически во всех западноевропейских странах уже осуществлялось регулирование социальной политики на национальном уровне, сложились свои системы социальной защиты, а отношения между государством, предпринимателями и наемными работниками были закреплены соответствующим законодательством. Качество систем социального обеспечения было обусловлено уровнем экономического развития страны и влиятельностью массовых организаций и политических партий.

Хотя в 50—60-е годы речь еще не шла о выработке социальной политики как самостоятельного направления на уровне Сообщества, цель создания Европы, обеспечивающей благосостояние и социальные гарантии всем гражданам, становилась все более актуальной.

Однако до сих пор так и не удалось создать универсальный механизм социальной защиты — из-за сложившихся корпоративных и социально-профессиональных интересов, блокировавших появление новых форм взаимопомощи. Трудности в этой области были связаны, в частности, с соотношением сумм пособий и взносами лиц, включенных в систему социального обеспечения.

Усилия стран, направленные на обеспечение себя национальными системами социальной защиты, универсальными по своей сути, распространяющими свое действие на большую часть общества, сочетались со стимулированием создания структур селективной социальной помощи. Последние позволили бы оказывать более целенаправленную и эффективную помощь, хотя их противники подчеркивали, что социальные пособия, выплачиваемые возможно более широким слоям, помогают развитию национальной идеи, дают людям ощущение равенства перед государством, укрепляют социальные взаимосвязи. Множество моментов осложняли ситуацию в социальной сфере. Они были связаны с долей участия граждан в формировании социальных фондов, степенью их нуждаемости в пособиях, уровнем доходов, налогообложения и пр. В результате даже страны с эффективно работающей системой социальной защиты не могли найти необходимый баланс в области социальной политики.

В итоге, например, во Франции число людей, живущих непосредственно за счет системы минимально гарантированного дохода, составляло от 7 до 8 млн. человек. Такое явление стали называть "саморазрушением солидарности"ⁱ. По данным Счетной комиссии социального обеспечения, основная часть доходов почти 45% взрослого населения Франции зависит от системы социального обеспечения.[210]

Рост безработицы привел к тому, что на государства легла дополнительная нагрузка по социальным выплатам лицам, потерявшим работу. Причем, если в 60—70-е годы предприятия брали на себя часть социальных расходов, то господствующей тенденцией позже стала передача их на уровень государства. Это явилось одним из следствий общей экономической политики, направленной на развитие мелких и средних предприятий, поддержание конкурентоспособности. Таким образом,

предприятия, озабоченные повышением рентабельности и эффективности производства, как бы делегировали ответственность за проведение социальной политики на государственный, а затем и на общеевропейский уровень. Социальные связи, существовавшие, например, в 60-е годы и сглаживавшие социальные конфликты, оказались нарушенными ускоренной модернизацией 80—90-х годов. Постепенно назревала необходимость изменений в социальной политике в соответствии с требованиями интеграционного процесса.

В 60—70-е годы государство брало на себя ответственность за людей, которые не имели доступа на рынок труда. Однако система, созданная в отдельных странах для защиты людей от колебаний конъюнктурного характера, оказалась неподготовленной для того, чтобы брать на себя долгосрочные обязательства.

Государство всеобщего благосостояния деформировалось, демонстрируя признаки отчуждения экономики от социальной сферы, а система социальной компенсации вела иногда к исключению из общества. Это наглядно проявилось в Нидерландах, где при благоприятной экономической конъюнктуре еще в 1967 г. правительство создало щедрую систему социального обеспечения инвалидов, когда они получали до 80% от величины их последнего заработка. В 1976 г. был принят закон о пенсиях инвалидам, не работавшим до получения инвалидности (от 70% минимальной зарплаты). Первоначально данная категория пенсий была задумана как компенсация лицам, пострадавшим на производстве, но в 80-е годы она стала использоваться для помощи тем, кто вообще не мог найти работу. Пособие по инвалидности предоставлялось на неограниченное время, и когда заканчивалось время выплаты пособий по безработице, всех, кто за это время не нашел работу, переводили на такое пособие. В итоге в 1994 г. пособие по инвалидности получали более 1,2 млн. человек (тогда как пособие по безработице — 600 тыс.), что составляло 17% экономически активного населения страны. Начиная с 1986 г. число лиц в возрасте от 55 до 64 лет, получающих пособие по инвалидности, превосходит число работающих. Складывалась абсурдная ситуация: одна из самых здоровых наций мира имеет рекордно высокий уровень инвалидности, если судить по количеству соответствующих пособий. Нельзя не согласиться здесь с французским ученым П. Розанваллоном, который оценивает это явление как использование государства в качестве финансовой машины, предоставляющей средства при условии недопущения человека на рынок труда, и вполне справедливо считает, что в данном случае "в моральном отношении гражданин теряет столько же, сколько в финансовом отношении выигрывает получатель пособия".[211]

Существенные национальные различия характерны для сферы трудовых отношений. Разные страны ЕС поставлены далеко не в равные условия с точки зрения узаконенной продолжительности рабочей недели, возможностей использования разных форм найма (гибкого рабочего времени, временной занятости, работы по контрактам). Так, продолжительность рабочей недели в ЕС даже в настоящее время колеблется от 39 часов (Франция) до 48 часов (ФРГ). При этом если в ФРГ временная занятость разрешена, то в Италии, наоборот, на нее наложен запрет. Большие различия между странами наблюдаются и в оплате труда: разница с низкими и высокими издержками на рабочую силу в ЕС соотносится как 1 (Португалия) к 5 (ФРГ), а индексация заработной платы существует только в семи странах (Бельгии, Дании, Франции, Греции, Италии, Люксембурге, Нидерландах).[212]

Формирование социального пространства, где обеспечиваются равные возможности для всех проживающих в его пределах, позволило бы избежать многих опасностей, связанных с неравномерностью экономического и правового развития стран, появлением Европы "разных скоростей", что вело к воспроизводству на коммунитарном уровне различий, существовавших в социальной области.

Именно 70-е годы с их следующими друг за другом экономическим, энергетическим, валютным кризисами наглядно показали, что даже успехи в

экономическом развитии не ведут автоматически к социальному прогрессу. Напротив, такие явления, как модернизация и структурная перестройка промышленности, с остротой ставят проблемы занятости, профессиональной подготовки и др. В 70-е годы началось движение к экономической демократии на всех уровнях, разрабатываются концепции социальной гармонизации интересов труда и капитала, предпринимаются попытки организации социального диалога. В создании новых форм представительства работников наемного труда и участия трудящихся в управлении производством значительная роль принадлежала профсоюзному движению. Однако эффективность его воздействия на государственные органы и предпринимателей значительно снижалась из-за раздробленности профсоюзов, излишней идеологизации некоторых из них и, вследствие этого, отказа от совместных действий для решения общих социальных проблем. Тем не менее почти во всех странах экономическая демократия прорастала через такие структуры, как комитеты предприятий и комитеты от персонала во Франции, наблюдательные производственные комитеты в ФРГ и т. д.

Благодаря этой форме социального сотрудничества на национальном уровне удавалось достичь регулирования социальной политики, хотя из-за снижения активности профсоюзного движения в 80-е годы и ослабления его влияния на экономическую и общественную жизнь этот процесс проходил медленно, неравномерно, и в большинстве случаев инициативу социального партнерства брали на себя объединения предпринимателей и государство.

Строительство единого внутреннего рынка ЕС вынесло на наднациональный уровень многие социальные проблемы и настоятельно потребовало гармонизации социальной политики.

Росло понимание все возрастающей значимости коммунитарного социального измерения. Общественное мнение Западной Европы постепенно приходило к осознанию того, что в новых условиях ни одна страна изолированно не может успешно решать как экономические, так и социальные задачи, неизбежно возникающие по мере развития интеграционного процесса.

Еще накануне создания первых Европейских сообществ — Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евратома (Европейского сообщества по атомной энергии) — разгорелась лютая дискуссия о роли тех или иных стран в процессе интеграции, о влиянии социальных и экономических различий на этот процесс и о воздействии интеграционного процесса на развитие отдельных стран и регионов. Не мог остаться без внимания и вопрос о социальной защите граждан стран, находившихся на разных уровнях экономического развития. В дискуссиях 50-х годов проявились все колебания и различия в подходах к идеям европейской интеграции и предстоящей социальной гармонизации как ее результату. Однако необходимость объединенных усилий становилась очевидной для всех.

Укрепление чувства европейской солидарности, организационное оформление интеграционного процесса, попытки через единый механизм найти решение самых разноплановых проблем, в том числе относящихся к социальному измерению, получили отражение в первых официальных документах, договорах, оформивших учреждение первых Европейских сообществ. Особую актуальность для рассмотрения в данной работе представляет договор об учреждении ЕЭС (подписан 25 марта 1957 г. в Риме ФРГ, Францией, Бельгией, Италией, Люксембургом, Нидерландами) вопросы социальной политики также занимали незначительное место.[213] Можно сказать, что в нем были очерчены лишь ее общие контуры. Любые же практические меры планировались постольку, поскольку это предполагал развивающийся интеграционный экономический процесс.

"Сообщество поставило своей задачей содействовать путем создания общего рынка и прогрессирующего сближения экономической политики государств-членов... ускоренному повышению уровня жизни и более тесным связям между государствами,

которые оно объединяет", — говорилось в статье 2 части первой ("Принципы") Договора, учреждающего Европейское экономическое сообщество.

В тексте Договора о ЕЭС основные социальные цели соответствовали общему для того времени стремлению избежать отрицательных последствий экономической интеграции для различных социальных групп, обеспечивая тем самым политическую и социальную стабильность в обществе. Так, статья 117 гласила, что государства-члены согласны с необходимостью улучшать условия труда и жизни трудящихся и создать возможность их гармонизации в ходе таких улучшений. При этом они полагали, что эволюция в этом направлении явится результатом не только создания общего рынка, который будет благоприятствовать гармонизации социальных систем, но и предусмотренных Договором процедур, а также сближения законодательных положений, предписаний и административных действий (Раздел III — "Социальная политика", глава 1 — "Социальные положения"). Согласно статье 118а Договора государства-члены обязывались уделять особое внимание улучшению охраны труда и здоровья трудящихся прежде всего там, где непосредственно осуществляется трудовая деятельность, и ставили своей целью сближение условий труда на основе достигнутого прогресса.

Договор гарантировал трудящимся возможность свободного движения внутри Сообщества, причем "такая свобода движения будет включать отмену любой дискриминации по национальному признаку в отношении трудящихся государств-членов в том, что касается найма, вознаграждения и других условий труда и занятости" (статья 48 глава 1 раздела III).

Отмечалось, что Высший руководящий орган Сообщества Совет, принимая решения по предложению Европейской комиссии, "будет принимать такие меры в области социального обеспечения, которые необходимы для осуществления свободного движения трудящихся; в этих целях он организует дело таким образом, чтобы обеспечить трудящимся-мигрантам и лицам, находящимся на их иждивении:

а) суммирование всех периодов работы, учитываемых законодательствами различных стран, для получения и сохранения права на пособие, а также для исчисления размера пособия;

б) выплату пособий лицам-резидентам на территории государств-членов" (статья 51).

По условиям Договора о ЕЭС, государства-члены обязывались не вводить новых ограничений на право жительства и экономической деятельности на их территории для граждан других государств-членов, за исключением случаев, в отношении которых Договор предусматривает иное (раздел III, глава 2 — "Право на жительство и экономическую деятельность").

В специальном отделе 3 главы 1 части III раздела, статьях 92, 93, 94 оговаривались возможности и случаи оказания государственной помощи разного вида для решения экономических, социальных или чрезвычайных вопросов.

Важным моментом явилось включение в Договор статей о сближении и выравнивании национальных законодательств, в том числе и в социальной сфере (статьи 100—102).

Договор о ЕЭС впервые выделяет специальный раздел "Социальная политика", само название которого говорит о попытке определить программу социальных действий на уровне Сообщества и сформировать механизм, с помощью которого эта программа будет выполняться. В рамках общего тезиса, содержащегося в статье 117 глава 1 ("Социальные положения") раздела III, формулировались основные задачи, стоявшие перед новыми сообществами в социальной области: "Государства-члены согласны в том, что необходимо улучшать условия труда и жизни трудящихся, с тем чтобы создать возможность их гармонизации в ходе таких улучшений".

Договор о ЕЭС в статье 118 ставил перед Комиссией задачу содействовать тесному

сотрудничеству между государствами-членами в социальной области, особенно в вопросах, относящихся к занятости, трудовому законодательству и условиям труда, профессиональному обучению и повышению квалификации, социальному обеспечению, предотвращению несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, гигиене труда, праву на создание профессиональных объединений и коллективные договоры между предпринимателями и трудящимися.

Отмечалось, что после предварительных консультаций с Экономическим и социальным комитетом, в тесном контакте с соответствующими структурами государств-членов Комиссия готовит аналитические доклады, заключения и предлагает меры, необходимые для решения вышеперечисленных проблем.

Статья 118а предусматривала процедуры принятия решений по социальным вопросам. "Совет по предложению Комиссии, в сотрудничестве с Европейским парламентом и после консультаций с Экономическим и социальным комитетом, принимая решения квалифицированным большинством, устанавливает посредством директив минимальные требования, постепенное выполнение которых, с учетом условий и технических правил, существующих в каждом государстве-члене, необходимо для достижения цели, предусмотренной параграфом I". В этом параграфе упоминалось, что государства-члены будут уделять особое внимание улучшению охраны труда и здоровья трудящихся.

Договор оставлял за государствами-членами право на свободу действий и принятие более строгих, чем это предусмотрено текстом Договора, мер в области охраны условий труда и помощи мелким и средним предприятиям (статья 118), отмечал ответственность государств за решение таких социальных проблем, как дискриминация на рабочем месте по признаку пола (статья 119), социальное обеспечение трудящихся-мигрантов (статья 121) и другие.

Следует особо подчеркнуть, что впервые положение о стремлении развивать на европейском уровне диалог между социальными партнерами и эффективно использовать этот инструмент социального развития было включено в официальный документ Сообщества (статья 118в глава 1 раздела III). Было зафиксировано также обязательство Комиссии включать в свой ежегодный доклад Европейскому парламенту специальную главу о социальном развитии Сообщества (статья 122).

Договор о ЕЭС учредил Европейский социальный фонд "с целью улучшения возможностей занятости трудящихся в Общем рынке и содействия тем самым повышению уровня жизни"(статья 123, глава 2 — "Европейский социальный фонд", раздел III). Отныне Сообщество получило в свое распоряжение сильный финансовый инструмент для осуществления коммунитарной политики.

Кроме Европейского социального фонда Договором о ЕЭС учреждался Экономический и социальный комитет, наделяемый статусом консультативного органа (статья 193—198 глава 3 — "Экономический и социальный комитет", раздел III). При формировании Комитета, указывалось в Договоре, должна быть принята во внимание необходимость адекватного представительства различных групп, занимающихся экономической и социальной деятельностью".

Таким образом, из анализа текста Договора о ЕЭС и других основополагающих договоров Европейских сообществ становится очевидным, что идея о необходимости расширять деятельность, направленную на укрепление социально-экономического единства, для того чтобы обеспечить гармоничное интеграционное развитие, выкристаллизовалась достаточно четко. В них были сформулированы основные социальные цели, в том числе "обеспечение социального прогресса", "рост уровня жизни", "улучшение условий труда", "борьба с безработицей", "социальная гармонизация", "сбалансирование национальных социальных систем". Однако провозглашенные цели, как правило, формулировались несколько расплывчато, не были подкреплены программами конкретных действий. Выполнение поставленных задач на

коммунитарном уровне наталкивалось на пассивность или противодействие государств-членов. Объединявшаяся Европа была еще не готова делегировать значительную часть национальных полномочий на коммунитарный уровень. И если руководители Сообщества, подчеркивая связь между процессом экономической интеграции и социальным прогрессом, предпринимали попытки с помощью наднационального регулирования смягчить негативные последствия интеграции для отдельных социальных категорий и обеспечить поддержку населения, то их оппоненты (а их было немало) расценивали такие действия как прямое вмешательство коммунитарных институтов в национальную политику. Кроме того, господствовавшая в конце 50-х и в 60-х годах ориентация на приоритетное развитие экономического направления интеграции (в первую очередь создание общего рынка) и упрощенный взгляд на социальное развитие — лишь через призму экономических показателей — также препятствовали осуществлению хотя бы начальных мер по наднациональному регулированию в социальной сфере. Именно эти моменты определили место, отведенное социальной политике в деятельности Сообщества и на долгое время ограничили практически все усилия по выработке общей социальной платформы коммунитарных институтов принятием деклараций и включением общих положений в документы ЕС. Участие же институтов Сообщества в решении конкретных социальных проблем также было незначительным.

Однако следует признать, что на отраслевом уровне — это, кстати, проистекало из содержания договоров о ЕОУС и Евратоме — были предприняты попытки осуществить программы, направленные на решение социальных проблем. ЕОУС в соответствии со своим статусом пыталось регулировать структурную перестройку угольной и сталелитейной промышленности, одновременно принимая меры, призванные свести до минимума отрицательные социальные последствия этого процесса. Имело значение и то, что ЕОУС было создано в 1951 г., и его создатели еще помнили о сложном периоде 30—40-х годов. Поэтому в активе ЕОУС был целый ряд конкретных мероприятий по экономической реконверсии регионов и реадaptации на рынке труда значительных групп наемных работников.

Осуществленные в рамках ЕОУС программы были весьма масштабными и послужили примером непосредственного участия одного из Европейских сообществ в решении важнейшей социальной проблемы — занятости. Через Европейский социальный фонд (ЕСФ) была оплачена половина расходов на переподготовку 599 тысяч и переселение 702 тысяч трудящихся, пострадавших от структурной перестройки экономики в период 1960—1972 гг. Однако получившие помощь через ЕСФ составили за этот период лишь 6,8% от количества безработных, в том числе получившие помощь в профессиональной переподготовке — 3,1%. [214] Таким образом, эти программы не смогли в сколько-нибудь значительной степени нейтрализовать негативные последствия процессов, происходивших в западноевропейской экономике. А это, в свою очередь, вело к социальной напряженности и конфликтам в ряде регионов, наиболее затронутых структурной перестройкой.

В силу ограниченной компетенции руководящие органы Сообщества не могли оказывать серьезное влияние на ситуацию. Как следствие, во многих странах проявлялось скептическое или негативное отношение к европейскому строительству. Этому во многом способствовала позиция профсоюзов и левых партий, во главе с коммунистическими, которые ставили под сомнение саму целесообразность строительства единой Европы. К концу 60-х годов на повестку дня был поставлен вопрос как о концептуальных основах, так и практическом содержании деятельности ЕС в новых социально-экономических условиях. Теоретики интеграции приходили к выводу о том, что европейское строительство не может проходить под углом зрения чисто экономическим или финансовым, без учета важных социальных последствий.

Следует иметь в виду, что создание общего рынка значительно укрепило

материальную базу Сообщества и позволяло, используя имеющиеся средства, проводить политику социального маневрирования с целью достижения социально-политической стабилизации в Западной Европе. Однако видимых успехов в этом добиться не удалось, и острота, сложность, масштабность социальных проблем в 70-е годы продемонстрировали несоответствие результатов интеграции в экономической и социальной областях.

70-е годы внесли коррективы в подходы к решению проблем в социальной сфере. На западноевропейское общество оказал большое влияние социальный кризис 1968 г., который заставил по-новому взглянуть на ситуацию, обусловленную изменениями в массовом сознании. Ясно обозначилось намерение трудящихся участвовать в принятии решений в сфере экономики. Новые задачи возникли в связи с внедрением принципа свободного движения людей внутри Сообщества. Расширение Сообщества и превращение из "шестерки" в "девятку", вступление в ЕС Дании, Великобритании и Ирландии выявили проблему совместимости разноуровневых партнеров, существенные различия между принципами организации социальной сферы в разных странах и обострили вопрос о компенсации социальных издержек.

В такой ситуации огромное значение приобретало создание социальной базы, опираясь на которую ЕС могло бы проводить коммунитарную политику на направлениях, наиболее важных для создания Экономического и валютного союза, сделать более эффективным механизм регулирования социальных аспектов экономической политики.

В 1972 г. в Париже состоялась встреча на высшем уровне, где встал вопрос о разработке социальной политики как самостоятельного направления в ЕЭС, а социальные проблемы были названы в числе приоритетных для дальнейшего развития Сообщества. В заключительном коммюнике подчеркивалось, что "необходимость активных действий в социальной области приобретает такое же значение, как строительство Экономического и валютного союза".[215] К руководителям европейского строительства — и это проявилось на Парижской встрече — пришло понимание того, что экономическое развитие должно сопровождаться социальными реформами, которые способны нейтрализовать возможные политические и социальные конфликты, связанные с наднациональным регулированием, и что социальная политика должна рассматриваться как самостоятельное направление деятельности ЕС, более того, как фактор, стимулирующий экономическое развитие.

По решению Парижского саммита предусматривалась разработка и принятие к 1 января 1974 г. программы социальных действий, что и было сделано. В программе была определена роль социальной политики ЕС, ее место среди других направлений деятельности Сообщества, сформулированы основные задачи, определены конкретные мероприятия на ближайшие годы.[216] И хотя сама программа не являлась юридически обязательным документом и в ходе ее выполнения в течение периода 1974—1976 гг. нужно было ссылаться на соответствующие статьи договоров (в частности, ст. 235 Договора о ЕЭС), тем не менее она послужила сильным импульсом для разработки и развития социальной политики Сообщества и позволила принять определенное число директив. Программа предусматривала сорок приоритетных действий, которые должны были привести к решению трех задач: достижению полной занятости, улучшению условий жизни и труда, участию трудящихся и социальных партнеров в управлении. Результатом этого должно было стать создание "европейского социального союза".

Однако в процессе реализации содержащихся в программе положений о необходимости расширения сферы действия общей социальной политики не произошло реального делегирования полномочий коммунитарным институтам. Более того, в условиях экономических трудностей позиции стран, играющих ведущую роль в Сообществе (Германия, Франция, Великобритания), стали еще более жесткими и все чаще становились преградой на пути претворения в жизнь новой социальной программы. Многие из проблем, признанных первоочередными, остались на бумаге. В

первую очередь это касалось гармонизации законодательств стран, входящих в Сообщество, социальных подходов к вопросам занятости.

Стало очевидно, что преодоление негативных последствий экономического кризиса, а это в 70-е годы являлось одной из первоочередных задач, могло происходить лишь при серьезном пересмотре и перестройке политики ЕС в социальной сфере и гармонизации ее с действиями, предпринимаемыми на национальных уровнях. Другими словами, задача восстановления экономической и социальной стабильности в Европе могла быть решена только на качественно новой основе, что и было отражено в ряде документов: Программе действий Комиссии Европейских Сообществ (КЕС) на 1975 г., ежегодных докладах о развитии социальной обстановки в Сообществе и других. Так, в этих документах зафиксировано, что за период 1973—1977 гг. было принято значительное количество директив по социальным вопросам. Однако затем, вплоть до середины 80-х, процесс принятия решений в социальной области тормозился усилением экономического кризиса. Но даже принятые институтами Сообщества директивы зачастую блокировались из-за использования принципа единогласия при принятии решений. И именно поэтому одни документы того периода носили рекомендательный характер (например, о сокращении и реорганизации рабочего времени), другие же вообще не доходили до рассмотрения в Совете. Впрочем, главной причиной подобной ситуации было отсутствие юридической базы для принятия решений и претворения их в жизнь. Европейский совет, не отказываясь от поддержки на уровне Сообщества конкурентной политики и поощрения предпринимателей, все же пытался предусмотреть защиту трудящихся от негативных последствий происходящих процессов. Им были приняты директивы, зафиксировавшие права трудящихся в случае коллективных увольнений, связанных с закрытием, слиянием или модернизацией предприятий. Директивы обозначили определенные смягчающие меры: заблаговременное извещение об увольнении, выплата пособий, помощь в переквалификации, предоставление профсоюзам права на переговоры об условиях увольнений. Пытаясь координировать социальную политику, Комиссия Европейских сообществ выступила с предложением о принятии специальных программ, направленных на поддержку наиболее пострадавших от экономических колебаний отраслей. На основе проделанного анализа ситуации были опубликованы критерии оказания государственной помощи находящимся в кризисном состоянии отраслям и приняты программы для текстильной (1976 г.), металлургической и судостроительной (1978 г.) отраслей.[217] Это являлось частью широкой программы действий, разработанной КЕС, которая, однако, по большей части содержала рекомендации общего порядка и не стала этапом в формировании общей социальной политики Сообщества.

Безусловная заслуга появившихся в 70-е годы документов, и в первую очередь программы социальных действий, состоит в том, что они дали реальный импульс развитию социальной политики, и именно в рамках этой программы началась работа в социальном пространстве.

Программа на практике показала необходимость пересмотра некоторых концептуальных обоснований развития интеграционного процесса. По мнению французского исследователя Ж. Синта, "вклад программы социальных действий состоит в том, что она поставила под вопрос идею автоматической зависимости экономического и социального прогресса".[218]

Понятие о социальной идее как фундаменте экономики единого внутреннего рынка получило продолжение в Едином европейском акте и Хартии основных социальных прав трудящихся. Социальная идея постепенно приобретала все более четкие контуры, ее содержание обогащалось, конкретизировалось.

Европейская социальная идея выполняет особую роль в сплочении государств и народов. Ведь в ее основе лежит только стремление к социальной справедливости, но и понимание того, что эта цель может быть достигнута лишь объединенными усилиями всех народов Европы. Европейский Союз взял на вооружение европейскую

социальную идею, эволюционировавшую под влиянием различных течений западной философской и социологической мысли, в том числе современных. При определении направлений деятельности и выборе приоритетов, а также изложении целей и задач Сообществ явно ощущалось воздействие теорий индустриального и постиндустриального общества, социального рыночного хозяйства, государства всеобщего благосостояния и др. Особенно наглядно это проявилось при формировании социальной политики. Разумеется, на нее повлияли и многочисленные теории, получившие в последние десятилетия широкое распространение на Западе. Их авторы ставили перед собой задачу осмыслить возникшие кризисные ситуации, найти пути их преодоления. Прикладное направление многих положений этих теорий развито в так называемой социальной технологии — теории, претендующей на выход в сферу конкретной практики. Она, собственно, и стала основой концепции социальной политики ЕС, в которой также нашли отражение упреждающая стратегия, теория устойчивого развития и др. Представляется, что европейской социальной идее присущи в настоящее время следующие черты:

Европейская социальная идея не является застывшей понятийной категорией. Она постоянно изменялась в соответствии с требованиями времени. Такая эволюция осуществляется в двух основных направлениях. Первое из них — "европейское" — связано с процессами трансформации Европы в единое целое в той степени, в какой эти процессы воздействуют на социальную сферу жизни народов. Второе — с переменами, происходящими непосредственно в социальной области как на национальном, так и на международном уровне, с изменениями в структуре общества, в его функционировании.

Первоначально сформировавшаяся главным образом на христианских ценностях, Европейская социальная идея вобрала в дальнейшем все лучшее, что было выработано творческими умами Европы. К числу ее основополагающих принципов следует отнести приверженность демократии, базирующейся на правах человека и свободах, в том числе в социальной области; процветание через социальную справедливость и экономическую свободу, а также равную безопасность, включая социальную, для всех стран и народов. Демократия рассматривается как единственная приемлемая система правления, основанная на уважении человеческой личности и верховенстве закона. Европейская социальная идея предусматривает право владеть собственностью единолично или совместно с другими и заниматься индивидуальным предпринимательством, пользоваться своими правами. Естественно, что, исходя из этих общих принципиальных положений, основной упор делается на правах, связанных с обеспечением свободного социального развития народов Европы.

Европейская социальная идея нашла отражение в хельсинкском Заключительном акте (его десяти принципах), Парижской хартии, Социальной хартии Совета Европы, Римском договоре и в других важнейших многосторонних международных документах, содержащих концептуальные обоснования европейского строительства конца XX в.

4.«Метод Моннэ» и первые теории интеграции

Экономические теории интеграции исторически были разделом общей теории международной торговли. Однако европейская интеграция — это, прежде всего, политический процесс. Принимая те или иные решения, правительства государств-членов ЕС (и наднациональные институты) никогда не руководствуются заранее выверенными экономическими целями, ибо предусмотреть конечный экономический эффект интеграционных мероприятий невозможно. Но впоследствии именно этот эффект служит мерилom эффективности интеграции и даже определяет порой судьбу политических решений.

Еще в советской научной литературе проводилось различие между стихийной интернационализацией производства и капитала, с одной стороны, и целенаправленной интеграцией, осуществляемой государствами, с другой. Западная экономическая наука

различает «интеграцию рынков» и «интеграцию политики», которая, в свою очередь, имеет несколько типов: 1) экономический федерализм – наиболее продвинутый тип межгосударственного экономического сотрудничества; 2) интеграция европейского типа; 3) менее развитая региональная интеграция, не выходящая за пределы зон свободной торговли и таможенных союзов; 4) международно-правовое регулирование мировой торговли и других видов экономической деятельности в рамках Всемирной торговой организации и иных международных экономических организаций. Вплоть до возникновения Европейских Сообществ термин «экономическая интеграция» не был известен экономической науке. Однако сам феномен «интеграции рынков» и «интеграции политики» с давних времен существовал в рамках национальных государств. Единые национальные рынки формировались в результате как стихийного развития торговли и разделения труда, так и целенаправленной политики правительств. Их кульминацией стало возникновение цельных народнохозяйственных комплексов. Цель европейской интеграции была сходной: создание единого внутреннего рынка, единой системы экономического законодательства и единой (или, по крайней мере, «гармонизированной») экономической политики в рамках всего ЕС. Для достижения этой цели необходимо было преодолеть существенные противоречия между экономическими интересами отдельных национальных государств.

Экономисты стали изучать феномен европейской интеграции уже после того, как он стал частью экономической реальности, и (в отличие от многих юристов и политологов) исходили из универсальной философии мирового рынка. Для них интеграция – это всего лишь одна из форм проявления общих, всемирных закономерностей. Первые теоретические подходы к европейской интеграции развивались в русле общей теории международной торговли. Была разработана следующая классификация теоретически возможных типов региональной экономической интеграции: 1) зона свободной торговли – группа стран, снявших все барьеры в торговле товарами между собой); 2) таможенный союз – зона свободной торговли с общим внешним тарифом); 3) общий рынок – таможенный союз с режимом свободного движения капитала и рабочей силы); 4) экономический союз – общий рынок, дополненный гармонизацией социально-экономической политики (чтобы обеспечить свободное движения факторов) и макроэкономической политики (дабы предотвратить искажение товарных потоков); 5) экономический и валютный союз – экономический союз, дополненный общей валютной политикой. Следует заметить, что в реальной действительности никогда ни один из этих типов не существовал в чистом виде. Интеграция означает максимальное развитие свободной торговли внутри интеграционной группировки, но одновременно – усиление протекционизма в отношениях между ее участниками и остальным миром, т.е. отступление от парадигмы свободной торговли во всемирном масштабе.

В 1950 г. Дж. Винер и М. Бие предложили концепты «создание торговли» и «отвлечение торговли». Если в результате создания зоны свободной торговли (или таможенного союза) происходит замещение дорогостоящего внутреннего производства более дешевым импортом, то имеет место «создание торговли». Если же итогом интеграции является замещение более дешевого импорта из третьих стран более дорогим импортом их страны-партнера по зоне свободной торговли (или таможенному союзу), то происходит «отвлечение торговли». Оценка экономического эффекта производится с точки зрения интересов потребителя (интересы производителя не учитываются).[219] Концепты «создания» и «отвлечения» торговли были построены на совершенно искусственных посылах и допущениях. В 1965 г. А. Купер и Б.Ф. Массел доказали, что возможно создание таможенного союза, в котором не будет потерь в силу «отвлечения торговли». И напротив, весь дополнительный импорт, обусловленный «созданием торговли», будет стоить дешевле.[220] Винер и Блие, разумеется, не могли предвидеть всех последствий только что появившейся тогда «Декларации Шумана». А эффект европейской интеграции, естественно, не исчерпывается эффектом «создания-отвлечения

торговли».

В начале 50-х гг. известный голландский экономист Ян Тинберген сделал первый шаг к осмыслению экономических основ европейской интеграции как самостоятельного явления в мировой экономике, проведя различие между «негативной» и «позитивной» интеграцией. Негативная интеграция предполагает простое устранение барьеров на пути трансграничного перемещения товаров, услуг и факторов производства. Согласно канонам традиционной экономической теории, это автоматически ведет к усилению конкуренции, снижению цен и повышению качества товаров, услуг и факторов производства (а, следовательно, к росту эффективности экономики). Позитивная интеграция – это принятие законов и создание институтов, еще больше увеличивающих мобильность товаров, услуг и факторов производства.[221]

В 1961 г. вышла в свет работа Б. Балассы «Теория экономической интеграции», в которой была предпринята попытка систематизировать «динамические эффекты» интеграции и их влияние на темпы роста ВВП интегрирующихся стран. «Динамические эффекты», по мнению автора, это: 1) экономия вследствие расширения масштабов производства, которая возникает в том случае, если расширение рынка позволяет фирмам и отраслям использовать производственные мощности, которые не находили применения до начала интеграционного процесса; 2) внешняя по отношению к фирмам и отраслям экономия, которая может возникать вследствие уменьшения общих и специфических издержек в экономике в целом; 3) эффект поляризации (кумулятивное сокращение экономической деятельности в одной из стран-членов вследствие либо сосредоточения преимуществ создания торговли в другой стране, либо отвлечения факторов производства); 4) воздействие на размещение и объемы реальных инвестиций; 5) влияние на общую экономическую эффективность (и, в частности, на то, насколько беспрепятственным является осуществление коммерческих сделок в свете возросшей конкуренции и уменьшившейся неопределенности.

Б. Баласса создал стройную концепцию стадий экономической интеграции. Первый этап – это создание зоны свободной торговли. Страны-члены отменяют импортные тарифы и квоты в торговле друг с другом и сохраняют национальные импортные тарифы и квоты в торговле с другими странами. На этом этапе нет никакой позитивной интеграции: национальные государства остаются всецело в рамках правил ГАТТ. Второй этап – таможенный союз. Страны-члены не только уничтожают барьеры во взаимной торговле, но и договариваются об уравнивании тарифов и квот в торговле с третьими странами. Однако они все еще действуют в рамках правил ГАТТ и не прибегают к мерам позитивной интеграции. Третий этап – общий рынок. Таможенный союз дополняется уничтожением барьеров на пути движения факторов производства между странами-членами. Поскольку правила ГАТТ не распространяются на движение факторов производства, на этой стадии страны-члены выходят за рамки этих правил. Однако в их взаимоотношениях все еще нет позитивной интеграции. Четвертый этап – экономический союз. Страны-члены переходят к гармонизации экономической политики с ограниченной целью: устранить дискриминацию между экономическими операторами стран-членов в той мере, в какой она порождается различиями в экономической политике. Тем самым впервые вводятся инструменты позитивной интеграции, пока еще без элементов наднациональности. Пятый этап – полная экономическая интеграция. Создается наднациональная власть, решения которой обязательны для стран-членов, и происходит полная унификация денежно-кредитной, налоговой, социальной и антикризисной политики.[222] Концепция Балассы страдает определенной схематичностью. Как это показало реальное развитие ЕС, стадии перекрещиваются, включают промежуточные этапы, занимающие целые десятилетия. Кроме того, наднациональное начало и «позитивная интеграция» всегда присутствовали в истории европейской интеграции.

Идейными источниками общих теорий интеграции послужили федерализм (см. пп. 2.3 и 3.1 данной работы), функционализм (Д. Митрани) и теория коммуникации (К. Дейч).

Многочисленные федералисты, стоявшие у истоков реальной европейской интеграции, верили в необходимость скорейшего создания «европейского правительства» и Соединенных Штатов Европы по образу и подобию лидера Западного мира - США. Однако вскоре им пришлось признать, что единую Европу нельзя построить сразу, в соответствии с неким «генеральным планом». Смена политической парадигмы имела непосредственные последствия в области научного анализа. Прямолинейная аргументация в пользу создания федеративного супергосударства уступила место более тонким, «объективистским» теориям международного сотрудничества, отражавшим первые практические шаги европейской интеграции. Доминирующее положение среди этих (сравнительно новых) концепций занял неофункционализм.

Дэвид Митрани, основоположник функционализма, был убежден, что функции – первичны, а формы – вторичны, и полагал, что интернациональные и транснациональные организации могут лучше удовлетворять некоторые человеческие запросы, чем национальные государства. Неофункционализм (Эрнст Хаас) имел неоспоримую преемственность как с ранним функционализмом, так и с теорией коммуникации. Общей чертой федерализма и функционализма была установка на преодоление или сдерживание национального государства. Сторонники теории коммуникации, напротив, стремились найти способ стабилизировать систему государств-наций, не ломая ее. Под «интеграцией» К. Дейч и его сторонники понимали «создание в пределах определенной территории “чувства сообщества”, а также достаточно сильных и широких институтов и политических инструментов, способных обеспечить возникновение среди населения ожидания “мирных изменений” на достаточно длительную перспективу».[223]

Дейч различал два вида «сообществ безопасности»: «соединенные» (или «амальгамированные»; например - федерации) и «плюралистические» (предполагающие сохранение самостоятельной правосубъектности составляющих частей и возникновение «интеграции» без институционального слияния или создания верховной власти). Сам он явно предпочитал «плюралистические сообщества» (считая их более жизнеспособными), для возникновения которых были необходимы всего три условия: 1) совместимость основных ценностей, существующих в странах-членах; 2) способность политически активных групп реагировать на действия друг друга, не прибегая к насилию; 3) «взаимная предсказуемость соответствующих аспектов политического, экономического и социального поведения».[224]

Теория коммуникации раскрыла важнейшие закономерности развития современных международных отношений, без которых теоретическое познание европейской интеграции было бы невозможным. Однако она оставила без ответа важнейший вопрос о формах перехода от плюралистических к амальгамированным, институционализированным сообществам (примером которого является ЕС), от психологических и концептуальных изменений на уровне народов и политических элит к перестройке властных полномочий государств. Сторонники теории коммуникации не учитывают фактора, который занимает центральное место в системе взглядов их идейных противников – «реалистов»: национальные государства, оказывающие определяющее влияние на средства массовой информации, имеют в своем распоряжении достаточные средства для того, чтобы нейтрализовать разрозненные «психологические импульсы» объективных общественных процессов. Кроме того, рост социальной коммуникации не оказывает автоматическое воздействие на сознание людей (и опосредованно – на систему межправительственных отношений), как полагал Дейч, а традиционные ценности, связанные с государством-нацией, имеют высокую инерционность, способную в значительной степени нейтрализовать идейное влияние возросшей социальной коммуникации.

Эрнст Хаас, основоположник и наиболее видный представитель неофункционализма, сумел довольно органично соединить основные положения раннего функционализма Митрани и теории коммуникации Дейча. Однако неофункционализм содержал и ряд

важных отличий от предшествовавших систем. Наиболее важным из них было признание необходимости политического фактора в процессе интеграции, который не мог быть автоматическим результатом деятельности технократических элит. Вслед за сторонниками теории коммуникации Хаас связывал интеграцию с общественными процессами, с целенаправленной деятельностью политически активных групп (не имеющих какого-либо единого общего плана и преследующих лишь собственные интересы). Интеграция в понимании Хааса является итогом этого спонтанного политического взаимодействия: «Опыт ЕОУС породил теорию международной интеграции посредством движения в неправильном направлении, методом проб и ошибок, просчетов акторов, желающих интеграции, манипуляции социальных элит немногочисленными группами прагматических администраторов и политиков, действующих в среде неопределенного и всепрощающего общественного мнения».[225]

В рамках теории неофункционализма не только национальное государство, но и целый макрорегион (в нашем случае - Европа) выступает как вектор деятельности различных групп интересов, образующих общество. Политика является своего рода «рынком», где группы интересов конкурируют между собой за право внести свой вклад в механизм принятия решений (достаточно безликий) и повлиять на исход этого процесса. Предметом научного анализа закономерно становится соотношение интересов в европейской политике: является ли она синтезом конкурирующих интересов или же выражением интересов наиболее сильных и искусных групп. Возникновение интеграционных институтов и их успех приводят к двум основным изменениям в деятельности и устремлениях групп, стремящихся оказать воздействие на исход политического процесса. Во-первых, они перестают ориентироваться исключительно на национальные государства и начинают направлять часть своих усилий на новые институты. Таким образом, происходит частичный «перенос лояльности» с национальных на наднациональные центры власти. Во-вторых, в целях более активного влияния на наднациональные институты группы влияния могут менять свою политическую организацию и тактику.

Интеграционные институты не могут быть простой разновидностью классических международных организаций (которые создаются для сотрудничества между правительствами, а не народами). Механизм прямого взаимодействия транснациональных институтов и общества ликвидирует монополию национального государства на представительство нации (включая и группы интересов) на международной политической арене. Как полагал Хаас, европейская интеграция представляет собой качественно новое явление не только в сравнении с национальным государством, но и со всеми предшествующими видами взаимодействия национальных государств – межправительственным сотрудничеством, конфедерацией и даже федерацией, ибо интеграция меняет не только форму, но и содержание государственной деятельности. При этом неофункционалисты прекрасно понимали неразрывную связь между бюрократией и технократией (возрастание общественной роли которой они приветствовали вслед за ранними функционалистами).

Неофункционалистская концепция «переплескивания» (spillover) была первоначально использована для теоретического обоснования «метода Моннэ». Леон Линдберг, в частности, утверждал, что эффект «переплескивания» имеет место, когда «действие, предпринимаемое с определенной целью, создает ситуацию, при которой достижение первоначально поставленной цели может быть обеспечено лишь посредством дальнейших действий, которые, в свою очередь, создают необходимость дополнительных действий и так далее».[226] Концепция «переплескивания» провозглашала неизбежность не только распространения интеграции на все новые области, но и перехода ко все более высоким формам интеграционного строительства, т.е. качественное развитие европейской интеграции (ее «углубление»). Так, зона свободной торговли необходимо перерастает в таможенный союз, затем – в общий рынок, а в последующем – в экономический и

валютный союз. Неофункционалисты ожидали, что поступательное развитие европейской экономической интеграции несомненно повлечет за собой институциональные изменения и поднимет на новый уровень интеграцию политическую. Вместе с тем они отвергали мысль об автоматическом действии эффекта «переплескивания»: для реализации заложенных в нем объективных возможностей необходимы целеустремленные политические действия.

Интеграция, по мнению неофункционалистов, должна развиваться в первую очередь в тех областях, где она может дать осязаемый результат (к примеру, Шенгенская виза или наличный евро). Рассчитывать на поддержку общества можно лишь в том случае, если интеграция приносит ощутимые плоды обществу и различным социальным группам (например, свободное передвижение рабочей силы и капиталов в пределах ЕС). Интеграционные институты (прежде всего – наднациональные) должны «культивировать переплескивание», целеустремленно формировать интересы различных групп, участвующих в интеграционном процессе. Неофункционалисты подчеркивали «функциональное преимущество» наднациональных институтов, позволяющих наилучшим образом выделить и защитить общий интерес участников интеграции, и считали принцип наднациональности главной гарантией прочности и необратимости европейского интеграционного процесса. Если обычные международные организации возникают, когда этого требуют интересы национальных государств, и распадаются, когда эти интересы меняются, то интеграционные институты, будучи однажды созданными, обретают возможность самостоятельного развития и имеют определенный «запас прочности» в отношениях со странами-членами.

Эту достаточно стройную теорию, бывшую в Европейских Сообществах на рубеже 50-60х гг. XX в. практически официальной, подорвали два обстоятельства: всплеск национализма во Франции, приведший к Люксембургскому компромиссу и «еврозастою», а также усиление роли внешних факторов в дальнейшем развитии ЕС. В это время в американской науке, благодаря теории реализма (Г. Моргентау), почти безраздельно господствовали постулаты, прямо противоположные неофункционалистским: здесь именно национальные государства рассматривались как «вечные» элементы системы международных отношений, которые руководствуются своими собственными интересами и действуют в условиях анархии. Реалисты полагали, что в сфере международных отношений нет (и не может быть) единого центра власти, а высшим интересом национального государства является «выживание» (отсюда стержень его внешней политики – проблема безопасности). Главным средством обеспечения государственной безопасности служит военный потенциал, наращивание которого одним государством неизбежно ведет к ослаблению безопасности других держав. Пытаясь справиться с этой проблемой, государства начинают сотрудничать друг с другом, и это все, что они могут сделать (ибо сами государства и противоречивость их интересов уничтожить невозможно). Это сотрудничество делает систему международных отношений (в целом) саморегулирующейся. Стремление же к размытию системы национальных государств средствами наднационального управления (свойственное европейской интеграции) ранние реалисты называли «иллюзорным».

В 70-е гг. XX в. неореалисты, сохранив основные принципы своих предшественников, стали больше внимания уделять системным характеристикам межгосударственной «анархии». Главной особенностью ее они полагали распределение силового потенциала между государствами (более или менее стабильное, но не постоянное). В зависимости от перераспределения данного силового потенциала поведение государств изменяется, что приводит к изменению сложившихся стереотипов конфликта и сотрудничества. Анархия может порождать порядок, но не может вылиться в эффективное и длительное сотрудничество, поскольку государства остаются в состоянии конкуренции и каждое из них руководствуется рациональными правилами конкурентной борьбы. В такой системе европейской интеграции просто не было места. Неореалисты

(как и реалисты) считали Европейские Сообщества своеобразной аномалией, которая была вызвана к жизни холодной войной. Попытка неофункционалистов распространить социологические и экономические концепции, рожденные реалиями национальных государств, на сферу международных отношений была в глазах неореалистов опасной ересью, реакцией на которую и стало появление так называемого межгосударственного подхода к изучению европейской интеграции.

Еще в середине 60-х гг. XX в. Стэнли Хоффман опубликовал несколько статей о роли национальных государств в интеграционном процессе. Он признавал плюралистический характер факторов интеграции, но подчеркивал необходимость и возможность определения центрального элемента в этом процессе (которым, по его мнению, было национальное государство). Оставаясь неореалистом, Хоффман подверг ревизии чисто силовой характер этой концепции. Национальный интерес не является простой производной в расчете структурного военного потенциала государств: «Государственные интересы ... являются конструкциями, в которых идеи и идеалы, прецеденты и опыт прошлого, внутренние силы и правители – все играет свою роль».[227] «Высокая» политика охватывает сферу международной безопасности, которая не может служить предметом интеграции, в то время как «низкая» политика охватывает сферы экономических отношений и иной деятельности, где главную роль играет взаимодействие обществ (и где интеграция, в принципе, возможна). Получается, что национальные государства используют интеграцию в сферах «низкой» политики в качестве удобного инструмента сохранения контроля (в условиях, когда роль государственных органов власти в этих сферах снижается). Хоффман видел определенную диалектику в соотношении между «высокой» и «низкой» политикой. Интеграция по «методу Монне» по своему характеру непредсказуема: ее творцы не знают заранее, к какому результату она приведет. Поэтому чем успешнее идет интеграция, тем больше вопросов она создает в плане обеспечения национальной безопасности, порождая два вида неопределенности и противоречий: 1) между национальными государствами и наднациональными институтами; 2) между самими государствами-членами (особенно по поводу их взаимоотношений с третьими странами, не входящими в интеграционное поле).

Межгосударственный подход к изучению европейской интеграции отметил и другие «изъяны» неофункционализма: 1) отрицание центральной роли национальных государств в интеграционном процессе; 2) игнорирование различия между «высокой» и «низкой» политикой; 3) неспособность объяснить место европейской интеграции в общей системе международных отношений; 4) преувеличение роли наднационального начала и недооценку возможностей межправительственного сотрудничества. Под напором этой критики неофункционалисты попытались усовершенствовать отправные посылы своей концепции.

Эволюция их взглядов шла в двух основных направлениях. С одной стороны, идея «политизации» экономической интеграции была дополнена анализом самостоятельного существования институтов ЕС как сложной политической системы. Дональд Пучала определил ЕС как «систему согласия» (в противовес таким определениям, как «формирующаяся федерация», «региональная группировка», «функциональная международная организация», «зона силовой политики» и пр.).[228] «Система согласия» - это сложное целое, в котором национальные государства сохраняют свое значение и даже, возможно, являются главными действующими лицами. Однако в рамках системы политическая деятельность разворачивается на нескольких уровнях: субнациональном, национальном, транснациональном и наднациональном. Степень влияния каждого из этих уровней колеблется в зависимости от конкретного вопроса. «Система согласия» - это форум, создающий возможность «игры с возрастающей суммой» и развития взаимопонимания. Конфликты, возникающие в рамках системы, имеют своим источником не антагонизм интересов, а спор о выборе способа сотрудничества. Система отличается прагматизмом, заставляющим участников учитывать императивы взаимозависимости и

действовать, проявляя повышенное внимание и предупредительность в отношении друг друга.

Уже упоминавшийся нами видный неофункционалист Эрнст Хаас ввел понятие «турбулентности», стремясь по-новому представить картину политического процесса в рамках ЕС: «Турбулентность – это термин, который мы применяем в отношении путаных и сталкивающихся между собой представлений организованных акторов, которые действуют в чрезвычайно сложной социальной обстановке. Число акторов очень велико. Каждый из них преследует разнообразные цели, которые являются взаимно несовместимыми. Кроме того, каждый неуверен относительно возможных компромиссов между этими целями. Каждый актер связан сетью взаимозависимости с другими актерами, которые пребывают в таком же состоянии путаницы, что и члены первой группы. И все же некоторые из этих целей не могут быть достигнуты без сотрудничества с другими. Таким образом, поле турбулентности – это политическое пространство, в котором путаница такого типа превалирует в дискуссиях и переговорах, Она может быть субнациональной, национальной, региональной, межрегиональной и глобальной – и все это одновременно».[229]

С другой стороны, неофункционалисты предприняли попытку связать процесс европейской интеграции с общим мировым развитием. Здесь были подняты три основных вопроса: 1) проблема признания интеграционной группировки внешним миром; 2) проблема влияния внешней среды (например, США или СССР) на отношения между участниками интеграции; 3) проблема влияния ЕС на внешний мир (особенно – на АКТ: страны Азии, Карибского моря и Тихоокеанского региона). Концепция взаимозависимости, воспринятая неофункционалистами, позволила представить ЕС как одно из важнейших звеньев плюралистического и весьма хаотичного мирового порядка, творцами которого являлись не только национальные государства, но и многочисленные другие акторы: интеграционные группировки; мультинациональные корпорации; различные организации, имеющие транснациональные интересы; субнациональные единицы, имеющие выход на международную арену.

И все же первые теории интеграции были еще весьма несовершенны. Исследователи концентрировали свое внимание, преимущественно, на механизмах интеграции и даже не пытались определить природу возникавших сообществ, отец-основатель которых, Ж. Моннэ, имел вполне определенную цельную концепцию европейского строительства. Как верно указывает Ю.А. Борко, «именно эта концепция (разумеется, со всеми более поздними уточнениями и дополнениями) легла в основу всего последующего развития европейской интеграции».[230] Моннэ полагал, что вместо Европы, раздираемой националистическими и социальными противоречиями (что неизбежно приводило к господству тоталитарных режимов разного толка), следует создать единую, демократическую и гуманистическую Европу. Западноевропейские государства при поддержке США, руководствуясь принципами демократии, экономического благосостояния и социального консенсуса, должны стать инициаторами создания новой единой Европы. Моннэ (устаами Шумана) утверждал, что Европа «будет создана не сразу и не в готовом виде; она возникнет на основе реальных дел и фактической солидарности», причем европейские народы будут последовательно распродстранять эту солидарность на все новые области совместной деятельности.[231]

* * *

По мнению Моннэ, строительство единой Европы следовало начинать в сфере экономики, ибо экономическое сотрудничество (не будучи самоцелью) в наибольшей степени отвечает повседневным практическим потребностям стран-членов и способствует росту благосостояния народов. Такие же - особо чувствительные - сферы государственного суверенитета, как национальная безопасность, оборона и внешняя

политика, могут быть оставлены на будущее. Впрочем, эта позиция окончательно сформировалась у команды Моннэ лишь после провала проектов ЕОС и ЕПС. Само движение к единой Европе мыслилось как постепенное и поэтапное: от ограниченных форм региональной интеграции - к более сложным и широкомасштабным. В плане «углубления» это означало: от общего рынка угля и стали – к «экономическому сообществу», таможенному союзу и общему рынку товаров, затем – к единому внутреннему рынку (со свободным движением не только товаров, но и услуг, капиталов, рабочей силы). Этот общий принцип был развит последователями и учениками Моннэ и позднее, уже в эпоху Делора, привел к возникновению проектов экономического и валютного союза, а также политического союза стран-членов ЕС. В плане «расширения» первоначально цель объединения всей Европы не выдвигалась вовсе, ибо в ситуации биполярного мира казалась всем (а не только Моннэ и Шуману) нереальной. Речь шла лишь о западноевропейской интеграции, причем зона возможного расширения определялась сферой влияния США.

Формирование правовой базы интеграции и системы общих институтов (как наднациональных, так и межгосударственных) Моннэ считал важнейшим условием успешного продвижения к единой Европе. При этом наделенные правом принятия обязательных решений и правом контроля за их исполнением наднациональные институты, которым страны-члены делегировали значительные полномочия и передали часть своих суверенных прав, были «ноу-хау» Моннэ. Именно наличие наднациональной власти до сих пор отличает ЕС – в наибольшей мере – от всех других интеграционных объединений. С другой стороны, в конце 60-х годов Моннэ пришел к осознанию важности межгосударственного взаимодействия на самом высоком уровне - с тем, чтобы успешно продвигать сотрудничество в области внешней политики и обороны. Создание Европейского Совета он рассматривал в качестве заветного итога своей кропотливой работы по «собираанию» Западной Европы.

Объединение всей Европы в 50-70е гг. XX в. казалось совершенно невозможным предприятием, несмотря на планы генерала де Голля и некоторые другие проекты, а также на существование Совета Европы и начало Хельсинкского процесса. Европейское геополитическое пространство было разорвано на три геополитических региона: западноевропейский (это та «Малая Европа», которую и объединяла команда Моннэ со товарищи); центральноевропейский (страны Восточной Европы по советской терминологии, позднее – ЦВЕ); восточноевропейский (СССР с Прибалтикой как своей интегральной частью). Основными принципами формирования европейского геополитического пространства в это время, на наш взгляд, были:

- 1) биполярность, т.е. наличие двух главных «центров силы», решающим образом влиявших на конфигурацию регионов внутри европейского геополитического пространства и на конфигурацию самого европейского геополитического пространства как единого целого. Без участия США Турция никогда не стала бы частью европейского геополитического пространства, а Греция не заняла бы место в западноевропейском регионе. Без участия России (СССР) республики Средней Азии и Казахстан (а также, возможно, и республики Закавказья) никогда не вошли бы в европейское геополитическое пространство, в лучшем случае оставаясь в «разделительном поясе» между Европой и Азией;
- 2) силовой контроль, т.е. необходимость силового воздействия на формирование геополитической структуры Европы. США контролировали западноевропейский регион, а СССР – центральноевропейский регион, причем положение обеих «сверхдержав» в контролируемых ими регионах в 50-70е гг. XX в. было довольно прочным, а военное присутствие – значительным;
- 3) зависимость от колониальной политики, т.е. колониальные державы (Великобритания, Франция, Бельгия) не могли полноценно участвовать в политической интеграции на континенте, не решив проблемы со своими

колониальными владениями. Так, требование Франции об участии в европейской политической интеграции вместе со всеми своими «заморскими департаментами и заморскими территориями» самым серьезным образом повлияло на провал первой попытки создания Европейского политического сообщества;

- 4) взаимозависимость европейских и атлантических структур, т.е. феномен евроатлантической интеграции, когда европейские экономические структуры дополнялись атлантическими оборонными, в результате чего новый формирующийся европейский центр силы оказался привязан в военном отношении к США. Атлантическая экономическая интеграция, опиравшаяся на структуру ОЕЭС, была, фактически, сорвана, но также не удалась и попытка создания Европейского оборонительного сообщества. В результате, объединенная Европа была вынуждена в 50-70е гг. XX в. (да и позднее) опираться в области обороны на атлантическую структуру – НАТО (ЗЕС себя не оправдал).

Источники позволяют говорить о значительном давлении со стороны США на западноевропейские страны при ратификации договоров о ЕОУС и ЕОС, при назначении на посты в Высшем руководстве ЕОУС угодных американскому руководству людей, при разработке проектов реформирования Европейского платежного союза и при продвижении других «жизненно важных» интересов США. Основным инструментом давления на новые европейские интеграционные структуры служил институт «представителей США» при этих организациях. Основной своей задачей американцы считали контроль над возрождавшейся Германией (ФРГ), для чего было необходимо жестко связать западногерманское государство с Западом посредством НАТО и «Общего рынка». Таким образом, и западноевропейские, и атлантические структуры (с точки зрения США) были нацелены на решение одной общей проблемы.

Главным стратегическим партнером США в Европе в 50-70е гг. XX в. была Великобритания., что само по себе дистанцировало эту страну от ее континентальных соседей, которым часто предлагалась согласованная американско-британская позиция. Но если для США главными были атлантические структуры (НАТО и ОЕЭС), призванные закрепить американское присутствие в Европе, то для Великобритании долгое время основным инструментом вмешательства в «континентальные дела» служил Совет Европы. Созданная по инициативе Великобритании ЕАСТ пороиграла конкурентную борьбу Сообществам. В результате, британцы вынуждены были присоединиться к ЕС, оставаясь при этом верным союзником (и «троянским конем») США. Однако важно подчеркнуть, что Америка сыграла немалую роль в становлении новых европейских институтов и, тем самым, сама способствовала возникновению на международной арене сильного конкурента в лице объединенной Европы

Примечания:

1. Spinelli, A. Ventotene manifesto / A. Spinelli, E. Rossi // The European Union: Reading on the Theory and Practice of European Integration. Eds. B.F. Nelsen B.F., A.C. Stubb. - London-Brussels, 1998.
2. Halin, H. L'Europe unie objectif majeur de la Resistance / H. Halin. - Paris-Bruxelles, 1967. - P.19, 37-39.
3. «Политические тетради» издавал Общий комитет исследований, созданный в 1943 г. Жаном Муленом, генеральным представителем генерала де Голля в оккупированной Франции. Членами комитета были Анри Френэ, Жорж Бидо, Альбер Камю, Анри Тетжен, Эдмон Мишле, Франсуа де Ментон, Поль Бастид, Робер Лакост, Александр Пароди, Рене Куртен, Альтьеро Спинелли, Мишель Дебрэ.

4. L'Europe de demain. - Neuchatel, 1945. - P.73-75.
5. Манн, Т. Германия и немцы. Пер. с нем. / Т. Манн // Манн Т. Собр. соч. в 10 т. Пер. с нем. - Т.10. / Т. Манн. - М., 1961. - С.310-320.
6. Манн, Т. Прощальные письма европейских борцов Сопротивления. Пер. с нем. / Т. Манн // Там же. - С.506.
7. Робер Шуман (1886-1963) – французский политический деятель, считающийся одним из отцов европейской интеграции. Подробнее см. п.2.2. «Уголь и сталь».
8. Черчилль, У. Трагедия Европы. Пер. с англ. / У. Черчилль // Черчилль, У. Мускулы мира. Пер. с англ. / У. Черчилль. - М., 2002. - С.498-503.
9. Gilbert, M. Winston Spencer Churchill. - Vol. III. / M. Gilbert. - London, 1986. - P.265-267.
10. Meynaud, J. Verso l'Europa Unita, strutture e compiti dei gruppi di promozione / J. Meynaud, D. Sidjanski. - Milano, 1968. - P.42-45.
11. Methodes et mouvements pour unir l'Europe // Bulletin de Centre Europeen de la Culture. - Mai 1958. - P.47, 99.
12. Сиджански, Д. Федералистское будущее Европы: От Европейского сообщества до Европейского союза. Пер. с фр. / Д. Сиджански. - М., 1998. - С.32-33.
13. Rapport du Premier Congres Annuel de l'Union europeenne des federalistes. - Montreux, 1947. - P.8-16.
14. Ильин, И.А. Что такое федерация? / И.А. Ильин // Ильин, И.А. Собр. соч. в 10 т. - Т.2, кн. I. / И.А. Ильин. - М., 1993. - С.207-209.
15. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. - Т.2. / Г.П. Федотов. - СПб., 1991.
16. Rapport du Premier Congres Annuel de l'Union europeenne des federalistes ... - P.33-57.
17. Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) была основана в 1948 г. по американской инициативе для реализации Плана Маршалла. В 1961 г. преобразована в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, штаб-квартира в Париже).
18. Западный союз в 1954 г. был преобразован в Западноевропейский союз (ЗЕС).
19. Из видных деятелей культуры присутствовали Жюль Ромен, Этьен Жюльсон, Раймон Сильва, Раймон Арон.
20. Дэвис, Н. История Европы. Пер. с англ. / Н. Дэвис. - М., 2004. - С.792.
21. De Rougemont, D. L'Europe en jeu / D. de Rougemont. - Neuchatel, 1948. - P.134-135.
22. «Да будет Европа!» (лат.). Цит. в пер. с англ. по: Sampson, A. The New Europeans: A Guide to the Workings, Institutions, and Character of Contemporary Western Europe / A. Sampson. - London, 1968. - P.4-5.
23. Philip, O. Le Probleme de l'Union europeenne / O. Philip. - Paris-Neuchatel, 1950. - P.205.
24. Resolutions. Congres de l'Europe. La Haye. Mai 1948 (editees par le Comite international de coordination des mouvements pour l'unite europeenne). - Paris-London., 1948.
25. В 1950 г., после долгих колебаний и дебатов, Европейское движение утвердит требование федералистов о создании европейского правительства.
26. Швиммер, В. Мечты о Европе: Европа с XIX в. до рубежа третьего тысячелетия. Пер. с нем. / В. Швиммер. - М., 2003. - С.325-326.
27. См. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней / Совет Европы. Офиц. пер. на рус. яз. - Екатеринбург, 2001.
28. В октябре 1950 г. Европейский центр культуры открылся в Женеве.
29. Debre, M. Projet de Pacte pour une Union d'Etats europeens / M. Debre. - P., 1950.
30. Швиммер, В. Мечты о Европе ... - С.21.
31. Жан Моннэ (1888-1979) – выдающийся французский экономист и политический деятель, истинный «архитектор» европейских сообществ. В дальнейшем в тексте главы часто (иногда без ссылок) будут использованы мемуары Ж. Моннэ (Monnet J. Memoires / J. Monnet. – Paris, 1976; пер.– Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. / Ж. Монне. - М., 2001). Моннэ начал свою карьеру как глава

- семейного бизнеса по производству коньяка (во французской провинции Коньяк). С 1920 г. по 1923 г. он был заместителем генерального секретаря Лиги Наций. В 1940 г. подал Черчиллю мысль о создании франко-британского союза. В 1947-1949 гг. Монне возглавил реализацию Национального экономического плана Франции.
32. Монне, Ж. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. / Ж. Монне. - М., 2001. - С.359.
 33. Декларация от 9 мая 1950 года, оглашенная Робером Шуманом, министром иностранных дел, в Париже, на Кэ д'Орсэ в Салоне Часов // Шуман Р. За Европу. Пер. с фр. / Шуман Р. - М., 2002. - С.90-91.
 34. Там же. - С.90, 92.
 35. Schwarz, H.-P. Konrad Adenauer. A German Politician and Statesman in a Period of War, Revolution and Reconstruction. - V.I. From the German Empire to the Federal republic. 1876-1952 / H.-P. Schwarz. - Oxford, 1995. - P.475-516.
 36. The Origin and Development of European Integration: A Reader and Commentary. Eds. P.M.R. Stirk, D. Weigall. - London, 1999. - P.76.
 37. Poidevin, R. Robert Schumann. Homme d'Etat. 1886-1963 / R. Poidevin. - Paris, 1986. - P.244-269.
 38. Декларация от 9 мая 1950 г. ... - С.91.
 39. Gerbert, P. La Genese du plan Schuman. Des origins a la declaration du 9 mai, 1950 / P. Gerbert // Revue Française de Sciences Politiques. - 1956. - № 3. - P.525-553.
 40. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции / А.Г. Браницкий, Г.В. Каменская. - М.-Н. Новгород, 2003. - С. 11; См. также: Adenauer, K. Memoirs, 1945-1953 / K. Adenauer. - Chicago, 1966; Kipping, M. Zwischen Kartellen und Konkurrenz: Der Schuman-plan und die Ursprunge der Europäischen Einigung. 1944-1952 / M. Kipping. - Berlin, 1996.
 41. Монне, Ж. ... - С.372-373.
 42. Foreign Relations of the United States. 1952-1954. - Vol. VI. Part I. - W. (DC), 1986. - P.52.
 43. Poidevin, R. Histoire des debats de la construction europeenne, mars 1948 – mai 1950 / R. Poidevin // Actes du Colloque de Strasbourg. 28 – 30 novembre 1984. - Bruxelles, 1986.
 44. Браницкий, А.Г. Франко-западногерманский союз как основа «Плана Шумана» / А.Г. Браницкий // Вестник мира. Германия в системе международных отношений. - Вып.2. – Н. Новгород, 2002. - С.46-65; См. также: Diebold (Jr.), W. The Schuman Plan. A Study in Economic Cooperation. 1950-1959 / W. Diebold (Jr.). - N.Y., 1959.
 45. Milward, A. The Reconstruction of Western Europe. 1945-1951 / A. Milward. - Berkeley, 1984. - P.395-397.
 46. См. Gillingham, J. Coal, Steel and the Rebirth of Europe. 1945-1955 / J. Gillingham. – Cambridge, 1991.
 47. Haas, E.B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces. 1950-1955 / E.B. Haas // O'Neal, M. Theories of Integration / M. O'Neal. - N.Y., 1992. - P.195-200.
 48. Монне, Ж. ... - С.435-436.
 49. См. Milward, A. The UK and the European Community. - V.I. The Rise and Fall of a National Strategy. 1945-1963 / A. Milward. - London, 2002.
 50. Браницкий, А.Г. Франко-западногерманский союз как основа «Плана Шумана» ... С.46-65; См. также: Lefevre, S. Les relations economiques franco-allemandes de 1945 a 1955: De l'occupation a la cooperation / S. Lefevre. - Paris, 1998.
 51. Браницкий А.Г. История европейской интеграции ... - С. 18; См. также: Willis, F.R. France, Germany and the New Europe. 1945-1963 / F.R. Willis. - Stanford -London, 1965.
 52. Duchene, F. Jean Monnet: The First Statesman of Interdependence / F. Duchene. - N.Y., 1994. - P.147-180.

53. «План Плевена» о создании Европейского оборонительного сообщества был обнародован 24 октября 1950 г. в Национальном собрании Франции и начал развиваться относительно самостоятельно. См. п. 2.3. «Оборона Европы».
54. *Traites instituant les Communautés européennes.* - Bruxelles-Luxembourg, 1987; См. также: Договоры, учреждающие Европейские сообщества. Пер. с англ. (Документы Европейского союза. Т.1.). - М., 1994.
55. См. Pearce, M. *British Political History. 1867-1990. Democracy and Decline* / M. Pearce, G. Stewart. - London- N.Y., 1992.
56. *Foreign Relations of the United States ...* - P.169-170.
57. См. Molden, O. *Die Europäische Nation. Die Neue Supermacht von Atlantik bis zur Ukraine* / O. Molden. - Munchen, 1990.
58. *Foreign Relations of the United States ...* - P.307.
59. *Ibid.* - P.361, 377.
60. Монне, Ж. ... - С.34.
61. См. Lord, C. *Absent at the Creation: Britain and the Formation of the European Community. 1950-1952* / C. Lord. - Aldershot, 1996.
62. Черчилль, У. Мускулы мира. Речь в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США. 5 марта 1946 г. Пер. с англ. / У. Черчилль // Черчилль, У. Мускулы мира. Пер. с англ. / У. Черчилль. - М., 2002. - С.462-491.
63. Schwarz, H.-P. *Konrad Adenauer. A German Politician and Statesman in a Period of War, Revolution and Reconstruction.* - V.I. *From the German Empire to the Federal republic. 1876-1952* / H.-P. Schwarz. - Oxford, 1995. - P.475-516.
64. Швиммер, В. Мечты о Европе. Европа с XIX в. до рубежа третьего тысячелетия. Пер. с нем. / В. Швиммер. - М., 2003. - С.23, 81.
65. Монне, Ж. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. / Ж. Монне. - М., 2001. - С.417.
66. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции / А.Г. Браницкий, Г.В. Каменская. - М.-Н. Новгород, 2003. - С.35; См. также: Acheson, D. *Present at the Creation* / D. Acheson. - N.Y., 1969.
67. Монне, Ж. Реальность и политика ... - С.420.
68. Там же. - С.424-425. Для прояснения британской позиции по данному вопросу см.: Dockrill, S. *Britain's Policy for West German Rearmament. 1950-1955* / S. Dockrill. - Cambridge, 1991.
69. Там же. - С.426-427.
70. Харенберг, Б. Хроника человечества. Пер. с нем. / Б. Харенберг. - М., 1996. - С. 989.
71. См. Fursdon, E. *The European Defence Community: A History* / E. Fursdon. - N.Y., 1980.
72. Wall, I.M. *The United States and the Making of Post-War France. 1945-1954* / I.M. Wall. - Cambridge, 1991. - P.263-274.
73. Stikker, D.U. *Men of Responsibility: A Memoir* / D.U. Stikker. - N.Y., 1965. - P.188.
74. *Foreign Relations of the United States. 1952-1954.* - V. VI. Part I. - W. (DC), 1986. - P.97-98.
75. *Ibid.* - P.28-30, 40-42, 61; См. также: Eden, A. *Full Circle: The Memoirs of Sir Anthony Eden* / A. Eden. - London, 1960.
76. *Foreign Relations of the United States ...* - P.199.
77. *Ibid.* - P.217-218; См. также: Hitchcock, W. *France Restored: Cold War Diplomacy and the Quest for Leadership in Europe. 1944-1954* / W. Hitchcock. - Chapel Hill, 1998. - P.133-202.
78. *Ibid.* - P.226-227. См. также: Heller, F.H. *The United States and the Integration of Europe: Legacies of the Postwar Era* / F.H. Heller, J.R. Gillingham. - N.Y., 1996.
79. *Ibid.* - P.242-243.
80. *Ibid.* - P.33.
81. *France Defeats the EDC.* Eds. D. Lerner, R. Aron. - N.Y., 1957. См. также Ruane, K.

- The Rise and Fall of the European Defence Community: Anglo-American Relations and the Crisis of European Defence. 1950-1955 / K. Ruane. - Basingstoke, 2000.
82. См. Large, D.C. Germans to the Front: West German Rearmament in the Adenauer Era. - Chapel Hill, 1996.
 83. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... 2003. - С. 45;
См. также: Adenauer, K. Memoirs, 1945-1953 / K. Adenauer. - Chicago, 1966.
 84. Foreign Relations of the United States ... - P.131.
 85. Ibid. - P.459.
 86. The Paris Treaty establishing the Western European Union. Treaty, protocols and annexes modifying and completing the 1948 Brussels Treaty. Paris, 23 Oct. 1954 // Bellini J. French Defence Policy / J. Bellini. - London, 1974. - P.79-85.
 87. См. Hanrieder, W. Germany, America, and Europe / W. Hanrieder. - New Haven, 1989.
 88. Реанимировав свою деятельность в 1984 г., ЗЕС с 1987 г. станет заниматься вопросами контроля над вооружениями. В 1989 г. к нему присоединятся Испания и Португалия. Маастрихтский договор отведет ЗЕС роль составной части оборонительной системы ЕС.
 89. The Paris Treaty establishing the Western European Union // Bellini J. French Defence Policy / J. Bellini. - London, 1974. - P.79-85.
 90. Историю создания «Плана Идена» см.: Eden, A. Full Circle: The Memoirs of Sir Anthony Eden / A. Eden. - London, 1960.
 91. Foreign Relations of the United States. 1952-1954. - V.VI. Part I. - W. (DC), 1986. - P.28-30, 40-42, 61.
 92. Ibid. - P.68-73. См. также: Acheson, D. Present at the Creation / D. Acheson. - N.Y., 1969.
 93. Op. cit. - P.90; Wall I.M. The United States and the Making of Post-War France. 1945-1954 / I.M. Wall. - Cambridge, 1991. - P.263-274.
 94. Op. cit. - P.93; Griffiths, R.T. Europe's First Constitution: The European Political Community. 1952-1954 / R.T. Griffiths // The Construction of Europe. Ed. S. Martin. - Dordrecht, 1994. - P.19-39.
 95. Op. cit. - P.95-96; Briggs, W. The Proposed European Political Community / W. Briggs // The American Journal of International Law. - 1955. - №1. - P.110-122.
 96. Op. cit. - P.96; Gaulle (de), Ch. Memoires d'Espoir, suivi d'allocutions et messages sur la IVe et la Ve Republiques / Ch. de Gaulle. - P., 1994. - P.564.
 97. Op. cit. - P.99; Шуман, Р. За Европу. Пер. с фр. / Р. Шуман. - М., 2000. - С.12-67.
 98. Op. cit. - P.101; Grosser, A. France and Germany: A Confrontation / A. Grosser // France Defeats the EDC. Eds. D. Lerner, R. Aron. - N.Y., 1957. - P.54-70.
 99. Op. cit. - P.102; Milward, A. The UK and the European Community. - V.I. The Rise and Fall of a National Strategy. 1945-1963 / A. Milward. - London, 2002. - P.78-125.
 100. Foreign Relations of the United States ... - P.110.
 101. Ibid. - P.123-124; Монне, Ж. Реальность и политика ... - С.467-468.
 102. Op. cit. - P.113.
 103. Ibid. - P.141.
 104. Ibid. - P.152-153; Monnet, J. Les Etats-Unis d'Europe ont commence. / J. Monnet. - Paris, 1955. - P.17, 110.
 105. Op. cit. - P.156-159.
 106. Ibid. - P.180.
 107. Ibid. - P.181.
 108. Ibid. - P.183.
 109. Ibid. - P.191-193.
 110. Ibid. - P.205
 111. Ibid. - P.208; Sidjanski, D. Auditions au Parlement europeen: experience et avenir / D. Sidjanski // Res Publica. - 1976. - № 1. - P.5-32.

112. Ibid. - P.232.
113. Assemblée ad hoc. Rapport de la Commission constitutionnelle. Paris, 20 dec.1952. – Paris, 1952. - P.7.
114. Draft Treaty embodying the Statute of the European Community. Strasbourg, 11 March 1953 // The Political Development of the European Community. A Documentary Collection. Ed. H. Bliss. - Waltham, 1970. - P.195-203.
115. Foreign Relations of the United States ... - P.294-295.
116. Ibid. - P.300; См. также Sidjanski, D. Actualite et dynamique du federalisme europeen / D. Sidjanski // Revue du Marche commun. - 1990. – Nov.
117. Op. cit. - P.319.
118. Ibid. - P.321, 324-325.
119. Ibid. - P.331.
120. Ibid. - P.361.
121. Ibid. - P.370.
122. Шуман, Р. За Европу. Пер. с фр. / Р. Шуман. - М., 2002. - С.34.
123. Браницкий, А.Г. Интеграционные процессы в Западной Европе в 1955-1966 гг.: успехи и болезни роста / А.Г. Браницкий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История, политология, международные отношения. – Вып. 1. - Н. Новгород, 2003. - С.252-267.
124. Memorandum of the Netherland's minister of foreign affairs Jan-Willem Beyen on the establishment of a European customs union. The Hague, 11 Dec. 1952 (translated) / J.-W. Beyen // Semi-statisch Archief. - V.I. - DGEM. № 520.
125. Griffiths, R.T. The Beyen Plan / R.T. Griffiths // The Netherlands and the Integration of Europe. 1945-1957. - Amsterdam, 1990. - P.165-182.
126. Brusse, W.A. Tariffs, Trade and European Integration. 1947-1957: From Study Group to Common Market / W.A. Brusse. - N.Y., 1997. - P.143-184.
127. Resolution adopted by the ministers of foreign affaires of the Member states of the ECSC. Messina, 1-2 June 1955 // Landmarks in European Unity: 22 texts on European Integration. Ed. S. Patijn. - Leiden, 1970. - P.93-99; См. также: Западноевропейская интеграция: проекты и реальность. - М., 1986. - С.37.
128. Milward, A. The UK and the European Community. - V.I. The Rise and Full of a National Strategy. 1945-1963 / A. Milward. - London, 2002. - P.177-264.
129. Preuves. - 1965. - Nov. - P.64; Giauque, J.G. Grand Designs and Visions of Unity: The Atlantic Powers and the Reorganization of Western Europe. 1955-1963 / J.G. Giauque. – Chapel Hill, 2002. - P.23-33.
130. См. Muller-Armack, A. Fragen der europaischen Integration. Wirtschaftsfragen den freien Welt / A. Muller-Armack. - Frankfurt am Main, 1957.
131. Монне, Ж. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. / Ж. Монне. - М., 2001. – С.509.
132. Там же. - С.515-516; См. также: Moravcsik, A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik. - Ithaca-N.Y., 1998. – P.86-158.
133. Yondorf, W. Monnet and the Action Committee: The Formative Years of the European Communities / W. Yondorf // International Organization. - 1965. - № 19. - P.885-912.
134. Foreign Relations of the United States. 1955-1957. - V.IV. - W. (DC), 1986. - P.369-371.
135. См. Kusters, H.J. Die Grundung der europaischen Wirtschaftsgemeinschaft / H.J. Kusters. - Baden-Baden, 1982.
136. Foreign Relations of the United States ... - P.399-400.
137. Монне, Ж. ... - С.519; См. также: Fontaine, P. Le Comite d'Action pour les Etats Unis d'Europe de Jean Monnet / P. Fontaine. - Lausanne, 1974.
138. Laurent, P.-H. Paul-Henri Spaak and the Diplomatic Origin of the Common Market. 1955-1956 / P.-H. Laurent // Political Science Quarterly. - 1970. - № 3. - P.373-396.

139. Statement by the US Department of State regarding US views on the European Common market and free trade area. Washington, 15 Jan. 1957 // Documents on International Affairs. 1957. Ed. N. Frankland. - L., 1960. - P.431-433.
140. Treaties establishing the European Communities (ECSC, ЕЕС, ЕАЕС), Single European Act, other basic instruments. - Luxembourg, 1987. Неофициальный перевод на русский язык см.: Договоры, учреждающие Европейские сообщества. Пер. с англ. - М., 1994.
141. Подробнее см. Lynch, F.M.V. France and the International Economy: From Vichy to the Treaty of Rome / F.M.V. Lynch. - London, 1997. Однако когда в ноябре 1953 г. встал вопрос о создании Европейского оборонительного сообщества, де Голль лично выступил против создания европейской армии «апатридов».
142. См. Il rilancio dell'Europa e i Trattati di Roma. Ed. E. Serra. - Brussels, 1989.
143. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции / А.Г. Браницкий, Г.В. Каменская. - М.-Н. Новгород, 2003. - С.78; См. также: Building Postwar Europe: National Decision-Makers and European Institutions. 1948-1963. Ed. A. Deighton. - N.Y., 1995.
144. Allais, M. L'Europe Unie: Route de la prosperite. / M. Allais. - Paris, 1960. - P.122-130.
145. Bloes, R. Le "Plan Fouchet", et le probleme de l'Europe politique / R. Bloes. - Bruges, 1970. - P.119.
146. Communique and resolution adopted by Great Britain, Austria, Denmark, Norway, Portugal, Sweden and Switzerland at the occasion of the establishment of the European Free Trade Association. Stockholm, 20 Nov, 1959 // Great Britain. Foreign Policy and the Span of Empire. 1689-1971. A Documentary History. - Vol.II. - L., 1972. - P.1390-1392.
147. Dell, S. Trade Blocks and Common Markets / S. Dell. - London, 1963. - P.75.
148. См. Benoit, E. Europe at Sixes and Sevens: The Common Market, the Free Trade Association and the United States / E. Benoit. - N.Y., 1961.
149. Вайденфельд, В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. Пер. с нем. / В. Вайденфельд, В. Вессельс. - Рига, 2002. - С.479; См. также: Griffiths, R.T. The End of the OEEC and the Birth of the OECD / R.T. Griffiths // Explorations in OEEC History. Ed. R.T. Griffiths. - P., 1997.
150. Монне, Ж. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. / Ж. Монне. - М., 2001. - С.539.
151. Там же. - С.540.
152. Bodenheimer, S.J. The "Political Union" Debate in Europe: A Case Study of Intergovernmental Diplomacy / S.J. Bodenheimer // International Organization. - 1967. - № 1. - P.24-54.
153. Parlement europeen. Le dossier de l'Union politique. - Luxembourg, 1964. - P.19-23.
154. Gerbert, P. In Search of Political Union: The Fouchet Plan Negotiations (1960-1962) / P. Gerbert // The Dynamics of European Union. Ed. R. Pryce. - London, 1987. - P.105-129.
155. Giaque, J.G. Grand Designs and Visions of Unity: The Atlantic Powers and the Reorganization of Western Europe. 1955-1963 / J.G. Giaque. - Chapel Hill, 2002. - P.126-157.
156. Dinan, D. Europe Recast: A History of European Union / D. Dinan. - Houndmills, 2004. - P.99-101.
157. Spaak, P.-A. The Continuing Battle. Memoirs of a European. 1936-1966 / P.-A. Spaak. - London, 1971. - P.438-440, 443-448.
158. Milward, A. The UK and the European Community. - V.I.: The Rise and Fall of a National Strategy. 1945-1963 / A. Miward. - L., 2002. - P.310-441.
159. Монне, Ж. ... - С.545-546.
160. Statement by the British Prime Minister Harold Macmillan. House of Commons. London, 31 July 1961 // Hansard. House of Commons. - Fifth Series. - V.645. - P.928-931.

161. Браницкий, А.Г. «Великий Атлантический проект» Дж. Кеннеди и западноевропейские интеграционные процессы / А.Г. Браницкий // Актуальные проблемы американистики. Материалы международного научного семинара «Россия, НАТО и США в антитеррористической коалиции». - Н. Новгород, 2004. – С.27-33.
162. Gaulle (de), Ch. Discours et Messages. Pour l'effort Aout 1962 – Decembre 1965 / Ch. de Gaulle. - Paris,1970. - P.66-70.
163. Speech by the Dutch foreign minister Josef Luns, at the final session of the negotiation for British entry into the Common Market. Brussels, 29 Jan. 1963 / J. Luns // Documents on International Affairs. 1962. Ed. D.C. Watt - L., 1971. - P.506-507.
164. Statement by Edward Heath on France's rejection of Britain's application for EEC Membership and the ensuing debate. House of Commons. London, 30 Jan. 1963 / E. Heath // Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire. 1689-1971. A Documentary History. - Vol.II. - L., 1972. - P.1428-1431.
165. NV Algemene transporten expeditie ondetneming Van Gend en Loos versus Nederlandse administratie der belastingen. Luxembourg, 5.02.1963 // European Court. - Report I. - Case 26/62. - Luxembourg, 1963.
166. Costa v. Ente Nazionale Energia Elettrica Impresa Gia Della Edison Volta. Luxembourg, 15.07. 1964 // European Court. Report of Cases before the Court. 1964. - Case 6/64. - Luxembourg, 1964. - P.585-600.
167. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.88; См. также: 1963: A Retrospective View of the Political Year in Europe. - P., 1964.
168. На пути к европейскому единству. Развитие Сообщества: события и даты. Пер. с англ. - М., 1994. - С.23-24.
169. Монне, Ж. ... - С.590-591.
170. Сиджански, Д. Федералистское будущее Европы: От Европейского сообщества до Европейского союза. Пер. с фр. / Д. Сиджански. - М., 1998. - С.86-87.
171. Treaty establishing a single Council and a single Commission of the European Communities. Brussels, 8 April 1965 // International Organization and Integration. Annotated Basic Documents and Descriptive Directory of International Organizations and Arrangements. - Vol.II.A.
172. Монне, Ж. ... - С.592.
173. Proposals submitted by the European Economic Community's Commission to the Council of Ministers. Brussels, 31 March 1965 // The Political Development of the European Community. A Documentary collection. Ed. H. Bliss. - Waltham, 1970. – P.161-165.
174. Топорнин, Б.Н. Европейское право / Б.Н. Топорнин. - М., 1998. - С.119-120; См. также: Spinelli, A. The Eurocrats: Conflict and Crisis in the European Community / A. Spinelli. - Baltimore, 1966.
175. Браницкий, А.Г. Достижения и уроки эпохи «еврозастоя» (1967-1984) / А.Г. Браницкий // Регионоведение: теория и практика. Материалы научного семинара. - Н. Новгород, 2003. - С.205-213.
176. Statement by British prime minister Harold Wilson. House of Commons, 2 May 1967 / H. Wilson // Hansard. House of Commons, Parliamentary Debates. - Fifth Series. - Vol.746. – P.310-314.
177. Declaration by the Commission on the occasion of the achievement of the Customs Union on 1 July 1968 // Bulletin of the European Communities. - 1968. - № 7. - P.5-8.
178. Монне, Ж. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. / Ж. Монне. - М., 2001. – С.608.
179. См. Brandt, W. My Life in Politics / W. Brandt. - N.Y., 1992.
180. Монне, Ж. ... - С. 611-612.

181. Final communique of the meeting of heads of state or government of the EC countries. The Hague, 2 Dec. 1969 // Bulletin of the European Communities. - 1970. - № 1. - P.11-16.
182. Report on the problems of political unification, prepared by the Davignon Committee and adopted by the foreign ministers of the EC Member States. Luxembourg, 27 Oct. 1970 // Bulletin of the European Communities. - 1970. - № 11. - P.9-12.
183. Europäische politische Einigung. - В.И. 1968-1973. Dokumentation von Vorschlägen und Stellungnahmen. - Bonn-Wien-Zurich, 1973. - S.133.
184. Report of the ad hoc committee headed by Pierre Werner on the realisation by stages of economic and monetary union in the Community // Bulletin of the European Communities. - 1970. - Supplement II. - P.26-29.
185. Resolution of the Council of Ministers. Brussels, 21 March 1972 // Bulletin of the European Communities. - 1972. - № 4. - P.43-44.
186. Буторина, О.В. Что такое евро? / О.В. Буторина. - М., 1999. - С.8.
187. Commission opinion on the accession of Denmark, Ireland, Norway and the United Kingdom // Bulletin of the European Communities. - 1972. - Supplement I. - P.62.
188. Documents concerning the accessions to the European Communities of the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Hellenic Republic, the Kingdom of Spain and the Portuguese Republic. - Luxembourg, 1997.
189. Монне, Ж. ... - С.618.
190. Там же. - С.621-622.
191. Там же. - С.623; См. также: Morgan, A. From Summit to Council: Evolution of the EEC / A. Morgan. - London, 1976.
192. Там же. - С.625.
193. Там же. - С.625-626.
194. Там же. - С.626-627.
195. Там же. - С.627; См. также: Rummel, R. Die Europäische Politische Zusammenarbeit, Leistungsvermögen und Struktur der EPZ / R. Rummel, W. Wessels. - Bonn, 1978.
196. Texts Relating to European Political Cooperation. - Bonn, 1974. - P.103-107.
197. Монне, Ж. ... - С.633.
198. Communique of the meeting of the heads of states or governments of the Community. Paris, 9-10 Dec. 1974 // Eighth General Report EC. - 1974. - P.297.
199. Монне, Ж. ... - С.635; См. также: Werts, J. The European Council / J. Werts. - Amsterdam, 1992.
200. The European Union Report of the Commission of the European Communities // Bulletin of the European Communities. - 1975. - Supplement. - P. 9-11.
201. Tindemans' letter. Brussels, 29 Dec.1975 // Bulletin of the European Communities. - 1976. - Supplement I. - P.14-22.
202. Propos de M. Leon Tindemans, Premier minister de Belgique / L. Tindemans // Journal de Geneve. - 1976. - 7-8 dec.
203. Bulletin of the European Communities. - 1980. - Supplement IV.
204. Courier. - 1975. - № 31. - P.19-21.
205. Maiziere, U. Verteidigung in Europa-Mitte / U. Maiziere. - Munchen, 1975. - S.89.
206. ЕФРР – Европейский фонд регионального развития, в настоящее время является частью структурных фондов ЕС. Подробнее см.: Шемятенков В.Г. Европейская интеграция / В.Г. Шемятенков. – М., 2003. - С.221.
207. Там же. – С.82-85.
208. История Европейской интеграции (1945-1994). – С.46.
209. The European Social Charter and additional Protocol. - Strasbourg, 1992. - P. 11.
210. Розанваллон, П. Новый социальный вопрос /П. Розанваллон. - М., 1997. - С. 25.

210. Les Concepts de la Securite sociale pour 1993. - Paris, 1994
211. Розанваллон, П. Новый социальный вопрос /П. Розанваллон. - М., 1997. - С. 104-105.
212. 1992 год: новые контуры Западной Европы. - М., 1992. - С. 102.
213. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества // Договоры, учреждающие Европейские сообщества. - М., 1994. - С. 99-274.
214. Борко, Ю.А. Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма /Ю.А. Борко. - М., 1984. - С. 207.
215. Steps to European Unity. Community progress to date: a chronology. - Luxemburg, 1992. - P. 35.
216. Hunig, E. Le programme d'action sociale de la CEE // Revue de Marche Commun. – 1974. - No. 193. – P.11-12.
217. European file. – Brussels, 1979. - 14/79. - P. 6-7.
218. Sintes, G. La politique sociale de l'Union Europeenne. - Bruxelles, 1996. - P. 46.
219. Viner, J. The Customs Union Issue / J. Viner // Carnegie Endowment for International Peace. - 1950. - № 3; Bye, M. Unions douanières et données nationales / M. Bye // Economie appliquee. - 1950. - Vol.IV.
220. Cooper, A. A New Look at Customs Union Theory / A. Cooper, B.F. Massel // Economic Journal. - 1965. - Vol.75.
221. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.347.
222. Balassa, B. The Theory of Economic Integration / B. Balassa. - London, 1961.
223. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. - Princeton, 1957. - P.5.
224. Deutch, K.W. The Analysis of International Relations / K.W. Deutch. - Englewood Cliffs, 1968. - P.195.
225. Haas, E. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces / E. Haas. – Stanford, 1968. - P. 12.
226. Lindberg, L. The Political Dynamics of European Economic Integration / L. Lindberg. -Stanford, 1963. - P.10.
227. Hoffman, S. The European Sysiphus: Essays on Europe / S. Hoffman. - Boulder, 1995. - P.5.
228. АНГЛ. Concordance system.
229. Haas, E. Turbulent Fields and the Study of Regional Integration / E. Haas // International Organization. - 1976. - № 30 (2). - P.179.
230. Борко, Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе / Ю.А. Борко. – М., 2003. – С.78.
231. Шуман, Р. За Европу. Пер. с фр. / Р. Шуман. – М., 2003. – С.91.

ГЛАВА III. ВТОРОЙ ЭТАП СТРОИТЕЛЬСТВА ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ж. ДЕЛОРА

1. От создания Европейского Совета до объединения Германии

В конце 70-х годов XX в. наметился выход из «еврозастоя». В течение 1978-1979 годов была введена в действие Европейская валютная система. Немалая роль здесь принадлежала британскому лейбористу Рою Харрису Дженкинсу, председателю Комиссии Европейских сообществ в 1977-1981 годах, и Франсуа Ортолли, вице-председателю Комиссии по вопросам экономической и валютной политики. В 1964-1970 годах Дженкинс занимал в Великобритании посты министра воздушного сообщения, министра внутренних дел и канцлера казначейства (то есть, министра финансов). Убежденный сторонник европейской интеграции, он в 1972 г. вышел временно из Лейбористской партии в знак протеста против ее решения поддержать референдум по вопросу об участии Великобритании в ЕС. Позже, правда, Дженкинс вернулся в ряды партии и в 1974 г. снова стал министром внутренних дел. На посту председателя Комиссии он особенно гордился созданием ЕВС и считал это своей личной победой. Основными элементами Европейской валютной системы стали механизм поддержания стабильных обменных курсов национальных валют государств-членов и общая валютная единица ЕС – ЭКЮ. ЕВС, в которую вошли все девять стран, заработала с 13 марта 1979 г. Однако Великобритания, родина председателя Европейской комиссии, не приняла механизм валютных курсов (который увязывал валюты между собой, устанавливая подлежащие периодическому уточнению верхний и нижний пределы их курсовой стоимости), а реальное использование ЭКЮ началось только 1 января 1981 г. [1]

В декабре 1978 г. Европейский совет поручил Роберу Маржолону подготовить доклад об институтах Сообщества, содержащий конкретные рекомендации по продвижению к Европейскому союзу. В написании документа приняли активное участие также два других видных политических деятеля – Б. Бижевел и Э. Делл, почему окончательный текст получил название «Доклад Комитета трех». Ровно через год, в декабре 1979 г., эксперты представили свои предложения, вызвавшие значительный резонанс в руководстве Сообщества.[2] Особое внимание в докладе уделялось роли председателя Совета министров и Комитета постоянных представителей. Предлагалось усилить воздействие исполнительных органов ЕС на отдельные страны-члены.

Содержались в докладе и рекомендации избегать по возможности голосования в Совете на основе принципа единогласия, если это не обусловлено требованием Римского договора. При этом подчеркивалась необходимость предварительного исследования того или иного вопроса в целях изучения возможности достижения компромисса. Лишь затем данный вопрос следовало выносить на голосование. Особо оговаривался тот случай, когда какое-либо государство заявляет, что затронуты его «важные национальные интересы» и под этим предлогом не поддерживает голосования. Представителю данной страны следовало тогда открыто заявить об этом от имени своего правительства и взять на себя ответственность за все дальнейшие последствия.

Во второй половине 70-х годов прошлого века начались переговоры о вступлении в ЕС с Грецией, Испанией и Португалией. 28 мая 1979 г. Греция подписала договор с ЕС о присоединении к Сообществам, который вступил в силу 1 января 1981 г.[3] Греция стала десятым государством-членом ЕС и первой православной страной в пределах объединенной Европы. Территория Сообщества увеличилась на 132 тысячи квадратных километров, а население – на 10 миллионов. В масштабах ЕС это было довольно незначительное приращение.

7-10 июня 1979 г. состоялись первые прямые выборы в Европейский парламент. Вспомним, что данный представительный орган берет свое начало в 1952 г., когда в

рамках Европейского объединения угля и стали возникла общая Ассамблея ЕОУС (куда делегировались депутаты национальных парламентов «шестерки»). С созданием ЕЭС и Евратома число депутатов общей Ассамблеи было увеличено с 78 до 142 человек, и она стала общим органом для всех трех Сообществ. Поэтому некоторые исследователи полагают, что Европейский парламент был создан 19 марта 1958 года на основе соглашения от 25 марта 1957 г. о совместных органах для Европейских сообществ. Однако согласно Римскому договору представительный орган имел очень ограниченные полномочия. Его члены могли лишь заслушивать раз в год отчет Комиссии ЕС, вносить свои рекомендации и выражать большинством в две трети голосов при открытом голосовании недоверие КЕС.

В политическом отношении парламентская Ассамблея исполняла роль связующего звена между парламентскими группами различных партий парламентов стран-участниц «Общего рынка». Здесь согласовывалась и вырабатывалась общая тактика по важнейшим экономическим и политическим вопросам. В соответствии с Римским договором парламентская Ассамблея должна была разработать проект для проведения всеобщих прямых выборов, а Совет министров – принять соответствующие решения. На встрече в Гааге в 1969 г. главы государств и правительств договорились о некотором расширении компетенции Ассамблеи. Тогда же была достигнута договоренность, что Совет министров ЕС рассмотрит вопрос о проведении прямых выборов в этот орган. В 1970 г. Совет предоставил Ассамблее право вносить разного рода поправки в утвержденный им бюджет. Это давало некоторую, пусть очень ограниченную, возможность законодательной деятельности.

В декабре 1974 г. главы государств и правительств стран ЕС приняли принципиальное решение об избрании Европейского парламента всеобщим прямым голосованием. Через год был определен и конкретный срок – май-июнь 1978 года. Наконец, в сентябре 1976 года министры иностранных дел подписали официальное соглашение – «Акт о введении всеобщих прямых выборов депутатов Ассамблеи». Общее число депутатских мест было значительно увеличено: с 198 до 410. ФРГ, Франция, Великобритания и Италия получили по 81 месту (ранее у них было по 36), Нидерланды – 25 вместо 14, Бельгия – 24 вместо 14, Дания – 16 вместо 10, Ирландия – 15 вместо 10, Люксембургу было оставлено 6 мест. Таким образом, увеличение представительства оказалось выгоднее всего крупным государствам и наименее выгодно Люксембургу. Было решено избирать депутатов сроком на 5 лет. Хотя Римским договором предписывались единые правила проведения выборов, каждое правительство получило возможность самостоятельно определять их процедуру на своей территории.[4]

Соглашение вступило в силу 1 июля 1978 г., после того как все страны официально уведомили о завершении ратификации документа национальными парламентами. В связи с трудностями, возникшими в процессе ратификации, и по настоянию Великобритании выборы были отсрочены еще на год. Решением Совета от 25 июля 1978 г. они были назначены на 7-10 июня 1979 года. Тогда же Европейскому парламенту было предоставлено новое право – отвергать бюджет Сообщества в целом. По вопросу расширения компетенции Европарламента перед первыми прямыми выборами высказывались различные мнения. Одни депутаты считали, что это расширение должно произойти за счет национального суверенитета государств-членов, другие – за счет перераспределения власти в рамках институтов самого Сообщества. В частности, бывший председатель Европейского парламента А. Поэр полагал, что следует идти путем усиления демократического парламентского контроля над «технократическими» учреждениями ЕС. Звучали и довольно скептические оценки. Так, Ж.-Ф. Денио (бывший некогда членом Комиссии ЕС) полагал, что выборы Европарламента всеобщим голосованием окажут лишь моральное воздействие на избирателей, способствуя повышению их интереса к «европейскому строительству», но о расширении компетенции представительного органа рассуждать преждевременно.

Подготовка прямых выборов способствовала объединению консервативных, либеральных и социал-демократических сил стран ЕС. 29 апреля 1976 г. была создана Европейская народная партия, куда вошли 11 христианско-демократических, консервативных партий ФРГ, Франции, Италии, Ирландии и стран Бенилюкса. В начале ноября 1976 года возникла федерация либеральных и демократических партий. В 1979 г. в нее входило уже 13 партий из всех государств ЕС, кроме Ирландии. Партии Социалистического интернационала в странах Сообщества также объединились - в Союз социал-демократических партий.

В первых прямых выборах приняло участие 111 млн. человек, что составило 61,9% от имевших право голоса. При этом в Бельгии на избирательные участки пришло 87,6%, в Италии - 85,9%, в Люксембурге - 85,6%, в ФРГ - 65,9%, в Ирландии - 63,5%, во Франции - 60,9%, в Нидерландах - 57%. Только в двух государствах ЕС явка избирателей оказалась недостаточной: в Дании голосовало 46,8% допущенных к выборам, а в Великобритании - всего 30,5%. Здесь явно преобладали силы, критически настроенные по отношению к процессам западноевропейской интеграции.

Выборы показали следующее соотношение сил. Социалисты и социал-демократы набрали 26,6% голосов избирателей и получили 113 мест, создав самую сильную фракцию в Европарламенте. Христианские демократы собрали целых 29,8% голосов, но им досталось при этом только 107 мест. Не без основания обижаясь на избирательную систему, они образовали вторую по величине фракцию. Консерваторы имели лишь 6,3% голосов, но 64 места, коммунисты и их союзники получили 13,5% голосов и всего 44 места, либералы - 10,5% и 40 мест, французские голлисты и другие «демократы за прогресс» - 3% и 22 места. На долю прочих осталось 20 мест (9,9% голосов избирателей). Как видно, процент отданных избирателями голосов плохо соотносился с количеством полученных мест в Европарламенте. Но по сравнению с предыдущим, делегированным, составом, наблюдался некоторый сдвиг вправо.

Членство в Европарламенте было признано совместимым с членством в национальных парламентах, но не с работой в национальных правительствах или институтах ЕС.[5] Несмотря на это, в результате первых прямых выборов количество депутатов, совмещавших членство в Европейском парламенте и в своем национальном парламенте, составило менее 12% от общего корпуса.[6]

Первые прямые выборы в Европейский парламент стали новым шагом вперед по пути политизации ЕС. Однако надежды сторонников политической интеграции на то, что представительный орган Сообщества превратится в «мотор интеграции» не сбылись. И хотя христианские демократы, в частности, громко требовали наделения Парламента функциями конституционного собрания и дополнения Римских договоров новым актом о расширении его компетенции, их голоса не были услышаны. Ф. Стерн, профессор Колумбийского университета, писал: «Политическое строительство Европы продвинулось очень мало. Шумно разрекламированные прямые выборы в Европейский парламент были призваны вдохнуть новую жизнь в Сообщество, но сама кампания отличалась апатией и была отмечена заботами об исключительно национальных задачах».

Сразу после выборов обострились столкновения между Европейским парламентом и Советом министров ЕС по бюджетным вопросам. Р. Джонс, английский исследователь, заметил по этому поводу: «Сражение между парламентом и Советом разыгралось не из-за денег (к соглашению легко было прийти путем небольших изменений в позициях) - оно произошло из-за дележа политической власти».[7] Парламент отклонил бюджет Сообщества на 1980 год именно из желания продемонстрировать Совету свои реальные полномочия. Но тем самым представительный орган фактически заблокировал и свои собственные предложения об увеличении ассигнований на социальную, региональную и энергетическую политику. Дело в том, что, по положениям Римских договоров, Парламент мог принять или отклонить только весь бюджет, но не отдельные его статьи.

Существенное же расширение полномочий Европарламента, связанное с пересмотром договоров, явно затягивались.

Парламент наряду с Комиссией ЕС активно выступал за усиление наднациональной власти. В 1980 году была принята резолюция о том, чтобы кандидатура председателя КЕС представлялась Европарламенту на утверждение. Тогда же появился и проект христианских демократов, членов парламента, так называемый «Проект Джонкера». Он предусматривал полную перестройку политической структуры Сообщества в рамках Европейского Союза при расширении законодательных полномочий Европарламента. При этом должны были возникнуть как новые органы власти, так и новые процедуры принятия решений. Э. Уоллес, английская исследовательница, связывала расширение компетенции Европарламента с обретением парламентариями реальной возможности отстаивать интересы своего электората на «европейском уровне». Одновременно, по ее мнению, возросла бы способность членов Европарламента «разъяснять принимаемые в Сообществе решения широким слоям населения». В результате у избирателей появится интерес к делам Сообщества, что будет способствовать более широкому согласию на государственном уровне по вопросам европейского сотрудничества.[8]

31 октября 1979 г. ЕС и 58 стран АКТ подписали Вторую Ломейскую конвенцию, которая вступила в силу 1 января 1981 г. Ломе-II не только возобновила договоры, заключенные ранее, но и распространила сотрудничество на новые области, такие как горнорудная промышленность, энергетика, рыболовство, законодательство о труде. На пятилетний срок было выделено 5,2 млрд. ЭКЮ. Кроме фонда стабилизации экспортных доходов развивающихся стран от сельскохозяйственной продукции (Стабэкс) появился аналогичный фонд, гарантирующий компенсацию в случае падения цен на горнодобывающую продукцию (Сисмин). 12-13 июня 1980 г. в Венеции Европейский Совет принял Декларацию о евро-арабском диалоге и ситуации на Ближнем Востоке, подтвердив приоритетность данного направления во внешней политике стран-членов ЕС. [9]

20 ноября 1979 г. Совет ЕС одобрил результаты многосторонних переговоров с участием Сообщества, проходивших в рамках Токийского раунда ГАТТ (Генерального соглашения о тарифах и торговле) с сентября 1973 г. Достигнутое соглашение предусматривало общее снижение таможенных тарифов примерно на одну треть, а также другие меры, направленные на либерализацию и соблюдение правил международной торговли.

Участники конференции в Сассекском университете в 1979 г. отметили, что от экономической интеграции более всего выиграла ФРГ. Франция модернизировала свою промышленность и укрепила экономические позиции. А вот Италия и Великобритания оказались в сравнительно худшем положении.[10]

В 1980 г. девять европейских парламентариев, включая знаменитого Альтьеро Спинелли, автора «Манифеста Вентотене», основали Клуб крокодила, названный так по имени ресторана в Страсбурге, где состоялось первое заседание группы. Спустя несколько месяцев в Клуб входило уже семьдесят членов Европарламента, стремившихся преобразовать свой представительный орган в полноценный законодательный. Работа началась с дискуссий, причем большинство членов Клуба придерживалось идеи о соглашении-конституции, отвергая метод переделки существовавших соглашений (Парижских и Римских). Институциональная реформа должна была сопровождаться пересмотром полномочий органов ЕС в целях сохранения завоеваний Сообщества, завершения начатого дела и совместной разработки новых политических направлений.

Одновременно с этим инициативы по реформированию органов Сообщества выдвигались исполнительными органами ЕС. Совет министров выдал КЕС «Мандат от 30 мая 1980 года». Опираясь на него, Комиссия в июне 1981 года опубликовала свою программу преобразований в ЕС.[11] Председателем Комиссии в 1981-1984 годах был люксембургский адвокат Гастон Торн. В 1959-1981 годах он неоднократно возглавлял в

Люксембурге различные министерства (к примеру, иностранных дел и внешней торговли, экономики и средних классов, юстиции) и постоянно избирался в парламент страны от Демократической партии, в 1974-1979 годах был премьер-министром и министром иностранных дел Люксембурга, а в 1979-1980 годах работал заместителем премьер-министра. Торн придерживался либерального видения единой Европы, ибо в 1970-1980 гг. был президентом Либерального интернационала, а в 1976-1980 гг. – председателем Федерации либеральных и демократических партий ЕС. При нем, награжденном, кстати, в 1977 г. премией Р. Шумана, появились первые признаки оживления ЕС после долгой спячки. Период «еврозастоя» подходил к концу.

Предложения Комиссии по реформированию институтов ЕС были внимательно рассмотрены Советом министров. Относительно же парламентских предложений Р. Маржолен писал в 1981 г.: «Я не думаю, что в обозримом будущем Европейский парламент будет играть большую роль в Сообществе. Его полномочия крайне органичны и могут быть расширены только в силу единогласного решения правительств, которое в большинстве стран должно быть утверждено национальными парламентами ... Тем не менее, Европейский парламент может играть полезную роль а качестве канала связи с национальными парламентами и общественностью в странах Сообщества».[12]

В январе 1981 г. Ганс-Дитрих Геншер, министр иностранных дел ФРГ, выступил с предложением объединить институты ЕС, связать воедино механизмы внешнеполитического сотрудничества и внешних сношений Сообществ, расширить функции Европарламента и перейти к принятию решений в Совете министров ЕС большинством голосов. Предусматривалось также распространение системы согласования политических курсов стран Сообщества на сферу безопасности. Эти положения в дальнейшем легли в основу так называемого «Плана Геншера-Коломбо», который активно обсуждался в 1981-1983 годах. Проект Геншера воспроизводил многие идеи «Плана Тиндемманса». Он отражал стремление объединить в общую политическую систему деятельность различных органов ЕС и функционирующие под эгидой Европейского совета «системы сотрудничества» (внешнеполитического, военно-политического, культурного). Таким образом, проект представлял собой далеко идущие предложения относительно политической консолидации ЕС и укрепления его институтов. С одобрения других видных политических деятелей председатель Комиссии ЕС Гастон Торн выступил за проведение очередной конференции в Мессине для определения целей и принципов дальнейшего развития Сообщества.

Западногерманская инициатива нашла широкую поддержку правящих кругов Италии и в ноябре 1981 г. две страны выдвинули уже совместный проект «Европейского Акта». Руководители внешнеполитических ведомств Италии и ФРГ, Э. Коломбо и Г.-Д. Геншер, сформулировали основные принципы «Европейского Союза» и меры по его созданию: 1) объединение «структур принятия решений» в рамках Сообществ и Европейского политического сотрудничества под эгидой Европейского совета; 2) совместные действия в области «политики обеспечения безопасности» стран НАТО; включение вопросов этой политики в сферу внешнеполитического сотрудничества; 3) активизация консультаций в рамках Европейского политического сотрудничества и придание им более обязательного характера в целях достижения «единства действий при обсуждении всех вопросов международной политики, представляющих взаимный интерес»; 4) расширение культурного сотрудничества и создание Совета культурного сотрудничества; гармонизация и унификация законодательства в целях создания «правового союза»; согласованный подход к решению «международных проблем общественного порядка»; создание Совета министров юстиции; 5) расширение сферы действия принципа принятия решений большинством голосов в Совете министров ЕС и ограничение содержащегося в «Люксембургском компромиссе» 1966 года права вето, в соответствии с которым решения, затрагивающие важные национальные интересы, должны приниматься единогласно; 6) расширение полномочий Европарламента и определение его роли в

процессе создания политического союза; 7) повышение роли наднациональной Комиссии ЕС в качестве «хранительницы договоров», заключенных в Париже (1951) и Риме (1957), а также в качестве «силы, придающей импульс процессу европейской интеграции»; 8) через пять лет после подписания этой декларации все достигнутые результаты должны быть обобщены в тексте Договора о Европейском союзе.[13]

Данный проект был передан министрам иностранных дел для дальнейшего изучения. Многие страны Сообщества отнеслись к документу весьма сдержанно, соглашаясь с расширением рамок сотрудничества, но протестуя против дальнейшего ограничения национального суверенитета. В частности, Великобритания, Дания, Ирландия и Греция решительно выступили против создания федерации. При этом Британия резко отрицательно отнеслась к принципу принятия решений большинством голосов и раскритиковала идею расширения полномочий Европейского совета. Дания и Ирландия заняли открыто непримиримую позицию в отношении идеи нового военно-политического союза. Нидерланды подчеркивали, что включение военных вопросов в компетенцию институтов ЕС не должно затрагивать полномочий НАТО в данной области. Франция боролась за существенное расширение сферы деятельности ЕС в области экономики и технологии, одновременно настаивая на активизации военно-политической деятельности ЗЕС вместо распространения компетенции институтов Сообщества на область обороны. К. Шейсон, министр внешних сношений Франции, прямо заявил, что обсуждение важных аспектов вопросов обороны в Европейском сообществе неприемлемо, ибо для этого существуют другие органы. Среди спорных вопросов были также учреждение новых институтов и значительное расширение полномочий Европарламента.

На Лондонской встрече в верхах в 1981 году План не был принят. Однако Европейский совет поручил министрам иностранных дел ЕС совместно с КЕС дополнительно изучить итало-западногерманские предложения и подготовить по ним доклад для рассмотрения в ходе будущего очередного заседания Совета Сообщества. Однако даже на Юбилейной сессии Европейского совета, состоявшейся 29-30 марта 1982 г. в Брюсселе, серьезные разногласия между членами ЕС сгладить не удалось. Французский исследователь Реймон Арон писал по этому поводу: «Государства Западной Европы сегодня столь же далеки от Соединенных Штатов Европы, как и вчера».[14] Дискуссии продолжались свыше полутора лет, и в результате «План Геншера-Коломбо» постепенно трансформировался в «Торжественную декларацию о Европейском союзе».

Параллельно с этим процессом в Европарламенте началось активное обсуждение предложений Клуба крокодила. В июле 1981 года было решено создать Институциональную комиссию, чья задача состояла в разработке различных модификаций действующих соглашений. Для начала данная комиссия изучила предыдущие проекты Европейского союза и реформ, в частности, доклад Тиндеманса и проект «трех мудрецов». Уже в рекомендации от 14 октября 1981 г. Совету и Европарламенту «Институциональная система Сообщества: необходимость и равновесие», касавшейся отношений между институтами Сообщества, выражалась обеспокоенность по поводу ослабления деятельности институтов ЕС. Резолюция Европейского парламента, основанная на докладе координатора Институциональной комиссии А. Спинелли, была принята 6 июля 1982 г. при 258 голосах «за», 37 – «против» и 21 – воздержавшихся. В ней, в частности, утверждался принцип взаимодополняемости, согласно которому никогда не следует поручать более крупному объединению то, что способно сделать более мелкое: «Союз будет готов выполнять лишь те задачи, совместная реализация которых даст больше результатов, чем их осуществление каждым государством в отдельности, или решать только те проблемы, которые входят в компетенцию Союза». Этот принцип в дальнейшем нашел отражение в Преамбуле проекта Союза: «Поручать общим институтам согласно принципу взаимодополняемости решение лишь тех задач, с которыми они справятся успешнее, чем отдельные государства».[15]

Проект договора, разработанный Европарламентом, отличался последовательной наднациональной направленностью. Он должен был целиком заменить как три основных учредительных документа ЕС, так и принятые Сообществом отдельные документы, регулировавшие его деятельность в различных областях и не вошедшие в первоначальные соглашения. Дополнительно охватывались такие сферы, как защита окружающей среды, культура, информация, международные отношения и безопасность. Наднациональный принцип усиливался, в первую очередь, за счет расширения полномочий самого Европарламента, который совместно с Советом должен был осуществлять законодательную власть путем принятия нормативных актов и, кроме того, определять финансовую политику Союза. Эффективность деятельности Совета предусматривалось повысить путем введения принципа принятия решений квалифицированным большинством голосов. Изменения вносились также в порядок формирования Комиссии, председатель которой получил бы право самостоятельно назначать ее членов. Тем самым обеспечивалась бы большая согласованность и единство действий исполнительной власти Союза. Предусматривалось существенное перераспределение полномочий между Советом и Комиссией в пользу последней. Предполагалось также расширить права судебного органа Союза и создать Европейский валютный фонд.[16]

Однако в коллективном докладе, подготовленном в 1983 г. ведущими исследователями из пяти стран Сообщества, недаром утверждалось: «Послевоенная история европейской интеграции показывает, что западноевропейцы – причем правительства в значительно большей степени, чем общественность, - противятся любой попытке передачи важных областей, относящихся к национальной компетенции, европейским ... институтам».[17] На совещании глав государств и правительств стран ЕС в Штутгарте в июне 1983 года была принята «Торжественная декларация о Европейском союзе». Этот документ стал результатом компромисса между членами Сообщества и в ряде пунктов являл собой шаг назад по сравнению с Планом Геншера-Коломбо. Из него, в частности, были исключены положения, которые могли означать учреждение в ЕС института регулярных совещаний на уровне министров обороны. Однако Декларация подтвердила готовность осуществлять «координацию позиций по политическим и экономическим аспектам безопасности», обеспечивать решение экономических проблем внутри ЕС и его «единый голос во внешней политике». Вместе с тем было оговорено, что «военные аспекты и аспекты оборонной политики остаются делом Североатлантического союза». Таким образом, вновь была проведена разграничительная линия между ЕС и НАТО.

Компетенция институтов Сообщества была существенно расширена. Цели преследовались следующие: развитие внешнеполитического сотрудничества; распространение интеграции на сферу культуры; унификация норм гражданского, торгового, уголовного и процессуального права; повышение роли Европарламента. Впервые было официально провозглашено, что внешнеполитическое сотрудничество является таким же важным направлением развития ЕС, как и экономическая интеграция. Указывалось, что обретение «единого голоса» в области внешней политики будет способствовать повышению роли Западной Европы в миротворческом процессе. В Декларации был учтен и Меморандум французского правительства о «европейской активизации», представленный в сентябре 1981 года на рассмотрение партнеров по ЕС. В том документе выражалось желание углубить, улучшить или перестроить аграрную, торговую и промышленную политику. Особое внимание при этом уделялось развитию новой социальной, энергетической и научно-исследовательской политики в рамках ЕС. Содержание подписанной в Штутгарте Декларации несколько отличалось от предложений «Европейского акта». Так, возможность заключения Договора о Европейском союзе оставалась открытой на ближайшие пять лет: не позднее 1988 года страны-члены ЕС должны были решить, «следует ли отразить достигнутые успехи в договоре о Европейском союзе». Этот срок было рекомендовано посвятить решению «неотложных

проблем» Сообщества, из-за которых тормозится развитие экономической интеграции. Право обсуждать все вопросы, касающиеся предполагаемого Евросоюза, Декларация закрепила за Европарламентом.[18]

В феврале 1984 г. парламентская ассамблея ЕС одобрила проект договора о Союзе: 237 голосов – «за», 31 – «против», 43 – воздержавшихся. В проекте все три соглашения (о создании ЕОУС, ЕЭС, Евратома), а также договоры о европейской валютной системе, политическом сотрудничестве и развитии связей в новых областях были объединены общими институциональными рамками. Проект Союза, состоявший из 142 статей, имел целью качественный рывок с помощью совместного освоения новых областей: охраны окружающей среды, культуры и информации, но в первую очередь – сферы международных отношений и безопасности. Документ предусматривал также расширение полномочий Европейского парламента (в ущерб национальным представительным органам), который должен был разделить с Советом законодательную функцию. Совет Союза, состоящий из представителей правительств, был бы фактически равноправен Европарламенту. Вместе эти два учреждения составили бы «законодательную и бюджетную власть» Союза. Со временем предусматривалась отмена принципа единогласия с переходом к практике принятия даже важнейших решений простым большинством голосов. Главным исполнительным органом объявлялась КЕС, председатель, которой назначается решением Европейского совета и утверждается парламентом (также простым большинством голосов).[19]

Как видно, Проект предусматривал существенную перестройку политического механизма ЕС – речь шла о новой конституции Сообщества. Введение «европейского гражданства» и единых паспортов было призвано символизировать качественный прогресс на пути создания подлинной европейской федерации. Пока же с утверждением Договора ЕС превращался в реальную конфедерацию западноевропейских государств.

Было установлено, что Договор вступит в силу, если он будет ратифицирован в шести из десяти стран-членов, представляющих не менее двух третей населения Сообщества. Франсуа Миттеран выступил в поддержку документа и заявил, что проект Спинелли заслуживает изучения, и что существующие договоры нуждаются в пересмотре. Он хотел, чтобы назначенный на июнь 1984 года саммит в Фонтенбло (который должен был завершить срок председательства Франции в ЕС) вдохнул в Сообщество новую жизнь. Но проект Спинелли натолкнулся на решительное сопротивление Великобритании, Дании и Греции. Другие страны-члены ЕС заняли более мягкие и обнадеживавшие позиции. Однако компромисс не был найден – проект в данном виде не прошел. В результате долгих поисков победила традиционная стратегия постепенного развития уже сложившихся интеграционных структур Сообщества. Именно такой функциональный подход был положен в дальнейшем в основу принятого по инициативе Европейского совета Единого европейского акта.

24 мая 1984 года Г. Торн, анализируя проблемы создания Евросоюза, подчеркнул «жизненное значение» единого внешнеполитического курса ЕС для его будущего. Вскоре на сессии Европейского совета (состоявшейся в июне 1984 г. в Фонтенбло) был создан Специальный комитет по вопросам институтов Сообщества под председательством ирландского сенатора Джеймса Дуга. Как указывал министр иностранных дел Италии Дж. Андреотти (в то время - председатель Совета министров ЕС), задачей Комитета было создание в глазах общественного мнения «позитивного образа европейской солидарности». Тут же была выдвинута целая серия инициатив, направленных на повышение престижа ЕС: о введении «европейского паспорта», принятии единого флага и гимна. Руководители правительств договорились также ввести управление расходами на сельское хозяйство (путем введения новоизобретенных квот на молоко), пополнить фонды структуризации и возобновить переговоры о приеме в Сообщество Испании и Португалии.[20]

Комитету под руководством Дуга надлежало выдвинуть дальнейшие предложения по созданию «Европы народов». Бывший министр иностранных дел Ирландии Дж. Дуг привлек к выработке своего проекта по одному представителю от каждой страны ЕС (как правило, члена правительства). Комитет приступил к работе, опираясь на одобренный Европарламентом в начале 1984 года «Договор о создании Европейского союза». В марте 1985 года Доклад Дуга был, наконец, обнародован. Основные рекомендации Комитета предусматривали представление Европарламенту реальных законодательных полномочий в ущерб национальным представительным органам и отказ Совета министров ЕС от принципа консенсуса в пользу принятия решений большинством голосов. Специальный раздел рекомендаций был посвящен выработке единой политики стран-членов ЕС в военной области, в частности – в производстве и закупке вооружений. По сути, это был очередной план, направленный на осуществление радикальной реформы Сообщества. Г. Фитцджеральд, премьер-министр Ирландии, отмечал, что инициатива его соотечественника Дуга была направлена на то, чтобы создать у европейских народов «чувство общности интересов», которое объединяет нации.[21]

27 октября 1984 г. возрождается Западноевропейский союз.[22] Однако в области внешней политики основное внимание руководства ЕС в конце 1984 года было направлено на страны «третьего мира». Третья Ломейская конвенция, подписанная 8 декабря, подтвердила привлекательность данной модели сотрудничества с Западной Европой для большинства стран АКТ – их количество увеличилось до 65. Также был увеличен размер финансовой помощи - на пятилетний срок ЕС выделило 8,5 млрд. ЭКЮ. [23] Но проблемы в области осуществления общей внешней политики оставались. Недаром М. Райфкайнд, представитель английского правительства в Комитете Дуга, призывал в самом начале 1985 г. Европейское сообщество проявить политическую волю, дабы политическое сотрудничество вышло за рамки общих взглядов и приняло форму эффективных совместных действий. Период «еврозастоя» подошел к концу. Работа Комитета Дуга не была проделана напрасно. Его предложения относительно расширения круга задач ЕС нашли поддержку нового председателя Европейской комиссии Жака Делора, который добился решающего прорыва в деле западноевропейской экономической и политической интеграции. В середине восьмидесятых годов прошлого века действительно начался новый этап в развитии Сообщества.

Выдающийся французский финансист и политический деятель, Жак Делор стал инициатором важнейших реформ, кульминацией которых стало подписание 7 февраля 1992 г. Договора о Европейском Союзе. Именно Ж. Делор в решающей степени способствовал тому, что формирование единого внутреннего рынка в ЕС было успешно завершено, и Сообщество приступило к созданию Экономического и валютного союза. Истинный католик и социалист в духе «новых левых», он многому научился у Ж. Монне, с которым, однако, никогда не встречался. Делор – типичный пример человека, самостоятельно сделавшего себе карьеру («a self-made man»). Он проявил себя не только как политик, выдвигающий новые стратегические идеи, но и как организатор, способный проводить в жизнь разработанные программы. Д. Сиджански пишет: «Сильная личность Делора плюс его ум, богатое воображение, трудоспособность и упорство, глубокое убеждение в необходимости создания единой Европы сослужили хорошую службу в деле ускорения процесса становления Сообщества».[24]

Еще в 1983 г. Делор, бывший тогда министром финансов, экономики и бюджета в правительстве Пьера Моруа, поставил президента Франции Франсуа Миттерана в известность, что его интересует должность председателя Европейской комиссии. Она казалась ему наилучшим постом, которого следовало добиваться, раз уж не получилось стать премьер-министром. Интерес Делора к единой Европе медленно вызревал на протяжении всей его карьеры. В 1950-е годы он перенял у своих друзей, левых католиков, идеал федеративной Европы. Затем ему открылась экономическая взаимозависимость западноевропейских государств. Двухлетнее пребывание Делора в Европейском

парламенте (с июня 1979 по май 1981 г.) ознаменовалось образованием «группы Амиго» (по названию одного брюссельского отеля), открытой для новых идей и сотрудничества со всеми конструктивными силами. Делор не любил идеологических противостояний, в силу чего у него были натянутые отношения со многими социалистическими депутатами Европарламента. Он возглавил комитет, ведавший экономическими и денежными делами, который поддержал создание Европейской валютной системы (ЕВС). В докладах комитета поднимался вопрос о свободе перемещения людей, товаров, услуг и капитала, ибо единый рынок еще практически не существовал. Мартовский кризис 1983 г., окончательно убедил Делора в том, что без ЕЭС Франция решить свои проблемы не сможет. В октябре 1983 г. на очередной встрече министров финансов стран ЕЭС Делор заявил, что речь идет не просто о европейском идеале, а о необходимости. Он подчеркнул, что Европа должна говорить в один голос, чтобы справляться с непредсказуемыми колебаниями доллара, нежеланием японцев принимать на себя ответственность, соразмерную их экономической мощи, и бедами третьего мира. Выбор, по его мнению, был только между объединенной Европой и упадком. В последний министерский год Делора, закончившийся в июле 1984-го, его отношения с Миттераном портились все больше. Однако и в самой Франции, и в других странах ЕЭС он завоевал себе репутацию честного реалиста, противостоящего «социалистическим динозаврам». На выборах в Европарламент в июне того же года социалисты получили только 21% голосов – самый низкий их результат после 1973 г.

Срок председательства в Комиссии люксембуржца Гастона Торна, который оказался неэффективным руководителем, истек в декабре 1984 г. Кто станет новым председателем Европейской комиссии, должно было решиться в споре между правительствами, по очереди же это место принадлежало Германии. Однако Франсуа Миттеран предложил на встрече 28 мая в Париже с Хельмутом Колем две свои кандидатуры: Клода Шейссона (министра иностранных дел Франции), и Делора. Коль находился под сильным впечатлением от деятельности Делора в министерстве финансов и согласился его поддержать, так как своего проходного кандидата у него не было. Во время последовавшего вскоре саммита ЕЭС в Фонтенбло вопрос о председателе Комиссии формально не обсуждался. Однако во время официального завтрака Коль сказал Миттерану, что не намерен настаивать на председателе-немце и предпочел бы остановить свой выбор на Делоре. Тогда же в кулуарах М. Тэтчер сообщила Миттерану, что могла бы дать согласие на Делора, но не на Шейссона. Она знала о Делоре только то, что он человек умный, энергичный и не слишком левый.[25] В результате подобных закулисных переговоров 18 июля правительства стран ЕЭС выдвинули Делора в председатели Европейской комиссии.

Осень 1984 г. уже признанный кандидат в председатели провел в поисках идеи, которая позволила бы ЕС обрести второе дыхание. Он посетил столицы государств-членов Сообщества и уяснил, что только единый внутренний европейский рынок находит поддержку всех десяти правительств. Тогда же он встретился в Брюсселе с группой официальных лиц и промышленников, приглашенных Максом Конштаммом (бывшим помощником самого Монне) Эта группа посоветовала Делору сделать создание единого внутреннего европейского рынка первоочередной задачей и составить на восемь лет вперед (срок работы двух Комиссий) расписание действий, необходимых для достижения этой цели.

Делор прибыл в Брюссель и приступил к своим обязанностям в январе 1985 года. Подобрать более благоприятное время для вступления в должность едва ли было возможно. 1 января 1985 г. в большинстве стран-членов ЕС впервые был введен европейский паспорт. Образец данного паспорта был представлен еще в июне 1984 г. президентом Франции Ф. Миттераном на сессии Европейского совета в Фонтенбло.[26] Появление подобного документа означало новый символический шаг на пути к европейскому единству. 14 января 1985 года Делор объявил Европейскому парламенту,

что Комиссия намерена убрать к концу 1992 года все внутренние барьеры в ЕЭС. Он указал на факт институционального паралича и вину за него возложил на процедуры принятия решений, требовавшие единогласия. Делор заявил, что справиться с этой бедой в рамках существующих нормативных правил можно, если правительства согласятся не прибегать к процедуре Люксембургского компромисса. Но и этого недостаточно – нужен новый Договор.[27]

Шефом своего кабинета Делор назначил Паскаля Лами, также француза, католика и умеренного социалиста, который занимал эту должность с января 1985 по май 1994 года, разрабатывая и воплощая в жизнь нужный председателю режим работы. Именно ему Делор многим обязан в своем успехе. Лами реально пользовался большей властью, чем большинство комиссаров, и ведал связями председателя с правительствами других стран. «Главный конструктор» так называемой Системы Делора оставил в ведении шефа стратегию, общение и переговоры, а все остальное взял на себя (и передал со временем на усмотрение Системы). Лами занимался текущим администрированием, к которому не лежала душа Делора, а иногда был вынужден даже давить на председателя, заставляя его принимать четкие решения. Он утверждал, что Делора «идеи занимают несколько больше, чем власть», сам же предпочитал разбираться с властными полномочиями больше, чем с идеями. В свою очередь, Делор открыто утверждал, что «не справился бы» без Лами. Плохо управляемый, несобранный и медлительный бюрократический аппарат Комиссии был под руководством Делора и Лами преобразован в организацию, способную действовать быстро и эффективно.[28]

Новый председатель Комиссии считал, что единый рынок остановит упадок Европы, прекратит ее экономическое отставание от США и Японии. По поводу места единой Европы в мире он проявлял озабоченность, сходную с переживаниями де Голля в отношении Франции. Будущее Европы безнадежно, заявлял Делор, если она не научится «говорить в один голос и действовать сообща».[29] «Европейское социальное пространство» выдвигалось в ряд первоочередных целей. Делор действительно стремился сблизить (хотя бы в минимальной степени) правила социальной жизни стран-членов ЕС. С другой стороны, в ближайшие четыре года валютного союза создавать он не планировал, хотя и декларировал «существенное укрепление валютного сотрудничества и контролируемое расширение роли ЭКЮ».

В марте 1985 г. на очередной сессии Европейского совета в Брюсселе Комитет Дуга представил Доклад, в котором содержалась обширная программа реформ Сообщества. Предлагалось, в частности, образовать «однородное внутриевропейское экономическое пространство», а также «европейское социальное пространство» и «технологическое сообщество», усилить общую внешнюю политику (затрагивающую, в том числе, и вопросы безопасности). Для Совета министров был рекомендован порядок принятия решений большинством голосов, а для Европарламента – процедура «сопринятия» решений. В Докладе Дуга содержалась также идея созыва специальной межправительственной конференции, которая подготовила бы проект Договора о Европейском союзе, исходя из собственных соображений, опираясь на Штутгартскую декларацию и с учетом проекта Спинелли.[30] Главы государств и правительств выразили удовлетворение по поводу содержащихся в Докладе предложений. Было заявлено, что подробное обсуждение Доклада будет продолжено в процессе двусторонних контактов.

Лорд Артур Кокфилд, британский аристократ-консерватор (бывший министр торговли в правительстве Маргарет Тэтчер), стал при Делоре комиссаром по делам единого рынка. Он сразу же выступил в поддержку скорейшего создания единого внутреннего рынка стран-членов ЕС (и даже утверждал, что сам придумал назначить крайний срок на конец 1992 года, но никогда не оспаривал роли Делора).[31] По общему мнению Делора и Кокфилда, реального экономического единства стран-членов ЕС следовало достичь за два срока работы Европейской комиссии. 14 мая 1985 г. лорд Кокфилд представил Европейскому совету Белую книгу, содержащую программу

завершения строительства единого внутреннего рынка к концу 1992 г. Документ содержал 297 предложений и расписание мер по их воплощению в жизнь. Первая глава была посвящена устранению физических барьеров, разделявших страны ЕС. Таможенные формальности отменялись. Перевозимые растения, животные и продукты питания подлежали досмотру в месте отправления, а не на границе. Государства ЕС должны были отказаться от введения ограничительных квот на импорт из третьих стран. Во второй главе речь шла об устранении технических барьеров в торговле товарами и услугами. «Взаимное признание» должно было означать, что никакое государство не могло воспрепятствовать ввозу товаров другого государства, ссылаясь на их несоответствие национальным стандартам. Всякое изделие, отвечающее стандартам какого-либо государства-члена ЕС, допускалось к продаже в любой стране Сообщества (коль скоро оно соответствовало минимальному уровню требований охраны здоровья и безопасности, установленных директивами ЕС).

Белая книга предусматривала ужесточение правил проведения тендеров на крупные государственные контракты и распространение этих правил на секторы транспорта, электроэнергетики, водоснабжения и телекоммуникаций. Принятие законов о взаимном признании дипломов и свидетельств о профессиональной квалификации должно было содействовать свободе передвижения людей. В несколько неопределенной форме говорилось также о либерализации условий движения капиталов. Одной из самых оригинальных идей Белой книги было распространение принципа взаимного признания на сферу услуг. В банковском деле, брокерском бизнесе, страховании жизни «единый паспорт» должен был позволить фирме, имеющей лицензию в одном государстве, получить регистрацию в другом и предоставлять свои услуги через границы. Тарифы на авиаперевозки подлежали частичной либерализации. Для компаний, занятых автомобильными перевозками, предусматривалось право действовать в любой стране ЕС. Телевизионным компаниям предоставлялось право вести вещание в любом месте Сообщества при условии, что они будут соблюдать нормы общего приличия, выполнять правила рекламы и наполнять передачи европейским содержанием. Интеллектуальная собственность подлежала защите торговым знаком ЕС.

Темой третьей (и заключительной) главы документа стали фискальные барьеры. Если пограничный контроль снимается, а ощутимые различия в ставках НДС и размерах пошлин остаются, покупатели будут скапливаться в странах с низкими налогами. Поэтому Кокфилд предложил сблизить налоги на добавленную стоимость и уровни взимаемых пошлин, дабы нормализовать движение торговых потоков. Новая система сбора НДС предусматривала создание своего рода «клирингового дома»[32] для того, чтобы уравновесить доходы стран, преимущественно экспортирующих, и стран с большими объемами экспорта. Однако именно это предложение Кокфилда вызвало наибольшее возражение правительств государств-членов ЕС и не вошло в законы вплоть до 1993 года. Все остальные предложенные в Белой книге меры были реализованы полностью уже к концу 1992 года, как это и было намечено.

Делор лично внес в Белую книгу разделы о корпоративном праве и сближении ставок НДС. Но гораздо более существенным вкладом председателя Комиссии была полная энтузиазма пропаганда Программы-92. Он выступал на многих конференциях работодателей и регулярно участвовал в работе Европейского круглого стола, которую возглавлял тогда руководитель фирмы «Вольво» Пер Гилленхаммар. В результате многие крупные западноевропейские предприниматели выступили сторонниками планов Комиссии. Но для Делора и Кокфилда единый внутренний рынок стран ЕС был не самоцелью, а лишь средством достижения цели, что и разъяснялось в заключительных положениях Белой книги: «Как таможенный союз должен был предшествовать экономической интеграции, точно так же экономическая интеграция должна предшествовать европейскому единству».[33]

Углубление западноевропейских интеграционных процессов сопровождалось

дальнейшим расширением ЕС. Испания и Португалия добивались вступления в Сообщество с 1970-х годов. Переговоры об их приеме стали для Делора первым крупным вызовом. В феврале 1985 г. по завершении очередного заседания новый председатель Комиссии подверг испанцев публичной критике за их притязания и недостаточно широкий взгляд на вещи. Многим телезрителям в Испании даже показалось, что их нацию оскорбили. Но в марте Делор выступил с пакетом предложений, включавшем «Сводную средиземноморскую программу». Данная программа была нацелена на помощь странам «оливкового пояса» и предусматривала скидки на взносы в общий бюджет и ряд хитроумных форм отчетности по рыболовным квотам. В совокупности эти новые предложения снимали разногласия между странами Иберийского полуострова и «десяткой». 12 июня 1985 г. Испания и Португалия подписали договоры о вступлении в Сообщество.[34] Официально они стали его членами с 1 января 1986 г. Новое расширение было более существенным, чем предыдущее: территория ЕС увеличилась на 596,8 тысяч квадратных километров, население – более чем на 49 миллионов человек. Однако уровень экономического развития новых стран-членов существенно отставал по большинству показателей от уровня первоначальной «шестерки».

В то же самое время, то есть в начале июня 1985 года, состоялась встреча министров иностранных дел стран-членов ЕС в итальянском городе Стреза. Италия и страны Бенилюкса выступили с инициативой созвать межправительственную конференцию для пересмотра Римских договоров. Но Джеффри Хау, британский министр иностранных дел, сделал встречное предложение, целью которого было усовершенствование механизма принятия решений без изменения текстов договоров. В частности, он предложил правительствам заключить «джентльменское соглашение», чтобы в случае своего несогласия с законами о едином европейском рынке они воздерживались бы от голосования, а не использовали свое право вето. Предлагалось также заключить новый договор о Европейском политическом сотрудничестве, который бы нормативно закрепил существующую практику и вобрал в себя некоторые рекомендации Доклада Дуга. В результате долгих дебатов большинство собравшихся высказалось в поддержку британских инициатив.

На сессии Европейского совета, проходившейся в Милане 28-29 июня того же года, снова активно обсуждались проекты реформирования Сообщества и создания Европейского союза. Итальянский премьер-министр Беттино Кракси выступал за кардинальный пересмотр Римских договоров. Италия рассчитывала отметить завершение срока своего председательства в ЕС созывом межправительственной конференции. Но в центре дебатов поначалу, как и ожидалось, оказался британский план «джентльменских соглашений». По всем признакам его должны были принять. Но М. Тэтчер без оговорок заявила, что, поскольку пересмотр договоров возможен лишь на основе единогласия, а Великобритания выступает против, ничего подобного произойти не может. После таких резких слов поддержка британских инициатив стала угасать. Премьер-министра Ирландии Гэррета Фицджеральда, к примеру, возмутила манера Тэтчер повторять «мы с ирландцами полагаем», как будто его собственная страна все еще оставалась колониальным владением британской короны. За «джентльменские соглашения» в результате однозначно высказались лишь Андреас Папандреу и Поул Шлютер, премьер-министры Греции и Дании.

Многое решило и яркое выступление Делора, который убедительно доказал, что если ЕС всерьез намерено воплощать в жизнь предложения Белой книги, в договоры совершенно необходимо внести изменения. Даже если правительства согласятся не прибегать к праву вето и воздерживаться от голосования, для большинства предложений Белой книги потребуется (согласно Римским договорам) единогласное утверждение. Делор напомнил, что закону, позволяющему архитекторам работать в любой стране ЕС, потребовалось 15 лет, чтобы пробиться через Совет министров, и что закон о проверке межфирменных слияний «торчит там с 1973 года». Председатель Комиссии предложил

немедленно внести в три статьи Договора, учреждающего ЕЭС, поправки, которые позволили бы Совету принимать большинством голосов решения по всем законам, касающимся единого рынка, и наделили бы Европейский парламент полномочиями вносить дополнительные изменения. Данные поправки можно было, по мнению Делора, внести даже в Договор о приеме в ЕС Испании и Португалии, который был подписан 12 июня, но еще подлежал ратификации.

Подводя итоги первого дня встречи, Кракси поддержал Делора и попросил министров подготовить к завтрашнему заседанию предложение о поправках к Договору. Однако Великобритания, Греция и Дания дали ясно понять, что на любые поправки они наложат вето. Поэтому ночью Джулио Андреотти, министр иностранных дел Италии, с помощью служащих Делора подготовил альтернативное предложение, для принятия которого единогласие не требовалось. Открывая заседания второго дня саммита, Кракси пошел на беспрецедентный шаг – поставил на голосование вопрос о созыве межправительственной конференции (МПК). Статья 236 Договора, учреждающего ЕЭС, гласит, что Совет министров может принять решение о созыве МПК простым большинством голосов. Ошеломленная Тэтчер возразила, сославшись на то, что Европейский совет всегда действует на основе консенсуса. Шлютер заговорил о насилии, а Папандреу – о «государственном перевороте». Но семеро, включая Хельмута Коля и Франсуа Миттерана, проголосовали за МПК.[35]

Таким образом, в Милане решено было продолжить консультации по поводу реформирования Сообщества на специально созванной межправительственной конференции. МПК открылась 9 сентября 1985 г. в Люксембурге. Ее целью явился пересмотр Римских договоров и оформление политического сотрудничества стран-членов ЕС. Первоначально состоялось несколько встреч министров иностранных дел и их помощников, где присутствовали в качестве наблюдателей представители Испании и Португалии. Формально Комиссии никакой роли на МПК не отводилось, но Делор постоянно присутствовал на заседаниях министров иностранных дел, а Эмиль Ноэль, генеральный секретарь Комиссии, участвовал в работе чиновников аппарата. Делор, Ноэль и Франсуа Ламурё, эксперт по институциональному устройству, самостоятельно, без консультаций с комиссарами, готовили проекты выступлений от имени Комиссии. В первые недели конференции набор именно их предложений позволил определить повестку дня и удержал многие правительства от выдвижения собственных идей. Первый доклад Делора, проект главы о едином европейском рынке, понравился даже англичанам, поскольку в нем подчеркивалась важность Программы-92. Теперь представители Великобритании на конференции стали склоняться к мысли, что из МПК может выйти что-либо путное.

Далее Делор представил проекты статей о Европарламенте, охране окружающей среды, исследованиях и содействии развитию отсталых регионов. В частности, «процедура сотрудничества» позволяла бы Европарламенту навязывать определенные поправки Совету министров, коль скоро Комиссия их принимает, а Совет в своих возражениях не единодушен. До конца ноября Делор придерживал свой проект главы об Экономическом и валютном союзе (ЭВС). В нем утверждалась сложившаяся практика Европейской валютной системы и содержалось положение, позволяющее правительствам единогласно принять решение об образовании самостоятельного Европейского валютного фонда. Для представителей ФРГ, Великобритании и Нидерландов это было чересчур – допускать в договоре какие бы то ни было упоминания об ЭВС (и зачаточной форме Центрального банка) они не хотели. Кроме того, участники конференции постоянно вносили все новые оговорки в статью о едином внутреннем рынке. На заседании министров иностранных дел, состоявшемся 25-26 ноября, Делор пожаловался, что в тексте документа образовалось дырок больше, чем в швейцарском сыре, и пригрозил бойкотировать оставшуюся часть МПК. Затем Делор повидался с Колем и Миттераном – и не безрезультатно: на следующем заседании министров на основе совместной франко-

западногерманской инициативы была восстановлена первоначальная версия главы о едином внутреннем рынке стран ЕС. Таким образом, в результате долгих дебатов появился проект Единого европейского акта (ЕЕА), который вносил существенные изменения в Договоры об учреждении ЕОУС, ЕЭС и Евратома.[36]

2-4 декабря 1985 г. на сессии Европейского совета в Люксембурге проект ЕЕА, предусматривавший создание единого внутреннего рынка и усиление внешнеполитического сотрудничества государств-членов, был одобрен главами государств и правительств ЕС. Собственно, получили одобрение два документа: пересмотренный Римский договор о Европейском экономическом сообществе и новый межправительственный договор о Европейском политическом сотрудничестве. Делор помог Миттерану и Колю договориться о неформальной сделке, суть которой заключалась в следующем. ФРГ, изменив Великобритании, соглашалась на скромное упоминание об ЭВС. Франция же признавала принцип свободного движения капиталов. Таким образом, новая Преамбула перекликалась с принятым в 1972 году обязательством о постепенном образовании Экономического и валютного союза. В главе, названной «Сотрудничество в экономической и денежной политике (Экономический и валютный союз)», оговаривалось, однако, что для любых перемен в денежных институтах Европы потребуются новые решения МПК.

Глава об ЭВС и некоторые иные нововведения привели в ярость М. Тэтчер, которая была на грани применения вето. Лишь собственное министерство иностранных дел убедило ее, что это не послужит интересам Британии. Однако сразу после саммита Тэтчер заявила на пресс-конференции, что содержащиеся в договоре слова об ЭВС равным счетом ничего не значат. Не очень доволен был и Делор – он хотел бы видеть в договоре четкое указание на то, что Комиссия (а не представители национальных бюрократий) должна иметь решающее слово в комитетах, управляющих единым внутренним рынком стран ЕС. Когда 19 декабря 1985 г. министры собрались вновь, чтобы «причесать» текст, Делор убедил их в том, что следует объединить межправительственный документ о Европейском политическом сотрудничестве и обновленный Римский договор в один документ. Оба текста были, в результате, связаны общей Преамбулой (которая повторяла федералистскую риторику Штутгартской декларации и подчеркивала общность задач ЕПС и Сообщества в строительстве Союза). Министры приняли также предложение Делора именовать весь документ Единым европейским актом (или просто Единым актом), чтобы подчеркнуть неразрывность обеих составляющих его частей.[37]

Окончательный текст ЕЕА (состоящий из четырех частей) был подписан 17 и 28 февраля 1986 г. в Люксембурге и Гааге. Ст.1 закрепляла связь между ЕС и механизмом европейского политического сотрудничества, причем подчеркивалось, что их органичное соединение служит долгосрочной цели создания Европейского Союза. Ст.2 вносила изменения в Римские договоры, дополняя их положением о Европейском Совете. Ст.6 устанавливала процедуру сотрудничества Совета ЕС с Европейским парламентом и Комиссией. Здесь закреплялся отход от принципа единогласия в разработке европейского права. Ст. 30 ставила задачу разработки и проведения общей политики стран ЕС, что также не было предусмотрено в Римских договорах. Специально создаваемый с этой целью Секретариат в Брюсселе должен был обеспечить регулярные консультации Политического комитета с Комиссией и Европейским парламентом.[38]

Единый акт не мог вступить в силу прежде, чем его ратифицируют все 12 государств. В десяти из них это было сделано парламентским голосованием. В Дании и Ирландии провели референдумы и одобрили документ соответственно 56 и 70 процентами голосов. Таким образом, ратификация ЕЕА завершилась к концу 1986 г., и уже 18 января 1987 г. председатель Комиссии выступил с заявлением «Единый Европейский Акт: новые рубежи Европы». Однако документ вступил в силу лишь 1 июля 1987 года.

Акт, кроме всего прочего, предусматривал создание единого внутреннего рынка стран ЕС к 31 декабря 1992 г. Именно поэтому он был поддержан даже прагматичными

британцами и датчанами, полагавшими, что ЕЕА предназначен главным образом для выполнения Программы-92. Таким образом, документ неожиданно оказался приемлемым для правительств с самым разным видением долговременных целей ЕС. К примеру, южные страны (те, что победнее) получили конкретные обязательства о выделении денег по статьям о региональной политике. Более идеалистично настроенные члены изначальной «шестерки» смотрели на ЕЕА как на ступеньку лестницы, ведущей к Европейской федерации. Для них самыми важными в документе были разделы, посвященные ЭВС и Европарламенту.

ЕЕА сделал устаревшим название «Европейское экономическое сообщество», заменив его на «Европейское сообщество» (ЕС). В 1986 г. была утверждена и государственная символика ЕС – важный шаг на пути превращения интеграционного объединения в федерацию. До этого отдельные институты Сообщества имели собственные флаги. Так, Европарламент использовал синее полотнище с надписью «EP/PE», а Комиссия предпочитала стилизованную греческую букву «эпсилон». Современный флаг ЕС – синее полотнище в форме прямоугольника с соотношением длины и высоты 1,5:1, в центре которого расположены по кругу 12 золотых звезд. Радиус звездного круга соответствует одной трети высоты флага. Все звезды – пятиконечные, их верхние лучи ориентированы строго вертикально. Впервые новый флаг был поднят перед зданием Европейской комиссии в Брюсселе 29 мая 1986 г. Тогда же прозвучал впервые и государственный гимн ЕС – «Ода к радости», фрагмент Девятой симфонии Людвиг ван Бетховена.[39]

На Лондонском саммите 5-6 декабря 1986 г. Делор представил подробный доклад о деятельности ЕС, предупредив, что бюджет Сообщества находится в плачевном состоянии. В ответ Тэтчер попросила председателя Комиссии разработать план для решения таких проблем, как рост затрат на хранение сельскохозяйственных излишков и увеличение фондов структуризации (и общих размеров бюджета ЕС) по требованию беднейших стран. На состоявшейся затем совместной пресс-конференции Делор отмалчивался, а Тэтчер бралась отвечать на все вопросы. Между ними впервые возникло недопонимание и отчуждение. 9 декабря Делор и Тэтчер отправились в Страсбург, чтобы доложить об итогах прошедшего саммита Европарламенту. И здесь председатель Комиссии выразил свое крайнее неудовольствие по поводу того, что ЕС не смогло согласовать общую политику развития, достичь договоренности о новых программах НИОКР и об Эразмусе (сотрудничестве между университетами и предприятиями, включающей новую программу обмена студентами). Это были именно те вопросы, которые Тэтчер помешала поднять на саммите. Тэтчер поднялась и парировала: «Хорошо бы он сказал все это в Лондоне. Я ему предлагала сделать это, когда он сидел рядом со мной на пресс-конференции. Он был поразительно молчалив».[40] Затем во время обеда с Кокфилдом Тэтчер высказывалась о Делоре в выражениях, недостойных истинной леди. Личные отношения председателя Комиссии и премьер-министра Великобритании были основательно испорчены.

В 1987 году Делор поставил главой юридической службы Комиссии француза Жана-Луи Дево (вместо немца, ранее занимавшего эту должность). Сразу возросла вероятность того, что выносимые этой службой заключения будут иметь политическую окраску. Когда Делор не был согласен с предложениями того или иного комиссара, мнение юридической службы давало ему лишний довод, часто позволявший одержать верх в споре. В сентябре того же года в отставку ушел француз Эмиль Ноэль, занимавший пост генерального секретаря Комиссии с 1958 года. На смену ему пришел англичанин Дэвид Уильямсон, добросовестный администратор, абсолютно преданный Делору. Ставя на ключевые посты «своих людей», Делор и Лами создавали себе постепенно сеть надежных сторонников. Смысл существования «сети Делора» состояла в том, чтобы поставлять председателю информацию и проводить в жизнь его пожелания.

В феврале 1987 г. Делор обнародовал в Европарламенте свои предложения, которые в дальнейшем получили известность как «Пакет Делора». Он призвал заранее, на пять лет вперед, установить постоянный объем средств, выделяемых по каждой крупной статье расходов (к примеру, общая сельскохозяйственная политика, затраты на управление, финансирование НИОКР). В годовых бюджетах следовало лишь уточнять подробности, так Сообщество избавилось бы от ежегодно повторяющихся финансовых распрей. В течение пяти лет можно было удвоить размеры фондов структуризации, оставив при этом для Великобритании предусмотренные в ее случае скидки по взносам в бюджет. Справиться с накоплением излишков сельскохозяйственной продукции рекомендовалось путем введения схемы автоматического снижения цен, если производство превышает определенный (заранее установленный) уровень. Все вопросы, связанные с «Пакетом Делора», было решено вынести на Копенгагенский саммит, намеченный на декабрь 1987 г.

В апреле 1987 года был опубликован Доклад итальянского банкира Томмазо Падоа-Шоппа, написанный по личной просьбе Делора и посвященный последствиям, которые Программа-92 может иметь для будущего ЕС. В документе содержалось предупреждение, что «полная либерализация движения капиталов несовместима с сегодняшним положением, которое сочетает в себе стабильность валютных курсов и значительную самостоятельность национальных государств в проведении денежной политики». Падоа-Шоппа рекомендовал «значительно усилить координацию денежной политики и механизм Европейской валютной системы, без чего не смогут ни сохраниться, ни сосуществовать свобода движения капиталов и дисциплина валютных курсов». В итоге автор намекал, что пришла пора рассмотреть вопрос о создании Экономического и валютного союза (ЭВС): «Мобильность капитала и фиксация валютных курсов в сочетании друг с другом не оставляют места для независимой денежной политики».[41]

Под влиянием этого доклада были достигнуты Базельско-Ньюборгские соглашения, подписанные в сентябре 1987 года министрами финансов и управляющими центральными банками стран ЕС. Целью соглашений было укрепление Механизма валютных курсов за счет введения новых правил сотрудничества центральных банков, способствующих поддержке слабых валют. После биржевого краха 19 октября 1987 г. Делор заявил, что бури, поднимаемые колебаниями доллара, создают риск дестабилизации Европейской валютной системы и «следующим шагом может быть только создание Европейского центрального банка ... и выдвижение ЭКЮ на роль международной резервной валюты».[42]

Для ускорения темпов экономического развития стран ЕС Европейский совет принял 28 августа 1987 года Вторую рамочную программу НТР, рассчитанную на 1987-1991 годы. Но последовавший затем долгожданный Копенгагенский саммит завершился безрезультатно, будучи омрачен взаимным озлоблением участников. Дело в том, что в соответствии с ЕЕА Совет министров стал решать многие проблемы единого рынка «квалифицированным большинством голосов», хотя в том, что касалось свободного передвижения людей, прав наемных работников и налогообложения, сохранялось еще правило единогласия. С учетом принятой в Совете сложной системы взвешенных голосов «квалифицированное большинство» означало, что три страны (две крупные и одна меньшая) могли наложить вето на любой закон. Однако ЕЕА основательно изменил распределение власти, сместив ее от национальных правительств к учреждениям Сообщества (и к Комиссии от Парламента). Комиссия получила возможность предлагать законы в новых для себя сферах, и ее проекты могли теперь гораздо легче проходить через Совет министров. Государства-члены не только передавали ряд своих полномочий институтам Сообщества, но и переводили деньги из собственных бюджетов в бюджет ЕС. Не всем это одинаково нравилось. В частности, у «Пакета Делора» не было никаких шансов быть принятым, пока ФРГ не согласится взять на себя оплату большей части

счета. Западная Германия, занявшая в январе 1988 г. пост председателя ЕС, решила созвать чрезвычайную встречу в верхах.

Комиссары собрались 27 января для того, чтобы обсудить программу предстоящего саммита. Делор подозревал, что за его спиной некоторые члены Комиссии в критическом свете представляли своим правительствам его бюджетные предложения. Он объявил коллегам, что если на Брюссельской встрече в верхах его пакет не пройдет, сам он подаст в отставку и им следует поступить так же. Никто не выразил желания последовать этому призыву, и Делор обвинил комиссаров в трусости и измене. В ходе заседания, длившегося два часа, председатель четырежды предупредил своих коллег, что им следует быть готовыми уйти в отставку вместе с ним. Затем в течение нескольких дней он не разговаривал ни с кем из членов Комиссии. Клод Шейссон, комиссар по развитию, сказал коллегам, что Делору, возможно, следует взять длительный отпуск и лечь в больницу. Однако председателю не пришлось испытывать своих коллег на верность. 11-13 февраля 1988 г. на чрезвычайной сессии Европейского совета в Брюсселе государства-члены одобрили проект финансовой реформы (так называемый «Пакет Делора-I»).[43]

Был также достигнут компромисс по проблеме ограничения расходов на общую аграрную политику, что сняло важные препятствия на пути к единому рынку. До этого около двух третей бюджета Сообщества приходилось на Общую сельскохозяйственную политику (ОСП). Оказывалась существенная поддержка фермерам: их продовольственная продукция покупалась по искусственно завышенным ценам даже при отсутствии спроса. Затем ОСП субсидировала экспорт излишков, которые продавались по бросовым ценам на рынках стран Третьего мира. На саммите бедные страны запросили больше денег для фондов структуризации, а Тэтчер – больше контроля над расходами на сельское хозяйство. Коля согласился на удвоение средств в фондах структуризации притом, что ФРГ брала на себя львиную долю дополнительных взносов. Новым источником пополнения бюджета ЕС (в дополнение к таможенным сборам, пошлинам с импорта сельхозпродуктов и поступлениям от НДС) было предложено сделать взносы, пропорциональные ВВП каждого государства. Это было выгодно, прежде всего, бедным странам. Потолок для общих расходов ЕС был установлен в 1,05% ВВП Сообщества в 1988 г. (в 1992 г. – уже 1,2%, что означало 70 млрд. ЭКЮ в ценах 1992 года).[44]

Первоначально, впрочем, Тэтчер отклонила предложение Коля-Делора, посчитав суммы, выделяемые в фонды структуризации слишком большими, а инструменты стабилизации сельского хозяйства слишком слабыми. На второй день Брюссельского саммита (около полуночи) компромисс еще не был найден. Делор попросил прервать заседание и вместе с Джеффри Хау, послом Великобритании в ЕС сэром Дэвидом Ханнэйем и генеральным секретарем Комиссии Дэвидом Уильямсом принялся уговаривать «железную леди». В три часа утра она сдалась, посчитав привлекательными «ориентиры для сельского хозяйства», которые должны были ограничить рост расходов в этом секторе 74 процентами всех прибавок к бюджету. Важнейшим итогом Брюссельской встречи в верхах явилось то, что о бюджетных спорах забыли на целых пять лет. Впервые мировые средства массовой информации подавали Делора как звезду – он, наконец, выбрался из безвестности. Его умение вести переговоры получило всеобщее признание.

Достигнутое в феврале 1988 года соглашение по «пакету Делора» дало лидерам ЕС время подумать о новых задачах. Удвоение средств фондов структуризации имело для бедных государств макроэкономическое значение. Теперь они были готовы обсуждать проект создания ЭВС (при условии нового увеличения помощи регионам). Образование единого рынка шло с явным успехом. Сообщество проникалось верой в свои силы и могло ставить перед собой новые честолюбивые цели. Однако отсутствие единой валюты затрудняло развитие взаимной торговли стран ЕС и тем самым мешало единому рынку быть по-настоящему единым. Поэтому истинные сторонники европейской интеграции настаивали на том, что пришло время сделать решительные шаги к образованию ЭВС.

Еще в январе 1988 г. Эдуар Балладюр, министр финансов Франции, разослал правительствам ЕС памятную записку. В ней говорилось, что центральному банку страны со слабой валютой приходится нести чересчур тяжелое бремя валютной стабильности, и что учреждение Европейского центрального банка позволит решить эту проблему. От министра финансов Италии Джулио Амато поступила записка с критикой Механизма валютных курсов (МВК), который (по его мнению) навязывал дефляцию всем, кроме ФРГ. Данному Механизму, урезающему самостоятельность партнеров Западной Германии, Амато предпочел бы согласованное сокращение суверенитета в пользу Европейского центрального банка. Понятно, что ФРГ не горела желанием расстаться со своей маркой. Однако министр иностранных дел Западной Германии Ханс-Дитрих Геншер полагал, что его страна не может вечно обслуживать работу МВК. В заключение памятной записки, которую он разослал правительствам стран ЕС в феврале 1988 года, говорилось: «Создание единой Европейской валютной зоны с Европейским центральным банком является экономически незаменимым стержнем внутри европейского рынка».[45] В марте Хельмут Коль и Валери Жискар д'Эстен обнародовали совместный план образования Экономического и Валютного союза. Тогда же, во время своего очередного визита к Делору, Падоа-Шоппа заявил, что проект директивы ЕС о свободном движении капитала превратил создание ЭВС в срочную необходимость. Он сумел убедить председателя Комиссии, что данный шаг не является преждевременным.

В марте 1988 г. Комиссия обнародовала результаты исследования, посвященного возможным экономическим последствиям выполнения Программы-92. Доклад подготовила группа под руководством итальянского экономиста Паоло Чеккини. Авторы предсказывали кратковременное увеличение безработицы, но в долгосрочном плане сулили образование 5 млн. новых рабочих мест. Они утверждали, что устранение пограничных проверок поднимет ВВП Сообщества на 0,2-0,3 процента, ликвидация технических барьеров добавит к этому 2-2,4 процента, а еще от 2,1 до 3,7 процента будут получены за счет расширения масштабов производства и большей конкуренции. В конечном счете, это складывалось в прирост ВВП в размере 4,25-6,5 процента или 119-175 млрд. ЭКЮ.[46] Доклад Чеккини был широко разрекламирован и помог убедить деловых людей, что Программу-92 следует воспринимать серьезно.

Однако у Делора возникло беспокойство, что профсоюзы могут лишиться его политической поддержки, ибо инвестиции устремлялись в страны с наименее строгими режимами регулирования трудовых отношений. Это грозило «социальным демпингом», поэтому в мае 1988 г. на конференции Европрофа в Стокгольме председатель Комиссии представил свою новую стратегию. Он пообещал, что ЕС, следуя общему духу Социальной хартии, примет ряд законов, которые установят некоторые минимальные стандарты. «Статус европейской компании» позволит фирмам регистрироваться на правовых основах ЕС и получать соответствующие налоговые льготы. Но при этом они обязаны будут соблюдать порядок консультаций со своими работниками. Делор пообещал также, что рабочим будет предоставлена возможность повышения профессиональной квалификации на протяжении всей их трудовой деятельности.

Данные заявления председателя Комиссии привлекли на его сторону профсоюзы, но несколько омрачили отношения с промышленниками. В частности, генеральный секретарь Конфедерации европейских организаций работодателей Зигмунт Тышкевич в ноябре 1988 г. публично подверг Комиссию критике за то, что она тратит слишком много времени на социальную политику, а рынку внимания уделяет недостаточно. В том же месяце, во время торжеств, посвященных тридцатилетию Unice, главы ее национальных ассоциаций были приглашены на встречу с председателем Комиссии. Делор заявил, что их неприятие «социального измерения» подрывает строительство Европы: «Если вам хочется классовой войны, вы ее получите». Тогда же он поручил Экономическому и социальному комитету Сообщества (совещательному органу в составе представителей работодателей,

профсоюзов и профессиональных ассоциаций) подготовить проект Социальной хартии. [47]

В первой половине 1988 года в ЕС был принят ряд законов, направленных на создание единого внутреннего рынка, включая общее соглашение о введении к 1 июля 1990 г. свободы движения капиталов. Впрочем, бедным странам (Испании, Португалии, Ирландии и Греции) разрешалось продлить этот срок. До конца 1988 г. Совет министров утвердил более половины предложений Белой книги. Этот успех изменил представления мира о Комиссии и Сообществе. У стран-членов ЕАСТ появилась боязнь остаться за бортом, и они стали подумывать о присоединении к ЕС. Американцы также обратили внимание на Делора: в феврале 1989 г. вышел номер “Newsweek” с его портретом и подписью «Царь брюссельский: Строитель Евроимперии-1992».[48] В порядке подготовки к условиям нового рынка многие европейские компании увеличивали вложения за границей или шли на поглощение иностранных фирм. Промышленные инвестиции, которые в 1982-84 годах держались на одном уровне, в 1985-87 гг. показали среднегодовой рост 3,5%, а в 1988-90 гг. – 7,5%.

В конце июня 1988 г. на саммите в Ганновере главы государств и правительств единогласно поддержали назначение Делора председателем Комиссии на второй четырехлетний срок. Даже Тэтчер выступила «за», ибо понимала, что помешать этому не сможет. Все же остальные хотели, чтобы председатель Комиссии продолжал свою продуктивную деятельность. На этой же встрече в верхах был образован Комитет по Экономическому и валютному союзу: «Европейский совет исходит из того, что, принимая Единый акт, государства-члены подтвердили свою цель постепенного создания Экономического и Валютного союза. Поэтому на Мадридской встрече в июне 1989 года решено рассмотреть вопрос о средствах достижения этого союза. С этой целью решено создать комитет, который проведет соответствующую исследовательскую работу и внесет конкретные предложения о мерах, содействующих образованию Союза. Председательствовать в комитете будет Жак Делор».[49] Первоначально Геншер предлагал образовать группу из пяти авторитетных специалистов и возложить на них подготовительную работу. Но Делор настоял на привлечении управляющих центральными банками, чьи профессиональные знания придали бы вес всему, о чем они смогли бы договориться.

Еще 13 июня министры финансов стран ЕС достигли соглашения об отмене контроля над валютным обменом, и это решение помогло убедить правительство ФРГ в том, что ЭВС – цель достижимая. Сам Делор сыграл ключевую роль в привлечении Коля на сторону ЭВС, проведя с канцлером ФРГ несколько личных встреч. В результате 27 июня, сразу после открытия Ганноверского саммита, во время ужина в замке Гернхаузен Коль публично предложил Делору возглавить комитет, который будет работать над проблемой создания ЭВС (о чем сам Делор настаивал в ходе предварительных переговоров). Немедленных возражений ни у кого не нашлось. Коль попросил Делора подготовить на завтра соответствующим образом оформленные соображения. И предложенный председателем текст был в основном принят, хотя Тэтчер убрала из него упоминания о единой валюте и центральном банке. Комитет должны были составить действующие в личном качестве управляющие двенадцати центральных банков, а вместе с ними комиссар Франс Андриессен, испанский банкир и бывший министр финансов Мигель Бойер, главный управляющий Банка международных расчетов бельгиец Александр Ламфалусси и датский экономист Нильс Тигесен. Называя эти имена, Делор имел в виду создать противовес некоторым скептически настроенным управляющим банков, особенно же – Карлу Отто Пёлю (представлявшему в комитете Бундесбанк) и Робину Ли-Пембертону (управляющему Английским банком).

6 июля председатель Комиссии, выступая перед Европарламентом в Страсбурге, отметил, что за последние шесть месяцев ЕС приняло больше решений, чем за все время с 1974 по 1984 год: «Через 10 лет 80% экономических и, может быть, даже налоговых и

социальных законов будут исходить из ЕС». Далее Делор заявил, что в интересах эффективности к 1995 году Сообщество должно будет положить начало Европейскому правительству. Он попросил всех подумать, каким образом лучше к этому подойти.[50]

7-8 сентября 1988 г. Делор посетил ежегодную конференцию Британского конгресса профессиональных союзов (БКТ) в Борнмауте. Он выступил перед собравшимися и сумел рассеять их враждебность к Программе-92. Делегаты приняли резолюцию в пользу единого внутреннего рынка стран ЕС. С этого времени британское рабочее движение рассталось со своим прежним неприятием единой Европы. Под воздействием Делора профсоюзы начали видеть в Брюсселе противовес всевластию «железной леди». Тэтчер же посчитала, что с нее довольно. Она попыталась расправиться с Делором в речи, произнесенной 22 сентября в Коллеже Европы в Брюгге: «Мы не для того сокращали власть государства в жизни Британии, чтобы на общеевропейском уровне нам ее вернули обратно, навязав исходящее из Брюсселя новое господство европейского сверхгосударства».[51] Слова Тэтчер вдохновили антиевропейски настроенных консерваторов на создание «Группы Брюгге». Делор же продолжал свою линию на создание «европейского социального пространства».

С сентября 1988 по апрель 1989 года в базельском здании Банка международных расчетов (БМР) активно заседал Комитет Делора, проведя восемь заседаний. Повестки для первых двух встреч Делор ограничил обсуждением общих принципов и выяснением ошибок, допущенных во время прежних попыток создания ЭВС. Докладчиками, то есть секретарями, которым надлежало готовить проекты текстов, были назначены Падоа-Шоппа и Гюнтер Баер, немецкий служащий БМР (последний – по протекции Пёля). Решено было говорить только по-английски, что ускорило обмен мнениями. «Прагматики» предлагали идти мелкими шажками. Так, Жак де Ларозьер, управляющий Банком Франции, выступил за немедленное образование Европейского резервного фонда, который будет управлять частью валютных резервов центральных банков и сам постепенно разовьется в Европейский центральный банк (ЕЦБ). «Фундаменталисты», напротив, делали упор на отработку конечных форм институтов и на необходимость нового договора. Они хотели, чтобы ЕЦБ стал подобием Бундесбанка и единственным институтом, ответственным за денежную политику. Однако они возражали против превращения ЭКЮ в настоящую новую валюту (как и против корзины существующих валют) в период перехода к ЭВС, чтобы не осложнять управления денежной массой.

Де Ларозьер и Карло Адельо Кьямпи, управляющий Банком Италии, выражали опасения, что такой подход к делу («всё или ничего») затруднит создание настоящего Валютного союза. Но Пёль вскоре дал понять, что ФРГ не примет никакой иной модели ЭВС. Поскольку без западногерманской поддержки всякое продвижение к Союзу исключалось, прагматикам пришлось уступить фундаменталистам. Делор не пытался склонить управляющих к каким-то определенным выводам и старался сохранять объективность. Влияние на подготовку доклада он оказывал через своих союзников, таких как Кьямпи, де Ларозьер и Тигесен, которых просил выступать вместо себя. Перед каждым заседанием комитета Делор проводил день с Падоа-Шоппа, Баером и своим советником по ЭВС Джоли Диксоном - совместно они вырабатывали тактику поведения и намечали свои предложения. Как только Делор и Падоа-Шоппа заметили, что большинство склоняется к фундаменталистской позиции, они набросали текст, который предпочли бы иметь сами. Личным вкладом Делора в окончательный текст стал сделанный в докладе акцент на необходимость «параллелизма» - одинакового по темпам продвижения как к Экономическому, так и к Валютному союзу. Пёль, в свою очередь, настоял на «обязательных правилах», которые на завершающем этапе ограничивали бы возможности правительств допускать бюджетные дефициты. Он опасался, что в отсутствие таких правил некоторые страны могут пуститься в безоглядное заимствование и навязать высокие процентные ставки всем членам ЕС, а также оказать давление на ЕЦБ с целью смягчения денежной политики, дабы уменьшить бремя своих процентных выплат.

На предпоследнем заседании комитета Делора, в марте 1989 года, Пёль обрушился на некоторые разделы проекта доклада, ранее им уже одобренные, и пригрозил, что не подпишет документ в его конечном виде. Чтобы умиротворить управляющего Бундесбанка, пришлось согласиться на ряд поправок, включая и уменьшение роли ЭКЮ. В опубликованном 17 апреля 1989 года докладе Делора предлагался трехэтапный переход к ЭВС: «Образование Экономического и Валютного союза должно рассматриваться как единый процесс. Хотя этот процесс разбит на этапы, определяющие постепенное движение к конечной цели, решение вступить в первый этап должно быть решением включиться в процесс в целом». Предлагалось начать первый этап 1 июля 1990 года (к этому сроку правительства восьми стран ЕС обещали провести либерализацию движения капиталов).[52]

В ходе первого этапа следовало завершить процесс образования единого внутреннего рынка стран ЕС, ужесточить меры, принимаемые Сообществом для развития конкуренции, и увеличить помощь беднейшим регионам. Все государства-члены должны были присоединиться к Механизму валютных курсов. От министров финансов требовалось договориться о новых процедурах координации макроэкономической политики. Намечалось также укрепление комитета управляющих центральными банками. Второй этап должен был начаться не раньше, чем новый договор будет подписан и ратифицирован. Затем Европейский центральный банк подготовит почву для вступления в заключительный этап создания ЭВС. ЕЦБ, которым будет руководить совет в составе управляющих центральными банками и членов правления, даст общие установки для денежной политики. Но в определении процентных ставок последнее слово останется за правительствами. От имени банков ЕЦБ будет управлять частью их инвалютных резервов. Пересмотры ставок валютных курсов будут допускаться все реже. Полосы курсовых колебаний, устанавливаемые в рамках МВК, будут все уже. Министры финансов станут все основательнее вести взаимное наблюдение за состоянием экономики их стран.

На третьем этапе ставки валютных курсов будут закреплены на постоянном уровне. Вскоре после этого единая валюта придет на смену национальным деньгам. Сохраняя независимость, ЕЦБ будет регулярно отчитываться перед Европарламентом и Европейским советом. Он возьмет на себя поддержание стабильности цен, будет устанавливать процентные ставки и определять политику Сообщества в отношении курсов его валюты. Министры финансов станут согласовывать общую экономическую политику, в том числе – координировать налогообложение в интересах сбалансированной денежной политики ЕЦБ. Обязательные правила заимствования не позволят правительствам чрезмерно погружаться в долги.

Найджел Лоусон, британский канцлер казначейства, назвал проект Делора «одним сплошным недостатком». Однако большинству правительств стран ЕС доклад понравился. Сам Делор заявлял, что возможна Европа, представленная концентрическими окружностями (в центре будут те страны, которые готовы двигаться к политическому союзу, а во втором круге - не желающие этого). Таким образом, председатель не желал более ждать, когда «раскачается» Великобритания. Мысль о необходимости западноевропейского политического союза как гарантии выживания в эпоху глобализации стала основной в деятельности Делора. Он не раз утверждал, что без такого союза европейские страны рискуют превратиться в музеи, куда будут заглядывать американские и японские туристы.

Как раз перед Мадридским саммитом, проходившим 26-27 июня, Испания присоединилась к Механизму валютных курсов, так что за его пределами остались только Португалия, Греция и Великобритания. К сожалению, на встрече в верхах Миттерану не удалось договориться с Колем и Тэтчер о конкретной дате созыва Межправительственной конференции, посвященной созданию ЭВС. Но заключительный документ Мадридского саммита содержал утверждение, что доклад Делора, «наметивший развертывание процесса, который шаг за шагом ведет к образованию ЭВС, свидетельствует о

выполнении данного в Ганновере мандата». Учреждениям ЕС было поручено подготовить первый этап этого процесса, которому надлежало начаться 1 июля 1990 года. МПК предстояло «собраться, как только начнется первый этап и будет проведена полная и всесторонняя подготовка», для определения сроков перехода к последующим этапам.[53]

Если реальное продвижение к ЭВС радовало председателя Комиссии, то подготовленный Экономическим и социальным комитетом проект Социальной хартии его совершенно не удовлетворял. В представленном документе речь шла преимущественно о защите окружающей среды, об охране здоровья и образовании, а также о правах потребителей и детей. Делору же хотелось, чтобы в центре внимания оказались права трудящихся. В июне 1989 г. Комиссия представила на рассмотрение правительств собственный проект Социальной хартии. В течение следующих шести месяцев министры всячески обкатывали и смягчали его с расчетом получить на Страсбургском саммите 8-12 декабря 1989 г. подпись Тэтчер. С этой целью упоминания о минимальной зарплате и максимальной продолжительности рабочего дня были изъяты. Но в Страсбурге Социальную хартию подписали главы только одиннадцати правительств (без Великобритании). Кроме того, документ не имел никакой юридической силы и не содержал предложений для законодателей. Он состоял из тридцати расплывчатых пожеланий, вроде того, что «всякая работа подлежит достойной оплате» и «у каждого должна быть возможность получить доступ к бесплатно предоставляемым услугам государственных учреждений».[54] Многократно упоминалась субсидиарность (взаимодополнительность), то есть подчеркивалось, что ЕС должен действовать только в случае крайней необходимости.

Тэтчер, тем не менее, была крайне недовольна Хартией, в которой она выдела символ презируемых ею ценностей корпоративизма. Еще в июне 1989 г. она окрестила проект документа «марксистским интервенционизмом». Ничуть не больше устраивала Тэтчер и «Программа социальных действий», представленная Комиссией в ноябре 1989 г. Основанная на тех же принципах, что и Социальная хартия, этот документ содержал 47 предложений, из которых 27 предполагали издание обязывающих директив.[55] Сам Делор использовал два довода в защиту социального законотворчества ЕС. Некоторые директивы (например, относительно минимальных стандартов здравоохранения и безопасности) нужны для предотвращения «социального демпинга». Другие (например, ограничение использования детского труда) нужны как выражение общих европейских ценностей. Иначе «европейской модели общества» (как Делор это называл) грозит опасность. Часто в суждениях Делора «европейская модель» приравнивается к идеалу христианского персонализма: «Отдельная личность должна быть способна к самореализации, человек должен быть настоящим гражданином».[56]

В преддверии Страсбургской встречи в верхах Комитет экспертов во главе с Делором продолжил работу над проектом соглашения об Экономическом и валютном союзе. 8-9 декабря 1989 года на сессии Европейского совета в Страсбурге руководители стран-членов ЕС договорились, наконец, о созыве Межправительственной конференции по проблеме создания Экономического и валютного союза до конца 1990 года. На Страсбургской сессии было решено также создать Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) для стран Центральной и Восточной Европы с целью оказания помощи данным государствам в деле перевода их экономик на рыночный путь развития. Кроме того, каждой демократической стране Восточной Европы предлагалось заключить «европейское соглашение», что влекло за собой облегченный доступ на рынки ЕС. Тем самым новая восточная политика Сообщества получила бы солидное экономическое основание. Но саммит проходил в условиях, когда франко-германские отношения были сильно натянуты. С сентября 1989 г. по март 1990 г. существовал франко-британский альянс, пытавшийся замедлить объединение Германии.

За ужином, состоявшимся 8 декабря 1989 г. (на исходе первого дня Страсбургского саммита), Коль отказался дать обещание, что он возьмет четкое обязательство уважать

проходящую по Одеру-Нейсе границу между Восточной Германией и Польшей. Ссылка Коля на то, что общественное мнение Германии еще не подготовлено, вызвало негодование Миттерана, Тэтчер, Джулио Андреотти и Рууда Любберса (представлявшего на встрече Нидерланды). Однако в заключительном документе саммита, принятом на следующий день, Коля получил большую часть того, что хотел: «Германский народ придет к единству на основе свободного самоопределения ... Этот процесс должен разворачиваться свободно и демократично, при полном соблюдении соответствующих соглашений и договоров и всех принципов Хельсинкского заключительного акта; он должен проходить в контексте европейской интеграции». Эти оговорки означали, что Германия будет соблюдать «Берлинские соглашения», подписанные четырьмя союзными державами после Второй мировой войны, и Хельсинкские договоренности с их упором на нерушимость границ.[57]

В 1989 году Делор назначил француза Жерома Виньона главой Секции перспективных разработок, мозгового треста Комиссии. Виньон твердо следовал социальному учению Католической Церкви, и в близком окружении Делора не было человека, менее подверженного чарам свободного рынка. Секция снабжала председателя сведениями по широкому кругу вопросов: от налогообложения энергоносителей и возможного будущего, которое ждет государство социальной помощи, до справок о богословских источниках принципа субсидиарности (взаимодополнительности). Границы между канцелярией Делора и Секцией размывались, равно как и границы между канцелярией и генеральным секретариатом. «Сеть Делора» в очередной раз расширилась.

Меж тем история набирала скорость. В июне 1989 г. в странах Сообщества в третий раз прошли прямые выборы в Европейский парламент, в июле Австрия подала заявку на вступление в ЕС, а Большая семерка на встрече в Париже попросила Комиссию заняться координацией западной помощи восточно-европейским странам. С этой инициативой выступил лично президент США Джордж Буш. Таким образом, Комиссия становилась клиринговым домом, посредничающим между «Группой 24-х» (то есть богатыми государствами, пообещавшими оказывать помощь) и странами-получателями. Изначально речь шла только о Польше и Венгрии. Но «Группа 24-х» предоставляла затем помощь каждой очередной стране, избавлявшейся от тоталитарного режима. Комиссия же одновременно проводила в жизнь свою собственную программу технического содействия Центральной и Восточной Европе (“Phare”).[58]

К этому времени в СССР гласность (в сочетании с экономическими проблемами) уже подорвала основы прежнего строя. М.С. Горбачев имел собственное видение объединенной Европы. В своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (1988) он писал: «Кое-кто на Западе пытается «исключить из Европы Советский Союз. То и дело, будто ненароком, ставят знак равенства между понятиями «Европа» и «Западная Европа». Но подобные ухищрения ничего не могут изменить ... Мы – европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство ... История России – органическая часть великой европейской истории ... Европа – это действительно наш общий дом ... Европа «от Атлантики до Урала» - это и историко-культурная целостность ... Строительство «общеευропейского дома» нуждается в материальном фундаменте – в деловом сотрудничестве в самых различных областях».[59] 18 декабря 1989 г. было подписано Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве ЕС и СССР.

7 июля 1989 г. на совещании глав государств и правительств стран-участниц Организации Варшавского договора (ОВД) в Бухаресте М.С. Горбачев подтвердил право всех социалистических стран на собственный путь развития. Сначала Венгрия и Польша, а затем и другие государства региона становились на путь демократических преобразований. Они нуждались в западной помощи, чтобы строить рыночную экономику. Еще 26 сентября 1988 года ЕС подписало договор о торговой и экономической помощи и сотрудничестве с Венгрией. На парламентских выборах в Польше 4 июня 1989 г. Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) потерпела сокрушительное поражение.

В результате главой правительства стал Тадеуш Мазовецкий, кандидатуру которого выдвинул независимый профсоюз «Солидарность». К концу года в Чехословакии также победила «бархатная революция». Изменения в Центральной и Восточной Европе убедили некоторые из стран ЕС в том, что им следует поднять уровень координации их внешней политики. В ноябре-декабре 1989 г. служащие ЕС и ЕПС (комитет «политических директоров» и брюссельский секретариат в составе шести человек, составляющие аппарат Европейского политического сотрудничества) уже проводили совместные заседания по Восточной Европе.

18 декабря 1989 г. ЕС и 69 стран АКТ подписали Четвертую Ломейскую конвенцию. Документ, рассчитанный на период до февраля 2000 г., вступил в силу в марте 1990 г. Одним из приоритетных направлений стало финансирование мероприятий, связанных с погашением внешней задолженности стран АКТ. Большое внимание уделялось также осуществлению экологических и правозащитных проектов. В частности, предусматривалась более жесткая политика (вплоть до замораживания экономической помощи) в отношении стран, где систематически нарушаются права человека. Новшеством стало заключение конвенции не на пять, а сразу на десять лет, причем на первый пятилетний срок предусматривалось выделение 12 млрд. ЭКЮ в виде субсидий и льготных займов по сниженным процентным ставкам, а на второй – 13,3 млрд. ЭКЮ.[60] Следует отметить, что переговоры о предоставлении столь значительных сумм шли непросто вследствие особой позиции некоторых государств-членов ЕС, особенно Великобритании, Дании и ФРГ.

На протяжении всего 1989 года Делор проповедовал идею Европы концентрических кругов. Он представлял дело так: в центре круг образуют страны, готовые двигаться к созданию федерации, в следующий круг войдут те государства-члены ЕС, которым претит федеративная система правления (например, Великобритания), далее последуют страны ЕАСТ (которые образуют вместе с ЕС «Европейское экономическое пространство») и, наконец, самый широкий круг составят восточноевропейские государства. Еще в январе 1989 г. председатель, выступая в Европарламенте, обнародовал схему, способную связать ЕС и семь стран ЕАСТ новыми, более структурированными отношениями, опирающимися на общие процедуры принятия решений и совместные управленческие институты. Эти семь стран присоединились бы к единому рынку, но не к Сообществу в целом. Государства ЕАСТ вызов приняли, и в декабре 1989 г. открылись переговоры о создании «Европейского экономического пространства» (ЕЭП).

В условиях распада биполярной системы. проблема объединения Германии стала важнейшей для исторического развития единой Европы. Без восстановления целостности немецкого государства невозможно было даже мечтать об интеграции всего европейского геополитического пространства. 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена. 28 ноября канцлер ФРГ Хельмут Коль, выступая в Бундестаге, предложил создать конфедерацию двух германских государств.[61] А ещё 5 октября в Бонне Делор похвалил западных немцев за их вклад в ЕС (в том числе – за валютную стабильность, социальную рыночную экономику и принципы федерализма и субсидиарности, которым они верны) и выразил мысль, что ЕС является «наиболее реалистичной структурой» для рассмотрения германского вопроса: «Наше Сообщество, ваше Сообщество распаивает свои объятия перед всеми немцами». Затем он затронул тему предстоящего пересмотра договоров: «Для проблем Экономического и Валютного союза не найдется решений, если параллельно и одновременно не будут происходить институциональные изменения, которые гарантировали бы демократическое и политическое равновесие Сообщества. Это предполагает сокращение дефицита демократии в наших институтах, которое идет тем успешнее, чем более эффективными и сильными становятся исполнительные органы Сообщества».[62]

В Брюгге 17 октября 1989 г. Делор выступил с ответом на речь Тэтчер (произнесенную там же годом раньше), излагая попутно суть своей политической философии: «Перед лицом колоссальных сдвигов, сотрясающих мир и особенно другую

часть Европы, жизненно важно, чтобы Сообщество во всеоружии заново обретенного динамизма упрочило свою сплоченность и поставило перед собой задачи, соразмерные вызовам, которые История бросила нам в последнее время ... У Сообщества и образующих его народов и стран не будет истинного существования до тех пор, пока они не будут располагать средствами для защиты своих ценностей и ... для проявления своей щедрости. Давайте станем достаточно сильными, чтобы пользоваться уважением и продвигать наши ценности свободы и солидарности ... мы должны объединить старые страны, сильные своими традициями и самобытностью. Так что нет никакого заговора против нации, никого не просят расставаться с законным патриотизмом ... разве есть что-либо кощунственное в чувстве принадлежности каждого европейца к Сообществу, которое в какой-то степени будет его вторым отечеством? ... Как иначе мы можем проложить путь к решению, если не усилением федеративных начал Сообщества ... ? В этом мы находим единственный приемлемый и удовлетворительный ответ на германский вопрос».[63]

Делор цитировал Геншера, говорившего, что Германия никогда не должна быть препятствием на пути к процветанию Европы и что ей следует вести себя так, чтобы это имело благотворные для всех последствия. Таким образом, он убеждал западных немцев подписать договор об ЭВС, вместо того, чтобы «гипнотизировать» себя событиями, происходящими в Восточной Европе. Если усилить институты ЕС, партнеры Германии будут меньше опасаться ее воссоединения. Не говоря этого прямо, Делор имел в виду, что скованная общей внешней политикой, даже значительно усилившаяся Германия не сможет шантажировать и запугивать своих соседей.

Многие влиятельные западные немцы, такие как Рудольф Аугштайн, редактор “Der Spiegel”, утверждали, что первостепенной задачей после крушения Берлинской стены должно быть единство Германии, а не Европы. Кроме того, они опасались, что ЭВС и общая политика безопасности создадут дополнительные трудности для вступления в ЕС Польши и Венгрии. Пёль и западногерманский министр финансов Тео Вайгель возражали против назначения конкретной даты созыва межправительственной конференции. Вайгель говорил, что замедление интеграционного процесса позволит ЕС набраться больше опыта на первом этапе продвижения к ЭВС и даст Великобритании время преодолеть свое отставание. С этим соглашался Коль, заявивший 4 ноября 1989 г. Миттерану, что на декабрьском саммите в Страсбурге он не назначит на осень даты открытия МПК. Поддержали такую позицию также правительства Дании, Голландии и Люксембурга.

Напротив, Геншер говорил, что ускоренная интеграция в рамках ЕС поможет улесться опасениям, вызываемым воссоединением Германии, и закрепит ее прозападную ориентацию. За скорейшее продвижение к ЭВС выступали многие деловые люди Европы. В сентябре 1989 г. Ассоциация сторонников Валютного союза Европы опубликовала данные опроса 1428 старших управляющих компаниями в семи крупнейших странах ЕС. В пользу единой валюты высказалось 76% опрошенных (но в ФРГ – 69%, а в Великобритании – 65%). Курс на ускорение экономической интеграции разделяли также правительства Франции, Италии, Испании и Бельгии. Делор, опираясь на их поддержку, требовал назначения конкретной даты созыва МПК. Когда западногерманское телевидение спросило председателя, не вызывает ли у него беспокойства желание Восточной Германии войти в ЕС, он ответил по-немецки, что «нисколько не боится». На вопрос, могут ли оказаться в ЕС две Германии, Делор объявил, что это решать должны сами немцы.[64]

В ноябре 1989 г. Джон Мэйджор, новый британский канцлер казначейства, придал огласке план, согласно которому после первого этапа становления ЭВС каждое правительство должно было отменить ограничения на использование валюты других государств ЕС. Предполагалось, что граждан будут отучать от использования чужой валюты путем соревнования в снижении уровня инфляции. Этот план «конкурирующих валют» не получил никакой поддержки даже со стороны осторожных западных немцев,

таких как Пёль и Вайгель, ибо он был несовместим с фиксированными обменными курсами, а значит и с ЭВС.

17 ноября 1989 г. Миттеран пригласил лидеров ЕС на ужин в Елисейском дворце, где он выдвинул идею Европейского банка реконструкции и развития. Собравшиеся одобрили как создание ЕБРР, так и выделение миллиарда ЭКЮ на оказание помощи Польше и Венгрии. Они не стали обсуждать проблему германского единства, но Коль выступил с заверениями, что события на Востоке не подорвут обязательств Западной Германии в отношении европейской интеграции.

Предполагаемое расширение ЕС также требовало институциональной реформы. Выступая в конце ноября 1989 г. в Европарламенте, Делор предупредил, что Сообщество, состоящее из 20 членов, будет просто неспособно принимать решения, если сохранит свои прежние институты. Решение проблемы председатель видел в организации еженедельных встреч в Брюсселе заместителей премьер-министров или в превращении Комиссии в исполнительный орган, наделенный большими полномочиями и не столь широкий по составу. Второй вариант лично для Делора явно был предпочтительней. Реформа предполагала также «более мощный демократический контроль», который мог обеспечить только Европарламент.

На Страсбургском саммите споры об изменениях в институциональном устройстве ЕС обострились. Датчане хотели увеличить полномочия Сообщества на проведение социальной и природоохранной политики. Итальянцы требовали дать больше власти Европейскому парламенту. Энрике Барон, председатель Европарламента, выступил со списком требований о реформе устава. Однако французы не допускали включения в повестку дня самого вопроса об институциональных изменениях. В результате, в заключительном документе саммита эти идеи не получили отражения, если не считать вставленного по настоянию Коля предложения расширить полномочия Парламента, который будет избран в 1994 году.[65]

Только в самом конце декабря 1989 г. Ф. Миттеран выступил со своим планом широкой Европейской конфедерации, куда должны были войти и восточноевропейские государства. Ф. Миттеран еще в октябре 1985 г. намекал нашему М.С. Горбачеву, что пора «пойти по пути более широкой европейской политики». А в 1986 г., находясь в Москве, Миттеран заявил: «Надо, чтобы Европа действительно вновь стала главным действующим лицом собственной истории, чтобы она в полной мере могла играть роль фактора равновесия и стабильности в международных отношениях».[66] На практике это означало возвращение к концепции «Европы от Атлантики до Урала» Шарля де Голля.

Данная идея Делору не понравилась, ибо радикальное расширение Сообщества на Восток притормозило бы углубление интеграционных процессов, а председателя Комиссии все более увлекала проблема создания политического союза стран-членов ЕС. В январе 1990 г. Делор заявил Европарламенту, что предстоящая межправительственная конференция должна быть разбита на две части, и под одним председательством может решить два вопроса: об образовании ЭВС и о других институциональных изменениях. Он выступал за то, чтобы эти вопросы рассматривались параллельно, а не последовательно, так как Коль настойчиво предупреждал, что немцы не примут ЭВС без политического союза. К этому времени воссоединение Германии стало делом почти несомненным, и Коль питал некоторые опасения. Он искренне не хотел, чтобы его страна «поддавалась на разные соблазны», поэтому объединение Германии и объединение Европы должны были идти рука об руку. «Общегерманскому дому», по выражению Коля, требовалась «общеевропейская крыша». В том же январе 1990 г. Делор предложил на встрече министров иностранных дел в Дублине три варианта привязки Восточной Германии к ЕС: предоставление ей статуса ассоциированного члена, открытие для нее возможности быстрого вступления в Сообщество или воссоединение Германии. Министр иностранных дел Голландии Ханс ван ден Брук выступил с резким отпором председателю за то, что тот предложил для Германии особый режим и сказал, что это посеет страх образования

Великой Германии и вызовет негодование в Восточной Европе. Ван ден Брука поддержали его коллеги из Франции, Великобритании и Бельгии.

Как Ирландия, председательствовавшая в ЕС в первой половине 1990 г., так и сменившая ее Италия приветствовали идею созыва второй межправительственной конференции (посвященной институциональной реформе). 23 января Делор выступил по французскому телевидению с программным заявлением, в котором озвучил свою главную цель - создать до конца тысячелетия из ЕС «настоящую федерацию». Комиссия, по его словам, должна была стать «исполнительным политическим органом», ответственным перед Европарламентом. Национальные государства, в свою очередь, могли быть представлены на федеральном уровне либо Европейским советом, либо второй палатой национальных парламентов. По мысли Делора, восточноевропейским государствам и странам ЕАСТ предстояло остаться за пределами федерации: «Я не вижу, как мы можем строить эту большую Европу, этот Европейский Дом Горбачева, не имея прочной опоры, а такой прочной опорой является Сообщество двенадцати». Одновременно председатель пытался успокоить тех, кто боялся германского объединения, тем, что Римский договор установил для Восточной Германии право вступить в ЕС: «Если Германия останется вне Европы, к чему это приведет? В этом случае наши кошмары могут стать явью ... Восточные немцы – такие же немцы, как и западные; их заявка – не то же самое, что заявки австрийцев или норвежцев».[67]

Тон выступления Делора не понравился некоторым высокопоставленным западноевропейским политикам – в течение всего 1990 года французские и британские правительства проводили политику скрытого бунта против председателя Комиссии лично и возглавляемой им организации. Жан-Пьер Шевенман, министр обороны Франции, заявил, к примеру, что Жак Делор высказывается как глава правительства, являясь всего лишь «старшим чиновником гражданской службы». Ян Дэвидсон, обозреватель “Financial Times”, отметил, что Делор действовал «по существу через головы государств-членов ЕС, определяя для европейских избирателей повестку дня и условия ее обсуждения».[68] Впрочем уловив перемену климата, Делор отменил намеченное на апрель представление записки Комиссии с предложениями о политическом союзе. И в дальнейшем до ноября 1991 года в речах председателя о столь глубокой политической интеграции не было ни единого упоминания. Инициативу, однако, быстро перехватил Европарламент.

В марте 1990 г. лейборист Дэвид Мартин представил в Европейском парламенте доклад, требующий для представительного органа ЕС права законодательной инициативы (посягая на монополию Комиссии), равных с Советом министров прав для принятия законов («сопринятие»), права утверждать каждую очередную группу комиссаров и увольнять отдельных их них, права налагать вето на торговые соглашения и на поправки к договорам. Проект Мартина призывал также к более решительным социальным и природоохранным мерам и более широкому применению в Совете министров правила принятия решений квалифицированным большинством голосов.[69] Доклад был одобрен Европарламентом и оказал влияние на ряд правительств, признавших умеренный характер предложенных в нем реформ.

От Марка Эйскенса, бельгийского министра иностранных дел, поступила памятная записка, поддерживавшая многие парламентские требования и добавлявшая к ним предложения об общей внешней политике ЕС и о повышении его роли в области обороны. Ирландцы объявили о созыве 28 апреля очередного саммита для рассмотрения вопросов германского единства и создания политического союза. К весне 1990 г. все пограничные с Германией государства ЕС (Дания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург и Франция) стремились ограничить ее свободу, чему мог бы способствовать политический союз. Однако Колю пришлось основательно потрудиться, чтобы добиться от Миттерана поддержки своей инициативы.[70]

Как бы там ни было, 18 апреля 1990 г. Колю и Миттеран опубликовали совместное письмо с призывом преобразовать межгосударственные отношения, подняв их уровень до

образования Европейского союза. В письме предлагалось, чтобы параллельно с межправительственной конференцией по ЭВС была созвана вторая конференция того же уровня с четырьмя задачами: укрепить «демократическую легитимность» ЕС, поднять эффективность работы его институтов, обеспечить последовательность деятельности Союза в политической, экономической и финансовой областях, определить и ввести в действие общую внешнюю политику и политику безопасности. Коль и Миттеран потратили три месяца на переговоры вокруг расплывчатого текста. В результате была достигнута договоренность, что политический союз должен начать свое существование одновременно с ЭВС – 1 января 1993 года.[71] Совместная германо-французская инициатива переключила дискуссию с обсуждения надобности политического договора на проблему его конкретного содержания.

Г.В. Шишков выделяет три «более или менее обособленных аспекта политической интеграции»: внешнеполитический, социально-политический и хозяйственно-политический.[72] С этим довольно сложно согласиться: так называемая «хозяйственно-политическая интеграция», вероятно, не что иное, как институционализация процессов экономической интеграции. С другой стороны, полноценная политическая интеграция действительно предполагает как внешнеполитический, так и внутривнутриполитический аспекты, что и было выявлено в ходе практической работы над проектом договора о политическом союзе стран-членов ЕС.

На пресс-конференции перед чрезвычайным Дублинским саммитом Делор призвал главы двенадцати правительств «повторить свои брачные обязательства, как это делают некоторые пары после 20 или 30 лет семейной жизни». Далее председатель заявил: «Большая Европа не может строиться путем разбавления Сообщества, за счет отправки в мусорную корзину беспримерного опыта тридцати лет, когда несколько стран объединяли свои суверенитеты и делали это без принуждения, без уступок политическому или военному господству одних над другими».[73]

В апреле 1990 г. в замке Эшфорд в Галуэе министры финансов и управляющие центральными банками провели свое первое серьезное обсуждение деталей проекта создания ЭВС. Министр финансов ФРГ Тео Вайгель, отстаивая позицию Бундесбанка, обрушился на записку Делора, в которой предлагалось, чтобы правила относительно бюджетных дефицитов не были строгими. Когда Делор предложил дать единой валюте название «экю», Пёль стал требовать, чтобы немецкая марка и другие валюты продолжали существовать после фиксации валютных курсов. Таким образом, замыслы председателя в отношении ЭВС вновь оказались под угрозой.

28 апреля 1990 г. специальная сессия Европейского совета в Дублине выработала общий подход ЕС к проблеме объединения Германии и уточнила предложения по консолидации политического союза. Поскольку в марте восточные немцы проголосовали за воссоединение, саммит одобрил предложения Делора о том, как интегрировать Восточную Германию в Сообщество. В интересах ускорения процесса решили обойтись без каких-либо поправок к договорам. Между июнем и октябрём 1990 года, то есть в период между созданием Валютного союза двух Германий и их полным объединением, обе они должны были вести консультации с Комиссией ЕС об изменениях в восточногерманских законах. После полного объединения для бывшей ГДР предусматривались на переходный период временные исключения из правил ЕС (например, касающиеся охраны окружающей среды и сельского хозяйства). Как в преддверии саммита, так и в ходе его Делор пытался убедить Коля в необходимости создания особого фонда ЕС для финансирования модернизации Восточной Германии. Делор утверждал, что восточным немцам это послужит «сигналом братства и солидарности». Коль отверг эту идею, заявив, что просить об экономической помощи – значит делать воссоединение Германии еще менее популярным в других странах ЕС.

Ряд членов совета - Коль, Джулио Андреотти, Фелипе Гонсалес и премьер-министр Бельгии Уилфрид Мартенс хотели назначить конкретный срок проведения

межправительственной конференции по политическому союзу. Делор говорил, что это важно, потому что пока не проделана никакая подготовительная работа, и даже нет одинакового понимания, о чем идет речь. Однако Тэтчер заявила, что повестка дня слишком перегружена, и нет никакого смысла добавлять еще одну грандиозную затею к уже имеющемуся списку. Действительно, ЕС предстояло решать проблемы германского воссоединения, помощи Восточной Европе, завершать строительство единого внутреннего рынка, создавать Европейское экономическое пространство и ЭВС, а также вести торговые переговоры в рамках ГАТТ (Генерального соглашения по тарифам в торговле). Но англичане оказались в одиночестве, причем Джеффри Хау готов был сотрудничать почти любой ценой, только бы не остаться за бортом. В результате данная встреча в верхах закончилась тем, что Европейский совет попросил министров иностранных дел подготовить доклад к предстоящему в июне второму Дублинскому саммиту, «имея в виду принятое решение о проведении второй межправительственной конференции параллельно конференции по ЭВС».[74]

До 1990 г. посты пресс-секретаря Комиссии и пресс-секретаря председателя занимали разные люди. Но с этого времени Бруно Детома, бывший журналист из “Le Monde” и пресс-секретарь Делора, принял на себя также обязанности главного пресс-секретаря. В общении со средствами массовой информации председатель и Комиссия стали держаться одной линии. В том же 1990 году Рикардо Периссик, способный и верный Делору итальянец, возглавил директорат единого рынка, а француз Жан-Луи Кадьё, друг Лами, стал заместителем генерального директора, ведавшего делами Восточной Европы. «Сеть Делора» (или «мафия Делора», как ее именовали недруги) значительно окрепла во второй срок его председательства. Любому служащему, если он француз, социалист, католик и компетентен в какой-либо нужной области, делалось предложение войти в круг людей Делора. Двух таких качеств (при условии, что одно из них - компетентность) было достаточно, чтобы кандидатуру рассматривали всерьез. Начало действовать «телефонное право», когда канцелярия Делора заранее дозванивалась до своих людей и обеспечивала успех переговоров. Причем «сеть своих людей» раскинулась уже и за пределами Комиссии.

Данная «сеть» не так уж и требовалась Делору в его первый срок в Комиссии (с января 1985 по декабрь 1988 года), когда начальные успехи сами по себе способствовали сплочению комиссаров. Авторитет Делора редко ставился под сомнение, и он мог рассчитывать на стойкую поддержку старших коллег, таких как итальянец Лоренцо Натали (который вел тогда переговоры о вступлении в ЕС Испании и Португалии), англичанин лорд Кокфилд (комиссар по делам единого рынка) и бельгиец Вилли де Клерк (ведавший торговлей). Во второй срок (с января 1989 по декабрь 1992 года) Делору отстаивать свои взгляды стало труднее. Некоторые новые комиссары, такие как Леон Бриттан, отвечавший за развитие конкуренции, и Рэй Макшерри, комиссар по сельскому хозяйству, не чувствовали особую обязанность во всем поддерживать председателя. Своевольно вел себя и голландец Франс Андриессен, бывший ранее комиссаром по сельскому хозяйству, а теперь занявший важный пост комиссара по внешним сношениям. В связи с этим роль «сети Делора» существенно возросла.

На встрече министров иностранных дел в Ирландии, состоявшейся в мае 1990 г., Ролан Дюма (французский министр) заговорил об изменении Европейского совета, который из периодических встреч глав правительств он хотел бы превратить в постоянное учреждение с собственным секретариатом. Предлагалось также укрепить пост председателя ЕС, отдав его сразу на несколько лет одной стране или одному лицу (вместо принятой смены стран-председателей каждые полгода). В какой-то мере данный проект возвращал Сообщество к плану Фуше 1961 года.[75] Делор начал осознавать, что политический союз может и не прибавить власти ни Комиссии, ни Парламенту. Он стал опасаться, что возобладает концепция доминантной роли правительств, и наднациональное начало вновь уступит место межправительственному соглашению.

Поэтому Делор счёл за лучшее воздержаться от обсуждения вопросов обороны и прочих проблем завершающей стадии строительства единой Европы.

29 мая 1990 г. в Париже было подписано, наконец, Соглашение о создании Европейского банка реконструкции и развития для поддержки реформ в странах Центральной и Восточной Европы.[76] ЕБРР, учрежденный 14 апреля 1991 г. в Лондоне, стал важнейшим проводником экономического влияния ЕС в регионе, что немало способствовало также и политической переориентации большинства центральноевропейских государств. На помощь странам Центральной и Восточной Европы по программе Phare и странам бывшего Советского Союза по программе Tacis в 1990-93 годах было выделено 5 млрд. ЭКЮ. Первая программа предназначалась первоначально для оказания экстренной помощи Польше и Венгрии, отсюда и ее название "Poland-Hungary: Assistance for the Reconstruction of the Economy". Позднее Phare стала инструментом поддержки всех стран-кандидатов из ЦВЕ.[77] В результате уже 16 декабря 1991 г. были подписаны соглашения об ассоциации между ЕС (с одной стороны) и Венгрией, Польшей, Чехословакией (с другой). Позднее статус ассоциированных членов ЕС получают и другие государства Центральной и Восточной Европы.

18 мая 1990 г. в результате переговоров, которые вел Коль с премьер-министром ГДР Лотаром де ля Мэзбером, был подписан договор об объединении Германии.[78] Делора несколько огорчало, что Коль не советовался с Комиссией в ходе переговорного процесса. Однако летом 1990 г. Комиссия подготовила 60 директив, направленных на устранение юридических и бюджетных трудностей, связанных с воссоединением Германии. Совет министров просто проштамповал их. Таким образом, Делор обеспечил положение, при котором ЕС не создавал немцам никаких трудностей на пути к национальному единству. Не возникало никаких пререканий по поводу включения в Сообщество пяти восточногерманских земель, равно как и по денежным вопросам (к примеру, о правах новых земель ФРГ на получение средств из фондов структуризации). В результате восточногерманские земли вошли 3 октября 1990 г. одновременно в состав и Западной Германии, и ЕС.[79] На празднование германского воссоединения Коль пригласил только двух иностранных политиков: Делора и председателя Европейского парламента Энрике Барона. Личная дружба, возникшая между Делором и Колем, впоследствии не раз основательно помогала председателю Комиссии в критические моменты. К примеру, в 1990-1991 гг., когда Комиссия подвергалась нападкам по ходу переговоров о политическом союзе, Коль несколько раз выступал в ее защиту. В свою очередь, Делор зачастую отстаивал интересы Германии в ЕС больше, чем интересы других государств (включая Францию), что, по его мнению, служило делу строительства единой Европы.

19 июня 1990 г. пять членов изначальной «шестерки» (кроме Италии) подписали второе Шенгенское соглашение о ликвидации пограничного контроля на внутренних границах Сообщества. Первое подобное соглашение было подписано в Шенгене (Люксембург) еще в 1985 г., но изначальный срок открытия границ для международного туризма – 1990 г. – выдержать не удалось.[80] Кроме постепенной отмены пограничного контроля на внутренних границах стран-членов Соглашения регулировали рассмотрение заявлений на предоставление убежища и сотрудничество полицейских ведомств за пределами государственных границ. Тем самым было положено начало так называемой «Шенгенской зоне».

Реальная свобода передвижения частных лиц внутри ЕС была еще очень ограниченной (особенно это касалось поездок в Великобританию). Единая Шенгенская виза для граждан других стран также была еще впереди. Италия, будучи европейской «Меккой» туризма, не хотела терять дополнительную прибыль. У Греции, Испании и Португалии были аналогичные соображения, связанные с развитием курортного бизнеса. Дания выжидала, так как имела определенные обязательства перед другими скандинавскими странами, а Ирландия зависела от воли Великобритании в отношении пограничного контроля (ибо самым существенным вопросом для нее была открытая

граница с Северной Ирландией). Однако Шенгенское соглашение, даже подписанное всего лишь пятью странами ЕС, означало зримый и существенный прорыв в деле углубления европейской интеграции.

Великобритания традиционно стояла в стороне и наблюдала, временами пытаясь вставлять палки в колеса «европейскому локомотиву». В июне, как раз перед открытием второго Дублинского саммита, британцы в отношении к ЭВС стали прибегать к тактике отвлекающих маневров. Джон Мэйджор предложил, чтобы на втором этапе становления ЭВС Европейский валютный фонд выпустил новую валюту («твердый экю»), привязанную к сильнейшей из валют, включенных в МВК. Второй этап, таким образом, мог продолжаться неопределенно долго, давая людям и компаниям время осознать, хотят ли они иметь «экю» вместо национальных денег. Сколь угодно значительной поддержки британский план не получил, ибо в нем разглядели попытку оттянуть завершающий этап перехода к ЭВС.

Второй Дублинский саммит Европейского совета, прошедший 25-26 июня 1990 г., решил, что обе межправительственные конференции откроются в Риме сразу после декабрьской встречи в верхах. Комитету в составе чиновников, откомандированных государствами-членами ЕС, надлежало провести подготовительную работу по проблеме создания политического союза. Коль и Миттеран призвали выделить миллиарды долларов в помощь СССР, чтобы поддержать Горбачева. Но Тэтчер сказала, что деньги будут выброшены на ветер, если не изучить предварительно, в чем именно требуется содействие. Делор ее поддержал, и средства незамедлительно выделены не были. По предложению Андреотти, Комиссии было поручено изучить вопрос и проделать подготовительную работу для оказания помощи советской экономике. Как мы видим, ЕС не очень-то спешил на помощь СССР, несмотря на «пик эйфории, распространившейся по обе стороны рухнувшей Берлинской стены».[81]

1 июля 1990 г. начался первый этап формирования Экономического и валютного союза, а в августе Комиссия обнародовала свою официальную позицию в отношении ЭВС. Документ лишь в трех пунктах отклонялся от Доклада Делора: была опущена идея санкций против стран, прибегавших к чрезмерным заимствованиям; создание ЭВС увязывалось с введением единой валюты под названием «экю»; второй этап предполагалось начать в январе 1993 г. (сам Делор никакие сроки начала второго и третьего этапов не упоминал). Второй этап предлагалось сделать коротким, с учетом риска дестабилизации Механизма валютных курсов в результате свободного перемещения капиталов. Немецкими предложениями пренебрегли, и Пёль, желавший снизить роль Европейского центрального банка на втором этапе и тем самым сохранить верховенство Бундесбанка, пришел в ярость. 3 сентября он произнес в Мюнхене следующие слова: «Теряя немецкую марку, мы в жертву на европейский алтарь приносим твердую валюту, не ведая, что получим взамен».[82]

Даже южные страны ЕС, обычно поддерживающие Делора, стали объединяться против его планов строительства ЭВС. Испанцы и португальцы выступали за то, чтобы второй этап был длительным, ибо их экономики не были готовы для перехода к заключительному этапу, а оставаться за бортом не им хотелось. Вместе с греками и ирландцами они добивались дополнительной помощи в качестве платы за свое вступление в ЭВС. Делор же опасался, что разговоры о дополнительной помощи регионам окончательно отпугнут немцев, ибо оплачивать счет в основном пришлось бы именно им. Поэтому председатель настроился в пользу краткосрочных кредитов странам, которым выпадет переживать экономические потрясения, однако отказался рассматривать вопрос об увеличении средств фондов структуризации. Собственные исследования Комиссии убеждали, что фиксированные обменные курсы дадут именно бедным странам больше выгод, чем остальным.

В июле 1990 г. официальные заявки на вступление в ЕС подали Кипр и Мальта (4 и 16 числа соответственно). В октябре того же года Швеция объявила о своем намерении

вступить в ЕС (официальная заявка поступила годом позже – 1 июля 1991 г.).[83] Тем самым начинался новый этап расширения ЕС. Официальная позиция Сообщества состояла в том, что никакие заявки не будут рассматриваться по существу до тех пор, пока в 1992 г. не будет завершено образование единого рынка. Но некоторые комиссары и правительства (особенно немцы и англичане) начали выдвигать доводы в пользу ускорения данного процесса. Крах коммунистических режимов сделал нейтралитет меньшим, чем прежде, препятствием для вступления в ЕС. Великобритания рассчитывала за счет расширения притормозить углубление интеграционных процессов. Немцы же были кровно заинтересованы в приеме соседних с ними стран (где исторически было сильно германское влияние) и слишком оптимистично полагались на способность ЕС одновременно и расширяться, и углублять сотрудничество. Французы и испанцы разделяли осторожность Делора, а смещение центра тяжести ЕС к северу и к востоку им явно не нравилось. Однако начавшийся процесс трудно было остановить: 18 марта 1992 г. заявку на вступление в Сообщество подала Финляндия, 22 мая того же года – Швейцария, 25 ноября 1992 г. – Норвегия.[84]

И все же на протяжении 1990 года Делору удавалось еще тормозить предстоящее расширение Сообщества. В частности, он не допускал, чтобы служащие Комиссии готовили «Заключение» по Австрии (для того, чтобы Совет министров мог открыть переговоры о присоединении той или иной страны к ЕС, требуется формальное «Заключение» Комиссии). Но даже некоторые комиссары полагали, что несправедливо обрекать на ожидание австрийцев, коль скоро в ЕС входят восточные немцы. В ответ Делор на собрании комиссаров высказал соображение, что страны Восточной Европы не созреют для вступления в ЕС, пока у них за спиной не будет 15-20 лет подготовки. Что же касается Австрии, то председателю вскоре пришлось несколько умерить свое противодействие. Он стал говорить, что пару новых стран в ЕС еще можно втиснуть, но Союзу из 15-16 государств будет грозить институциональный паралич, и поэтому надо сначала дождаться внесения дальнейших поправок в договоры.

Переговоры о создании Европейского экономического пространства показали, что ЕС не расположено давать странам ЕАСТ право на участие в принятии решений. Им предлагалось присоединиться к единому рынку на условиях ЕС, и, в лучшем случае, выражалась готовность консультироваться с ними по некоторым новым законам. Твердая линия Сообщества лишь увеличивала привлекательность полноправного членства в нем для стран ЕАСТ. А ЕЭП стало выглядеть не столько альтернативой этому членству, сколько «залом ожидания» (наряду с институтом «ассоциированного членства»).

Тем временем дебаты в комитете по политическому союзу заставляли Делора нервничать. Представитель Франции Пьер де Буасьё, который сохранял верность формуле своего деда, генерала де Голля («Европа отечеств»), предложил лишить Комиссию права принимать или отвергать парламентские поправки. Сам Делор был убежден в существовании англо-французского заговора против Комиссии. Он считал, что правительства не дадут Европарламенту реальных полномочий на издание законов, но зато позволят ему контролировать работу Еврокомиссии. В частности, наделение Парламента правом отстранять от должности отдельных комиссаров позволило бы (по выражению Делора) «управлять каждым их жестом». Британский план, намечавший предоставление Европарламенту возможности требовать отчета от служащих Комиссии, также совершенно не устраивал председателя.

После иракского вторжения в Кувейт 2 августа 1990 г. ЕС наложил на Ирак санкции, а в сентябре изгнал иракских дипломатов. США возглавили антииракскую коалицию, куда вошли и страны ЕС, многие из которых направили для участия в морской блокаде Залива свои корабли, а Великобритания и Франция послали также свои войска. Делор полагал, что кризис дополнительно усиливает доводы в пользу политического союза – ЕС могло бы действовать эффективнее, имея оно общую внешнюю политику. На встрече министров иностранных дел стран Сообщества в Венеции 6-7 октября большинство выразило

согласие с Делором. Дюма и Геншер предложили, чтобы страны ЕС принимали совместные внешнеполитические решения, касающиеся тех районов мира, где у них есть общие интересы (к примеру, в Персидском заливе или Восточной Европе). Эти решения предлагалось принимать квалифицированным большинством голосов. Только британский министр иностранных дел Дуглас Херд и датский министр Уффе Эллманн-Йенсен оспаривали это мнение и говорили, что предлагаемая схема не поможет Сообществу принимать более решительные меры в кризисной обстановке. Министр иностранных дел Италии Джанни де Микелис предложил, чтобы в 1998 г. ЕС слился с ЗЕС (Западноевропейским союзом, в который входили все страны Сообщества, кроме Ирландии, Дании и Греции).[85] Итальянский план поддержало меньшинство, зато большинство выразило пожелание видеть усиленный ЗЕС, тесно контактирующий с ЕС. В результате много лет пребывавший в спячке ЗЕС взял на себя координацию европейских усилий по организации морской блокады Залива.

На встрече министров финансов ЕС в Риме 8 сентября 1990 года разгорелись дебаты по срокам второго и третьего этапов становления ЭВС. Предложение Делора, что второй этап следует начать в 1993 году, поддержали лишь министры финансов Франции, Италии, Бельгии и Дании. Они сказали, что третий этап должен начаться вскоре после этого и что назначение крайних сроков будет стимулировать экономическую конвергенцию. Вайгель, поддержанный министрами Голландии и Люксембурга, заявил, что точное соответствие критериям конвергенции есть неперемненное предварительное условие перехода ко второму (и затем третьему) этапам. Испанский министр Карлос Сольчага предложил установить длительность второго этапа в 5-6 лет, начиная с января 1994 г., и предусмотреть для него увеличение средств, выделяемых на помощь регионам. Отталкиваясь от идей Мэйджора, он предложил, чтобы ЕЦБ на втором этапе приступил к выпуску «твердого экю», который на третьем этапе стал бы единой валютой. Министрам Греции и Ирландии понравился план Сольчаги, который Делор назвал «ударом ниже пояса».

Новый удар нанес 19 сентября Пёль, представивший соображения Бундесбанка об ЭВС, не содержащие никаких упоминаний о крайних сроках. Речь шла только о создании Совета управляющих центральными банками (но не о Европейском центральном банке), который должен был взять бразды правления на втором этапе. Лишь после «настоящей гармонизации» процентных ставок, утверждения независимости центральных национальных банков, сокращения бюджетных дефицитов и «устранения во всех странах значительной части инфляции» мог, по словам Пёля, начинаться третий этап. По сути, Германия выступала за ЭВС, куда вошли бы только ФРГ, Франция, Дания и государства Бенилюкса. В таком ограниченном составе ЭВС мог бы приступить к работе уже в 1993 г.

21 октября 1990 г. Комиссия обнародовала написанное в основном самим Делором формальное «Заключение» для межправительственной конференции по политическому союзу. Подчеркивалась важность единства Сообщества и существующего равновесия его институтов. Предусматривалось, что Европейский союз будет отбирать некоторые направления для общей внешней политики, а Совет министров большинством голосов принимать решения по конкретным вопросам. Статью 5 договора о ЗЕС (об обязанности государств-членов помогать друг другу в случае нападения) предлагалось внести в римский договор. Комиссия оставляла за собой монопольное право на инициативу (Европарламент не мог выступать с предложениями новых законов). В законодательном процессе у Парламента появились бы некоторые новые полномочия, но последнее слово оставалось за Советом министров. Судьбу всех законов Совету предстояло решать квалифицированным большинством голосов. Сферы деятельности ЕС расширились лишь незначительно, но предлагалось существенное усиление социальной политики.[86]

В недели, предшествовавшие Римскому саммиту, не утихали споры об этапах ЭВС. Компромиссное предложение Голландии о том, чтобы установить сроки перехода от этапа к этапу, но поставить их в зависимость от успехов конвергенции, находило все большую поддержку. Делор говорил, что назначение сроков имеет важный смысл как «проверка

обязательств, принимаемых в отношении ЭВС Германией, и как способ необратимо связать ее с Европой». Его борьба за установление сроков, как он полагал, «обязывала Пёля обнаружить свои истинные намерения», и он верил, что в Риме Коль и Геншер поправят Пёля и Вайгеля. 5 октября Тэтчер присоединила Великобританию к МВК. А 16 октября Комиссия опубликовала результаты своего исследования об ЭВС, с общим выводом, что введение единой валюты будет ежегодно давать Сообществу 13-19 миллиардов экю экономии. В то же время Ассоциация сторонников Европейского валютного союза обнародовала результаты опроса шести тысяч европейцев. На вопрос, хотят ли они в течение ближайших пяти-шести лет введения экю взамен национальных денег, 61 процент ответил положительно. Однако в Германии утвердительные ответы составили только 51%, а в Великобритании – 37%.

На Римском саммите, который открылся 27 октября 1990 г., Джулио Андреотти обратился к собравшимся главам правительств с просьбой одобрить ряд поручений предстоявшей МПК. Одиннадцать из них согласились с тем, что второй этап становления ЭВС должен начаться в 1994 году, с оговоркой, что к этому времени будет выполнен ряд несложных условий, таких, как окончательное образование единого рынка. «Новый институт Сообщества» должен быть образован в начале второго этапа. В течение трех лет с начала второго этапа, сообразуясь с успехами экономической конвергенции, Европейский совет оценит готовность ЕС к вступлению в третий этап, в рамках которого экю заменит национальные валюты. Только Тэтчер отказалась подписывать заключения относительно образования ЭВС. Не подписала она и документа о политическом союзе. Тэтчер потребовала поставить на обсуждение вопрос о переговорах в рамках ГАТТ, поскольку министры ЕС после шести своих встреч не смогли согласовать предложения о сокращении субсидий сельскому хозяйству. Однако Коль и Миттеран, чьи правительства препятствовали достижению согласия, просто не желали обсуждать эту тему. Андреотти же заявил Тэтчер, что на разговоры о ГАТТ не осталось времени.[87] Итоги саммита, посрамившие «железную леди», вполне удовлетворили председателя Комиссии. По окончании Римской встречи в верхах Делор заявил, что ее заключительные решения заложили основу для введения единой валюты к 2000 году.

Тэтчер приняла удар и со стороны самого председателя Комиссии. Делор, во-первых, поддержал предложение Испании ввести институт «европейского гражданства», а во-вторых, заявил в Риме о необходимости сохранить Советский Союз. Согласно испанскому предложению, граждане одной страны ЕС в случае признания их гражданами объединенной Европы имели бы право жить в любой другой (даже не имея там работы) и участвовать в местных и общеевропейских выборах. Выступления Делора вызвали негодование Маргарет Тэтчер, которая полагала, что председателю Комиссии не по чину говорить о таких вещах – и в смысле его юридической неправомочности, и по причине недостатка знаний. Полемика между федералистски настроенным председателем Комиссии и евроскептиком на посту премьер-министра вызвало серьезную напряженность во взаимоотношениях ЕС и Великобритании, а также углубила раскол внутри консервативной партии. В конечном счете, неудача на Римском саммите и обострение отношений с другими странами-членами ЕС способствовали падению Тэтчер и приходу к власти Джона Мэйджора.

Отчитываясь о Римской встрече в верхах перед палатой общин 30 октября 1990 года, «железная леди» отметила «поистине великий парадокс, состоящий в том, что как раз, когда Восточная Европа добивается большей демократии, Комиссия собирается демократию изживать и наделять все большей и большей властью самое себя и никем не избранные учреждения». Затем она подвергла критике Мэйджора за его план превращения экю в твердую валюту и сказала, что эти деньги не получат в ЕС широкого хождения и не послужат образованию ЭВС (Мэйджор искренне верил в такую возможность). О председателе Комиссии лично Тэтчер также не забыла: «На днях г-н Делор сказал на пресс-конференции, что он хочет видеть Европейский парламент демократическим

собранием Сообщества, Комиссию его исполнительным органом, а Совет министров – сенатом. Нет! Нет! Нет!».[88] Речь Тэтчер заставила Джеффри Хау, заместителя премьер-министра, подать 1 ноября в отставку. В этот день “Sun” вышла с редакционной статьей «Шёл бы ты, Делор ...». 14 ноября Хау объяснил палате общин причину своего ухода. Он сказал, что для британской экономики оказаться за пределами ЭВС означает понести ущерб, и что Британии грозит изоляция, если она наложит на ЭВС вето. Хау назвал доклад Делора «важным рабочим документом», а позицию Тэтчер - опасной для будущего страны. В результате 22 ноября ушла в отставку сама «железная леди».[89]

В ноябре 1990 г. Комиссия одобрила новую стратегическую линию промышленной политики в соответствии с докладом Мартина Бангеманна, комиссара по промышленности. Тем самым был обозначен конец «вертикальной» промышленной политики, которая предполагала помощь определенным секторам производства. В докладе указывалось, что компании, получавшие такую помощь, порой утрачивали конкурентоспособность, а те, что оставались без поддержки, подвергались бесосновательной дискриминации. Промышленная политика становилась отныне «горизонтальной», то есть выделяемые средства направлялись на переподготовку персонала, развитие инфраструктуры и исследования, которые (как считалось) проводятся в интересах экономики в целом. Делор поддерживал эту новую стратегию и в дальнейшем (по большей части) следовал ей.

Итальянцы тем временем начали подготовку ко второму Римскому саммиту, назначенному на 14-15 декабря. Их собственные предложения следовали в основном за планом Делора, но содержали больше обещаний Европарламенту. В конце ноября итальянцы устроили римские «слушания», собравшие вместе депутатов Европейского и национальных парламентов стран-членов ЕС. Все согласились с тем, что полномочия Европейского парламента надлежит существенным образом расширять. Францию и Германию в преддверии нового саммита по-прежнему разделяли разные взгляды на природу политического союза. Миттеран полагал, что в сферах внешней политики, ЭВС и сотрудничества министерств внутренних дел Европейский совет должен давать лишь общие политические установки, а некий «конгресс» в составе депутатов Европейского и национального парламентов – осуществлять «надзорную» деятельность. Коль же по-прежнему склонялся на сторону Делора, который хотел видеть ЕС федерацией, а не союзом правительств.

Однако компромисс был достигнут – Коль и Миттеран подписали 7 декабря совместное заявление. Миттеран давал согласие на расширение прав Европейского парламента. Взамен Коль соглашался, чтобы Европейский совет осуществлял надзор за общей внешней политикой и политикой безопасности и чтобы ЗЕС стал как оборонным органом ЕС, так и европейской опорой НАТО. Три дня спустя, в Берлине, британский министр иностранных дел Дуглас Херд намекнул на смягчение жесткой линии своей страны, традиционно склонявшейся к атлантизму. Отметив, что Америка сокращает свое военное присутствие в Европе, он призвал к «четкому определению роли Европы» в обороне и предложил возложить на ЗЕС представительство Сообщества в НАТО.[90]

Распад биполярного мира был налицо. СССР постепенно уходил из Центральной и Восточной Европы – СЭВ и Варшавский пакт прекратили свое существование. Новые правительства стран ЦВЕ, декларировав переход к рыночной экономике, искали покровительства ЕС и США. Одновременно начался «парад суверенитетов» в Советском Союзе и Югославии. Интеграция Западной Европы дополнилась дезинтеграцией восточной половины континента. В этих условиях Делор пытался хотя бы на время остановить процесс расширения Сообществ, чтобы довести до конца все меры по углублению интеграции. Победа над М. Тэтчер и подписание второго Шенгенского соглашения были не единственными успехами Делора в богатом на события 1990 году. В декабре, наконец, открылись долгожданные МПК, посвященные ЭВС и политическому союзу.

2.Рождение Европейского Союза (1990-1993 гг.)

14 декабря 1990 г. в Риме открылись две межправительственные конференции: на первой обсуждались практические вопросы строительства ЭВС, а на второй – возможность создания Политического союза в рамках Сообщества. Материалы Комиссии для МПК готовили люди из «сети Делора». К примеру, до газетной публикации от их имени в декабре 1991 года проекта Договора о Европейской валютной системе комиссары его даже не видели. Второй Римский саммит (14-15 декабря 1990 г.) дал расплывчатые установки на проведение МПК по политическому союзу. В качестве цели называлось «превращение Сообщества в политический союз, рассматриваемый как полюс стабильности в Европе». Среди прочего, надлежало рассмотреть роль Европейского совета в определении внешней политики и в обсуждении вопросов безопасности, расширение прав Европарламента и новые сферы деятельности ЕС. Саммит одобрил планы Комиссии, предусматривающие предоставление Советскому Союзу продовольственной помощи и технического содействия в объеме 1,15 миллиарда экю.[91]

Сразу после второй Римской встречи в верхах министры финансов отметили в сторону рекомендации саммита для МПК по ЭВС. Делор рассчитывал, что они поддержат только что подготовленный Комиссией проект договора. Этот проект следовал линии ранее представленного «Заключения», но с той оговоркой, что третий этап должен начаться, когда за это выскажутся восемь государств, и что ни одна страна не обязана в него включаться. Министрам не понравилось, что Делор пытается предвосхитить работу их конференции. Вайгель разнес проект в пух и прах, потребовал юридически обязательных правил в отношении бюджетных дефицитов и настаивал, чтобы Европейский центральный банк был утвержден в конце, а не в начале второго этапа. Сольчага настаивал на более медленном продвижении к ЭВС и, поддержанный Пьером Береговуа (от Франции) и Вимом Коком (от Нидерландов), неожиданно стал расточать похвалы планам Мэйджора относительно «твердого экю».

Раздраженный Делор сказал на пресс-конференции, что попытки немцев определить критерии экономической конвергенции подобны их средневековым спорам по поводу пола ангелов. Он выразил опасение, что Испания с Великобританией будут бесконечно затягивать переговоры. О плане Мейджора председатель заявил: «Я полон сомнения и имею к тому серьезные основания». Говоря о риске, что Англия или кто-то иной могут пустить ЭВС под откос, он предупредил: «Если нужно вызвать еще один кризис, мы это сделаем».[92] Выпад Делора против Мэйджора (который в Риме подписал заключение относительно политического союза) расстроил британское правительство и вызвал волнения в прессе. На очередном заседании Комиссии Леон Бриттан назвал критические замечания Делора в адрес англичан несправедливыми и неуместными.

Пытаясь возместить причиненный ущерб, председатель пригласил к себе корреспондента “Financial Times” и пояснил, что не Великобритания была его главной мишенью, поскольку от нее больше не исходила главная угроза. В дополнение Делор заявил, что предложенная Вайгелем отсрочка создания ЕЦБ вплоть до завершения второго этапа расходится с заключительными положениями первого Римского саммита. Больше всего председателя возмутило именно то обстоятельство, что впервые (прежде такого не было никогда) отменялись решения Европейского совета. Делор всерьез опасался, что в случае затяжки образования ЭВС война или экономический кризис могут погубить весь процесс.[93]

В мае 1991 года Делор побывал с визитом в Японии, где его принимали как главу государства и устроили ему встречу с императором. С подачи Паскаля Лами председатель предложил расширить сотрудничество Японии с ЕС, включить в круг совместно обсуждаемых тем вопросы политики и торговли. Делор рассчитывал, что более широкие отношения могли бы расположить японцев к большей гибкости в торговых спорах. Эта

инициатива привела к появлению в июле 1991 года совместной декларации ЕС и Японии, установившей процедуры регулярных встреч. Однако к японцам Делор всегда относился достаточно подозрительно, и неоднократно заявлял, что настоящего диалога с ними не получается из-за принципиального отличия японского образа жизни от европейского.

В 1991 году Комиссия вела переговоры о более широких «Европейских соглашениях» с Польшей, Венгрией и Чехословакией, чем подписанные в 1989-1990 годах. Те торговые соглашения уже устранили множество тарифов и квот, которые сковывали их экспорт. И теперь склонные к протекционизму государства ЕС во главе с Францией пытались свести к минимуму доступ стран ЦВЕ на рынки Евросоюза. В мае Делор доказывал с экранов французского телевидения, что странам Центральной и Восточной Европы торговля нужна больше, чем помощь, и что ЕС должен открыть свои границы. Пока французское правительство держалось своей жесткой линией, предложения ЕС были неприемлемы для стран ЦВЕ. Но, переубеждая своих соотечественников, Делор добился заметных сдвигов, что позволило ЕС улучшить свои предложения и уже 16 декабря 1991 г. подписать Европейские соглашения об ассоциации с Польшей, Венгрией и Чехословакией.[94] Затем последовали подобные же соглашения с Румынией и Болгарией.[95]

Европейские соглашения определяли порядок регулярных взаимодействий ЕС и ассоциированных стран, каковыми стали некоторые государства ЦВЕ. Обе стороны брали на себя обязательство соблюдать режим свободной торговли, но ассоциированным государствам Центральной и Восточной Европы разрешалось сохранять свои тарифы в течение десяти лет. С другой стороны, Сообщество получило право сохранять в течение пяти лет тарифы в «чувствительных» секторах торговли и ограничивать «всплески» импорта, способные причинить «серьезный ущерб». Торговля сельскохозяйственной продукцией по-прежнему регулировалась, но ассоциированным странам разрешалось в течение пяти лет ежегодно на 10% увеличивать экспорт многих видов продовольствия.

Две межправительственные конференции, посвященные образованию ЭВС и политического союза, тем временем медленно продвигались вперед через ежемесячные встречи министров иностранных дел и министров финансов, еженедельные заседания чиновников, «неформальные» беседы министров на уик-эндах, рабочие совещания, подачи памятных записок и представления проектов договорных текстов. На МПК по Валютному союзу стержнем дискуссий были вопросы, связанные с переходным этапом: чем заниматься центральному институту, когда он будет образован, и что послужит ЕС основанием для решения о начале заключительного этапа? Норман Ламонт, канцлер британского казначейства, проявлял мало интереса к спорам по существу дела и все свое внимание отдавал обоснованию решения Великобритании оставаться за пределами Валютного союза. Проекты договора, представленные Комиссией и Францией, призывали к образованию ЕЦБ в начале второго этапа в 1994 году. Третий этап ЭВС предлагалось открыть, когда за это выскажется квалифицированное большинство правительств. Проект Германии, появившийся в марте, предлагал просто учредить на втором этапе Совет управляющих центральными банками. Ни о каком ЕЦБ речь не могла идти до тех пор, пока Европейский совет не примет единогласного решения о начале третьего этапа.

В первой половине года Люксембург председательствовал в ЕС и, следовательно, на МПК. В мае появился люксембургский проект договора о создании ЭВС, который вобрал в себя по частям предложения, разделявшие немцев и французов: совет управляющих намечалось создать в 1994 г., а ЕЦБ – в 1996 г. Встретившись в мае в Люксембурге, министры договорились о трех принципах, которыми страны должны руководствоваться при переходе к третьему этапу: никакого принуждения, никакого вето и никаких «произвольных отставок». Эти принципы означали, что Великобритания не может быть принудительно «загнана» в Союз, но не может и останавливать продвижение других государств в этом направлении. В то же время ни одной стране, достигшей требуемого уровня экономической конвергенции, нельзя мешать в дальнейшем продвижении вперед.

Когда в июле председательство перешло к голландцам, они (не без помощи немцев) подготовили еще один проект договора о создании ЭВС. Прежние проекты исходили из того, что решение о начале третьего этапа будет принимать ЕС в целом, а отставшие от этого процесса государства получают право на временные послабления в обязательствах перед Валютным союзом. Но голландцы предложили, чтобы при наличии в конце 1996 г. шести или более государств, готовых идти вперед и на протяжении двух лет удовлетворяющих критериям конвергенции, этим странам было позволено учредить Валютный союз между собой. Критериями будут служить самые низкие в ЕС процентные ставки и темпы инфляции, никаких чрезмерных бюджетных дефицитов и никаких девальваций в рамках МВК. Страны этой передовой группы смогут налагать вето на присоединение к Союзу той или иной страны, если сочтут, что она не отвечает установленным критериям. Для отставших не предусматривалось даже никакого утешительного порядка временных послаблений. Когда 9 сентября министры финансов обсуждали голландский проект, Делор выступил с резкой его критикой. Он заявил, что «двухскоростной» ЭВС противоречит принятому в Сообществе принципу единства целей – даже в случае, если для кого-то предусматриваются отдельные послабления. К перечню критериев конвергенции председатель попросил добавить также уровень занятости населения.

Идею «двух скоростей» отстаивали только голландцы и немцы, так что Вим Кок, нидерландский министр, вынужден был предложить пересмотр некоторых положений. Он предложил, чтобы решение о переходе к третьему этапу принимал Европейский совет в целом, чтобы условием его начала было удовлетворение критериев конвергенции семью или восемью странами и чтобы отставшим могли быть сделаны временные послабления. Эти изменения имели не столько содержательный, сколько символический характер, но они очень много значили для таких стран, как Испания, Италия и Португалия, которые опасались, что они не попадут в первую группу. На 1994 год было намечено создание Европейского валютного института, которому с началом третьего этапа надлежало превратиться в ЕЦБ.

Позиция Германии в этих дебатах имела наибольший вес, ибо другие государства-члены ЕС все еще беспокоились по поводу ее отношения к ЭВС. Меж тем германский министр Тео Вайгель в течение трех месяцев (вплоть до сентября 1991 г.) отсутствовал на заседаниях МПК. Немцы продолжали доказывать необходимость санкций в отношении стран «с чрезмерными дефицитами». Только Делор и британский канцлер казначейства Норман Ламонт, объединившиеся в странном союзе, выступали за централизацию налоговой политики. Делор утверждал, что санкции ЕС были бы нарушением принципа субсидиарности, и к тому же ненужными: любому столкнувшемуся с трудностями правительству понадобится заем ЕС, а его дадут на определенных условиях (к примеру, при сокращении бюджетных расходов). Ламонт же говорил, что рынки будут дисциплинировать расточительные правительства, вынуждая повышать процентные ставки. Вайгель отвечал, что полагаться на рынки нельзя: они никогда не будут принимать всерьез уже согласованное правило, согласно которому ЕС не собирается брать на поруки ни одно обанкротившееся правительство. Пьер Береговуа, французский министр финансов, поддерживал обязывающие правила по другим причинам: он рассматривал налоговую политику ЕС как противовес валютной политике ЕЦБ и полагал, что установление правил заимствования было бы шагом в этом направлении. В октябре Делору и Ламонту пришлось признать свое поражение и согласиться с финансовыми наказаниями для правительств, допускающих «чрезмерные дефициты».

В ноябре 1991 г. министры финансов вели споры о характере Европейского валютного института (ЕВИ). Французы хотели видеть в нем прочное, солидное учреждение, а немцы – легкую постройку. Достигнутым в конечном итоге компромиссом французы остались довольны, потому что ЕВИ обрел собственную столицу и возможность управлять инвалютными резервами государств-членов ЕС, которые того

пожелают. Немцам же понравилось, что ЕВИ получал право координировать, а не направлять денежную политику стран Евросоюза. Однако многие министры финансов скептически относились к самой идее создания ЭВС, который должен был стать ограничителем их собственной власти. Премьер-министрам и министрам иностранных дел приходилось временами давить на своих министров финансов, заставляя их продолжать конструктивную работу в рамках МПК.

Последняя перед саммитом встреча министров финансов открылась 1 декабря 1991 г. в голландском курортном городке Шевенинген и завершилась в Брюсселе после трех дней и трех ночей непрерывных переговоров. Обсуждавшийся голландский проект Делор подверг критике за то, что он давал любому государству право воздержаться от соблюдения требований третьего этапа: «всеобщее право на исключение будет висеть над ЭВС дамокловым мечом». Взамен председатель предложил присовокупить к тексту юридически обязывающий протокол, по которому право на послабление предоставлялось только Великобритании. Ламонт, не желавший, чтобы его страна выглядела особо привилегированной, выступил в защиту голландского предложения. Датский министр в начале заседания поддержал Ламонта, но позднее заявил, что хотя его страна также нуждается в праве на несоблюдение некоторых требований ЭВС, он предпочел бы иметь протокол, составленный специально для Дании. В итоге 11 министров выступили против Ламонта, и председательствующий Вим Кок вычеркнул из текста положение о всеобщем праве на послабления.

Пьер Береговуа предложил, чтобы в 1996 году было проведено голосование для выяснения, набирается ли, по меньшей мере, семь стран, отвечающих критериям конвергенции. Если все единодушно это признают, будет начат переход к третьему этапу. Если нет, то в 1998 г. состоится новое голосование, и тогда для начала третьего этапа достаточно будет простого большинства. Французская инициатива нашла широкую поддержку, ибо она гарантировала, что Великобритания не сможет наложить вето на фиксированные ставки валютных курсов. Ко времени открытия Маастрихтского саммита почти все разногласия удалось уладить. Итоговый текст документа, подготовленного на МПК по ЭВС, представлял собой, в основном, синтез доклада Делора и германского списка первоочередных задач.[96]

МПК по политическому союзу проходил на фоне сложной международной обстановки. Война в Персидском заливе высветила противоречия между позициями Великобритании, Франции и Германии. Распад Советского Союза создавал «вакуум силы» в Восточной Европе, который надлежало заполнить. Начало военных действий в Югославии требовало срочной реакции ЕС. Представленный в феврале совместный франко-германский доклад призывал возложить на Европейский совет общее руководство оборонной политикой ЗЕС. Этой организации надлежало превратиться в европейскую опору НАТО и наращивать «органические связи» с ЕС. Делору такая схема нравилась, как нравилась она и министрам иностранных дел Испании, Португалии, Италии, Греции, Бельгии и Люксембурга. Но не входившая в ЗЕС нейтральная Ирландия и пацифистски настроенная Дания возражали против связей Западноевропейского союза с Сообществом. Великобритания и Дания ничего не имели против установления каких-либо связей ЗЕС с ЕС, но полагали, что франко-германский план ведет к слишком тесной взаимной привязке этих организаций (что создает угрозу для НАТО). На стол конференции к концу февраля 1991 г. правительства стран-членов Сообщества положили более пятидесяти предложений, но никакие существенные уступки с их стороны еще не последовали.

В марте Делор выступил в лондонском Институте стратегических исследований, где впервые в жизни заговорил о проблемах безопасности. Он призвал Сообщество «разделить бремя политической и военной ответственности, лежащее на наших многоопытных нациях», выразив пожелание, чтобы ЗЕС обзавелся собственными международными силами и поставил их под крыло ЕС. На Люксембургском саммите ЕС 8 апреля 1991 г. состоялась дискуссия об обороне, в ходе которой Франция добилась

демонстрации «органических связей» ЗЕС с ЕС на примере создания воздушного моста для помощи курдам в Северном Ираке. Но вскоре после этого Джеймс Бейкер, госсекретарь президента Буша-старшего, направил министрам стран-членов ЕС предупреждение: если они исключат США из обсуждения проблем европейской безопасности, американские войска вернутся из Европы домой. Любая «опора» европейской обороны должна находиться, с точки зрения США, внутри НАТО и иметь в своем составе членов Североатлантического альянса, не входящих в ЗЕС. Делор ответил, что в заботах о собственных стратегических планах НАТО «бросает чересчур сладострастные взоры» на межправительственную конференцию по политическому союзу.[97]

Пьер де Буасьё, французский представитель на МПК, предложил модель Евросоюза, напоминающую фасад древнегреческого храма. Три колонны поддерживали портик – Европейский совет: первая представляла Европейское сообщество и включала в себя ЭВС (в ее основании лежали Римские договоры); вторая олицетворяла общую внешнюю политику и политику безопасности; третья – сотрудничество министерств внутренних дел в области регулирования иммиграции, выдачи виз, предоставления убежища и работы полиции. Здесь Комиссии и Европарламенту предлагались еще меньшие роли, чем в существовавшем ЕС. Делор и Ханс ван ден Брук, нидерландский министр иностранных дел, разглядели в проекте отголосок «плана Фуше». Обнародованный в апреле 1991 г. люксембургский проект договора принял «колонны» Буасьё. Разделы об общей внешней политике и политике безопасности соответствовали франко-германским идеям: Европейскому совету предлагалось устанавливать, в каких сферах достигнут уровень, достаточный для перехода к совместной политике, а связи ЗЕС с ЕС подлежали уточнению в 1996 году. В определенных (очень немногих) сферах Европарламенту намечалось дать право «сопринятия» законов, то есть право не допускать их принятия. Особо суров был люксембургский проект к Комиссии – он, в частности, предлагал лишить ее всякой роли в подготовке и осуществлении общих внешнеполитических действий.

Проект политического договора, подготовленный самой Комиссией, поступал частями с февраля по июнь 1991 г. Большую его часть написал Франсуа Ламурё. Среди комиссаров не было полного единства: Франс Андриессен старался придать документу как можно более федералистский дух, тогда как Леон Бриттан стремился эту линию приглушить. В итоге проект предусматривал, все же, смещение институционального центра тяжести в ЕС в сторону федерализма. Многие в этом документе (например, разделы о голосовании большинством, о социальной политике, о взаимной обороне) воспроизводило ранние «заклучения» Комиссии. Другие разделы шли дальше – в частности, предлагалась новая система законодательства. Вместо издания подробных директив Совету министров и Европарламенту следовало согласовывать между собою законы, закладывающие общие принципы. Комиссия затем должна была составлять правила, содержащие подробную регламентацию. Как Европарламент, так и Совет министров наделялись правом вето на любое вводимое правило до его вступления в силу. Национальные правительства могли издавать (в соответствии с законами ЕС) подкрепляющие правила, не требующие соблюдения одинаково всеми государствами-членами. Делор говорил, что такой подход освободил бы Европарламент от ненужных прений по поводу технических подробностей и способствовал бы упрочению принципа субсидиарности (поскольку позволил бы шире развернуться национальным парламентам).

Согласно проекту Комиссии предусматривалось разрешение Евросоюзу вводить собственные налоги. Сама Комиссия должна была заменить государства-члены ЕС в международных организациях, таких как МВФ. В комитетах управления единым рынком полномочия Комиссии также предлагалось расширить, а права государств-членов урезать. Право на внешнеполитическую инициативу закреплялось за Комиссией, председателем ЕС или группой в составе, по меньшей мере, пяти государств-членов (но отбиралось у правительств отдельных стран). Комиссия, секретариат Совета министров и послы при ЕС

(но не руководители политических учреждений, находящиеся в своих национальных столицах) должны были заниматься подготовкой и исполнением общих внешнеполитических действий. Эти положения вызвали особое раздражение многих правительств стран-членов ЕС. Проект Комиссии просто «отодвинули на обочину» МПК – Люксембург, в частности, вообще оставил его без внимания при подготовке собственного документа. А испанский министр по делам Европы прямо обвинил Комиссию в том, что она больше всего заботилась о расширении собственной власти.[98]

Жозеф Вейланд, председательствующий на МПК по политическому союзу люксембургский посол при ЕС, работал вместе с генеральным секретарем Совета министров Нильсом Эрсболлом, но (исключая первые месяцы) без Комиссии. Когда Люксембург принял идею «колонн» Делор велел Дэвиду Уильямсону, делегату Комиссии на МПК, избегать контактов со службой председателя межправительственной конференции. По словам Ламурё, Люксембург к этому времени «сидел в кармане у французов и секретариата Совета», то есть у Буасьё и Эрсболла, решительно настроенных на обуздание власти Комиссии. Делор, в свою очередь, направил всю свою энергию на сокрушение люксембургского проекта политического союза. Он встретился с несколькими главами правительств, включая Коля, и распространил памятную записку, в которой говорилось: «Руководством для МПК должен служить образ мыслей, складывающийся в течение сорока лет строительства Европы, а именно понимание, что все достижения на пути экономической, валютной, социальной или политической интеграции должны сводиться вместе и воплощаться в едином Сообществе как предтече Европейского союза». По мнению Делора, «колонны» поломали бы существующую модель». В записке предлагалось дополнить проект вводной частью («шапкой»), чтобы соединить «колонны» между собой. Еще одна поправка разрешила бы Комиссии «в полной мере участвовать» во внешнеполитической деятельности ЕС.[99]

В июне 1991 г. министры иностранных дел собрались в Дрездене, где представители Голландии, Бельгии, Греции, Испании, Италии, Португалии и Германии поддержали критику, которой подверг Делор люксембургский проект. Марк Эйскенс, бельгийский министр, даже сказал, что Евросоюзу нужен не «храм с колоннами», а «дерево с ветвями». Однако Ролан Дюма отстаивал «храм», настойчиво указывая, что к внешней политике не могут быть применены обычные процедуры принятия решений. Он предупреждал об опасности договора, изобилующего исключениями, особыми условиями и оговорками о временных послаблениях и изъятиях из механизмов ЕС (то есть, грешащего юридической неразберихой). Только Херд от Великобритании и Эльманн-Йенсен от Дании поддержали Дюма и люксембургский проект. В результате сами же люксембуржцы согласились существенно переработать текст предполагаемого договора.

Джозеф Уэйлэнд попросил Делора помочь ему написать новый вводный раздел документа. Так появилась ссылка на «процесс, постепенно ведущий к образованию Союза, цель которого – федерация». Любая страна, вступающая в Союз, должна будет в полном объеме принять на себя соответствующие обязательства: «Единое институциональное устройство должно обеспечить преемственность и последовательность». Предстоящая межправительственная конференция должна будет «усилить федеративный характер Союза». Большинство стран одобрило пересмотренный люксембургский проект. Однако Эйскенс и ван ден Брук сказали, что «шапки» недостаточно и что государствам ЕС требуется все-таки «дерево», а не «храм». Херд заявил, что Британский парламент ни за что не примет слова «федеративный». Делор ответил – имея в виду предвыборную обстановку в Великобритании, - что некоторые министры более пекутся о предстоящих выборах, чем о долговременных интересах Сообщества.

На втором Люксембургском саммите, проходившем 28-29 июня 1991 г., главам правительств стран-членов ЕС пришлось заниматься югославской проблемой. Они отправили в распадавшуюся Югославию, где только что начались военные действия,

срочно образованную «тройку» миротворцев в составе министров иностранных дел государств-председателей ЕС (предыдущего, действующего и следующего). Не располагая никакими средствами давления, кроме угрозы приостановить поступающую от ЕС помощь, Джанни де Микелис от Италии, Жак Поо от Люксембурга и Ханс ван ден Брук от Нидерландов убедили соперничающие югославские стороны принять предложенный им мирный план. Следующим федеральным президентом должен был стать хорват, югославским войскам надлежало вернуться в казармы, декларации о независимости Словении и Хорватии от 25 июня 1991 г. приостанавливались, и предполагалось начать конституционные переговоры. Менее чем через 24 часа «тройка» вернулась на Люксембургский саммит. Де Микелис сообщил, что США проинформировали, но с ней не консультировались, а Поо добавил: «Это час Европы, а не Америки». Хотя никто из участников конфликта взятых на себя обязательств не соблюдал, 7 июля (после еще двух визитов «тройки») все собрались на острове Бриони и согласились с мирным планом. Сообщество отложило рассмотрение вопроса о признании Хорватии и Словении и направило 200 своих наблюдателей (включая нескольких от Комиссии), чтобы следить за выполнением соглашений.[100]

В течение нескольких недель казалось, что Евросоюзу удалось решить югославскую проблему. Однако к августу между сербами и хорватами началась война. Великобритания возражала против любого военного вмешательства в конфликт и в сентябре отвергла франко-германо-итальянский план отправки в Югославию миротворческих сил ЗЕС. В том же месяце под председательством лорда Каррингтона в Гааге открылась мирная конференция ЕС. Однако в ноябре работа конференции была приостановлена и введены санкции против оставшейся части Югославии. Когда 17 декабря министры иностранных дел стран-членов ЕС обсуждали положение на Балканах, Херд, ван ден Брук и лорд Каррингтон выступили с предупреждением, что признание Словении и Хорватии может распространить конфликт на Македонию, а также Боснию и Герцеговину. Геншер отмахнулся от этих доводов и, вопреки советам своих чиновников, заявил, что ФРГ признает новые независимые республики в любом случае. Другие, полагая, что дух только что состоявшегося Маастрихтского саммита обязывает все 12 стран держаться общей линии, уступили германскому нажиму. В результате 15 января 1992 года было принято согласованное решение признавать любую югославскую республику, отвечающую определенным условиям (включая соблюдение прав меньшинств). Тогда же министры сделали роковое заявление, что Босния и Герцеговина будет признана, если проведет референдум о независимости.[101]

На протяжении всей МПК по политическому союзу Франция и Германия выступали за общую внешнюю политику. Однако Германия, признав Словению и Хорватию (хотя последняя не гарантировала соблюдения у себя прав сербского меньшинства), подорвала перспективу общей внешней политики, показав, что если дело касается ее жизненно важных интересов, она готова действовать без оглядки на партнеров. На Люксембургском саммите в июле 1991 г. Коль объявил о новых заботах Германии. На страну обрушился поток искателей убежища от хаоса в Восточной Европе (особенно – на Балканах). Либеральная конституция ФРГ не позволяла отказывать беженцам в приеме, и Коль обращал свой взор на ЕС в надежде на какое-то решение проблемы. Он призвал к выработке общей политики предоставления убежища, выдачи виз и иммиграции и выдвинул план создания «Европола», объединенных полицейских сил Европы.[102]

В июле 1991 г. Швеция подала заявку на полноправное участие в ЕС, а Комиссия обнародовала свое долгожданное «Заключение» по поводу обращения Австрии. В целом благожелательное, оно содержало предупреждение, что прием Австрии повлечет за собой прием и других стран. А это потребует дальнейших институциональных реформ, выходящих за рамки тех реформ, которые обсуждаются на МПК по политическому союзу. Делор в августе 1991 г. изменил свою точку зрения на желательность расширения Сообщества. Он заявил корреспонденту “Financial Times”, что на ЕС лежит

ответственность за «организацию Европы», даже если это означает, что в один прекрасный день потребуется принять в Евросоюз восточноевропейские государства.

Во второй половине 1991 г. голландское правительство, наиболее федералистски настроенное среди всех двенадцати, заняло место председателя ЕС. Ван ден Брук, занятый югославскими делами, оставил вместо себя представителем на МПК Пита Данкерта, министра по делам Европы. При поддержке Рууда Любберса и Делора социалист Данкерт взялся проводить смелую и, как оказалось впоследствии, бесплодную линию. Люксембургский проект договора о политическом союзе он отправил в мусорную корзину и предложил строить единое Сообщество, а не возводить «колонны». Кроме того, голландский подход означал неприятие передачи больших финансовых средств странам Южной Европы. Таким образом, проект Данкерта импонировал Комиссии и Европарламенту, но не беднейшим странам ЕС. Франция, Германия, Испания, Италия и Бельгия раскритиковали документ за расплывчатость его формулировок, касающихся политики безопасности. Англичан, французов, датчан и португальцев категорически не устраивала замена «храма» «деревом». Голландцы говорили, что не понимают претензий. В едином Сообществе, которое они предлагали, Комиссия и Парламент играли бы лишь ограниченную роль в области внешней политики и в сотрудничестве министерств внутренних дел. К примеру, только правительствам принадлежало бы право выступать с инициативами, касающимися сотрудничества полицейских сил и таможенных органов. Но англичане категорически отвергали сам принцип строительства Сообщества без «колонн».

Данкерт усилил положения проекта, касавшиеся общей политики безопасности, рассчитывая тем самым расширить круг своих союзников. Но когда 30 сентября 1991 года министры иностранных дел оценивали текст, представители всех стран, кроме Бельгии, высказались против. Де Микелис и Геншер сказали, что единое Сообщество нравится им больше, но выступать с таким предложением на столь поздней стадии переговоров означало бы поставить соглашение в Маастрихте под угрозу. Делор текст похвалил, но заявил, что присоединится к большинству. Ван ден Брук должен был пообещать, что подготовит новый проект с пресловутыми «колоннами». Два месяца МПК ушло на то, что голландцы писали и отстаивали свой проект договора. В отдельных частях документа возродились прежние тексты Комиссии, ибо сам Делор и его служащие помогали редактировать голландский проект. В частности, Делор снабдил его своим введением («шапкой»). До Маастрихтского саммита оставалось десять недель, и некоторые правительства побаивались, что не хватит времени, чтобы распутать все узлы на пути к политическому союзу.

В конце 1991 г. переговоры о создании Европейского Союза вступили в решающую фазу. Маастрихтская сессия Европейского Совета должна была торжественно провозгласить: “Fiat Europa!” («Да будет Европа!») - и позволить Делору завершить акт творения. Однако оставалось еще множество непроясненных моментов, особенно – в области общей социальной политики, а также внешней политики и обеспечения безопасности объединенной Европы. В октябре 1991 г. Дуглас Херд и Джанни де Микелис обнародовали свой совместный план организации европейской безопасности. Херд соглашался с «принятием в долгосрочной перспективе общей оборонной политики». ЗЕС, согласно плану, оставался на полпути между НАТО и Евросоюзом, но его связи с ЕС подлежали уточнению в 1998 году. Под команду ЗЕС передавались «силы быстрого реагирования», предназначенные для использования за пределами зоны НАТО. Дюма и Геншера англо-итальянский проект не удовлетворил. Предложение Делора согласиться с ним как с краткосрочным решением, а на долгосрочную перспективу признать более подходящей франко-германскую схему, также никого не успокоило. Геншер предложил собраться в Париже «всем коллегам, настроенным на одну волну». В ответ Ван ден Брук обвинил французов и немцев в попытке узурпировать прерогативы страны-председателя, единолично имеющей право назначать встречи. Французы, в свою очередь, заявили, что своим проектом договора голландцы внесли такую сумятицу, что доверять им проведение

МПК по политическому союзу нельзя. Лишь испанский министр иностранных дел присоединился к Дюма и Геншеру на их встрече в Париже. Спустя два дня, однако, появилось совместное письмо Коля и Миттерана, объявившее о создании под началом ЗЕС еврокорпуса. Другие страны-члены ЕС и ЗЕС приглашались внести свой вклад в формирование этого воинского соединения, которое по франко-германской схеме (в отличие от англо-итальянской) имело право действовать в пределах зоны ответственности НАТО (ЗЕС же предстояло стать «неотъемлемой частью» Европейского союза).[103]

Римский саммит НАТО завершил 8 ноября 1991 г. уточнение стратегических задач альянса. Мэйджор и Миттеран воспользовались этой встречей, чтобы согласовать формулировки, оставлявшие ЗЕС на полпути между Евросоюзом и НАТО. Джорджа Буша, встревоженного сообщением об образовании еврокорпуса, успокоили заверениями, что Североатлантическому альянсу это не сулит никаких неприятностей. После саммита НАТО в отношении оборонной политики стран ЕС остался лишь один формальный вопрос, касавшийся выбора формулировки. Англичане настаивали на «общей оборонной политике», а французы – на «совместной обороне».

21 октября 1991 г. ЕС и ЕАСТ достигли принципиального согласия по вопросу о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП). Подписание соответствующего договора было намечено на следующий, 1992 г. Предполагалось, что Швейцария, Лихтенштейн, Австрия, Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия смогут постепенно принять те инструкции Сообщества, которые касаются работы единого внутреннего рынка, и обеспечить на их основе свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на всем пространстве ЕС и ЕАСТ.[104]

Тем временем МПК по политическому союзу продолжала искать компромиссные варианты. Самой трудной проблемой внезапно оказалась социальная политика. В октябре 1991 г. голландцы опубликовали новый проект, воскрешавший к жизни люксембургскую модель с «колоннами». Социальная глава расширяла круг предметов ведения ЕС, добавляя в него равенство возможностей на рынке труда, права работников на информацию консультативное участие и регулирование «условий труда». По всем этим вопросам предлагалось принимать решения квалифицированным большинством голосов (чего на протяжении всего года энергично добивался Делор). В социальную главу вошла и одна идея из собственного проекта Делора: соглашения, достигаемые работодателями и профсоюзами в масштабах ЕС, Совет министров может превращать в законы Сообщества. Однако Джон Мэйджор решил, что трудовое законодательство – это та сфера, где Великобритания ни на какие компромиссы не пойдет. Сэр Джон Керр, британский представитель на МПК по политическому союзу, отказался обсуждать любые поправки к положениям о социальной политике, представленным в действующих договорах. Херд обрушился на Комиссию с обвинениями, что она «лезет во все щели и трещины повседневной жизни». Испанцы показали себя почти такими же несговорчивыми и жесткими, как англичане. Они требовали расширения фондов структуризации, прямой передачи денежных средств от богатых государств бедным и создания специального фонда для покрытия расходов бедных стран на поддержание более высоких стандартов в области охраны окружающей среды. Люксембургский и голландский проекты договора прошли мимо этих просьб, что толкнуло Карлоса Вестендорпа пригрозить применением в Маастрихте права вето.

К ноябрю 1991 года испанцы несколько смягчили свою позицию и настаивали лишь на одном требовании: четко указать в особой статье, что бюджетные взносы стран должны быть соразмерны их богатству. Делор поддержал позицию Испании и предложил образовать «фонд сплочения» для финансирования природоохранных и транспортных проектов в бедных странах. На встрече министров иностранных дел в Нордвике 12 ноября председатель Комиссии сумел внести в текст нового голландского проекта договора несколько изменений. Он восстановил право Комиссии отзывать законопроекты, в которые вносятся неудобные ей поправки. Европарламент он лишил права

законодательной инициативы и настоял на принятии законов об охране окружающей среды простым большинством голосов. Делор присоединился к Херду в критике множества новых «предметов ведения». Председатель Комиссии предложил сохранить главы о «трансевропейских сетях» (объектах инфраструктуры) и промышленности, но исключить главы, посвященные туризму, энергетике, спасательным работам, правам потребителей, здравоохранению, образованию и культуре. Делор сказал, что новый договор должен следовать образцу Единого европейского акта с его конкретными указаниями на ограниченный круг предметов ведения, а не Римского договора о создании ЕЭС, расплывчато говорившего о множестве тем, к которым редко обращались на деле. В результате главы о туризме, спасательных работах и энергетике были изъяты.

Министры, однако, проигнорировали соображения Делора по поводу общей структуры договора и положений о внешней политике. Коль воспринял второй голландский проект договора так же отрицательно, как и Делор. В конце ноября они вместе начали наступление с позиций федерализма. Коль потребовал включить ряд «переходных статей». Одна предполагала расширить в 1996 году права Европарламента на «сопринятие» законов, другая намечала в 1994 году передать в ведение ЕС политику предоставления убежища, изъяв ее из компетенции межправительственной «колонны». Англичане заявили, что отсрочка федерализма на несколько лет отнюдь не добавляет ему привлекательности. Согласия на свои «переходные» формулы Коль не получил, зато добился других оговорок, особо указывающих, что ряд положений (в том числе касающихся полномочий Европарламента) подлежат уточнению в 1996 году.

Выступая 21 ноября в Европейском парламенте, Делор назвал новый голландский проект договора «практически неприменимым и сковывающим движение». Ввиду «вероятности того, что политики и бюрократы будут сговариваться за закрытыми дверями, подход на межправительственной основе нанесет ущерб Европейскому сообществу и отбросит его назад». План, согласно которому Сообщество будет заправлять внешними экономическими делами, а государства-члены вести внешнюю политику, способен привести к «организованной шизофрении». Как только будет подписан Маастрихтский договор, настаивал Делор, надо начать готовить «наши институты для Сообщества в составе 15, 20 или 25 государств-членов».[105]

27 ноября 1991 г. Комиссия выпустила написанную Делором Декларацию о политическом союзе, где говорилось: «Дело обстоит таким образом, что Союз призван действовать наряду с Сообществом, причем нет нужды воспроизводить уже сделанное в Едином европейском акте заявление о решимости свести воедино все полномочия, которые государства-члены собираются совместно использовать в политических и экономических делах».[106] Отсутствие у Европейского союза собственного юридического лица (международные договоры с его участием должны были подписывать государства-члены и/или ЕС) могло служить источником путаницы в представлениях о том, кто отвечает за выполнение обязательств Союза. Даже предложение возложить задачу представления Союза на международной арене на председателя ЕС «в ассоциации с Комиссией» не обеспечивало согласованности различных внешнеполитических шагов Союза. Однако многие правительства полагали, что соображения Делора по поводу внешней политики сводятся просто-напросто к заявке на расширение полномочий Комиссии.

6 декабря Делор посетил Миттерана с намерением заручиться его поддержкой, но ничего не добился. Правящие круги Франции полагали, что Комиссия слишком часто вмешивается во внутренние дела государств. В то же время в Германии возобновилась активная критика планов создания ЭВС. “Bild” напечатала результаты проведенного ею опроса, который показал, что лишь 17% немцев положительно относятся к ЭВС, а 9 декабря, в день открытия Маастрихтского саммита, газета вышла с заголовком на первой полосе: «Руки прочь от нашей валюты!». В Великобритании Маргарет Тэтчер призывала Мэйджора остановить в Маастрихте «конвейерную ленту, движущуюся к федерализму».

При внесении в свой проект последних поправок голландцы пренебрегли предписаниями Комиссии в отношении раздела о внешней политике. Таким образом, ситуация складывалась не в пользу Делора и его команды. На своей пресс-конференции перед открытием саммита председатель Комиссии высмеял положение, требовавшее большинством голосов утрясать детали решений, принятых единогласно. Советники Делора говорили, что он может подать в отставку, если в Маастрихте будет принят неудачный договор. Однако не существовало никакой уверенности в том, что там вообще будет достигнуто хоть какое-нибудь согласие. Споры вокруг социальной главы, вопрос о полномочиях Европарламента, выбор терминологии для описания оборонной политики, проблема голосования при определении правил выдачи виз, бюджетные требования бедных стран – это и многое другое еще загромождало путь к единству.

Однако 9-10 декабря 1991 г. на сессии Европейского совета в Маастрихте проект договора о Европейском Союзе все же был одобрен. Голландский городок Маастрихт [107] лежит на рубеже, где сходятся романская и германская, католическая и протестантская культуры. Накануне открытия саммита Делор выступил на городской площади Маастрихта перед тысячной толпой. Он заявил, что федерализм – это маяк, указывающий путь, и выразил надежду, что лидеры ЕС, которые стесняются слова «федерализм», сохранят, по крайней мере, свои федералистские устремления. На следующее утро 12 глав правительств и их министры иностранных дел разместились за круглым столом в резиденции правительства провинции Лимбург (на так называемом Правительственном острове посреди реки Маас).

Исторический саммит начался с совместной франко-итальянской декларации. Миттеран и Андреотти огласили составленный ими накануне вечером, за ужином, план, который (как они надеялись) сделает продвижение к единой валюте необратимым. Они предложили, чтобы в случае, если в 1997 году ЭВС не начнет действовать ввиду несоответствия большинства стран критериям конвергенции, этот Союз должен будет вступить в силу в 1999 году с участием такого числа государств, какое будет к этому готово. Коль с этим согласился – к большой радости Делора и к ужасу Бундесбанка. Джон Мэйджор одержал в самом начале саммита ряд символических побед. «Все более тесный Союз народов Европы» заменил собою «федерацию как цель». В намечавшемся на 1996 год пересмотре и уточнении договора «с целью усилить федеративный характер Союза» ссылка на федерализм также была опущена. Однако в связи с более существенными разногласиями Мэйджор пошел на уступки: он согласился наделить Европарламент множеством новых полномочий, снял возражения против обязательного участия государств-членов в «совместных» внешнеполитических действиях и смирился с тем, что решения в области внешней политики будут приниматься большинством голосов.

Вечером в первый день встречи с целью снять возражения Мэйджора против социальной главы Любберс представил ее в «разбавленном» варианте. Предлагалось немного расширить применение правила голосования квалифицированным большинством, распространив его на некоторые права рабочих (к примеру, на информацию, но не на участие в консультациях), а также на такие составляющие условий труда, как вопросы охраны здоровья и производственной безопасности. Сохранилось положение о том, что соглашения, достигнутые социальными партнерами (работодателями и профсоюзами) могут становиться законами ЕС. Однако на второй день работы саммита выяснилось, что для Мэйджора и в обновленном виде социальная глава неприемлема, а Миттерана, Андреотти и Уилфрида Мартенса (бельгийского премьер-министра) не устраивает именно «разбавленный» текст главы. В попытке найти выход из тупика Делор сделал предложение разрешить Великобритании (в случае, если она пожелает) не связывать себя обязательствами по отдельным социальным законам, сохранив за ней право принять эти обязательства позднее. Затем Миттеран пошел дальше и предложил для англичан свободу непринятия социальной политики ЕС в целом. Но Мэйджор отклонил все эти варианты исключительного режима для своей страны.

В кулуарах Паскаль Лами предположил, что англичан может устроить идея отдельного объединения 11 стран, согласных взять на себя обязательства, предусматриваемые социальной главой. Он сам и его команда поработали над этой идеей и подготовили соответствующие документы. Между тем на официальных заседаниях спор по социальной главе продолжался шесть часов, и уже казалось, что саммит кончится крахом. Миттеран объявил, что ему надо возвращаться в Париж. В семь часов вечера Любберс прервал заседание. Встретившись с ним с глазу на глаз, Мэйджор попытался выяснить, не поможет ли выйти из тупика «сильно разбавленный» текст главы, заметив при этом, что сам он не берет на себя обязательства принять такой вариант. Любберс ответил отрицательно. Коль пригласил к себе Делора и предложил отложить решение вопроса о социальной главе на несколько лет. Председатель Комиссии сумел убедить канцлера, что отложить соглашение по социальной политике значило бы нанести вред Евросоюзу и что лучше предоставить 11 государствам возможность отдельно принять на себя соответствующие обязательства. Затем Коль провел с Любберсом и Мэйджором встречу, на которой они согласились, что идея Делора может открыть путь вперед. После целого ряда двусторонних и трехсторонних встреч, в ходе которых Делор, Любберс и Коль по несколько раз беседовали с Мэйджором, свобода выбора для 11 стран была получена.

Любберс возобновил заседание, и Делор объяснил суть согласованного в кулуарах плана. Он подчеркнул, что в рамках новых образований институты ЕС будут действовать в обычном порядке. Коль, Миттеран и де Микелис высказались в поддержку предложенной схемы. Никто не возражал, ибо затевать спор в столь поздний час значило бы вести дело к провалу. Когда Любберс попросил Делора подготовить нужные документы, оказалось, что у Лами тексты уже готовы. Сам Лами, сэр Джон Керр и юрисконсульт секретариата Совета министров Жан-Клод Пири тут же занялись их редактированием. Социальную главу, изъятую теперь из договора и нареченную «Соглашением», намечалось принять отдельно за подписью 11 правительств. В приложенном к договору протоколе говорилось, что правительства одиннадцати стран будут строить свою социальную политику в соответствии с правилами, указанными в «Соглашении», и устанавливалось их право использовать при этом институты и процедуры ЕС. Протокол вносил изменения в обычные правила голосования с учетом отсутствия Великобритании. Станным выглядело лишь то, что, согласно Протоколу, британским комиссарам предстояло работать над законами для Сообщества 11 стран, англичанам-депутатам Европарламента - голосовать «за» или «против» этих законов, в то время как министры британского правительства влиять на ситуацию возможности не имели. Делор принес готовые тексты, и глубокой ночью, после переговоров, длившихся 31 час, двенадцать государств одобрили предложенный проект.

Договор о Европейском Союзе, подписанный 7 февраля 1992 г. все там же, в Маастрихте, стал настоящим прорывом в процессе европейской интеграции. Сутью соглашения стала франко-германская сделка. Миттеран уговорил Коля согласиться на единую валюту и на признание целью Союза общей политики безопасности. Коль же уговорил Миттерана принять германскую модель ЭВС и согласиться на некоторое расширение полномочий Европейского парламента. Федералистски настроенные Италия и страны Бенилюкса получили основание говорить, что договор закладывает основы будущего европейского государства. Четверке беднейших стран (Испании, Португалии, Ирландии и Греции) были обещаны денежные вливания. Недовольными остались лишь Великобритания и Дания. Неподатливость британцев и датчан впервые заложила «подвижную геометрию» в договорные основы Сообщества (ЗЕС, МВК и Шенгенское соглашение существовали и до Маастрихта, но в договорах не упоминались).

Документ учреждал Европейский союз, состоящий из трех «колонн». Первая «колонна», основанная на Римском договоре о ЕЭС с внесенными в него поправками, касалась Европейского сообщества и ЭВС. Две другие «колонны» выстраивались заново:

общая внешняя политика и политика безопасности; сотрудничество в области правосудия и поддержания правопорядка. В сферах, относящихся к двум новым «колоннам», Европейская комиссия, Европарламент и Европейский суд получили меньше полномочий, чем в старом Сообществе. Европейский совет по-прежнему «стимулирует развитие» Союза и определяет его общую политику.

Статус гражданина Евросоюза дает право на содействие со стороны дипломатических и консульских служб всех стран-членов ЕС, а также право жить и работать в любой из этих стран. Гражданин ЕС имеет право голосовать или выставляться кандидатом на любых муниципальных или общеевропейских выборах, обращаться в Европарламент и просить омбудсмана разобраться в случае нарушения законных прав. Принцип subsidiarности (взаимодополнительности) предполагает, что в вопросах, которые не относятся к предметам исключительного ведения Евросоюза, ЕС «будет действовать лишь тогда и в той мере, когда задачи предлагаемого действия не могут быть удовлетворительным образом выполнены силами государств-членов и, соответственно, ввиду масштаба необходимых мер либо с учетом их последствий, могут быть лучше решены Сообществом».

Каждые три года Комиссии следовало оценивать различия в уровнях экономического развития богатых и бедных стран ЕС и при необходимости предлагать меры их сглаживания. Из Фонда сплочения полагалось финансировать проекты, связанные с охраной окружающей среды и развитием инфраструктуры в странах, где ВВП на душу населения не достигал среднего по ЕС уровня. Создавался совещательный комитет регионов. Европейский суд наделялся правом налагать штраф на любое правительство, не выполняющее его постановлений. Договор распространял сферу действия ЕС на образование, здравоохранение и культуру (в отношении которых, однако, Евросоюз не мог принимать никаких законов), с целью развития международного сотрудничества в данных областях. ЕС получило право вносить предложения об охране интересов потребителей и о развитии трансъевропейских сетей – транспортных, телекоммуникационных и энергетических проектов, под которые могли выдаваться гарантированные займы, субсидии на выплату процентов или деньги из Фонда сплочения. Во всех этих случаях министры должны были принимать решения квалифицированным большинством голосов.

Вновь появившаяся глава о промышленности позволяла Евросоюзу (при условии, что это не повредит конкуренции) содействовать развитию малого бизнеса, помогать производственным отраслям справляться с задачами структурной перестройки и обновления. Однако решения по промышленности требовали единогласия. Порядок же голосования по вопросам контроля над движением капитала, развития транспорта (равно как и процедура принятия законов об охране окружающей среды, если только они не затрагивали налогообложения, строительно-планировочных проектов или выбора источника энергоснабжения) требовал квалифицированного большинства.

Договор вводил «порядок сопринятия» решений в Европарламенте. Если парламентарии отклоняли текст законопроекта, поступивший от Совета министров, или если министры не принимали парламентских поправок, сторонам следовало создать согласительную комиссию. Если комиссия не могла найти компромиссного решения, законопроект не проходил. Если компромисс находился, тогда и Европарламент, и Совет должны были проголосовать «за», чтобы закон был принят. Порядок «сопринятия» распространялся на вопросы, касающиеся единого рынка, образования, здравоохранения, культуры и защиты прав потребителей, программ защиты окружающей среды, исследований и развития трансъевропейских сетей.

Любое международное соглашение ЕС, затрагивавшее институциональное устройство или бюджетные проблемы, либо влиявшее на дела, в отношении которых устанавливался порядок «сопринятия» решений, требовало парламентского утверждения. Европарламент должен был голосованием одобрить назначение нового председателя Еврокомиссии,

прежде чем тот смог бы приступить к исполнению своих обязанностей. Парламентскому утверждению подлежал и каждый новый состав коллегии комиссаров. Комиссии давался мандат на пять лет (вместо прежних четырех) в соответствии с пятилетним сроком, на который избирался Европарламент.

Маастрихтский договор предусматривал создание Экономического и Валютного союза государств-членов ЕС. На январь 1994 года было намечено создание Европейского валютного института во Франкфурте. Это учреждение должно было координировать денежную политику отдельных стран, отслеживать динамику экю и вести подготовку к заключительному этапу, с началом которого Институт становится Европейским центральным банком. Это событие было запланировано на 1997 год, если квалифицированное большинство в Европейском совете решит, что большинство стран ЕС отвечает пяти критериям (учитывались уровень инфляции, учетные ставки, бюджетный дефицит, государственный долг, девальвация национальной валюты).[108] В противном случае ЭВС должен был вступить в силу в 1999 году с участием тех государств, которые к тому времени будут соответствовать указанным критериям. Государства, вступившие в заключительный этап создания ЭВС, утверждают обменные курсы своих валют бесповоротно. Предполагалось, что впоследствии экю придет на смену национальным валютам.

В новой «колонне», к которой были отнесены внешняя политика и политика безопасности, право выступать с инициативами Комиссия разделила с правительствами. Министры иностранных дел стран Союза должны были решать, какие участки внешнеполитической деятельности заслуживают «совместных действий». По каждому из этих участков министры на основе единогласия принимали решение, какова должна быть их общая линия, какие должны быть сделаны шаги и какие вопросы, связанные с воплощением этой политики в жизнь, могут быть улажены квалифицированным большинством голосов. На страну-председателя Союза возлагалась обязанность представлять его в делах, касающихся общей внешней политики и политики безопасности. На практике за осуществление согласованных действий, однако, отвечала не только страна-председатель, но и секретариат Совета министров (ставший преемником функций секретариата Европейского политического сотрудничества). Предполагалось также, что Комиссия будет «в полной мере связана» с представительством и практической работой. Правительства должны были следовать общей линии и придерживаться ее в международных организациях. Это становилось их политическим обязательством, а не юридической нормой, ибо в сфере внешней политики Суду не было дано играть никакой роли.

Аналогичные процедуры (но без какого-либо голосования большинством) были приняты в отношении «предстоящего формирования общей оборонной политики, которая со временем может привести к совместной обороне». Решено было, что Европейский союз станет обращаться к ЗЕС, «неотъемлемой составляющей развития Союза», с просьбами о проведении в жизнь решений, имеющих оборонное значение. Укрепленный ЗЕС должен был стать европейской опорой Североатлантического альянса без какого бы то ни было ущерба для последнего.

В еще одной новой сфере – сотрудничестве министерств внутренних дел – Еврокомиссия и правительства получили одинаковые права выступать с предложениями по политике предоставления убежища, регулированию иммиграции и пограничным режимам. Любой из этих вопросов министры могли на основе единогласного решения передавать в ведение ЕС. Но только национальным правительствам было дано право выступать с инициативами, касающимися работы полиции, таможенной службы и борьбы с терроризмом и наркотиками. Создавался специальный Комитет в составе высокопоставленных чиновников министерств внутренних дел для координации работы этой «колонны» и подготовки периодических встреч министров. Для всех решений требовалось единогласие. Некоторую путаницу создавало отнесение визовой политики к

компетенции Сообщества. Правила выдачи краткосрочных виз и формы визовых отметок устанавливались министрами квалифицированным большинством голосов.

Назначенной на 1996 год новой межправительственной конференции предстояло уточнить некоторые положения Договора (в частности, об оборонной политике и полномочиях Европарламента). «Единые институциональные рамки» должны были соблюдаться во всех «колоннах». Совет министров и Комиссия обязаны были обеспечивать последовательность всех внешних действий создаваемого Союза (безразлично, касались они безопасности, экономики или других сфер).[109] Таким образом, утверждался не только Экономический и валютный, но и политический союз «двенадцати».

Маастрихтский договор имел обширное приложение: 17 протоколов, имеющих обязательную юридическую силу, и 33 декларации, такой силой не обладающие. В одном из протоколов содержались уставные основы Европейского центрального банка, в другом – Европейского валютного института. Испания добилась принятия протокола, в котором говорилось, что система бюджетного финансирования должна быть преобразована таким образом, чтобы лучше соответствовать платежеспособности отдельных стран ЕС. Особые протоколы позволяли Великобритании и Дании не участвовать в действиях заключительного этапа ЭВС.[110]

В конце февраля 1992 года завершились, наконец, долго тянувшиеся переговоры о создании Европейского экономического пространства. Семь стран ЕАСТ и 12 государств ЕС заключили между собой договор еще в октябре 1991 года. Но два месяца спустя Европейский суд аннулировал это соглашение на том основании, что предполагавшееся по договору создание высшей судебной инстанции ЕЭП могло поставить под угрозу независимость самого Европейского суда. Только 2 мая 1992 г. ЕС и ЕАСТ подписали новое Соглашение о создании Европейского экономического пространства.[111] В пределах ЕЭП некоторые споры подлежали урегулированию судом, другие – в порядке арбитража. Неравноценность положений договора стала одной из причин, по которым в декабре 1992 года 50,3% швейцарцев проголосовали против него. А швейцарское «нет» заставило и Лихтенштейн выйти из ЕЭП. Реально Европейское экономическое пространство начало свое существование 1 января 1994 года. Оно создало условия для свободного движения товаров, капитала, услуг и людей на рынке с 372 миллионами потребителей. Со своим валовым продуктом в размере 7500 млрд. долларов ЕЭП превзошло североамериканскую зону свободной торговли, дававшую только 6800 млрд.

В октябре 1992 года Делор провозгласил: «Если Европа собирается повзрослеть, она должна научиться говорить нет своему большому брату». Председатель хотел, чтобы США обращались с ЕС как с равным партнером. Американцы, в свою очередь, выражали беспокойство, что ратификация Маастрихтского договора приведет к созданию «крепости Европа». Кроме того, они разочаровались в попытках европейцев выступить посредниками в югославском конфликте. В ноябре на переговорах в рамках ГАТТ Делор попытался помешать сделке по субсидиям сельскому хозяйству, и окончательно лишился расположения Джорджа Буша. Американская администрация Билла Клинтона, взявшая бразды правления в январе 1993 года, одобряла, в целом, интеграционные процессы в Европе. И, хотя к европейским делам новый президент США проявлял гораздо меньше интереса, чем Буш, они с Делором вскоре нашли общий язык.

Процесс ратификации Маастрихтского договора двенадцатью государствами-членами затянулся и завершился только в октябре 1993 г. Датчане 2 июня 1992 года на референдуме отвергли договор: его противники набрали 50,7% голосов, на 45 тысяч больше, чем сторонники. Только 18 мая 1993 года - со второй попытки – документ в Дании все же был ратифицирован большинством в 56,8%. После речи Мартина Бангеманна, комиссара от Германии, назвавшего Договор ступенью лестницы, ведущей в федеративную Европу, в Великобритании чуть не возник новый правительственный кризис. Мэйджору с огромным трудом удалось протащить через британский парламент

резолуцию в пользу Маастрихтского договора – большинством в три голоса. Даже во Франции на референдуме 20 сентября 1992 года за Договор было отдано всего 51,05% голосов. Дело в том, что французы ввели в Конституцию страны новую специальную главу о Европейских сообществах и Европейском Союзе, и кому-то такая ревизия основного закона показалась чрезмерной. Пришлось осуществить сложную процедуру конституционного пересмотра и в ФРГ. Зато уже к 1 января 1993 г. была завершена программа строительства Единого внутреннего рынка ЕС: на внутренних границах Сообщества сняли все ограничения для движения товаров, услуг, лиц и капиталов.[112]

Создание политического союза стран-членов ЕС обозначило действительно новый этап в развитии западноевропейских интеграционных процессов. Теперь председатель Комиссии мог представлять на международной арене не только экономическое, но и политическое целое – Европейский Союз. Так, уже в мае 1992 г. Делор посетил Москву и достиг договоренности о начале работы над будущим СПС.[113]

С наступлением в январе 1993 года третьего срока Делора на посту председателя в аппарате Комиссии пошли разговоры, что своим стилем работы он приносит больше вреда, чем пользы. Особо подчеркивалось, что чрезмерный упор на использование неофициальных каналов привел к атрофии официальных рычагов организации и подорвал дух старших служащих. К примеру, Делор совершенно не консультировался с коллегами-комиссарами перед своим выступлением в июне 1993 года на саммите в Копенгагене, где он докладывал о конкурентоспособности Европы. Недовольство вызывал и особый («французский», «католический», «социалистический» - кому что не нравилось) характер «сети Делора», якобы изменявший подлинно европейскому духу. Однако в феврале 1993 г. председатель Комиссии смело выступил на собрании социалистов в защиту экономической самостоятельности континента, заявив, что нельзя стать политической державой, пока над зданиями крупнейших в Европе фирм развеваются флаги Америки, Японии и Южной Кореи.

После мартовского кризиса 1993 г. Франция, Италия, Дания, Ирландия и страны Бенилюкса добились довольно устойчивых курсов своих валют и уровня инфляции, приближающегося к западногерманскому. Они вынуждены были подчинить свою внутреннюю экономическую политику внешней дисциплине Механизма валютных курсов, где господствовала немецкая марка. Когда Бундесбанк изменял свои процентные ставки, прочим обычно оставалось только следовать его примеру.

Копенгагенский саммит в июне 1993 г. решил ввести в практику регулярные встречи премьер-министров государств ЕС и их коллег из ассоциированных стран ЦВЕ, а также согласиться с принципом, что ассоциированные члены, которые выразят такое желание, могут стать полноправными членами Евросоюза.[114] Одновременно было предложено приблизить сроки либерализации взаимной торговли между государствами ЕС и ассоциированными странами ЦВЕ. Делор представил саммиту доклад о падающей конкурентоспособности Европы (в сравнении с США и Японией). «Копенгагенские критерии» позволяли надеяться, что Европейский Союз ждет серьезное расширение на Восток и, как следствие, некоторое оживление экономических связей с новой Россией.

1 ноября 1993 г. вступил в силу Маастрихтский договор. Сообщество официально стало именоваться Европейским Союзом. Однако оставалась еще масса вопросов, отложенных в Маастрихте на ближайшее будущее. Следовало завершить создание ЭВС и ввести в оборот наличный евро. Необходимо было расширить Шенгенскую зону за счет стран-членов ЕС и подумать всерьез о расширении всего Союза на Восток. Многих, включая самого Делора, не устраивал текст Договора (к примеру, пресловутые «колонны») – требовалось серьезно доработать данный документ, а в перспективе – создать новую Конституцию Союза. И это только самые важные из нерешенных в Маастрихте проблем. История Европейского Союза только начиналась – и ничто не предвещало безоблачного будущего. Ликование очень скоро сменилось озабоченностью, а Делор вынужден был покинуть свой пост: «мавр сделал свое дело». Единая Европа стояла

перед вызовами новой исторической эпохи - и нового тысячелетия.

3. Теоретическое осмысление европейской интеграции в 80-90-е гг. XX в.

До середины 80-х гг. XX в. продолжалась ожесточенная полемика приверженцев межправительственного подхода с неофункционалистами. Ускорение интеграции при Ж. Делоре могло рассматриваться как триумф концепции «переплескивания». Таможенный союз способствовал увеличению масштабов и интенсивности торговли и производственной кооперации внутри ЕС, что сделало неизбежным создание Единого внутреннего рынка, который, в свою очередь, поставил в повестку дня социальное измерение интеграции (Социальная хартия). Для того, чтобы полностью использовать преимущества Единого внутреннего рынка, стало целесообразным создание Экономического и валютного союза и введение единой валюты (евро), что, в свою очередь, потребовало поднять на более высокий уровень координацию экономической политики национальных государств. А задача обеспечения стабильности евро делает все более очевидной необходимость дальнейшей политической интеграции (Конституция).

Однако «исторический компромисс» между наднациональным и межправительственным началами, закрепленный Маастрихтским договором, заставил искать соответствующий компромисс и в теории интеграции. Межгосударственный подход не мог объяснить феномен наднационального законодательства, которое позволяет принуждать страны-члены к выполнению коммунитарных норм (особенно – практику Суда ЕС, который, опираясь на положения основополагающих договоров, переносит их на области, непосредственно не упомянутые в данных документах). Неофункционалисты же признали познавательный потенциал своей концепции исчерпанным и взялись за разработку отдельных аспектов европейской интеграции. Так в 90-е гг. XX в. пришло понимание того, что процесс интеграции является «эндемически синкретическим», а теории интеграции по необходимости должны быть эклектическими.

С прекращением ожесточенной борьбы между неореалистами и неофункционалистами неожиданно оживились федералисты. Джон Пайндер выступил в 1991 г. с идеей разработки концепции «неофедерализма», который объединил бы теоретический анализ европейской интеграции и подготовку политических рекомендаций. Для этого, по его мнению, был необходим «союз» неофункционалистского видения взаимосвязи социальных и политических явлений и федералистской озабоченности конституционными проблемами и принципами.[115] Альберта Сбраджа попыталась «освободить» федерализм от набора избитых политических формул, провозгласив его философией, «научной ориентацией». Она отказалась от представления об обязательной эволюции Европейского Союза в сторону одной из реально существующих или гипотетических форм федеративного устройства (СШЕ и пр.). ЕС, по ее мнению, это эксперимент в области институционального творчества (с непредсказуемым исходом), научное исследование которого должно опираться на объективные методы международной сравнительной политологии.[116]

В 90-е гг. XX в. была создана «гибридная» теория многоуровневого управления (multilevel governance), призванная избежать односторонности традиционных концепций. Авторы провозгласили существование пересекающихся компетенций множества уровней правительств и взаимодействие политических акторов, пронизывающее все эти уровни. Должностные лица государств, при всем их могуществе, являются лишь одной из групп, действующих внутри европейской политической системы. Государства не являются исключительным связующим звеном между внутренней политикой и межправительственным торгом в ЕС. Структура политического контроля является переменной, а не постоянной (зависит от того, о какой области политики идет речь).[117] Таким образом, многоуровневые политические сети «перекрещиваются». Европейский Союз рассматривается как политическое образование, в котором власть расплывлена между различными уровнями управления и среди акторов, а между секторами имеются

существенные различия в способах управления.

К примеру, Алек Стоун Суит и Уэйн Сэндхолц рассматривают политическую систему Европейского Союза как континуум, соединяющий межправительственную и наднациональную политику. Сфера межправительственной политики внутри ЕС представляет собой разновидность обычных международных отношений. Наднациональный конец континуума воплощает в себе централизованный контроль над потенциалом управления, охватывающий все государства-члены. Между этими полюсами распределяются все промежуточные формы управления. Их координаты в континууме определяются тремя переменными: 1) интенсивностью формальных и неформальных правил, установленных на уровне Европейского Союза; 2) структурами управления на уровне ЕС; 3) уровнем развития транснационального общества.[118]

Джон Питерсон проводит различие между тремя уровнями принятия решений в ЕС, каждый из которых имеет свою собственную логику: 1) суперсистемный уровень (уровень «исторических решений», изменяющих Европейский Союз как политическую систему) – уровень интеграции в собственном смысле слова; 2) системный уровень – уровень «осуществления политики», на котором происходит практическая трансформация интеграционных институтов; 3) мезосистемный уровень – уровень «формирования политики». Питерсон утверждает, что традиционные теории интеграции применимы лишь к анализу первого уровня, для второго наилучшим инструментом теоретической интерпретации является новый институционализм, а для третьего – теория политических сетей.[119] Новый институционализм, имеющий несколько разновидностей, следует рассмотреть отдельно. Что же касается теории, упомянутой последней, то Дж. Питерсон дает следующее определение политической сети: «Внутренний смысл термина «сеть» состоит в том, чтобы массы акторов, представляющих множество организаций, противодействуют друг с другом и делятся информацией и ресурсами. «Увязка» предполагает, что сети обычно представляют собой средства игры с положительной суммой: они облегчают примирение, урегулирование или компромисс между различными интересами, которые затрагиваются решениями в определенной области политики».[120]

Политическая сеть представляет, таким образом, рамку для сотрудничества, от которого выигрывают все участники (вне зависимости от соотношения их силовых потенциалов), ибо все они имеют доступ к информации и ресурсам, которые не смогли бы получить другими способами. Европейский Союз (и его институты) представляют собой с этой точки зрения совокупность политических сетей. Взаимозависимые государства и другие участники политического процесса заинтересованы в развитии интеграции, так как получают вполне определенные преимущества от сотрудничества в рамках данных сетей.

Уже упомянутый новый институционализм не оспаривает ведущей роли национальных государств в интеграционном процессе, однако привлекает внимание к тому, что итог этого процесса не может быть объяснен лишь соотношением сил и предпочтений отдельных держав. Можно выделить три основные течения в новом институционализме, различия между которыми проявляются уже в самом определении «институтов», а также в описании механизма их функционирования. Институционализм, основанный на принципе рационального выбора, определяет институты как формально-юридические конструкции и наборы правил принятия решений. Именно данные правила накладывают определенные обязательства на политических акторов, руководствующихся своими собственными интересами, и заставляют их вступать в стратегические коалиционные игры, которые и составляют суть процесса принятия решений.[121] Это форма институционализма ближе всего к межправительственному подходу. Утверждается, что институты полезны, прежде всего, государствам: они облегчают выработку и осуществление рациональной стратегии, направленной на реализацию национальных интересов, а также сокращают риски (и т.н. «транзакционные издержки») межправительственного взаимодействия.

Исторический институционализм (Кеннет Армстронг, Саймон Балмер) определяет

институты как совокупность «формальных институтов, неформальных институтов и конвенций, воплощенных в них норм и символов, а также инструментов политики и политических процедур», [122] причем подчеркивается относительная самостоятельность и активная политическая роль институтов. Предлагается следующий подход к истории европейской интеграции. Первые интеграционные институты были созданы государствами-членами в определенных исторических условиях и с определенными целями. Эти условия к настоящему времени исчезли, цели и предпочтения государств изменились, но принятые когда-то решения открыли дорогу определенной логике развития, которую невозможно было предвидеть в момент создания Сообществ. Созданные в то время институты существуют и сегодня. Они обладают способностью воздействовать на цели и предпочтения акторов и, таким образом, структурировать политические ситуации и политические решения. В частности, возникновение Единого внутреннего рынка (воплощающего нелиберальные принципы) невозможно представить как результат стихийного развития экономики, это продукт целенаправленной политики интеграционных институтов.

Наконец, социологический институционализм рассматривает институты как факторы, формирующие не только поведение акторов, но даже их знания и представления о мире, причем самоидентификация и интересы выступают как эндогенные (вызываемые внутренними причинами), а не экзогенные факторы. Акторы не вступают в процесс взаимодействия с готовыми, заранее заданными интересами – эти интересы окончательно определяются внутри институциональной системы. Таким образом, институты не только ограничивают поведение акторов, но и в решающей степени формируют его.

Под влиянием теории многоуровневого управления и нового институционализма происходит активная ревизия традиционного межправительственного подхода. Уильям Уоллес, к примеру, проводит различие между «формальной» и «неформальной» интеграцией. Сферой формальной интеграции является строительство институтов, которые являются продуктом сотрудничества национальных элит. Здесь государства остаются ключевыми действующими лицами. Сферой неформальной интеграции является развитие тех форм экономического и социального взаимодействия и взаимопроникновения, которые не должны быть санкционированы специальными политическими решениями. Значение неформальной интеграции огромно: межправительственное сотрудничество является всего лишь реакцией на потребности общества и рыночной экономики. Однако первичной в интеграционном процессе остается все же формальная интеграция. Именно она имеет решающее значение для сохранения государств-наций как центров власти, формируя «масштабы и природу» европейского управления. Неформальная интеграция в ее нынешних масштабах была бы невозможна без формальной интеграции. Например, беспрепятственные трансграничные экономические связи в рамках Единого внутреннего рынка были бы невозможны без Единого Европейского Акта, который является продуктом сложных межправительственных переговоров и согласования расходящихся национальных интересов. [123]

Либеральный межправительственный подход (Эндрю Моравчик) делает еще большие шаги в сторону нового институционализма и других плюралистических концепций. Неолиберализм поставил во главу угла процесс формирования национальных интересов внутри отдельных государств. Главными акторами в политике признаются рациональные, самостоятельные индивидуумы и группы, взаимодействующие друг с другом на основе принципов собственного интереса и избежания риска. Правительства представляют собой «подвид» отечественных акторов, наделенный интересами, которые являются сдерживающим фактором в отношении самоидентификации и интересов других государств, действующих на международной арене. Поведение государств, характер их конфликтов и сотрудничества отражают природу и конфигурацию государственных интересов. Процесс интеграции представляет собой игру на двух уровнях. На уровне

формирования национальных интересов действуют социологические закономерности согласования интересов различных политических и социальных групп и взаимодействия государства и общества. Итогом этого процесса является «спрос на интеграцию», определенные цели и предпочтения, с которыми государство выходит на второй уровень игры – «предложение интеграционных решений» (т.е. торг на межправительственном уровне). Решающая роль в формировании окончательных интеграционных решений отводится первому уровню. Таким образом, внутренняя политика – предварительное условие всякого внешнеполитического торга.

Моравчик полагает, что высший приоритет любого правительства – это удержание власти, для чего требуется поддержка достаточно сильной политической коалиции (которая формируется в ходе борьбы различных социальных групп за преобладающее политическое влияние). Правительство получает необходимую поддержку, признавая интересы наиболее влиятельных групп и принимая предлагаемые ими политические решения, которые и проводятся им затем на международной арене. Когда национальные государства сознательно принимают решения, которые формально ограничивают их автономию, они получают взамен преимущества упорядоченного торга в гораздо более широком поле, внутри интеграционных институтов, а также информацию, которая в иных условиях была бы недоступной. Поэтому интеграционные институты превращают межправительственный торг в игру с положительной суммой. Успешное проведение интересов влиятельных национальных политических групп на европейском уровне усиливает внутривнутриполитические позиции правительства. С другой стороны, невыгодные и непопулярные решения национальных правительств всегда могут с легкостью списать на происки «брюссельской бюрократии» и уменьшить тем самым неблагоприятный внутривнутриполитический эффект.[124] Либеральный межправительственный подход провозглашает, таким образом, что европейская интеграция не только не ослабляет, но – напротив – усиливает европейские государства-нации. Этой парадоксальной точки зрения придерживается и известный британский историк Алан Милуорд.[125]

Примечания:

1. Resolution of the European Council on the establishment of the EMS. Bremen, 5 Dec. 1978 // Ypersele, (von) J. The European Monetary System: Origins, Operations and Outlook / J. von Ypersele. - Luxembourg, 1985. - P.121-125; См. также: Commission. Eleventh Report on the Activities of the European Communities. - Luxembourg, 1978; Commission. Twelfth Report on the Activities of the European Community. Luxembourg, 1979; Jenkins, R. European Diary, 1977-1981 / R. Jenkins. - London, 1989; Jenkins, R. Life in the Center: Memoirs of a Radical Reformer / R. Jenkins. - N.Y., 1991; Буторина, О.В. Что такое евро? / О.В. Буторина. - М., 1999. - С.10-11.
2. Marjolin, R. Memoirs, 1911-1986: Architect of European Unity / R. Marjolin. – London, 1986.
3. Documents concerning the accessions to the European Communities of the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Hellenic Republic, the Kingdom of Spain and the Portuguese Republic. - Luxembourg, 1997; См. также: Greece and the European Community. Ed. L. Tsoukalis. - Famborough, 1979.
4. Elections des Parlement europeen au suffrage universel direct. Rapport, resolutions et debats du Parlement europeen. - Luxembourg, 1977.
5. Europa Archiv. - 1976. - № 3. - S.D53.
6. Europaische Zeitung. - 1982. - Sept. - S.4.
7. Браницкий, А.Г. От «Договора о слиянии» до Штутгартской декларации: Европейские интеграционные процессы в период «еврозастоя» / А.Г. Браницкий //

- Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. - Вып. 13. - Н. Новгород, 2003. - С.74-81.
8. Corbett, R. The European Parliament's Role in Closer EU Integration / R. Corbett. – Basingstoke, 2001. - P.48-50.
 9. Declaration by the 17th European Council on the Euro-Arab dialogue and the situation in the Middle East. Venice, 12-13 June 1980 // European Political Cooperation in the 1980s: A Common Foreign Policy for Western Europe. Eds. A. Pijpers [et al.]. - Dordrecht, 1988. - P.342-344.
 10. Integration and Unequal Development. The experience of the EEC. - N.Y., 1980. - P.67, 115, 207, 309.
 11. Commission. Fourteenth Report on the Activities of the European Communities. - Luxembourg, 1981.
 12. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции / А.Г. Браницкий, Г.В. Каменская. - М.-Н. Новгород, 2003. - С.113.
 13. Europa Archiv. - 1982. - № 2. - S.D50-D55.
 14. L'Express. - 1982. - 9 avr. - P.38; См. также: Арон, Р. Избранное: Измерения исторического сознания. Пер. с фр. / Р. Арон. - М., 2004.
 15. Le Traite d'Union europeenne : Commentaire du projet adopte par le Parlement europeen / F. Capotorti {et al.]. - Bruxelles, 1985.
 16. Bidegaray Ch. La reforme de la construction europeenne / Ch. Bidegaray, N. Rideay // Annuaire europeen d'Administration publique. - 1985. - V. VIII.
 17. La Communaute europeenne: declin ou renouveau? / Kaiser K. [et al.]. - P., 1983. - P.31.
 18. Declaration solennelle sur l'Union europeenne // Bulletin des Communautes europeennes. - 1983. - № 6. - P.25.
 19. An Ever Closer Union: A Critical Analysis of the Draft Treaty Establishing the European Union. Eds. R. Bieber, J.-P. Jacque, J. Weiler. - Luxembourg, 1985.
 20. Dinan, D. Europe Recast: A History of European Union / D. Dinan. - Houndmills, 2004. – P.208-210.
 21. FitzGerald, G. All in a Life: An Autobiography / G. FitzGerald. - Dublin, 1991. - P.485-486.
 22. Rome Declaration as adopted by the ministers of foreign affairs and defence of the WEU member states. Rome, 27 Oct. 1984 // WEU Assembly. Proceedings, Dec. 1984. – Rome, 1984. - P.48-49.
 23. На пути к европейскому единству. Развитие Сообщества: события и даты. Пер. с англ. - М., 1994. - С.63-64.
 24. Сиджански, Д. Федералистское будущее Европы: От Европейского сообщества до Европейского союза. Пер. с фр. / Д. Сиджански. - М., 1998. С.97
 25. Thatcher, M. Downing Street Years / M. Thatcher. - N.Y., 1993. - P.545-546.
 26. На пути к европейскому единству. Развитие Сообщества: События и даты. Пер. с англ. - М., 1994. - С.64.
 27. Delors, J. Speech to the European Parliament / J. Delors // Bulletin of the European Communities. - 1985. - Supplement I.
 28. Грант, Ч. Делор. Пер. с англ. / Ч. Грант. - М., 2002. - С.155-162.
 29. Endo, K. The Presidency of the European Commission Under Jacques Delors: The Politics of Shared Leadership / K. Endo. - N.Y., 1999. - P.137.
 30. Dinan, D. Europe Recast: A History of European Union / D. Dinan. - Houndmills, 2004. - P.208-210.
 31. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.124-125; См. также: Cockfield, A. Creating the Internal Market / A. Cockfield. - London, 1984.
 32. Клиринг (англ. clearing) – система безналичных расчетов, основанная на зачете взаимных требований и обязательств.
 33. Drake, H. Jacques Delors: Perspectives on a European Leader. - London, 2000. - P.78-112.

34. Commission communication concerning the enlargement with Spain and Portugal; obstacles and proposals for overcoming them // Bulletin of the European Communities. - 1982. - Supplement 8. - P.7-9; Documents concerning the accessions to the European Communities of the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Hellenic Republic, the Kingdom of Spain and the Portuguese Republic. - Luxembourg, 1997.
35. Towards European Union. Ed. M. Grazzo. - V.2. - Brussels, 1986. - P.23.
36. Sbragia, A. Europolitics / A. Sbragia. - W. (DC), 1992. - P.23-73.
37. Moravcsik, A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik. - Ithaca (USA), 1998. - P.314-378.
38. The Single European Act // Treaties establishing the European Communities. - Luxembourg, 1987. - P. 523-581; неофиц. пер.: Единый Европейский Акт // Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. Пер. с англ. - М., 1994; См. также: Ruys (de), J. L'Acte unique europeen: Commentaire / J. de Ruys. - Bruxelles, 1987.
39. Прелюдия «Оды к радости» к 9-й симфонии Бетховена в аранжировке Герберта фон Караяна была утверждена в качестве гимна Европы еще 12 июня 1972 г. Комитетом министров Совета Европы. См.: Швиммер, В. Мечты о Европе: Европа с XIX в. до рубежа третьего тысячелетия. Пер. с нем. / В. Швиммер. - М., 2003. - С.328.
40. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... С.132; См. также: Delors, J. La France par l'Europe / J. Delors. - Paris, 1988; Thatcher, M. Downing Street Years / M. Thatcher. - N.Y., 1993.
41. Efficiency, Stability and Equity: A Strategy for the Evolution of the Economic System of the European Community / T. Padoa-Schioppa [et al.]. - Oxford, 1987; См. также: Egan, M. Constructing a European Market: Standards, Regulation, and the Governance / M. Egan. - Oxford, 2001. - P.109-132.
42. Dyson, K. The Road to Maastricht: Negotiating Economic and Monetary Union / K. Dyson, K. Featherstone. - Oxford, 1999. - P.155-156.
43. Бугорина, О.В. Что такое евро? / О.В. Бугорина. - М., 1999. - С.14.
44. The Construction of Europe / Ed. S. Martin. - Dordrecht, 1994. - P.95.
45. Dinan, D. Ever Closer Union: An Introduction to European Integration / D. Dinan. - Boulder, 1999. - P.353-359.
46. Cecchini, P. 1992: The European Challenge. The Benefits of a Single Market / P. Cecchini. - Aldershot, 1988. - P.3-6.
47. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция / В.Г. Шемятенков. - М., 2003. - С.198-200.
48. Newsweek. - 1989. - Feb.
49. Sandholtz, W. 1992: Recasting the European Bargain / W. Sandholtz, J. Zysman // World Politics. 1989. № 42. P.95-128.
50. Delors, J. Speech to the Parliament. July 6, 1988 / J. Delors // Debates of the European Parliament. - 1988. - № 2. - P.138.
51. Thatcher, M. Britain in the EC / M. Thatcher. - London, 1988.
52. Ungerer, H. From EPU to EMU: A Concise History of European Monetary Integration / H. Ungerer. - Westport, 1997. - P.338-347.
53. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... С.142-143; См. также: Kay, J. 1992: Myth and Realities / J. Kay. - London, 1989.
54. Топорнин, Б.Н. Европейское право / Б.Н. Топорнин. - М., 1998. - С. 177-178.
55. Delors, J. Le Nouveau Concert Europeen / J. Delors. - Paris, 1991; См. также: Thygesen, N. The Delors Report and European Economic and Monetary Union / N. Thygesen // International Affairs. - 1989. - № 4 (65). - P.637-652.
56. Endo, K. The Presidency of the European Commission Under Jacques Delors: The Politics of Shared Leadership / K. Endo. - N.Y., 1999. - P.146.

57. Zelikow, Ph. *Germany Unified and Europe Transformed: A Study in Statecraft* / Ph. Zelikow, C. Rice. - Cambridge, 1995.
58. Phare – Программа содействия структурной перестройке экономики стран Центральной и Восточной Европы. Средства выделяют 24 страны (ЕС, ЕАСТ, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония и Турция). Комиссия ЕС координирует деятельность в рамках данной программы.
59. Горбачев, М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев. - М., 1988. - С.200-214.
60. Вайденфельд, В. Европа от А до Я: Справочник европейской интеграции. Пер. с нем. / В. Вайденфельд, В. Вессельс. - Рига, 2002. - С.475.
61. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.146-147.
62. Delors, J. L'imperatif de l'urgens de l'Europe communautaire / J. Delors // Europe: Documents. - № 1374. - Luxembourg-Bruxelles, 1989. - P.1-5; См. также: Maris, B. Jacques Delors, artiste et martyr / B. Maris. - P., 1993.
63. Delors, J. Discours en college de Bruges. 17 octobre 1989 / J. Delors // Europe: Documents. - № 1576. - Luxembourg-Bruxelles, 1989. - P.1-6.
64. Wogan (von), K. Binnenmarkt 1992 – Die stille Revolution? Europa – unsere Zukunft / K. von Wogan. - Herford, 1989. - S.71-86.
65. Браницкий, А.Г. Созидание политического союза стран-членов ЕС (1989-1993) / А.Г. Браницкий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. - Вып. 1 (2). - Н. Новгород, 2004. - С.356.
66. Цит. по: Горбачев, М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев. - М., 1988. - С.199.
67. Delors, J. Le Nouveau Concert Europeen / J. Delors. - Paris, 1991; Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.151-152.
68. Грант, Ч. Делор. Пер. с англ. / Ч. Грант. - М., 2002. - С. 217.
69. Moravcsik, A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik. - Ithaca (NY), 1998. - P.379-471.
70. См. Zelikow, Ph. *Germany Unified and Europe Transformed: A Study in Statecraft* / Ph. Zelikow, C. Rice. - Cambridge, 1995; Szabo, S.F. *The Diplomacy of German Unification* / S.F. Szabo. - N.Y., 1992.
71. Howarth, D.J. The French Road to European Union / D.J. Howarth. - Basingstoke, 2001. - P.83-144.
72. Западноевропейская интеграция: политические аспекты. - М., 1985. - С.12-14.
73. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.153.
74. На пути к европейскому единству. Развитие Сообщества: события и даты. Пер. с англ. - М., 1994. - С.66; См. также: Bulletin of the European Communities. - 1990. - № 6.
75. Parlement europeen. Le dossier de l'Union politique. Janvier 1964. - Luxembourg, 1964. - P.19-23.
76. Вайденфельд, В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. Пер. с нем. / В. Вайденфельд, В. Вессельс. - Рига, 2002. - С.463.
77. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция / В.Г. Шемятенков. - М., 2003. - С.310-311, 364.
78. Дэвис, Н. История Европы. Пер. с англ. / Н. Дэвис. - М., 2004. - С.838.
79. Поглощение территории ГДР формально не считается «расширением» ЕС, т.к. не было вступления в организацию новых стран-членов («расширилась» ФРГ, а не Сообщества).
80. Вайденфельд, В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции ... - С.498.
81. Борко, Ю.А. Эпоха партнерства или «ящик Пандоры»? / Ю.А. Борко // Борко, Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе / Ю.А. Борко. - М., 2003. - С. 271.
82. Sandholtz, W. Choosing Union: Monetary Politics and Maastricht / W. Sandholtz //

- International Organization. - 1993. - № 1. - P.1-30.
83. На пути к европейскому единству. Развитие Сообщества: события и даты. Пер. с англ. - М., 1994. - С.66.
84. Браницкий, А.Г. Erit una Europa? (Будет ли единой Европа?) История объединения Европы: проекты, противоречия, перспективы: Монография / А.Г. Браницкий. – Н. Новгород, 2006. – С.228-229.
85. Амстердамский договор 1997 г. провозгласит ЗЕС «неотъемлемой частью развития Союза», при этом организационно Западноевропейский союз и в 1998 г. сохранит свою автономию. См.: Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция. М., 2003. С.232.
86. The Intergovernmental Conference on Political Union: Institutional Reforms, New Policies, and International Identity of the European Community. - Dordrecht, 1992. - P.269-277.
87. Грант, Ч. Делор ... - С.236-238.
88. Thatcher, M. Downing Street Years / M. Thatcher. - N.Y., 1993. - P.839-862.
89. Браницкий, А.Г. Созидание политического союза стран-членов ЕС (1989-1993) / А.Г. Браницкий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. - Вып. 1 (2). - Н. Новгород, 2004. - С.361.
90. Salmon, T.C. Testing Times for European Political Cooperation: The Gulf and Yugoslavia, 1990-1992 / T.C. Salmon // International Affairs. - 1992. - № 2. - P.233-253.
91. Europe. - 1990. - 16 dec. - P.5.
92. Цит. по: Грант, Ч. Делор ... - С.242-243.
93. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.166.
94. На пути к европейскому единству. Развитие Сообщества: события и даты. Пер. с англ. М., 1994. С.66.
95. Болгария подписала Европейское соглашение 22 декабря 1992 г., Румыния – 1 февраля 1993 г. // Вайденфельд В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. ... - С.518.
96. Sandholtz, W. Choosing Union: Monetary Politics and Maastricht / W. Sandholtz // International Organization. - 1993. - № 1. - P.1-39.
97. Браницкий, А.Г. Созидание политического союза стран-членов ЕС (1989-1993) ... - С.363.
98. Браницкий, А.Г. Erit una Europa? ... - С.240-241.
99. Грант, Ч. Делор ... С.300-301; См. также: Endo, K. The Presidency of the European Commission Under Jacques Delors: The Politics of Shared Leadership / K. Endo. - N.Y., 1999.
100. Dinan, D. Europe Recast: A History of European Union / D. Dinan. - Houndmills, 2004. – P.246.
101. Военные действия в Боснии и Герцеговине отличались особой жестокостью. Подробнее см: Перес-Реверте, А. Территория команчей. Пер. с исп. / А. Перес-Реверте. - М., 2003; Балканский кризис: истоки, состояние, перспективы. - Н. Новгород, 2000; Браницкий, А.Г. Балканский кризис и европейские интеграционные процессы / А.Г. Браницкий // Россия и НАТО после балканского кризиса. - Н. Новгород, 2000. - С.23-26.
102. Конвенция о Европоле была подписана в 1995 г. и вступила в силу 10 октября 1998 г. Основные задачи Европола: сбор, хранение, обработка, анализ и обмен необходимой информацией, имеющейся в правоохранительных органах национальных государств-членов ЕС. См.: Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.107.
103. Браницкий, А.Г. Созидание политического союза стран-членов ЕС (1989-1993) ... - С.366-367.
104. Вайденфельд В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции ... - С.468.

105. Грант, Ч. Делор ... - С.315; См. также: Maris, В. Jacques Delors, artiste et martyr / В. Maris. - Р., 1993.
106. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.180.
107. Маастрихт – в переводе с нидерландского «Мост через реку Маас».
108. Требовалось, чтобы:
- 1) текущий дефицит бюджета не превышал 3% ВВП;
 - 2) размер государственного долга был не более 60% ВВП;
 - 3) инфляция не превышала более чем на полтора процентных пункта средний показатель трех стран ЕС с самими низкими темпами инфляции;
 - 4) банковские процентные ставки по долгосрочным кредитам не превышали более чем на два процентных пункта средний уровень этого показателя по трем странам ЕС с наиболее стабильными ценами;
 - 5) страна участвовала в Европейской валютной системе - без выхода в течение последних двух лет курса национальной валюты за пределы допускаемых ЕВС курсовых колебаний.
- Подробнее см.: Буторина, О.В. Что такое евро? / О.В. Буторина. - М., 1999. - С.14-21; Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.147-154.
109. Treaty on European Union. Luxembourg, 1992; неофиц. пер. на русский язык см.: Договор о Европейском Союзе // Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. Пер. с англ. - М., 1994. - (Документы Европейского Союза. – Т. II). - С.45-246.
110. Протокол о некоторых положениях, относящихся к Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии // Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе ... - С.221-223; Протокол о некоторых положениях, относящихся к Дании // Там же. - С.224.
111. Dinan, D. Europe Recast: A History of European Union ... - P.268-271, 340.
112. На пути к европейскому единству. Развитие Сообщества: события и даты. Пер. с англ. - М., 1994. - С.67.
113. Борко, Ю.А. Россия и Европейский Союз: ближние и дальние перспективы партнерства / Ю.А. Борко // Россия и Германия в Европе. - М., 1998. - С.85-86.
114. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.308-309.
115. Pinder, J. European Communities: The Building of a Union / J. Pinder. - Oxford, 1991.
116. Sbragia, A. Thinking about the European Future: the Uses of Comparison in Europolitics / A. Sbragia. - W. (D.C.), 1992.
117. Competences, Cracks and Conflicts: Regional Mobilization in the European Union / G. Marks [et al.] // Governance in the European Union. - London., 1996. - P.41.
118. Stone Sweet, A. European Integration and Supranational Governance / A. Stone Sweet, W. Sandholtz // Journal of European Public Policy. - 1997. - № 4 .
119. Peterson, J. Decision-making in the European Union. Towards a Framework for Analysis / J. Peterson // Journal of European Public Policy. - 1995. - № 2 .
120. Peterson, J. Policy Networks and European Union Policy Making: A Reply to Kassim / J. Peterson // West European Politics. - 1995. - № 18. - P.391.
121. См. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.336.
122. Armstrong, K. The Governance of the Single European Market. / K. Armstrong, S. Bulmer. - Manchester, 1998. - P.52.
123. Wallace, W. Introduction: The Dynamics of European Integration / W. Wallace // The Dynamics of European Integration. - London, 1990.
124. Moravcsik, A. Liberalism and International Relations Theory / A. Moravcsik // Harvard University Center for International Affairs. - № 92-6. - P.7-13; Moravcsik, A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht / A. Moravcsik. – Ithaka (NY), 1998.
125. Milward, A.S. The European Rescue of the Nation-State / A.S. Milward. - London, 2000;

Milward, A.S. The Frontier of National Sovereignty: History and Theory, 1945-1992 /
A.S.
Milward. - London, 1993.

ГЛАВА IV. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

1. Основные факторы, повлиявшие на процесс интеграции в период подписания и ратификации Маастрихтского договора о ЕС

Как уже было сказано выше, мы рассматриваем процесс интеграции, в том числе, и как процесс становления цельной системы, представленной в виде ЕС. Соответственно, относительно этой системы можно выделить внешние и внутренние факторы, которые, несомненно, пересекаются между собой, но всё же имеют значимые для осмысления происходящего различия. К внутренним факторам относятся события и причинно-следственные связи, вытекающие непосредственно из собственной логики развития интеграции между странами ЕС. К внешним (общеевропейского или глобального масштаба) можно отнести факторы воздействия, находящиеся вне институтов, непосредственно задействованных в интеграции; к таким относится, например, трансформация системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны, после распада ОВД и СССР.

К внутренним факторам следует, прежде всего, отнести большую подготовительную работу, которая была проделана самими институтами ЕС до 1992 года. После серьёзного экономического кризиса в странах Западной Европы 1970-х годов, интеграционные процессы в Европе получили новую идейную и практическую поддержку. В конце 70-х – начале 80-х годов институтами ЕС[1] был предложен ряд инициатив по реформированию институциональной структуры Сообществ в сторону усиления наднациональной составляющей: проекты Тиндемманса и Спинелли, инициатива Геншера-Коломбо.[2] Активность, с которой институты Сообществ в этот трудный для интеграционных процессов период проталкивали идеи политической реформы, подтверждали одно из главных положений теории функционализма: будучи раз созданной, институциональная структура Сообществ работает более или менее автономно и обретает собственную логику развития[3].

Суть этих проектов составляло понимание того, что институциональная структура Сообществ более не соответствует стоящим перед ними задачам. Произошли изменения в приоритетах общества: требования повышения и сохранения качества жизненного уровня, охраны окружающей среды и другие, связанные не только с экономикой, но и политикой проблемы, стали теснить самоценность безопасности и безудержного экономического роста[4]. При всей своей нереалистичности в случае начала реализации предложенных идей, обсуждение этих проектов привело к тому, что государства-члены всерьёз стали рассматривать необходимость реформы Сообществ[5]. В результате этого в феврале 1986 года был подписан Единый европейский акт (ЕЕА), который предусмотрел применение принципа квалифицированного большинства в отдельных сферах регулируемых Сообществами, укрепил позиции Европарламента и официально распространил компетенцию Сообществ на такие сферы, как энергетика, охрана окружающей среды, социальная политика, наука и технология. Это был во многом компромиссный документ, который, однако, означал значительный шаг вперёд в процессе интеграции и обозначил два направления дальнейшего институционального развития Сообществ: 1) оформление экономического и валютного союза на базе уже имеющегося опыта работы механизма “валютной змеи” и функционирования европейской расчётной единицы (ЭКЮ) и 2) реформа политического сотрудничества на основе созданного механизма Европейского политического сотрудничества (ЕПС) и плана Фуше[6].

В институциональной сфере ЕЕА ввёл одну очень важную инновацию, была разработана законодательная процедура сотрудничества. В рамках этой процедуры Европейский парламент получил ограниченную возможность влиять на принимаемые законы. Ранее

большинство законодательных актов принималось в рамках процедуры консультаций с Европарламентом, в соответствие с которой мнение парламента носило рекомендательный характер. Теперь же Европарламент получал право вносить поправки, что сразу отразилось на законодательном процессе: в 1987-1990 гг. из предложенных парламентом поправок 40% вошли в окончательный текст законодательных актов Сообществ[7]. Более того в рамках этой процедуры государства-члены чаще стали использовать квалифицированное большинство при принятии решений. Таким образом, страны-участники стали реже использовать право вето, предусмотренное “Люксембургским компромиссом” 1966 года. Например, с 1980 года частота применения принципа квалифицированного большинства значительно возросла[8]. Кроме этого после вступления ЕЕА в силу увеличилось число контактов между Комиссией, с одной стороны, и коммерческими компаниями, с другой. “Крупные фирмы в возрастающей степени стали развивать стратегии прямого лоббирования, ... одновременно Комиссия признала, что не имеет ресурсов, чтобы справиться с возрастающим потоком законодательства без активного участия компетентных акторов”. [9] Это также означало возрастание влияния и роли органов Сообществ на жизнедеятельность экономических институтов и организаций. Реализация этих процессов неразрывно связана с именем Жака Делора, которого не без основания считают самым выдающимся председателем Комиссии ЕС за всю её историю. Он начал свою деятельность в январе 1985 г. Под его руководством был разработан и успешно осуществлен проект “Европа 1992”. Своеобразным рекордом в истории ЕС стало то, что 95% из первоначально предложенных Комиссией 282 законопроектов, связанных с созданием единого внутреннего рынка, были своевременно одобрены Советом министров и национальными органами государств-членов.[10]

Однако почти сразу же выяснилось, что реальные последствия на редкость удачной работы органов ЕС решительно разошлись с ожиданиями. Особенно зримым был контраст в области экономики. Практически полное завершение законодательной деятельности, направленной на создание нормативной базы функционирования единого внутреннего рынка, не привело к ощутимому приросту валового общественного продукта, как предсказывалось в прогнозах Комиссии ЕС. Напротив, уже к концу 1990 г. темпы экономического роста заметно упали. Годовой рост ВВП, составлявший 3,3% в 1986-1989 гг., снизился до 2,8% в 1990 г., 1,4% в 1991 г. и 1,1% в 1992 г. Соответственно замедлился рост инвестиций и личного потребления. Впервые за девять лет абсолютные размеры занятости сократились, и безработица вернулась к уровню 1985 г. (11% рабочей силы)[11]. Данные факты стали явными сигналами к назревавшему в Западной Европе более серьёзному кризису - кризиса западного общества[12], особенно проявившегося в период ратификации договора о ЕС. Целесообразно привести свидетельства его серьёзности и размаха, которые принадлежат авторам, занимающим различное место в общественной жизни. “В течение последнего года или около того [1992-1993], - оценивает комиссар КЕС Л. Бриттан, - Европа сильнее, чем когда бы то ни было после 1945 г., была потрясена сомнениями в самой себе и в своем будущем. Новый кризис самосознания прокатился по всему континенту по мере того, как в умах людей были поставлены под вопрос цели и действительная роль Европейского Союза, равно как и роль их собственных стран в Европе и статус Европы в мире”[13]. Другой исследователь отмечает, что “великие прорывы захлебнулись в своей собственной сложности. Многие ли за пределами Брюсселя сохраняют господствовавшее в 1992 г. видение европейских сообществ как средства глубоких преобразований? Что же касается общественной сплоченности, то она, по-видимому, размывается на уровне даже более основательном, чем политика. Граждане испытывают все больший дискомфорт в связи с заметным присутствием лиц иностранного происхождения, беспокойство по поводу усиливающегося давления на фонды социального обеспечения и наличие рабочих мест, и рассматривают чужеземные нравы, языки и религиозные обряды как угрозу их национальной самобытности ... повседневная жизнь как будто бы подтверждает общую эрозию цивилизованности”[14].

Всего несколько лет спустя после того, как жители Восточной Европы начали создавать гражданские общества, качество этого общества и на Востоке, и на Западе, по-видимому, сильно ухудшилось. Неудивительно, что общее ликование, которым сопровождалось падение коммунизма, в значительной мере улетучилось[15]. “Кто вспоминает сейчас, - пишет другой исследователь, - самоуверенные прогнозы относительно 1992 г., эти блистательные образы богатой объединенной Европы, уплывающей на всех парусах мимо США и Японии в мировой борьбе за экономическую гегемонию? Европа сегодня - это район бедствия, расколотый всеми мыслимыми линиями раздела. С беспокойством всматриваясь в свое собственное трудное прошлое - похвальное, но не внушающее доверия занятие - она уже оправилась от эйфористических “побед” 1989 г.”[16]

По мнению В. Г. Шемятенкова, в анализе кризиса, переживаемого странами ЕС в тот период, постепенно выкристаллизовываются две точки зрения. Первая оптимистическая, вырабатываемая специалистами, работающими либо в аппарате ЕС, либо в финансируемых им научных центрах. Вторая - более пессимистическая в плане оценок и выводов[17].

Оптимистические концепции носят прикладной, рекламный характер, где кризис интеграции рассматривается в рамках самой интеграции при прочих равных условиях. По мнению пропагандистов, сама история ЕС служит наиболее весомым аргументом в пользу того, что кризис будет недолговечным.[18] Опираясь на количественный анализ достижений в области законодательской деятельности, экономической интеграции, развития общей политики Сообщества, укрепления его институтов и динамики общественного мнения, они выводят кривую “прогресса в направлении Европы”[19]. В соответствии с графиком выходит, что нынешний кризис пятый по счёту, если считать с момента создания ЕОУС и через цикличность, выраженную взлетами и падениями проходит тенденция неуклонного углубления интеграции. Отталкиваясь от этого, оптимисты делают вывод о том, что нынешние трудности носят преходящий характер, и сила самой интеграции вытянет в очередной раз. Хотя при всей иллюстративной ценности этого подхода его доказательная сила не так велика, как этого бы хотелось.[20]

Оптимисты используют и качественный анализ, пытаясь показать, что мощные факторы, двигавшие интеграцию в прошлом, сохраняют свою силу и поныне, создавая предпосылки для дальнейшего развития интеграции[21]. П. Лудлоу, например, выделяет шесть таких факторов: “логика приращения самого интеграционного процесса, когда успех на одном направлении делает необходимым продвижение вперед и на других направлениях; меняющаяся роль Соединенных Штатов в международной системе; новый облик европейской безопасности как перед, так, и особенно, после окончания “холодной войны”; угроза конкурентоспособности ЕС со стороны как правительственных, так и неправительственных соперников в мировой экономике; глобальная тенденция регионализации; структурная проблема, созданная “естественным” преобладанием Германии в центре Европы”[22].

Нельзя не согласиться с тем, что перечисленные (также как и другие) факторы действительно подпитывают процесс интеграции. Однако для получения более надёжных выводов относительно развития западноевропейской интеграции можно остановиться и на более существенных основах. Особое значение, по мнению В.Г. Шемятенкова, имеют следующие обстоятельства. “Первое, интеграция - продукт более или менее однотипной социально-экономической модели, сформировавшейся в Западной Европе на протяжении последних столетий. Второе, основой интеграции как особого типа институционального строительства является интернационализация западноевропейской экономики. Третье, идейным двигателем интеграции была и остается “европейская идея”. Четвёртое, в политическом плане западноевропейская интеграция была до сих пор по преимуществу интеграцией государств-наций, оказывавших решающее воздействие на формирование так называемой *acquis communautaire* - суммы достижений интеграции. Пятое, буквально до последнего времени важнейшим стимулятором западноевропейской

интеграции было соревнование двух альтернативных общественных систем или, в более узком смысле, “холодная война”.[23]

Необходимо отметить, что данный кризис западноевропейской интеграции совпал по времени с крупными изменениями в действии каждого из этих факторов[24].

Особенно отмечается, что “однородность образа жизни, мышления, законодательства и институтов в странах “двенадцати” в последние годы заметно возросла”.[25] По-видимому, это и было одним из импульсов подъема интеграции во второй половине 1980-х годов. Там, где эта однородность обнаруживала пробелы, процесс углубления интеграции создавал проблемы, например “неожиданно” обнаружившаяся низкая эффективность Греции как партнёра по ЕС и несовместимость “мусульманской” Турции с “христианским” Европейским Союзом. В связи с планами расширения ЕС возникла серьёзная проблема: какое влияние на внутреннюю однородность и, следовательно, на качество Союза окажет присоединение к нему нейтральных государств-членов ЕАСТ и, особенно, стран Центральной и Восточной Европы, которые всегда были и в течение долгого времени останутся отсталой окраиной континента, имеющей свои отличительные экономические, институциональные и культурные особенности[26], которые не могут быть устранены простым актом присоединения к ЕС[27].

Интернационализация экономики не только не ослабевает, но, судя по всему, стоит на пороге нового бурного всплеска, однако характер и география этого процесса меняются[28]. В предшествующие десятилетия экономическая целесообразность совпадала с политической, и Западная Европа получила огромный выигрыш от развития внутренних экономических связей и солидарной борьбы с конкурентами на мировых рынках.[29] Главным резервом нового подъема интернационализации производства является полномасштабное подключение к мировой экономике Китая, Вьетнама, других государств Азии и предстоящее подключение России. Остается открытым вопрос о том, будет ли, как и прежде, экономически выгоден для западноевропейских фирм упор на производственную и торговую кооперацию внутри ЕС и соперничество с традиционными конкурентами - США и Японией, или логика развития мировой экономики будет подталкивать западноевропейские фирмы к созданию обособленных форпостов внутри азиатского региона, ставя их в положение конкурентов по отношению друг к другу[30].

Что касается духовных основ интеграции, то они проявились и сыграли практическую роль в результате глубочайшего шока, вызванного Второй мировой войной. Война сделала сохранение мира и предотвращение новой войны в Европе высшим идеалом. “Европейская идея”, которая на протяжении многих столетий была лишь мечтой немногочисленных гуманистов, превратилась в конкретную политическую платформу и стала частью политического сознания европейцев.[31] Разбуженное той же войной стремление к созиданию и прогрессу стало личным убеждением, своего рода светской религией послевоенного поколения в Западной Европе. Неизвестно насколько прочными будут эти ценности в иную эпоху, когда последние вещественные напоминания о Второй мировой войне исчезли вместе с берлинской стеной, а память о ней вышла за пределы личного опыта ныне живущих людей.

Большое значение имеет и вопрос о субъектах западноевропейской интеграции. Вплоть до последнего времени считалось более или менее аксиоматичным, что интеграция развивается в результате сложного, многократно перекрещивающегося взаимодействия национальных государств с наднациональными институтами Сообщества.[32] Подъем интеграции в конце 80-х годов сопровождался обострившимся интересом к распределению ролей и ответственности не только между главными, но и всеми другими субъектами интеграции. В то же время целый ряд проблемных признаков: углубляющееся разобщение этнических общин в Бельгии, политический и экономический сепаратизм в Италии, центробежные силы в Испании и Великобритании, придают мало оптимизма[33].

Влияние “холодной войны” на процесс консолидации Западной Европы стало историей. Было бы неверно полагать, что забота о “новых демократиях” будет спланировать

западноевропейские страны не меньше, чем страх перед угрозой коммунизма[34]. Что касается пессимистических объяснений трудностей, с которыми столкнулась Европа при ратификации Маастрихта, то они разнятся между собой главным образом “глубиной исторической памяти”[35]. Многие исследователи видят суть проблемы в “оттаивании” извечных европейских проблем, замороженных “холодной войной”: возвращении от биполярности к многополярности в международных отношениях; возникновении вновь “германского вопроса”; возрождении “пост-габсбургской проблемы” - нестабильности в Восточной и Юго-Восточной Европе; усилении многополярности в европейской экономике; кризисе демократии.[36]

Другие, как, например, Чарльз С. Майер, считают их частью более глубокого кризиса западных демократий, соразмерного с кризисом, охватившим все Западное полушарие в 70-х годах XIX столетия, кризисами в Центральной Европе в 20-е годы XX столетия и в Западной Европе в 30-е годы.[37] По мнению Майера, все эти кризисы, включая и нынешний, являются “моральными кризисами”, имеющими три главных измерения: “внезапное ощущение разорванности исторического процесса, разочарование в политическом руководстве всех существующих партий и устойчивый скептицизм в отношении доктрин социального прогресса”[38]. Опасность морального кризиса нельзя преуменьшать, например, подобный кризис, по его мнению, охвативший Европу в конце 30-х годов, был преодолен лишь ценой Второй мировой войны[39].

Ещё дальше в своих размышлениях об историческом масштабе современных европейских проблем идут такие известные учёные, как Зб. Бжезинский и М. Штюрмер. По их мнению, нынешний кризис - это кризис ценностей Великой Французской революции, а возможно, и более глубоких основ буржуазного общества - рационализма и идеи общественного прогресса. Это также кризис государства-нации, которое до сих пор было главным двигателем европейской интеграции; наконец, это кризис моральных основ гражданского общества, той самой “протестантской этики”, которая, согласно Макс Веберу, положила начало западноевропейскому и североамериканскому капитализму. Зримая индивидуализация западноевропейского общества, выражающаяся в ослаблении института семьи, снижении интереса к труду и общественной жизни, размывает и политические институты, включая интеграционные.[40]

Какими бы причинами ни объяснялся кризис, Комиссия ЕС и правительства государств-членов, охваченные настроениями “триумфализма”, с явным опозданием отреагировали на его возникновение[41].

Следующий фактор, который мы рассмотрим, хоть и имеет отношение к внешним событиям, всё же представляется более значимым с точки зрения внутренней истории Сообществ. 3 октября 1990 года произошло объединение Германии: Федеративная Республика Германии приняла в свой состав Германскую Демократическую Республику. Это событие очень сильно повлияло на сложившуюся расстановку политических и экономических сил, как в Европе, так и внутри Сообщества, что, соответственно, не могло не отразиться на дальнейшем развитии интеграционных процессов.

Заметное усиление Германии после её объединения не для всех европейцев означало радость воссоединения. В общественном сознании, чаще у людей старшего поколения, вполне обоснованно появилось беспокойство о начале возрождения германской мощи, которая сохранила о себе воспоминания о двух мировых войнах. Доказательством служит выступление Президента Франции Ф. Миттерана на Франко-Германском саммите в 1990 году, всего за несколько недель до объединения Германии. Тогда Миттеран сказал, что у Франции “нет комплексов по поводу возникновения новой великой германской силы в сердце Европы”, но в тоже время, по его мнению, “для Европы открылась новая эра, в которой не будет недостатка в конфликтах, соперничестве и неверном понимании”.[42] При этом утверждение Миттерана о том, что Франция не имеет никаких комплексов по поводу объединения Германии, было явным стремлением поддержать уверенность в силе своей страны и верности обоих стран Франко-Германскому тандему. Против объединения

Германии выступала и М. Тэтчер[43]. После падения Берлинской стены Президент Франции консультировался с Президентом СССР М. Горбачёвым и встречался с лидером Восточной Германии Э. Хонекером, очевидно, пытаясь, если не предотвратить, то хотя бы повлиять на объединение[44]. Произошла определённая инверсия во Франко-Германском тандеме, если раньше Франция позволяла себе надеяться на лидирующую роль (иногда даже на гегемонию) в Сообществе, при не очень активном участии Британского королевства, то теперь лидерство Франции вызывает сомнение (объединённая Германия вносит самый большой вклад в бюджет Сообщества и имеет самое большое население в Европе). И, как видно из современных событий, идейное и политическое влияние Германии, её политических лидеров в вопросе о будущем Европы заметно возросло[45].

В то же время в связи с ожидаемым расширением ЕС на Восток, что стало одним из важнейших внешних факторов, для Франции становится всё труднее управлять процессом в соответствии только со своими интересами. Ю. Ведрин, министр иностранных дел Франции, в своей книге признался, что объединённая Европа перестала быть “автоматическим множителем влияния” Франции. “Сегодня нам противостоит система более сложная, более нестабильная, ... где отношения менее гармоничны, роли менее четко определены, результаты менее предсказуемы и реже близки к нашей линии”.

[46] Всё это, вероятно, очень болезненно воспринимается правящими кругами Франции, которые стремятся сохранить распространение влияния своей страны, но это влияние постепенно слабеет. Кроме этого Франции ещё тяжелее смирится с тем, что Германия может стать де-факто в центре всего интеграционного процесса, особенно, в рамках федеральной системы, если идеи по устройству Европы, предложенные Германией, окажутся более приемлемыми для европейцев, чем французские.[47] Учитывая данные обстоятельства вполне правдоподобна версия о существовании полуофициального соглашения между Францией и Германией по поводу ближайшего будущего ЕС. По словам Ж. Делора, Франция и другие страны согласились на участие объединённой Германии (фактически с поглощением одного государства другим) в ЕС, если последняя поддержит дальнейшее развитие экономического и политического союзов[48]. Данное обстоятельство было достаточно сильным дополнительным импульсом для начала межправительственной конференции по политическому союзу параллельно с конференцией по ЭВС.

К внешним факторам необходимо отнести события мирового масштаба, которые имели место в начале 1990-х годов и стали значимыми не только для Европы, но и для всей системы международных отношений.

Как утверждает многими наблюдателями, в начале 1990-х гг. небывалого уровня достиг международный престиж ЕС. США, Япония и другие страны-конкуренты “двенадцати” были подвержены опасениям в связи с перспективой возникновения ненужной конкуренции с торгово-экономической “крепостью Европа”. В Брюссель прибыли представители правительственных органов иностранных государств, банков и транснациональных компаний, “осаждавшие” Комиссию, секретариат Совета, Европарламент.[49]

В 1988 г. разрешился многолетний застой в отношениях Сообщества с востоком Европы: взаимное признание СЭВ и ЕС открыло путь к установлению двухсторонних отношений последнего с отдельными восточноевропейскими странами. Этот процесс завершился подписанием более или менее однотипных соглашений о торговле, торговом и экономическом сотрудничестве.[50]

Дальнейшее развитие событий было стремительным и в некотором роде неожиданным для Западной Европы. В течение одного года стало реальностью неосуществимое: пала берлинская стена, неожиданно закончилась “холодная война”, в странах Центральной и Восточной Европы произошли “бархатные революции”, распались СЭВ и Организация Варшавского Договора, началась быстрая переориентация торгово-экономических связей восточноевропейских стран на Запад, вражда в отношении ЕС сменилась восторженным

энтузиазмом. Вступление в Сообщество стало главной целью внешней и внутренней политики всех без исключения восточноевропейских стран - бывших членов СЭВ. Произошли существенные изменения и в отношениях ЕС со своими западными партнерами. Большинство членов ЕАСТ вступило на путь присоединения к Сообществу[51]. В январе 1989 г. государственный секретарь США заявил о готовности Америки установить новое трансатлантическое партнерство, центральной осью которого должен был стать политический диалог с Сообществом.[52] В различных центрах ЕС стали серьёзно подумывать о том, чтобы посредством налаживания общей политики в области безопасности и обороны постепенно избавиться от стеснительной гегемонии США в военных вопросах и покончить с положением, когда западноевропейский “экономический гигант” был “военно-политическим карликом”[53]. Хотя операция США в Ираке в 1991 году, окончание которой совпало по времени с началом МПК по ЭВС и политическому союзу, показала, что Европе ещё многое надо сделать, чтобы сравняться с американцами в военно-политическом плане.

В 1991 году, с распадом Советского Союза, рухнули “коммунизм” и “империя”[54] - того, что ранее рассматривалось только как нечто враждебное интересам Западной Европы. В настроениях большей части западноевропейских элит и в общественном мнении произошел заметный поворот: на смену продолжительному периоду так называемого “евросклероза” пришли “еврооптимизм” и “евроэйфория”. [55]

Но, с другой стороны, развитие трагических событий в Югославии нанесли сокрушительный удар по “еврооптимизму”. “На первый взгляд, драма на Балканах и европейская интеграция по сути своей являются антиподами: разумное и созидательное сближение народов - на одном полюсе, бессмысленная и разрушительная вражда - на другом. Однако югославский кризис, порожденный в первую очередь внутренними причинами, был, как это ни парадоксально, тесно связан с европейской интеграцией и в какой-то степени обусловлен ею”. [56]

Три основных факта показывают это вполне наглядно. Во-первых, возникшая у правящих элит, а затем и у значительной части населения Словении и Хорватии убежденность в том, что они являются в большей степени европейцами, чем жители других республик СФРЮ, была главным компонентом словенского и хорватского национализма. Сепаратистские движения в Словении и Хорватии ориентировались на то, что, действуя самостоятельно, эти республики скорее “вернутся в Европу”, чем оставаясь в рамках Югославии[57]. Пойдя на поводу у Германии и поспешно признав их независимость, ЕС вольно или невольно поощрял эти настроения, и тем самым подлил масла в огонь разгоравшейся гражданской войны.[58]

Во-вторых, разорение Югославии, одного из наиболее привилегированных партнеров ЕС, наглядно продемонстрировало, насколько хрупкими являются европейские идеалы интеграции, мира и экономического прогресса. Пламя этнического фанатизма и средневековой жестокости, безнаказанных убийств и насилия, охватившее целые народы Юго-Восточной Европы, служит грозным предупреждением для многих стран Западной Европы, где национализм и сепаратизм в последнее время стали неотъемлемой частью политического процесса.[59]

В-третьих, война в Югославии означала понижение роли Западной Европы и Запада в целом в глазах всего остального мира. Вся их экономическая, политическая и военная мощь оказалась бессильной перед лицом немногочисленных, но решительно настроенных национальных групп. Это поставило под вопрос всю послевоенную стратегию обеспечения безопасности Западной Европы. Постепенно страны ЕС начали осознавать, что новый международный политический порядок (или, как его часто называют, “новый беспорядок”) вовсе не так благоприятен, как можно было ожидать в свете победы Запада в “холодной войне” и полного исчезновения идеологического противника[60]. Страны Западной Европы с удивлением открыли, что “во многих отношениях холодная война довольно хорошо послужила Западной Европе. Она чётко определяла её восточную

границу, обеспечивала стабильную систему безопасности”[61]. Холодная война помогала оставлять целый ряд сложных вопросов за пределами официальной европейской повестки дня: такие как оборона, которая находилась под управлением НАТО; германский вопрос, который сдерживался разделом Германии между блоками. Она же определяла “место Европы в мире”, которое в итоге ряда трансатлантических кризисов свелось к признанию Западной Европой того факта, что гораздо безопаснее следовать американскому лидерству в определении глобального порядка, чем рисковать конфронтацией по поводу четко выраженной европейской “самобытности” или внешней политики”[62]. С окончанием “холодной войны” Западная Европа столкнулась с необходимостью определения не только своего места в усложнившемся мире, но и переосмысления своей собственной сущности, своего предназначения, всего того, что выражает английское слово “identity” (идентичность).[63]

Кроме указанных, необходимо отметить такие внешние по воздействию факторы как: усиление конкуренции на мировых рынках, проблемы разрушения окружающей природной среды и разрыв (прежде всего в экономическом развитии) между странами и регионами Европы и мира[64]. Здесь мы можем отметить, что наибольшее значение оказывают факторы проблемного происхождения. Это означает, что процесс интеграции должен помочь в разрешении существующих и возникающих проблем, иначе смысл дальнейшего развития интеграции утратится.

Суммируя факторы, оказавшие влияние на процесс подписания и ратификации Маастрихтского договора и, соответственно, на формирование Европейского Союза, в качестве выводов выделим следующие, наиболее значимые.

Первое, очевидно, что внутренняя логика развития Сообществ, подталкиваемая общемировыми процессами, привела процесс интеграции к необходимости завершить строительство “общего рынка” к 1992 году, что стало необходимой основой для дальнейшего развития экономической интеграции в виде Экономического и валютного союза и других проектов.

Второе, институционально Сообщество, хоть и находилось в слабом состоянии, имело стремление к развитию и обретению значимой самостоятельной роли как внутри Сообщества, так и на международной, прежде всего экономической, арене.

Третье, объединение Германии и, последовавшее за ним, усиление роли ФРГ в процессе интеграции придало этому процессу новый импульс.

Четвёртое, распад СССР и ускорившаяся трансформация международной системы заставили страны-члены Сообщества более серьёзно рассматривать проблему своей политической идентичности и роли на международной политической сцене.

Пятое, последовавший за распадом Союзной Федеративной Республики Югославия вооруженный конфликт на её территории и модернизация концепций США и НАТО, привели к тому, что у государств-членов Сообщества усилилось желание создать собственную армию, способную решать задачи по защите своих интересов военными средствами самого Сообщества.

Шестое, после роспуска Организации Варшавского Договора страны Центральной и Восточной Европы восприняли Сообщество как новый ориентир для своей политики и экономики, что более остро подняло проблему увеличения состава участников и последующей институциональной реформы Сообщества.

2.Закономерности развития политических процессов в Европейском Союзе в конце XX - начале XXI вв.

Из анализа, представленного в предыдущей части, следует, что у стран Сообщества было достаточно причин для серьёзного преобразования своего объединения. Изучению того,

что стало действительностью после подписания такого компромиссного соглашения, каковым является Маастрихтский договор, и посвящены эта и следующая части данной главы.

Состоявшиеся 10-11 декабря 1991 года, а затем 7 февраля 1992 года в Маастрихте встречи глав государств и правительств государств-членов ЕС сделали маленький городок на реке Маас известным на весь мир и определили направление развития Западной Европы на ближайшие десятилетия. Название же города превратилось в емкий политический символ, вокруг которого до сих пор продолжают научные дискуссии[63]. Когда упоминают Маастрихт, то имеют в виду не только подписанный здесь Договор о Европейском Союзе. “Маастрихт, по выражению В.Г. Шемятенкова, - это венец целой эпохи”[64]. Её можно назвать эпохой мощного, во многом беспрецедентного развития западноевропейской интеграции, кульминацией которого был подъем во второй половине 80-х годов.[65]

Маастрихтский договор был призван закрепить полученные успехи и стать юридически обязывающим воплощением новых амбициозных целей: создания политического, экономического и валютного союзов, распространения деятельности Сообщества на две новые области - во-первых, внешнюю политику и сферу безопасности; во-вторых, сферу юстиции и внутренних дел[66]. Как представлялось творцам Договора, его подписание должно было открыть перед Западной Европой надежную перспективу дальнейшего подъема.[67]

Настоящим шоком для глав государств, подписавших Маастрихтские соглашения, было неприятие плода их трудов значительной частью западноевропейской общественности. [68] Процесс ратификации Договора был чрезвычайно сложным. В июне 1992 г. он был отвергнут (хотя и с небольшим перевесом голосов) в ходе референдума в Дании[69]. С большим скрипом прошла его ратификация во Франции. Восемнадцать месяцев понадобилось британскому парламенту для того, чтобы одобрить Договор, да и то под угрозой новых всеобщих выборов. Затянулся этот процесс и в Германии, где конституционность Договора детально рассматривалась судом в Карлсруэ. Оказалось, что политическое руководство стран Западной Европы не учло общественное мнение в своих странах, поэтому политический темп Маастрихта, необходимый для развёртывания предусмотренных им планов, был явно утрачен.[70]

Социологические исследования показали, что трудности с ратификацией Договора не были случайностью. По мере того, как в Брюсселе нарастала эйфория по поводу завершения проекта “Европа-92”, в сознании рядовых граждан происходил поворот в обратную сторону. С 1991 по 1994 гг., число тех, кто поддерживал членство своей страны в ЕС упало с 72% до 54%; тех, кто считал, что его страна получает преимущества от членства в ЕС - с 59% до 47%.[71] Усилилась и поляризация мнений между различными социальными слоями - теми, кто считал себя выигравшими от интеграции, и теми, кто считал себя проигравшими. Так, в Дании, голосовавшие в июне 1992 г. против Маастрихтского договора включали две трети неквалифицированных рабочих и 60% рабочих и служащих государственного сектора, рыбаков, настроенных против общей рыболовной политики ЕС, фермеров, возражающих против реформы общей аграрной политики, пожилых людей, сохранивших воспоминания о Второй мировой войне, и националистов, озабоченных притоком иммигрантов.[72]

Руководящие органы ЕС не были на высоте стоявших перед ними задач, они не смогли не только переломить неблагоприятные тенденции, но даже выступить со сколько-нибудь значительными предложениями. По словам одного из европейских ученых, “западноевропейские правительства по-прежнему “продираются сквозь топи”, как они это делали в течение последних 20 лет, будучи подталкиваемыми к принятию частичных мер, признавая неизбежное, но не готовя на этот случай необходимых планов”.[73]

В начальной фазе пост-маастрихтских преобразований Комиссия ЕС резко снизила свою законотворческую деятельность. Если в 1989 г. ею было выдвинуто 92 крупных предложения, то в 1994 г. - едва ли половина этого числа, причем характер

законодательных предложений стал принципиально иным: большинство из них имело своей целью простое обновление уже действующих законов.[74] Непосредственно после Маастрихта не было развернуто ни одной крупной инициативы, направленной на решение экономических или социальных проблем посредством дальнейшего развития интеграции[75]. Да и реализация самого Маастрихтского договора, прежде всего его ключевых положений, касающихся создания экономического и валютного союзов, проведения общей внешней политики и политики в области внутренних дел и юстиции, по существу, повисла в воздухе[76].

Более того, анализ уже принятого Договора вскрыл его глубокую внутреннюю противоречивость. С одной стороны, Договор расширил сферу деятельности ЕС, распространив её, по меньшей мере, на девять новых, различных областей: европейское гражданство, визовую политику, образование, культуру, здравоохранение, охрану прав потребителя, создание трансъевропейских сетей в области транспорта, телекоммуникаций и энергетики, промышленность, сотрудничество в интересах развития[77]. В Договоре нет недостатка в громких формулах, свидетельствующих о том, что с превращением в “союз” Сообщество претерпело глубокое качественное изменение. Однако на деле никаких изменений такого рода не произошло. Более того, по мнению федералистов, в некоторых отношениях Маастрихтский договор означал шаг назад[78].

Сущностью проблемы является столкновение двух взаимодополняющих, но глубоко различных и во многих отношениях взаимоисключающих начал - наднационального и межправительственного. Узловым моментом этого противоборства было истолкование “принципа субсидиарности”, который был впервые юридически зафиксирован в Маастрихте[79].

По оценкам западноевропейских экспертов, в преддверии Межправительственной конференции 1996 г. борьба между наднациональным и межправительственным началами усилилась, причем, с неизбежными потерями для наднационального начала[80]. В частности, предлагалось отменить статью 235 Римского договора, которая дает право Совету, по предложению Комиссии и после консультаций с Европарламентом, “принимать необходимые меры” в тех случаях, когда Договор не предоставляет необходимых полномочий для осуществления одной из целей Сообщества. Одновременно выдвинута идея создать так называемый “Каталог компетенции” (Kompetenzkatalog), в котором были бы классифицированы сферы, где первичной является компетенция национальных государств, и сферы, где первична компетенция ЕС[81]. В целом предлагалось всячески ограничить возможности приращения наднационального начала, которое и составляет, как полагали до сих пор, источник силы Сообщества по сравнению с другими интеграционными группировками и организациями, построенными исключительно на базе межгосударственных договоренностей.

Трудности в решении своих внутренних проблем были, впрочем, компенсированы ЕС активностью в делах международных. В этом не было ничего удивительного, так как проявился “реактивный” характер деятельности Сообщества, действующего, как правило, лишь под давлением обстоятельств.[82] В данном случае “импульсом” было давление со стороны многочисленных государств, добивающихся вступления в ЕС. Его органам оставалось лишь направить эту волну в определённое русло и очертить пределы своего очередного, четвёртого по счету, расширения. Однако решение этого вопроса было не простым в силу двух главных причин: влияния расширения на внутреннюю сплоченность и управляемость Союза и неизбежных геополитических изменений на континенте[83]. Уже в ходе предшествующих расширений выявилось неизбежное противоречие между “углублением” и “расширением” Сообщества. Даже в “Европе шести” сложились устойчивые отношения неравенства и зависимости между “ядром”, включавшим в основном бассейн Рейна и его притоков, и “периферией”, состоявшей из менее развитых регионов[84]. Проблема еще более обострилась, после того, как “шестёрка” превратилась в “девятку”, а затем выросла до “двенадцати”. До сих пор Сообществу удавалось держать

эту проблему под контролем при помощи перекачки финансовых средств, в первую очередь через структурные фонды, а в периоды благоприятной экономической конъюнктуры добиваться постепенного уменьшения разрыва между наиболее и наименее развитыми регионами[85]. Тем не менее, социально-экономическая неоднородность существенно влияла на эффективность деятельности ЕС и темпы его продвижения вперед. Поэтому время от времени в недрах Сообщества появлялись проекты “Европы двух или более скоростей”, отражавшие нетерпение более развитых государств-членов. Эти проекты неизменно отвергались теми, кто считал, что внутренняя сплоченность ЕС является одним из самых важных достижений интеграции.

После событий 1989 года проблема выбора между “углублением” и “расширением” приобрела драматический характер. Руководство Комиссии, Франция, Италия и страны Бенилюкса поначалу довольно определенно высказывались за “углубление” и настороженно относились к идее “расширения”. [86]

Даже странам-членам ЕАСТ поначалу предлагалось удовольствоваться участием в Европейском экономическом пространстве, соглашение о котором вступило в силу всего за год до вступления трёх стран ЕАСТ в ЕС.[87] Великобритания в лице Маргарет Тэтчер, напротив, энергично добивалась расширения. Понимая, что углубление грозит Великобритании еще большей изоляцией, а расширение, по всей вероятности, привело бы к размыванию наднационального начала, не укладывавшегося в британскую концепцию интеграции.[88]

Ключевое значение в этом вопросе имела позиция Германии. До падения берлинской стены в Бонне были склонны поддерживать Францию и её единомышленников. Быстрое поглощение ГДР и присоединение пяти восточногерманских земель к ЕС круто изменило ситуацию. Расширение (хотя и в усеченной форме расширения одного из государств-членов) стало свершившимся фактом. Революции в странах Центральной и Восточной Европы еще больше изменили позицию Германии: “расширение” уже в восточном направлении могло рассматриваться (и стало рассматриваться) германскими политиками как наиболее удобная и надежная форма восстановления традиционного влияния Германии в этом обширном регионе.[89] Неудивительно, что сопротивление противников расширения было размыто объективным ходом событий.

Для проблемы расширения в целом Маастрихтское соглашение также знаменует собой переломный момент в истории европейской интеграции. Приняв решение об углублении интеграции в форме создания Экономического и валютного союза, руководители ЕС круто изменили саму подход к интеграции: на смену принципу равноправного объединения всех государств-членов пришел принцип “Европы нескольких скоростей”, “Европы избранных и аутсайдеров” и “Европы переменной геометрии”. [90]

Размежевание между “ядром” и “периферией” ещё более усилится в результате расширения ЕС на Восток и Юг. Если присоединение Австрии, Швеции и Финляндии в результате не создало непреодолимых трудностей ни с точки зрения социально-экономической однородности, ни с точки зрения управляемости ЕС, то вступление восточноевропейских и прибалтийских государств с их более чем стоимиллионным населением, по мнению большинства российских и западных исследователей, будет иметь гораздо более глубокие последствия.[91] Список основных опасений практически не изменился за прошедшее десятилетие.

Во-первых, появление внутри ЕС (в дополнение к Греции и Португалии) большой группы государств, не имеющих прочных традиций капиталистического предпринимательства и парламентской демократии, обремененных относительной экономической отсталостью и проблемой национальных меньшинств, существенно ослабит внутреннюю однородность и преобладание западноевропейской модели общественного устройства.

Во-вторых, расширение в восточном направлении серьезно усугубит кризис общей аграрной политики.

В-третьих, подтягивание экологических стандартов в регионе до западноевропейского

уровня потребует огромных затрат, размеры которых трудно подсчитать.

В-четвертых, присоединение восточноевропейских стран к ЕС не сулит никакого приращения финансовых ресурсов.[92] Напротив, потребуются крупные переливы средств, причём не только из Западной в Восточную Европу, но и внутри самого западноевропейского региона, для оказания помощи предприятиям, которые пострадают в результате возросшей конкуренции со стороны восточноевропейских производителей. Кроме этого, как указывает газета “Интернэшннал Геральд Трибьюн”, возрастут расходы на обеспечение перевода, а количество вариантов переводов между двадцатью с лишним языков увеличится в несколько раз, что скажется на эффективности работы всего Союза[93].

В-пятых, совершенно неясно, смогут ли члены будущего, расширенного Союза справиться с проблемами иммиграции, контрабанды и преступности (особенно, если будет существовать анклав среди стран ЕС - Калининградская область) и будут ли они в состоянии эффективно предотвращать возможные общественные беспорядки и вооруженные конфликты в регионе.[94] Не менее серьезные проблемы возникают и в отношении чисто административной управляемости органов Союза. На нынешнем этапе не предусматривается никаких кардинальных изменений в его институциональной природе - “расширение” будет означать лишь простое количественное увеличение численности Комиссии, Совета, Европарламента и других институтов[95]. Неизбежное усложнение процесса принятия решений предполагается решать посредством более широкого применения принципа большинства голосов. Однако, как подсчитали в секретариате Совета, этот метод имеет свои, довольно узкие пределы. Так, в Союзе, состоящем из 28 членов, государства, представляющие всего 47% населения, располагали бы квалифицированным большинством голосов. Действуя солидарно, государства Центральной и Восточной Европы были бы в состоянии блокировать решения Совета[96] и тем самым теоретически навязывать свою волю народам Западной Европы. Осложнилась бы и проблема председательства в органах Союза: государства-члены смогли бы выполнять эту роль с перерывом в четырнадцать лет.

В преддверии межправительственной конференции 1996 г. выдвигались различные предложения, направленные на решение этих проблем. Тогда они носили формальный характер. Предлагалось, например, распределять голоса в руководящих органах Союза с учетом численности населения отдельных государств. Но это поставило бы крупнейшие государства-члены в привилегированное положение и означало бы отступление от одной из самых привлекательных демократических черт ЕС - равенства государств-членов, и больших и малых.[97]

Геополитический аспект расширения также несет в себе определённые опасности. Как заметил один из журналистов, “... Европейский союз - это единственная сверхдержава, которая, по всей вероятности, увеличит свое значение простым фактом существования, хотя законного и мирного, приращения своей территории”[98]. Последствия расширения не могут не затрагивать жизненные интересы государств региона, остающихся за пределами интеграционной группировки. Более того, сделав возможным расширение ЕС на восток, история дала “двенадцати” уникальное право решать по своему усмотрению, где начинается и где заканчивается Европа[99].

Рассматривалась возможность решения проблемы руководства органами Союза на путях коллективного председательствования. Помимо политической неприемлемости этой схемы с точки зрения престижа отдельных (в первую очередь малых) государств, её осуществление неизбежно привело бы к снижению эффективности этой ключевой функции руководящих органов ЕС.

Пообещав восточноевропейским государствам принять их в Союз, государства-члены ЕС взяли на себя серьёзные политические обязательства. Однако далеко не факт, что эти обязательства будут выполнены по сугубо внутренним причинам - межправительственной конференции и последовавшему за ней амстердамскому саммиту так и не удалось

разрешить проблему институциональной реформы.[100] Примечательно также постоянное усложнение критериев оценки готовности стран ЦВЕ к вступлению в ЕС и некоторая дискриминация их как будущих членов[101], что, вероятно, призвано отсрочить дату расширения.

Большое значение в развитии ЕС в исследуемый нами период сыграл спад интенсивности интеграционных процессов, который определялся тем, что выбранная Маастрихтским договором стратегия на одновременное углубление и расширение интеграции встретилась с большими трудностями, чем предполагалось на рубеже 80-х и 90-х гг. Кроме этого, известный российский исследователь - Ю.А. Борко, указывает на то, что в Западной Европе в тот период проявились симптомы “эрозии западного общества”. [102] Хотя чисто экономическая составляющая кризиса носила циклический характер, но он, несомненно, был тесно связан со строительством единого внутреннего рынка. Можно предположить, что преимущества последнего смягчили циклический спад. Это утверждение нельзя проверить эмпирически и, следовательно, ни подтвердить, ни опровергнуть, как нельзя подтвердить или опровергнуть и обратное утверждение, а именно: то, что преувеличенные ожидания, связанные с единым рынком, придав дополнительный импульс циклическому подъему второй половины 80-х годов, одновременно ускорили вызревание спада, а сам механизм единого рынка создал дополнительный простор для его развертывания[103].

В пользу этой последней точки зрения говорит, в частности, и то, что такой важнейший инструмент интеграции, как европейская валютная система (ЕВС), бесспорно, мультиплицировал начавшийся спад[104]. Правительства государств-членов с наиболее слабой экономикой были вынуждены уже в сентябре 1992 г. в интересах самосохранения покинуть ЕВС, поставив под сомнение согласованные в Маастрихте сроки создания валютного союза.

В качестве вывода необходимо отметить, что события периода после подписания договора в Маастрихте вновь остро поставили вопрос о том, на всех ли этапах развития интеграция даёт только положительные результаты. Они ещё раз подтвердили, что наднациональное регулирование и единый рынок открывают дополнительные возможности экономического роста в периоды подъёма. В периоды спада они, напротив, могут усиливать кризисные явления в условиях, когда инструменты антикризисного регулирования остаются в руках национальных государств. Это создает определённые проблемы в борьбе государств с кризисами, в том числе и в рамках ЕС. Правительства отдельных стран, связанные обязательствами перед своими гражданами и национальными группами давления, в эти периоды становятся особенно чувствительными к национальным интересам. Они оказываются менее всего способными к взаимодействию именно тогда, когда такое взаимодействие было особенно необходимым. Послемаастрихтский спад со всей очевидностью показал, что ЕС пока не способен разрешить это несоответствие. И только смена большинства политических лидеров ЕС придала надеждам на обновление интеграции новые силы.

Несмотря на то, что к середине 90-х спад в основном исчерпал себя, нанесённые им потери оказывают влияние до сих пор. Во-первых, экономическое оживление не сопровождалось созданием новых рабочих мест, и безработица осталась на прежнем, социально не приемлемом уровне. Несмотря на неоднократные обсуждения этой проблемы в научных, деловых и политических кругах, её решение, даже теоретическое, пока трудно представимо. Во-вторых, кризис высветил то, что создание единого рынка оказалось недостаточным для того, чтобы остановить долговременное снижение конкурентоспособности западноевропейской промышленности на мировых рынках и наметившуюся тенденцию оттока транснационального капитала из Западной Европы. В конце прошедшего десятилетия торговля в Азиатско-Тихоокеанском регионе обгоняла торговлю внутри Европейского Союза. Производительность среднего азиатского рабочего удваивается каждые десять лет, в то время как азиатские (преимущественно японские) банки держат почти треть официальных мировых резервов и активов в иностранной

валюте. Даже демография находится на стороне Азии - к концу столетия число лиц в возрасте от 20 до 40 лет возросло здесь на 80 миллионов при одновременном сокращении этой категории в Европе и США, что резко усилило потенциальную способность Азии производить, покупать и инвестировать. Соответственно, многие сторонники интеграции указывают на процесс сближения стран ЕС как на наилучший выход для Европы. Но что же будет финалом или целью интеграции? Ответом на этот вопрос может стать “европейская идея”.

3. Лиссабонский договор: провал федералистской Европы?

“Европейская идея в очередной раз была забыта в борьбе за национальный интерес” – так отметили наблюдатели подписание Ниццкого договора в 2000 году[105]. На наш взгляд понятие “европейская идея” лучше всего отражает идея “федералистской Европы”, такое заключение можно сделать, судя по деятельности Конвента под председательством В.Ж. де’Эстэна, призванного обсудить реформу ЕС.[106]

Основу федерализма или конституционализма, как конечной цели и метода формирования ЕС, составляет принцип федерализма. По мнению классика федерализма К. Уизра, принцип федерализма представляет собой юридический принцип, в соответствии с которым суверенитет законодательно/конституционно распределен между двумя территориально разделенными уровнями управления.[107] «Интеграция, по федерализму, требует создания двух уровней правительства – разделенных, но работающих скоординировано – правительство, стоящее над целым (федеральный уровень) и правительство, регулирующее части (государственный уровень)».[108] Таким образом, предлагается трансформировать государство так, чтобы оно стало одной из ступенек организации власти в человеческом сообществе и, как следствие, перестало быть фактором политической разьединенности мира. Исходя из данного определения, федералисты выделяют три сопутствующих положения. Первое, конституция стоит выше национального правительства. Второе, процесс изменения конституции не может быть осуществлен в одностороннем порядке. Третье, в качестве гаранта конституции должен выступать независимый арбитражный орган, например, конституционный или верховный суд.[109]

Целью федерализма является сохранение особого типа отношений между различными политическими образованиями, суть которого состоит в создании «союза без стремления к единению».[110] Таким образом, федеральное государство – это политическое сооружение, призванное «примирить национальное единство и власть с сохранением прав государства» посредством федерального принципа. То есть государства, входящие в федерацию, оставаясь в целом автономными, отдают часть полномочий в пользу общих институтов.

С помощью конституционного соглашения федерализм пытается найти оптимальное сочетание единства и независимости, полагая, что это единственный способ обеспечить эффективность и законность управления в плюралистических либерально-демократических обществах. По мнению А. Этциони, политическое сообщество, созданное федерацией, должно обладать тремя признаками интеграции: а) оно эффективно контролирует средства насилия; б) оно имеет центр принятия решений, влияние которого распространяется на всё сообщество и в) оно является доминирующим центром политической идентификации для большинства населения.[111] В целом, федерализм предполагает, что возможно создание гармонично функционирующей системы, включающей в себя автономные образования и работающей для общих целей. Такая система может быть создана только путем конституционных преобразований, а не методами традиционной дипломатии или постепенным «переливанием».[112]

Федерализм, с точки зрения его сторонников, имеет два основных преимущества перед другими проектами интеграции. Первое, это защищенность системы от захвата власти какой-либо одной политической группой. Второе, федерация более устойчива к

внешним вызовам.[113] Кроме этого, необходимо отметить, что федерализм не нацелен на анализ конкретной формы правления. Более того, вряд ли существует государство, форма правления которого полностью соответствует принципу федерализма, так как форма федерального управления находится в постоянном развитии.

Несмотря на то, что идея федерального устройства выглядит достаточно просто, в практическом плане применить принципы федерализма оказалось сложно, так как сама теория не предлагала четкого описания того, как должно осуществляться разделение властных полномочий между федеральным и государственным уровнями. В то же время федерализм предполагает, что государство-подобное образование, как форма федерального устройства, является единственно возможным вариантом организации власти. Тем самым, не смотря на критику национального государства, федерализм предлагает создание супергосударства, которое будет призвано контролировать входящих в него членов. Причем среди теоретиков нет согласия о методе создания такого супергосударства. С точки зрения одних сторонников федерализма, федерация должна быть создана единым конституционным актом - конституционный подход. Другие же считают, что федерализм должен постепенно завоевывать популярность среди населения, которое затем будет голосовать за те преобразования, которые приведут к созданию федерации - социологического подход.[114]

Современные представители неофедерализма разделились на сторонников коммунитаризма и космополитизма. С точки зрения космополитизма, человеческие ценности имеют универсальный характер, по отношению к которым государство является ненужным ограничителем. Проблема, которую пытаются решить сторонники этого направления, заключается в попытке вместить универсализм в рамки региональной политической интеграции. Сторонники коммунитаризма пытаются наоборот защитить государство, как институт наиболее эффективно представляющий человеческие сообщества.[115] Представительница неофедерализма А. Сбрагия описывает федерализм как «попытку создания институтов, а не воспроизведение существующих институционных форм». Задачей этого созидательного процесса является институционализация территориальных различий между национальными государствами. Соответственно, наилучшим аналитическим инструментом при исследовании интеграционных политических процессов должна выступать сравнительная политология. [116]

Необходимо отметить, что в практическом плане идеи федерализма оказывают существенное влияние на процессы региональной интеграции. Например, первоначальный вариант Маастрихтского договора 1992 года, объявлявший о создании Европейского Союза, ставил задачу создания «федеральной Европы». Несмотря на то, что в дальнейшем цель была переформулирована на «создание более близкого союза», многие сторонники неофедерализма убеждены, что федеральный принцип остается лучшим рациональным решением институционных и идеологических проблем стоящих перед интеграционными процессами в Европе.[117]

Провал Конституции ЕС, несомненно, был ударом по идее «федералистской Европы». Подписание нового договора в Лиссабоне 13 декабря 2007 может подтвердить скептицизм по поводу федерального будущего Европы.

В соответствии с Лиссабонским договором наиболее существенные изменения вносятся в Договор о Европейском Союзе (далее – ДЕС). Ряд изменений предусмотрен также в Договоре о функционировании Европейского Союза (далее – ДФЕС), который заменяет собой ныне действующий Договор об учреждении Европейского сообщества (далее – Договор о Сообществе). Два заново пересмотренных договора образуют правовую основу построения и функционирования ЕС. Заметно, что создатели нового документа были озабочены, тем, чтобы сделать новый договор более притягательным для тех, кто беспокоится о потере государствами своего суверенитета.

Для этого вводится целый ряд новых положений, которые призваны подтвердить

“демократический характер” ЕС. К ним относятся, в том числе, придание обязательной юридической силы Хартии основных прав ЕС, провозглашенной в 2000 году; присоединение ЕС к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; введение нового раздела, посвященного демократическим принципам построения представительной системы в ЕС. Этот последний раздел предусматривает, в частности, введение прямой законодательной инициативы граждан; повышение роли представительных учреждений на уровне ЕС и в результате более заметного участия национальных парламентов в принятии общеевропейских решений. Предусмотрено, что в перспективе, особенно после 2014 года, они будут приниматься на основе общей или специальной законодательной процедуры квалифицированным большинством голосов.

Показателем отказа от европейской федерации могут стать внесенные в текст Договора многочисленные оговорки и переходные постановления. В нем неоднократно подчеркивается: все полномочия, напрямую непередаваемые Союзу и незакрепленные должным образом в Договоре, полностью остаются в ведении государств-членов ЕС. Убираются такие термины, как европейский закон, положения, устанавливающие особую атрибутику ЕС, равнозначную символике суверенных государств.

Особо выделяются различные запретительные нормы. Так, устанавливается, что Европейский Совет, преобразуемый в институт, не будет обладать законодательными полномочиями. Сфера Единой внешней политики и политики безопасности (ЕВПБ) не может регулироваться законодательными актами.[118]

Новый Договор призван подвести итог затянувшимся дискуссиям о конституционной реформе и чтобы не упоминать о конституции в официальном тексте термин «конституция» более не употребляется, но зато неоднократно подтверждается, что речь не идет о приращении новых компетенций, а о совершенствовании механизма ЕС и его радикальном обновлении.

В преамбулу вносится новый пункт, подтверждающий, что Союз опирается на культурное, религиозное и гуманитарное наследие Европы. Исходя из этого наследия, формируются неотъемлемые и неотчуждаемые права человека, принципы свободы, демократии, равенства и правового государства.[119] В общих положениях закрепляется формула, согласно которой государства-члены наделяют Союз строго определенными полномочиями (компетенцией), необходимыми для достижения общих целей.

В новой редакции статьи 2 Договора формулируются ценности, на которых основывается Европейский Союз, а новая статья 3 определяет цели и задачи Союза:

способствовать утверждению мира и ценностей ЕС, а равно благосостоянию народов ЕС; обеспечить гражданам ЕС пространство безопасности, свободы и законности; содействовать развитию единого внутреннего рынка (здесь же подчеркивается, что ЕС ведет борьбу против социальной отчужденности, дискриминации и способствует утверждению начал справедливости и социальной защиты, равенству женщин и мужчин, солидарности между поколениями и защите прав ребенка, кроме того, способствует утверждению экономического, социального и территориального единения, а равно солидарности между государствами-членами); обеспечить развитие экономического и валютного Союза, денежной единицей которого является евро.[120]

Европейский Союз продвигает во взаимоотношениях с окружающим миром свои ценности и интересы, обеспечивает защиту его граждан. Он вносит свой вклад в укрепление мира, безопасности, устойчивого развития, а равно солидарность и взаимоуважение между народами ЕС. Способствует свободной, сбалансированной торговле. Борется против бедности, обеспечивает защиту прав человека и, в частности, детей. ЕС способствует строгому соблюдению и развитию международного права, ясности принципов Устава ООН. Согласно Договору, ЕС преследует указанные цели, используя средства, которые предоставляются в его распоряжение на основе и в рамках компетенции, устанавливаемой учредительными договорами.

По-новому формулируется статья 4 Договора. Она вновь подчеркивает, что любая компетенция, не предоставляемая Союзу на основе Договоров, принадлежит государствам-членам. Договор подтверждает, что ЕС обязуется уважать основные полномочия и функции государств-членов ЕС, особенно в том, что касается поддержания территориальной целостности и общественного порядка, а также охраны национальной безопасности. В частности, национальная безопасность остается полностью в ведении государства-члена, которое несет за нее ответственность. В той же ст. 4 ДЕС подтверждается принцип лояльного сотрудничества государств-членов и Союза при осуществлении миссии, возложенной на Союз настоящими Договорами.[121]

Статья 5 Договора раскрывает, что понимается под принципом наделения полномочиями. Согласно этой статье, «принцип наделения полномочиями устанавливает границы компетенции Союза».[122] В свою очередь, принципы subsidiarity и пропорциональности определяют порядок осуществления этих полномочий. Принцип subsidiarity не применяется в сфере исключительной компетенции ЕС. Союз осуществляет свое вмешательство только в тех пределах и для достижения только тех целей, которые не могут быть иначе достигнуты. Отдельный пункт этой статьи посвящен принципу пропорциональности. Согласно этому принципу, «содержание и форма действий Союза не должны выходить за пределы, которые необходимы для достижения целей, поставленных Договорами». Институты ЕС, согласно этому принципу, и в соответствии с Протоколом о принципах subsidiarity и пропорциональности, прилагаемым к Договору, действуют только на его основе.

Договор содержит ряд новых положений, в том числе постановления о введении прямой законодательной инициативы. Однако в большинстве случаев прокламируются лишь общие принципы, которые нуждаются не только в должной интерпретации, но и разработке механизма и условий их реализации.[123]

Анализ факторов, оказавших воздействие на процесс создания Европейского Союза в рамках подготовки и подписания Маастрихтского договора, показал, что процесс интеграции и дебаты о будущем общей Европы активно использовались как один из инструментов внутренней и внешней политики стран-участниц Сообщества. Во внутренней политике интеграционные процессы стали одним из ключевых факторов воздействия, регулирования социально-политических процессов, в том смысле, что интеграция по официальной версии призвана решить, прежде всего, проблемы граждан, а не государств или крупных корпораций. Знаменательное подтверждение такой роли интеграции мы получили недавно на выборах Президента Франции. Во внешней политике интеграция стала четко прослеживаться при попытке стран ЕС найти способы влияния на мировые и локальные процессы, в частности на политику стран, стремящихся вступить в ЕС. Второе, можно выявить наличие политических программ, которые устанавливают желаемые цели, на основании которых действующие акторы имеют возможность строить амбициозные проекты будущего Европы. Но проекты остаются не реализованными даже при внесении их в договоры, если государства-члены ЕС не сочтут их соответствующими своим потребностям. Отсюда вытекает высокая идеологическая насыщенность как процесса интеграции, так и текстов договоров.

4. Опыт создания Экономического и валютного союза

В Маастрихтском договоре о ЕС записано, что Союз ставит перед собой следующие цели: “содействовать устойчивому и гармоничному экономическому и социальному прогрессу, особенно путём создания пространства без внутренних границ, экономического и социального сплочения и создания Экономического и Валютного Союза, в конечном счёте, включающего введение единой валюты; способствовать утверждению индивидуальности Союза на международной арене, особенно путём осуществления общей внешней политики и общей политики безопасности, включая возможное оформление в дальнейшем общей оборонительной политики, которая могла бы привести со временем к созданию общих сил обороны”.[124]

Из перечисленного следует, что конечной целью является образование политического союза и создание ЭВС - есть промежуточный, но необходимый шаг. Теперь может быть более ясным становится, почему Европа сорок лет говорила о единой экономике, но до сих пор очень неохотно создавала её, а поставив перед собой более высокую задачу, активно принялась за ближайшую (ЭВС). Возможно, именно неопределённость дальнейшего развития и невыгодность ситуации для какой-либо страны сдерживало деятельность всех стран до 1980-х годов.

Сама идея создания единой европейской экономики, основанной на общем рынке, существовала и развивалась до подписания договора в Маастрихте, но именно в этом договоре был заложен обязательный механизм осуществления проекта ЭВС.

В начальных строках Римского договора, подписанного в 1957 году, эта цель сформулирована так: “Сообщество ставит своей задачей содействовать путём создания общего рынка и прогрессирующего сближения экономической политики государств-членов гармоничному развитию экономической деятельности в Сообществе, непрерывному и сбалансированному росту, возрастающей стабильности, ускоренному повышению уровня жизни и более тесным связям между государствами, которые оно объединяет”.[125]

В Договоре прямо рассматривается зависимость процветания Сообщества и достижения им политической целостности от единого интегрированного рынка. В этих целях договор определил создание особых условий для свободного движения товаров, услуг, людей и капитала.

Подготовительным этапом на пути к ЭВС послужил Единый Европейский Акт, который провозгласил создание общего рынка к 1992 году, как необходимое условие дальнейшего развития Сообщества.[126] Так же сильное влияние на развитие идеи экономического союза в тот период оказали доклады Вернера и Делора, в которых были представлены основные механизмы построения ЭВС и которые в последствии легли в основу Договора о ЕС.[127]

Необходимо отметить, что идеи о ЭВС, высказанные комитетом Делора, вызвали широкий общественный резонанс и были поддержаны вслед за наиболее влиятельными группами элиты (самый яркий пример - это создание Валери Жискар д’Эстеном и Гельмутом Шмитом в 1986 г. Комитета за валютный союз в Европе) большинством средств массовой информации.[128]

Всё это создало необходимую базу для ведения подготовительной работы, результатом которой стало подписание в 1992 году Маастрихтского договора, внесившего изменения в основные договора и утверждавшего разработанные перед этим этапы создания ЭВС.

План создания ЭВС предполагал, что первый этап продвижения к Союзу закончится к 1-му января 1994 года[129]. До этой даты были отменены все ограничения на движение капитала, платежи между членами Сообщества, а также между членами и третьими странами осуществляются по единым правилам. Было достигнуто более близкое сотрудничество в экономической политике между управляющими Центральными Банками, выполнение этой функции было возложено на Комиссию и управляющих Центральными

Банками.[130]

В начале второго этапа (1994г.) начал действовать Европейский Валютный Институт (ЕВИ). В задачи ЕВИ входило: укрепление сотрудничества между национальными ЦБ; укрепление координации валютной политики государств-членов с целью обеспечения стабильности цен; контроль функционирования ЕВС; принятие на себя задач Европейского Валютного Фонда, который был ликвидирован; содействие использованию ЭКЮ и осуществление надзора за его развитием, включая плавное функционирование клиринговой системы ЭКЮ; консультирование по вопросам, относящимся к компетенции национальных ЦБ и воздействующим на стабильность финансовых институтов и рынков.[131]

Для подготовки третьего этапа создания ЭВС ЕВИ разработал инструменты и методы, необходимые для проведения единой валютной политики на третьем этапе; способствовал согласованию, где это необходимо, правил и практических методов сбора, составления и распространения статистических данных в регионах в пределах своей компетенции; подготавливал правила осуществления деятельности национальными ЦБ в структуре ЕСЦБ; способствовал эффективности трансграничных платежей; контролировал техническую подготовку выпуска ЭКЮ в банкнотах.

К 31 декабря 1996 года ЕВИ разработал правовую, организационную и логическую системы, обеспечивающие функционирование ЕСЦБ на третьем этапе[132], таким образом, ЕВИ являлся основным финансовым институтом в Союзе до создания ЕЦБ.

Очень строго решался вопрос о контроле за ходом выполнения странами договора. Для этого Комиссия и ЕВИ докладывали Совету ЕС о ходе выполнения государствами-членами своих обязательств, относящихся к достижению Экономического и валютного союза, при этом участие в ЭВС определялось следующими критериями конвергенции:

- достижение высокой степени стабильности цен, что выясняется при сопоставлении темпов инфляции, которые не должны превышать средний показатель трех стран-кандидатов с минимальной инфляцией более чем на 1,5 пункта;
- устойчивость финансового положения правительства, которая считается достигнутой, если дефицит госбюджета не превышает 3% ВВП и государственный долг не превышает 60%;
- устойчивость сближения государства-члена, то есть участие его валюты в механизме обменных курсов европейской валютной системы не менее двух лет, и не превышение долгосрочных процентных ставок среднего показателя стран с минимальной инфляцией более чем на 2 пункта.[133]

Кроме этого в отчётных докладах учитывались: развитие ЭКЮ, результаты интеграции рынков, состояние и тенденции развития текущего платёжного баланса, анализ динамики затрат на рабочую силу в расчёте на единицу продукции и других индексов цен.

Учитывая в должной мере указанные выше критерии и заключение Европейского парламента, Совет в составе глав государств или правительств, действуя квалифицированным большинством, к 31 декабря 1996 года должен был решить, выполняет ли большинство членов необходимые условия для введения единой валюты и имеются ли налицо подходящие условия для перехода Союза к третьему этапу[134]. Но так как к концу 1997 года дата перехода к третьему этапу не была установлена, то начало третьего этапа было автоматически назначено на 1 января 1999 года, что практически означало принятие волевого решения. До 1 июля 1998 года Совет на основе вышеизложенного подтвердил квалифицированным большинством, какие государства-члены удовлетворяют необходимым условиям для введения единой валюты.[135] Что касается единой валюты, то в договоре о ЕС значително, что с начала третьего этапа (1999г.) стоимость ЭКЮ не подлежит изменениям и фиксируется по отношению к валютам государств-членов[136]. Валютный состав корзины ЭКЮ больше не менялся.

В соответствии с договором государства, не удовлетворившие необходимым условиям (в данном случае получилось – не желающие вступить), были освобождены от прав и

обязанностей в ЕСЦБ и одновременно было приостановлено их право голоса, то есть фактически они остались в стороне от дальнейшего процесса. Эти положения могут быть отменены по отношению к таким государствам-членам Советом по докладу Комиссии и ЕЦБ после совещания с Европейским парламентом[137].

Можно заметить, что сразу при подписании договора несколько стран заявили о своём не участии в ЭВС. Среди них Великобритания, Дания, Швеция и Греция; по Великобритании был подписан отдельный протокол, разрешающий ей присоединиться в любое время.[138]

С началом третьего этапа начал работать Европейский Центральный Банк, взяв на себя часть функций ЕВИ, который в свою очередь был переквалифицирован.

Для выполнения задач, поставленных перед ЭВС, была создана новая структура - Европейская система центральных банков во главе с Европейским центральным банком, что означало полное слияние финансов всего Союза в одну структуру.

Основной целью ЕСЦБ является поддержание стабильности цен. Без ущерба для этой цели система оказывает поддержку общей экономической политике Союза. ЕСЦБ функционирует в соответствии с принципом открытой рыночной экономики со свободной конкуренцией, способствуя эффективному распределению ресурсов, то есть участвуя в регулировании экономики[139].

Основные задачи ЕСЦБ заключаются в том, чтобы: определять и проводить в жизнь валютную политику Союза; проводить международные валютные операции; хранить и управлять официальными резервами иностранной валюты государств-членов; содействовать плавному функционированию системы платежей.[140]

Надо заметить, что эта структура обладает определённой независимостью. При исполнении своих полномочий, задач и обязанностей, определённых договором и уставом, ни ЕЦБ, ни национальные ЦБ не могут испрашивать или получать указаний от институтов или органов Союза, либо от какого-либо правительства. Особенно за независимость ЕЦБ (также как и за его дислокацию в своём городе) боролась Германия. Сейчас он находится во Франкфурте-на-Майне, что явно усиливает экономические позиции Германии.

Капитал ЕЦБ изначально составлял 5 млрд. ЭКЮ с возможностью увеличения в будущем. Национальные ЦБ являются единственными подписчиками и держателями капитала ЕЦБ. Для каждого национального банка установлена своя доля в ЕЦБ, которая равна сумме: 50% доли соответствующего государства в населении Союза и 50% доли соответствующего государства в валовом внутреннем продукте по рыночным ценам Союза, то есть основными держателями единого банка являются уже известные всем лидеры Союза.[141]

Как мы можем отметить, план создания ЭВС был достаточно чётко прописан и осуществлён, но экономическая и валютная интеграция воспринимается на Западе не как самоцель, она должна так же служить более высоким целям, относящимся как к экономической, так и политической сферам:

- Экономическое благосостояние. Процветание всех государств-участников основывается на двух основных элементах экономической интеграции: специализации производства и кооперации в проведении политики.

- Мир. Страны становятся взаимозависимыми, что исключает вероятность военного конфликта между ними.

- Демократия. Объединение делает невозможным уничтожение демократического режима в одной стране.

- Права человека. От поддержания демократии будут неотделимы и права человека.[142]

Исходя из такой привязки политики и экономики, мы должны отметить, что Маастрихтский договор, был компромиссным документом, удовлетворяющим основным подходам к процессу создания ЭВС, которых придерживались страны ЕС. Среди них наиболее выделялись “экономический” и “монетаристский” подходы.

Первый подход поддерживался главным образом ФРГ и Нидерландами. Эти страны определённо высказывались за фиксацию обменных курсов и введение единой валюты, но

при условии обязательного и строгого соблюдения критериев конвергенции, что означало невозможность чёткого определения сроков перехода к полному союзу.[143]

Второго подхода придерживались Италия и в несколько смягчённой форме Франция, подчёркивая мобилизующую роль самой идеи ЭВС. Согласно их точке зрения установление твёрдой даты перехода должно было подстегнуть национальные правительства и рыночные силы создать политические условия для принятия непопулярных мер экономии и, в конечном счёте, ускорить экономическую конвергенцию.[144]

На межправительственной конференции не удалось найти компромисса между этими подходами, только на саммите в Маастрихте было найдено разумное сочетание подходов. “Монетаристская” точка зрения восторжествовала в том, что государства-члены ЕС договорились установить твёрдые сроки создания ЭВС. “Экономисты” добились определения строгих критериев отбора кандидатов на участие в зоне евро. Подобными компромиссами и было вызвано последующее возрастание скептицизма по поводу успешного достижения обозначенных в Маастрихте целей.

Но всё же Маастрихт означал очень серьёзный шаг на пути “углубления” интеграции, так как, по мнению В.Г. Шемятенкова, он заложил правовую основу будущего Экономического и валютного союза, определил институциональную структуру ЭВС, установил точный график поэтапного создания ЭВС, согласовал и утвердил четыре обязательные критерия конвергенции, утвердил приоритеты кредитно-денежной политики, предусмотрел систему временных исключений для Великобритании и Дании. [145]

Саммит в Маастрихте завершился в обстановке необычайной уверенности в дальнейшем успехе планов развития интеграции, но уже известные нам обстоятельства поставили под сомнение перспективы осуществления плана Делора. По мнению В.Г. Шемятенкова, этому способствовали следующие факторы: первое, начавшийся в 1989 году спад деловой активности оказался намного серьёзнее, чем ожидалось; второе, несколько неожиданным для руководства ЕС оказалось наличие трудностей с ратификацией Маастрихтского договора; третье, экономические и другие последствия воссоединения Германии вызвали резкое расхождение курсов экономической политики Бонна и его партнёров по ЕС; и четвёртое, Европейская валютная система, которая должна была стать своего рода трамплином для плавного вхождения в Экономический и валютный союз, фактически рухнула.[146]

Особенно значимым фактом оказалась несогласованность действий правительств ЕС и ожиданий общественного мнения стран двенадцати. Осуществление “проекта-1992” преподносилось населению как средство достижения нового “экономического чуда”, вместо этого произошло падение производства, что вызвало рост безработицы. Оказалось недооценённым сильное противостояние национальных экономических и политических субъектов экономическому союзу и, особенно, единой валюте. Кроме этого около трети жителей стран ЕС вообще никогда не слышали об ЭКЮ и ЭВС.[147] Референдум же в Дании в июне 1992 поставил под сомнение выполнение договора и, следовательно, весь процесс интеграции, так как договор не смог бы вступить в силу, если бы он не был ратифицирован всеми членами ЕС[148].

После такого неудачного начала в создании ЭВС символично выглядел уход с поста председателя Европейской Комиссии Жака Делора, которого по праву называли “архитектором” ЭВС. Пришедший на его место Жак Сантер более приоритетным для себя считал социальную политику и борьбу с безработицей, а не развитие ЭВС.[149]

В связи с этими событиями не удалось реализовать в намеченные сроки координацию политики национальных центральных банков, к которой в большей степени оказались не готовы малые страны. Практически неудачно развивался и второй этап создания ЭВС, предусмотренный в Маастрихте. Деятельность Европейского валютного института, на который возлагались важные переходные функции, оказалась неэффективной: первые

четыре года своего существования ЕВИ занимался главным образом подбором кадров и решением организационных вопросов.[150]

Переломным моментом можно считать начало подготовки к новой межправительственной конференции в Амстердаме. В июне 1995 года Комиссия ЕС опубликовала “Зелёную книгу” о практических мерах по введению единой валюты под названием “Одна валюта для Европы”. Авторы документа исходили из того, что, определив принципиальные основы ЭВС, Маастрихтский договор оставил открытыми практические вопросы переходного периода. Поэтому в докладе была поставлена триединая задача: “первое, из всех возможных сценариев перехода выбрать один, устранив тем самым неопределённость и сократив издержки переходного периода; второе, определить конкретные задачи всех участников процесса, вплоть до технических деталей; третье, выработать основные направления кампании по широкому разъяснению проекта и завоеванию поддержки со стороны общественного мнения, без которой переход к ЭВС был бы невозможен”.[151] В декабре 1995 года европейский Совет на своём заседании в Мадриде утвердил разработанный Комиссией сценарий и принял решение о том, что единая валюта будет называться евро.[152]

Положительным оказалось то, что предложения Комиссии не требовали внесения каких-либо дополнений в текст Маастрихтского договора. Поэтому вопрос об Экономическом и валютном союзе не стоял в повестке дня ни амстердамского саммита, ни предшествовавшей ему межправительственной конференции. Более того, по мнению некоторых отечественных исследователей, самый большой вклад, который Амстердам мог внести в подготовку ЭВС, заключался в том, чтобы не затрагивать эту тему вообще, демонстрируя тем самым решимость глав государств и правительств выполнять решения Маастрихта.[153]

Но, несмотря на то, что к полному согласию прийти не удалось (например, в вопросе о Пакте стабильности и росте), в Амстердаме главы уже пятнадцати государств и правительств не пошли на то, чтобы отложить начало заключительного этапа переходного периода создания ЭВС, даже если не все члены ЕС будут в нём участвовать. Значение этого выражения политической воли трудно переоценить, так как техническая подготовка к введению евро требует серьёзных капиталовложений, на которые не согласится ни один экономический актор, если нет твёрдо выраженной воли политического руководства. Следовательно, для нашего исследования возникает важный вывод о том, что экономическая интеграция, которая часто считается основой всего процесса интеграции и исходит прежде всего из целесообразности и выгоды, неотделима от политических процессов и целей, определяемых политиками и социальной действительностью. Кроме этого, создание ЭВС, осуществленное по чёткому плану, свидетельствует об окончательном оформлении единого экономического пространства ЕС, пусть и не на всей территории Союза, что, несомненно, является важнейшим достижением европейской интеграции. С января 1999 года двенадцать стран валютного союза перешли к общей экономической и валютной политике (в 2002 году к ним присоединилась Греция). Ныне они не просто согласовывают или координируют национальные курсы в данной области, что уже давно практиковалось в ЕС, а изначально формируют единый курс. Страны-члены валютного союза добровольно передали наднациональным органам функции, неразрывно связывавшиеся ранее с понятием национального суверенитета.

5. Проблемы формирования политической и военной идентичности

Одним из важнейших факторов развития ЕС стал тот факт, что в последнее десятилетие интеграция европейских государств окончательно вышла за пределы исключительно экономической сферы. Страны ЕС начали вырабатывать общие подходы к связям с другими государствами, международной безопасности, региональным конфликтам и т.д. Все эти процессы привели к тому, что в Маастрихтский договор, учредивший параллельно Европейским Сообществам Европейский Союз, были включены положения об

организации Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), что в перспективе должно помочь ЕС стать “глобальным актором”.[154]

С момента начала реализации общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), определённой Маастрихтским договором о ЕС, было написано достаточно много аналитических работ, критикующих данное направление в развитии европейской интеграции[155]. Это, вместе с другими факторами, способствовало активному диалогу, а иногда и спорам о дальнейшем развитии ОВПБ. Данная часть главы нацелена на рассмотрение институциональной структуры ОВПБ, оценку ОВПБ в действии, изучение последних достижений, особенно в области безопасности и обороны, включая некоторые оценки перспектив развития этого направления.

В октябре 1990 г. Комиссией Европейских сообществ был принят меморандум о перспективах политического союза, который лег в основу обсуждения этой проблемы на МПК[156]. Суть его состояла в том, что европейские сообщества предлагалось дополнить “второй” и “третьей” опорами — ОВПБ и сотрудничеством в области правосудия и внутренних дел. Особый интерес для нас представляет включение в состав договора о ЕС раздела V - “Положения об ОВПБ”. Как было указано в договоре, “Союз начинает проводить ОВПБ”[157]. Однако необходимо отметить, что идея о политическом союзе, хоть и рассматривалась на МПК в 1991 году, так и не попала в текст Маастрихтского договора. Важно также отметить, что по Договору о ЕС согласование внешнеполитических действий членами ЕС должно осуществляться не само по себе, но с учетом других сторон деятельности ЕС, прежде всего экономической. Маастрихтский договор ввел оговорку и иного плана, которая также ограничивала сферу применения ОВПБ. Согласно ей, ОВПБ должна осуществляться не по всем направлениям внешней политики, а только в тех областях, где члены союза имеют “важные общие интересы”[158]. Естественно, что такая формулировка допускает и субъективное определение случаев, когда наличествуют “общность” и “важность” этих интересов для стран участниц. В тех же случаях, когда ОВПБ подлежала применению, общую позицию стран членов по данному вопросу должен был выработать Совет ЕС. Переход к конкретным совместным действиям в рамках ОВПБ должен был осуществляться постепенно, но при этом в договоре не были указаны сроки этого перехода.

Маастрихт провозгласил следующие цели ОВПБ. “Защита общих ценностей, основных интересов и независимости союза; укрепление безопасности союза и его государств членов всеми способами; сохранение мира и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, а также с принципами Хельсинкского заключительного акта и целями Парижской хартии; содействие международному сотрудничеству; развитие и консолидация демократии и законности, уважение прав человека и основных свобод”[159].

В Маастрихтском договоре указывалось также, что ОВПБ, в конечном счете, включает и вопросы формирования общей оборонной политики, которая со временем преобразуется в общую оборону. Таким образом, появление общей оборонительной системы не исключалось. В связи с этим на Маастрихтском саммите Европейского совета была принята и особая декларация по ЗЕС, который мыслился как главная структура, на которую ЕС может опереться в этой сфере[160]. После Маастрихта ЗЕС сразу же заявил о своей готовности разрабатывать и осуществлять по просьбе ЕС меры оборонной политики. Но главной проблемой во взаимодействии ЕС и ЗЕС стало то обстоятельство, что состав участников каждого из двух союзов не совпадает. С одной стороны, некоторые члены ЕС являются нейтральными странами и не входят в военные союзы (как компромисс, им было предложено получить статус наблюдателя при ЗЕС). С другой стороны, в ЗЕС входит несколько государств, не являющихся членами ЕС (Турция, Норвегия, Исландия), по отношению к которым была предложена процедура “понижения” их из полноправных членов ЗЕС в ассоциированные. В то же время известный исследователь проблем безопасности В. Журкин отмечает, что ЗЕС не всегда может и

должен быть рассматриваем как главный элемент ОВПБ[161].

Большое значение имело, принятое летом 1992 г., решение ЗЕС о возможности реализовывать задачи, не связанные непосредственно со статьей V договора о ЗЕС (совместная оборона стран членов). Выработанный список так называемых “Петерсбергских задач” (миссии гуманитарного и спасательного характера, операции по поддержанию мира и управлению кризисами, включая силовое умиротворение) установил новые горизонты для развития ЗЕС как механизма европейской оборонной координации. В то же время двойственная природа Западноевропейского союза нашла свое отражение и в маастрихтской декларации ЕС о ЗЕС, которая призывала его развиваться в качестве “оборонительного компонента ЕС и средства укрепления европейской опоры в Атлантическом союзе”. [162] Таким образом, ЗЕС продолжал оставаться “мостиковой” военной организацией между США и Европой. Такое положение привело, в частности, к отдельным попыткам предпринимавшимся как в Европе, так и со стороны России вбить клин между ЕС/ЗЕС и НАТО, основанным на утверждении о том, что европейцы сами должны строить свою оборону[163]. Представляется, однако, что вся эта проблема носит несколько искусственный характер, поскольку обращения к членам ЕС, которые в то же время являются членами НАТО, с призывом отказаться от НАТО и сосредоточиться на ЗЕС, относятся исключительно к области риторики[164]. Именно в силу такого характера ЗЕС трудно отделаться от мысли о его виртуальной природе, о том, что он является скорее идеей, чем реальной военной организацией. В связи с этим попытки настаивать на самостоятельности ЗЕС (и более того — противопоставлять его НАТО) следует оценивать весьма сдержанно. Напомним, что маастрихтская концепция ОВПБ (и, особенно, её оборонных составляющих) была не столь уж однозначно воспринята населением некоторых стран Сообществ.[165] И лишь после того, как на Эдинбургском саммите Европейского совета в декабре 1992 г. был принят Протокол о некоторых положениях, относящихся к Дании, предоставлявший ей статус наблюдателя при проведении совместной оборонной политики, договор был одобрен датчанами на повторном референдуме. Таким образом, с самого начала своего существования ОВПБ уже функционировала, хотя с изъятиями и не в полном объеме.

Институциональные структуры, созданные в Маастрихте отражали неоднозначность договорённостей между странами по основным проблемам, включая так же и вопрос о том, какой метод использовать - межгосударственный или коммуитарный. Так же не был решён вопрос об определении европейской идентичности в сфере безопасности и обороны (European Security and Defense Identity). Показательно, что хотя, например, Великобритания и Франция были защитниками межгосударственного подхода, они же были противоположного мнения по вопросу о независимой европейской оборонной способности. Тем не менее Маастрихтский договор о ЕС был всё же компромиссным документом, мало развившим структуры созданные Европейским политическим сотрудничеством (ЕПС).[166] Новая ОВПБ сохранила Совет по внешней политике в качестве центрального координирующего органа, поддерживаемого усовершенствованной бюрократической системой, включающей в себя Политический комитет старших дипломатических советников, европейских наблюдателей и множество рабочих групп. Среди наиболее заметных изменений можно отметить снятие табу на обсуждение вопросов безопасности и решение о совместных действиях Союза.

ОВПБ начала работать после 1 ноября 1993 года, когда ЕС согласовал несколько совместных акций (Joint Actions), включая мониторинг выборов и поддержку демократии в России, Южной Африке, Палестине, постановление о гуманитарной помощи в бывшей Югославии и установление администрации в Мостаре, поддержку мирного процесса на Среднем Востоке, совместное лоббирование принятия договора о нераспространении ядерного оружия, соглашение об экспортном регулировании товаров двойного назначения, контроль над использованием противопехотных мин, продвижение Пакта стабильности для решения проблем границ и меньшинств в Центральной и Восточной

Европе, поддержку гражданского ядерного завода (KEDO) в Северной Корее, разработку законодательства для противостояния претензиям США на экстерриториальность[167].

В дополнение к этому были выработаны и введены в практику ЕС общие позиции (common positions), подразумевающие выравнивание политики стран ЕС, но не обязывающие к совместным действиям по бывшей Югославии, Ливии, Судану, Гаити, Руанде, Украине, Бурунди, Анголе, Восточному Тимору, Афганистану, Ираку, Нигерии, Кубе, Албании, Сьерра Леоне, Белоруссии[168].

Хотя эти действия были очень полезны для координирования позиции государств-членов по некоторым основным вопросам, тем не менее, они не содействовали повышению роли и проявлению решительных действий со стороны ЕС. Масштабы действий были скромными, добавление фактора ОВПБ не всегда было очевидно, особенно для общественности, которая была в некоторой степени разочарована неспособностью ЕС решить югославский кризис, где проявилась известная формула: “Америка лидирует, а Европа следует за ней”.[169]

Пересмотр положений Маастрихтского договора, начавшийся на саммите в Турине в марте 1996 года, затронул и вопросы ОВПБ. В распространенном накануне докладе Комиссии ЕС “Об усилении политического союза и подготовке к расширению” в качестве одной из целей пересмотра договора была названа необходимость проведения более последовательной внешней политики ЕС, повышения эффективности его международных акций, а так же выработки европейской концепции безопасности и обороны.[170] Эта работа, как известно, завершилась подписанием в 1997 г. в Амстердаме нового договора. На межправительственной конференции были выделены и основные цели, которые должны достигаться в процессе повышения роли ЕС как единого актора на международной арене. К их числу были отнесены: соединение в одно целое различных направлений, что позволит иметь единую и эффективную внешнюю политику, располагающую работающими структурами и процедурами, обеспечивающими ее устойчивость и последовательность; улучшение ОВПБ на всех этапах ее разработки и осуществления; создание надлежащего “лица” Европы в отношении безопасности и обороны в качестве интегральной части ОВПБ.[171]

Хотя основа структуры, определённой Маастрихтским договором, не была изменена в Амстердаме, договор показывает усиление внимания к согласованности в вопросах внешней политики. Статья С (договора о ЕС) была дополнена и сейчас видит обязанность Совета и Комиссии ЕС в кооперировании по обеспечению согласованности[172]. Договор определил различие между совместными действиями и общими позициями и представил новый инструмент - общую стратегию (common strategy)[173]. Говоря об общих стратегиях, можно в качестве примера привести “Общую стратегию ЕС по России”, утверждённую в июне 1999 года на саммите в Кёльне, где определены следующие стратегические цели ЕС по отношению к России. В частности, там говорится, что ЕС нужна, во-первых, “стабильная, открытая и плюралистическая демократия в России, управляемая законом и поддерживаемая процветающей экономикой, приносящей прибыль как народам России, так и ЕС; и во-вторых, сохранение стабильности в Европе, развитие глобальной безопасности и нахождение решений на общие для континента проблемы через сотрудничество с Россией”[174]. В целом, стратегия представляет собой достаточно общий документ, но уже в нём можно заметить некоторые признаки желания стран ЕС через ОВПБ более активно влиять на внутреннюю и внешнюю политику России, а также и других стран, что по сути и представляет главную цель осуществления проекта ОВПБ.

Так же в Амстердамском договоре появилась новая цель ОВПБ: “сохранение целостности союза в соответствии с принципами Устава ООН”[175]. Это немного двусмысленное положение, но оно может быть понято как обязательство действовать совместно в случае внешней угрозы одной или нескольким странам ЕС.

Далее следует рассмотреть другие изменения и дополнения по следующим основным

аспектам внешней политики: планирование, принятие решений и их осуществление. Что касается планирования, то договор создал отдел Политического планирования и раннего предупреждения - ПППП (Policy Planning and Early Warning Unit), который возглавляет Верховный представитель ЕС по ОВПБ - Х. Солана, и в который входят двадцать человек командированных странами, Советом, Комиссией и Западноевропейским Союзом (ЗЕС). Кроме прочих обязанностей этот отдел осуществляет по запросу Совета, Комиссии или по собственной инициативе исследования возможных вариантов развития различных процессов. Важно не преувеличивать ожиданий от отдела ПППП. Как отмечает специалист в области безопасности О. Барабанов, “отдел имеет несколько недостатков, среди которых его размеры, отсутствие постоянных источников информации, тот факт, что большинство его служащих будут откомандированы министерствами иностранных дел, отсутствие бюджета и неизбежная зависть, которая возникнет между ним и различными рабочими группами, обеспечивающими ОВПБ”[176]. Планированием уже занимаются во многих учреждениях и ведомствах, как национального уровня, так и европейского, поэтому чаще всего проблемы возникают не из-за недостатка планирования, а из-за отсутствия единой политической воли, то есть чёткой вертикали принятия решений в рамках ЕС, что отчётливо показал кризис вокруг Косово. Задолго до самого кризиса было написано не мало отчётов, предсказывающих подобное развитие событий[177], но до 1999 года так и не было политической воли серьёзно заняться этой проблемой.

Относительно процесса принятия решений Амстердамский договор расширил использование метода принятия решений большинством голосов и разрешил воздерживаться при голосовании, хотя единство остаётся главным принципом при решении вопросов в этой сфере.[178] В целом, очень трудно сказать, как дальнейшие изменения в процедуре голосования улучшить эффективность ОВПБ. Что действительно нуждается в определении и чего пока не делается, так это решение вопроса о том, как ОВПБ будет функционировать в расширенном до 25-ти и более членов Союзе.

Конкретный организационный механизм функционирования ОВПБ, модифицированный в Амстердаме, состоит в следующем. Европейский совет на своих саммитах, проводимых два раза в год, определяет приоритеты и устанавливает общие направления для всех “политик” ЕС, в том числе и по ОВПБ. Совет ЕС (состоящий из министров иностранных дел государств-членов, комиссара Еврокомиссии по внешним делам и Высокого представителя по ОВПБ, одновременно являющегося генеральным секретарем Совета) проводит ежемесячные встречи, на которых принимает конкретные решения, касающиеся ОВПБ. Одновременно функционирует Комитет постоянных представителей, в состав которого входят послы государств-членов при ЕС и представитель Еврокомиссии, еженедельно рассматривающий текущие вопросы ОВПБ. Дважды в месяц в рамках мониторинга ОВПБ проходят заседания Политического комитета (в составе политических директоров от стран членов и представителей Еврокомиссии). Наконец, ежедневной работой по этому направлению занимается сеть так называемых европейских корреспондентов от стран членов и аппарата Комиссии. Сама Еврокомиссия, согласно Амстердамскому договору, получила даже больше полномочий по ОВПБ, чем она имеет по некоторым вопросам “первой опоры” ЕС — Сообщества и Экономический и валютный союз.[179] Так, в отличие от “первой опоры”, по вопросам ОВПБ Комиссия по своим полномочиям фактически приравнена к государству-члену, и как любой член ЕС вправе обращаться к Совету с любым вопросом относительно ОВПБ и вносить на Совет соответствующие предложения. Как и любое государство-член, Комиссия вправе требовать созыва чрезвычайного заседания Совета. Кроме этого, Комиссия исполняет бюджет ОВПБ, составляющий часть бюджета ЕС, и вправе вносить свои предложения по его оптимизации. Амстердамский договор ввел также две новых структуры, непосредственно занятые проблемами ОВПБ. Это уже упомянутый Высокий представитель по ОВПБ и подчинённое ему Подразделение планирования политики и

раннего предупреждения. В обязанности Высокого представителя, являющегося по должности генеральным секретарем Совета, входит формулирование, подготовка и выполнение политических решений Совета. При наличии соответствующего мандата он вправе от имени Совета вести политический диалог с третьими странами. Высоким представителем по ОВПБ решением Кельнского саммита (июнь 1999 г.) был назначен бывший министр иностранных дел Испании и генсек НАТО Хавьер Солана Мадариага, который официально вступил в свою новую должность в октябре 1999 г.

В рамках Амстердамского договора была модифицирована и система принятия решений по ОВПБ. Как правило, эти решения должны приниматься консенсусом. Однако договор позволяет использовать принцип “конструктивного воздержания”, когда то или иное государство может воздержаться при принятии решения, не настаивая при этом на его изменении или невыполнении. Кроме того, отступая от принципа консенсуса, Совет вправе принимать решения квалифицированным большинством голосов в случае, когда речь идет о конкретных решениях на базе уже выработанной общей стратегии ЕС. Впрочем, за любым государством-членом сохраняется право заявить, что по значимым для него причинам оно намерено воспротивиться принятию решения квалифицированным большинством голосов. Все это ограничивает сферу применения такого рода отступления от принципа консенсуса.

Амстердамский договор наделяет полномочиями осуществлять ОВПБ и представлять Союз Президента, советником которого выступает Верховный представитель ОВПБ. Комиссия при этом остаётся “полностью включённой” в осуществление ОВПБ в целом. Таким образом, складывается так называемый “формат тройки”: Президент, Верховный представитель и Председатель Комиссии. Но при этом изменения в договоре не дают ответа на известный вопрос Г. Киссинджера о том, кому звонить в Европе по вопросам внешней политики. В зависимости от проблемы надо контактировать или с Президентом, или с Х. Соланой, или с Председателем Комиссии, или с одним из четырёх членов Комиссии, ответственных за внешние связи. Право инициативы в ОВПБ по-прежнему разделено между странами и Комиссией.[180]

По мнению К. Бильдта, занимавшего в 1995—1997 гг. пост Высокого представителя ЕС по Боснии и Герцеговине, “неудача ЕС в предотвращении боснийского кризиса стала ярким уроком для ОВПБ и четко показала, что все политические стратегии в такого рода вопросах должны опираться на военную поддержку”.[181] Поэтому в вопросах безопасности и обороны договор содержит некоторые изменения. По инициативе Швеции и Финляндии “Петерсбергские задачи” были включены в договор. Страны ЕС договорились воспользоваться ЗЕС при разработке и проведении решений Совета, которые имеют оборонную составляющую, пока окончательная структура общей оборонной политики не станет реальностью.

Достаточно незначительные изменения в договоре по этому вопросу были частично результатом нерасположенности бывшего консервативного правительства Великобритании санкционировать любые полномочия ЕС в сфере обороны. Но в течение 1998-99 годов Премьер-министр Т. Блэр изменил своё отношение, возможно, по причине исключения Великобритании из “евроленда” и в результате кризиса вокруг Косово. Предлагая оборонную инициативу, Великобритания получила возможность заявить свои права на лидирующую роль в области, где она традиционно сильна.[182] К удивлению многих, Австрия содействовала такому повороту событий в момент своего президентства, организовав первое в истории ЕС совещание министров обороны и первую встречу Президента Совета (Шусель) с Генеральным секретарём НАТО (Солана) и поставив этот вопрос на обсуждение на неформальной встрече Европейского Совета в Портшахе (Portschach). Во время последующих консультаций странам, наконец, удалось прийти к соглашениям, о которых пойдёт речь ниже, на саммите в Кёльне 3-4 июня 1999 года, чему во многих степени способствовал кризис в Косово[183].

Решением Совета было определено, что “ЕС будет играть свою роль на международной

арене. Для этого мы намерены передать ЕС необходимые средства и возможности для осуществления Общей европейской политики безопасности и обороны... для этого Союз должен иметь способность для ведения самостоятельных действий, поддержанных надёжными военными силами, подчинёнными ЕС, и способность решать вопрос об использовании военных сил в случае международных кризисов без ущерба деятельности НАТО. Это также требует усилий по адаптации, тренировке и соединению национальных и многонациональных европейских сил"[184]. Совет также объявил, что "теперь пришло время нового шага в конструировании ЕС". В соответствии с вышесказанным было решено принять необходимые меры к концу 2000 года. В этом случае, ЗЕС, как организация, закончит выполнение своей задачи, то есть перестанет существовать[185].

В президентском отчёте, приложенном к заключениям Европейского Совета, были выделены следующие моменты. Для достижения наибольшей эффективности, с целью обеспечить политический контроль и стратегическое направление европейских операций, определённых как "Петерсбергские задачи", необходимо провести необходимые мероприятия, среди которых: обеспечение возможности ЕС осуществлять анализ ситуации, разведку и стратегическое планирование. Это может потребовать, в частности: регулярных (или ad hoc) встреч Совета по общим вопросам (General Affairs Council), включая министров обороны; создания постоянного отдела в Брюсселе (Комитет по политике и безопасности), Европейского военного комитета, дающего рекомендации для вышеупомянутого комитета, европейского военного штаба, включающего в себя Ситуационный центр, и вспомогательных возможностей, например, Спутникового центра, Института исследований проблем безопасности[186]. Все вышеупомянутые структуры практически уже действовали в ЗЕС и их практически переподчинили ЕС.

Основными характеристиками создаваемой системы должны стать развёртываемость, устойчивость, гибкость, взаимодействие и мобильность, хотя некоторые исследователи подвергли критике как сами планы, так и способности ЕС их осуществить.[187] Отчёт также разграничил операции, проводимые ЕС, на операции с участием НАТО и без участия НАТО. Для операций с участием НАТО основной упор будет делаться на договорённости, достигнутые в Берлине в 1996 и Вашингтоне на саммите НАТО в 1999 годах. Это должно обеспечить доступ ЕС к планированию НАТО операций, в которых ЕС играет ведущую роль.

В заключении отчёт указывает, что в особенности необходимо для успешного воплощения в реальность европейской политики безопасности и обороны:

- способность всех членов ЕС на равных условиях участвовать в европейских операциях;
- удовлетворительные договорённости с европейскими членами НАТО, не входящими в ЕС (Турция, Норвегия, Исландия), с целью обеспечить их возможное участие;
- обеспечить равноправие всех участников без ущерба принципу самостоятельности принятия решений Европейским Союзом;
- успешное развитие взаимного сотрудничества НАТО и ЕС.
- рассмотреть возможность участия ассоциированных партнёров ЗЕС.[188]

Необходимо отметить, что почти вся терминология, связанная с ОВПБ, делает упор на категории "способность", что отражает относительную отсталость Европы в вопросе самостоятельности в обеспечении собственной безопасности. Страны ЕС вместе тратят \$140 млрд. в год на оборону, в сравнении с \$240 млрд., которые тратят США. ЕС имеет только 10% от возможностей США развёртывать и поддерживать силы за пределами своей территории.[189] В течение всей операции в Косово в 1999 году 85% воздушных сил были американскими.[190] В связи с вышесказанным, некоторые наблюдатели даже предложили ввести критерии конвергенции в сфере обороны, так как существуют большие различия в расходах стран на оборону (например, Франция тратит \$708 на душу населения, а Испания - \$196)[191]. Кроме этого, появились предложения заменить в Европе воинскую повинность на профессиональное формирование армии.

Ускорение развития ОВПБ в сочетании с перспективой расширения может затронуть

несколько чувствительных вопросов, что может в дальнейшем усложнить весь процесс интеграции. Например, каковы общие интересы Союза, состоящего из 25-ти членов и простирающегося от Швеции до Кипра и от Ирландии до Эстонии, и каким образом расширение повлияет на процесс принятия решений?

Уже сейчас проявляются беспокоящие признаки, когда большинство стран предпочитает встречаться и действовать по договорённости напрямую друг с другом, минуя структуру Союза. Знак вопроса можно поставить и на способности малыми странами выполнять представительские функции в момент президентства на уровне крупных стран. Хотя расширение может дать импульс к дальнейшему разделению дипломатических полномочий в третьих странах (Союзу, видимо, не разумно будет иметь 27 представительств в некоторых странах Африки, Азии и Южной Америки).

Вероятно, что роль Европейского парламента и национальных парламентов в ОВПБ будет усиливаться, а это в свою очередь может застопорить или ввести в хаотичное развитие весь процесс осуществления общей политики.

Конечно, за созданием ОВПБ с определённым интересом будут следить и другие страны, в особенности США. И пока США поддерживают стремление ЕС строить евроатлантические отношения на всё большей ответственности ЕС за свою безопасность и безопасность региона. Хотя в настоящий момент, вероятнее всего, как отметила М. Олбрайт, Союзу не удастся осуществить своей цели создания автономной военной силы, не нарушив трёх условий: связывание, не дискриминирование и не дублирование.[192]

В то же время необходимо отметить, что тот уровень регламентирования ОВПБ, который нашёл свое отражение в Договоре, вызвал ощущение неполноты и незаконченности у многих политиков в самом ЕС. Так, к примеру, комитет по международным делам, безопасности и оборонной политике Европарламента в своем официальном мнении от 29 октября 1997 г.[193] насчет только что заключенного Амстердамского договора отметил, что ОВПБ оказалась отделена от внешнеэкономической политики ЕС, в то время как по ряду направлений (таким, как турецкое или китайское) эти две сферы внешних сношений особенно тесно взаимосвязаны: экономические шаги служат составной частью политической дипломатии ЕС. Также комитет высказал свое сожаление по поводу того, что в сфере ОВПБ не получил своего полного воплощения принцип принятия решений большинством голосов (по мнению комитета, это единственный инструмент, который сможет заставить государства-члены конструктивно искать компромисс между собой, а не занимать раз и навсегда свою особую позицию). Вообще члены комитета указали, что нормы договоров предусматривают лишь “мягкое давление” на государства члены в формулировании и проведении ОВПБ, поэтому, как и раньше, “знаменитая политическая воля останется самым важным критерием для внешней политики ЕС”[194].

В настоящее время ЕС обладает набором инструментов, позволяющих активно участвовать в мировой политике посредством «мягких действий», таких как выработка “Совместных позиций”, “Общих стратегий”. Кроме этого, ЕС стремится больше использовать инструмент под названием “Совместные действия”. Особенно это нуждается ЕС в этом инструменте для реализации своей политики в бывшей Югославии. [195] Тем не менее, механизмы ОВПБ могут оказаться неэффективным при решении конкретных задач по причине конкуренции между различными институтами ЕС и их аппаратами. Заметно проявляется тенденция решать проблемы безопасности не на основе постоянного союза, а коалициями ad hoc, что явно не способствует проведению единой политики. Неясна судьба ОВПБ в случае присоединения к ЕС новых, более слабых во всех отношениях членов. Если все тенденции сохранятся, то после расширения ОВПБ станет более аморфной, неуклюжей и ограниченной в реальных возможностях. Другими вызовами эффективности ОВПБ могут стать освоение новой роли глобального актора и отношения в системе НАТО - ЕС - ЗЕС.

ЕС стремится подготовить себя к активной роли на мировой арене, хотя во многих случаях такая активность была в большей степени определена внешними факторами

(например, долгий конфликт на границе ЕС в ФРЮ), что позволяет говорить о не очень высокой степени эффективности и оперативности ЕС в реакции на уже существующие потребности и тенденции.

6. Политические аспекты создания единого правового и социального пространства

В данной части нашего исследования мы рассмотрим развитие "третьей" опоры Европейского Союза, которая включает в себя сотрудничество в области внутренних дел и юстиции; также мы обратим внимание на то, каким образом Западная Европа готовится противодействовать "новым" вызовам безопасности с помощью проводимой Европейским Союзом политики сотрудничества в области внутренних дел и юстиции.

Развитие политики Европейского Союза в области внутренних дел и юстиции можно рассматривать как один из наиболее значительных процессов происходивших в Западной Европе в 90-е гг. В конце 80-х государства ЕС обладали только несколькими мало скоординированными группами, действовавшими на межгосударственной основе, Шенгенская система тогда только ещё появилась. К 1998 году ЕС принял несколько конвенций и около сотни обязывающих и не обязывающих документов. С вступлением в силу Амстердамского договора данное направление политики ЕС трансформировалось в одну из основных задач, предполагающей создание в Европейском Союзе в "зоны свободы, безопасности и справедливости".[196]

Главной причиной появления данного направления деятельности ЕС является то, что у стран ЕС при проведении политики по созданию общего рынка с открытыми внутренними границами появилась необходимость сотрудничать в сфере контроля над этими процессами уже на общеевропейском уровне. В связи с этим Маастрихтский договор о ЕС определил основные сферы сотрудничества (общей обеспокоенности): "политика предоставления убежища; правила, регулирующие пересечение лицами внешних границ государств-членов, и осуществления соответствующего контроля; иммиграционная политика и политика в отношении граждан третьих стран; условия въезда и передвижения граждан третьих стран по территории государств-членов; условия проживания граждан третьих стран на территории государств-членов, включая воссоединение семей и получение работы по найму; борьба с несанкционированной иммиграцией, проживанием и работой граждан третьих стран на территории государств-членов; борьба с употреблением наркотиков; борьба со злоупотреблениями в международном масштабе; правовое сотрудничество в гражданских делах; сотрудничество в области уголовного права; таможенное сотрудничество; сотрудничество полиции в целях предотвращения и борьбы с терроризмом, незаконными операциями с наркотиками и другими формами тяжких международных преступлений, в связи с организацией в масштабах Союза системы обмена информацией в рамках Европейского полицейского ведомства (Европол)".[197] Как можно заметить, перечень сфер сотрудничества определяет обеспокоенность стран ЕС тем, как обеспечить безопасность своего общества, прежде всего от проблем, источником которых являются, по всей видимости, третьи страны.

Необходимо отметить, что ни одна из сфер деятельности ЕС не вызвала такой сильной критики и такого количества предложений о глубоком реформировании, как "Сотрудничество в области внутренних дел и юстиции", представленное в Разделе 6 Договора о ЕС. Когда Маастрихтский договор вступил в силу, это направление критиковалось за его межгосударственную основу[198], неадекватность некоторых инструментов[199] и за наличие дефицита демократического и судебного контроля[200] над осуществлением данной политики. Большинство же чиновников указывали на то, что включение этой сферы в Договор и создание единой институциональной структуры означало шаг вперёд по сравнению с неструктурированным межгосударственным сотрудничеством, существовавшим до Маастрихта[201]. Но реальное воплощение

сотрудничества в сфере внутренних дел и юстиции после вступления в силу Маастрихтского договора подтвердило большинство критических замечаний: отсутствие чётких задач, доминирование правила единогласных решений, громоздкая пятиуровневая структура принятия решений, неразделимое право Комиссии на инициативу, неясный юридический статус "совместных действий" и "совместных позиций" и разногласия по поводу контроля со стороны Суда ЕС в структуре "третьей" опоры. Всё это не способствовало эффективному развитию комплексной политики в этой сфере и явному стремлению государств-членов принимать не обязывающие документы.[202]

Очевидная слабость "третьей" опоры и увеличение числа проблем, встающих перед государствами в сферах иммиграции, транспортировки наркотиков и международной организованной преступности, привело к первым дебатам по поводу реформирования положений Раздела 6 Договора о ЕС. И в начале межгосударственной конференции 1996/1997 гг. большинство экспертов соглашалось с необходимостью сделать более простым процесс принятия решений, разработать новые задачи, инструменты и улучшить юридический контроль. Хотя мнения варьировались по поводу вопроса, а стоит ли добиваться этой цели с помощью дальнейшей коммунитаризации.[203] Доклады институтов Европейского Союза по вопросу функционирования Маастрихтского договора раскрыли основные расхождения в отношении реформы "третьей" опоры. Совет ЕС поддерживал минималистский подход, который не разделяли ни Комиссия, ни Европейский парламент, также некоторые страны (в особенности Великобритания и Дания) были против пересмотра, в то время как страны Бенилюкса, Австрия, Германия и Италия благоприятствовали, как минимум, частичной коммунитаризации. Поэтому перспектива серьёзной реформы в сфере юстиции и внутренних дел в начале конференции казалась несколько ограниченной в свете существовавших противоречий.[204]

Во время переговоров несколько факторов позволили сотрудничеству в сфере внутренних дел и юстиции стать одним из главных центров реформы. Обеспокоенность Австрии, Франции и Германии по поводу вопросов внутренней безопасности, возникающих в связи с расширением ЕС, настойчивость группы стран по включению Шенгенской системы в Союз и более гибкое отношение Британского правительства на последних стадиях переговоров привели к тому, что в Амстердаме Совет принял решение внести здесь больше изменений, чем к какой-либо другой сфере. Некоторые из нововведений, внесённых Амстердамским договором, например, коммунитаризация основных частей Раздела 6, выглядят наиболее впечатляюще, что позволило некоторым правительствам государств-членов провозгласить реформу "третьей" опоры как одно из немногих достижений межправительственной конференции.

Как мы уже отмечали выше, переговоры по "третьей" опоре выявили сильные различия в подходах между Великобританией, Данией и остальными членами ЕС по поводу дальнейшей реформы этого направления. Но это не были два однородных, противостоящих друг другу лагеря: большинство противников коммунитаризации хотели оставить полицейское сотрудничество в компетенции государств, в то время как сторонники дальнейшей коммунитаризации желали перенести в структуру ЕС те вопросы, которые уже частично входили в сферу деятельности ЕС, например, борьба с мошенничеством в отношении бюджета Сообществ.[205] Впрочем, каждая страна имела свои предложения и обеспокоенности по поводу дальнейшего развития "третьей" опоры, в результате Амстердамский договор кодифицировал в той или иной мере все эти различные позиции, что отразилось на сложности реформы. Часть договора, в которой прописаны новые сферы (вопросы предоставления убежища, внешний пограничный контроль), ставшие коммунитаризованными и к которым не присоединились Дания, Ирландия и Великобритания, были перенесены с новым Раздел 4 Амстердамского договора. Те же сферы, с коммунитаризацией которых согласились все страны ЕС (таможенное сотрудничество, защита финансовых интересов Сообщества), были перенесены в другие части Договора. Но главным, на наш взгляд, является введение

договором новой задачи для ЕС: "сохранять и развивать Союз как зону свободы, справедливости и безопасности". Хотя определяя её, как территорию, "на которой обеспечивается свободное передвижение лиц в привязке к соответствующим мерам, по контролю над внешними границами, иммиграции и предупреждения и борьбы с преступностью"[206], Договор не объясняет, что подразумевается под "справедливостью", "безопасностью" и "свободой", которая ранее понималась как свобода на передвижение. Также надо отметить, что "соответствующие меры" имеют явное отношение к свободе передвижения лиц, что может предоставить аргументы для опротестования любых действий, выходящих за рамки компенсирующих мер, связанных со свободой перемещения.

В дальнейшем Комиссии и странам ЕС пришлось предпринять попытки разъяснить не очень чёткие формулировки Амстердамского договора, которые, правда, оказались не намного более ясными.[207] В отношении концепции "свободы" План действий акцентирует внимание на том, что новый договор открывает возможность к тому, чтобы дать понятию "свобода" значение более широкое, чем свобода передвижения лиц через внутренние границы", что должно включать в себя "свободу жить в законопослушной среде", защищённой эффективными действиями властей, как национального, так и европейского уровня.[208] В Заключениях Совета в Тампере акцент делается на концепции свободы, основанной на внутренней безопасности, обеспеченной через эффективное принудительное применение закона и доступ к справедливости. Подразумеваемая здесь идея гарантии свободы для граждан через высокий уровень безопасности означает, что есть фундаментальное различие между "безопасным внутренним" и "небезопасным внешним", где границы ЕС служат разделительной линией, а принудительное применение закона есть ключевой инструмент сохранения и дальнейшего увеличения этого различия. И обращение здесь к "обеспокоенности" граждан отражает, по мнению исследователя этого вопроса Й. Монара, заявку на легитимность этого разделения и его полного воплощения.[209] Заключения Совета идут дальше и объявляют, что "люди имеют право ожидать от Союза направления всех сил для защиты их прав от угрозы растущей преступности"[210]. По мнению Й. Монара, то, к чему может привести подобный подход и его притязания на высшую легитимность достаточно очевидно: народы, живущие вне зоны, потенциально угрожают внутренней безопасности и поэтому должны держаться вне или подвергаться контролю и принудительным действиям, что другими словами можно характеризовать как "Крепость Европы".[211]

Хотя существуют два фактора, которые смягчают взаимозависимость между свободой и внутренней безопасностью. Первое, это продолжающееся нежелание стран ЕС отказаться от своего контроля над национальными инструментами обеспечения безопасности. План действий также предусматривает, что обязанности государств-членов по поддержанию закона и порядка не могут быть затронуты новыми положениями.[212] Это означает, что система, названная "Крепость Европы", может возникнуть по периметру ЕС, но внутри зоны безопасности, хоть и будут пересекаться национальные её составляющие, все они останутся самостоятельными. Второе, к концу 90-х ЕС и его Шенгенская суб-система подверглись волне критики со стороны третьих стран и общественных организаций за то, что Союз всё более движется в сторону создания "крепости".

Развитие интеграции в сфере внутренних дел и юстиции сильно влияет на процессы "включения" и "исключения" участников во всей Европе. Создание зоны свободы, безопасности и справедливости приведёт к тому, что присоединиться к ней другой стране Европы будет возможным только, если она захочет и сможет принять все правила, структуры и механизмы, созданные в сфере внутренней безопасности. Участвующие в этом процессе страны - не члены ЕС могут остаться исключёнными из принятия решений (Норвегия, Исландия) и даже страны-члены ЕС, желающие быть в системе, могут также, по крайней мере временно, остаться в стороне (Италия, Греция,

Ирландия и Великобритания). В дополнение, угроза исключения служит орудием распространения режима сотрудничества в области ВДЮ на страны ЦВЕ, заставляя эти страны принимать более жёсткие меры, чем нынешние, в вопросах визового режима и пограничного контроля. И хотя ЕС провозгласил своей целью создание "открытого и безопасного Союза"[213], императив обеспечения безопасности пока превалировал над достижением свободы. Хотя по мнению некоторых исследователей, "тенденции исключения" имеют вполне обоснованное право на существование, поскольку ни одно появляющееся политическое сообщество не обходилось без какого-либо различия "свой" - "чужой", создавая тем самым свою собственную идентичность.[214]

Обеспечение безопасности своих граждан считается одной из фундаментальных функций государства и его правительства. В то же время в ЕС мы наблюдаем постоянное смещение функций государства в сторону Союза, и поэтому следует ожидать, вслед за развитием сотрудничества в сфере внутренних дел и юстиции, создание системы внутренней безопасности на европейском уровне. Что в противном случае подорвёт процесс политической интеграции. При этом главной задачей Союза и его членов станет поиск баланса между безопасностью и открытостью, между ограничивающими действиями и объединяющими ценностями. Многие исследователи видят возможность для решения этого вопроса через открытое обсуждение, но пока эта сфера остаётся очень чувствительной для государств, и поэтому большинство вопросов решается за закрытыми дверями без сильного парламентского контроля.

Процесс коммунитаризации большинства направлений, относящихся к "третьей опоре", и определение новых задач значительно увеличивают масштаб деятельности Европейского Союза в сфере сотрудничества во внутренних делах и юстиции. Кроме этого, примечательным является дальнейшее усиление роли Суда и развитие сотрудничества с третьими странами.

Амстердамский договор также не достаточно освещает будущее третьей опоры: фрагментированные задачи получили приоритет перед исчерпывающей общей политикой; создано искусственное разделение полномочий между государствами-членами и Сообществом; в переходный период (около пяти лет) процесс принятия решений останется прежним. Так называемый демократический дефицит уменьшится, но окончательно не исчезнет. Роль Суда Европейского Союза в этом вопросе по-прежнему ограничена.

В качестве выводов к данной части нашей работы необходимо отметить, что развитие сотрудничества в области внутренних дел и юстиции ЕС с целью создания зоны свободы, справедливости и безопасности в Западной Европе представляет собой амбициозный и неоднозначный проект. Амбициозность этого проекта заключается в величине задач и масштабов их осуществления, а с учётом процесса расширения на страны ЦВЕ, через которые в страны ЕС попадает основная масса социально-опасных элементов, степень сложности в достижении цели максимально возрастает и становится в полной зависимости от того, как будут происходить процессы интеграции в политической сфере. В тоже время не всеми сторонами одинаково воспринимается то, каким образом эффективней обеспечить функционирование создаваемой зоны: необходимо найти баланс между межгосударственным и наднациональным подходом.

Мы должны отметить, что в исследуемый период Европейский Союз продвинулся, хотя и не в одинаковой мере, в каждом из рассматриваемых направлений. Помимо традиционных сфер деятельности, например, таких как внешняя торговля, сельскохозяйственная, региональная, научно-техническая политика, где Сообщества удерживали полученные результаты и проводили определённые реформы, в 1990-е годы интеграция получила развитие в новых, важных для будущего ЕС, областях.

Достижения экономической интеграции, несомненно, значительны, без успешного завершения создания ЭВС было бы мало шансов на успешное развитие других направлений.

Новым символом европейской интеграции стала созданная в соответствии с Маастрихтским договором система Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), заменившая действовавший с начала 70-х годов механизм Европейского политического сотрудничества (ЕПС). Сохранив межгосударственный характер сотрудничества ЕПС, она существенно расширила его рамки. Теперь ОВПБ предполагает не только взаимные консультации, но и выработку “общих позиций” государств-членов, которые потом реализуется через “совместные действия”, а также Коллективных стратегий ЕС в отношении третьих стран и регионов. После ратификации Амстердамского договора в 1999 году в ЕС создана правовая база для развития военного направления. Теперь речь идет о наделении ЕС действенным механизмом для решения всего спектра “Петерсбергских задач”: от выполнения гуманитарных миссий до операций по принуждению к миру. В 1990-е годы ЕС приступил к формированию европейской “идентичности в сфере безопасности и обороны”. Основными ее компонентами явились три фактора: расширение сферы внешнеполитического сотрудничества, создание основ для военного развития ЕС и коммунитаризация “второй опоры”.

В целом эволюция “третьей опоры” происходила по тем же основным направлениям, что и развитие “второй опоры”: укрепление юридической базы и легитимизация соответствующих положений в Договоре, усиление коллективной составляющей, расширение сферы действия, возникновение новых форм и институтов сотрудничества.

Исследуемый период характеризовался структуризацией (поиском путей реализации) основных направлений деятельности ЕС по принципу выделения наиболее важных сфер приложения усилий (“три опоры”). Хотя “опоры” призваны “поддерживать” ЕС, реальный контроль над двумя из них (ОВПБ и Сотрудничество в области внутренних дел и юстиции) остаётся за государствами-членами. Все три опоры как функциональные и институциональные структуры призваны служить инструментами активной внутренней и внешней политики для государств-членов ЕС. Однако реализация этих направлений оказалась в прямой зависимости от внешних событий, таких как, распад Союзной Республики Югославии, желание стран Восточной Европы вступить в ЕС и стремления стран-членов сохранить контроль над процессами социальной действительности.

7. Основные участники процесса принятия решений в ЕС: характеристика и формат взаимодействия

В институциональной системе Европейского Союза, в соответствии с Маастрихтским договором, основную ответственность за выполнение задач Союза несут пять институтов: Комиссия ЕС, Совет министров, Европейский Парламент, Палата Аудиторов и Европейский Суд,[215] функции которых расписаны в достаточно большом количестве источников и литературы.[216] С другой стороны, главенствующее значение имеет Европейский Совет, который формально только “определяет политические ориентиры”[217], но на деле задаваемые им ориентиры являются определяющими для всего развития ЕС. В связи с этим особый интерес представляет то, каким образом взаимодействуют институты ЕС в процессе принятия решений и проведении повседневной политики. Начнём с краткой характеристики всех основных институтов и той роли, которую они играют в процессе интеграции.

Комиссия ЕС, созданная в соответствии с Римским договором о ЕЭС и действовавшая первоначально только в рамках этого объединения, воплощала в себе наднациональное начало в интеграционном процессе и рассматривалась многими сторонниками “единой Европы” как своего рода эмбрион, из которого вырастет в будущем федеральная власть. [218] Но по мнению некоторых исследователей, например М. Стрежнёвой, эти расчеты никогда не должны были подтвердиться, и вряд ли на это можно рассчитывать в будущем. [219] По нашему мнению, было бы поспешно ставить вопрос так резко – всё будет зависеть от того, какая сложится ситуация в будущем и какой институт способен будет её регулировать.

Тем не менее, Комиссия, ставшая с 1967 г. единым органом для трех сообществ (равно как и Совет, Европарламент и Евросуд)[220], играет огромную и незаменимую роль и в повседневной деятельности ЕС, и в стратегии, так называемого “евростроительства”. Она остается уникальным институтом, до сих пор не имевшим аналогов в интеграционных объединениях, которые возникали в других регионах современного мира.

Об этом институте можно сказать, что это одновременно и нечто большее, и нечто меньшее, чем гражданская служба Сообщества, её “бюрократия”[221]. Большее - так как основополагающие договоры предоставляют ей право политической инициативы (деятельность Совета министров как законодательного органа начинается только после того, как он получает от Комиссии соответствующее законодательное предложение), меньшее - поскольку многие традиционные для гражданской службы обязанности в Сообществе выполняются на национальном уровне.

Кроме того, Комиссия имеет полномочия в финансовой области (например, исполнение бюджета), а также выполняет функции наблюдения и согласования, которые могут иметь своим следствием судебное преследование страны-участницы Сообщества, не соблюдающей достигнутые в его рамках договоренности. В свою очередь, Комиссия подвержена контролю со стороны Палаты аудиторов.

Комиссию зачастую именуют бюрократическим “монстром” - имея в виду и запутанный для непосвященных процесс принятия решений, одно из центральных звеньев которого она составляет[222], и количество “европейских” чиновников. Между тем, хотя оно и растет, но не достигло еще двух десятков тысяч, что (при всей условности подобных сравнений в виду различия в объеме выполняемых функций) все же выгодно отличает её от большинства национальных администраций. Как и в большинстве международных организаций, большая часть “европейских” чиновников занята переводом официальных документов на языки государств-членов (после нового расширения ЕС в 1995 г. количество официальных языков увеличилось с девяти до одиннадцати), оформлением и распространением официальных бумаг.[223]

В то же время формальное равенство с другими институтами символизируется тем обстоятельством, что члены Суда и Комиссии назначаются не Советом министров - что могло бы подразумевать его верховенство (на практике очевидное), - а “с общего согласия правительств государств-членов”[224]. С другой стороны, Комиссия в полном составе может быть отправлена Парламентом в отставку, тогда как отдельные члены Комиссии, в принципе, могут быть принудительно уволены по решению Суда.

Совет министров ЕС, в противоположность Комиссии, был учрежден как орган межгосударственного сотрудничества[225]. В зависимости от рассматриваемой области политики ЕС (аграрная, торговая, финансовая и т.д.), в его состав входят соответствующие министры государств-членов. Это окончательная инстанция в принятии решений, но свобода действий министров в области законотворчества ограничена не только необходимостью опираться на исходящие от Комиссии предложения, но и согласительными процедурами с участием Европарламента и Экономического и социального комитета (ЭСК - ЭкоСоц). Любое предложение Комиссии, а также решение, принимаемое в Совете, в качестве своей законодательной основы должно иметь какую-либо из статей основополагающих договоров.

Подготовительную работу для заседаний Совета министров осуществляет Комитет постоянных представителей (КПП – Корепер I и II) в составе глав национальных делегаций при Сообществе, а также их заместителей. Выражается это в том, что Комитет получает предложения от Комиссии и рассматривает их для выявления сфер возможных разногласий при обсуждении этих предложений на министерском уровне. В поисках компромисса Совет министров опирается на содействие общего секретариата. До Маастрихта у секретариата не было собственной договорной базы, хотя его административный бюджет и был включен в общий бюджет.[226]

Во взаимоотношениях Комиссии и Совета министров всегда присутствовал элемент

соперничества, особенно на первом этапе развития Сообщества. Не смотря на то, что это типично для отношений между двумя любыми бюрократическими структурами, по мнению М. Стрежнёвой, в данном случае соперничество отражало в большей степени коллизию между двумя тенденциями: к усилению наднациональности и к сохранению межгосударственного начала в ЕС.[227] Это противоречие как раз и является сутью всех споров по вопросу о будущем ЕС, хотя с развитием интеграции происходит постепенное выравнивание позиций обоих институтов. С одной стороны, Комиссия умерила свои амбиции и, разрабатывая предложения, стала более тщательно учитывать баланс национальных интересов. С другой стороны, принимаемые Советом директивы и регламенты являются обязательными для государств-членов и, по сути, представляют собой решения, принятые на наднациональном уровне[228]. Тем не менее упомянутая проблема не исчезла. Она нашла отражение в проходящих через всю историю ЕС дискуссиях о процедуре принятия решений: единогласно, с правом вето, которым располагает каждое государство-член, или большинством голосов.[229] Если “люксембургский компромисс” был победой национального государства, то в 1980-е годы обозначилась тенденция к постепенному расширению круга вопросов, решаемых большинством. Ныне Совет министров принимает решения и простым большинством (главным образом по процедурным вопросам), и квалифицированным большинством (в тех сферах, которыми занимается Сообщество), и единогласно (новые сферы полномочий ЕС и те случаи, когда Совет намерен изменить предложение Комиссии без её согласия). Вопрос о том, какой из этих процедур следует отдать предпочтение в дальнейшем, остается предметом острых разногласий в ЕС.

В качестве Совета министров может действовать и Совет глав государств и правительств ЕС. В таком качестве эта инстанция может принимать формальные решения при соблюдении поставленных условий (имеет место предложение со стороны Комиссии, получено искомое парламентское мнение, при голосовании представлена Комиссия и есть необходимый кворум, соблюдены соответствующие правила при голосовании)[230]. В то же время Европейский совет как таковой, то есть, широко освещаемые в международных СМИ, регулярные “саммиты”, формально органом Сообщества, а ныне Союза, не является[231]. Его задачи и состав бегло излагаются в коммюнике Парижской встречи на высшем уровне 1974 г., а также в ЕЕА. Они описываются и в статье Д Раздела 1 Договора о Европейском Союзе, но не в статье 4 Маастрихтского договора, где прописаны институты ЕС.

Не будучи прямо включен в систему этих институтов, Европейский совет тем не менее принимает “заклучения”, которые для дальнейшей деятельности Совета министров являются обязательными.[232] Подобное своеобразие институционального облика ЕС непосредственно объясняется историей его развития: “люксембургский компромисс” 1966 года мешал принятию эффективных решений и новый источник сплочения Сообщества был найден вне “конституционного поля” - в форме личных договорённостей между западноевропейскими лидерами. Со временем роль Европейского совета возросла - вплоть до того, что в Маастрихтском договоре он именуется главной движущей силой в развитии Союза. И именно его подпирают известные всем “опоры” ЕС[233]. До этого в основополагающих договорах соответствующая функция отводилась Комиссии[234].

Изначально у Европейского парламента были только совещательные и наблюдательные функции. Парижский договор 1952 г. основал Парламентскую ассамблею, которая стала именоваться Парламентом с 1962 г. Первые члены Ассамблеи назначались национальными парламентами и зачастую имели двойной мандат. Прямые выборы в представительный орган были заложены в статье 138 Римского договора, что явилось одной из причин институционального кризиса 1965 г., так как для де Голля, вернувшегося к власти во Франции в 1958 г., прямые “европейские” выборы были бы еще одним нежелательным шагом к укреплению наднациональности. Он полагал тогда, что в случае дальнейшего нарастания в ЕС наднациональных черт, политические и военные

преимущества Франции потеряются перед увеличивающимся экономическим могуществом Западной Германии.[235] Поэтому его целью была Западная Европа, объединённая в межгосударственный союз, так называемая концепция “Европы отечеств”, а не в федерацию с наднациональной властью и сильным парламентом. Дания и Великобритания, вступившие в ЕС уже после ухода де Голля в отставку, заняли сходную позицию.[236] Тем не менее, государствам-членам в конце концов удалось прийти к согласию по поводу прямых выборов, что должно было свидетельствовать об укреплении демократических начал в разработке и принятии решений на уровне ЕС[237]. Как уже было упомянуто, они впервые состоялись в 1979 г., обеспечив Европарламенту большую легитимность. В дальнейшем он получил также новые формальные полномочия в бюджетной области и в процессе консультаций между институтами. Таким образом, мы можем отметить, что в общем институциональная система ЕС эволюционировала в сторону относительного равновесия между Советом министров и Европарламентом.[238] Важную роль в интеграционном процессе играет Европейский Суд. В своей деятельности он опирается как на континентальную традицию, так и на свойственные британской системе приемы прецедентного права. В его компетенции следить за тем, чтобы Совет министров и Комиссия держались в рамках собственных полномочий. Суд, в частности, рассматривает насколько соответствуют основополагающим договорам, заключенные от имени Сообщества, международные соглашения. При определенных обстоятельствах даже отдельные граждане могут обращаться в Суд, добиваясь отмены какого-либо из принятых актов или возмещения ущерба, нанесенного им в результате деятельности институтов ЕС.

Суд может выполнять и законодательные функции - в той степени, в какой возникали пустоты в правовой системе ЕС, обусловленные политической слабостью Совета министров.[239]

Именно Судом были сформулированы некоторые фундаментальные положения, которые были отражены в основополагающих договорах лишь намеком.[240] Хотя Суд ЕС непосредственно правами человека не занимается, он, однако, требует от институтов Сообщества соблюдения фундаментальных прав в разрабатываемых и принимаемых ими решениях - на том основании, что государства-члены не могли бы выполнять решения, нарушающие права, которые лежат в основе их собственной политической системы[241]. Именно Суду принадлежит главная заслуга в распространении точки зрения, согласно которой дальнейшее утверждение права Сообщества зависит от его собственной способности гарантировать соблюдение прав личности[242]. “Суд ЕС, - справедливо отмечал российский юрист Е. Усиенко, - стал важнейшим звеном западноевропейской интеграции, играя исключительно важную роль в расширении предмета компетенции Сообществ, в упорядочении взаимоотношений между органами власти, в частности, в укреплении правового статуса Ассамблеи Сообществ. Он создал целую систему прецедентного права сообществ и явился важным дисциплинирующим фактором в силу принятия им жёстких мер против тех государств-членов, которые нарушали свои обязательства”.[243] Генерируемые системой Сообщества законы защищают Евросуд и национальные суды. Наличием подобной системы судебной защиты ЕС принципиально отличается от всех других международных организаций и, по существу, уже не может быть поставлен в единый ряд с ними.

Из институтов ЕС второго плана отметим Экономический и социальный комитет[244]. Когда в 1950-е годы такой консультативный орган создавался, существование его посчитали необходимым, так как аналогичные структуры существовали в отдельных странах-участницах объединения (например, в ФРГ), а также в качестве дополнения к практически безвластной тогда Парламентской ассамблее, тем более что последняя не отражала корпоративные интересы важнейших групп западноевропейского общества - работодателей, работников наемного труда, представителей мелкого бизнеса, крестьян и фермеров, обществ потребителей и т.д.[245] В дальнейшем ЭСК намного отстал от

Парламента как в темпах наращивания реальных полномочий, так и в политических претензиях. Тем не менее, он продолжает функционировать, собираясь до шести раз в год, а его вспомогательный персонал используется также в обслуживании вновь созданного в соответствии с Маастрихтским договором Комитета регионов.[246]

Хотя Комитету регионов, как и Экономическому и Социальному комитету, доверены не более чем совещательные функции, его будущее видится более многообещающим. Многие склонны усматривать в его создании первый шаг к появлению третьего регионального уровня в институциональной структуре Сообщества, в которой до сих пор различались лишь национальный и наднациональный уровни. Создание Комитета регионов - прямая политическая победа германских земельных властей, не намеренных в рамках интеграционного объединения потерять те полномочия, которые они обрели в национальных рамках.[247]

Маастрихтский договор внес во взаимоотношения институтов ЕС новые изменения, которые, тем не менее, трудно назвать революционными или сенсационными, изменения скорее несли политический смысл. Среди усовершенствований - наделение Суда правом накладывать штрафы на те государства-члены, которые нарушают достигнутые в ЕС договоренности.[248] Процедура сотрудничества Совета министров и Европарламента в законодательстве была дополнена процедурой примирения там, где этим двум институтам не удается достичь согласия в случаях, подлежащих голосованию в Совете по принципу большинства. Данная процедура, дополнительно укрепляющая позиции Парламента, применяется в тех случаях, когда принимаемые решения касаются свободного перемещения рабочей силы, обучения и образования, культуры, здравоохранения, защиты прав потребителей, научных исследований, трансъевропейских энергетических сетей, телекоммуникаций и транспорта. Если при этом возникает перспектива того, что Парламент во втором чтении отвергнет общую позицию, принятую Советом министров, теперь возможен созыв межинституционального Комитета примирения. Если и этот шаг не приведет к цели, у Парламента есть право окончательно отвергнуть законопроект.[249]

Отметим также, что ни у институтов ЕС, ни у национальных парламентов нет возможности серьезно повлиять на изменения в функционировании Европейского валютного союза, а появившийся Европейский центральный банк получил большую автономию в принятии решений[250].

После вступления в силу Маастрихтского договора Комиссия назначается на пятилетний период (а не на четыре года, как прежде), чтобы срок её полномочий совпал со сроком полномочий Парламента и состав КЕС мог быть представлен Парламенту на одобрение.

Взаимодействие основных четырёх институтов ЕС (Комиссия, Совет, Парламент и Суд) определяется рамками основных договоров между государствами-членами и протоколов к ним и осуществляется с помощью различных комитетов. По отношению к субъектам европейского права институты ЕС определяют правила действий с помощью регламентов, директив, решений по конкретным вопросам, заключений и рекомендаций[251]. Таким образом, создаётся достаточно обширный блок европейского права, который является приоритетным по отношению к национальному законодательству. Кроме этого, нам необходимо отметить, что в процессе принятия решений (основном инструменте взаимодействия институтов ЕС) существует несколько основных процедур: консультации, сотрудничество, согласие и совместное принятие решений[252]. Их развитие и применение отражает состояние и динамику баланса полномочий между институтами Европейского Союза.

Структура институтов Европейского Союза представляет собой достаточно сложное переплетение наднациональных и межправительственных институтов. И хотя мы можем легко выделить в соответствии с нормативными документами те институты, которые призваны продвигать процесс интеграции (Комиссия, Парламент, Суд), практически

полностью лидирующая и контролирующая роли принадлежат главам государств-членов ЕС и их правительствам.

8. Коммунитаризм против межгосударственного подхода в процессе принятия решений в ЕС

Система взаимодействия между основными институтами Европейского Союза постоянно развивается, что выражается в эволюции процесса принятия решений и поиске баланса между институтами Союза. В отношении того, каким образом должны приниматься решения в ЕС, постоянно велись явные и скрытые споры, сторонами в которых выступали сторонники федерализации Сообщества и противники дальнейшей “сдачи суверенитета”. В литературе закрепились два термина, определяющие эти два подхода к процессу принятия решений; коммунитарный и межгосударственный. Что применительно к процедуре принятия решений можно сформулировать в вопросе: Чему отдать большее предпочтение: принципу единогласных решений или решений, принимаемых большинством голосов?[253] Противоречивое отношение европейской элиты к процессу интеграции и, особенно к способу принятия решений, привело к тому, что ЕС стал представлять собой уникальное политическое объединение, институциональная структура которого не позволяет однозначно назвать его ни сверхгосударством, ни международной организацией в чистом виде. На протяжении всего периода развития, в большей или меньшей степени, в облике ЕС присутствуют и национальные, и межгосударственные, и наднациональные черты, что, в частности, не всегда осознавалось руководством Российской Федерации при проведении европейской политики, которое рассматривало ЕС как международную организацию.[254]

Маастрихтский договор, который пока остается базовым документом, создает и описывает в общих чертах общность, именуемую Европейский Союз, которая, тем не менее, не получила собственного правового лица. Большинство статей договора касалось другой общности - Европейских сообществ, которые, в свою очередь, заменили Европейское экономическое сообщество.[255]

Несмотря на то, что в некоторых существенных деталях, касающихся европейских институтов, Маастрихтский договор продолжил и логически развил новации, содержащиеся в предыдущих договорах. Между этими документами проявилась разница в акцентах. Как полагает исследователь институтов ЕС М. Стрежнёва, в более ранних договорах был сделан упор на закрепление и распространение коммунитарного метода в процессе принятия решений, который предполагает принятие решений на уровне Союза, в Маастрихтском договоре, вопреки распространённому общественному мнению, есть немало черт, создающих противовес коммунитаризации и обеспечивающих защиту прерогатив национальной власти от излишних федеративных устремлений.[256]

Требуется пояснить, что коммунитарный метод до 1990-х гг. фактически сводился к диалогу между Советом министров ЕС и Комиссией. С точки зрения Комиссии ЕС “коммунитарный/общественный метод” заключается в следующем: монополия Комиссии на законодательную инициативу, широкое применение квалифицированного большинства при голосовании в Совете Министров, активная роль Парламента ЕС, унифицированное определение законов Сообщества в Суде ЕС.[257] Его применение начинается с того, что Комиссия направляет в Совет определённые предложения, при этом, с расширением в Совете процедуры голосования на основе большинства и с отказом от единогласных решений, коммунитарный метод становится методом наднациональным.[258] Однако, в Маастрихтском договоре эту тенденцию уравнивает утверждение межправительственного подхода в таких важных для государства сферах, как внешняя политика и безопасность.

Межгосударственный (межправительственный) подход, в соответствии с уже цитированным документом, имеет следующие характеристики: право Комиссии на инициативу разделено с правительствами ЕС или существует только в отдельных сферах,

Совет принимает решения в основном единогласно, Парламент (Суд) играет только консультативную (малую) роль.[259] “Этот подход, - отмечают У. Никол и Т. Сэлмон, - подразумевает образ действий, сохраняющий в неприкосновенности власть национальных государств. В межгосударственном подходе заключено также стремление избежать контроля со стороны Европейского Суда.”[260]

В результате противоборства двух методов в Маастрихте была создана весьма сложная система принятия решений, стержнем которой служит принцип субсидиарности. В договоре смысл субсидиарности излагается следующим образом: “В тех областях, которые не подпадают под его исключительную компетенцию, Сообщество действует в соответствии с принципом субсидиарности, если и поскольку цели предполагаемого действия не могут быть достигнуты в достаточной мере государствами-членами и поэтому, в силу масштабов и результатов предполагаемого действия, могут быть более успешно достигнуты Сообществом.”[261] Подразумевается, что в сфере непосредственной компетенции Сообщества находятся те вопросы, по поводу которых нет сомнений, что решать их лучше всего на союзном уровне и коммуитарным способом. Данная формулировка достаточно неопределенна. В ней не содержится четких критериев разграничения компетенции ЕС и государств-членов. В то же время, возможность установления таких критериев зависит от степени однородности Сообщества. Если оно включает небольшое число стран с идентичными социально-экономическими и политическими системами, совпадающими стратегическими интересами, в принципе, возможно определить, что может быть более успешно достигнуто Сообществом, а что - государствами-членами. Другое дело, если Сообщество состоит из стран, находящихся на различных уровнях развития и резко отличающихся друг от друга по своим возможностям. Вряд ли следует доказывать, что потенциалы самостоятельного решения проблем германским и, скажем, румынским или словацким государствами различны. Выработка каких-то общих критериев субсидиарности в рамках всего Сообщества становится при этом затруднительной.

В зависимости от обстоятельств принцип субсидиарности может стать либо базой для наращивания наднационального начала и передачи национальных полномочий в ведение органов ЕС, либо, наоборот, отката вплоть до возвращения некоторых полномочий, уже ставших “европейскими”, в сферу ведения национальных государств. Расширив сферу деятельности Сообщества, Маастрихт одновременно перенес центр тяжести в решении многих новых и старых проблем на межправительственные, т.е. не интеграционные, механизмы. Как лаконично отметил бывший премьер-министр Франции Раймон Барр, “субсидиарность - это децентрализация”[262], по крайней мере, на современном этапе развития ЕС.

Отстаивая подобную интерпретацию принципа субсидиарности, нынешние сторонники межгосударственного начала игнорируют то, что представлялось столь очевидным основоположникам интеграции: “Европейское сообщество должно было быть построено не только посредством устранения барьеров на пути взаимобмен между западноевропейскими государствами, но и посредством целенаправленного поощрения новых видов взаимодействия ... и посредством создания новых институтов, способных генерировать политическую поддержку и лояльность”[263]. Ослабление наднационального начала не может быть компенсировано никаким развитием межгосударственного взаимодействия. Оно означает, в конечном счете, ослабление “европейской идеи”, сделавшей саму интеграцию такой, какой её до сих пор знал весь мир.

Современные западные специалисты усматривают истоки принципа субсидиарности в социальном учении Ватикана, изложенном в 1931 г., согласно которому каждый человек должен быть тесно вовлечен в принятие решений, которые непосредственно его касаются. [264] Как представляется другим исследователям, корни идеи субсидиарности уходят гораздо глубже - в противоположность националистической идее, усматривающей именно

в нации единственный законный источник политической власти и гаранта свободы личности, принцип субсидиарности восходит к римской идее, которая подразумевает множественность уровней политического управления и стандартов соблюдения прав личности.[265]

Поэтому, несмотря на то, что в Едином европейском акте и в Маастрихтском договоре прослеживается значительная доля преемственности, исследователь Е. Михан предполагает: “первый из этих документов исходит из концепции национализма, возводимого в степень наднациональности в том, что все решения, в конечном счете, должны приниматься неким однообразным способом, на одном уровне, будь то национально-государственный или надгосударственный уровень, которому отдают предпочтение федералисты, тогда как Маастрихтский договор в большей мере опирается на неоиimperскую идею: уровней управления может быть несколько - главное, чтобы всякая проблема находила должный уровень решения, а рядовые граждане сохранили причастность к тому, что происходит, и гарантированные им законом права имели эффективную систему реализации”.[266]

Еще одной формой сопротивления укоренению и распространению коммунитарного метода, как основы организации процесса принятия решений в ЕС, являются исключения, которые делаются для отдельных стран, и означают фактическое признание за ними права не участвовать, по крайней мере, временно в определённых направлениях совместной деятельности. Такие факты уже имели место[267], но никогда ранее не достигало масштабов, позволяющих говорить о воплощении концепции интеграции “на разных скоростях”.[268]

Вместе с тем говорить об отказе после Маастрихта от наднационального похода как идейной основы “евростроительства” было бы преждевременно, особенно, если судить по тону выступлений бывшего в то время председателем Комиссии Жака Сантера. Например, выступая перед членами Европейского парламента в январе 1995 г., он заявил, что “межправительственный процесс принятия решений по вопросам иммиграции и преступности должен быть заменен традиционным коммунитарным методом”. Тогда же Ж. Сантер высказал предположение, что “следующего председателя КЕС, возможно, будет избирать Европарламент, и что парламентарии могут получить право вето на внесение в будущем изменений в основополагающие договоры”.[269] В настоящее время Парламент играет основную роль в утверждении председателя Комиссии.

Среди институтов ЕС наибольшую заинтересованность в распространении коммунитарного метода выражает Европейская Комиссия, которая является уникальным наднациональным органом и которая всю свою историю стремилась обрести самостоятельную власть и репутацию в глазах европейцев. О роли Комиссии особенно много заговорили в процессе строительства ЭВС при Жаке Делоре с 1985 по 1994 годы, когда она являлась лидером и “локомотивом” нового шага интеграции. Но после того, как в 1999 году вскрылись факты коррупции и неэффективного управления, и Комиссии во главе с Ж. Сантером пришлось в полном составе уйти в отставку, начали говорить об уменьшении её роли и даже некой победе государств в борьбе за свой суверенитет.[270]

Тем не менее, Комиссия ЕС играет огромную роль, в том числе и политическую, как в повседневной деятельности ЕС, так и в стратегии “евростроительства”. Уникальность её заключается в том, что Комиссия, обладая собственным бюрократическим аппаратом и формально независимым от национальных государств-членов ЕС руководством, имеет право законодательной, политической инициативы[271] для всего Союза и часто разрешает спорные моменты между правительствами, но при этом не имеет права решать некоторые характерные для гражданской службы единого государства задачи, например, паспорта гражданства до сих пор выдаются государствами-членами, а не единым органом ЕС. Кроме того, Комиссия имеет полномочия в финансовой сфере, а также выполняет функции наблюдения и согласования.[272]

Комиссия сыграла значимую роль в завершении создания “единого рынка”, а затем в

момент создания Маастрихтского договора, в котором были прописаны все этапы создания ЭВС. Хотя в Амстердамском договоре уже было записано, что главной движущей силой в развитии Союза является Совет Министров.[273] В Маастрихте был закреплён баланс между Комиссией и Советом Министров перед новым серьёзным шагом интеграции - созданием ЭВС, но, по мнению Р. Гудина, Совет Министров должен занять лидирующее место в строительстве Союза.[274]

Возможно, процесс создания ЭВС стал тем “моментом истины”, который поставил правительства перед необходимостью решить: насколько они доверяют друг другу и общеевропейским институтам? Однозначно можно сказать только то, что они не доверяют определению своих интересов какой-либо третьей стороне, в данном случае Комиссии. Создание ЭВС затрагивало самую чувствительную часть национального экономического суверенитета - выпуск национальной валюты, поэтому страны оставили за собой все права по принятию стратегических решений и установили независимый, в первую очередь от Комиссии, Европейский Центральный Банк. Такая же практика продолжает применяться при создании Общей внешней политики и политики безопасности, так как это не менее чувствительная сфера интересов национального государства. Ещё одним инструментом ограничения влияния Комиссии является так называемая “комитология” – большое количество различных комитетов, создаваемых при Комиссии в случае принятия сложных решений, подразумевающих консультации с правительствами стран-членов.[275]

Примечательно, что как только процесс создания ЭВС вступил в свою последнюю фазу в январе 1999 года, Комиссия под руководством Жака Сантера, работавшая с 1995 года, была вынуждена уйти в отставку. Хотя то, в чём обвинили Комиссию, активно обсуждалось и, скорее всего, присутствовало всё время существования “европейской бюрократии”, на что указывает исследователь Ч. Грант.[276] По всей видимости, активное участие Комиссии в принятии судьбоносных решений и её лидирующее положение в процессе интеграции в момент строительства ЭВС возродило идеи о едином супергосударственном органе в лице Комиссии. А это могло заставить национальные правительства попробовать поставить под контроль амбициозные тенденции, проявившиеся в усилении роли Комиссии, которой государства не очень доверяют решать, что есть национальные и европейские интересы и как их согласовывать.[277]

Пришедшая на смену новая Комиссия под руководством Романо Проди, бывшего Премьер-министра Италии, человека достаточно умудрённого опытом, уже не смогла, несмотря на заявления о грандиозных планах, получить те же полномочия, что Комиссия имела раньше, особенно, при постоянном упоминании о необходимости придать большую прозрачность деятельности Комиссии.[278] Вероятнее всего, что за Комиссией навсегда останутся проекты, начатые до Маастрихтского договора: сельскохозяйственная политика, помощь регионам, единый рынок и конкурентная политика, также, возможно, и расширение. Все остальные проекты (ОВПБ и ЭВС), видимо, будут находиться под непосредственным контролем стран-участниц. Новое направление - внутренняя политика и политика в сфере правосудия, которое появилось в деятельности Союза после Амстердамских соглашений, станет, по всей видимости, предметом споров о разграничении полномочий между Комиссией и Советом Министров.

Как уже упоминалось, Совет Министров ЕС, созданный как институт межгосударственного сотрудничества, в последнее десятилетие обрёл статус лидирующего органа при принятии решений в ЕС.[279] И если тенденция сохранится, то изменения структуры ЕС, о которой так давно говорят, будут происходить посредством приобретения Советом Министров новых организационных структур, необходимых для осуществления действенного руководства ЕС. Одно из предложений заключается во введении в состав национальных правительств министров, ответственных за европейские дела, чтобы они могли обеспечить более частые, чем четыре раза в год, заседания Совета Министров ЕС, что обеспечит его действительную постоянную руководящую роль. Особенно чётко такие взгляды на реформу институтов ЕС высказывает журнал

“Экономист”.[280] Таким образом, Комиссии отводится роль обслуживающего аппарата при Совете Министров, а Парламенту ЕС предстоит быть площадкой для обсуждения существующих идей и проектов.[281]

Относительно изменения баланса сил между Парламентом, Комиссией и Советом исследователи Дж. Цебелис и Дж. Гаррет пишут, что “в процедурах, использующих принцип большинства, полномочия Комиссии уменьшились за счёт усиления законодательной роли Парламента. Комиссия по-прежнему может заметно влиять на законодательный процесс в рамках процедуры консультации, где Парламент не играет значительной роли, но в процедурах сотрудничества и совместного решения, Комиссия потеряла свои былые полномочия, в то время как Парламент сравнялся в этом вопросе с Советом”.[282] Хотя для Парламента ещё существует необходимость доказать свою легитимность на европейском уровне, прежде всего в глазах избирателей, для того, чтобы к нему могли прислушиваться, так как выборы показывают, что пока большинство избирателей ЕС предпочитает не участвовать в выборах в Европарламент.[283]

Другой исследователь процесса принятия решений в ЕС Дж. Голуб отмечает, что, несмотря на более широкое распространение принципа принятия решений большинством голосов в Совете министров и расширение прав Парламента, эффективность принятия решений институтами ЕС в постмаастрихтский период значительно снизилась по сравнению с периодом главенства Люксембургского компромисса и ещё более снизилась с дальнейшим расширением Союза.[284]

Особенно заметно проявилось противоречие коммунитаризма и межгосударственного подхода, как к процессу принятия решений, так и интеграции в целом, при обсуждении Конституционного договора, который окрестили проповедником «квазиконституционного символизма»[285]. Сопровождавшая договор атрибутика «конституционного» характера (гимн, флаг и учреждение поста министра иностранных дел ЕС), по мнению критиков договора, умаляла национальный суверенитет и стала основной причиной его провала на референдумах в странах ЕС. В результате переговоров по новому договору 13 декабря 2007 года в Лиссабоне руководители 27 государств ЕС подписали новый базовый Договор, определяющий основные направления развития европейской интеграции на предстоящие десятилетия. Пока договор не прошел ратификацию, но уже можно отметить, что этот документ еще больше стремится закрепить границы между двумя основными подходами, с целью обеспечить сохранность государственного суверенитета. В частности, реформулируется ст. 4 Договора о ЕС. Она вновь подчеркивает, что любая компетенция, не предоставляемая Союзу на основе Договоров, принадлежит государствам-членам.[286] Договор подтверждает, что ЕС обязуется уважать основные полномочия и функции государств-членов ЕС, особенно в том, что касается поддержания территориальной целостности и общественного порядка, а также охраны национальной безопасности.[287] Кроме этого, в структуре ЕС Европейский Совет становится институтом управления ЕС. Как следствие, уравнивается баланс между блоком межгосударственных (Совет ЕС, Европейский Совет) и коммунитарных институтов (Комиссия и Парламент).

Необходимо отметить, что тенденция перемещения центра руководства ЕС к Совету Министров (по Лиссабонскому договору и к Европейскому Совету) и Парламенту ещё больше закрепляет отступление от первоначального принципа европейской интеграции об участии всех членов на равных основаниях и совместном осуществлении всех проектов. Впервые отступление от этого принципа было закреплено в Маастрихтском договоре, где говорилось, что ЭВС может быть создана и в случае, если не все страны смогут принять в нём участие. Развитие ЕС по принципу “Европа нескольких скоростей”, стало реальностью после введения евро, завершения создания ЭВС и стало неоспоримой реальностью после приёма новых членов в ЕС. В случае сохранения такой тенденции реформа институтов ЕС, начатая с работой по созданию конституции ЕС, будет осложняться старым противоречием между коммунитарным и межгосударственным

принципами функционирования ЕС. В тоже время, увеличение числа членов ЕС осложнило поиск компромисса. В такой ситуации сами методы принятия решений (коммунитарный и межгосударственный) становятся инструментом борьбы институтов за влияние в процессе принятия решений. И, по всей видимости, это противоречие выгодно государствам, поскольку оно позволяет контролировать процесс интеграции, а именно не допустить “утечки суверенитета”.

9. Перспективы становления Европейской системы управления

13 декабря 2007 года руководители 27 государств ЕС на торжественной церемонии подписали новый базовый Договор, определяющий основные направления развития европейского права и европейской интеграции на предстоящие десятилетия. По месту подписания документ получил известность как Лиссабонский договор, а по своему содержанию – как Договор о реформе. Как сам этот документ, так и приложенные к нему протоколы и декларации призваны обеспечить качественное повышение эффективности интеграционного процесса и упрочение его демократической легитимности.

Новая редакция раздела, посвященного институтам ЕС, содержит целый ряд нововведений. Наиболее значимые касаются построения институциональной системы, статуса отдельных институтов, порядка их формирования и структуры, порядка принятия решений. Механизм руководства и управления Союзом состоит из трех основных слагаемых. Во-первых, институтов ЕС, во-вторых, органов ЕС и, в-третьих, организаций ЕС.

Институтами Союза являются: Европейский Парламент, Европейский Совет, Совет ЕС, Европейская комиссия, Суд Европейского Союза, Европейский центральный банк, Счетная палата. Необходимо отметить, что в системе институтов появляются два новых органа: Европейский Совет и Европейский центральный банк (ЕЦБ). Каждый институт осуществляет свою деятельность в соответствии с процедурами и целями, предусмотренными учредительным договором. Институты должны применять в отношениях между собой принцип лояльного сотрудничества.[288]

Европейский Парламент совместно с Советом осуществляет законодательные и бюджетные функции. Он осуществляет функции политического контроля и консультативные функции в соответствии с условиями, предусмотренными Договорами. Важно отметить, что Парламент ЕС избирает председателя Комиссии ЕС. Согласно Договору, Европарламент состоит из представителей граждан Союза (а не народов стран ЕС, как было ранее). Количество депутатов не должно превышать 750+1 (сейчас – 786). Представительство государств обеспечивается применением принципа дегрессивной пропорциональности, минимальный порог которой составляет 6 депутатов парламента от государства-члена. Ни одно государство не может располагать более чем 96 местами. Члены Европарламента избираются путем всеобщего, прямого и тайного голосования сроком на 5 лет. Европарламент избирает из своей среды председателя и Бюро (Детально структура и порядок деятельности парламента регулируются его внутренним регламентом).[289]

Следующий институт, описываемый в Договоре, – Европейский Совет. В соответствии с намеченной реформой Европейский Совет, являющийся высшим органом политического руководства ЕС, обретает статус института. Правовые последствия этой трансформации отличаются определенным своеобразием. Европейский Совет обретает право принятия политически обязательных решений. Однако правом принятия законов он не обладает. Это особо подчеркнуто в статье, определяющей полномочия и предназначение Европейского Совета, которая гласит: “Европейский Совет придает Союзу импульсы, необходимые для его развития, определяет стоящие перед ним ориентиры и политические приоритеты. Он не осуществляет законодательных функций”[290].

Европейский Совет состоит из глав государств и/или правительств государств-членов, а также из своего председателя и председателя Комиссии. В его работе участвует также высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Ранее он именовался высоким представителем ЕС по общей внешней политике и политике безопасности.

Европейский Совет избирает своего председателя (президента) квалифицированным большинством голосов сроком на 2,5 года. Он может быть переизбран только один раз. В случае возникновения затруднений в осуществлении полномочий или совершения тяжких проступков, Европейский Совет может прекратить его мандат в соответствии с той же процедурой, которая применяется при его избрании. Председатель (президент) Европейского Совета: (А) председательствует на заседаниях и руководит его работой; (Б) обеспечивает подготовку и преемственность решений и действий Европейского Совета в сотрудничестве с председателем Комиссии; (В) посредством своих действий он обеспечивает согласование позиций внутри Европейского Совета и поиск консенсуса при принятии решений. Кроме того, (Г) он отчитывается перед Европарламентом по итогам сессий Европейского Совета.

Председатель (президент) Европейского Союза обеспечивает внешнее представительство Союза, относящееся к сфере внешней политики и политики безопасности, без нанесения ущерба полномочиям высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности. Председатель Европейского Совета не может состоять на службе в каком-либо из национальных государств и не может осуществлять национальный мандат. Создание поста постоянного Председателя Союза – важное структурное изменение. Если судить по статусу и функциям, новое должностное лицо ЕС в определенной мере напоминает президента в парламентской республике.

Европейский Совет собирается на свои очередные заседания председателем Совета два раза в полугодие. Если повестка дня предполагает участие в заседании соответствующих министров, Совет может решить, чтобы каждый из его членов имел в качестве помощника соответствующего министра. В том, что касается Председателя Комиссии, – соответствующего члена Комиссии. Если ситуация того требует, он собирает Евросовет на чрезвычайные заседания. Европейский Совет принимает свои решения консенсусом, если иное не предусмотрено Договором.

Новая статья 9С посвящена Совету ЕС. Она устанавливает, что Совет совместно с Европарламентом осуществляет законодательные и бюджетные полномочия. Он участвует в определении политик и их координации в соответствии с условиями, предусмотренными Договором. Совет состоит из представителя каждого государства-члена, который наделен соответствующими полномочиями, и чьи действия и заявления обязывают правительство государства-члена, которое он представляет. Он может также осуществлять право вето. Совет принимает решения квалифицированным большинством голосов, кроме случаев, когда иное установлено Договорами.

Также Договор детально регламентирует порядок и условия достижения квалифицированного большинства в переходный период и по его истечении.

Начиная с 1 ноября 2014 года, квалифицированное большинство определяется как равное, по меньшей мере, 55% членов Совета, включающее минимум 15 государств и представляющее государства-члены с населением не менее 65% населения ЕС.[291]

Блокирующее меньшинство должно включать, по меньшей мере, 4 члена Совета, без чего квалифицированное большинство считается достигнутым. Остальные детали, регулирующие порядок голосования квалифицированным большинством, фиксируются в п. 2 ст. 205 ДФЕС. Переходные постановления, относящиеся к определению квалифицированного большинства, которые применяются до 31 октября 2014 года, а равно те, которые применяются между 1 ноября 2014 года и 1 марта 2017 года, фиксируются специальным протоколом относительно переходных постановлений.

Совет проводит открытые заседания в тех случаях, когда он обсуждает и принимает

проекты законодательных актов. В этих целях каждая сессия Совета разделяется на две части, которые посвящаются, соответственно, либо обсуждению законодательных актов Союза, либо иным вопросам, входящим в компетенцию Совета по иностранным делам.

К числу ведущих политических институтов ЕС отнесена Европейская комиссия. Согласно Договору, Комиссия отстаивает и продвигает общие интересы Союза и предпринимает соответствующие шаги в этих целях. Она контролирует соблюдение государствами-членами Договоров и актов, принятых в их развитие институтами ЕС. Она осуществляет под контролем Суда ЕС надзор за соблюдением права ЕС. Комиссия обеспечивает исполнение бюджета и руководство соответствующими программами. Она осуществляет функции координации, исполнения и управления, в соответствии с условиями, предусмотренными Договорами. За исключением сферы внешней политики и политики безопасности и других случаев, предусмотренных Договорами, ЕК обеспечивает внешнее представительство Союза. Она осуществляет инициативы, связанные с ежегодным программированием и долгосрочным планированием действий Союза и обеспечивает осуществление межинституциональных соглашений. Существенно усилилась роль Комиссии в законодательной сфере – она почти монополизировала право законодательной инициативы. Законодательные акты Союза могут приниматься только на основе предложений Комиссии, кроме случаев, когда Договорами предусмотрено иное. Все иные, т.е. незаконодательные нормативно-правовые акты одобряются по предложению Комиссии, если это предусмотрено Договорами.[292]

Мандат Комиссии – 5 лет, т.е. равен сроку полномочий парламента. Члены Комиссии избираются из числа лиц, обладающих необходимой общей компетентностью и известных своей европейской ангажированностью, что должно гарантировать их независимость. Договор подчеркивает, что ЕК полностью независима в своей деятельности. Члены Комиссии не должны спрашивать или получать какие-либо инструкции от правительств, институтов, органа или организации.

Начиная с 1 ноября 2014 года, Комиссия будет состоять из числа членов, включая председателя и высокого представителя, соответствующего двум третям государств-членов ЕС, если только Европейский Совет, принимая решение единогласно, не изменит их численность. После перехода к ротационному принципу формирования ЕК ее члены избираются из представителей стран ЕС в соответствии с системой строгой и равной ротации между государствами-членами, позволяющей обеспечить необходимое демографическое и географическое представительство всей их совокупности. Эта система устанавливается единогласным решением Европейского Совета в соответствии со ст. 211 ДФЕС. Договор подтверждает особый статус и роль председателя Комиссии в качестве не просто первого из равных, а руководителя ЕК. Согласно Договору, председатель Комиссии: (а) определяет общую ориентацию деятельности ЕК; (б) решает вопросы внутренней организации Комиссии с тем, чтобы обеспечить сплоченность, эффективность и коллегиальность в ее деятельности (однако он не может произвольно менять структуру ЕК, оговоренную в ДЕС, в частности в отношении высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности); (в) назначает заместителей председателя, иных, нежели высокий представитель, из числа членов Комиссии.

Сравнительно подробно регламентируется порядок формирования ЕК. Принимая во внимание результаты выборов в Европарламент, и после проведения соответствующих консультаций, Европейский Совет, вынося решение квалифицированным большинством голосов, предлагает Европарламенту кандидатуру на замещение поста председателя Комиссии. Этот кандидат считается избранным, если получит поддержку большинства депутатов. Если предложенный кандидат не набирает необходимое большинство голосов депутатов, то Евросовет, принимая решение квалифицированным большинством голосов, предлагает в пределах одного месяца кандидатуру нового кандидата.

Совет с общего согласия вместе с вновь избранным председателем Комиссии утверждает список других лиц, которых он предлагает назначить членами Комиссии.

Отбор этих лиц осуществляется на базе пожеланий государств-членов в соответствии с критериями, предусмотренными в данной статье. Председатель Комиссии, высокий представитель и другие члены Комиссии в качестве общей коллегии представляются на утверждение Европарламенту. Одобренный состав Комиссии назначается Европейским Советом, принимающим решение квалифицированным большинством голосов.

Комиссия несет коллегиальную ответственность перед Европарламентом. Он может принять резолюцию порицания Комиссии в соответствии со ст. 201 ДФЕС. Если такая резолюция порицания принята, члены Комиссии должны коллективно подать в отставку.

Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности. Он назначается Европейским Советом, принимающим решение квалифицированным большинством голосов с согласия председателя Комиссии. Европейский Совет может его отозвать в соответствии с той же процедурой. Он проводит в жизнь внешнюю политику и политику безопасности Союза; разрабатывает предложения, относящиеся к выработке и осуществлению политики в качестве уполномоченного представителя Союза; действует таким же образом в области общей обороны и политики безопасности; председательствует в Совете по иностранным делам, являющимся одним из ведущих форматов Совета ЕС.

Этот представитель Союза *ex officio* является одним из заместителей председателей Комиссии.

В заключении рассмотрения Лиссабонского договора можно отметить, что намечаются значительные изменения в структуре и правовом механизме ЕС.

В то же время, если рассматривать будущее функционирование ЕС, то, например, исследователь С. Балмер считает, что у ЕС реально просматриваются только две перспективы, которые находят подтверждение в программных документах. Первый вариант - это создание зоны либерального порядка, где институты ЕС будут призваны поддерживать общие ценности, правила и порядки, соответствующие представлениям либеральных институционалистов. Второй вариант предполагает фактическое формирование в ЕС унифицированного ядра с элементами федерализма, структура которого ещё не ясна.[293] С другой стороны, в этих двух подходах, по мнению Ж. Делора, легко узнаются прежние разногласия между федералистами и защитниками национального государства, поэтому в ближайшей перспективе возможна только конфедерация национальных государств.[294] Причём, чем дальше, тем труднее какой-либо стране приписывать тот или другой ярлык (в каждой стране эти мнения в той или иной степени присутствуют), и когда страна выбирает определённую позицию, то исходит она прежде всего из целесообразности данной позиции в политическом плане. Цели интеграции обозначены и теперь странам остаётся только бороться за свои интересы в данных условиях.

И хотя при этом необходимо учитывать то, что у каждого государства-члена и институтов ЕС всё же существует определенное видение перспектив Сообщества, окончательный результат будет зависеть не только от субъективных устремлений акторов, но, в большей степени, от той среды, которую создают все участники - как европейские (региональные), так национальные и глобальные. Поэтому представляется необходимым рассмотреть достижения и проблемы стоящие перед ЕС и после вернуться к тому, какие факторы могут оказать наибольшее влияние на дальнейшее развитие ЕС.

Начнем наше рассмотрение с достижений интеграции, то на чём может быть основан любой шаг вперёд. Главное из них - высокая степень интегрированности государств-членов ЕС в экономической сфере, одним из показателей которой, по мнению большинства отечественных экономистов[295], является отношение межстрановой торговли в ЕС к общему ВВП этих стран: в 1970 г. оно равнялось 10,1%, в 1990 г. - 14,7%, в 1999 г. - 15,8%.[296] “В малых странах, составляющих большинство в Союзе, этот показатель находится в пределах от 15,4% и до 45,7%. Ещё важнее сущностные признаки интегрированности национальных хозяйств, такие как единый внутренний рынок с его

четырьмя “свободами”[297], плотная паутина транснациональных компаний, конвергенция макроэкономической политики государств-членов и её ключевых показателей, наконец, единая валюта и общая валютная политика”[298].

Во-вторых, на современном этапе европейская интеграция характеризуется не только экономическими показателями. “Единая Европа” всегда рассматривалась как нечто большее, чем экономическое образование[299]. Как считают российские исследователи Ю. Борко и О. Буторина, “европейская интеграция обладает уникальными чертами, которые отсутствуют у других интеграционных союзов, и продвинулась (и может продвигаться) значительно дальше, чем они”[300]. С момента начала проведения опросов от 70% до 80% опрошенных граждан в целом по ЕС поддерживали курс на объединение Европы.[301] Это означает, что значительная часть населения ЕС считает себя гражданами Европы, а уже потом гражданами своей страны. Опросы, проведенные службой “Евробарометр” в середине 1990-х, выявили, что в среднем по 15 государствам-членам ЕС 45% респондентов высказывались в пользу создания федеративного Европейского Союза, тогда как не соглашались с этой идеей - 15%; только в Дании число противников федерации перевесило число сторонников.[302] Данные факты частично объясняют почему Западная Европа не может разом отменить все достижения и вернуться к началу или даже приостановить процесс интеграции. “Распад единого рынка в ЕС и возвращение к тем или иным формам национально-государственного протекционизма породили бы экономический кризис, намного превосходящий “Великую депрессию” 30-х годов XIX века. Распад ЕС вызвал бы всеобъемлющий кризис - не только экономический, но и политический, социальный, духовный. Это был бы крах идеи, родившейся много столетий назад”[303].

В-третьих, важнейшим достижением является накопленный за полвека опыт межгосударственного взаимодействия часто построенном на тонких компромиссах. Этот опыт уже закреплен в институтах, нормах, и процедурах. “В этом смысле, сделанная с самого начала ставка на правовое и организационное обеспечение интеграционной политики, проводившейся государствами-членами Европейских сообществ и ЕС, полностью оправдала себя”.[304] Принято считать, что интеграция стоит на прочном фундаменте развитой рыночной, капиталистической экономики и сильной демократии, а это, по выражению А.Д. Богатурова, означает, что “[Западная Европа] созрела для преодоления традиционной государственности”[305], что, в частности, привело к осознанию необходимости совершенствования всего комплекса механизмов “регулирования” общества.

Несмотря на большие достижения и положительные аспекты интеграции, к концу минувшего столетия в западноевропейских государствах накопились серьезные внутренние проблемы[306]. С другой стороны, консолидации ЕС будут способствовать в не меньшей степени и внешние факторы: геополитические и экономические. “Только как единое целое он будет в состоянии выдержать конкуренцию на мировом рынке со стороны США, Японии, Китая и целой группы новых индустриальных государств и сможет обеспечить себе безопасность в прилегающих регионах, вести эффективную борьбу против международной преступности, терроризма, наркобизнеса и т.п.”[307] Такой же эффект даст усиление националистических тенденций в российской внешней политике, если таковое произойдет[308]. С другой стороны, до сих пор ЕС не удавалось достичь такой степени единства, которая должна позволит ему справиться с новыми вызовами.

Именно поэтому достижение целей стоящих перед ЕС будет зависеть от того, насколько лидеры ЕС и западное общество будут способны справиться со своими проблемами прибегая к сотрудничеству, а не к “высасыванию” ресурсов из других стран.

Наиболее актуальным вызовом становится процесс расширения, контролировать который стало чрезвычайно трудной задачей для лидеров ЕС, особенно в 90-е годы. Суть проблемы состоит в том, что, по мере расширения, ЕС становится все менее однородным.

В 1952 году лишь Италия заметно уступала другим участникам по уровню экономического развития.[309] В результате четырёх предыдущих расширений (1973, 1981, 1986 и 1995 гг.) членами Сообществ стали Ирландия, Греция, Испания и Португалия, отстававшие от остальных государств-членов гораздо больше, чем когда-то Италия.[310] И хотя ЕС старается нивелировать различия с помощью финансовых вливаний через структурные фонды и Фонд сплочения, бюджет которых составляет более 30% от всего бюджета ЕС[311], по некоторым экономическим и социальным показателям они все ещё очень далеки от более благоприятных стран ЕС. Предстоящее расширение на Восток увеличит эти диспропорции в несколько раз[312]. “Это, по мнению российских исследователей, серьезно осложнит процесс реальной конвергенции, а также крайне обострит проблему взносов и расходования средств из общего бюджета ЕС, создаст почву для усиления напряжённости в отношениях между нетто-вкладчиками и нетто-получателями, а среди последних - между нынешними реципиентами и новичками”[313].

Учитывая данное обстоятельство можно заключить, что ради сохранения функциональной способности объединения, ЕС придется все дальше продвигаться на основе принципа “Европы переменной геометрии”. А это потребует переработки некоторых принципов интеграции и разработки практических механизмов (в том числе и механизма принятия решений), и созыв Конвента по вопросам о будущем ЕС явно не сразу даст желаемые результаты, как это, возможно, требуется. Тем более, существует мнение, что вступление 10 новых членов в 2004 году (Литва, Латвия, Эстония, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Кипр, Мальта) было обусловлено не четким выполнением этими странами критериев конвергенции, а необходимостью успеть к выборам в ЕП в 2005 года[314]. Таким образом, политический интерес опять затмил все экономические обоснования.

Еще одна проблема требует все большего внимания, это неблагоприятная демографическая тенденция, которая грозит Европе быстрым ростом социальных расходов, а при этом доля работающих в общей численности населения постоянно сокращается[315]. Таким образом, почти все нынешние страны ЕС должны провести болезненные и очень непопулярные реформы систем социального обеспечения.

В ближайшие десятилетия ЕС будет и дальше сталкиваться с рецидивами национализма и ксенофобии, правого и левого радикализма. Их питают два источника, внешний и внутренний, соответственно: дальнейший рост иммиграции из третьих стран (Восточной Европы, Турции, Южного Средиземноморья), а также прогрессирующая централизация управления в ЕС и связанная с ней бюрократизация. Рост национализма отдельных стран будет, как и сейчас, сочетаться с оживлением этнического и регионального сепаратизма внутри самих государств.

Постоянно возрастает угроза потери взаимопонимания между руководством ЕС и гражданами. В большей степени этому способствует усложнение институтов обеспечивающих интеграцию и постоянный рост объемов различной информации.[316] Невозможность понять мотивы того или иного шага, даст населению повод для явного или скрытого недовольства руководящими органами Союза, и заставит последних тратить все больше сил на целенаправленное формирование общественного мнения, поскольку именно общественное мнение стало одним из определяющих факторов политической жизни современного общества[317]. Возможно, поэтому основным предложением, которое сделала Комиссия в качестве своего вклада в дебаты по поводу будущего Европы в своём программном документе “Белая книга по европейскому управлению”, было решение только данной проблемы. В частности, улучшить управление, по мнению Комиссии ЕС, может соблюдение следующих принципов: открытость, участие, отчётность, эффективность и последовательность[318], что, по мнению автора, выявило чёткое понимание Комиссией своей роли как “обслуживающего” института, на который государства могут с удовольствием переложить часть своей ответственности за некоторые сложные социально-значимые проблемы, например, управление рыночными механизмами.

Исходя из различного сочетания позитивных и негативных факторов, Ю. Борко и О. Буторина предположили различные сценарии развития европейской интеграции в ближайшие 15-20 лет, выбрав из них пять наиболее характерных: непрерывной ускоренной динамики, положительной динамики с элементами неустойчивости, умеренной и неустойчивой динамики, убывающей динамики с угрозой перехода в стагнацию, полной стагнации и системного кризиса.[319] Сценарий непрерывной ускоренной динамики, по их мнению, в наибольшей мере отвечал бы интересам ЕС[320]. В соответствие со своим названием он характеризуется поступательным и интенсивным продвижением ЕС к тем целям, которые были определены в 1990-е годы[321]. Этот сценарий может состояться при совпадении по крайней мере тринадцати позитивных обстоятельств (факторов), в числе которых: устойчиво благоприятная мировая хозяйственная конъюнктура, выраженная в росте ВВП; хорошие результаты политики реальной конвергенции в ЭВС; реорганизация всего механизма принятия решений и контроля над их исполнением, то есть успешная институциональная реформа; решение задач по уменьшению безработицы и других социальным проблемам; активные действия ЕС как субъекта международных отношений; вступление новых членов.[322]

Как мы можем отметить, даже не полное перечисление факторов, выделенных российскими исследователями, показывает: какое должно быть удачное стечение обстоятельств, чтобы хотя бы часть из них реализовалась именно так, как это требуется для успеха интеграции. Поэтому авторы рассматриваемой нами статьи приходят к выводу, что “траектория развития ЕС в ближайшее десятилетие будет пролегать между сценариями положительной динамики с элементами неустойчивости и умеренно-неустойчивой динамики, с весьма вероятными отклонениями в ту или иную сторону на конкретных временных интервалах”[323]. Такой прогноз предполагает, что, по их мнению, “ЕС в значительной мере справится с поставленными перед собой задачами” (скорее всего политическими методами) и в результате он все более будет превращаться в главный центр притяжения для других государств Европы и активно способствовать общеевропейской консолидации”[324].

Рассмотрим некоторые из наиболее существенных, на наш взгляд, факторов. Самым неопределенным представляется основной, для авторов статьи, фактор - динамика мирохозяйственной конъюнктуры. По их мнению, прогнозы на ближайшие два-три года благоприятны: ежегодный рост глобального ВВП ожидается в пределах 3-4%.[325] Но мировая хозяйственная система никогда не отличалась стабильностью. Нестабильность воспроизводится самой системой капиталистического хозяйствования, где взаимодействие регулирующих и дестабилизирующих факторов не отрегулировано. Кроме этого неравномерно развиваются целые страны и регионы. Теперь к этому прибавился деструктивный эффект стремительных и малоуправляемых перемещений финансового капитала. В том же направлении действует возросшая глобализация хозяйственных связей: экономические и финансовые кризисы, происходящие в каком-либо регионе или крупном национальном хозяйстве, вызывают эффект расходящейся концентрической волны, подобно брошенному в воду камню.

Становление евро в качестве международной валюты, посредством расширения сферы её обращения, можно будет наблюдать в ближайшие годы. Однако и после этого евро ещё ряд лет будет иметь меньшую ликвидность, чем доллар США.[326] Существует сложность и в экономической конвергенции стран ЕС. М. Эмерсон указывает, что в зоне евро возник новый квартет важнейших направлений экономической политики - валютной, бюджетной, социальной и региональной, и “опасность, что этот квартет будет несогласованным, весьма значительна”[327].

Хотя проблема влияния углубления на расширение интеграции отнесена к не очень существенным факторам[328], на наш взгляд данное событие уже во многом определило дальнейшую судьбу ЕС. С одной стороны, курс на расширение должен способствовать укреплению центра интеграционного блока, что, в свою очередь, позволит увеличить

финансовую и иную поддержку странам-кандидатам. Но, с другой стороны, функционирование Экономического и валютного союза требует серьезных расходов, что на данном этапе расширение становится сдерживающим фактором.[329]. В своем исследовании Ю. Борко и О. Буторина полагают, что “в течение всего первого десятилетия XXI века ЕС придётся концентрировать силы на внутренних рубежах интеграции, поэтому выбор между углублением и расширением логичнее было сделать не в пользу последнего[330]. Приём новых членов будет идти гораздо медленнее, чем это видится сейчас, и займет 10-15 лет”. Пример данного прогноза показывает, как политическое решение может “преодолеть” научнообоснованную теорию. Осталось добавить, что предстоящее расширение вполне подтвердит “имперский” образ ЕС и вынудит взаимодействовать с Россией по проблеме периферийных территорий[331].

О следующем факторе - реформе институциональной системы ЕС следует отметить, что она, по мнению российских специалистов, несомненно, будет проведена[332]. “Сомнение возникает лишь в том, насколько она окажется последовательной. Скорее всего, она окажется каким-то новым компромиссом между сторонниками централизации функций управления и контроля на уровне ЕС и их противниками, отстаивающими особые права государства”[333]. С другой стороны, западные специалисты признают, что при достижении консенсуса повышение эффективности всегда оказывается незначительным[334]. Кроме этого, будет сильнее проявляться тенденция к “неопределённой государственности” (fuzzy statehood), в основе которой лежит формирование много-узловой системы управления, распределённой по уровням: локальный, региональный, национальный, европейский (ЕС) и глобальный.[335]

Более высокий уровень безработицы в Западной Европе по сравнению с другими развитыми странами связан не только с экономической конъюнктурой. Оказывают влияние сложная демографическая ситуация и специфика в мотивациях к труду, характерная для европейского населения и концепции “государства благосостояния”. [336] Поэтому снижение уровня безработицы будет происходить, как и прежде, с трудом[337]. Возможно, ЕС сумеет укрепить свои позиции в некоторых отраслях высоких технологий, но явно не сможет преуспеть во всех. В данном случае справедливо мнение, что “интеграция научно-технических потенциалов государств-членов даст позитивные результаты, но коренного изменения баланса сил в данной сфере ожидать не следует”[338].

Наиболее благоприятно выглядят перспективы проведения общей внешней политики и политики безопасности. Поскольку, “не оказывая прямого влияния на динамику экономической интеграции, она способствуют внутренней консолидации ЕС и укреплению его позиций на международной арене”[339]. Сотрудничество в сфере внутренних дел и юстиции будет развиваться несколько медленнее, чем ОВПБ, поскольку требует взаимодействия большого количества чиновников разного уровня и может сильно воздействовать на внутреннюю политику любой страны.

Мы можем отметить, что уже сформированную за пятьдесят лет работы систему функционирования ЕС, которая плотно привязана ко всей системе межгосударственных отношений в Европе, куда входят НАТО, СЕ, ОБСЕ, ЗЕС, ждёт серьёзное испытание на прочность после приёма новых членов. Проверке подвергнется и сама идея “единой Европы”, а также принципы, на которых построен ЕС. И особенно необходимо отметить, что процесс интеграции Западной Европы будет во многом зависеть от внешних факторов – от того, какие новые проблемы возникнут в мире и как они будут решаться. С другой стороны, это не означает, что ЕС самостоятельно не сможет создать развитую систему регулирования, но степень её эффективности вызывает сомнения.

ЕС в ближайшие два десятилетия получит шанс стать близким по силе к США центром современного мира, чему в большей степени способствовало исчезновение социалистического центра. Однако, страны ЕС пока с трудом адаптируются к данной роли, опасаясь потерять большую часть суверенитета. Что касается проблемы

эффективности деятельности институтов ЕС, то наиболее адекватно их можно оценить исходя из задач, которые ставят перед ними страны-участницы. Как нам представляется, основной задачей институтов ЕС является ретрансляция интересов государств-членов на общеевропейский и мировой уровень, и с этой задачей ЕС справляется достаточно эффективно как любая другая бюрократическая структура, хотя в результате своего развития институты начинают проявлять себя как самостоятельные акторы. В то же время ЕС как институциональная структура основной своей задачей видит развитие более эффективного управления в ЕС и участие в глобальном управлении, но по этому вопросу среди основных участников интеграции нет единой позиции, поэтому будущее ЕС представляется как решение этих задач при определенном компромиссе. Далее, активная институционализация ЕС ведёт к выделению (так называемый процесс идентификации) единой Европы от остального мира. Но следует отметить, что совершенно оправданы опасения по поводу того, что этот процесс может завершиться тем, что единая Европа “закроется” от остального мира, чтобы решить свои проблемы. С другой стороны, при наличии политической воли и адекватном понимании процессов общеевропейской интеграции, назревающие проблемы во взаимоотношениях ЕС и России по поводу Калининграда могут превратиться в фактор долгожданного сплочения России и Запада.

10. Председатели

Жак Делор был, при всех своих недостатках, великим Председателем Комиссии. Он в полной мере обладал стратегическим мышлением, хорошо продумывал план своих действий и твердо его держался. Делор прекрасно умел пользоваться властью, добиваться послушания подчиненных, вынуждать даже политических «тяжеловесов» из Европейского Совета к согласию на взаимный компромисс. Однако он прекрасно понимал, что война в Югославии обнаружила военно-политическое бессилие ЕС, что в Союзе нет согласия относительно долгосрочных целей, а единая Европа проигрывает на мировой арене конкурентную борьбу с США и Японией, особенно - в сфере высоких технологий. С предстоящим расширением (на 1995 г. было намечено вступление в Евросоюз Австрии, Швеции, Финляндии и Норвегии) Делор всего лишь смирился, как с чем-то неизбежным. Только Белая книга под названием «Рост, конкурентоспособность, занятость: проблемы и пути вперед в 21 век», подготовленная Комиссией и принятая на саммите Европейского Совета в Брюсселе 10-11 декабря 1993 г., стала последним предметом гордости Председателя.[340] Делор до самого конца своего срока считал, что углубление интеграции все же важнее, чем расширение.

Последний год на своем посту Председатель провел, прежде всего, в заботах об Экономическом и валютном союзе. Экономический спад в единой Европе закончился. 1 января 1994 г. заработало, наконец, Европейское экономическое пространство, одновременно начался второй этап создания ЭВС. Приступил к работе Европейский валютный институт во Франкфурте-на-Майне, предтеча будущего Европейского Центрального Банка. Валюты Франции, Бельгии, Дании, Испании, Португалии вернулись в узкие полосы допустимых колебаний, отведенные им Механизмом валютных курсов. Были и другие позитивные моменты. Испания и Бельгия объявили о присоединении к франко-германскому «Еврокорпусу» (зародышу европейской армии), численность которого к 1995 г. предполагалось довести до 40 тысяч человек. Девять государств, подписавших Шенгенские соглашения, готовились убрать паспортный контроль на разделявших их границах. 1 марта было достигнуто соглашение о вступлении в ЕС Финляндии и Швеции, 2 марта – о присоединении Австрии, а 16 марта – Норвегии. 25 июня 1994 г. со всеми этими странами был подписан договор, дело оставалось за ратификацией. Председатель сыграл-таки свою роль в четвертом расширении: он нашел дополнительные средства, позволившие предоставить шведам существенные скидки на их взносы в бюджет Евросоюза (только первые пять лет), а также договорился с Норвегией и Испанией о квотах на лов рыбы (вместо норвежских вод испанцам были предложены

российские).

Уже с 1993 г. Европейский Совет подыскивал Делору подходящую замену. Всерьез рассматривались кандидатуры двух премьер-министров: бельгийца Жана-Люка Дехаена и голландца Рунда Лубберса, а также вице-председателя Комиссии предыдущего состава Леона Бриттана. Еще до открытия саммита Европейского Совета на острове Корфу 24 июня 1994 г. президент Франции Ф. Миттеран и германский канцлер Х. Коль предложили единого кандидата, Дехаена. Однако эта инициатива натолкнулась на категорическое возражение британского премьер-министра Дж. Мейджора. В ходе последующих обсуждений, проведенных под руководством Коля в качестве председателя Европейского Совета, на пост Председателя был выдвинут Жак Сантер, который с самого начала воспринимался многими как «политически легковесный» кандидат. Бывший премьер-министр Люксембурга, преимущественно католической страны, христианский демократ, Сантер не без труда получил поддержку в Европейском парламенте: 260 голосов «за», 238 – «против» при 23 воздержавшихся. Среди последних оказался и новый председатель Европарламента, немецкий социалист Клаус Хенш.[341]

Сантер вопреки сложившейся традиции ввел в состав своей Комиссии целых 5 женщин (четвертую часть от всех членов, в 1995 г. вследствие расширения в КЕС были включены дополнительно 3 человека). Социалисты получили львиную долю мест в Комиссии – 8, христианские демократы, единомышленники Председателя, – только 5, либералы – 2. Некоторые члены Комиссии вообще не имели ярко выраженной политической ориентации. В результате, такой состав вполне устроил Европарламент: 416 голосов «за», 103 – «против» при 59 воздержавшихся. Преемственность обеспечивалась наличием в новой Комиссии 8 членов, работавших в предыдущем составе. Таким образом, бразды правления перешли в январе 1995 г. к Сантеру и его команде.

Своими приоритетами новый Председатель обозначил дальнейшее расширение на Восток и завершение строительства ЭВС (в июне 1995 г. КЕС опубликовала «Зеленую книгу», посвященную этому вопросу). И если с пятым расширением Евросоюзу пришлось еще подождать, то 1 января 1999 г. Сантеру удалось-таки добиться введения в оборот безналичного евро. Серьезную поддержку Председателю (как своему «протезу») постоянно оказывал германский канцлер Х. Коль. Однако Сантер так и не проявил качеств истинного лидера – ни во время подготовки Амстердамского договора, ни позднее, дабы форсировать расширение ЕС. По сравнению с Делором новый Председатель выглядел просто бледной тенью. Однако и у Сантера были свои, пусть небольшие, заслуги. В частности, в июле 1996 г. на свет появился Европейский пакт доверия в борьбе за занятость, инициатором которого был новый Председатель. Так Сантер попытался восстановить доверие социальных партнеров к экономическим перспективам Европейского Союза. Через несколько месяцев Европейский Совет на своем заседании в Дублине поддержал предложение КЕС и принял резолюцию «Вызов рабочих мест», подчеркнув, однако, что главная ответственность в борьбе с безработицей лежит на правительствах национальных государств.

В 1999 г. Сантер был вынужден признать серьезную коррупцию, царившую в КЕС, а также некомпетентность некоторых комиссаров (по их же словам, не знавших о том, что творилось в подведомственных им службах). Независимые эксперты выявили злоупотребления в области финансирования ОСХП и распределения гуманитарной помощи, а также привлечения разного рода специалистов в качестве консультантов. Острая реакция со стороны Европейского парламента и руководства некоторых стран-членов вызвала большой общественный резонанс.[342] Комиссия в полном составе досрочно ушла со скандалом – «в порядке добровольной коллективной отставки». Мошенничество – это то клеймо, которое осталось на Сантере, хотя он лично не наживался за счет бюджета ЕС, а всего лишь проявил себя негодным управленцем.

На смену христианскому демократу Сантеру пришел умеренно левый политик, но тоже католик, бывший премьер-министр Италии Романо Проди. Первоначально

рассматривались также кандидатуры Фелипе Гонзалеса, бывшего премьер-министра Испании, и Вима Кока, премьер-министра Нидерландов. Председатель КЕС в глазах европейских политиков остался достаточно важной фигурой: ни одно лицо, не достигшее ранга премьер-министра в своей стране, обсуждению не подлежало. Романо Проди окончил Миланский католический университет и Лондонскую школу экономики, работал профессором в Болонском университете, Стэнфорде и Гарварде, с ноября 1978 по март 1979 г. был министром промышленности Италии, затем возглавил Институт промышленной реконструкции (самый крупный в стране государственный конгломерат, объединяющий множество предприятий). В мае 1996 г. Проди возглавил правительство Италии и решающим образом способствовал введению в стране новой валюты - евро. Он проявил себя как спокойный человек с хорошими связями как в левоцентристских, так и в католических кругах.

Первой задачей Проди на посту Председателя стало возрождение доверия к Комиссии. Он решил изменить не только отдельные административные процедуры, но и сам стиль работы КЕС, настаивая на «денационализации» и жестком контроле. Нил Киннок, британец, отвечавший в Комиссии Сантера за проблемы транспорта, стал вице-председателем и правой рукой Проди. Именно на него была возложена задача реформирования КЕС. В марте 2000 г. Киннок разработал свою стратегию – в очередной Белой книге утверждались три приоритета: долговременное планирование; финансовый менеджмент и контроль; новая политика в отношении персонала. Затем появилась вторая часть плана, оформленная в виде отдельного документа. Здесь предлагался уже детализированный план конкретных действий. Киннок взял за основу британскую (и, частично, скандинавскую) модель администрирования, которая во многом противоречила ставшей для Комиссии традиционной французской.[343]

Проди успешно решил еще две задачи. При нем были введены в обращение наличные евро, а Евросоюз принял в свой состав сразу 10 новых государств. В мае 2004 г., комментируя состоявшееся пятое расширение, Проди заявил, что исключает возможность принятия в Европейский Союз стран СНГ (России, Украины, Беларуси, Молдовы). Однако соседям ЕС в рамках доктрины «круга друзей» было предложено разделить с Евросоюзом все, за исключением его институтов. В частности, еще в мае 2001 г. Председатель выдвинул идею создания общего европейского экономического пространства, включающего Россию. Он искренне полагал, что после присоединения Румынии, Болгарии, Турции и Хорватии ЕС следует продвигаться лишь в направлении Западных Балкан с перспективой приема Сербии и Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии и Албании. При Проди был подписан Ниццкий договор, разработан и подписан Договор, учреждающий Конституцию для Европы. Главным же достижением его председательства следует, вероятно, считать укрепление авторитета КЕС в институтах Евросоюза и в глазах широкой общественности.

29 июня 2004 г. на внеочередном саммите Европейского Совета в Брюсселе была утверждена кандидатура Жозе Мануэла Дуран Баррозу, внесенная премьер-министром Ирландии Берти Ахерном, в качестве преемника Романо Проди. Христианский демократ, премьер-министр Португалии (конечно же, католик) Баррозу оказался самой подходящей кандидатурой не только для лидеров ЕС, но и для США, ибо в свое время он открыто поддержал военную операцию в Ираке. Интересно отметить, что Баррозу не всегда был правым политиком. В юности он пережил увлечение троцкизмом и маоизмом. Однако уже в декабре 1980 г. Баррозу вступил в правоцентристскую Социал-демократическую партию (название которой только сбивает с толку непосвященных). Защитив в Женевском университете диссертацию (Ph.D.), он в 1985 г. прервал научную карьеру и стал помощником министра внутренних дел Португалии. В 1987 г. перешел в МИД, где руководил секретариатом по международным делам и сотрудничеству. В 2001 г. уехал в США, где читал лекции в Джорджтаунском университете. На следующий год Баррозу вернулся, встал во главе СДП и привел ее к победе на досрочных парламентских выборах.

В качестве премьер-министра он «прославился» жесткой программой сокращения социальных пособий и бюджетного дефицита (в соответствии с европейским Пактом стабильности и роста). Зато Португалия по приросту валового продукта вышла на первое место в Евросоюзе.

В августе 2004 г., когда почти все сотрудники Комиссии по традиции были в отпуске, Баррозу в рекордные сроки сформировал свою команду. Главным новшеством стало появление своего рода «первого заместителя Председателя» (хотя формально такой должности нет). Этим вторым человеком в иерархии стала шведка Маргот Вальстрем, отвечавшая в Комиссии Проди за охрану окружающей среды. В новом составе ей поручены диалог между европейскими институтами и связи с общественностью. Именно Вальстрем заменяет Председателя во время его отсутствия. Еще один ветеран Комиссии, немец Гюнтер Ферхойген, занимавшийся ранее расширением ЕС (как известно, весьма успешно), у Баррозу стал заместителем Председателя, ответственным за предприятия и промышленность.[344] Оказалось, что Баррозу несколько поторопился и включил в состав КЕС несколько «непроходных» для Европарламента фигур. Особое возражение вызвала персона итальянца Рокко Буттильоне, назначенного на должность заместителя Председателя, ответственного за юстицию, защиту свободы и безопасность. Близкий друг премьер-министра Италии Сильвио Берлускони, Буттильоне был хорошо известен резкими высказываниями в адрес гомосексуалистов, за что и поплатился. Видимо, в современном Европарламенте уже нельзя (из соображений политкорректности) называть вещи своими именами, в частности – именовать гомосексуализм «грехом». По согласованию с итальянским правительством пост, на который претендовал Буттильоне, был передан главе МИД Италии Франко Фраттини. Еще одну замену пришлось сделать по согласованию с правительством Латвии – Ингрида Удре была обвинена в «некомпетентности». Пока в Комиссии насчитывается 27 членов – по одному от каждой страны.

22-го, а не 1-го (как планировалось) ноября 2004 г. новая КЕС все же приступила к работе. Баррозу определил главные направления своей деятельности так: экономическое развитие и проведение необходимых реформ. Он, видимо, будет (как и Проди) стремиться превратить ЕС к 2010 г. в «наиболее конкурентоспособную зону мира». Но Баррозу, в отличие от своего предшественника, не возражает категорично против расширения Евросоюза дальше на Восток, имея в виду европейские страны СНГ (прежде всего, Украину). Уже проделана предварительная работа, необходимая для построения реально действующего общего европейского экономического пространства. Однако нового Председателя ожидают многочисленные трудности: уже налицо кризис, связанный с провалом референдумов по Конституции во Франции и Нидерландах, никак не закончатся бюджетные баталии, а скандалы следуют один за другим. К примеру, французу Жаку Барро, члену Комиссии, ответственному за транспорт, припомнили судимость за финансовые махинации. Интересно отметить, что Барро спокойно проработал весь срок в Комиссии Проди, занимаясь там вопросами регионального развития. Давать окончательную оценку деятельности Баррозу на посту Председателя КЕС пора, безусловно, рано. Но ясно вполне, что спокойного и уверенного движения вперед не предвидится.

11. Бюджет

Бюджетные баталии – привычное явление в Европейском Союзе. Страны-члены, особенно богатые, стремятся сдержать рост бюджета ЕС, в то время как Европарламент постоянно настаивает на его увеличении. Главная проблема заключается в том, что европейский бюджет недопустимо мал – он составляет примерно 1,2-1,3% суммарного ВВП стран-членов. В то же время в ФРГ доля средств, перераспределяемых через федеральный бюджет (без учета трансфертов), составляла в 90-е годы XX века 66,1%, а в Австрии – целых 72,9%.[345] Некоторые экономисты даже называют европейский бюджет

фикцией, и к этому есть определенные основания. Основными источниками доходной части бюджета ЕС являются: 1) сборы, связанные с импортом сельскохозяйственной продукции, а также с производством и хранением сахара и глюкозосодержащих продуктов; 2) таможенные сборы; 3) 1% НДС; 4) так называемый «четвертый ресурс», исчисляемый пропорционально ВВП стран-членов и используемый для «сбалансирования бюджета». Имеются и некоторые другие поступления.

Перераспределение денежных средств через бюджет ЕС ставит страны-члены в положение чистых доноров и чистых реципиентов. Больше всего вносят в европейский бюджет ФРГ, Нидерланды, Швеция, Австрия и Великобритания. Франция и Италия несут гораздо более легкое бремя. А вот Люксембург, несмотря на свое экономическое процветание, умудряется постоянно серьезно обогащаться за счет ЕС. То, что финансовое бремя далеко не всегда отвечает реальному соотношению экономического потенциала и реальных потребностей, обычно вызывает бурю эмоций в Европейском парламенте.

Расходная часть бюджета ЕС включает следующие основные статьи: 1) общая сельскохозяйственная политика (ОСХП); 2) структурные фонды; 3) научные исследования; 4) внешняя политика; 5) административные расходы. Разумеется, постоянно появляются и другие расходы, в том числе – непредвиденные. Все расходы делятся на обязательные, определяемые Советом и не подлежащие сокращению при утверждении бюджета в Европейском парламенте (прежде всего, ОСХП), и необязательные (практически все остальные). В 1992 г. ОСХП финансировалась в объеме 61,3% всего бюджета ЕС, в 1999 г. расходы на нее сократились до 45,7%. На проведение региональной политики было выделено соответственно 14,5% и 35,7% бюджета ЕС. Как мы видим, в 90-е годы XX в. наблюдался рост расходов структурных фондов в ущерб ОСХП. Эта тенденция действует и сейчас. На сохранении солидного финансирования ОСХП традиционно настаивает Франция, за дальнейший рост расходов на проведение региональной политики выступают беднейшие страны Евросоюза.

Делор ввел в 1988 г. так называемые «финансовые перспективы» на несколько лет вперед. В настоящее время еще действует третий документ такого рода, рассчитанный на 2000-2006 гг., [346] и ведутся жаркие баталии вокруг четвертого соглашения (на 2007-2013 гг.). В июне 2005 г. Европейский парламент запросил 975 млрд. евро, но на саммите Европейского Совета в декабре того же года с большим трудом удалось согласовать лишь 862 млрд. Великобритания, председательствовавшая в ЕС во второй половине 2005 г., отказалась пойти на более существенные уступки и потребовала очередного сокращения расходов на ОСХП. Предлагаемый обмен «британского чека» (то есть финансовых послаблений Великобритании) на радикальный пересмотр ОСХП не нашел, разумеется, поддержки во Франции. Государствам-новичкам даже пришлось выступить со своей инициативой – они отказывались от части предполагаемой помощи, распределяемой через структурные фонды. Но хрупкое соглашение было достигнуто напрасно – в начале 2006 г. Европарламент отказался утвердить представленный ему сокращенный вариант бюджета. Австрийский канцлер Вольфганг Шюссель (Австрия председательствует в ЕС в первой половине 2006 г.), Председатель КЕС Ж.М. Дуран Баррозу и Председатель Европейского парламента Хосеп Боррель приступили к напряженным переговорам, которые весной 2006 г. дали, наконец, долгожданный результат.

12.Евро

Создание Европейского Союза означало неизбежное углубление реальной экономической и валютной интеграции стран-членов (определенные послабления были предусмотрены только для Великобритании и Дании). Однако в 1992-1993 гг. ЕВС переживала тяжелейший кризис. Были девальвированы итальянская лира, испанская песета, португальский эскудо и ирландский фунт. Италия и Великобритания вышли из механизма регулирования обменных курсов. Чтобы в этих условиях ЕВС могла выжить, со 2 августа 1993 г. допустимые пределы колебаний были расширены до 15%. Однако

затем Франция, Италия, Дания, Ирландия и страны Бенилюкса добились довольно устойчивых курсов своих валют и уровня инфляции, приближающегося к западногерманскому. Они вынуждены были подчинить свою внутреннюю экономическую политику внешней дисциплине Механизма валютных курсов, где господствовала немецкая марка. Когда Бундесбанк изменял свои процентные ставки, прочим обычно оставалось только следовать его примеру.

В июне 1995 г. Комиссия ЕС опубликовала «Зеленую книгу» о практических мерах по введению единой европейской валюты под названием «Одна валюта для Европы», где ставились следующие задачи: «во-первых, из всех возможных сценариев перехода выбрать один, устранив тем самым неопределенность и сократив издержки переходного периода; во-вторых, определить конкретные задачи всех участников процесса, вплоть до технических деталей; в-третьих, выработать основные направления кампании по широкому разъяснению проекта и завоеванию поддержки со стороны общественного мнения, без которой переход к ЭВС был бы невозможен».[347] В «Зеленой книге» отмечалось с сожалением, что около трети жителей стран ЕС никогда не слышали ни об ЭКЮ, ни об ЭВС.

15-16 декабря 1995 г. Европейский совет на своем заседании в Мадриде утвердил разработанный Комиссией сценарий и принял решение о том, что единая европейская валюта будет называться не ЭКЮ, а евро. Положительным оказалось то, что предложения Комиссии не требовали внесения каких-либо изменений в текст Маастрихтского договора. Посему вопрос об ЭВС не стоял в повестке дня ни МПК, предшествующей амстердамскому саммиту, ни в самом Амстердаме, ни даже позднее – в Ницце. Известный исследователь В.Г. Шемятенков полагает, что не поднимать вопрос об ЭВС в Амстердаме – это лучшее, что можно было сделать в данных условиях.[348]

12 октября 1996 г. к ЕВС примкнула марка Финляндии. 24 ноября того же года, после четырехлетнего перерыва, в систему вернулась итальянская лира. А 17 июня 1997 г. был принят Регламент Совета ЕС № 1103/97 о некоторых положениях, касающихся введения евро.[349] В документе, в частности, появляется термин «цент», а ссылки в юридических документах на экю заменяются ссылками на евро по курсу один евро к одному экю.

16 марта 1998 г. участие в ЕВС возобновила греческая драхма, и на 3% был ревальвирован ирландский фунт, чтобы приблизить его курс к рыночному. Таким образом, в 1998 г. ЕВС впервые с момента образования объединяла 13 валют стран – членов ЕС (за ее рамками остались лишь британский фунт и шведская крона). 25 марта Европейский валютный институт и Европейская комиссия представили Совету ЕС доклады о результатах процесса конвергенции. 2 мая того же года сессия Европейского совета в Брюсселе приняла окончательное решение о составе первой группы участников валютного союза: Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Италия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия и Франция. По критериям конвергенции в первую волну могли попасть также Великобритания и Швеция. Но их правительства, учитывая общественное мнение и результаты опросов (неизменно показывавшие преобладание противников евро) не определили для себя точные сроки перехода на единую европейскую валюту. Открытым остался и вопрос об участии в ЭВС Дании.

Регламент Совета ЕС №974/98 от 3 мая 1998 г. о введении евро жестко зафиксировал двусторонние обменные курсы национальных валют стран – участниц ЭВС по отношению друг к другу.[350] 1 июня 1998 г. Европейский валютный институт был преобразован в Европейский Центральный Банк (ЕЦБ). После долгих и сложных согласований его первым президентом был назначен Вим Дуйзенберг. 31 декабря 1998 г. был принят Регламент Совета ЕС №2866/98 об обменных курсах между евро и валютами государств-членов, которые вводят евро.[351]

1 января 1999 г. начался третий этап строительства ЭВС: 11 стран - участниц перешли к использованию евро, пока еще в безналичной форме. Единая европейская валюта стала использоваться для проведения единой валютной политики ЕС, размещения

новых выпусков государственных ценных бумаг, обслуживания банковских операций и безналичных платежей. Любое физическое и юридическое лицо получило право по своему выбору проводить безналичные операции в евро или в национальной валюте. С 1 января 1999 г. функции валютного регулирования перешли от центральных банков стран – членов ЭВС к ЕЦБ. Европейская система центральных банков (ЕСЦБ) стала отвечать за проведение внешней валютной политики, следить за циркуляцией евро на международных валютных рынках и в случае необходимости проводить валютные интервенции на иностранных рынках.

Высший орган ЕЦБ – Совет управляющих – состоит из шести членов Дирекции Банка и всех управляющих центральными банками стран «зоны евро». Президент ЕЦБ является председателем данного Совета, главная задача которого – определение денежно-кредитной политики. Дирекция ЕЦБ состоит из президента, вице-президента и четырех других членов. Все они назначаются единогласным решением глав государств и правительств «зоны евро» по рекомендации Совета Союза и после консультации с Европейским парламентом и Советом управляющих ЕЦБ. Их мандат составляет 8 лет без права продления или повторного назначения. На Дирекцию возложена задача практического проведения в жизнь денежно-кредитной политики, утвержденной Советом управляющих. Важно отметить, что у Дирекции есть право давать инструкции национальным центральным банкам стран «зоны евро».

Далеко не все шло гладко даже и на третьем этапе. 28 сентября 2000 г. на референдуме в Дании большинство (53,1%) высказалось против отказа от национальной валюты – несмотря на то, что датское правительство во главе с Полем Расмуссеном настойчиво выступало за введение евро. Зато Греция, которая не смогла вовремя выполнить все критерии конвергенции, все же 1 января 2001 г. смогла присоединиться к ЭВС. Из-за того, что в «зону евро» вошли не все страны-члены ЕС, ЕЦБ нужен особый консультативный орган – Общий совет. В него входят помимо президента и вице-президента ЕЦБ руководители центральных банков всех стран-членов Евросоюза. Данный Общий совет осуществляет координацию деятельности банковских учреждений в рамках ЕС в целом и проводит подготовку к расширению «зоны евро». Интересно отметить, что сотрудники ЕЦБ могут набираться не только из числа граждан стран «зоны евро», но и других государств-членов Евросоюза.

Наконец, 1 января 2002 г. в обращение поступили наличные евро: банкноты и монеты. К 30 июня того же года национальные денежные знаки были выведены из оборота стран – участниц ЭВС и единственным законным платежным средством остались евро. Однако за пределами валютного союза оказались Великобритания, Швеция и Дания. Кроме того, в результате очередного – самого масштабного – расширения ЕС число стран «еврозоны» (12, не считая Монако, Сан-Марино, Ватикан и Черногорию, которые не являются членами Европейского Союза, но используют евро) стало даже меньшим, чем число стран, где функционируют только национальные валюты.[352] Вскоре государств-членов ЕС, не перешедших на евро, станет 15 - с Болгарией и Румынией. Таким образом, предстоит долгий и трудный переход стран – новичков от своих национальных валют к евро.

Создание ЭВС, как мы видим, стало закономерным итогом экономической и валютной интеграции стран-членов Евросоюза. Решающую роль в этом процессе сыграла инициатива Ж. Делора, направленная на преобразование действовавшей в то время Европейской валютной системы в реальный валютный союз. Следует также отметить, что именно немецкая марка придала значительную устойчивость новой валюте – евро (демонстрировавшей довольно долго завидную динамику по отношению к доллару США и российскому рублю).

Главным принципом деятельности Европейского центрального банка является его полная независимость – как от национальных правительств стран-членов ЭВС, так и от наднациональных органов Евросоюза. ЕЦБ имеет свой собственный бюджет, не

являющийся частью бюджета Сообщества. Капитал ЕЦБ состоит из взносов национальных центральных банков, которые исчисляются в зависимости от численности населения и величины валового внутреннего продукта стран-участниц (при этом Сообщества не участвуют в формировании данного капитала). Председатель Совета Союза и член Комиссии, отвечающий за экономические и финансовые вопросы, могут принимать участие в заседаниях Совета управляющих и Общего совета ЕЦБ, но не имеют права голоса.[353]

Таким образом, ЕЦБ стал еще одним, причем довольно важным и независимым, «центром власти» в системе органов ЕС. К сожалению, в «зону евро» входят только 12 стран-членов из 25 (по состоянию на начало 2006 г.). Кроме Великобритании и Дании, оговоривших свое особое положение еще при подписании Маастрихтского договора, на евро не перешли Швеция и все десять «новобранцев» Евросоюза. Созидание ЭВС завершено – начинается длительный процесс расширения Экономического и валютного союза. Евро постепенно завоевывает все более прочные позиции на мировом рынке, успешно конкурируя с долларом США. Так называемый «эффект евро» способствует поддержанию европейской идентичности и, тем самым, дальнейшему углублению европейских интеграционных процессов - уже не только экономических, но и политических.

13. Армия

Еще в 1991 г. ФРГ, Франция, Испания, Бельгия и Люксембург образовали объединенные бригады с единым командованием в Страсбурге и называли их «Еврокорпус». Бригады должны были осуществлять операции под эгидой Евросоюза. Однако далеко не все страны ЕС приняли данную инициативу на «ура» - особую обеспокоенность проявили Великобритания, Италия и Нидерланды. Они вовсе не желали вывода американских войск из Европы, распада НАТО, а в ближайшей перспективе – дорогостоящего дублирования функций Атлантического альянса в регионе. Кроме того, правовая основа деятельности Еврокорпуса была заложена уже после его создания. Как мы уже знаем, Маастрихтский договор дополнил Европейское Сообщество так называемой «второй опорой» - Общей внешней политикой и политикой безопасности (ОВПБ).

Сразу после Маастрихта Западноевропейский союз (ЗЕС) заявил о своей готовности разрабатывать и осуществлять по просьбе ЕС меры оборонной политики. 19 июня 1992 г. Советом министров ЗЕС была принята Петерсбергская декларация, обозначившая задачи, для решения которых предполагалось использовать военный потенциал ЗЕС: 1) гуманитарные миссии, или миссии по эвакуации граждан ЕС; 2) миссии по поддержанию мира; 3) силовые операции по управлению кризисами, включая операции по восстановлению мира.[354] Имелись в виду военные действия в миротворческих целях, прежде всего, на территории Европы. Для подготовки подобных акций было решено создать кадровое военное подразделение. Чтобы подчеркнуть, что Западноевропейский союз стал работающей организацией, его секретариат переехал в Брюссель, поближе к КЕС и штаб-квартире НАТО. Важно отметить, что Маастрихтский договор определял ЗЕС как «оборонительный компонент ЕС и европейскую опору НАТО», то есть признавал его двойственную природу. Как бы там ни было, вплоть до подписания Амстердамского договора ЕС так и не воспользовался своим правом обращаться к ЗЕС. Реализация ОВПБ на данном этапе подкреплялась дальнейшим формированием Еврокорпуса (численностью до 50 тыс. чел.) и созданием сухопутного («Еврофор») и морского («Евромарфор») многонациональных соединений.

Амстердамский договор, подписанный в 1997 г. и вступивший в силу в 1999 г., отразил дальнейшую эволюцию ОВПБ. Была введена должность Высокого представителя по ОВПБ (на которую по решению Кельнского саммита Европейского Совета в июне 1999 г. был утвержден бывший генеральный секретарь НАТО Х. Солана Мадариага).

Появилось особое Подразделение планирования политики и раннего предупреждения, подчиненное непосредственно данному Высокому представителю. Ст. 14 Договора наделила ЕС полномочиями «определять принципы и основные направления общей внешней политики и политики безопасности, в том числе по вопросам, имеющим оборонное значение». Ст. 17 обеспечивала доступ ЕС к использованию потенциала ЗЕС (прежде всего, для решения «петерсбергских задач», то есть для проведения миротворческих операций). Амстердамский договор предусматривал возможность интеграции ЗЕС в ЕС, если Европейский Совет примет такое решение. За Европейским Советом также закреплялось право разрабатывать «общие стратегии» ЕС.[355]

Саммит Европейского Совета, состоявшийся в Хельсинки 10-11 декабря 1999 г., принял решение проводить Общую европейскую политику по безопасности и обороне (ОЕПБО) в поддержку ОВПБ, а также создать к марту 2000 г. новые органы при Совете ЕС: 1) Комитет по политике безопасности (действующий в Брюсселе на постоянной основе и состоящий из старших должностных лиц или послов стран-членов ЕС); 2) Военный комитет (руководствующийся в своей деятельности указаниями Комитета по политике безопасности); 3) Военный штаб (занимающийся оперативными вопросами под началом Военного комитета). Основными направлениями ОЕПБО были названы: невоенное управление кризисами; обеспечение самостоятельной способности ЕС проводить военные операции по реагированию на кризисы в соответствии с «петерсбергскими задачами» (в том случае, если НАТО не будет вовлечено в их разрешение). Западноевропейский союз должен был постепенно интегрироваться в структуры ЕС, а Евросоюз – получить полностью укомплектованную и боеспособную собственную армию.

В 2002 г. в ЕС было одобрено 8 так называемых «совместных действий» в отношении Западных Балкан, а также выработаны «общие позиции» и предприняты «совместные действия» по другим важным вопросам мировой политики (положение в Африке, Ираке, Палестине, на Кавказе и пр.). Страны-члены ЕС выделили в Еврокорпус следующее количество военнослужащих: ФРГ – 13 500, Великобритания – 12 500, Франция – 12 тыс., Италия и Испания – по 6 тыс., Нидерланды – 5 тыс., Греция – 3 тыс., Финляндия и Швеция – по 2 тыс., Бельгия, Португалия и Ирландия – по 1 тыс., Люксембург – 500 чел. Всего же предусматривалось выделение к 2003 г. в непосредственное подчинение Евросоюзу ок. 100 тыс. чел., 400 боевых самолетов и 100 кораблей.[356] 18 марта 2003 г. Совет ЕС принял решение о проведении миротворческой операции в Македонии («Коркордия») - и 31 марта управление этой операцией перешло от НАТО к Евросоюзу. Силы ЕС были развернуты практически на всей территории Македонии.

29 апреля 2003 г. в Брюсселе состоялся четырехсторонний саммит по вопросам обороны, на котором руководство Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга приняло решение создать европейские силы быстрого реагирования на основе уже существовавшего германо-французского подразделения. Отличие новой структуры заключалось в полной интеграции, то есть предполагалось создавать действительно единые вооруженные силы в рамках ЕС. Постоянный орган с международным персоналом был призван координировать данные объединенные силы, включающие не только армию, но также флот и ВВС. Планировалось также появление общеевропейского подразделения стратегического воздушного транспорта, объединенных сил ПВО, центров обучения личного состава. Однако большая часть идей Брюссельского саммита не была оформлена в виде официальных документов и осталась лишь в виде плана на будущее. Кроме того, инициатива четырех государств не могла подменить собой солидарное решение всех стран-членов ЕС. Строительство европейской армии все еще идет очень медленно и вяло, осложняясь постоянным «выяснением отношений» с НАТО и другими международными организациями, такими как ООН, ОБСЕ, Совет Европы.

14.Право

Европейское право в конце 90-х годов XX в. – начале третьего тысячелетия также существенно изменилось. Созыв новой межправительственной конференции для внесения изменений и дополнений в Договор о создании Союза был предусмотрен еще при подписании Маастрихтского договора. В 1996 г. данное предписание было исполнено – Италия как страна-председатель направила в Совет свои предложения об изменении учредительных договоров. Одновременно она запросила Европарламент и Совет о предоставлении новых предложений о том, как проводить межправительственную конференцию. Комиссия ЕС предоставила государствам-членам свой доклад «Об усилении Политического союза и подготовке к расширению», где перед Европейским Союзом выдвигались цели: быть ближе к гражданам; активно проявлять себя во всем мире; адаптировать свою институционную систему так, чтобы она успешно функционировала после увеличения состава Союза. КЕС рекомендовала предстоящей конференции найти новые пути продвижения модели социального развития, принятой Союзом, выработать европейскую концепцию безопасности и обороны, а также реформировать институты сообразно новым потребностям и перейти, в частности, к принятию решений большинством голосов.[357]

МПК открылась 29 марта 1996 г. в Турине - ей поручили разработать текст нового учредительного акта с тем, чтобы усовершенствовать структуру Европейского Союза и решить все оставшиеся спорные проблемы. Открыли конференцию главы государств и правительств, однако основная работа выпала на долю министров иностранных дел, других высших правительственных чиновников, а также их заместителей и советников. Особенно трудной и важной задачей оказалась реформа институтов ЕС в связи с предстоящим существенным расширением его состава. В частности, на конференции так и не удалось договориться о радикальной реформе Комиссии и Совета. Стороны согласились лишь, что не позднее, чем за год до намеченного полномасштабного расширения на Восток, будет созвана новая МПК (в противном случае пришлось бы отсрочить прием новых членов в состав Союза). Не все страны-члены были согласны и с инкорпорацией Шенгенских соглашений в текст нового договора. В результате Великобритания, Ирландия и Дания оговорили в специальных документах, приложенных к основному тексту, свою особую позицию. И все же на сессии Европейского совета, состоявшейся в июне 1997 г. в Амстердаме, проект нового Договора был, в целом, одобрен. Потребовалось немного времени для тщательного редактирования, и вскоре документ был готов к подписанию, которое состоялось 2 октября все там же, в Амстердаме. Процесс ратификации прошел успешно во всех странах-членах ЕС (которых к этому времени стало уже 15).[358]

Амстердамский договор вступил в силу 1 мая 1999 г. В Преамбулу (и основной текст) были внесены положения о создании в рамках Союза «пространства свободы, безопасности и законности». Решения, принимаемые институтами ЕС, отныне должны были отличаться большей открытостью и близостью к нуждам и потребностям граждан стран-членов. Устанавливалось и особое «гражданство Союза». Деятельность Комиссии по петициям и уполномоченного по правам человека были прописаны в документе более детально. Предусматривалась возможность применения санкций по отношению к государству-члену, допустившему «грубое и длительное» нарушение основных прав и свобод (например, лишение права голоса в Совете). Расширялась сфера применения права Сообществ и юрисдикция Суда ЕС. В частности, Суд получил право (при определенных условиях) давать заключение о действительности и толковать решения, принятые в рамках «третьей опоры».

Шенгенские договоренности были прямо включены в правопорядок ЕС. В отдельном протоколе (приложении) четко определялось само понятие «Шенгенские соглашения»: 1) Соглашение о постепенной отмене контроля на общих границах, подписанное в Шенгене 14 июля 1985 г. между странами Бенилюкса, ФРГ и Францией; 2) Конвенция, подписанная

в Шенгене 19 июля 1990 г. между теми же странами о применении Соглашения и постепенной отмене контроля на их общих границах с 14 июля 1995 г. (с приложенным заключительным актом и совместными декларациями); 3) протоколы о присоединении и соглашения, относящиеся к Соглашению 1985 г. и Конвенции 1990 г. и подписанные Италией (Париж, 27 ноября 1990 г.), Испанией и Португалией (Бонн, 25 июня 1991 г.), Грецией (Мадрид, 6 ноября 1992 г.), Австрией (Брюссель, 28 апреля 1995 г.), Данией, Финляндией и Швецией (Люксембург, 19 декабря 1996 г.), с соответствующими заключительными актами и декларациями; 4) решения и декларации, принятые Исполнительным комитетом, учрежденным в соответствии с Конвенцией 1990 г., а также акты, принятые в целях применения Конвенции органами, которые наделены соответствующей компетенцией Исполнительным комитетом. Согласно Амстердамскому договору, особый механизм, созданный странами-членами Шенгена, был упразднен, а функции Исполнительного комитета перешли к Совету. Протокол подтвердил участие в Шенгенской зоне двух стран, не являвшихся членами ЕС – Исландии и Норвегии.

Одновременно появился механизм реализации концепции «продвинутого сотрудничества»: отдельные государства получили возможность с целью углубления интеграции вводить в отношениях между собой особые постановления, в то время как другие страны-члены ЕС могли оставаться «вне игры». Таким образом, фактически признавалась правомерность существования «Европы разных скоростей» (или «Европы переменной геометрии»). В частности, Великобритания и Ирландия остались за пределами Шенгенской зоны.

Амстердамский договор несколько расширил участие Комиссии в осуществлении конкретных внешнеполитических решений, а также изменил функции и полномочия Генерального секретаря Совета. Предусматривалось создание Политического комитета, объединяющего руководителей политических департаментов министерств (и ведомств) иностранных дел стран-членов. Права Европейского парламента несколько расширились. Одновременно устанавливалось максимальное количество депутатских мест, которое после расширения не должно превышать 700. Была разработана конкретная программа развития сотрудничества государств-членов в рамках Европола. Однако договор не внес ясности в вопрос о самой природе Европейского Союза, который так и не получил статус юридического лица. Не были до конца прояснены и отношения ЕС с Западноевропейским союзом. Подготовка к расширению ЕС на Восток подталкивала полномасштабную институциональную реформу. Таким образом, уже в мае 1999 г., когда Амстердамский договор вступил в силу, его текст мало кого устраивал, и необходимость новой межправительственной конференции была очевидна.

Сессия Европейского Совета в Кельне, состоявшаяся 3-4 июня 1999 г., определила следующую повестку дня для будущей МПК: состав Комиссии; соотношение голосов в Совете; возможное расширение круга вопросов, решения по которым принимается квалифицированным большинством голосов. Интересно отметить, что главы государств и правительств стран-членов сами поддерживали введение двойного большинства лишь для решений, принимаемых в Совете квалифицированным большинством. Тем самым они выступали за новое соотношение голосов в своем же органе власти.

14 февраля 2000 г. открылась МПК, специально посвященная реформе институтов Европейского Союза. За ход переговоров отвечали министры, заседавшие в Совете «Общих дел». Подготовительную работу вели представители правительств и Мишель Барнье, делегированный от Комиссии ЕС. От Европейского парламента присутствовали два наблюдателя: Элмар Брок (ЕНП) и Димитриос Тсатсос (ЕСП). На сессии Европейского Совета в Санта-Мария-да-Фейра, состоявшейся 19-20 июня 2000 г., руководство Португалии, страны-председателя в ЕС, высказало МПК свои пожелания. Состав Комиссии мог быть определен двумя способами: либо один представитель от каждого государства-члена, либо в соответствии со строгой численностью комиссаров (независимо от количества государств). По мнению португальской стороны, следовало

усилить полномочия председателя КЕС (Президента), а также создать посты вице-президентов и, возможно, «комиссаров без портфеля». Комиссия должна иметь возможность ставить вопрос о доверии перед Парламентом. Следовало подумать также об индивидуальной ответственности членов Комиссии и о разработке механизма их отставки.

Серьезные споры на саммите, как и на конференции, вызвал вопрос о соотношении голосов в институтах ЕС. В частности, представители Франции никак не хотели согласовывать количество голосов с численностью населения ФРГ, хотя шли на подобные уступки Нидерландам и Испании. МПК разделила все положения договора на две категории. В первую вошли те статьи, для которых возможен переход (при голосовании) к квалифицированному большинству. Во второй (где такой переход был исключен) оказались положения фискального и социального характера, а также вопросы внешней экономической политики и охраны окружающей среды - здесь необходима была новая редакция текста. Представители Великобритании резко возражали против процедуры голосования квалифицированным большинством по вопросам налогообложения и социальной политики – и сумели настоять на своем. Широкая дискуссия развернулась также вокруг ст. 308 Договора о Европейском сообществе (принятие актов относительно полномочий Европейского сообщества, не имеющих специфической юридической базы).

Параллельно велись переговоры относительно Хартии ЕС об основных правах. Под руководством Романа Херцога, бывшего президента ФРГ, работала группа из 15 представителей глав государств и правительств, 16 членов Европарламента и 30 членов национальных парламентов. Здесь обсуждались такие вопросы, как защита человеческого достоинства, прав и свобод личности; равенство людей и запрет на дискриминацию; условия труда, защита здоровья и окружающей среды; социальная безопасность; правовая, консульская и дипломатическая защита. На чрезвычайной сессии Европейского Совета в Биарице 13-14 октября 2000 г. было подписано соглашение по проекту Хартии. Определение ее юридического характера было перенесено на следующий саммит.

7-9 декабря 2000 г. на очередном заседании Европейского Совета в Ницце было подписано политическое соглашение о новом договоре. После необходимой редакторской правки и шлифовки 26 февраля 2001 г. там же, в Ницце, договор был подписан. Наконец-то устанавливались численность и состав институтов ЕС после завершения очередного расширения, распределение голосов в Совете, а также порядок применения принципа квалифицированного большинства. Было решено, в частности, что блокирующее меньшинство в Совете может быть представлено либо 91 голосом, либо 38% населения стран-членов.[359]

7 июня 2001 г. в Ирландии Ниццкий договор был отвергнут на референдуме. Как следствие, ратификация неожиданно затянулась. Повторное голосование в Ирландии 19 октября 2002 г. дало положительный результат. Договор вступил в силу только в начале 2003 г., когда совершенно очевидными стали недостатки и этого документа. Ниццкий договор определил лишь основные контуры так необходимой Союзу институциональной реформы.

Еще на сессии Европейского Совета в Лаакене 14-15 декабря 2001 г. было принято решение созвать Конвент для обсуждения будущего Европы. Президентом Конвента был назначен Валери Жискар д'Эстен, его заместителями – Дж. Амато и Ж.-Л. Дехаен. 28 февраля 2002 г. в Брюсселе открылась первая сессия Конвента. В Президиум (руководящий орган Конвента) вошли также два представителя Европейского парламента, два представителя Комиссии, два представителя национальных парламентов, а также по представителю от правительств Испании, Дании, Греции (как стран, осуществлявших преемственное руководство в ЕС). Всего же в работе над проектом будущей Конституции приняли участие 15 представителей глав государств или правительств стран-членов, 13 представителей глав государств или правительств стран-кандидатов в ЕС; 30 представителей национальных парламентов стран-членов, 26 представителей национальных парламентов стран-кандидатов; 16 представителей Европарламента; 2

представителя Европейской комиссии. Страны-кандидаты принимали полное участие в работе Конвента, но не могли повлиять на текст итогового документа. В качестве наблюдателей присутствовали также 3 представителя Экономического и социального комитета, 6 представителей Комитета регионов и некоторые другие. Каждый месяц созывались двухдневные пленарные заседания в здании Европарламента в Брюсселе. В июне 2002 г. из членов Конвента были образованы рабочие группы, а уже в октябре В. Жискара д'Эстен представил очередному саммиту ЕС концепцию и основные положения будущей Конституции.

В начале декабря 2002 г. председатель Комиссии Романо Проди, выступая в Европейском парламенте, озвучил свою программу реформ для Конвента. Он, в частности, предложил сделать Комиссию подотчетной одновременно Европарламенту и Европейскому Совету, дабы они имели право на вотум недоверия к исполнительному органу. Все законодательные решения ЕС следовало бы, по его мнению, принимать простым большинством голосов – как в Совете, так и в парламенте. Голосование квалифицированным большинством должно применяться лишь в случаях «наиболее важных решений». Председатели Европейского Совета, Совета министров по общим делам и Комитета постоянных представителей могут избираться на один год. Следует ввести пост секретаря Европейского Союза по иностранным делам, который будет являться заместителем председателя Еврокомиссии. 20 декабря на очередном заседании сессии Конвента предложения Романо Проди были внимательно рассмотрены. Кроме того, обсудили роль отдельных стран и европейских институтов в обеспечении европейской безопасности. Было заявлено о коллективной ответственности стран ЕС в случае, если одному из членов Союза угрожает опасность. Предложение учредить должность министра иностранных дел ЕС нашло всеобщее одобрение.

К весне 2003 г. остов Конституции наполнился конкретным содержанием, и Конвент перешел к обсуждению поправок, вносимых Президиумом, в отдельные статьи документа. Важнейшей новеллой стало наделение Союза международной правосубъектностью и статусом юридического лица. Порядок заключения международных соглашений от имени ЕС становился гораздо рациональнее. Преимущество законодательства ЕС по сравнению с национальным закреплялось в безусловной форме. 26-27 мая проект Конституции был опубликован в Брюсселе. Он вызвал широкий резонанс в странах-членах ЕС и государствах, официально признанных кандидатами. Критике подверглось, в особенности, положение об учреждении поста постоянного Президента, имеющего большие полномочия, чем Председатель Еврокомиссии. В результате 6 июня в текст были внесены некоторые поправки, позволяющие Председателю КЕС возглавлять саммиты Евросоюза и представлять его интересы за рубежом на встречах с главами государств и правительств (что, однако, не исключает введения поста Президента ЕС). В июне 2003 г. Конвент закончил свою работу, выработав окончательный (по его мнению) проект договора, учреждающего Конституцию для Европы.

4 октября того же года в Риме на основе данного документа открылись дебаты в рамках новой межправительственной конференции. Главы государств и правительств, открывшие МПК, заявили в совместной декларации, что новая Конституция ЕС станет «жизненно важным шагом» к тому, чтобы Европа стала более «сплоченной, прозрачной и демократичной». Целью МПК было объявлено придание окончательной формы тексту Конституции. Изначальная «шестерка» была, в целом, согласна с положениями документа. Однако проект не устраивал – по разным причинам - Великобританию, Финляндию, Австрию, Испанию и ряд стран-кандидатов в члены ЕС (особенно – Польшу). Италия, которая председательствовала в ЕС во второй половине 2003 г., настаивала на необходимости подписать документ до июня 2004 г., то есть до очередных выборов в Европарламент (об этом неоднократно заявляли президент страны Карло Адзельо Чампи, премьер-министр Сильвио Берлускони и министр иностранных дел Франко Фраттини). При этом итальянцы, в общем, поддерживали требование некоторых

других католических стран (во главе с Испанией и Польшей) внести в документ упоминание о христианских корнях европейской идентичности. Однако Франция, также традиционно католическая страна, но более светская и со значительным процентом граждан-мусульман, категорически выступила против.

Проект был нацелен на отказ от принципа консенсуса и предполагал, что почти все решения в Совете должны приниматься квалифицированным большинством голосов (за исключением вопросов внешней политики, безопасности, налогообложения, формирования бюджета, сотрудничества в области международного уголовного права). [360] Таким образом, право вето у государств-членов все же оставалось, но было ограничено «наиболее важными» сферами. Предполагалось введение поста Президента ЕС, избираемого на два с половиной года, и поста главы МИД ЕС, а также сокращение состава Еврокомиссии. Представители Великобритании и Испании на МПК подвергли критике усиление позиции Председателя КЕС. Великобритания особенно боялась отмены права вето в вопросах налогов и социальной политики, а также усиления военно-политической интеграции в рамках ЕС. Польша и Испания были недовольны изменениями в системе голосования, опасаясь потерять свое влияние, полученное в Ницце. Согласование деталей шло медленно, особенно жаркие споры шли по поводу распределения голосов в Совете министров. Ирландия, председательствующая в Совете ЕС в первой половине 2004 г., представила пакет компромиссных решений, который и был принят (при неприкрытом давлении, оказанном Францией и Германией). В результате, 18 июня 2004 г. главы государств и правительств уже 25 стран-членов (расширение только что состоялось) одобрили на саммите в Брюсселе проект документа.

Согласно предложенной Дублином схеме, решения принимались, если за них проголосует 55% стран-членов, население которых составляет 65% от общей численности населения ЕС (проект Конвента предусматривал 50% и 60% соответственно). Новая модель была выгодна «большим» (ФРГ, Великобритания, Франция, Италия) и «малым» (Мальта, Люксембург, Латвия) странам ЕС в ущерб таким «средним» государствам, как Испания и Польша (а также Португалия, Венгрия, Бельгия, Греция). Для блокирования решения, принимаемого квалифицированным большинством, необходимо, чтобы за это высказались четыре государства, представляющие, по меньшей мере, 15% всего населения ЕС. Кроме того, Дублин предложил (а Брюссельский саммит принял) решение сохранить до 2014 г. в составе Еврокомиссии по одному комиссару от каждого государства-члена ЕС, а только затем сократить их число до 18. Минимальное число депутатов в Европарламенте от каждой из стран было увеличено до шести.

29 октября 2004 г. Договор, учреждающий Конституцию, был подписан главами государств и правительств всех 25 стран-членов ЕС. Руководители трех признанных стран-кандидатов (Болгарии, Румынии и Турции) подписали только Заключительный акт, которым утверждался текст Конституции. Делегация Хорватии присутствовала на церемонии в качестве наблюдателя. Важнейшей особенностью документа, по нашему мнению, стало признание возможности выхода государства-члена из Союза (ст.46 Договора).[361] Здесь заложена «мина замедленного действия» - со временем ЕС может превратиться в клуб не самых богатых стран Европы: с принятием все новых «бедных родственников» некоторые богатые «спонсоры» просто покинут Союз.

Вступление Конституционного акта в силу было намечено на 2007 г. после обязательной ратификации всеми странами-членами. Процедура ратификации сильно различалась в государствах ЕС. Где-то, как в Литве, было вполне достаточно утверждения документа национальным парламентом. В подобных случаях почти всегда можно было рассчитывать на положительный результат. В ряде государств ЕС, например - в Испании, проводился референдум, который носил консультативный характер. Явка 20 февраля 2005 г. в этой стране составила 42%, их них почти 77% поддержало проект Конституции. После этого парламент страны без проблем утвердил документ. К началу кризиса Конституционный акт был ратифицирован Литвой, Венгрией, Словенией, Италией,

Грецией, Словакией, Испанией, Австрией и ФРГ. В Германии документ был утвержден 27 мая 2005 г. Здесь решение принимали депутаты двух палат парламента (бундестага и бундесрата), таким образом, лишних сложностей удалось избежать.

Серьезные затруднения возникли в тех государствах, где референдум был не консультативным, а основным инструментом ратификации. К примеру, во Франции проекту Конституции была гарантирована поддержка в Национальном собрании – как сторонников Жака Ширака, так и значительной части лидеров Социалистической партии. Однако французское руководство «пошло другим путем», хотя Конституция Франции не требовала именно такой формы одобрения проекта Конституции для Европы. В результате, французы на референдуме 30 мая 2005 г. большинством в 54,87% голосов отвергли документ (явка составила 69,74% из примерно 41,8 млн. чел., внесенных в избирательные списки). Министр внутренних дел Франции Доменик де Вильпен сообщил, что число противников Конституции было особенно велико в сельской местности, тогда как жители крупных городов часто высказывались в поддержку документа.[362]

Следом, 2 июня 2005 г., ратификация была провалена в Нидерландах. Здесь на референдуме против Конституции проголосовало уже 61,6% избирателей (за – только 38,4%, при явке 62,8%). В отличие от Франции, нидерландский референдум носил консультативный характер, но основные политические партии страны не решились пойти против воли своих избирателей. Судьба документа в парламенте была решена. Риторика проекта оказалась далека от рядовых граждан Европы. А отсутствие в документе упоминания о «христианских корнях» европейского единства вызвало дружное противодействие всех европейских христианско-демократических сил, усиленное пропагандой Ватикана и вполне реальной угрозой принятия Турции в Европейской Союз. Министр иностранных дел Нидерландов Бернард Бот признался, что вопросы европейской интеграции и европейские проблемы мало разъяснялись гражданам его страны.

В самой Франции на ход референдума повлияли и другие факторы. В частности, французы неожиданно увидели, что «оказались в Европе, которую они не понимают» (выражение газеты «Фигаро»). Они стали бояться наплыва «сантехников из Польши» и другой сравнительно дешевой рабочей силы из стран ЦВЕ, новых членов ЕС. Страшили их и перспектива утраты льгот в государственном секторе экономики, и возможность «бегства» своей промышленности на Восток, и рост безработицы. Разочарование правительством Жан-Пьера Раффарена обратили в свою пользу радикалы разного рода – как левые, так и правые. При этом левые боялись ликвидации социальных гарантий, а правые – нового потока иммигрантов, которые даже и не должны считаться таковыми в новой Европе. Часть французов опасалась также «потери национального лица» в расширяющемся Союзе, болезненно переживая как переход лидерства к ФРГ, так и продолжающееся вмешательство США в европейские дела.[363] В результате, по вине Франции в ЕС начался очередной затяжной кризис идентичности.

Только 13 декабря 2007 г. в Лиссабоне был подписан новый Договор, призванный заменить собой нератифицированный проект Конституции. Лиссабонский договор представляет собой, по сути, шаг назад, ибо возвращает правовую ситуацию к традиционному балансу межправительственного и наднационального начал. Следует также иметь в виду, что трудности, связанные с ратификацией Лиссабонского договора (особенно – в Ирландии, где в июне 2008 г. предстоит референдум), могут прямо повлиять на темпы дальнейшего расширения ЕС.

15.Расширение

После Маастрихта остро встал вопрос о расширении на Восток в условиях распада СССР и, в целом, биполярного мира. Однако первые шаги в данном направлении были весьма робкими. Участниками четвертого расширения стали только Австрия, Швеция и Финляндия, страны во времена «холодной войны» традиционно нейтральные, хотя и вполне западные. По уровню социально-экономического развития (а также прочности

рыночной экономики и степени зрелости гражданского общества) они совершенно не уступали изначальной «шестерке», превосходя многие другие страны Европейского Союза. Еще в начале 70-х годов все три страны подписали соглашения о свободной торговле с Сообществом, затем – при Делоре - вошли в Европейское экономическое пространство. Австрия подала официальную заявку на полноправное членство в ЕС 17 июля 1989 г., Швеция – 1 июля 1991 г., Финляндия – 18 марта 1992 г. За ними последовали Швейцария (май 1992 г.) и Норвегия (ноябрь 1992 г.), но – по различным причинам и на разных этапах - «сошли с дистанции». В частности, на решение Швейцарии отозвать свою заявку повлиял отрицательный результат, полученный на референдуме о присоединении к Европейскому экономическому пространству.

25 июня 1994 г. были подписаны договоры о присоединении к ЕС Австрии, Финляндии, Швеции и Норвегии. Однако неудача на референдуме в Норвегии, проведенном 28 ноября 1994 г., также закрыла дорогу этой стране в ЕС. «Против» здесь высказалось 52,4% всех, принявших участие в голосовании. Напротив, Австрия, Финляндия и Швеция провели свои референдумы вполне успешно. В Австрии 12 июня 1994 г. целых 66,4% проголосовавших одобрило вступление в ЕС, в Финляндии 16 октября таковых оказалось гораздо меньше - 57%, а в Швеции 13 ноября – всего 52,2%. 1 января 1995 г. эти страны стали полноправными членами ЕС, что было закреплено позднее Амстердамским договором. Площадь Союза возросла на 43%, население – на 11%, ВВП – на 8%. [364]

Принципиальное решение о возможности пятого расширения было принято на заседании Европейского Совета в Копенгагене в июне 1993 г. Там же утвердили знаменитые «Копенгагенские критерии»: 1) наличие стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, права человека, уважение и защиту прав меньшинств; 2) существование жизнеспособной рыночной экономики, а также способность противостоять давлению конкуренции и рыночных сил внутри Союза; 3) способность взять на себя обязанности, связанные со вступлением в ЕС, в частности – поддерживать цели политического, экономического и валютного союза. Был и четвертый критерий – это способность самого Союза абсорбировать новые государства-члены, не ставя под угрозу собственную цельность и стабильность. [365] Именно этот критерий исключает принятие в ЕС такой огромной европейской страны, как Россия, хотя «европейским» официально признается каждое государство, хотя бы часть территории которого находится в Европе. Поэтому с Турцией и ведутся вялотекущие (и мало кого в Союзе радующие) переговоры о вступлении в ЕС (начаты только осенью 2005 г., хотя Турция подала свою заявку еще в 1987 г., а в 1999 г. получила статус официального кандидата).

Кипр и Мальта подали свои заявки также довольно рано – в 1990 г. Венгрия и Польша сделали этот шаг в 1994 г., Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Эстония – в 1995 г., Чехия и Словения – в 1996 г. При этом в декабре 1997 г. Европейский совет, опираясь на оценки КЕС, решил начать переговоры о присоединении весной 1998 г. только с шестью странами, которые считались наиболее «продвинутыми» (Польша, Чехия, Венгрия, Эстония, Словения и Кипр). Было решено также созывать ежегодную Европейскую конференцию, на которой были бы представлены все страны-члены и кандидаты, вне зависимости от степени их подготовленности. На первой такой конференции, состоявшейся в Лондоне в 1998 г., выяснилось, что степень недовольства стран, оставшихся за бортом переговорного процесса, достаточно велика. Особенно резкой была реакция Турции, которая вообще отказалась от участия в Лондонской конференции. На заседании Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г. было принято решение начать переговоры также с Латвией, Литвой, Мальтой, Словакией, Болгарией и Румынией. [366] Только Турция все еще оставалась в «подвешенном состоянии» и «выпала» из зафиксированного Ниццким договором расчета голосов в Совете и Европарламенте после завершения пятого расширения.

На заседании политических руководителей государств-членов ЕС в Брюсселе 24-25 октября 2002 г. был, в целом, решен вопрос о сроках присоединения стран-кандидатов. Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония, как было признано, достигли соответствия всем политическим критериям присоединения, а к началу 2004 г. должны добиться соответствия и экономическим критериям. Болгария и Румыния же, по сложившемуся тогда общему мнению, могли вступить в ЕС не ранее 2007 г. 12-13 декабря 2002 г. в Копенгагене на очередном заседании Европейского Совета «десятка» завершила переговорный процесс. Великобритания, Испания, Италия и Греция активно выступили на Копенгагенском саммите за одобрение кандидатуры Турции. Однако они добились лишь подтверждения ее статуса «страны-кандидата».[367] Интересно в этой связи отметить, что было принято решение о включении в ЕС только греческой части Кипра. Вопрос о членстве турецкой части острова решено было обсудить отдельно. Референдум о воссоединении Кипра, проведенный в преддверии вступления страны в ЕС под эгидой ООН, не дал положительного результата. Греки-киприоты в массе своей высказались против, в то время как турки-киприоты поддержали идею объединения страны.

16 апреля 2003 г. в Афинах было подписано Соглашение о вступлении в ЕС первой десятки стран ЦВЕ.[368] «За бортом» остались только Турция, Румыния и Болгария. Ратификация повсеместно прошла успешно, и 1 мая 2004 г. Венгрия, Республика Кипр (греческая часть), Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония стали полноправными членами Европейского Союза. Аналогичное соглашение с Болгарией и Румынией было подписано только 25 апреля 2005 г. в Люксембурге.[369] 11 мая 2005 г. болгарский парламент ратифицировал Договор о вступлении в ЕС, затем аналогичный шаг сделала и Румыния. 1 января 2007 г. эти две страны вошли в ЕС.

Таким образом, ситуация с расширением Евросоюза такова: 27 государств уже являются полноправными членами ЕС, а три страны (Турция, Хорватия и Македония) официально признаны кандидатами. 3 октября 2005 г. с Хорватией и Турцией начаты переговоры о вступлении; еще несколько балканских государств (Албания, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория) подписали 22 ноября 2004 г. рамочные соглашения с ЕС и ждут официального признания кандидатами.

Хорватия подала заявку на членство в феврале 2003 г. В апреле 2004 г. КЕС дала положительное заключение, и в июне того же года Европейский совет признал Хорватию страной-кандидатом. Открытие переговоров с данным государством, однако, откладывалось из-за позиции Гаагского суда, требовавшего выдачи генерала Анте Готовины, обвиняемого в совершении преступлений против жителей Сербской Краины в годы гражданской войны. Условие это было выполнено, и, не без труда, переговоры с Хорватией и Турцией были открыты одновременно. Серьезную роль в данном процессе сыграла Австрия, которая согласилась поддержать кандидатуру Турции (вопреки собственной - ясно обозначенной ранее - позиции) только в обмен на поддержку Хорватии. Причем у непредвзятого наблюдателя складывается впечатление, что не только Хорватия, но и некоторые другие страны, даже не являющиеся сегодня признанными кандидатами, могут вступить в ЕС гораздо раньше Турции. К примеру, Македония стала кандидатом только в декабре 2005 г, переговоры с ней еще не открыты, но все это – вопрос ближайшего времени. При этом вопрос о принятии в Евросоюз таких (безусловно, европейских) государств, как Молдова и Украина, пока вообще серьезному обсуждению не подлежит. Впрочем, Молдова может со временем использовать германскую модель, то есть «раствориться» в Румынии (подобно тому, как бывшая ГДР «растворилась» в ФРГ). Вариант этот сегодня выглядит как маловероятный, ибо он связан с отказом руководства страны от политических амбиций (и даже от претензий на Приднестровье).

16.«Друзья»

«Кольцо друзей», опоясывающее Евросоюз от Марокко до России, должно, по мысли

европейских геополитиков, служить буферной серой зоной между единой Европой, с одной стороны, и Африкой с Азией, с другой. Однако страны, находящиеся сегодня в этом «кольце», имеют весьма различные перспективы взаимодействия с ЕС. Если Марокко, которая уже подавала заявку на членство, в Евросоюз не примут никогда (из-за отсутствия собственно европейской территории у данной страны), то страны-члены Совета Европы могут еще на что-то рассчитывать в отдаленной перспективе.

Так называемый Барселонский процесс – это новая политика Евросоюза в отношении тех средиземноморских, а именно - африканских и азиатских, государств, территории которых когда-то входили в Римскую империю и имели с Европой общую судьбу. В июне 1994 года Европейский Совет в Корфу провозгласил укрепление политики ЕС в отношении Средиземноморья. В октябре того же года КЕС внесла конкретные предложения: предоставление странам региона обширной финансовой помощи, заключение соглашений об ассоциации, осуществление таможенного союза с Турцией. Европейский Совет отстаивал эту стратегию в декабре 1994 г. в Эссене. Затем в июне 1995 г. в Каннах очередной саммит Европейского Совета утвердил разработанное Комиссией постановление о финансовой и технической помощи странам Средиземноморья и назначил проведение конференции по региону на уровне министров иностранных дел. Участие в переговорах приняли представители стран-членов ЕС, а также почти всех средиземноморских стран (кроме Ливии), Иордании и Палестины.

Результатом данной конференции стали Барселонская декларация от 28 ноября 1998 г. и рабочая программа, включающая целый пакет мер. «Первая корзина» должна помочь развитию партнерства в области обеспечения безопасности между участниками Барселонского процесса. Согласно «второй корзине» следует создать до 2010 г. евро-средиземноморскую зону свободной торговли. Наконец, «третья корзина» распространяет партнерство на социальную сферу и сферу культуры. За конференцией в Барселоне последовали две другие конференции на уровне министров иностранных дел: в апреле 1997 г. на Мальте и в апреле 1999 г. в Штутгарте, дополненные внеочередными встречами в Палермо в июне 1998 г. Политика ассоциации и кооперации привела к заключению двусторонних ассоциированных соглашений между ЕС и некоторыми странами региона: Израилем, Марокко и Тунисом (1995), Иорданией и Палестинской автономией (1997), Египтом (1999).[370] Некоторое время шли аналогичные переговоры с Сирией. Затем Барселонский процесс отступил в тень широкомасштабного пятого расширения. Однако принятие в Евросоюз в 2004 г. малых средиземноморских стран – Мальты и Кипра, а также открытие в 2005 г. переговоров о присоединении с Турцией и Хорватией серьезно укрепило положение ЕС в Средиземноморье.

В 2006 г. кандидат в президенты Франции от партии Союз за народное движение Николя Саркози в качестве одного из пунктов своей предвыборной программы объявил создание «Средиземноморского Союза». Считается, что авторство изначального проекта принадлежит личному советнику Николя Саркози, Анри Гэно, ныне занимающему пост специального советника при президенте Французской Республики. Одной из целей проекта являлось продвижение Франции на ключевые позиции в европейском диалоге со странами Средиземноморья, не входящими в ЕС. В случае успеха Франция могла бы стать лидером в средиземноморском регионе, а, как следствие, и лидером ЕС, значительно укрепив свои геополитические позиции. Кроме того, Саркози неоднократно говорил, что для Турции нет места в Евросоюзе. Он искренне полагал, что членство в Средиземноморском Союзе, где возможно развитие «тесных многосторонних взаимоотношений», станет для турецкой стороны заменой полноценного членства в ЕС.

6 мая 2007 г. Николя Саркози победил во втором туре президентских выборов, а 23 октября того же года – уже в качестве президента - пригласил всех лидеров Средиземноморья на саммит во Францию в июле 2008 года. Время было выбрано неслучайно, ибо оно приходилось на начало председательства Франции в Евросоюзе. Вскоре стали известны некоторые детали проекта. В частности, предполагалось, что страна-участник будет

возглавлять Средиземноморский Союз на принципах ротации (почти как в ЕС), занимаясь вопросами энергетики, безопасности, борьбы с терроризмом, миграции и торговли. Средиземноморский Союз и ЕС смогут работать вместе в рамках некоторых общих институтов, включая правоохранительные структуры - в целях борьбы с коррупцией, терроризмом, организованной преступностью, торговлей людьми.

Вскоре Саркози добился поддержки своих итальянских и испанских партнеров. 21 декабря 2007 г. лидеры Франции, Италии и Испании на совместной пресс-конференции в Риме объявили о создании новой организации – Средиземноморского Союза. Премьер-министр Италии Романо Проди, в частности, заявил, что начало проекту положено. В свою очередь, Саркози назвал новую организацию «осуществимой мечтой». Испанский премьер Хосе Луис Родригес Сапатеро подтвердил, что Союз призван объединить Средиземноморье, укрепить мир и стабильность, разрешить проблемы иммиграции.

Однако идея французского президента была встречена острой критикой в Германии. Внешнеполитическое ведомство ФРГ было крайне обеспокоено возможным укреплением позиций Франции и, как следствие, ослаблением германского влияния в ЕС. Не будучи средиземноморским государством, Германия, согласно изначальному проекту, не могла претендовать на непосредственное участие в предполагаемом Средиземноморском Союзе. Такое положение привело бы к утрате ФРГ статуса крупнейшего европейского лидера. Таким образом, Германия соглашалась поддержать создание Средиземноморского Союза лишь при условии внесения существенных изменений в начальный план Саркози, которые оговаривали бы равное участие всех стран ЕС, в том числе - не имеющих выхода в Средиземное море, в новом проекте.

4 марта 2008 г. канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози договорились в Ганновере о создании Средиземноморского Союза, открытого для всех 27 стран-членов ЕС. Таким образом, по инициативе ФРГ выработка совместной средиземноморской политики фактически вернулась в рамки Барселонского процесса. Меркель и Саркози всячески демонстрировали свое политическое единодушие, опровергая прежние сообщения СМИ о якобы возникших между ними разногласиях. В новый Союз особенно активно приглашалась Турция, которая, как заявлял ранее глава французского государства, не имеет возможности стать членом Евросоюза, но претендует на привилегированные отношения с Европой. С 1 июля 2008 г. Франция станет председателем Евросоюза, а 13-14 июля, по словам Саркози, в Париже пройдет саммит глав государств и правительств средиземноморского региона, на котором будет учрежден Средиземноморский Союз. Детали своего совместного предложения руководители Германии и Франции решили внести на обсуждение очередного саммита Европейского Совета. Главными задачами новой организации должны были стать, по их мнению, выработка согласованной иммиграционной политики, развитие экономики и торговли, продвижение основополагающих ценностей правового государства и защита окружающей среды.

14 марта 2008 года решение о начале процесса создания Средиземноморского Союза было принято на саммите Европейского Совета в Брюсселе. Главы государств и правительств 27 стран-членов Евросоюза единодушно одобрили совместное предложение президента Франции Николя Саркози и федерального канцлера Германии Ангелы Меркель о создании Средиземноморского Союза. Была названа и дата предполагаемого саммита в Париже — 13-14 июля 2008 года.

Турция первоначально отказывалась поддержать проект, опасаясь, что его признают альтернативой интеграции данной страны в ЕС. В единой Европе, действительно, все громче слышатся голоса тех, кто полагает, что «абсорбционная способность» Евросоюза не безгранична. Вместо полноценного членства многим странам, в том числе и Турции, постоянно предлагаются некие «тесные многосторонние взаимоотношения». Великобритания подержала протест турецкой стороны, будучи стратегическим партнером Турции и представителем турецких интересов в ЕС. Однако, получив заверения о том, что участие в новом проекте не является такой альтернативой, турецкая сторона согласилась

изменить свою позицию и принять участие в строительстве Средиземноморского Союза. Это тем более разумно, что полноценное членство Турции в ЕС – весьма отдаленная и маловероятная перспектива. Законодательство и судебная система Турции все еще не соответствуют европейским нормам. Кроме того, Турции, благодаря ее огромному (по европейским меркам) населению, придется выделять квоты во всех институтах ЕС на самом высшем уровне (практически - наравне с ФРГ). Следует также иметь в виду, что многие влиятельные европейские лидеры (включая Н. Саркози и А. Меркель) вовсе не жаждут вместе с укреплением позиций ЕС в Средиземноморье получить «в нагрузку» курдскую проблему, многомиллионное мусульманское население (являющееся «питательной средой» для деятельности разного рода экстремистов и террористов), а также «европейскую» границу с нестабильным Ираком. По всей видимости, Средиземноморский Союз, если он все-таки будет создан, станет именно альтернативой вступления Турции в ЕС – желает она этого или нет. С другой стороны, исходя из сложившихся политических и экономических реалий, можно предположить, что место Турции в новом Союзе должно быть весьма достойным.

Отношения с новой Россией развивались параллельно и также берут начало с исторического саммита Европейского Совета на острове Корфу. Именно там 24 июня 1994 г. было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), вступившее в силу 1 декабря 1997 г. Задержка с ратификацией была вызвана состоявшимся четвертым расширением. Однако Австрия, Финляндия и Швеция подписали и ратифицировали СПС без проблем. В качестве перспективной цели в документе называется создание зоны свободной торговли (что на практике возможно только после вступления РФ в ВТО). Поэтому наиболее успешно долгие годы развивался политический, а не экономический диалог. В июне 1999 г. Кельнский саммит Европейского Совета принял Коллективную стратегию Европейского Союза по отношению к России. В октябре того же года появилась ответная реакция – Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010). К сожалению, как утверждает В.Г. Шемятенков, «содержательная сторона этих документов оказалась небогатой».[371] В мае 2001 г. Романо Проди выступил с инициативой создания общего европейского экономического пространства. Идею одобрили и в РФ, и в ЕС, а для ее реализации была создана Группа высокого уровня во главе с заместителем председателя Правительства России В.Б. Христенко и членом КЕС К. Паттенем. На сегодняшний день имеются разработанные «дорожные карты» для создания целых четырех общих пространств между Россией и Евросоюзом. Однако реальное их построение, вероятно, выйдет за рамки среднесрочной перспективы.

«Друзья» у Евросоюза имеются самые разные, в том числе – не входящие в «кольцо». Безусловно, сохраняется определенная взаимозависимость бывших метрополий и утраченных ими колониальных владений. Особенно это касается Великобритании со своим Содружеством и Франции с ее пресловутой «Франкофонией». Что же касается собственно Европы, то практически полностью интегрированы в ЕС такие малые страны, как Андорра, Монако, Сан-Марино, Ватикан. Они уже давно перешли на евро и некоторые из них даже чеканят собственные монеты (имеющие, скорее, коллекционную ценность). Не являясь формально членами Шенгенской зоны, данные страны предполагают наличие у туристов из «дальнего зарубежья» именно Шенгенской визы (в том случае, если виза требуется вообще). Следующий круг составляют страны-члены ЕАСТ, входящие в Европейское экономическое пространство (Норвегия, Исландия, Лихтенштейн), и Швейцария, недавно одоббившая на референдуме присоединение к Шенгенской зоне. Налицо факт юридической, политической и экономической взаимозависимости данных государств и ЕС. Еще один круг составляют потенциальные кандидаты на вступление в Евросоюз из западнобалканских государств (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия и Черногория), а также Молдова и Украина. Все они рвутся в ЕС, но их не торопят признавать полноценными кандидатами. В последнем

круге ждут своей участи Грузия, Армения, Азербайджан. Шансы у них ничтожные, но «надежда умирает последней». Собственно, и Россия с Беларусью могли бы попасть в этот список, не будь у них собственного видения будущего европейского континента.

Наконец, следует сказать об отношениях ЕС со странами Северной Америки. По мнению нынешнего Председателя Комиссии Баррозу, трансатлантические отношения должны гармонично дополнять европейский интеграционный процесс. Однако есть и другое мнение: единая Европа часто выступает прямым конкурентом США в борьбе за влияние на третьи страны, не наблюдается никакой гармонии между сторонами ни в области торговых взаимоотношений, ни в соревновании евро и доллара. Создание европейской армии до сих пор беспокоит натовских генералов. Единая Европа постепенно превращается в самостоятельный «центр силы» и все менее нуждается в опеке «большого брата». Европейская интеграция (в некоторых случаях) может быть прямо противопоставлена как атлантической, так и глобальной. Какая точка зрения победит – вопрос открытый. Однако в среднесрочной перспективе сотрудничеству североамериканских стран (не только США, но и Канады, Мексики) с ЕС альтернативы нет.

17. Шенген

Общеввропейский интеграционный процесс охватывает – в той или иной мере – практически все государства Европы. Хотя основным институтом общеевропейской правовой интеграции является Совет Европы, существуют иные – весьма разнообразные – правовые механизмы, структурирующие «Европу переменной геометрии». В частности, грядущее очередное расширение Шенгенской зоны позволяет говорить о стремлении ряда европейских стран, не являющихся членами Европейского Союза, присоединиться к некоторым соглашениям, прямо включенным в правопорядок ЕС.

Понятия «Шенгенские соглашения», «Шенгенские достижения», «Шенгенские договоренности», «Шенгенские правила» по сути своей идентичны и взаимозаменяемы. В отдельном Приложении к «Протоколу об интеграции Шенгенских достижений в рамки Европейского Союза» четко определено, что под этими «достижениями» понимаются: «1) Соглашение о постепенной отмене контроля на общих границах этих стран, подписанное в Шенгене 14 июня 1985 г. правительствами государств экономического союза Бенилюкса, Федеративной Республики Германии и Французской Республики; 2) Конвенция о применении Соглашения о постепенной отмене контроля на общих границах, подписанного в Шенгене 14 июня 1985 г., с прилагающимися Заключительным актом и общими декларациями, подписанная в Шенгене 19 июня 1990 г. Королевством Бельгии, Федеративной Республикой Германии, Французской Республикой, Великим Герцогством Люксембург и Королевством Нидерландов; 3) Протоколы и Соглашения о присоединении к Соглашению 1985 г. и к Конвенции 1990 г. о применении подписаны: Италией (в Париже, 27 ноября 1990 г.), Испанией и Португалией (в Бонне, 25 июня 1991 г.), Грецией (в Мадриде, 6 ноября 1992 г.), Австрией (в Брюсселе, 28 апреля 1995 г.), Данией, Финляндией и Швецией (в Люксембурге, 19 декабря 1996 г.), с прилагающимися Заключительными актами и декларациями; 4) Решения и декларации, принятые Исполнительным комитетом, учрежденным в соответствии с Конвенцией 1990 г., а также акты, принятые во исполнение Конвенции органами, наделенными Исполнительным комитетом правом принятия решений».[372]

Первое Шенгенское соглашение было заключено в одноименном городе Шенген (расположенном в Великом Герцогстве Люксембург) 14 июня 1985 г. следующими государствами: Федеративной Республикой Германией, Французской Республикой, Королевством Нидерланды, Королевством Бельгия и Великим Герцогством Люксембург. Основной целью данного документа явилась поэтапная отмена контроля на общих границах стран-участниц и перенесение данного контроля на внешние границы общей зоны, что служило даль-

нейшему укреплению связей между отдельными государствами-членами Европейских Сообществ. Таким образом, Шенгенские достижения изначально не были напрямую связаны с правопорядком ЕС, представляя собою локальное соглашение пяти стран наиболее интегрированного «твердого ядра» Сообществ. Заметим, что Европейский Союз в то время еще не был создан.[373]

Значение инкорпорации Шенгенских достижений в рамки ЕС трудно переоценить. Предоставляя официальные гарантии прав граждан, данный шаг способствовал достижению цели свободного передвижения населения (которая была зафиксирована еще в Едином Европейском Акте от 9 сентября 1985 г.).[374] Созыв новой межправительственной конференции для внесения изменений и дополнений в Договор о создании Союза был предусмотрен уже при подписании Маастрихтского договора. В 1996 г. данное предписание было исполнено – Италия как страна-председатель направила в Совет свои предложения об изменении учредительных договоров. Одновременно она запросила Европарламент и Совет о предоставлении новых предложений о том, как проводить межправительственную конференцию. Комиссия ЕС предоставила государствам-членам свой доклад «Об усилении Политического союза и подготовке к расширению», где перед Европейским Союзом выдвигались цели: быть ближе к гражданам; активно проявлять себя во всем мире; адаптировать свою институционную систему так, чтобы она успешно функционировала после увеличения состава Союза.[375]

Комиссия ЕС рекомендовала предстоящей конференции найти новые пути продвижения модели социального развития, принятой Союзом, выработать европейскую концепцию безопасности и обороны, а также реформировать институты сообразно новым потребностям и перейти, в частности, к принятию решений большинством голосов.[376]

МПК открылась 29 марта 1996 г. в Турине - ей поручили разработать текст нового учредительного акта с тем, чтобы усовершенствовать структуру Европейского Союза и решить все оставшиеся спорные проблемы. Открыли конференцию главы государств и правительств, однако основная работа выпала на долю министров иностранных дел, других высших правительственных чиновников, а также их заместителей и советников. Особенно трудной и важной задачей оказалась реформа институтов ЕС в связи с предстоящим существенным расширением его состава. В частности, на конференции так и не удалось договориться о радикальной реформе Комиссии и Совета. Стороны согласились лишь, что не позднее, чем за год до намеченного полномасштабного расширения на Восток, будет созвана новая МПК (в противном случае пришлось бы отсрочить прием новых членов в состав Союза). Не все страны-члены были согласны и с инкорпорацией Шенгенских соглашений в текст нового договора. В результате Великобритания, Ирландия и Дания оговорили в специальных документах, приложенных к основному тексту, свою особую позицию.

И все же на сессии Европейского Совета, состоявшейся в июне 1997 г. в Амстердаме, проект нового Договора был, в целом, одобрен. Потребовалось немного времени для тщательного редактирования, и вскоре документ был готов к подписанию, которое состоялось 2 октября все там же, в Амстердаме. Процесс ратификации прошел успешно во всех странах-членах ЕС (которых к этому времени стало уже 15).[377]

Амстердамский договор вступил в силу 1 мая 1999 г. В Преамбулу (и основной текст) были внесены положения о создании в рамках Союза «пространства свободы, безопасности и законности». Решения, принимаемые институтами ЕС, отныне должны были отличаться большей открытостью и близостью к нуждам и потребностям граждан стран-членов. Устанавливалось и особое «гражданство Союза». Договор несколько расширил участие Комиссии в осуществлении конкретных внешнеполитических решений, а также изменил функции и полномочия Генерального секретаря Совета. Предусматривалось создание Политического комитета, объединяющего руководителей политических департаментов министерств (и ведомств) иностранных дел стран-членов.[378]

Однако договор не внес ясности в вопрос о самой природе Европейского Союза, который так и не получил статус юридического лица. Не были до конца прояснены и отношения ЕС с Западноевропейским Союзом. Подготовка к расширению ЕС на Восток подталкивала полномасштабную институциональную реформу. Таким образом, уже в мае 1999 г., когда Амстердамский договор вступил в силу, его текст мало кого устраивал, и необходимость новой межправительственной конференции была очевидна. Однако Шенгенские достижения были прочно инкорпорированы «в рамки Европейского Союза», став неотъемлемой частью европейского права.

Согласно Амстердамскому договору, особый механизм, созданный странами-членами Шенгена, был упразднен, а функции Исполнительного комитета перешли к Совету. Протокол подтвердил участие в Шенгенской зоне двух стран, не являвшихся членами ЕС – Исландии и Норвегии. Одновременно появился механизм реализации концепции «продвинутого сотрудничества»: отдельные государства получили возможность с целью углубления интеграции вводить в отношениях между собой особые постановления, в то время как другие страны-члены ЕС могли оставаться «вне игры». Таким образом, фактически признавалась правомерность существования «Европы разных скоростей» (или «Европы переменной геометрии»). В частности, Великобритания и Ирландия остались за пределами Шенгенской зоны.

Расширение самой Шенгенской зоны происходило в несколько этапов. Напомним, что изначальное Соглашение было подписано лишь пятью странами (Бельгией, Люксембургом, Нидерландами, Францией и ФРГ). Италия присоединилась к Соглашению в 1990 г., Испания и Португалия – в 1991 г., Греция – в 1992 г., Австрия – в 1995 г., скандинавские страны (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция) – в 1996 г. Прибалтийские страны (Латвия, Литва и Эстония), Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения и Мальта вошли в Шенген в 2007 г.

Великобритания и Ирландия с самого начала оказались от вступления в Шенгенскую зону. При этом Соединенные Королевства защищало свои особые национальные интересы, а Республика Ирландия была вынуждена последовать за своей соседкой, дабы сохранить тесные связи с Северной Ирландией. Однако Великобритания и Ирландия оставили за собой право «в любое время подать заявку на присоединение к некоторым или ко всем положениям этих достижений».[379] В 2000 г. Великобритания в рамках Совета министров юстиции и внутренних дел провела переговоры об участии в Шенгенском сотрудничестве: в той его части, которая не связана с отменой пограничного контроля на общих границах. Ирландия последовала примеру Великобритании. Кипр, Румыния и Болгария, будучи полноправными членами Европейского Союза, тоже – по разным причинам – пока не связаны с Шенгенскими достижениями в полном объеме.

Первыми странами Шенгенской зоны, не являющимися членами Европейского Союза, стали Норвегия и Исландия. Основываясь на Соглашении, подписанном 19 декабря 1996 г. в Люксембурге, данные скандинавские государства получили возможность участия в Шенгенских достижениях и сумели сохранить свои особые отношения с Данией, Швецией и Финляндией в рамках Северного Совета. Норвегия и Исландия получили статус ассоциированных членов Шенгенской группы и вошли в Шенгенскую зону в марте 2001 г. Важно отметить, что и Норвегия, и Исландия являются также членами Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и Европейского экономического пространства (ЕЭП). Еще в 1992 г. ЕС заключил с Норвегией, Исландией и Лихтенштейном (государствами, входящими в ЕАСТ), Соглашение о создании Европейского экономического пространства, в рамках которого осуществляется свободное движение товаров, услуг, лиц и капиталов. Швейцария также фактически является участником ЕЭП, но ее отношения с ЕС регулируются двусторонними соглашениями (ибо на референдуме в 1992 г. швейцарцы отвергли Соглашение о создании Европейского экономического пространства).[380]

Тот факт, что Швейцария не присоединилась к Шенгенским соглашениям, частично объясняется значением швейцарской банковской системы для международных финансовых

операций (хотя стандарты таможенных и полицейских служб данной страны являются очень высокими, а Швейцария в своей визовой политике во многом уже ориентируется на Шенгенские требования). Швейцарией был подписан целый ряд документов, позволяющих включить ее в европейскую систему безопасности.[381] С некоторыми участниками Шенгена были заключены двусторонние соглашения о координации действий и сотрудничестве правоохранительных органов: с Францией - Соглашение о трансграничном сотрудничестве полицейских органов двух стран, с Италией - Соглашение о депортации нелегально въехавших лиц, о сотрудничестве полицейских и таможенных органов, о правовой помощи по уголовным делам. С Австрией и Германией подписаны Меморандумы о взаимопонимании, в которых была констатирована готовность к более тесному взаимодействию пограничных, таможенных и полицейских органов в сфере уголовного преследования преступников и обеспечения внутренней безопасности. Более того, Швейцария заинтересована в сближении с Шенгенскими государствами не только на двусторонней, но и на многосторонней основе. Для изучения этого вопроса министры внутренних дел Австрии, Германии, Италии, Франции и Швейцарии приняли решение о создании неофициальной рабочей группы.

Новым шагом в сближении Швейцарии с Шенгеном стало принятое Федеральным советом Швейцарии решение о въезде в Швейцарию с 1 августа 2000 года граждан Таиланда, Бахрейна, Катара, Кувейта, Омана, Саудовской Аравии и ОАЭ по имеющимся у них шенгенским визам; так же был разрешен безвизовый въезд в Швейцарию иностранных граждан, имеющих постоянный вид на жительство в странах-членах ЕС, ЕАСТ, США, Канаде, Андорре, Монако и Сан-Марино.

В мае 2004 г. ЕС предоставил Швейцарии т.н. «открытый переходный период» в области правового сотрудничества с тем, чтобы по истечении его страна могла войти в Шенгенскую зону. 26 октября того же года в Люксембурге было подписано соответствующее Соглашение, которое вступило в силу 1 апреля 2006 г., а также Протокол о расширении Соглашения о свободном движении лиц. Данные документы были вынесены в Швейцарии на общенародные референдумы. На первом референдуме, относительно Шенгенского (Дублинского) соглашения, который состоялся 5 июня 2005 г., «за» высказалось 54% принявших участие в голосовании. 25 сентября того же года на втором референдуме, по вопросу свободного движения лиц, «за» проголосовало 56% самых политически активных швейцарцев.[382] Дорога ко вступлению Швейцарии в Шенген была открыта.

Инкорпорация Шенгенских достижений стала важным этапом в развитии европейского права, в углублении сотрудничества между государствами Европейского Союза. Расширение Шенгенской зоны за счет государств ЕАСТ способствует дальнейшей общеевропейской интеграции (в целом) и – в частности – построению единого европейского правового пространства. Швейцария, ближайший сосед Европейского Союза, является его вторым по важности торговым партнером (сразу после США, но перед Китаем). Около миллиона граждан ЕС живет и работает в Швейцарии, еще больше – регулярно пересекает ее границы. Вхождение Швейцарии в Шенгенскую зону в конце 2008 г. должно существенно упростить их жизнь. А сама Швейцария с данным шагом, мы надеемся, окончательно перестанет быть «черной дырой» на карте Единой Европы. Таким образом, происходит сближение стран Европы, включая те страны, которые не являются членами ЕС, в направлении унификации визовой политики, усиления сотрудничества стран по вопросам, относящимся ко второй и третьей «опорам», а также в направлении снижения и постепенной отмены контроля на общих внутренних границах, и перенесение его на внешние.

18.Европейское экономическое пространство

Успехи в развитии общеевропейской интеграции, особенно - экономической, стимулировали появление в начале 90-х годов нового образования — Европейского экономического пространства (ЕЭП), нацеленного на преодоление раскола Западной Европы на две инте-

грационные группировки – Европейские Сообщества и Европейскую Ассоциацию свободной торговли. В итоге получился единый рынок, функционировавший на территории 19 стран. Подключение стран ЕАСТ к процессу общеевропейской интеграции было весьма успешным. Надо иметь в виду, что в сотрудничестве с Сообществами вовлекались не окраинные регионы Европы, нуждающиеся в экстренной экономической помощи со стороны Сообществ, а весьма развитые страны. Национальный доход на душу населения в этих странах был даже выше, чем в среднем в странах Сообществ.

Единое Европейское экономическое пространство рождалось непросто. Оно появилось на свет в результате продолжительных переговоров, после ряда отсрочек и уточнений. Решающая инициатива была проявлена со стороны Сообществ на Совещании министров иностранных дел заинтересованных стран в декабре 1989 г., когда тогдашний председатель Комиссии Жак Делор пригласил страны ЕАСТ к возобновлению переговоров. Такие переговоры велись еще раньше на уровне Комитета ЕЭС по делам единого внутреннего рынка, но были прерваны странами ЕАСТ, отвергшими, как им казалось, дискриминационные предложения Комитета. Процесс общеевропейской интеграции предопределил роль ЕАСТ как «зала ожидания», в котором проходила своего рода подготовка некоторых европейских государств ко вступлению в Европейские Сообщества. Кроме того, ЕАСТ и Европейские Сообщества всегда стремились оформить на основе международных соглашений как можно более глубокие связи в экономической сфере между собой. Первым подобным опытом стало заключение 22 июля 1972 года 14 соглашений о свободной торговле между ЕАСТ и Европейскими Сообществами (семь - между ЕАСТ и ЕЭС, еще семь - между ЕАСТ и ЕОУС).[383]

Следующим важным шагом по сближению двух организаций стало подписание 9 апреля 1984 г. Люксембургской декларации, выработанной в ходе Совещания на уровне министров стран ЕАСТ и государств-членов Сообществ. Эта Декларация обозначила переход к более тесному экономическому сотрудничеству между ЕАСТ и Сообществами, а также развитие такого сотрудничества в сферах не экономического характера, например, в области здравоохранения. Итогом же совместной работы организаций в заданном направлении стало создание Европейского экономического пространства (ЕЭП) в 1994 г. Первый проект Соглашения о ЕЭП появился в конце 1989 г., однако его доработка и согласование его положений между сторонами заняли достаточно долгое время. Концепция, заложенная в Соглашении, была воспринята не однозначно и вызвала ряд возражений у сторон.

Наиболее серьезные споры на переговорах вызвали пожелания стран ЕАСТ о предоставлении им статуса, влекущего многие исключения из правил, установленных правом Сообществ. С другой стороны, отмечалось нежелание Сообществ иметь наряду со своими институтами систему институтов ЕЭП. Сообщества попросту опасались, что в новых институтах у стран ЕАСТ (если к ЕАСТ примкнут новые страны) может оказаться большинство голосов, что, естественно, отразилось бы на решениях, принимаемых этими институтами. В результате, хотя это было нелегко сделать, сторонам удалось прийти к согласию – с помощью компромиссов и отказов от взаимонеприемлемых предложений. На совещании министров государств-членов ЕС и ЕАСТ, состоявшемся 19 декабря 1990 г. в Брюсселе, были согласованы позиции по ряду важных аспектов будущего соглашения, в том числе по вопросам институциональной структуры ЕЭП.

В октябре 1991 г. в г. Люксембурге переговоры успешно завершились. Было достигнуто соглашение об объединении усилий Сообществ и ЕАСТ в рамках единого Европейского экономического пространства. Можно было приступать к реализации статей Соглашения. Но не тут-то было. Злой рок, казалось, преследовал начатое дело. Суд Европейских Сообществ в своем решении от 14 декабря 1991 г. признал создание совместного Суда Сообществ и ЕАСТ несовместимым с правом Сообществ. Понадобились дополнительные переговоры, в результате которых было установлено, что судебный контроль за соблюдением права ЕАСТ будет осуществлять не совместный Суд, состоящий из трех судей от ЕАСТ и пяти судей от Сообществ, а специально создаваемый Суд ЕАСТ. Суд Европейских Сооб-

ществ оставался судом, рассматривающим дела, относящиеся к одному только праву — праву Сообществ. Никакой иной суд, в том числе планировавшийся совместный Суд Сообществ и ЕАСТ, не мог включаться в судебное рассмотрение вопросов права Сообществ. [384]

Окончательно Соглашение о ЕЭП было подписано в г. Порто (Португалия) 2 мая 1992 г. Данный документ содержит преамбулу и 129 статей (сгруппированных в 9 частей, причем некоторые части разбиваются на главы, а ряд глав - на разделы). Составной частью Соглашения являются 22 приложения и 47 протоколов к нему.[385] Договор дополняют: двусторонние соглашения между государствами ЕАСТ и Европейским Союзом об импорте некоторых сельскохозяйственных продуктов; двусторонние соглашения между Европейским Союзом и Норвегией и Исландией о свободной торговле рыбой.

Соглашение вступило в силу 1 января 1994 г. Сегодня в ЕЭП участвуют все страны Европейского Союза, с одной стороны, и Исландия, Лихтенштейн и Норвегия, с другой стороны. Соглашение о ЕЭП стало звеном, соединившим две интеграционные структуры и создавшим возможности для более тесного сотрудничества между государствами, входящими в них. Соглашение о ЕЭП позволило распространить на европейские государства, формально не являющиеся членами Европейского Союза, правовой режим общего рынка, законодательство ЕС по вопросам свободного перемещения товаров, лиц, услуг и капиталов, а равно в смежных с ними сферах.

Прежде всего, Соглашение 1992 г. предусматривает распространение «четырех свобод», действующих на Едином внутреннем рынке ЕС, на страны ЕАСТ. Это предполагает гармонизацию правил конкуренции и других общих правил экономической деятельности в странах ЕС и странах ЕАСТ в целях достижения однородности экономического пространства в странах — участницах соглашения. Для достижения этой цели страны ЕАСТ (кроме Швейцарии) в одностороннем порядке приняли нормы европейского права.[386] Был создан международно-правовой механизм, позволяющий странам ЕАСТ и в последующем интегрировать новые акты ЕС в свое национальное законодательство. Таким образом, с юридической точки зрения Соглашение о Европейском экономическом пространстве относится к категории соглашений об ассоциации Сообществ с третьими странами и другими международными организациями. Согласно ст.2, создание Европейского экономического пространства является «средством достижения продолжительности и равномерной поддержки торговых и экономических отношений между сторонами Соглашения при равных условиях конкуренции».[387]

Европейское экономическое пространство предусматривает: свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов; введение системы, гарантирующей от искажения конкуренции и равное уважение к этим правилам; а также тесное сотрудничество в других областях, таких как исследования и развитие, окружающая среда, образование и социальная политика. Соглашение определяет основные принципы функционирования ЕЭП, закладывает правила для реализации свободы передвижения товаров, облегчения торговли путем укрепления таможенного сотрудничества, отдельно рассматривая положения о сельскохозяйственной и рыболовной политике, а также торговли углем и изделиями из стали. В Соглашении о ЕЭП рассматриваются подробно также вопросы реализации других экономических свобод - свободы передвижения работников, лиц свободных профессий и права на учреждение, свобод предоставления услуг и движения капиталов. Особое внимание документ уделяет сферам транспорта и конкуренции. Отдельные положения посвящены другим сферам - социальной политике, окружающей среде, защите потребителей, статистике, совершенствованию права компаний.

За пределами четырех рыночных свобод согласно ст.78 Соглашения в рамках ЕЭП стороны могут развивать сотрудничество в сферах исследований и технологического развития, информационных услуг, образования, обучения и молодёжи, поддержки малых и средних предприятий, туризма, аудиовизуального сектора и защиты граждан. Европейское экономическое пространство предусматривает введение идентичного или схожего по содержа-

нию законодательства по вышеперечисленным вопросам в Сообществах и государствах-членах ЕАСТ. Положения Соглашения о сотрудничестве в различных областях деятельности временами дословно повторяют положения Договора о Европейском Экономическом Сообществе 1957 г.[388]

Соглашением также учреждена организационная структура ЕЭП, которая дополняет структуру органов ЕАСТ. В рамках ЕЭП проводят свою деятельность: Совет ЕЭП, Совместный комитет ЕЭП, Совместный парламентский комитет ЕЭП, Совместный консультативный комитет ЕЭП, Контролирующий орган ЕАСТ, Суд ЕАСТ. Совет ЕЭП – это верховный орган принятия решений. В него входят все члены Совета Европейского Союза и Европейской Комиссии, а также по одному представителю от каждой страны-члена ЕАСТ. Он контролирует применение Соглашения о ЕЭП и принимает решения по изменению Соглашения. Совместный комитет ЕЭП, состоящий из представителей сторон, обеспечивает применение Соглашения и консультации в процессе функционирования ЕЭП. Таким образом, это форум для обмена мнениями и информацией, а также орган для поиска и принятия решений.

Совместный парламентский комитет ЕЭП формируется на паритетной основе из представителей Европейского парламента и парламентам государств ЕАСТ. В ходе своей деятельности этот орган заслушивает отчеты и доклады Совместного комитета ЕЭП и обсуждает актуальные вопросы функционирования ЕЭП. Совместный консультативный комитет ЕЭП, состоящий из членов Экономического и социального комитета ЕС и Консультативного комитета ЕАСТ, обладает консультативными полномочиями при принятии решений в рамках ЕЭП.

Контролирующий орган ЕАСТ является постоянно действующим органом и формируется из представителей государств ЕАСТ, участвующих в Европейском экономическом пространстве. Штат сотрудников Контролирующего органа ЕАСТ насчитывает 49 человек. Возглавляет Контролирующий орган ЕАСТ Коллегия из 3 человек, назначаемых по общему согласию от правительств Исландии, Лихтенштейна и Норвегии сроком на четыре года. Председатель Коллегии избирается на 2 года из состава членов Коллегии. Основной функцией Контролирующего органа ЕАСТ является контроль за соблюдением правил конкуренции, вводимых в рамках ЕЭП на территории стран ЕАСТ..

Суд ЕАСТ состоит из 3 судей назначаемых тремя странами ЕАСТ — участницами ЕЭП на 6 лет. Из числа своего состава судьи Суда ЕАСТ каждые 3 года избирают Председателя Суда ЕАСТ. Суд ЕАСТ в отношении применения положений Соглашения о ЕЭП проводит действия, по надзору за исполнением обязательств государств-членов ЕАСТ, является апелляционной инстанцией по отношению к решениям Контролирующего органа ЕАСТ в сфере конкуренции, разрешает споры между двумя и более государствами-членами ЕАСТ о применении Соглашения о ЕЭП.[389]

Кроме того, Постоянный комитет государств ЕАСТ занимается распространением информации, организацией консультаций, а также подготовкой заседаний Совместного комитета ЕЭП. Таким образом, деятельность Европейской ассоциации свободной торговли практически полностью завязана на обеспечении функционирования Европейского экономического пространства. На настоящий момент в ЕАСТ входят всего 4 государства - Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария. Из них только Швейцария не принимает прямого участия в ЕЭП, так как общенациональный референдум высказался против этого.

Наблюдательный орган ЕАСТ и Суд ЕАСТ регулируют действия членов ЕАСТ относительно их обязательств по Европейскому экономическому пространству (ЕЭП). Так как Швейцария не является членом ЕЭП, она не участвует в этих учреждениях. Наблюдательный орган ЕАСТ выполняет роль Европейской Комиссии как «гарант соглашений» для стран ЕАСТ, в то время как Суд ЕАСТ выполняет для них роль Европейского суда.

Для Соглашения о ЕЭП характерно то, что, согласно ему, ЕЭП во многом опирается не только на опыт и пример Сообществ, но и на их действующее право. Вместе с тем необходимо видеть отличия ЕЭП от Сообществ: проводить полную аналогию между ними было

бы серьезной ошибкой. Достаточно указать на следующие положения. Во-первых, ЕЭП не является таможенным союзом. Страны ЕАСТ сохранили свою прежнюю автономию во внешней торговле. Они могут заключать международные договоры с третьими странами в сферах, которые остались за ними по Соглашению. Во-вторых, в ЕЭП сохраняется без изменений пограничный контроль в отношении лиц и товаров из третьих стран. В-третьих, взаимодействие стран, охватываемых ЕЭП, развивается далеко не во всех сферах. Если довольно быстро определились отдельные конкретные сферы (например, транспорт и рыболовство), то за рамками ЕЭП остались многие другие сферы, в том числе сельское хозяйство. В Соглашении лишь в самой общей форме говорится об общей задаче либерализации аграрной политики, но практически страны ЕАСТ сохранили в этой сфере полную свободу рук. Финансовая, налоговая и валютная политика в Соглашении вообще не затрагивается.

Из семи первоначальных участников Соглашения со стороны ЕАСТ три (Австрия, Финляндия и Швеция) 1 января 1995 г. стали полноправными членами ЕС. Швейцария не ратифицировала соглашение в связи с отрицательными результатами референдума по этому вопросу. Поэтому в настоящее время в ЕЭП официально входят лишь три страны — Норвегия, Исландия и Лихтенштейн. Однако, несмотря на то, что ряд стран ЕАСТ вступил в Европейский Союз, а Швейцария не ратифицировала Соглашение о ЕЭП, само Европейское экономическое пространство не сошло со сцены. Действительно, Швейцарская Конфедерация, которая упоминается в тексте Соглашения о Европейском экономическом пространстве, не имеет прямого доступа к действующим механизмам ЕЭП. Однако взаимоотношения Швейцарии и Европейского Союза строятся на основе семи специальных соглашений, вступивших в силу в 2002 г. По нашему мнению, особая модель взаимодействия Швейцарии и ЕЭП, которая исторически сложилась, позволяет говорить о фактическом участии Швейцарской Конфедерации в Европейском экономическом пространстве.

Главная цель Соглашения о ЕЭП состояла в том, чтобы укрепить экономические и особенно торговые отношения между участниками на равных (по возможности) условиях. Во имя достижения этой цели страны ЕАСТ принимали переходные и предварительные меры, направленные на то, чтобы установить у себя в скором времени положения о четырех свободах (свободе движения товаров, лиц, услуг и капиталов), действующие в праве Сообществ. Особое значение придавалось обеспечению равных условий конкуренции, что также было связано с воспроизведением в странах ЕАСТ норм права Сообществ. В ряде других сфер, например в сфере образования и технологического развития, имелось в виду усилить и расширить сотрудничество. Результатом же стало распространение норм европейского права на страны ЕАСТ. Можно сказать, что, благодаря Соглашению о ЕЭП, единый внутренний рынок Европейского Союза ныне охватывает также страны ЕАСТ - без их вступления в Сообщества, что знаменует собой определенный успех общеевропейской интеграции.

19. Европейская и американская модели постиндустриального общества: сравнительный анализ

Противостояние Европы и Америки, острова и материка занимают ключевое место в геополитических теориях "новых правых". Идея такого противостояния не нова: еще Аристотель понимал решающую роль островов. Та же идея чётко прослеживается у Челлена и Макиндера. В короткой статье "Географическая ось Истории" английский геополитик вводит понятие "срединной земли", Хартлэнда, под которой он понимал континентальное пространство, не подверженное влиянию морских держав. Роль такой «срединной земли», вокруг которой должно будет сложиться «европейское большое пространство», в геополитических концепциях "новых правых" принадлежит Германии, а точнее Mitteleurope, то есть "срединной Европе". Геополитические интересы Германии, по

утверждениям "новых правых", традиционно были противоположны атлантистским тенденциям Запада. Это касалось как собственно континентальных, так и колониальных аспектов геополитики. Германия всегда выступала противником англосаксонских колониальных завоеваний и стремилась к созданию сугубо сухопутной, континентальной цивилизации, основанной на традиционных, иерархических и почвенных ценностях.

Mitteleurope в лице Австро-Венгерской империи Габсбургов была, по мнению идеологов "новых правых", «последним европейским следом Великой Римской империи, к которой и восходит корнями европейская цивилизация в её государственно-социальном аспекте». Собственно говоря, Римская империя и была Большим Пространством, объединившим Западную и Среднюю Европу в единый геополитический организм. И сегодня идея "Великой Европы" напрямую связывается с Германией и странами, входящими в зону германского влияния. В качестве конкретного примера, который часто используют "новые правые", служит целенаправленная политика генерала де Голля на восстановление оси Париж-Бонн, без которой невозможно европейское объединение.

С другой стороны, в течение столетий лучшие мыслители человечества стремились, применяя доступные им методы и анализируя доступные факты, познать закономерности развития того общества, в котором им приходилось жить. Мы, в свою очередь, являемся свидетелями уникальных процессов, происходящих в мире на современном этапе развития общества. В то время, когда мировой политической процесс характеризуется существенными изменениями и трансформациями, представляющими собой весьма противоречивые тенденции, которые приводят к выводу о том, что человечество движется к новому мировому порядку, возникает много концепций, старающихся объяснить происходящие изменения, выявить их закономерности, охарактеризовать данный этап и сделать прогнозы дальнейшего развития. Теория постиндустриального общества является сегодня одной из наиболее распространенных социологических концепций, позволяющих адекватно осмыслить масштабные перемены, произошедшие в западных обществах на протяжении последних тридцати лет.

Представления о современном обществе как постиндустриальном были систематизированы в стройную концепцию к середине 70-х годов, когда социологи стремились подчеркнуть, что три наиболее значимых в экономическом отношении региона мира – Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония – развиваются в едином направлении, объективно заданном логикой технологического прогресса. Прошедшие годы в значительной мере подтвердили продуктивность такого подхода, но продемонстрировали также и необходимость объяснить ряд процессов, оказавшихся за пределами прогнозов классической постиндустриальной теории, так как стали заметны и различия как в экономическом и технологическом потенциале, так и в путях развития обществ, считавшихся постиндустриальными. При рассмотрении западного общества как воплощения постиндустриальных особенностей, прогресс постиндустриальных тенденций выглядит очевидным. В 80-е годы на путь быстрого технологического развития встали государства Юго-Восточной Азии; в начале 90-х потерпела поражение коммунистическая модель развития, долгое время претендовавшая на статус основной альтернативы западной цивилизации. Крах Советского Союза показал, что технологические достижения сами по себе не являются гарантией прогресса; им должно сопутствовать усвоение соответствующих социальных ценностей и институтов. Затяжная экономическая депрессия в Японии свидетельствует о глобальном кризисе модели «догоняющего» развития. В то же время динамика европейских стран убеждает в том, что у США впервые за последние восемьдесят лет появился равный им по экономическому потенциалу партнер (а возможно, соперник).

Обращая свое внимание на эти изменения, мы сталкиваемся с рядом вопросов. Можно ли обобщить все эти факты в рамках единой тенденции? Почему история пошла именно по такому пути? Каковы источники быстрого развития западных стран и почему впечатляющий прогресс их последователей не воплотился в аналогичных результатах?

Насколько значительным может стать в будущем разрыв между Западом и другими регионами планеты? Обостряют ли сложившиеся тенденции те глобальные противоречия, что стали слишком заметны в современном мире? Сформулированные нами вопросы представляются более чем *актуальными для современной науки*, и именно их наличие сподвигло нас на написание данной работы. Однако в нашем исследовании мы обращаемся, прежде всего, к проблеме, заключающейся в том, реально ли и прочно ли то единство западного мира, которое обычно воспринимается как данность и от которого современные исследователи нередко отталкиваются как от очевидного постулата. Принимая во внимание происходящие в мире изменения и трансформации, мы полагаем, что развитие человечества в XXI веке будет в значительной мере зависеть от взаимного экономического, социального, политического и социокультурного позиционирования США и Европы. За годы, прошедшие после «холодной войны», европейские страны сумели добиться впечатляющих экономических достижений и заложить основы нового наднационального политического образования, какого не знала история. Нарастающие различия между Соединенными Штатами и странами Европейского Союза в экономической, социальной и культурной сферах обусловлены не конъюнктурными соображениями, а глубинными социокультурными процессами, объективно протекающими в обоих обществах. Преодоление этих различий, если оно вообще возможно, окажется крайне сложным и длительным процессом.

Здесь мы проводим анализ двух моделей постиндустриального общества - американской и западноевропейской. Бесспорно, что подобный анализ невозможно провести без четкого понимания и осмысления того, что же представляет собой теория постиндустриального общества, как происходило ее формирование, и кто внес существенный вклад в развитие данной теории. Именно по этой причине мы считаем необходимым и важным более подробное обращение к историографии вопроса.

В «Политической энциклопедии» мы находим следующую трактовку теории постиндустриального общества и ее основных положений:

«Постиндустриального общества теория - широкая социополитологическая концепция, объясняющая основные закономерности развития человеческого общества на основе анализа его технологического базиса. В своих работах классики теории постиндустриального общества исследуют взаимообусловленность научно-технического и социального прогресса, предлагая оригинальную модель исторической периодизации, позволяющую рассматривать перспективы цивилизации как постиндустриального общества. Последнее характеризуется смещением центра хозяйственной активности от производства материальных благ к созданию услуг и информации, повышающейся ролью теоретического знания, возрастанием значения политического фактора в развитии общества и замещением взаимодействия человека с элементами природной среды интерперсональным общением. На протяжении последних десятилетий теория постиндустриального общества является универсальным методологическим основанием большинства исследований, ведущихся в рамках либерального направления западной социологической науки. Теория постиндустриального общества сформировалась как результат развития основного течения европейского позитивизма.»[390] Далее авторы данного определения делают краткий исторический экскурс, показывая, как происходило зарождение и развитие идей теории постиндустриального общества, начиная с работы Ж.-А. де Кондорсе "Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума" (1794) и заканчивая классическими трудами Д. Белла "Грядущее постиндустриальное общество" (1973) и "Культурные противоречия капитализма" (1978), в которых освещены все базовые элементы теории постиндустриального общества. [391]

Мы, в свою очередь, считаем необходимым рассмотреть то, как происходило развитие теории постиндустриального общества начиная с к. XIX- н. XX в. и обратить особое внимание на середину XX в., так как именно на современном этапе она оформилась в стройную концепцию.

Итак во второй половине XIX в. наряду с марксистской концепцией периодизации истории стала развиваться позитивистская концепция, с точки зрения ряда философов и социологов в большей мере отвечающая потребностям нового столетия, нежели изложенная в работах классиков позитивной науки. В относительно завершенном виде концепция периодизации, основанная на изучении принципов организации производства и обмена благ, увидела свет в работах представителей “новой исторической школы” в начале XX в.

В это же время известный экономист и социолог Т. Веблен [392] предпринял удачную попытку создания теории прогресса на базе глубокого исследования развития промышленной системы, дополненного изучением институциональной структуры общества. Последнее придало его концепции гораздо более прогностический характер по сравнению с работами предшественников. Его концепция, учитывавшая также многие другие факторы, в том числе организацию обмена, взаимодействие между социальными группами и классами, формирование индивидуальной мотивации, является, безусловно, одной из наиболее полных и многофакторных теорий общественного прогресса, созданных в первой половине XX века.

Развивая эти идеи, после Второй мировой войны исследователи обратились к изучению проблем общественного воспроизводства в условиях ускорения технологического прогресса, которые стали основными чертами послевоенного периода, привели как к радикальному изменению западных обществ. В конце 40-х годов в работах американского экономиста К. Кларка “Экономика в 1960 году” и французского исследователя Ж. Фурастье “Великая надежда XX века” были сформулированы основные методологические принципы теории постиндустриального общества – подразделение всего общественного производства на первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы и положение о грядущем росте доли третичного сектора по сравнению с первичным и вторичным как в совокупной рабочей силе развитых стран, так и в структуре валового национального продукта[393]. Указывая, что в хозяйстве будущего до 90 рабочей силы сосредоточится в секторе производства услуг и информации, что человек сможет посвятить себя более совершенным занятиям, нежели непосредственному производству, что возникнут элементы господства технократии, государство начнет осуществлять действенный контроль за экономикой, а средства производства перестанут быть объектом классовой борьбы, Ж. Фурастье во многом предвосхитил классиков постиндустриализма 1970-х гг. [394]

В то же время, следует сказать, что сам термин «постиндустриальное общество» возник вне рамок этого научного направления. Он был впервые применен в начале XX века анархистами, «считавшими, что будущее общество должно уничтожить индустриальный строй.»[395] Особенно широко в то время использовал его А. Пенти, теоретик английского либерального социализма[396]. Однако при этом сам А. Пенти, по мнению выдающегося российского исследователя, занимающегося проблемой постиндустриального общества В.Л. Иноземцева, «признавал приоритет в использовании данного понятия за А. Кумарасвами, автором ряда работ по доиндустриальному развитию азиатских стран. Оба исследователя использовали термин "постиндустриальное общество" для обозначения такого идеального общества, где возрождены принципы автономного и даже полукустарного производства, каковые, по их мнению, могли составить социалистическую альтернативу индустриализму.»[397]

Во второй раз понятие "постиндустриальное общество" появилось уже в 50-е гг. XX в. в статье американского социолога Д. Рисмена "Отдых и труд в постиндустриальном обществе" (1958)[398], который исследовал сокращение рабочего времени в условиях послевоенного экономического бума. С этого момента понятие «постиндустриальное общество» вошло в терминологический арсенал социологической и политической наук. В 1959 году профессор Гарвардского университета Д. Белл, выступая на международном

социологическом семинаре в Зальцбурге (Австрия), впервые употребил понятие постиндустриального общества в широко признанном теперь значении - для обозначения социума, в котором индустриальный сектор теряет ведущую роль вследствие возрастающей технологизации, а основной производительной силой становится наука. Потенциал развития этого общества во все возрастающей степени определяется масштабами информации и знаний, которыми оно располагает. В этот период идея противопоставления индустриального общества всей предшествующей истории стала привычной настолько, что уже в конце 50-х гг. Р. Арон писал: "Я убежден, что... Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского или западного. Имеется единая реальность – индустриальная цивилизация.»[399] Некоторые элементы концепции содержатся также в работах У. Ростоу "Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест" и "Политика и стадии роста", причем в последней, наряду с периодизацией истории народного хозяйства, отмечена и следующая за индустриальной цивилизацией новая стадия, характеризующаяся ориентированностью экономики на обеспечение возможностей развития человеческой личности[400].

Важным аспектом в развитии теории постиндустриального общества также явился тот факт, что его основателям приходилось вести постоянный диалог с марксистской концепцией, претендовавшей в 1950-1970-е гг. на роль одной из важнейших мировых идеологий по целому ряду проблем, в частности по вопросам классовой структуры современного общества, роли технологических изменений в общественном прогрессе, различным аспектам функционирования политических институтов и т. д.

Становление системы представлений о природе и характере современного общества, в свою очередь, сопровождалось активными дискуссиями и спорами относительно адекватного обозначения формирующегося социального состояния. Вплоть до середины 1970-х годов предпочтение отдавалось понятиям, в которых использовался префикс "пост-". Примером могут служить распространившиеся в то время в литературе определения западного общества как "постбуржуазного", "посткапиталистического", "постпредпринимательского" или "пострыночного"[401], а также более общие понятия, строившиеся на признании за современным социальным состоянием посттрадиционного, постцивилизационного или даже постисторического характера[402]. Некоторые из этих терминов используются и по сей день, а соответствующие концепции имеют своих сторонников и в настоящее время.

Что касается непосредственно понятия постиндустриального общества, то его широкое распространение начинается в середине 1970-х гг., чему в большой степени способствовал выход в свет в 1973 году книги профессора социологии Гарвардского университета Д. Белла "Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования", которая и сейчас является основным трудом, вобравшим в себя все основные положения и методологические основы концепции постиндустриализма. Роль работ Д. Белла в становлении теории постиндустриального общества трудно переоценить. Так он еще в 1962 г. написал пространственный аналитический доклад «Постиндустриальное общество: гипотетический взгляд на Соединенные Штаты в 1985 году и далее», который стал первой работой, целиком посвященной данной проблеме. В 1967 г. были изданы две большие статьи Д. Белла в журнале «The Public Interest»[403], а в 1973 г. вышла его книга «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования»[404].

Понятие постиндустриального общества рассматривалось Д. Беллом скорее как инструмент теоретического анализа, чем как обозначение реально существующего строя: оно «является аналитической конструкцией, а не картиной специфического или конкретного общества. Оно есть некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе»[405]. Д. Белл подчеркивает также, что «постиндустриальное общество... является 'идеальным типом', построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более или менее

связанными между собой и могут быть противопоставлены другим концепциям»; в то же время «в качестве социальной системы постиндустриальное общество не приходит 'на смену' капитализму или социализму, но... пронизывает оба эти социальные типа»[406]. Теория постиндустриального общества. предстает в его работах как концепция, объясняющая природу и основные черты формирующегося нового типа социальной организации. Индустриальному обществу противопоставляется аграрное в качестве предшественника и постиндустриальное - в качестве преемника.[407] В последующем термин "аграрное общество" постепенно был вытеснен понятием "доиндустриальное общество" и возникшая триада "доиндустриальное - индустриальное - постиндустриальное общество" приобрела вполне законченный с методологической и терминологической точек зрения характер. Аграрное хозяйство отличается от индустриального тем, что в качестве основного ресурса оно использует сырье, а не энергию, предполагает извлечение продуктов из природных материалов, а не их производство, вынуждено наиболее интенсивно применять труд, а не капитал. Напротив, постиндустриальное общество рассматривается Д. Беллом как такое, в котором основным производственным ресурсом становится информация, основным продуктом производства - услуги, а место капитала занимают знания. При этом отмечаются особая роль науки и образования, значение политических институтов общества и возникновение нового класса, представители которого способны преобразовывать информацию в знания и в силу этого занимают доминирующие позиции в обществе будущего. Авторы теории постиндустриализма не стремятся четко определить хронологические рамки постиндустриального общества. Реальные изменения, позволяющие говорить о современных развитых обществах как о постиндустриальных, относятся к середине и концу 1970-х гг. и включают радикальное ускорение тех. прогресса, быстрое изменение структуры занятости, становление нового менталитета у значительной части населения, а также рост роли государства в управлении хозяйственными процессами.

В 1970-е и 1980-е годы возникло множество теорий, в которых, с одной стороны, предлагались иные обозначения формирующегося нового общества, основанные на противопоставлении его прежним социальным формам, и, с другой стороны, предпринимались попытки охарактеризовать новый тип общественного устройства на основе выделения в нем неких определяющих черт.[408] Рассматривая данные работы как составные части концепции "постиндустриального общества", по мнению В. Л. Иноземцева, «необходимо отвлечься от целого ряда отличий в представлениях тех или иных авторов и сосредоточиться, с одной стороны, на основных принципах оценки исторического процесса, содержащихся во всех рассматриваемых работах, и, с другой, – на открываемых ими возможностях исследования перспектив экономического и социального развития цивилизации.»[409]

В 1990-е годы появилось множество работ, посвященных организации корпорации в постиндустриальном обществе, инвестиционным процессам[410] и взаимодействию развитых стран с "третьим миром"[411]. Начинаясь десятилетие, безусловно, еще более расширит спектр проблем, рассматриваемых с позиций постиндустриальной теории.

Таким образом, концепция постиндустриального общества и по сей день остается в центре внимания различных обществоведческих дисциплин, причем воспринимается, как правило, в качестве не столько одного из течений социологической или экономической мысли, сколько методологического основания широкого спектра современных исследований. В том ее виде, в каком данная теория предстает в работах ее основоположников, представляет собой целостную социологическую концепцию, целью которой является исследовать наиболее фундаментальных тенденций в развитии современной цивилизации.

Определяя доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества, основатели постиндустриальной концепции всегда стремились использовать предельно корректные формулировки, избегая излишней категоричности. Еще Р.Арон отмечал, что

хотя индустриальный строй, приходящий на смену традиционному аграрному обществу, и представляет собой «такой тип социума, который открывает новую эру в историческом развитии,.. легко дать (только) абстрактное определение каждой формы социума, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является ли то или иное общество архаическим или индустриальным»[412]. Д. Белл, в свою очередь, пишет: «Постиндустриальное общество... не замещает индустриальное, так же, как индустриальное общество не ликвидирует аграрный сектор. Подобно тому, как на древние фрески в последующие эпохи наносятся новые и новые изображения, более поздние общественные явления накладываются на предыдущие слои, стирая некоторые черты и наращивая ткань общества как единого целого», а позднее отмечает, что это общество приходит «на смену индустриальной системе так же, как она пришла на смену аграрной,.. но это не должно означать прекращения производства материальных благ. Постиндустриальные тенденции, – продолжает он, – не замещают предшествующие общественные формы как ‘стадии’ социальной эволюции. Они часто сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры»[413].

Между тем Д. Белл и его последователи, избегая четкого выделения какого-то одного признака, радикально отличающего новое общество от прежних, противопоставляют постиндустриальное общество доиндустриальному и индустриальному по трем важнейшим направлениям: основному производственному ресурсу, которым оказывается информация, тогда как в доиндустриальном и индустриальном обществе таковым являлись, соответственно, сырье и энергия; характеру производственной деятельности, который квалифицируется как обработка (processing) в противоположность добыче (extraction) и изготовлению (fabrication); и технологии, называемой наукоёмкой, в то время как первые две стадии характеризовались трудоёмкой и капиталоемкой технологиями. В результате возникает знаменитая формулировка о трех обществах, первое из которых представляет собой взаимодействие с природой, второе – взаимодействие с преобразованной человеком природой, а постиндустриальное общество выступает в таком случае как взаимодействие между людьми[414].

На основании подобного анализа Д. Белл предлагает определение постиндустриального общества: это «общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания»[415].

Разумеется, такой подход усложняет и определение периода времени, на протяжении которого совершился переход к постиндустриальному обществу. Обычно утверждается, что новые тенденции стали нарастать после Второй мировой войны, хотя зачастую это происходило в формах, дававших, казалось бы, возможность говорить об экспансии индустриализма[416]; если считать критерием развитость третичного сектора, то своеобразной критической точкой считается середина 50-х годов, когда в США численность работников сферы услуг превысила численность занятых в материальном производстве[417]. Однако реальные изменения, заставившие подавляющее большинство западных футурологов говорить о современных развитых обществах как о постиндустриальных, относятся к середине и концу 1970-х годов и включают радикальное ускорение технического прогресса, быстрое изменение структуры занятости и становление нового менталитета у значительной части населения.

Поскольку классики постиндустриальной теории определяли постиндустриальное общество, не обращаясь к его фундаментальному отношению или принципу, а отмечая совокупность признаков, следует повторить основные из них.

Важнейшей экономической особенностью постиндустриального строя Д.Белл считает формирование общества, основанного на производстве услуг и информации. Это

предполагает снижение доли пролетариата и повышение удельного веса высококвалифицированных работников. Эта «новая революция, происходящая в структуре занятости, становится революцией в классовой структуре общества»[418]. Соответствующим образом изменяется и содержание конфликта, характерного для индустриального общества; возникают новые линии социальной стратификации. По словам Зб.Бжезинского, «постиндустриальное общество становится технетронным обществом, культура, психология, социальная жизнь и экономика которого формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций. Производственный процесс не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества»[419].

Развитие сферы услуг ставит под сомнение адекватность традиционных методов и форм экономического регулирования, требует новых форм управления как в масштабах отдельных компаний, так и общества в целом. Анализируя структуру и значение современной корпорации, Д. Белл пишет: «Если задать континуум, поместив на одном конце шкалы экономизацию (когда все аспекты организации специально приспособлены к тому, чтобы служить целям производства и получения прибыли), а на другом социологизацию (когда всем рабочим обеспечен пожизненный найм, а удовлетворенность работников становится главным направлением использования ресурсов), можно обнаружить, что в течение последних тридцати лет корпорации стабильно двигались, почти со всеми своими служащими, в направлении социологизации»[420]; эту формулировку, справедливую применительно к корпорации, вполне можно распространить и на постиндустриальное общество в целом. Этот подход разделяют и многие другие сторонники теории постиндустриализма[421].

Если важнейшей экономической особенностью постиндустриального общества оказывается ведущая роль производства услуг, то технологической базой для подобной трансформации служит качественно новая роль науки и теоретического знания, сложившаяся в развитых индустриальных странах в послевоенный период. Постиндустриальное общество нередко идентифицируется с «обществом знания» (knowledge society); из одиннадцати отмеченных Д. Беллом фундаментальных черт постиндустриального общества пять непосредственно увязаны с прогрессом науки, а три из них занимают первые позиции в списке: центральная роль теоретического знания, создание новой интеллектуальной технологии и рост класса носителей знания[422].

Все это не может не изменить коренным образом принципов социальной структуры. Д. Белл пишет: «Если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной. И если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального. Вследствие этого, – заключает он, – социальные организации постиндустриального и индустриального секторов сильно различаются»[423]. Такое различие обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, это специфический характер продуктов и услуг, в которых в конечном счете воплощается возросший научный и технологический потенциал современного общества. В отличие от промышленных товаров, которые «производятся в виде обособленных, распознаваемых единиц, которые обмениваются и продаются, потребляются и используются,.. информация и знания не потребляются и не ‘расходуются’. Знание – общественный продукт, и его издержки, цена и стоимость сильно отличаются от соответствующих показателей промышленных товаров»[424], и поэтому, «по техническим и концептуальным причинам, невозможно определить стоимость таких товаров в рыночных категориях»[425].

Во-вторых, это изменение в поведении и ценностных ориентациях граждан постиндустриального общества, когда происходит переход от преимущественного потребления материальных благ к преимущественному потреблению услуг, и потребности

людей становятся более разнообразными, а субординация их интересов – все более сложной. Складывающаяся ситуация «неизбежно усиливает остроту конфликта ценностей... [тысячи] вопросов не могут быть разрешены с помощью технических критериев, так как замыкаются на ценностные и политические проблемы»[426].

С переходом к постиндустриальному обществу происходят радикальные изменения в характере управления социумом, в котором устраняются традиционные отношения власти и подчинения, основанные на экономических факторах и целях. Знаменитое утверждение Д.Белла о том, что наиболее значимые институты новой эры будут интеллектуальными[427], не должно (в отличие от распространенного прежде подхода) рассматриваться в качестве подтверждения, будто «дух информационного общества станет духом глобализма, а человек и природа могут жить в гармонии... предполагающей строгую самодисциплину и социальное сотрудничество»[428].

Причина этого кроется в том, что информация и знания имеют принципиально иную природу по сравнению с ранними символами хозяйственной власти; они более «демократичны», чем земля или капитал: если земля и капитал конечны, то знания могут генерироваться и накапливаться беспредельно и оставаться доступными одновременно любому количеству людей. Однако не все они могут в одинаковой степени эффективно воспользоваться теми знаниями, доступ к которым открыт перед ними. Поэтому в социальном и политическом аспектах постиндустриальное общество не является и не может быть однородным; напротив, относительное преодоление традиционных отношений господства и подчинения с лихвой компенсируется структурированностью социума, принимающей настолько явный характер, что появились аргументированные предупреждения о возможности перехода «от общества эксплуатации к обществу отчуждения»[429], с его новыми формами социального конфликта.

Рассматривая концепцию постиндустриального общества с учетом реалий нашего времени, важно понимать как открываемые ею возможности социального прогнозирования, так и отчетливо видеть те проблемы, которые обретают все большую актуальность в современных условиях.

Классики постиндустриализма вполне адекватно, на наш взгляд, определили роль информации, знания и технологий в современном обществе и убедительно доказали, что информационный сектор экономики будет иметь тенденцию к росту, а роль в обществе работников, занятых в знаниеемких отраслях хозяйства, будет устойчиво повышаться.

По мнению российского исследователя постиндустриализма, В. Л. Иноземцева, весьма точным оказался и данный постиндустриалистами прогноз тенденций, складывающихся в экономической сфере. «Мысль Д.Белла о том, что «постиндустриальное общество... не замещает индустриальное, так же, как индустриальное общество не ликвидирует аграрный сектор экономики», оказалась пророчески верной; к концу 80-х годов доля индустриального сектора как в валовом внутреннем продукте большинства западных стран, так и в занятости стабилизировалась. Дальнейший прогресс приобрел скорее качественный, нежели количественный характер: использование знаний и информации как основных производственных ресурсов значимо в настоящее время именно потому, что оно проникает во все сферы экономики, а не концентрируется лишь в ее отдельных секторах. В результате основанной на знании оказывается практически вся современная экономическая система, что предохраняет ее от перекосов в отношениях между отдельными секторами. Основатели теории постиндустриализма сумели точно определить основную ось поляризации нового общества и вскрыть сущность нового классового противостояния в нем. Они отвергли марксову концепцию о возможности доминирования в будущем обществе труда, а не капитала, указав, что труд, как массовая воспроизводимая деятельность, по определению не может быть редким ресурсом. Основным конфликтом постиндустриального общества они усматривали в отношениях между классом носителей знания, контролирующего общественное производство, и классом людей, фактически исключенных из

производственного процесса»[430]

Исследователи формирующегося нового общества убедительно показали, что нарастание элементов постматериалистической мотивации инициируется на низовых уровнях организации, т. е. возникает естественно, а не навязывается сверху. Это серьезно изменяет задачи и цели общественной структуры, так как радикально затрудняет применение мотивов и стимулов, ранее эффективно использовавшихся для смягчения социальных противоречий.

Таким образом, теория постиндустриального общества настаивает на исторической значимости совершающегося ныне перехода и подчеркивает его революционное значение. Можно согласиться даже с тем, что революция, свидетелями которой мы являемся, представляется самой значительной из когда-либо переживавшихся человечеством. В то же время сегодня различимы контуры проблем, с которыми могут столкнуться постиндустриальные общества уже в ближайшее время.

Во-первых, быстрый рост информационной составляющей современной экономики не может не порождать вопроса о том, насколько он соответствует постиндустриальным тенденциям в социальной и социопсихологической сферах. В настоящее время не только традиционный индустриальный сектор становится все более похожим на информационный, но и то, что обычно воспринималось как домен информационной экономики, уже практически неотличимо от индустриального производства. С этим соглашаются и отечественные и зарубежные исследователи, занимающиеся проблемой современного общества.[431] В.Л. Иноземцев и Е.С. Кузнецова также задаются логичным вопросом на этот счет: «Что более «постиндустриально» – автоматизированное массовое производство компьютерных программ, мотивация организаторов которого сугубо утилитарна, или же применяющее пусть и не слишком много информационных ресурсов создание уникальных продуктов в традиционных отраслях, от haute couture до сферы образования и искусства? Следует ли судить о степени развития постиндустриальных тенденций по объективным факторам или же по состоянию общественного сознания и развитости человеческого потенциала общества? В отличие от 1970-х годов, когда эти моменты казались дополняющими друг друга, сегодня они выглядят чуть ли не взаимоисключающими»[432].

Во-вторых, все более актуальной становится проблема воздействия постиндустриальной трансформации на социальные отношения и социальную структуру. Можно ли предпочесть развитие объективных постиндустриальных тенденций в экономике порождаемым ими негативным последствиям в социальной сфере? Сегодня очевидно, что проблема имущественного и социального неравенства выходит на первый план во всех развитых обществах. Драматизм этой проблемы усугубляется тем, что для слоев общества, добившихся высокого уровня благосостояния, становятся все более значимы постматериалистические мотивы деятельности, тогда как неимущие и средние слои стремятся в первую очередь к повышению своего материального благополучия. Углубление неравенства может стать провозвестником полномасштабного классового конфликта, который не предусматривался «классической» теорией постиндустриализма.

В-третьих, все проблемы, в той или иной мере проявляющиеся при анализе современных постиндустриальных обществ, приобретают угрожающие формы в мировом масштабе. С одной стороны, страны, которые, как казалось, усвоили принципы высокотехнологичного производства (прежде всего – Япония и государства Юго-Восточной Азии), терпят поражение в экономическом соревновании с США и ЕС, в большей мере ориентированными на развитие интеллектуального капитала и повышение качества жизни своего населения. С другой стороны, неравенство, обусловленное в развитых странах факторами образования и доступа людей к знаниеемкому производству, проецируется на мир, не располагающий методами смягчения такого неравенства. Поэтому, пусть с некоторыми оговорками, можно полагать, что сегодня именно менее развитые страны показывают пример будущего, общего для всей цивилизации.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в начале XXI века обретает зримые контуры некая дилемма постиндустриального развития, которая была практически неразличима во времена становления теории постиндустриализма. Несколько упрощая, можно, на наш взгляд, говорить о ней как о дилемме между развитием постиндустриальных тенденций «вширь и вглубь», между «экстравертным» и «интравертным» типами постиндустриального прогресса, между постиндустриализмом в экономике и элементами традиционности в иных сферах социальной жизни, а также между постиндустриальными сдвигами в социальной сфере при сохранении более традиционных экономических структур. Можно пойти даже дальше и сказать, что основной вопрос заключается сегодня в том, возникают ли в ведущих западных странах постиндустриальные общества, отрицающие ряд прежних закономерностей, но пока еще ничего не дающие взамен, или же неиндустриальные общества, приносящие с собой качественно новые принципы социальной организации.

Не будет, на наш взгляд, преувеличением утверждать, что два варианта постиндустриального развития некоторым образом воплотились в основных центрах постиндустриального мира – Соединенных Штатах Америки и Европейском Союзе. Для них обоих характерны непереоценимая по своему значению близость источниками культурного развития, общие традиции и история. Насколько глубоки эти источники единства и смогут ли они нейтрализовать противоречия между европейской и американской моделями постиндустриального развития – эти вопросы и волнуют нас сейчас в наибольшей степени.

Таким образом, подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что становление концепции постиндустриального общества началось с оценки реальных явлений, кардинально изменяющих лицо западного мира. С момента своего возникновения и по сей день постиндустриальная теория сохраняет последовательно материалистический характер, черпая новые источники своего развития в конкретных фактах и тенденциях. В рамках данной концепции эмпирический материал всегда был и остается первичным по отношению к теоретическим постулатам и общеметодологическим конструкциям, что расширяет возможности ее применения на современном этапе.

Двумя основными центрами мировой экономики являются сегодня Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз. Развитие обоих регионов основано на постиндустриальных тенденциях, которые имеют место в технологической сфере, в структуре общественного производства и занятости. Именно в экономической области в наибольшей мере проступают черты сходства этих центров постиндустриальной цивилизации.

Структура общественного производства, соответствующая постиндустриальной экономике, начала складываться в европейских странах позже, чем в США, что отчасти компенсировалось более высокими темпами этого процесса. Используя подход Д. Белла, мы хотели бы начать анализ постиндустриальной трансформации в Европе с поверхностного, но при этом легко фиксируемого фактора – изменения структуры производства и занятости.

В начале 50-х Европа явно отставала от США. Во Франции, Испании и Италии до 50% населения проживало в сельской местности, а доля аграрного сектора в ВВП достигала 30%. В обрабатывающей промышленности и строительстве в Великобритании, Германии и Франции было занято, соответственно, 44,4, 41,2 и 40,4% рабочей силы, а их продукция обеспечивала 42,1, 47,4 и 43,2% ВВП (в США во вторичном секторе было занято 34,7% совокупной рабочей силы и производилось 34,5% ВВП). В середине 60-х годов, однако, в этой сфере начались серьезные перемены, обусловленные, как мы покажем ниже, ориентацией европейских стран на интенсивные методы развития производства, не предполагавшие наращивания численности применяемой рабочей силы.

Если к середине 70-х доля обрабатывающей промышленности и строительства в ВВП США составляла 33,2%, то в Великобритании она снизилась до 28,4%, в Германии –

до 38,0%, а во Франции – до 30,2%[433]. К началу 90-х годов ЕС уверенно опережал США по степени «сжатия» доли промышленного сектора в ВВП: она составляла в ЕС 20,2% (от 15% в Греции до 30 в ФРГ)[434], тогда как в США колебалась в интервале 22,7-21,3%[435]. При этом, хотя доля занятых в индустрии была в США несколько ниже, чем в ЕС, абсолютная численность промышленных работников на протяжении 70-90-х годов стабильно росла, тогда как в Европе уже с середины 70-х (в Германии с 1972 г., во Франции с 1975-го)[436] начался процесс ее сокращения. За 1975-1986 гг. во Франции, например, в промышленности было сокращено столько же рабочих мест, сколько было создано за весь период 1890-1968 гг. Подобные процессы шли и в первичном секторе: в сельском хозяйстве в ЕС к середине 90-х годов было занято до 5% активного населения (в США – не более 2,7%)[437], а в добывающей промышленности – 1,1% (в США – 2,0%). При этом в 1995 г. добавленная стоимость в аграрном секторе ЕС превосходила американский показатель на 36%, а в энергетике – на 71%. Учитывая, что доля услуг в ВВП европейских стран в начале 70-х годов составляла немногим более 50%, тогда как в США – до 63%, а сегодня соотношение составляет 66% к 72%, следует признать, что «рост сферы услуг в Европе происходил гораздо быстрее, чем в США или Японии»[438].

При этом европейская экономика развивалась по интенсивному пути. С 1973 по 1996 г. численность занятых в сельском хозяйстве в США почти не изменилась (3,572 против 3,570 млн. человек), тогда как в ЕС данный показатель сократился в 2,6 раза, с 15,575 до 5,950 млн.; в промышленности и на транспорте занятость в США за те же годы выросла на 7%, с 28,2 до 30,2 млн. человек, тогда как в ЕС она упала на 32% (с 53,4 до 36,1 млн.); и, наконец, в сфере услуг США количество работников увеличилось на 74% (с 53,3 до 92,9 млн. человек), тогда как в ЕС оно возросло лишь на 18% (с 62,4 до 73,3 млн.). В целом за этот период численность занятых в странах ЕС выросла лишь на 3,6% (со 134,4 до 139,2 млн. человек), тогда как в США – на 47,4% (с 86,8 до 128,0 млн.)[439]. При этом продолжительность рабочего времени американцев на 20-35% больше, чем у европейцев, а женщины и пожилые люди в Соединенных Штатах в гораздо большей мере вовлечены в хозяйственную активность, чем в Европе.

Таким образом, основой экономического роста в европейских странах был рост производительности, что является важнейшей характерной чертой постиндустриального типа хозяйства. В 1950-1973 гг. производительность росла в Западной Европе на 4,7% в год, тогда как в США – лишь на 2,9%[440]. Если в 1950 г. средний уровень производительности составлял в Италии 34% американского, в Германии – 35, а во Франции – 45%, то к началу 90-х годов этот разрыв был преодолен: итальянская производительность достигла 85% американской, германская – 95%, а французы даже вышли вперед с показателем в 102%. При этом на протяжении 1986-1994 гг. реальная заработная плата в промышленности Германии повышалась на 2,1% в год, Франции – на 2,7%, тогда как в США она снижалась на 1,2% ежегодно[441].

Таким образом, на протяжении 70-х и 80-х годов европейские страны достигли структуры и эффективности производства, соответствующих основным формальным признакам постиндустриального общества.

Важным элементом сходства европейской и американской экономик служит и тот факт, что их устойчивое развитие основано на внутренних инвестиционных ресурсах, хотя характер таковых далеко не одинаков.

В основе инвестиционной активности традиционно лежат сбережения населения и хозяйствующих субъектов. В США первый из этих показателей традиционно остается ниже европейского. Так, в последней четверти XX столетия максимальная доля сбережений в США составляла (в 1975 и 1981 гг.) 9,4% располагаемых доходов населения, тогда как в Германии она достигала в те же годы 18,4%. В 80-е и 90-е годы этот показатель начал стремительно снижаться: в 1985-1990 гг. он находился ниже отметки в 2,5%, а в сентябре 1998 года впервые в американской истории достиг отрицательных значений[442]; в европейских странах норма сбережений также падала, но процесс шел

гораздо более медленно, и сам этот показатель сохранял позитивные значения[443]. Однако низкая норма частных сбережений в 80-е и 90-е годы не оказала такого негативного влияния на американские инвестиционные показатели, какой можно было предположить. Так, по итогам 1996 г. по доле ВВП, направленной на инвестиционные нужды (около 18%) США уступали, например, Германии (21,7%), но сохраняли паритет с Францией (18%) и даже опережали Италию и Великобританию[444]. Этот феномен, наблюдавшийся и в последующие годы, связан в первую очередь с ростом корпоративных накоплений при снижении частных. В результате США и страны ЕС имели приблизительно равные доли инвестиций в ВВП (17,5-18,5% в США и 19,1% в ЕС по данным за 1997 г.), которые оставались существенно более низкими, нежели в Японии или в быстро развивающихся странах Юго-Восточной Азии.

Основным генератором инвестиций в США и ЕС выступает рост расходов на факторы производства, что также является важной характерной чертой постиндустриальной экономической системы. Во второй половине 90-х годов США удерживали лидерство по темпам их роста; в последние годы европейские и американские показатели сближаются. Так, общее увеличение соответствующих расходов в США составило в 1995-1999 гг. не менее 54%[445] при том, что ВВП вырос за это время не более чем на 26%. Особенно быстро увеличивались затраты на покупку новых основных фондов (на 60% в 1994-1998 гг.), а также приобретение информационных технологий и средств для их использования (более чем на 110% за тот же период)[446]. В Европе процесс шел соизмеримыми темпами, но основывался в большей степени на росте конечного спроса; хотя в ЕС высокотехнологичные отрасли, ориентированные на производство инвестиционных товаров, занимают более скромное место, чем в США, насыщенность потребительского рынка высокотехнологичными товарами нередко превышает американские показатели (так, в ЕС мобильными телефонами пользуются 73% населения против 43% в США, и т.д.). При этом роль наукоемких отраслей в европейской и американской экономиках практически одинакова (48,4% добавленной стоимости в ЕС и 55,3% в США), как одинаковы и инвестиции в производство новой информации и знаний (8% ВВП в ЕС и 8,4% – в США).

Следует также заметить, что США и ЕС ориентированы не только на внутренние источники инвестиций, но и на внутренний спрос; доля экспорта в их суммарном валовом продукте остается относительно низкой, что также соответствует постиндустриальным тенденциям.

Сегодня доля экспорта в ВВП Соединенных Штатов не превосходит 10-12%; в странах ЕС этот показатель формально гораздо выше, но большая часть экспорта (около 62,9%) не покидает границ ЕС[447]. В результате объем товарных потоков, направляемых США и ЕС за свои внешние границы, вполне сопоставим (798,6 млрд. долл. в ЕС и 695,0 млрд. долл. в США, по итогам 1999 г.). При этом как экспортеры, так и импортеры предлагают друг другу продукцию, принадлежащую к одним и тем же товарным позициям, т. е. переходят от того типа торговли, которую обычно именуют «inter-sector», к той, которая по сути является «intra-sector»[448].

США и ЕС – два основных центра постиндустриального хозяйства – являются и наиболее тесно связанными в экономическом отношении регионами мира. ЕС остается самым крупным торговым партнером США, и доля европейского экспорта, направляемого в Соединенные Штаты, (19,7%) превосходит не только объем экспорта в любую другую отдельно взятую страну, но и в целом в страны Восточной Европы (16,7%), не входящие в ЕС Швейцарию, Норвегию и Исландию (10,9%), а также в Японию и Гонконг (7,8 %) [449]. В еще большей степени Соединенные Штаты и Европейский Союз связаны инвестициями, которые компании одного региона осуществляют в другом. Так, в 1990 г. корпорации только семи стран – Великобритании, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов – приобрели более чем по 10 американских компаний, причем доля Великобритании составляла около 31%, а Японии – менее 14%[450]. Характерно, что

эти же семь стран оставались главными партнерами и в 1996 г.: они обеспечивали суммарно 85% всех инвестиций в США и выступали реципиентами для более чем 60% всех американских капиталовложений за рубежом[451]. Переориентация американских инвестиций особенно заметна в последние десятилетия: если в 1970 г. в Европу направлялось около трети всего их объема, то ныне суммарные инвестиции в ЕС составляют около 50%. На протяжении 80-х годов страны ЕС увеличили свои инвестиции в США более чем в полтора раза, и их объем превышал объем японских инвестиций в три, а канадских – в семь раз. Степень доминирования европейских инвесторов на американском рынке отражает, в частности, тот факт, что по итогам 2000 г. страны ЕС инвестировали в один только штат Техас больше средств, чем японские предприниматели – в США в целом[452]. Для каждой из стран ЕС американский рынок как сфера размещения инвестиций остается самым важным за пределами Европы: так, около 20% всех французских, 22% германских и рекордные 41% британских иностранных инвестиций направляются именно в Соединенные Штаты[453].

Таким образом, на протяжении последних десятилетий экономики Европы и Соединенных Штатов обнаруживают значительные элементы сходства, большинство из которых представляется нам проявлением тенденций, свойственных развитому постиндустриальному обществу. К ним относятся, *во-первых,* изменение структуры производства и занятости в пользу сферы услуг и наукоемких производств; *во-вторых,* интенсификация производства на основе роста производительности; *в-третьих,* сугубо внутренний источник инвестиций и накоплений, показывающий независимость этих экономик от внешних условий, их прогрессивный и самодостаточный характер; *в-четвертых,* быстрое углубление взаимозависимости двух постиндустриальных регионов на фоне их прогрессирующего замыкания от остального мира. Большинство этих элементов сходства обусловлено тенденциями научно-технического прогресса, практически в равной степени, хотя и в несколько разных сферах, развивавшимися в США и Европе в послевоенные годы.

Постиндустриальное общество, как отмечали Д. Белл и его последователи, характеризуется прежде всего тем, что знания и информация становятся основным производственным ресурсом и непосредственной производительной силой. Пример Соединенных Штатов и Западной Европы служит реальным тому подтверждением.

США и ЕС являются сегодня несомненными лидерами в технологической сфере. На протяжении 90-х годов страны-члены ОЭСР тратили на научные исследования и разработки в среднем около 400 млрд. долл. в ценах 1995 г., из которых на долю США приходилось 44%, а на долю стран ЕС – около 31%[454]. К 1990 г. члены «Большой семерки» обладали 80,4% мировой компьютерной техники и обеспечивали 90,5% высокотехнологичного производства. Развитые страны контролировали 87% патентов, зарегистрированных в мире по состоянию на конец 1993 г.[455]

Заметим, однако, еще раз, что в 80-е и 90-е годы Соединенные Штаты лидировали, скорее, в создании новых технологий, тогда как европейские страны опережали США, и порой существенно, в их использовании.

Так, США были первыми в области производства компьютерной техники и программного обеспечения; сегодня на их долю приходится 75% мирового рынка программного обеспечения. Это дает Америке серьезные конкурентные преимущества и обуславливает рост расходов на образование и научные исследования. Так, если в 1940 г. в США в колледжи поступало менее 15% выпускников школ в возрасте от 18 лет до 21 года, то к 1993 г. этот показатель вырос до 62%[456]. Если в 1995 г. прямые вложения в принципиально новые технологические разработки составляли в США 6,4 млрд. долл., то в 1997-м они достигли 11,5 млрд. долл., а в 1999-м – 35,5 млрд.[457]

В Европе до последнего времени положение было иным. Направляя на развитие образования не меньшую долю ВВП, чем США, европейские страны не акцентировали столь значительного внимания на «новой экономике». Вплоть до середины 90-х годов

венчурный капитал в Европе находился в зачаточном состоянии. В этот период, однако, страны ЕС смогли удержать свои позиции на мировых рынках продукции, изготовление которой требует особого мастерства, – более 31%; при этом из 200 крупнейших промышленных компаний мира европейскими были 69, тогда как американскими – 64, а японскими – 53[458].

К середине 90-х годов положение Европы среди развитых стран мира стало радикально меняться под воздействием четырех основных факторов. Во-первых, европейские страны смогли обеспечить паритет с США по расходам на научные исследования в расчете на душу населения и вдвое превзошли по этому показателю Японию.[459] Во-вторых, значительно поднялся уровень квалификации работников, произошли также серьезные изменения в структуре занятости: если в 1971 г. на 10 тыс. занятых в народном хозяйстве в США приходился 61 исследовательский работник, а в 1994-м – 74, то соответствующие показатели для Испании составляли 6 и 30, Великобритании – 33 и 51, Франции – 28 и 59, Германии – 33 и 58, а Швеции – 25 и 68. В-третьих, был зафиксирован всплеск инвестиций в венчурные проекты, где разрыв между ЕС и США начал стремительно сокращаться. Если в 1996 г. объем привлеченного в ЕС венчурного капитала находился на уровне американского показателя 1990 г., то за 1998-1999 гг. он вырос в 3 раза[460]. При этом затраты на покупку технологий, составившие в ЕС в 2000 г. 320 млрд. евро, лишь в 1,5 раза отставали от американского показателя в 500 млрд. долл.[461]

Сегодня страны ЕС явно лидируют в ряде отраслей промышленности, которые иногда не причисляются к высокотехнологичному сектору, но являются важнейшей сферой приложения новых технологий. Еще в конце 80-х годов ЕС обогнал США по объемам производства в химической промышленности (в 1995 г. среди 20 крупнейших по объему продаж химических фирм были 3 японских, 5 американских и 12 европейских, причем первые три позиции занимали германские компании – Hoechst, BASF и Bayer); в середине 90-х было обеспечено лидерство в фармацевтике (по состоянию на 1997 г. среди 20 крупнейших по объему продаж фармацевтических компаний были 1 японская, 9 американских и 10 европейских, причем первые две позиции занимали швейцарская Novartis и британская GlaxoWellcome).[462] В середине 90-х годов ЕС вышел вперед в большинстве отраслей машиностроения; в частности, его компании производили свыше 13,5 млн. легковых автомобилей в год, что более чем вдвое превосходило американский показатель (6,35 млн.). С каждым годом ЕС увеличивает отрыв от США в металлургической промышленности (по итогам 2001 г. европейские металлургические корпорации обладали мощностями для выпуска 203,9 млн. т стали, в то время как американские – лишь 114,8 млн. т).[463] И этим не исчерпывается ряд подобных примеров.

На протяжении 1997-2000 гг. темп роста объемов европейского компьютерного и телекоммуникационного рынка превышал американские показатели в среднем в полтора раза. На протяжении последних лет среди 12 государств, население которых наиболее активно использует интернет, числилось 7-8 европейских стран, причем Финляндия и Норвегия уверенно занимали лидирующие позиции в мире. Пять европейских стран – Нидерланды, Дания, Швеция, Финляндия и Великобритания – опережают США по доле домов и квартир, подключенных к интернету, а средний для ЕС показатель – 28,4% – уступает американскому менее чем на треть[464]. Три европейских фирмы – Nokia, Siemens и Ericsson – контролируют сегодня 49,3% мирового рынка мобильных телефонов, тогда как американская Motorola – 13,2%, а японские Panasonic, NEC и Mitsubishi – 11,1%[465].

Европейские страны вступили ныне в конкуренцию с Соединенными Штатами и в областях, где прежде американское превосходство даже не оспаривалось, – например, в самолетостроении. По итогам 2001 г. европейский концерн Airbus Industrie второй раз за последние три года опередил Boeing по числу заказанных у него самолетов (382 заказа

против 335) и стал обладателем крупнейшего в мире общего портфеля заказов на производство авиационной техники (1575 заказов против 1357 у Boeing)[466].

Говоря об успехах европейских стран в сфере технологий, следует иметь в виду и тот факт, что производство высокотехнологичной продукции в ЕС в большей мере, чем в США, ориентировано на потребительский рынок. До 55% новых европейских автомобилей оснащаются системой GPS, в то время как в США – не более 20%; европейские компании мобильной телефонии быстрее американских переходят на систему связи третьего поколения; в ведущих странах ЕС с конца 80-х годов действует сеть пассажирских поездов, развивающих скорость более 300 км/час.

Сопоставление состояния высокотехнологичных отраслей экономики в Соединенных Штатах и странах Европейского Союза можно продолжать на многих страницах. Между тем даже на основании изложенного можно видеть значительные элементы сходства, вызванные, опять-таки, поступательным развитием обоих регионов в направлении формирования основ постиндустриального общества. Во-первых, на протяжении послевоенных десятилетий и там, и там резко выросло внимание к проблемам образования; произошло не только формальное повышение уровня образованности населения, но и качественное его изменение; высшее образование перестало быть уделом избранных и оказалось открыто большинству общества. Во-вторых, и США, и ЕС, используя каждый свои методы, прибегли к резкому наращиванию расходов на научно-исследовательские разработки и применение высоких технологий; в объеме валового национального продукта доля товаров и услуг, производимая с помощью таких технологий, превышает сегодня в обоих регионах 70%. В-третьих, и Соединенные Штаты, и страны Европейского Союза обеспечивают положительный баланс в торговле технологиями и высокотехнологичной продукцией, что является зримым подтверждением их технологического лидерства.

Однако экономическое развитие США и стран ЕС демонстрирует и существенные различия. В Америке основное внимание уделяется чисто экономическим показателям; поэтому американцы идут главным образом по пути создания технологий и продуктов, остающихся массовыми и стандартизированными, хотя и имеющих порой мировое значение (унифицированные системы MS-DOS, программы, управляющие поисками в интернете, наиболее передовые технологии в информатике, биоинженерии и т. д.). Не сомневаясь в постиндустриальном характере американской экономики, мы хотим отметить, что *постиндустриальная экономика США во многих отношениях как бы срослась с индустриальной идеологией*, и следует признать, что *успехи постиндустриального хозяйства Америки достигаются во многом теми же методами, которые вывели ее в авангард социально-экономического прогресса в эпоху индустриализма* и которые, как мы полагаем, имеют объективный предел для своего эффективного использования в XXI веке.

Напротив, в Европе экономическое развитие направлено, скорее, на использование новейших технологий для производства более высококачественных индивидуализированных благ; в этом случае *постиндустриальный характер европейской экономики имеет качественно иной оттенок, так как в значительной мере предполагает отказ от самой индустриальной идеологии* с ее однозначным акцентом на материалистические ценности и утилитаристскую мотивацию.

Эти различия в значительной степени выходят за пределы чисто хозяйственной сферы. Обращаясь к ним, мы оказываемся в области сложного переплетения экономических, культурных и социальных процессов, которые в своей совокупности и обуславливают существование в современном западном мире двух моделей постиндустриального общества.

По мере становления основ постиндустриального общества в Соединенных Штатах и странах Европы различия между двумя моделями постиндустриализма становились все более заметными. Они, на наш взгляд, обусловлены не столько феноменом

постиндустриальной трансформации, сколько историческими условиями, в которых формировалась постиндустриальная экономика по обе стороны Атлантики. Если в Европе история становления индустриального общества насчитывает ныне по меньшей мере четыре столетия, то в США этот отрезок как минимум вдвое короче. Если в Европе промышленной революции предшествовали столетия средневекового строя, то в США индустриальное общество создано «с нуля». И, наконец, если в Европе формирование постиндустриальных тенденций в значительной мере было воспринято именно в контексте «антииндустриализма», то в США постиндустриализм означал порядок, приходящий «на смену индустриализму».

Именно поэтому в США, несмотря на то, что их экономика в полной мере является постиндустриальной, фактически отсутствуют постиндустриальные перемены в социальной сфере. Сегодня, как и прежде, американцы, никогда не измерявшие успех в иных показателях, кроме эффективности производства и размеров прибыли, идут главным образом по пути создания технологий и продуктов, хотя и имеющих порой планетарное значение, тем не менее остающихся вполне массовыми и стандартизированными. США. По мнению О. Н. Антипиной и В. Л. Иноземцева, «соединили постиндустриальную экономику с индустриальной идеологией, они развивают постиндустриальное хозяйство теми же методами, какими добивались успеха в эпоху индустриализма. Такой тип развития если и не ведет страну к историческому тупику, то дает повод для размышлений о потенциальной уязвимости данной модели в наступившем столетии»[467].

Напротив, в странах ЕС, которые нередко считаются менее удачливыми в технологическом и хозяйственном аспектах, рост ВВП на протяжении мирных лет XX века опережал американские показатели. «На протяжении 1960-1973 гг. ВВП стран ЕС рос со средним темпом 4,8% в год против 3,4% в США; в 1974-1992 гг. соответствующие цифры составляли 2,8 и 1,9%. К середине 90-х ЕС достиг паритета с США по размерам совокупного валового продукта (8,74 трлн. долл. вместе со вступающими в него в 2004 г. странами против 8,51 трлн. долл. в США)»[468]

Однако главной особенностью Европы как постиндустриального региона является то важное значение, которое имеют для европейцев социальная стабильность, традиционные культурные ценности и постматериалистическая мотивация деятельности.

В Европе успехи постиндустриального хозяйства и рост благосостояния населения «ведут к сокращению, а не росту масштабов имущественного неравенства, к сокращению, а не увеличению продолжительности рабочего времени, к снижению актуальности материалистических мотивов деятельности, порождают в людях стремление повышать не уровень, а качество жизни, в значительной мере определяемое субъективно и вряд ли исчислимо количественно»[469]. В силу этих обстоятельств, которые мы попытаемся проанализировать более подробно, европейская социо-экономическая модель оказывается существенно отличной от американской, а складывающиеся ныне европейские ценности – резко отличающимися от американских ценностных ориентиров. Все это особым образом позиционирует Европу в социальном отношении.

На протяжении всей истории неравенство воспринималось людьми как социальное зло; как бы оно ни объяснялось и какие преимущества для экономического прогресса ни открывало, человеческое сознание вряд ли когда-нибудь смирится с его неизбежностью и предопределенностью. Во все времена наличие резкого имущественного неравенства становилось основой для социальных конфликтов; неоднократно философы и социологи связывали возможность его преодоления с тем или иным этапом общественного прогресса, и всякий раз эти надежды оказывались иллюзорными. Становление постиндустриального общества в очередной раз опровергло предположения о возможности устранения материального неравенства, породив еще большие диспропорции в распределении доходов – как в рамках развитых стран, так и в мировом масштабе.

Как известно, для характеристики имущественного неравенства нередко сравнивают ту

долю национального богатства, которая принадлежит одному проценту наиболее состоятельных граждан страны (его можно, по аналогии с «золотым миллиардом» планеты, назвать «золотым одним процентом») и той или иной части населения, примыкающего к «полюсу бедности». Вплоть до середины 70-х годов на Западе неуклонно сокращалась доля «золотого одного процента»: с 1913 по 1974 г. она уменьшилась почти вдвое. Однако в последней четверти XX столетия эта отрадная тенденция повернула вспять во всех развитых странах, и к концу века в Великобритании, Германии и Франции эта доля выросла почти наполовину, а в США – даже превзошла показатель 1913 г.[470] Как полагают авторитетные западные специалисты, «усиление неравенства, начавшееся в середине 70-х годов и ускорившееся в 80-е, является одной из тенденций в современной экономике, имеющих самое достоверное документальное подтверждение»[471]. Хотя эта тенденция характерна и для Нового, и для Старого Света, статистика свидетельствует, что острота проблемы гораздо меньше в странах ЕС, чем в Соединенных Штатах. В чем же причины?

На наш взгляд, более равномерное распределение национального дохода и общественного богатства в странах ЕС обуславливается тремя факторами: во-первых, структура общественного производства в Европе и уровни доходов не допускают столь значительного разрыва в заработной плате, какой имеет место в США; во-вторых, европейские экономики в меньшей мере затронуты эффектом спекулятивного роста богатства высших слоев населения, что было характерно для Соединенных Штатов в условиях их либеральной налоговой политики и продолжавшегося в течение всех 90-х годов бума на фондовом рынке; в-третьих, внутренняя политика европейских государств на протяжении десятилетий способствовала сглаживанию имущественных различий посредством поддержания доходов низкооплачиваемых групп населения на социально приемлемом уровне.

Выше мы отмечали, что структура производства в странах Европы более консервативна, чем в США; следовательно, здесь выше спрос на высококвалифицированный труд, предполагающий высокие доходы представителей, прежде всего, среднего класса. Так, средняя заработная плата в промышленности стран ЕС составляет 22,3 евро/час (в Германии – 26,5 евро/час), тогда как в США – 17,5 евро/час; иными словами, американский уровень оплаты промышленного труда не превышает 78% общеевропейского и 65% немецкого уровня. При этом в ЕС, в отличие от США, в 80-е и 90-е годы реальная почасовая плата промышленных работников росла параллельно с ростом производительности. Так, на протяжении 80-х годов в Германии почасовая оплата труда в промышленности увеличивалась на 2,0% в год, во Франции – на 2,3%, в Испании – на 1,4%, в Австрии – на 2,0%, тогда как в США – снижалась в среднем на 0,8% в год; для периода 1989-1998 гг. эти цифры составляли, соответственно, 1,7; 1,0; 1,7 и 1,7%, в Соединенных же Штатах фиксировалось снижение на 0,2% в год[472]. Интересно и то, что в 1985-1990 гг. затраты на оплату труда в пересчете на единицу стоимости производимой продукции увеличивались в Швеции и Норвегии в среднем на 6% в год, в Дании – на 5,5%, в Италии и Великобритании – на 4%, в Германии – на 2,7%; в 1990-1996 гг. этот показатель колебался в пределах 1,8-2,8%; между тем в Соединенных Штатах, начиная с середины 70-х годов и вплоть до нынешней рецессии, производительность в значительной степени росла за счет банального снижения оплаты труда работников[473].

Принимая во внимание тот факт, что в последние несколько лет средний уровень заработной платы в европейской промышленности превышает средний уровень доходов в сфере услуг, трудно переоценить значение высоких доходов промышленного персонала для демпфирования имущественного неравенства в ЕС (заметим, что медленнее всего оно нарастает в самых развитых в промышленном отношении европейских странах: так, во второй половине 70-х и в 80-е годы превышение доходами наиболее высокооплачиваемых 10% работников доходов наименее состоятельных 10% увеличивалось в Швеции на 0,7% в год, во Франции – на 0,9%, в Германии – на 1,1%, в Нидерландах – на 1,4%, тогда как в

Испании и Италии – на 1,9%; США же оставались абсолютным «рекордсменом» с 2,7% в год).[474] Важно также отметить, что европейские страны решительно борются против засилья дешевой рабочей силы на рынке труда (в Нидерландах, Дании, Германии и Бельгии минимальная заработная плата составляет около 50% среднего ее уровня, во Франции почти достигает 60%, тогда как в США колеблется в пределах 35-38%)[475], что доходы европейцев, занятых в аграрном секторе, почти вдвое выше, чем в Америке, а в сфере услуг широко распространены мелкие частные предприятия. В результате средний класс сохраняет в целом свою стабильность, а сравнение динамики имущественного неравенства в ЕС и США дает сегодня ряду экспертов возможность вполне обоснованно заявлять, что неравенство, считающееся в европейских странах проблемой, достойной решения, в Соединенных Штатах все больше воспринимается как необратимая тенденция[476].

Устойчивость этой тенденции в США обуславливается либеральным инвестиционным климатом, сокращением налогового бремени крупных корпораций и резким снижением издержек на оплату труда. За период с 1960 по 2002 г. максимальный уровень подоходного налога снизился в США с 91% при Дж.Ф.Кеннеди до 70,5% при Дж.Картере, 49% при Р.Рейгане и 33% при Дж.Буше-младшем[477]. Около 58% прироста национального богатства, достигнутого в США в 1983-1992 гг., пришлось на «золотой один процент» (в странах ЕС в 1981-1996 гг. этот показатель составил 27%). В 90-е годы темп роста доходов наиболее состоятельных 5% населения США превышал средний показатель почти в 8 раз, тогда как в ЕС – только в 2,2 раза[478]. Как следствие, в середине 90-х годов отношение доходов 20% европейского населения, близкого к «полюсу богатства», к доходам 20%, расположившихся на другом «полюсе», составляло примерно 6:1, тогда как в США – 13:1[479].

Самоустранение государства от регулирования процессов распределения привело в США к резкому падению доходов значительной части населения, в то время как страны ЕС обеспечивали стабильный рост уровня жизни своих граждан. Так, за период 1973-1999 гг. почасовая заработная плата лиц со средним образованием снизилась в США с 13,34 до 11,83 долл./час, или на 11,3%, тогда как аналогичные показатели для тех, кто не имеет среднего образования, составили 11,64 и 8,83 долл./час, т. е. снижение превысило 24%. В то же время доходы руководителей компаний, входящих в список S&P500, росли в среднем в 3,5 раза быстрее прибыли их компаний и почти в 9 раз быстрее средней заработной платы занятого в них персонала. В середине 90-х руководитель американской корпорации получал в 120 раз больше ее среднего работника (в Великобритании подобный разрыв составлял 25 раз, во Франции – 22,5, в Германии – 21 раз)[480]. Доходы руководителей тысячи крупнейших европейских компаний, сопоставимых по капитализации и объемам продаж с тысячей американских, оставались в 7 раз ниже доходов их американских коллег[481].

Общая картина весьма впечатляет: европейские страны отличаются сегодня гораздо меньшими масштабами имущественного неравенства, чем Соединенные Штаты. Одной из причин этого мы считаем долгую историю последовательной борьбы с ростом неравенства, характерную для европейских стран. Необходимость ее была осознана в Европе еще в XIX веке. В 1871-1903 гг. ведущие страны, ныне составляющие ядро ЕС, ввели обязательное страхование от несчастных случаев на производстве, в 1883-1911 гг. – обязательное медицинское страхование работников, в 1889-1913 гг. – пенсии по старости, а в 1905-1919 гг. – пособия по безработице; в Соединенных Штатах аналогичные меры были приняты лишь в 1929-1935 гг.[482] На протяжении всего XX столетия европейские государства уверенно наращивали долю социальных расходов в ВВП; США, которые в середине 50-х годов вышли было в лидеры по доле государственного потребления в ВВП (16,84% против 16,08% в Швеции, 14,22% во Франции и 11-13% в большинстве других стран, составивших ныне ЕС), утратили свои позиции, как только в Европе был завершён процесс послевоенного восстановления экономики. К 1980 г. доля социальных расходов в

ВВП достигла 32,7% в Великобритании, 34,1% – в Германии, 34,3% – во Франции, 40,7% – в Дании и 43,7% – в Швеции; в Америке, где в 1975 г. был достигнут максимальный показатель в 24,8%, социальные программы стали впоследствии свертываться, и в настоящее время доля социальных расходов в ВВП поддерживается на уровне 23%[483].

Во второй половине 70-х годов американская модель общественного развития показала, что ей не под силу платить столь высокую цену за поддержание социального равенства. В годы правления президентов Дж.Ф.Кеннеди и Л.Джонсона, когда в Соединенных Штатах была объявлена кампания, имевшая своей целью полное преодоление бедности к 1976 г., суммы прямых денежных трансфертов и пособий малоимущим выросли более чем вдвое, расходы на социальное страхование – в 3,7 раза, ассигнования на выделение им бесплатного питания и медицинских услуг – в 4 раза, на профессиональную подготовку и переобучение – более чем в 20 раз[484]. К 1974 г. доля бедных американцев сократилась более чем наполовину и составляла, согласно различным оценкам, от 10,5 до 11,5% населения[485]. Однако последовавшие кризисы вернули к середине 80-х годов этот показатель на уровень начала 60-х. В Европе же, несмотря ни на какие экономические затруднения, доля социальных расходов в ВВП росла на протяжении 70-х и 80-х годов даже быстрее, чем в 50-е и 60-е. Так, в Швейцарии с 1975 по 1995 г. она увеличилась с 22,75 до 34,48%, в Великобритании – с 27,65 до 32,03%, во Франции – с 31,88 до 39,63%, в Австрии – с 28,34 до 40,12%, в Швеции – с 37,01 до 49,98%; даже в странах, ранее отстававших от США, соответствующие цифры поднялись до среднеевропейского уровня: с 15,85 до 38,24% в Греции и с 17,44 до 33,95% в Испании[486].

Несмотря на настойчивую критику активной социальной политики европейских правительств со стороны ультралиберальных экономистов, она остается важнейшим инструментом сохранения социальной стабильности, и лидерство ЕС в этом отношении не может быть оспорено. Сравнения показывают, что хотя в начале 90-х годов острота проблемы бедности была примерно одинаковой и в европейских странах, и в США, эффективная социальная политика в ЕС снижала уровень бедности в 6-11 раз (в среднем с 18-23% населения до 2-5%), тогда как в США – не более чем на 44% (с 21% до 12%). При этом важно отметить, что страны Европейского Союза заметно превосходят США не только по успехам в искоренении бедности, но и по качеству предоставляемых социальных услуг: так, средний срок, в течение которого безработный получает в ЕС пособие, достигающее 80% от заработной платы на последнем месте работы, составляет 8,5 месяцев после увольнения, тогда как в США редко превосходит 4 месяца; продолжительность оплачиваемого отпуска составляет в Европе 32 дня против 18 в США; продолжительность отпуска по уходу за ребенком достигает в Швеции 72 недель, а в Америке – не превышает 12; наконец, предупреждения об увольнениях делаются в европейских странах за 6-10 месяцев, тогда как в США – за 60 дней[487], и эти примеры отнюдь не исчерпывают отличий в качестве социальных услуг, предоставляемых в Старом и Новом Свете.

Приведенные цифры и факты убедительно свидетельствуют о весьма высокой эффективности политики сдерживания социального неравенства, проводимой в европейских странах; при этом в последние годы экономика «привыкает» к такой политике и демонстрирует уверенный рост. Верность проложенного европейцами курса подтверждается, на наш взгляд, и тенденциями, складывающимися в сфере занятости, традиционно считающейся «слабым местом» хозяйственной системы стран Европейского Союза.

Выше мы отмечали, что на протяжении последних десятилетий страны ЕС, как и Соединенные Штаты, идут по пути формирования структуры занятости, свойственной постиндустриальному обществу. Несколько отставая от США по темпам изменения структуры совокупной рабочей силы в 60-е и 70-е годы, европейцы взяли реванш в 80-е и 90-е, причем, «научившись на чужих ошибках», создают сегодня структуру, которая, на наш взгляд, более гармонично отвечает особенностям постиндустриального развития.

Статистика свидетельствует о двух важных особенностях формирующейся в Европе структуры занятости.

Во-первых, на протяжении последних 25 лет снижение абсолютного числа занятых в материальном производстве идет в странах Европейского Союза более быстрыми темпами, нежели в США: так, если с 1973 по 1996 г. численность занятых в сельском хозяйстве в США почти не изменилась (3,572 млн. человек против 3,570), в ЕС она сократилась в 2,6 раза, с 15,575 до 5,950 млн. человек; в промышленности и на транспорте занятость в США выросла за те же годы на 7%, с 28,2 до 30,2 млн. человек, тогда как в ЕС упала на 32% (с 53,4 до 36,1 млн. человек). В то же время в ЕС занятость в сфере услуг выросла на умеренные 18% (с 62,4 до 73,3 млн. человек), тогда как в США – на беспрецедентные 74% (с 53,3 до 92,9 млн. человек)[488]. При этом доходы европейцев, занятых в материальном производстве, растут, но в то же время не происходит обесценения рабочей силы, обусловленного увеличением численности низкооплачиваемого персонала в сервисном секторе.

Во-вторых, в 70-е, 80-е и 90-е годы хозяйственная система Европейского Союза стала единственной в мире, где стабильный рост экономических показателей не сопровождается увеличением общей занятости: в 1973-1996 гг. совокупная занятость в странах ЕС выросла лишь на 3,6% (со 134,4 до 139,2 млн. человек), тогда как в Соединенных Штатах – на 47,4% (с 86,8 до 128,0 млн.)[489]. Учитывая, что за эти годы ЕС вплотную приблизился к США по объему ВВП и показателям производительности, следует (к неудовольствию экономистов-либералов) признать, что за прославленной способностью американской экономики создавать все новые и новые рабочие места кроется лишь ее относительно невысокая по современным меркам эффективность.

Структура занятости в странах Европейского Союза отражает более высокое, нежели в США, качество жизни европейцев. В 1974-1998 гг. доля экономически активного населения в общей ее численности в странах ЕС упала с 65 до 60%, тогда как в США увеличилась с 65 до 71%. При этом характерно, что в массе экономически активного населения США и страны ЕС имеют практически одинаковые доли мужчин 25-54 лет (от 85 до 90%) и женщин того же возраста (от 60 до 75%). Однако в структуре занятости США гораздо более широко представлены мужчины и женщины как более молодого (от 15 до 24 лет), так и старшего (от 55 лет и выше) возрастов – разрыв с европейскими странами достигает здесь двух и более раз. Так, в Соединенных Штатах доля работающих женщин увеличилась с 55 до 59% только за 1985-1995 гг. и достигает сегодня почти 61%[490], в то время как в ЕС данный показатель составляет 41%, а в таких странах, как Испания, Италия и Греция, – всего 33-35%. Среди европейцев старше 65 лет работают лишь 6,3% мужчин и 2,2% женщин, тогда как для США аналогичные показатели составляют 16,5% и 9%[491]. Таким образом, американские экономические успехи последних лет в значительной степени базируются на имеющем свой естественный предел активном участии в трудовой деятельности всех слоев и групп населения, тогда как европейские – на более высокой эффективности производства.

Не менее впечатляет и сравнение ЕС и США в отношении продолжительности рабочего времени, сокращение которого наиболее очевидным образом свидетельствует о повышении качества жизни. Если в 1960 г. между Европой и США соблюдался относительный паритет (в большинстве европейских стран продолжительность рабочего времени достигала 2150 часов в год, в Соединенных Штатах – 2100 часов), то с середины 70-х годов, после сокращения этого показателя и в Новом, и в Старом Свете до 1840-1900 часов в год, тенденции оказались разнонаправленными, причем США стали единственной из постиндустриальных стран, где с 1974 г. наблюдается последовательное увеличение продолжительности рабочего времени[492]. Если в начале 90-х годов «среднестатистический» американец работал на 11% дольше англичанина или француза и на 23% дольше «среднестатистического» немца, но все же на 9% меньше японца, то в 1996 г. США обошли и Японию, заняв первое место в этой сомнительной «табели о

рангах»[493]. Согласно последним статистическим данным, рабочее время средней американской семьи удлинилось с 1969 по 2000 г. на 22%. При этом сверхурочные работы, запрещенные сегодня в 11 из 15 стран ЕС, выросли в США в 1956-1992 гг. с 2,8 до 3,9 часа в неделю, или на 40%; 8% американцев заняты на двух работах, а 18% выполняют значительную часть своей работы дома, после завершения официального рабочего дня[494].

Напротив, в странах ЕС в 1960-1990 гг. средняя продолжительность рабочего времени снизилась с 2150 до 1650 часов в год, т. е. более чем на 23%[495]. Разумеется, в странах Европейского Союза этот параметр варьируется в достаточно широких пределах: по итогам 1995 г. «среднестатистический» француз проводил на работе 1542 часа в год, немец – 1534, а датчанин – всего 1409 часов в год (иными словами – 5 часов 52 минуты в день при пятидневной рабочей неделе и четырехнедельном отпуске); однако продолжительность рабочего времени «среднестатистического» американца далеко выходит за эти пределы: он продолжал трудиться 1945 часов в год. Данные, обнародованные в конце августа 2001 г. Международной организацией труда, свидетельствуют лишь об упрочении этой тенденции: на протяжении 90-х годов длительность времени, проведенного на работе средним американцем, увеличилась на 2% (с 1943 до 1979 часов), тогда как в Великобритании сократилась на 2,7% (с 1767 до 1719 часов), во Франции – на 5,4% (с 1597 до 1511 часов), а в Германии – на 6,0% (с 1573 до 1480 часов)[496]. Таким образом, рабочий день немецкого персонала в среднем на одну четверть оказывается короче, чем американского, и в общей сложности эта разница оказывается весьма впечатляющей: около 12½ недель в году. При этом нельзя не отметить, что новое европейское законодательство, в частности французский «закон Обри» от 13 июня 1998 г., сокращая рабочее время, не предполагает снижения заработной платы, однако даже такие меры не воспрепятствовали росту производительности «среднестатистического» европейского работника в 3,1 раза за 1960-1991 гг. и выдвиганию Франции, Бельгии и Голландии на первые места в мировом рейтинге по этому показателю.

Таким образом, и социальная политика, и политика в сфере занятости, проводимая в странах ЕС, служат, в конечном счете, повышению экономической эффективности, обеспечивая одновременно улучшение качества жизни населения. Проблема безработицы, традиционно рассматриваемая как одна из наиболее острых социальных проблем европейских стран, должна, следовательно, анализироваться с учетом всех отмеченных выше обстоятельств.

Рассуждая о социальных проблемах, стоящих перед современной Европой, подавляющее большинство исследователей прежде всего обращается к вопросам безработицы. Не следует, однако, забывать, что нынешнюю остроту эта проблема приобрела относительно недавно, в первой половине 80-х годов. В 60-е, например, годы, Европа оставалась образцом для США: средние за десятилетие уровни безработицы составляли в Германии менее 1%, в Великобритании – 1,8%, в Нидерландах и Бельгии – 2,1%, во Франции – около 2,3%; в США соответствующая цифра достигала 4,5%. В 70-е годы положение стало меняться, но и тогда его трудно было признать драматичным: в США в 1973-м и 1979 г. без работы оставались 4,8 и 5,8% трудоспособного населения, в то время как в Финляндии, соответственно, 2,3 и 5,9%, во Франции – 2,7 и 5,9%, в Нидерландах – 2,2 и 5,4%, в Германии – 1,0 и 3,2% и в Австрии – 1,0 и 2,1%[497]. Нельзя не признать, разумеется, что темпы нарастания безработицы в странах Европейского Союза были в этот период выше, чем в Соединенных Штатах, и результат этой динамики стал очевиден к середине 80-х годов.

Причины нарастания европейской безработицы многообразны, однако основной из них мы рискнули бы назвать то быстрое изменение структуры рабочей силы, о которой говорилось выше, сочетающееся с выраженной социальной ориентированностью европейских хозяйственных систем. В 1985-1995 гг. совокупная занятость в ЕС

сокращалась в среднем на 1,5% в год; единственным существенным фактором, тормозившим этот процесс, оставался рост занятости в государственном секторе, который обеспечивал в эти годы более 60% новых рабочих мест. В условиях достаточно твердых социальных гарантий и высокого уровня жизни европейцы, потерявшие работу, предпочитали жить на государственные пособия (к этому располагала и система ценностей, разделяемых в европейском обществе: даже в Германии не более 15% персонала считают деятельность на своем рабочем месте более важной для собственного развития, чем активность за его пределами; аналогичный показатель в США втрое выше – 48%). В то же время предприниматели не могли увольнять ранее принятых на работу лиц без соблюдения сложной и громоздкой процедуры согласования с социальными службами (системой коллективных договоров было охвачено 98% работников в Австрии, 95% – во Франции и Финляндии, 92% – в Германии и около 80% – в Испании и Италии; в США этот показатель оставался в 5-6 раз ниже – 18%)[498], что удерживало их от увеличения занятости в своих компаниях. Неудивительно, что к середине 90-х годов общий уровень безработицы в странах ЕС превысил 11%, при этом для молодых людей в возрасте 16-25 лет он достигал 21,5%, а в ряде регионов, в частности, в Южной Испании, поднимался до 35%.

Обычно исследователи останавливаются на подобных констатациях и утверждают, что проблема безработицы неразрешима в рамках социально ориентированной рыночной экономики, приводя в пример Соединенные Штаты, где ее уровень в 2000 г. опускался до 3,9%. Мы не разделяем такой точки зрения, полагая, что низкий уровень безработицы в США является следствием избытка крайне дешевой рабочей силы; так, если в 90-е годы приток неквалифицированной или малоквалифицированной рабочей силы на рынки США и ЕС был почти равным – по 9 млн. человек, – то в США 6,6 млн. из них получили работу с доходом ниже прожиточного минимума, тогда как в ЕС более 7 млн. зарегистрировались в качестве безработных[499]. Распространенность частичной и неполной занятости в США сегодня столь велика, что, согласно расчетам британского экономиста Р.Лэйарда, при применении сопоставимых методик средние показатели безработицы для мужчин в возрасте 15-55 лет за 1988-1994 гг. составляли 11% во Франции, 13% – в Великобритании, 15% – в Германии и 14% – в США (официальные цифры в последнем случае были в 2,5 раза ниже)[500]. При этом высокая безработица в Европе связана и с некоторыми другими, порой весьма неожиданными, факторами; так, например, в ЕС большая, чем в США, часть населения живет в собственных, а не арендованных домах и квартирах, а расходы, связанные с покупкой и продажей жилья, в некоторых странах достигают 20% его стоимости. Как следствие, в ЕС даже в пределах одной и той же страны в среднем ежегодно меняют место жительства от 0,5% населения (Италия) до 1,3% (Франция), тогда как в Соединенных Штатах доля таких переселенцев составляет 2,8% в год.

Таким образом, можно сказать, что европейцы сознательно предпочли высокий уровень безработицы высокому уровню имущественного неравенства[501]. Этот выбор, как подчеркивает нобелевский лауреат по экономике за 1998 г. А.Сен, не должен считаться хорошим или плохим, поскольку определяется, скорее, предпочтениями, в рамках которых американская социальная этика требует намного более пренебрежительного, чем европейская, отношения к неработающим гражданам, но в то же время гораздо менее готова принимать как должное уровни безработицы, исчисляющиеся двухзначными числами[502]. А так как этические ценности представляют собой субстанцию весьма консервативную, не поддающуюся быстрым трансформациям, единственным выходом для европейцев оставалось постепенное решение проблемы безработицы в рамках принятой ими модели социального устройства.

Важнейшим инструментом борьбы с безработицей стал компромисс между правительством, предпринимателями и трудящимися; правительство законодательно закрепляло более узкие рамки рабочей недели, предприниматели активизировали создание новых рабочих мест, наемный персонал соглашался на некоторое снижение

уровня минимальной заработной платы. Первыми по этому пути двинулись Нидерланды, где безработица в 1984-2000 гг. сократилась с 9,3 до 1,8% трудоспособного населения, став самой низкой в ЕС. В 1996 г. за ней последовала Испания: здесь уровень безработицы снизился к лету 2001 г. с 23,1 до 14,4%[503]; в 1997 г. – Франция, Великобритания и Италия, а в 1998 г. – и Германия. Как следствие, в 1998 и 1999 гг. темп создания новых рабочих мест в ЕС впервые за 90-е годы сравнялся с американским, а начиная со второй половины 1999 г. даже превзошел его[504]. В целом же за 1994-2000 гг. страны Европейского Союза сократили численность безработных почти на четверть, с 18,7 до 14,3 млн. человек. События 1999-2001 гг. дают повод для дополнительного оптимизма. Общеευропейский уровень безработицы, достигавший в 1997 г. 12,6%, к марту 2000 г. упал до 10,2%, и прогнозы экспертов указывали на его дальнейшее снижение. Следует особо отметить, что процесс продолжился даже после того, как США вошли в полосу фондового, а затем и экономического кризиса. По итогам III квартала 2000 г. уровень безработицы в ЕС понизился с 10,2 до 8,9%, тогда как в США он вырос с 3,9 до 4,2%.

Ближайшие годы покажут, действительно ли рост безработицы в странах Европейского Союза в 90-е годы был временным явлением, и если это окажется именно так, то на фоне нарастающей безработицы в Соединенных Штатах и традиционно столь благополучной в этом отношении Японии это может стать одним из решающих аргументов в пользу европейской модели общественного развития.

Однако проблемы бедности, социального неравенства, занятости и безработицы в той или иной мере относятся к сфере проблем, порождаемых динамикой современного хозяйственного прогресса. В то же время в европейских странах можно видеть целый ряд постиндустриальных по своей глубинной сути тенденций, обусловленных социокультурными особенностями европейских обществ. Порождаемые ими различия между странами Европейского Союза и Соединенными Штатами не могут быть преодолены или «сняты» тесным экономическим взаимодействием этих регионов; они накапливаются, проявляясь в формировании противоположных мировоззрений и ценностных установок.

Общество массового потребления, возникновение которого относится в Европе к первому послевоенному десятилетию, но основы которого могли быть различимы в американском социуме уже с конца XIX-го столетия, оказалось одной из наиболее самодостаточных и стабильных социально-экономических систем. Это неудивительно, если рассматривать его как логическое завершение развития индустриального общества, которое всегда порождало тенденцию к усилению стандартизации, а «необходимое для его поддержания потребление непрестанно порождало все новые и новые желания, полностью удовлетворить которые не представлялось возможным»[505]. В подобных условиях в обществе угасали как потребность, так и способность генерировать новые цели и смыслы, за исключением наращивания традиционных форм потребления.

Какие основные черты характеризуют общество массового потребления? Это, во-первых, стремление к максимизации потребления товаров одного и того же вида; во-вторых, предпочтение дешевой и подчас не вполне качественной продукции более дорогим и уникальным благам; в-третьих, склонность к риску снижения качества ради увеличения количества производимых и потребляемых товаров; в-четвертых, формирование адекватной такому обществу массовой культуры.

Соединенные Штаты являют собой классический пример общества массового потребления. Обеспеченность американского населения автомобилями, жильем, телевизионными приемниками, микроволновыми печами и иными формальными атрибутами материального благополучия явно превосходит европейские показатели. По величине валового национального продукта на душу населения США также опережают ЕС более чем на 30%. Между тем американская культура потребления в последние полвека фактически не претерпела никаких изменений. Стремление к экономии привело к тому, что доля потребительских товаров, импортируемых из стран Латинской Америки и

Юго-Восточной Азии, по некоторым позициям достигает в США 70%, тогда как в ЕС не превосходит 18% (в Европе около 70% покупаемой одежды и обуви, почти 80% новых автомобилей и более 90% парфюмерных и лекарственных средств производятся в пределах самого Европейского Союза, стандарты качества в рамках которого являются самыми жесткими в мире). В самих США все заметнее рост потребления наиболее унифицированных и примитивных товаров, воплощением которых часто и не без основания считается продукция компании McDonald's. За последние 30 лет число ресторанов и баров всех категорий в расчете на 100 тыс. человек населения сократилось в США почти на 15%, а доля точек быстрого обслуживания достигла 40% всех учреждений общественного питания. При этом почти 15% всей съедаемой американцами пищи и выпиваемых ими напитков потребляется в автомобиле, еще около 20% – на ходу или в необорудованных для соответствующих целей местах[506]. Данная тенденция отражает серьезную социальную проблему, а именно – отсутствие развитой культуры потребления; в результате «количество становится синонимом качества», а «большое количество продукта и его легкая доступность выступают достаточным доказательством целесообразности его потребления»[507].

Стремление к оптимизации и максимизации подталкивает Соединенные Штаты к экспериментам, риск которых не может быть адекватным образом оценен и тем более минимизирован. Наиболее показательным из них следует считать применение в сельском хозяйстве методов геномной инженерии. Так как они обеспечивают в некоторых случаях повышение урожайности зерновых на 40-60%, в США и Канаде (в последнее время также и в Аргентине) использование подобного посевного материала растет крайне быстро. Если в 1997 г. совокупные площади, засеянные генетически модифицированными растениями, составляли около 10,9 млн. га, то в 2001 г. они увеличились почти до 40 млн. га[508]; более половины производимой в США сои и почти четверть кукурузы выращиваются сегодня именно таким образом. Столь же быстрыми темпами растет в США применение гормональных добавок в животноводстве (на 300% в 90-е годы). Напротив, несмотря на прямые убытки, в 1998 г. в ЕС был введен мораторий на использование результатов геномной инженерии в сельском хозяйстве[509]. Европейские потребители поддержали эту меру; исследования 1995 г. показали, что 82% опрошенных в Германии, 67% – в Голландии и по 50% – в Великобритании и Франции высказались за маркирование продуктов, полученных с применением геномной инженерии, а 67% потребителей в ЕС готовы платить значительно более высокую цену за экологически чистое продовольствие. Не менее прочно, чем с индустрией быстрого питания, американский образ жизни ассоциируется с массовой культурой. Само это понятие достаточно сложно определить; оно является своего рода идеологическим штампом; однако, говоря о массовой культуре, следует прежде всего отметить, что суть данного явления связана с подменой культуры как сложного результата взаимодействия социальных традиций и индивидуального опыта элементарной информированностью, способностью ориентироваться в системе универсалистских ценностей и успешно приспосабливаться к новым течениям и веяниям социальной жизни, не ставя под сомнение базовые ценности и принципы общества. Именно поэтому масштабы американского «культурного» проникновения в Европу и остальной мир (в начале 90-х годов объем экспорта американской аудиовизуальной продукции в Европу составлял 3,7 млрд. долл. в год, около 80% всех кинофильмов или телевизионных программ, показываемых или транслирующихся в мире, были произведены в США или созданы при финансовом участии американских телестудий и кинокомпаний, а массовая культура стала второй по объему статьей американского экспорта после продукции аэрокосмической индустрии) вполне непротиворечиво сочетаются с тем, что в самих США около 9% взрослого населения не обладают навыками чтения и письма, предъявляемыми к претендентам на вакантные рабочие места[510], только 7% выпускников школ обладают знаниями, вполне достаточными для поступления в колледж[511], а ребенок, родившийся на Тайване, имеет большие шансы получить в

американском университете ученую степень доктора естественных наук, чем ребенок, одновременно с ним родившийся в самих Соединенных Штатах[512].

Можно еще долго перечислять аспекты жизни американцев, подтверждающие приверженность большей части нации относительно простым и примитивным стандартам потребления, вполне, впрочем, соответствующим приверженности четким и универсалистским ценностям. Основой подобной идентичности американцев является, с одной стороны, издавна присущая ориентация на достижение исключительно материального успеха и, с другой, культурная и этно-национальная разнородность американского общества. Этнически, национально и культурно разнородное американское общество консолидируется на основе принципа экономической свободы, а материальное благосостояние выступает, таким образом, основным социально значимым показателем ценности и полезности человека. Лишь относительно узкая группа высокообеспеченных и серьезно расширивших свой кругозор американцев активно приобщается в последние десятилетия к достижениям мировой культуры; между тем она и сегодня остается весьма ограниченной и не способна изменить отношение европейцев к американскому образу жизни в целом.

Отчасти бессознательно и вынуждено, но в большей мере осознанно и добровольно, европейцы формируют свою культурную идентичность как противостоящую американской. Европейская культурная модель, хотя и испытала влияние массовой культуры в 70-80-е годы, с одной стороны, восприняла в большинстве лишь положительные ее стороны, а с другой – обнаружила очевидные тенденции к отходу от парадигмы массового потребления. Обратимся для иллюстрации к примерам, аналогичным тем, что приводились выше. Если к началу 90-х годов доля ресторанов быстрого обслуживания в США, как мы уже отмечали, достигала 40% всего объема рынка, то в Британии не превосходила 12%, а во Франции – 4%[513]; если в США около 85% всех гостиничных мест сосредоточены в отелях, принадлежащих различным гостиничным сетям и группам и построенных по общепринятым стандартам, то в Европе преобладают частные гостиницы, доля которых достигает 70% их общего числа. Европа удерживает неоспоримое лидерство по объему продаж натуральных продуктов питания, произведенных с использованием самых совершенных природоохранных технологий. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что европейская культурная традиция не приемлет модели, основанной на распространении массовых норм самовыражения[514] и радикально выступает против социального единообразия[515]. В этом контексте понятен культурный протекционизм европейских стран, пытающихся сохранить свои традиции в условиях глобализации.

Каковы же ориентиры Европы, на чем пытается она сегодня строить свою культурную идентичность и в чем видит источники своего дальнейшего прогресса? На наш взгляд, для прояснения этого вопроса полезно сопоставить такие хорошо известные социологам понятия, как «уровень жизни» и «качество жизни». Когда речь идет об уровне жизни, имеются в виду прежде всего легко исчисляемые количественные показатели (величина валового национального продукта на душу населения, обеспеченность теми или иными предметами длительного пользования, размеры расходов на здравоохранение и образование и т. д.). Говоря же о качестве жизни, исследователь обращает внимание на те аспекты жизни человека, которые в большинстве случаев не поддаются чисто количественным оценкам, – на его стремление к самореализации, на возможность реализовать свободу выбора, приобретать новый опыт и новые возможности ради удовольствия, а не только ради необходимости, на способность находить равновесие между собственными интересами и интересами социума, а также на то, что в знаменитой книге Ф.Ф.Шумахера «Малое – прекрасно» было определено как средства, позволяющие «достичь максимального благосостояния при минимальном потреблении»[516]. Идея «качества жизни», возникая в значительной мере как стремление к новому и индивидуализированному способу ее постижения, в противоположность максимизации

потребления уже знакомых и массовых товаров и благ, способна, как мы полагаем, стать основой той новой культурной парадигмы, ростки которой сегодня констатируются многими исследователями[517]. Как отмечает, например, З.Бауман, «идея ‘качества жизни’ замещает [в сознании человека] доминирующее внимание к его материальным потребностям», и при этом «наиболее показательной чертой ‘качества жизни’ выступает то, что таковое всегда существует лишь как представление, и что это представление способно постоянно меняться»[518]; таким образом, развитие человеческой креативности выступает сегодня как важнейшей основой, так и неизбежным следствием усиления внимания к проблемам качества жизни.

Творческая, созидательная, иначе – креативная, деятельность представляется нам важнейшим источником современного ренессанса Европы. Двумя определяющими и взаимодополняющими сторонами такой деятельности являются, во-первых, отказ от погони за материальной выгодой в пользу удовлетворения, получаемого в результате самореализации, достигаемой в ходе креативной деятельности; и, во-вторых, создание принципиально нового (либо с объективной, либо с субъективной точки зрения) продукта, который может быть отнесен как к материальной, так и к духовной сфере. Важнейшими условиями для широкого распространения подобного вида деятельности являются, с одной стороны, наличие высокого уровня жизни (достигаемого на основе индустриального прогресса и, следует признать, общества массового потребления), с другой – способность общества по мере достижения такого уровня переориентировать своих членов с получения количественных результатов на качественные. В свою очередь, наличие и мера такой способности обуславливаются культурой и традициями, и именно поэтому пути двух центров западного мира – Европы и США – сегодня заметно расходятся.

На рубеже столетий европейские общества в полной мере подтверждают свое значение творцов Истории. Преодолевая границы общества массового потребления, европейцы не только самореализуются в потреблении, но и развивают свой креативный потенциал, который, в силу традиции и наличия особых социальных условий, благоприятствующих развитию и реализации творческих способностей индивида, раскрывается как в материальном, так и в духовном производстве. Даже американские наблюдатели отмечают, что, «качество сегодня ценится выше, чем когда бы то ни было,.. и Европа, на протяжении столетий остававшаяся воплощением ремесла и традиций, находится в центре современного стремления к качеству. Как никогда ранее, Европа сегодня становится синонимом качества». Этот вывод действительно подтверждается на каждом шагу. В целом ряде сфер – от производства дорогих ювелирных украшений (где из десяти ведущих мировых фирм 9 являются европейскими) или часов (где вся первая десятка представлена исключительно европейскими компаниями) до кулинарного искусства, изготовления уникальных вин, коньяков и виски, а также десятков и сотен сортов сыра и ветчины, минеральной воды и кондитерских изделий – европейские фирмы не имеют себе равных. Их мировая экспансия впечатляет: сегодня в любом уголке планеты наличие бутиков европейских домов моды свидетельствует об элитарности того или иного города или района; в европейских ресторанах пяти континентов посетителям предлагаются блюда, приготовленные из европейских продуктов, вплоть до минеральной воды; в той или иной форме потребителю ясно дают понять, что европейское качество является сегодня эталоном.

Последствия не заставляют себя ждать. Европа, континент, способный, если так можно выразиться, «выгодно продавать собственную историю», стала центром притяжения обеспеченных и образованных людей из всех стран мира. Франция на протяжении многих лет остается лидером по числу прибывающих туристов, а в первой пятерке ранжированных по этому показателю стран находятся Франция, Испания и Великобритания[519]. В конце 1990-х годов доходы, непосредственно получаемые европейскими странами от туризма, достигали 170 млрд. долл. в год, что более чем вдвое

превосходило показатель США[520]. Поскольку за последние 30 лет затраты на передвижение упали почти втрое[521], это привело к лавинообразному всплеску туризма – если в 1980 г. туристические поездки предприняли 287 млн. человек, то к середине 90-х годов – 595 млн., а к 2020 г., как ожидается, эта цифра достигнет 1,6 млрд. человек в год. В сфере туризма в Европе заняты 35 млн. человек; в ней создается около 8% ВВП стран-членов Европейского Союза, а доходы, связанные с повышением цен на землю и недвижимость в Европе, порожденные этим бумом, нельзя оценить даже приблизительно. [522]

Креативность Европы находит свое воплощение во всем, что имеет сугубо европейское «происхождение», в конечном счете, обогащая европейцев и делая перспективы их дальнейшего развития более безоблачными. Если страны Азии добиваются процветания упорным трудом и вынуждены вкладывать все новые усилия во все новые индустриальные товары, если Соединенные Штаты способны долгое время получать интеллектуальную ренту, раз предложив миру новые технологические решения, то европейцы в полной мере используют собственную историю для «производства» настоящего и будущего.

На наш взгляд, на протяжении XXI века Европа сможет продемонстрировать миру качественно новую модель социокультурного развития, обновляющую, а в значительной мере и трансформирующую, представления о традиционных формах социального устройства. Как мы отмечали выше, важнейшими чертами этой системы станут, во-первых, ее по сути нематериалистический характер, выражающийся в превалировании над задачами умножения материального богатства целей развития личности и ее творческого проявления как в производстве, так и в потреблении; во-вторых, новые принципы ее политической организации, проявляющиеся прежде всего в формировании многоуровневой системы суверенитетов и демократических институтов, отрицающей традиционные представления о государственности и гражданском обществе; в-третьих, ее «интравертность», относительная оппозиционность глобализации в ныне распространенном понимании этого слова, а также приверженность принципам толерантности и ненасилия по отношению как к собственным гражданам, так и к другим странам и народам. Мы полагаем, что отношения новой Европы с внешним миром станут важнейшим компонентом системы ненасильственных международных отношений XXI века, а становление европейского политического целого – одним из наиболее знаменательных социальных процессов, свидетелями которого нам предстоит стать.

Рассмотрев в нашей работе модели развития американского и европейского обществ с позиций теории постиндустриализма и проанализировав в русле данной концепции происходящие в этих обществах процессы, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, само определение будущего общества в рамках теории постиндустриального общества связано прежде всего с технологическими и экономическими его характеристиками. Между тем, специфика того или иного социума обусловлена складывающимися в нем социальными отношениями, а не только характером экономического базиса. Поэтому признавая, что в основе современных развитых обществ лежит постиндустриальная хозяйственная система, мы считаем необходимым проявлять крайнюю осторожность в определении самого современного общества как постиндустриального. Экономика может быть доиндустриальной, индустриальной или постиндустриальной, в то время как общество может быть античным, феодальным, буржуазным, однако эти понятия отражают реалии разного уровня и вряд ли пересекаются. Поэтому основным нашим выводом является положение о том, что *схожесть многих черт современных западных постиндустриальных экономик не делает сходными сами эти общества*, а единая западная постиндустриальная экономика, в свою очередь, не порождает единого западного постиндустриального общества.

Во-вторых, часто отмечаемые экспертами «фундаментальные» различия между хозяйственными моделями, сложившимися в США и странах Западной Европы, являются,

скорее всего, существенно переоцененными. Два этих региона, хотя их хозяйственные системы и отличаются в весьма существенных аспектах, обнаруживают сходную в целом экономическую динамику. На современном этапе можно отметить относительное сходство структуры их экономик, их высокую восприимчивость к достижениям технологического прогресса, их самодостаточный характер, относительно сходную инвестиционную модель. Как США, так и страны ЕС уверенно демонстрируют тенденцию постиндустриальной цивилизации к ее обособлению от остального мира. Они являются основными торговыми и инвестиционными центрами, между которыми все в большей мере замыкаются взаимные торговые и инвестиционные потоки; их отрыв от большинства иных стран в технологической и информационной области становится все более значительным, а научный потенциал обоих регионов – все более сопоставимым. Сервисный и информационный секторы экономики США и государств ЕС в значительной мере определяют облик всей их хозяйственной системы.

Все это говорит о применимости теории постиндустриального общества к анализу основных аспектов экономического развития США и ЕС.

В то же время следующий наш вывод заключается в том, что *вне границ сугубо хозяйственной сферы эти общества обнаруживают существенные различия, значимость которых трудно переоценить.*

В-третьих, современные общества гораздо более свободны в выборе путей своего прогресса, чем общества, основывавшиеся на индустриальном типе хозяйства. В этих новых условиях на первый план выходят факторы, связанные не столько с экономической состоятельностью того или иного общества, сколько с его человеческим потенциалом, его традициями, историей, менталитетом населения и степенью распространенности постматериалистических ценностей и мотивов.

Отличия социальных систем Соединенных Штатов и стран Европейского Союза в большинстве своем обусловлены историческим опытом развития обоих регионов, в частности – относительно вторичным характером американской социальной модели. Сформировавшись на основе европейского опыта, Соединенные Штаты, с одной стороны, на протяжении значительного промежутка времени оставались зависимыми от Европы, но, с другой стороны, отлученными от опыта европейского социального экспериментирования. Мы полагаем, что фундаментальным отличием США от европейских стран является историческая статичность американской социальной системы. Не зная иной хозяйственной основы, кроме индустриальной, американская экономика распространила принципы массового производства во все ее сферы – от сельского хозяйства до информационных технологий и даже культуры. Напротив, в Европе в каждом из секторов хозяйства имеет место высокая степень диверсификации, а господство принципов массового общества и экономической целесообразности остается гораздо менее заметным, нежели в США.

Обращаясь к социальным проблемам – имущественному неравенству, занятости и безработице, практике социальной защиты, качеству жизни, вопросам сосуществования различных этнических и национальных групп, усвоения обществом постматериалистических мотивов и ценностей – мы приходим к выводу, что американская социальная система в большей мере соответствует индустриальному, а не постиндустриальному способу экономической организации. Напротив, европейская социальная система в большей мере способна реагировать на изменяющуюся под влиянием постиндустриальных тенденций систему человеческих ценностей и предпочтений. Иными словами, американская система постиндустриальна скорее по форме, тогда как европейская – по существу.

Обращаясь к перспективам развития стран Западной Европы и Соединенных Штатов в новом столетии, мы оцениваем возможности стабильного хозяйственного и социального прогресса Европы гораздо более высоко, чем возможности США. В первую очередь это связано с тем, что европейские страны в значительной мере разрешили те серьезные вну-

тренние социальные противоречия, с которыми Соединенным Штатам еще только предстоит столкнуться – это и проблемы неравенства, и вопросы занятости, и формирование новых социально-экономических ориентиров. Кроме того, постепенно смещая акценты с повышения уровня жизни на улучшение ее качества, перенося внимание с целей экономической экспансии на задачи развития своего человеческого потенциала, европейцы намного более адекватно, нежели американцы, воспринимают реальное содержание формирующегося постиндустриального мира и пытаются создать соответствующую его принципам хозяйственную и социальную структуру.

Примечания:

1. Более активными были члены Европейского парламента, которым явно не хватало полномочий.
2. История европейской интеграции 1945-1994. - М., ИВИ РАН, Под ред. Намазовой А.С. и Б. Эмерсон, 1995. - С.290.
3. Кавешников Н. Институциональное развитие ЕС. / Отношения между регионами России и ЕС, проблемы и перспективы развития. Материалы для чтения. Йошкар Ола, 2000, С.146.
4. Там же.
5. Dinan, D. An Ever closer Union? An introduction to European Integration. - London: Macmillan, 1999, P. 127.
6. Там же.
7. The Economist, 1990, 10 November, P. 34.
8. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского Сообщества до Европейского Союза. М: РГГУ, 1998. С.140.
9. Doen D. The Evolution of the large firm as a political actor in the European Union. // Journal of European Public Policy. - Vol.4. - 1994. - P.94.
10. Brittan L. Europe: The Europe We Need. - L.: Hamilton, 1994. - P.84
11. European Economy. 1993. - N 54; Annual Economic Report for 1993. - P.7
12. Борко Ю.А. Социальные предпосылки европейской интеграции./ Заглядывая в 21-й век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств. Отв. ред. Борко Ю.А. - М., 1998. - С.69.
13. Brittan L. Op.cit. - P.1.
14. Mailer Ch. S. Democracy and its Discontents. // Foreign Affairs. - 1994.- Vol. 73, No4. - P.48.
15. Шемятенков В.Г. Европа после Маастрихта. /Заглядывая в 21-й век: ЕС и СНГ. – М., 1998., С. 152.
16. Ludt T. Ex Orient Lux?: Post-celebratory Speculations on the “Lessons” of ’89./Towards Greater Europe?-P.104.
17. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 153.
18. Ludlow P. Beyond Maastricht. / CEPS. - Brussels, 1993. - P.4.
19. Ibid.
20. Шемятенков В.Г. Указ. соч., С. 154.
21. Там же.
22. Ludlow P. Op. cit. - P. 8.
23. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 155.
24. Там же.
25. Там же.
26. См., например: The Origins of Backwardness in Eastern Europe: Economics and Politics

- from the Middle Ages until the Early Twentieth Century. / Ed. by Chirot D. - Berkely: University of California Press, 1989.
27. Как показали события, присоединение к ЕС в 1995 г. трёх стран-членов ЕАСТ Австрии, Финляндии и Швеции оказали минимальное значение на внутреннюю сплочённость стран ЕС, чего не приходится ожидать от присоединения гораздо более слабых во всех отношениях стран ЦВЕ.
 28. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 155.
 29. См.: Роль ЕС в мире - Приложение №2.
 30. См.: Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты. М., 1998, С. 300.
 31. A Work in progress. A survey of Europe.//The Economist. - October 23rd.- 1999, P.80. Также см. Вторую часть первой главы.
 32. См. Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. - М.: Наука, 1979. -211с.
 33. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 280.
 34. См.: Грант Ч. Делор. - М., 2002.
 35. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 285.
 36. Reynolds D. Thawing History: Europe in the 1990s and the pre-Cold War Patterns. //Towards Greater Europe?-P.9
 37. Mailer Ch. S. Op. cit. - P. 53.
 38. Ibid. - P.54.
 39. Ibid. - P.55.
 40. См.: Борко Ю.А. Указ. соч., С.72.
 41. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 156. Также Грант Ч. Указ. соч. С. 368.
 42. Цит. по: The Economist, March 24-30, 2001, P.29.
 43. См.: Грант Ч. Делор., - М., 2002.
 44. Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль (Записки посла во Франции). - М.: РОССПЭН, 1997, С. 300.
 45. Например, серия рабочих докладов программы имени Жанна Монне в 2000 году была посвящена реакции исследователей на одно из интервью Е. Фишера (министр иностранных дел ФРГ) - См.: Jean Monnet Working Paper No.7/00, Symposium: Responses to Joschka Fischer, 2000.
 46. Цит. по: The Economist, March 24-30, 2001, P.30.
 47. A work in process. A survey of Europe // The Economist, October 23-29 1999, P. 6.
 48. См. Грант Ч. Указ. соч., С. 210-214.
 49. Шемятенков В.Г. Большая Европа и западноевропейская интеграция. / Европейский Союз на пороге 21-го века: выбор стратегии развития. Под ред. Ю.А. Борко. – М.: Эдиториал, УРСС, 2000, С.42.
 50. Например, в 1989 году был подписан торговый договор с СССР.
 51. Dinan D. An ever closer Union? P. 150.
 52. The Economist, March 4-10, 1989, P.30.
 53. Примечательно, что употребление этих эпитетов по отношению к ЕС всегда служило в качестве оправдания необходимости Союзу иметь политическое влияние, поддержанное военной мощью. См. European Security Policy Towards 2000. /High-level group of Experts on the CFSP. First Report. - Brussels, 1994.
 54. Хотя в настоящее время империей все чаще называют США, см., например, Le Monde Diplomatique, Septembre 2002.
 55. Шемятенков В.Г. Европа после Маастрихта, С. 150-151.
 56. Там же, С. 151.
 57. Там же.
 58. The War and the International Response, in Kallab V. (ed), Unfinished Peace: Report of the Interantional Commission on the Balkans. – Washington D.C.: Aspen Institute, Carnegie Endowment for International Peace, 1996, P. 38.

59. Roberts, Adam. NATO's Humanitarian war over Kosovo. // *Survival*, Autumn, 1999, P. 103.
60. Шемятенков В.Г. Указ. соч., С. 155.
61. Там же.
62. Wallace W. From Twelve to Twenty Four?: The Challenges to the EC Posed by the Revolutions in Eastern Europe. // *Towards Greater Europe?: A Continent Without an Iron Curtain.* / Ed. by Crouch C. & Varquand D. - Oxford, 1993. – P.34.
63. Борко Ю.А. ЕС: углубление и расширение интеграции. // *МЭиМО.* - 1998. - №8. - С.159.
64. См.: Шемятенко В.Г. Евро - две стороны одной медали. – М., 1998.
65. В нашем исследовании мы также будем наравне с названием Договор о ЕС будем использовать название Маастрихтский договор.
66. См. Шемятенков В.Г. Девять лет официальных отношений России – ЕС. /Сорок лет Римским договорам: Европейская интеграции и Россия. Материалы международной научной конференции 6-7 июня 1997 года в г. Санкт-Петербург, Отв. ред. Лешуков И.Е. - СПб.: Петрополис, 1998, С.218.
67. Более подробно эти процессы описываются в предыдущих частях главы.
68. Подробному анализу данных направлений деятельности ЕС посвящена следующая глава.
69. См. Шпэт Лотар 1992. Мечты о Европе. - М.: Международные отношения, 1993, С. 33.
70. Шемятенков В.Г. Европа после Маастрихта, 1998. С. 151.
71. Примечательно, что отказ ирландцев ратифицировать Договор Ниццы в 2001 году не стал признаком подобного кризиса, и был также успешно ратифицирован через год в октябре 2002 г.
72. Более подробно см. Первую часть Второй Главы
73. *Eurobarometer.* - 1994. - No 41 (July). - P.8.
74. Maill H. *Shaping the New Europe.* - L., 1994. - P.57.
75. *Towards Greater Europe?* - P. 50.
76. Brittan L. *Op. cit.* - P.22.
77. См.: Гран Ч. Указ. соч. С. 310-390.
78. *Ibid.*
79. *Europe after Maastricht: An Ever Closer Union?* /Ed. by Dehousse R. - Munchen, 1994. - P.37.
80. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 160.
81. Подробнее о принципе субсидиарности см. Вторую часть Четвёртой главы.
82. См.: Renaud Dehousse. *European Institutional Architecture after Amsterdam: Parliamentary System or Regulatory Structure?* European University Institute, Working Paper RSC No 98/11, March 1998.
83. R. Dehousse *Op. cit.*
84. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 161.
85. См.: *Расширение ЕС на Восток: позиции стран Евросоюза.* - ИМЭМО РАН, 2002, 15 п.л.
86. Такое положение вполне понятно, если учесть, что логика интеграции была основана на создании функциональных “ядер”, из которых должно было произрасти единство.
87. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 163.
88. 1992 год: Новые контуры Западной Европы. Отв. ред. Мартынов В.А. - М.: Мысль, 1992. - С.37.
89. *История европейской интеграции 1945-1994.* С.209.
90. Thatcher, Margaret. *The Downing street years.* - London: HarperCollins Publishers, 1993. P.750.
91. *The Berlin republic. A survey of Germany.* // *The Economist.* - February 6th. - 1999, P.58.
92. Данилов Д.А. *Западная Европа на постмаастрихтском этапе развития интеграции в сфере безопасности./ Доклады ИЕ РАН, №13 - М., 1995.- С. 50.*

93. См. Быховский С.В. Проблемы и перспективы расширения ЕС: политика ЕС в отношении государств ЦВЕ на примере Польши и Словении. Диссертация на соискание учёной степени к.э.н. (спец.08.00.14) /Ин-т Европы РАН. - Москва, 2000. - 186с.
94. См.: Приложение №3.
95. См.: International Herald Tribune, 20 June 2002 // <http://www.iht.com>
96. См. Fairlie L.D., Sergounin A. Are Borders Barriers? EU Enlargement and the Russian Region of Kalinigrad. /Programm on the Northern Dimension of the CFSP, No13, 2001, P. 24.
97. В Ниццком договоре 2000 года заложены некоторые институциональные изменения – их анализу посвящена последняя глава.
98. Ludlow P. (in collaboration with Ersboll N.) Towards 1996: The Agenda of the Intergovernmental Conference. / CEPS. Brussels, 1994. - P. 43.
99. Weiler J.H.H. Europe After Maastricht-Do the New Clothes have an Emperor? Harvard Working Papers, 1995. P.4.
100. Buchan D. Europe: The Strange Superpower. - Dartmouth, 1993. - P. 8.
101. Шепятенков В.Г. Указ. соч. С. 163.
102. Golub J. In the Shadow of the Vote? Decision-making in the European Community. //International Organization, Vol.53, No4, Autumn 1999, P. 734.
103. См.: Sjursen H. and Smith K.E. Justifying EU Foreign Policy: The Logics Underpinning EU Enlargement./ARENA Working Papers WP 01/1.
104. Борко Ю.А. Эволюция взглядов на европейскую интеграцию в СССР и России: политический и научный подходы. /Сорок лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия. СПб.: Петрополис, 1998, С.27. Более подробно см.: Первую часть настоящей главы.
105. Шепятенков В.Г. Указ. соч. С. 170.
106. Шепятенков В.Г. Европа после Маастрихта, С.148.
107. См., сайт газеты Le Monde: <http://www.lemonde.fr/article/0.2320.html>.
108. См., специальный раздел на сайте: <http://www.europa.eu.int>
109. Wheare K., Federal Government. – Oxford, 1963, Ch.,1.
110. Taylor P., International Organization in the Modern World: The Regional and the Global Process. – L., 1993, p.90.
111. Bogdanor V., Federalism and the Nature of the EU in K. Nicolaidis, S. Weatherill (eds) *Whose Europe? National Models and the Constitution of the EU*. – Oxford, 2003, p. 49.
112. Dicey A., Introduction to the Study of the Law of the Constitution. – L., 1959, p.143.
113. Etzioni A., Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces. – N.Y., 1965 p.4.
114. Riker W., European Federalism: the Lessons from the Past, in J. Hesse, V. Wright *Federalizing Europe? The Costs, Benefits, and preconditions of Federal Political System*, – Oxford, 1996.
115. Ibid., p. 157.
116. Rosamond B., Op. cit., P. 35.
117. Miller D., The Nation State: a Modest Defence in C. Brown (ed) *Op.cit.*, 1994.
118. Sbragia A. (ed), Euro-Politics. – Washington, 1992, p.261-262
119. Forsyth M., Federalism and Confederalism, in C. Brown (ed) *Political Restructuring in Europe: Ethical Perspectives*, K. Nicolaidis, S. Weatherill (eds) *Whose Europe? National Models and the Constitution of the EU*. – Oxford, 2003.
120. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007
121. Treaty of Lisbon
122. Ibid.
123. Article 4, Treaty of Lisbon.
124. Article 5, Treaty of Lisbon.

125. Энтин, М.Л. Краткий комментарий к проекту Договора, изменяющего Договор о ЕС, а также Договор, учреждавший Европейское сообщество. /М.Л. Энтин. //Вся Европа, Выпуск 12(17) – М.: МГИМО. – 2007. <http://alleuropa.ru>
126. Договор о ЕС, ст.49. / Документы ЕС, под ред. Ю.А. Борко, М., 1994.- т. 2.
127. Договор о ЕС, ст.100. / Документы ЕС, т.1.
128. См.: Единый Европейский Акт. / Документы ЕС, т.2.
129. Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты. - М.: Экономика, 1998, С. 96.
130. Там же. С. 87.
131. Договор о ЕС, Глава 4. / Документы ЕС, т.1.
132. Договор о ЕС, ст.109е. / Документы ЕС, т.1.
133. Там же, ст.109.
134. Договор о ЕС, ст.109f. / Документы ЕС, т.1.
135. Traite sur l'union europeenne. Article 109J.
136. См.: Договор о ЕС.
137. Договор о ЕС, ст.109с. / Документы ЕС, т.1. Также: Cardiff European Council, 15-16 June 1998: Presidency conclusions. / <http://www.europa.eu.int> – Польностью условиям удовлетворяли только несколько стран ЕС, но при этом желание подтвердили 11 стран с перспективой подтянуть показатели, плюс Греция, которой понадобилось на это больше года.
138. См.: Догово о ЕС.
139. См.: Договор о ЕС.
140. Traite sur l'union europeenne, Protocole sur certaines dispositions relatives au royaume-uni de Grand-Bretagne et Irlande du Nord.
141. Протокол об уставе ЕС и ЕЦБ и ЕЦБ. / Договор о ЕС.
142. Договор о ЕС, глава 3, ст.109с. / Документы ЕС, т.1.
143. Протокол об Уставе Европейской системы центральных банков и Европейского центрального банка./Документы ЕС.т.2, Ст.29.
144. The Economics of European Integration, - P.20.
145. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С.98.
146. Там же, С.98.
147. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С.99.
148. Там же, С. 101.
149. One currency for Europe. Green Paper. On the Practical Arrangements for the Introduction of the Single Currency. European Commission, Brussels-Luxembourg, 1995. P.74.
150. Подробнее об этом говорилось в предыдущей главе. В 2001 г. сложилась подобная ситуация с ратификацией договора Ниццы в Ирландии, правда на этот раз особой паники не наблюдалось.
151. Programme Speeches of J. Santer // <http://www.europa.eu.int>
152. Шемятенков В.Г. Указ. соч., С.106.
153. One currency for Europe. Green Paper. P.80.
154. См.: Madrid European Council, 16 December 1995: Presidency conclusions.
155. Шемятенков В.Г. Указ. соч. С. 108.
156. Agenda 2000. Commission of the European Communities. Doc. Com. (97) 2000. Vol.1. For a Stronger and Wider Union. - Brussels, 1997. - 15 July. - P.36.
157. См., например: Hoffmann S. Towards a Common European Foreign Policy? //Journal of Common Market Studies, Vol.38. - №2. – June 2000, pp.189-198, такую же мысль высказал Ф. Камерон (ДГ 1А КЕС) в интервью с автором.
158. Барабанов О. Тенденции развития ОВПБ и ЗЕС: неожиданный вызов для России? /Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в 21-ый век / Под ред. Д. Тренина; Московский Центр Карнеги. - М.: S&P, 2000. С.79.
159. Договор о ЕС, Ст. J. / Документы ЕС. т. 2.
160. Там же, Ст. J1.

161. Договор о ЕС. Ст. J1.
162. Declaration (№30) on Western European Union, Maastricht, 7 February 1992.
163. Журкин В. Интеграция, общая внешняя политика и безопасность. /Заглядывая в 21-й век: ЕС и СНГ. С.290.
164. Декларация о Западноевропейском союзе. / Документы ЕС, С. 242.
165. Особенное внимание к этому вопросу уделялось в российской прессе в моменты заметного похолодания отношений России с США и НАТО в момент операции в Косово в 1999 году, и именно в июне того года были предприняты попытки на саммите ЕС в Кёльне придать новый импульс ОВПБ.
166. В тоже время активно пропагандируется полное сотрудничество НАТО с ЕС и ЗЕС, например, см.: Официальный сайт НАТО – <http://www.nato.int>
167. Барабанов О. Указ. соч. С. 81.
168. Там же. С. 82.
169. Cameron F. The Future of the Common Foreign and Security Policy, Paper presented at the Institute of European Affairs, Dublin, 29 June, 1999.
170. См.: <http://www.europa.eu.int>
171. What Global Role for the EU? //The Philip Morris Institute for Public Policy Research Report.–1997.–Sept. - P.19.
172. Commission Report on Strengthening Political Union and Preparation for Enlargement. – Brussels, 1996.
173. Amsterdam European Council, 16 June 1997, Presidency conclusions.
174. Treaty of Amsterdam, Article C.
175. Treaty of Amsterdam, Part 1, Articles J.2., J.3., J.4.
176. Common strategy of the European Union on Russia, European Council, Cologne, 3-4 June 1999.
177. Treaty of Amsterdam, Title 5.
178. Барабанов О. Указ. соч., С. 84.
179. Например: The Philip Morris Institute for Public Policy Research Report.–1997
180. См.: Treaty of Amsterdam, Title 5.
181. Барабанов О. Указ. соч. С. 84.
182. См.: Treaty of Amsterdam, Title 5.
183. Bildt C. The Global Lessons of Bosnia. //What Global Role for the EU? Op.cit.—P.19,27.
184. Hoffman, Stanley. Towards a Common European Foreign Policy? - P. 190.
185. Ibid., P.191.
186. См.: Cologne European Council, 3 and 4 June 1999: Presidency conclusions.
187. Определённые решения были приняты в Ницце, но, как мы знаем, ЗЕС по-прежнему продолжает существовать, хотя некоторые структуры ЗЕС постепенно переподчиняются ЕС, например, Институт Стратегических Исследований ЗЕС с 2002 года перешел в ведение ЕС.
188. Presidency Report. / Cologne European Council, 3 and 4 June 1999: Presidency conclusions.
189. Например, выступление: Wallace W. The EU As a World Actor: What Should Its Role Be? 563rd Wilton Park Conference “The EU in the Wider World”. Wilton Park Conference Centre, 16 April 1999.
190. Presidency Report. / Cologne European Council, 3 and 4 June 1999: Presidency conclusions.
191. Medley, Richard. Europe’s Next Big Idea // Foreign Affairs, September/ October, 1999, P.20.
192. Roberts, Adam. NATO’s Humanitarian war over Kosovo. // Survival, Autumn, 1999, P.119.
193. Cameron F. The Future of the Common Foreign and Security Policy, Paper presented at the Institute of European Affairs, Dublin, 29 June, 1999.
194. Цит по: Cameron F. The Future of the Common Foreign and Security Policy.
195. Opinion for the Committee on Institutional Affairs on the Treaty of Amsterdam - Chapter III - Provisions on Common Foreign and Security Policy. Committee on Foreign Affairs,

- Security and Defence Policy.//European Parliaments. Session Documents. Report on the Treaty of Amsterdam,1997, 5Nov, Annex,Doc.A4,0347/97.–P.3-10.
196. Op. cit. P.10.
197. Уткин С., Основные инструменты ОБПБ ЕС. //МЭиМО, 2005, №11, С. 44-54.
198. Treaty of Amsterdam, Article C.
199. Договор о ЕС, Ст. К1.
200. Curtin D. The Constitutional Structure of the Union: A Europe of Bits and Pieces. //C.M.L. Review, No30, 1993, P.17-69.
201. Jessuran d'Oliveira H.-U. Expanding External and Shrinking Internal Borders, in D. O'Keeffe, P. Twomey (eds), Legal Issues of the Maastricht Treaty. – London: Chancery, 1994, P. 263.
202. Anderson M., Den Boer M., Miller G. European Citizenship and Co-operation in the Fields of Justice and Home Affairs, in Duff A., Pinder J. Maastricht and Beyond. – London: Loutledge, 1994, P.118-120.
203. Monar J., Morgan R. The Third Pillar of the European Union. –Brussels: European Interuniversity Press, 1994, P.117-121.
204. Edwards G., Pijpers A. Eds. The Politics of European Treaty Reform. – London: Pinter, 1997, P. 328-335.
205. Winter J. A., et al. (eds). Reforming the Treaty on EU-The Legal Debate. –The Hague: Kluwer, 1996, P.389-399.
206. Monar J. Justice and Home Affairs in the Treaty of Amsterdam: Reform at the Price of Fragmentation. //E.L.Rev., No23, 1998, P. 321.
207. Op. cit. P. 322.
208. Treaty of Amsterdam, Title 4.
209. См. Action Plan on how best to implement the provisions of the Treaty of Amsterdam on an Area of Freedom, Security and Justice / OJ No. C 19/1 of 23.1.1999, Presidency Conclusions' of the Tampere European Council. / Council document SN 200/99.
210. Vienna Action Plan, paragraph 6.
211. Monar, Jorg. Justice and Home Affairs in a Wider Europe: The Dynamics of Inclusion and Exclusion / ESRC 'One Europe or Several?' Programme Working Paper 07/00, P. 3.
212. Tampere Presidency Conclusions, paragraph 6.
213. Monar J. Op. cit. P.5.
214. Vienna Action Plan, paragraph 10.
215. Tampere Presidency Conclusions, paragraph 6.
216. Monar J. Op. cit. P.28.
217. Ст. 4, Раздел 2, Договор о ЕС. /Документы ЕС.
218. См., например: Borchardt K-D. The ABC of Community Law. – Luxembourg: Office for Official Publications of the EC, 1994. – 69р., также: Колобов О. А., Корнилов А. А., Макарычев А. С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. - Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992, и многие другие.
219. Договор о ЕС, Ст. D.
220. Brugmans H. L'idee Europeenne, 1920-1970. - Bruges, 1970, P.50.
221. Стрежнёва М. Институциональные формы европейской интеграции. /Заглядывая в 21-й век: ЕС и СНГ.– М., 1998, С.132.
222. Merger Treaty, Brussels, 8 April 1965.
223. Стрежнёва М. Указ. соч. С. 135.
224. Достаточно подробно об этом см.: Грант Ч. Делор. – М., 2002.
225. Захаров В.Б., Кабешев Д.В., Колобов О.А., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О. Как делается демократия: Европейский опыт. Учебное пособие. – Н. Новгород: ННГУ, ФСИ, 1995, С. 105.
226. См.: Договор о Европейском Союзе.

227. Необходимо отметить, что факт существования неформального соглашения между правительствами о национальных квотах при назначении на ответственные посты в Комиссии усложняет внешнее видение институтов ЕС. См.: Грант Ч. Делор. – М., 2002.
228. Колобов О. А., Корнилов А. А., Макарычев А. С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. - Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992, С. 199.
229. Стрежнёва М. Указ. соч., С. 133.
230. Там же.
231. Decision rules in the EU: A Retional Choice Perspective. Ed. by P.Moser, G.Schneider.– NY.: Palgrave, 2000, P. 32.
232. Стрежнёва М. Указ. соч., С. 134.
233. Там же.
234. Обязательность “заключений” для Совета министров, в данном случае, исходит из того, что министры подчиняются своим лидерам на основе национального законодательства и наднациональное регулирование здесь не предусмотрено.
235. См.: Грант Ч. Указ. соч. С. 350-365.
236. Ст. Д, Раздел 1, Договор о ЕС.
237. Манфред И.А. Париж-Бонн. Франко-Западногерманские отношения во внешней политике 5-ой республики. 1958-1968. - М.: Наука, 1970, С.83.
238. История европейской интеграции 1945-1994. - М., ИВИ РАН, 1995, С. 102.
239. В настоящее время проблема, так называемого “демократического дефицита” является основным предметом дебатов вокруг расширения полномочий Парламента и будущим ЕС.
240. Стрежнёва М. Указ. соч., С. 135.
241. См.: Weatherill S. & Beaumont P. EC Law. – L., Penguin, 1999.
242. Стрежнёва М., Указ. соч., С. 136.
243. Там же.
244. Европейская интеграция: правовые проблемы. Книга I. /Ин-т государства и права РАН. – М., 1992, С. 113.
245. Государство и право. – М., №7, С. 12.
246. Отметим, что Палата Аудиторов в данном анализе не рассматривается, так как её функции по контролю финансовой деятельности ЕС практически не изменены и мало влияют на проблемы конфигурации власти в рамках ЕС.
247. Стрежнёва М. Указ. соч. С. 140.
248. Ст. 198а, Договор о ЕС.
249. Стрежнёва М. Указ. соч. С. 138.
250. Там же, С.139.
251. Borchardt K-D. The ABC of Community Law. – Luxembourg: Office for Official Publications, 1994. - P.50.
252. Стрежнёва М. Указ. соч., С. 139.
253. Ст. 189, Договор о ЕС.
254. Treaty of Amsterdam, Articles 7(2,3); 23 (1,2); 12; 13 etc.
255. Golub J. In the Shadow of the Vote? Decision-making in the European Community. //International Organization, Vol.53, No4, Autumn 1999, P.734.
256. Бордачёв Т.В. Terra Incognita, или Европейская политика России. // Pro et Contra. - Том 6. - №4, С.26.
257. Стрежнёва М. Институциональные формы европейской интеграции, /Заглядывая в 21-й век: ЕС и СНГ.– М., 1998, С. 131.
258. Там же С. 132.
259. Explanatory note on the “Community Method”. МЕМО/02/102, Brussels, 22.05.2002.

- [//http://www.europa.eu.int](http://www.europa.eu.int).
- 260.Ibid.
- 261.Ibid.
- 262.Nicoll W., Salmon T.C. *Undersdanding the New European Community*. –NY: Harvester Wheatsheaf, 1994. P.292.
- 263.Treaty on European Union. Maastricht, 7 February 1992
- 264.Выступление Раймон Барра на заседании Международного консультативного совета Центра по изучению европейской политики 18 ноября 1994 г., CEPS, Брюссель.
- 265.Wilke M., Wallace H. *Subsidiarity: Approaches to Powersharing in the European Community*. – L.: Royal Institute of International Affairs, 1990, P. 29.
- 266.Wilke M., Wallace H. *Subsidiarity: Approaches to Powersharing in the European Community*. – L.: Royal Institute of International Affairs, 1990, P.135.
- 267.Стрежнева М., Указ соч., С.130.
- 268.Meehan E. *Citizenship and the European Community*. – L.: Sage Publications, 1993, P.93.
- 269.Например, Шенгенские соглашение, которое в то время ещё не было частью “*aquis communautaire*”.
- 270.Стрежнёва М., Указ. соч., С.129.
- 271.The Times. – 1995. – January 18 – P.2.
- 272.The Economist. - October 23th.- 1999 - P.17.
- 273.Эти права подтверждены и в Лиссабонском договоре от 13 декабря 2007, где Комиссия обозначена как инициатор законодательства в ЕС.
- 274.Politics and Institutions in an Integrated Europe. Ed. by B. Eihhengreen, J. Frieden. – Berlin: Springer, 1995, P.22.
- 275.Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, Amsterdam, 2 October 1997
- 276.Goodin R. On Constitutional Design. /ARENA Working Papers, WP 97/26, 1997.
- 277.Kepteyn P.J.G. & VerLoren van Themaat P. *Intriduction to the Law of the EC*. – Kluwer Law International, 1998, P.391.
- 278.Грант Ч., Делор. М, 2002.
- 279.Borzel T.A., Risse T. Who is Afraid of a European Federation? How to Constitutionalise a Multi-Level Governance System, in *What Kind of Constitution for What Kind of Polity? Responses to J. Fischer. / Ch. Joerges, Y. Meny, J.H.H. Weiler (eds)*. – Badia Fiesolana: EUI, Cambridge, 2000, P. 46.
- 280.Programme for the commission 1999, Speech by Romano Prodi, President-designate of the European Commission to the European Parliament, 14 September 1999. [/http://www.europa.eu.int/speeches](http://www.europa.eu.int/speeches)
- 281.The Economist. - October 23th.- 1999.
- 282.Ibid, P.21.
- 283.Ibid, P.19.
- 284.Tsebelis G., Garret G. The Institutional Foundations of Intergovernmentalism and Supranationalism in the EU. // *International Organization*. - Vol.55. - No2. - Spring 2001, P. 384
- 285.Borzel T.A., Risse T. Who is Afraid of a European Federation? How to Constitutionalise a Multi-Level Governance System, in *What Kind of Constitution for What Kind of Polity? Responses to J. Fischer. / Ch. Joerges, Y. Meny, J.H.H. Weiler (eds)*. – Badia Fiesolana: EUI, Cambridge, 2000, P. 99.
- 286.Golub J. In the Shadow of the Vote? Decision-making in the European Community. // *International Organization*, Vol.53, No4, Autumn 1999, P.754.
- 287.Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 49, Июль-Сентябрь 2007. – М.:ИЕ РАН, АЕВИС, 2007
- 288.Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007.

289. Энтин, М.Л. Краткий комментарий к проекту Договора, изменяющего Договор о ЕС, а также Договор, учреждавший Европейское сообщество. /М.Л. Энтин. //Вся Европа, Выпуск 12(17) – М.: МГИМО. – 2007. <http://alleuropa.ru>
290. Article 9, Lisbon treaty, 13 December 2007.
291. Article 9A.
292. Article 9B.
293. Article 9C.
294. Article 9D.
295. Bulmer S.J. New Institutionalism, The Single Market and EU Governance. /ARENA Working Papers, WP 97/25.
296. The Economist. – Jan. 27-Feb 2nd. – 2001. – P. 45.
297. Например, этот показатель используется Борко Ю.А., Шемятенковым В.Г., Шишковым Ю.В.
298. OECD Economic Outlook, 2000.
299. Свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов. См. Договор о ЕЭС.
300. Борко Ю.А., Буторина О.В. От ЕС - к Соединённым Штатам Европы? /Отношения между регионами России и ЕС, проблемы и перспективы развития. Материалы для чтения. Йошкар Ола, 2000.
301. См.: Dinan D. An Ever closer Union? An Introduction to European Integration. – L.: Macmillan, 1999.
302. Борко Ю.А., Буторина О. В. Указ. соч. С.4.
303. Eurobarometer, No 50, March 1999, P.46.
304. Eurobarometer, No 44, April 1996, P. 90.
305. Борко Ю., Буторина О. Указ. соч.
306. Там же.
307. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике. // Pro et Contra. – Том 4. - №4. – С. 37.
308. Наиболее подробно об этом говорилось во второй главе.
309. Борко Ю.А., Буторина О.В., Указ. соч. С.5.
310. Там же.
311. European Economy, No 66, 1998, P. 78-79.
312. Ibid., P. 79.
313. ЕС. Путеводитель. – М., 1998, С.40
314. См.: Приложение №3.
315. Борко Ю.В., Буторина О.В. Указ. соч.
316. См.: Towards the Enlarged Union. / Strategy Paper and Report of the EC. – Brussels, 9.10.2002, COM (2002) 700 final. Также Расширение ЕС на Восток: позиции стран Евросоюза. – ИМЭМО РАН, 2002, С.25.
317. Борко Ю.А., Буторина О.В., Указ. соч.
318. Диманис М.Д. Социально-политические аспекты формирования «единой Европы». / Европейский Союз на рубеже веков. /РАН ИНИОН, Т.Г. Пархалина (гл. ред.), С.109.
319. Ср., например, с мнением Ж. Делора. /Грант Ч. Указ. соч.
320. European Governance /A White Paper, Brussels, 25.7.2001, COM(2001), 428 final. / <http://www.europa.eu.int>
321. Борко Ю., Буторина О. Перспективы Евросоюза в новом веке. //Современная Европа. - 2001. - №3. //<http://isn.rsuh.ru/iu/journal/journal3.2000/7/htm>.
322. Там же.
323. Там же. //http://isn.rsuh.ru/iu/mag_j02-3.html.
324. Там же.
325. Там же.
326. A survey of European business. //The Economist(EIU), - April 29th, - 2000, P.60.
327. Борко Ю.А., Буторина О.В. Указ. соч. /См. текст на сайте

- <http://isn.rsuh.ru/iu/journal/journal3.2001>.
328. Emerson M. Redrawing the Map of Europe. - London, MacMillan Press Ltd., 1998. Цит. по: Борко Ю.А, Буторина О.В. Указ. соч.
329. Борко Ю.А., Буторина О.В. От ЕС - к Соединённым Штатам Европы? /Отношения между регионами России и ЕС, проблемы и перспективы развития. Материалы для чтения. Йошкар Ола, 2000.
330. Борко Ю.А. ЕС: углубление и расширение интеграции. // МЭиМО. - 1998. - №8. - С.156, также см. Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты., С.200.
331. Борко Ю.А. Буторина О.В. Указ. соч., С. 9.
332. См.: Emerson M., et al. The Elephant and the Bear. The EU, Russia and their near Abroads.-Brussels, CEPS, 2001.
333. Борко Ю., Буторина О. Указ. соч.
334. См. What Kind of Constitution for What Kind of Polity? Responses to J. Fischer. /Ch. Joerges, Y. Meny, J.H.H. Weiler (eds). – Badia Fiesolana: EUI, Cambridge, 2000, P. 169.
335. Emerson M., et al. The Elephant and the Bear. The EU, Russia and their near Abroads.-Brussels, CEPS, 2001, P.28.
336. См.: Борко Ю.А. и Шемятенков В.Г. Указ. сочинения.
337. Борко Ю.А., Буторина О.В., Указ. соч. /См. текст на сайте <http://isn.rsuh.ru/iu/journal/journal3.2001>.
338. Браницкий А.Г. Erit una Europa? (Будет ли единой Европа?) История объединения Европы: проекты, противоречия, перспективы: Монография / А.Г. Браницкий. – Н. Новгород, 2006. – С. 258; Грант, Ч. Делор. Пер. с англ. / Ч. Грант. - М., 2002. - С.428.
339. Сиджански, Д. Федералистское будущее Европы: От Европейского сообщества до Европейского союза. Пер. с фр. / Д. Сиджански. - С.407-409.
340. Gazeta.Ru. - Вып. 011. – 1999. - 16.03. // <http://gazeta.ru/daynews>
341. Dinan, D. Europe Recast: A History of European Union / D. Dinan. - Houndmills, 2004. - P.290.
342. Васильевский, В. Первый экзамен сдан / В. Васильевский // Европа. - 2004. - № 8 (42). - С.5-7.
343. Браницкий А.Г. История европейской интеграции / А.Г. Браницкий, Г.В. Каменская. М.-Н. Новгород, 2003. - С.200.
344. Commission. General Report on the Activities of the European Union. 2001. - Brussels-Luxembourg, 2002. - P.356.
345. European Commission. One currency for Europe. Green Paper On the Practical Arrangements for the Introduction of the Single Currency. - Brussels-Luxembourg, 1995. - P.80.
346. Шемятенков, В.Г. Евро: две стороны одной медали / В.Г. Шемятенков. - М., 1998. - С.106.
347. Official Journal of the European Communities. - 1997. - 19 June. - L 162. - P.1-3.
348. Official Journal of the European Communities. - 1998. - 11 May. - L 139. - P.1-5.
349. Official Journal of the European Communities. - 1998. - 31 Dec. - L 359. - P.1-2.
350. Черногория, которая являлась до лета 2006 г. частью единого с Сербией государства, должна была бы использовать в качестве законного платежного средства динар, но, воспользовавшись воцарившимся во время гражданской войны хаосом, явочным порядком перешла на евро.
351. Вайденфельд, В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. Пер. с нем. / В. Вайденфельд, В. Вессельс. - Рига, 2002. - С.190-193; См. также: Шемятенков, В.Г.
352. Европейская интеграция / В.Г. Шемятенков. - М., 2003. - С.104-105.
353. Браницкий А.Г. Erit una Europa? ... - С.267; Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.231-232.
354. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. - Luxembourg, 1997;

355. Неофициальный перевод на русский язык см.: Амстердамский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе, договоры, учреждающие Европейские Сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты. Пер. с англ. - М., 1999; См. также: Топорнин, Б.Н. Европейское право / Б.Н. Топорнин. - М., 1998. - С.233-238..
356. Браницкий, А.Г. История европейской интеграции ... - С.214.
357. Европейское право / Под ред. Л.М. Энтина. - М., 2004. - С.28.
358. Топорнин, Б.Н. Европейское право ... - С.215-218
359. Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. - Luxembourg, 2001.
360. La convention europeenne. L'avenir de l'Union europeenne. - Bruxelles, 2003; См. также: Каракулян Э.А. Европейский неофедерализм: процесс, система, идентичность (историко-правовые и методологические аспекты) / Э.А. Каракулян. - Н. Новгород, 2003. - С.156-159.
361. Treaty establishing a Constitution for Europe // Official Journal of the European Communities. - 2004. - 16 Dec. - С 310.
362. Грачев, А. Тень конституции / А. Грачев // Новое время. - 2005. - № 22. - С.22.
363. Макарычев, В. Франция наносит удар по единству / В. Макарычев // Эхо планеты. - 2005. - № 23 (894). - С.27.
364. Official Journal of the European Communities. - 1994. - 29 Aug. - С 241. См. также: Official Journal of the European Communities. - 1995. - 1 Jan. - L 1.
365. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.308-309.
366. Presidency conclusions. Helsinki European Council. 10-11 Dec. 1999 // <http://europa.eu.int/council>.
367. Presidency conclusions. Copenhagen European Council, 12-13 Dec. 2002. Press Release. Copenhagen, 13.12.2002 // <http://ue.eu.int/pressData>.
368. Official Journal of the European Communities. - 2003. - 23 Sept. - L 236.
369. Official Journal of the European Communities. - 2005. - 21 June. - L 157.
370. Берендт, С. Политика в отношении Средиземноморья. Пер. с нем. / С. Берендт // Вайденфельд, В. Европа от А до Я ... - С.306-309.
371. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция ... - С.368.
372. Неофициальный русский перевод приводится по изданию: Шенгенские достижения. Пер. с англ. // Документы Европейского Союза. - Т.V. Амстердамский договор. - М.: Интердиалект+, 1999. - С.133-134. Оригинал см.: Treaty of Amsterdam, amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. - Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1997.
373. Европейский Союз был создан в соответствии с Маастрихтским договором, подписанном 7 февраля 1992 г. и вступившем в силу 1 ноября 1993 г. См.: Treaty on European Union. - Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1992; Договор о Европейском Союзе. Пер. с англ. // Документы Европейского Союза. - Т.II. Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. - М.: Право, 1994. - С.45-176.
374. Single European Act // Treaties establishing the European Communities. - Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1987. - P.523-581; Единый Европейский Акт. Пер. с англ. // Документы Европейского Союза. - Т.II. Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. - М.: Право, 1994. - С.7-43.
375. Браницкий, А.Г. Erit una Europa? История объединения Европы: проекты, противоречия, перспективы / А.Г. Браницкий. - Н. Новгород: ННГУ, 2006. - С. 269.
376. Европейское право / Под ред. Л.М. Энтина. - М.: Норма, 2004. - С.28.
377. Топорнин, Б.Н. Европейское право / Б.Н. Топорнин. - М.: Юристъ, 1998. - С.215-218.

378. Treaty of Amsterdam, amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1997.
379. Согласно Ст.4 Протокола об интеграции Шенгенских достижений в рамки Европейского Союза. См.: Документы Европейского Союза. – Т.V. Амстердамский договор. – М.: Интердиалект+, 1999. - С.132.
380. Европейский Союз: Справочник-путеводитель /Под ред. О.В. Буториной. – М.: Деловая литература, 2003. - С.62.
381. Там же. – С.173.
382. Switzerland's policy towards Europe /Swiss Confederation. Integration Office FDFA/FDEA. Nov. 2007 // www.europa.admin.ch
383. Подписание Соглашений от 22 июля 1972 г. было связано с процессом вступления в Европейские Сообщества Великобритании, Дании и Ирландии, бывших членов ЕАСТ. Подробнее см.: Браницкий, А.Г. История европейской интеграции /А.Г. Браницкий, Г.В. Каменская. – М.-Н. Новгород: ИМЭМО РАН, ФМО ННГУ, 2003. - С.97.
384. Топорнин, Б.Н. Европейское право /Б.Н. Топорнин. – М.: Юристъ, 1998. - С.200.
385. EEA Agreement // <http://www.efta.int>
386. EEA Law: A Commentary on the EEA Agreement. - Stockholm, 1993; См. также: Blanchet, T. The Agreement on the European Economic Area (EEA). A Guide to the Free Movement of Goods and Competition Rules /T. Blanchet, R. Piipponen, M. Westman-Clement. - Oxford, 1996.
387. EEA Agreement // <http://www.efta.int>
388. Treaties establishing the European Communities (ECSC, EEC, EAEC), Single European Act, other basic instruments. - Luxembourg, 1987.
389. The EEA Institutions and the Two-pillar Structure // <http://www.efta.int/content/eea/institutions>
390. Антипина, О.Н. Постиндустриального общества теория /О.Н. Антипина, В.Л. Иноземцев // Политическая энциклопедия. В 2-х тт. Под ред д.п.н. Г.Ю.Семигина. М., 1999. Т. 2. С.235–238
391. Также авторы отмечают серьезный вклад в формирование теории постиндустриального общества следующих ученых и мыслителей: А. де Сен-Симона, О.Конта, Дж. Ст. Милля, К. Бюхера, Б. Гильдебранда и др.
392. Veblen, Th. The Theory of Business Enterprise/Th. Veblen. N.Y., 1994.
393. Иноземцев, В. Л. Новая постиндустриальная волна на Западе/ В. Л. Иноземцев. // http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1003.html
394. Там же
395. Иноземцев, В.Л. Модели постиндустриализма: сходство и различия/ В. Л. Иноземцев // Общество и экономика, №4-5, 2003, с. 54
396. Frankel, B. The Post-Industrial Utopians./B. Frankel. Madison (Wi.), 1987. P. 8.
397. Иноземцев, В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм /В.Л. Иноземцев // Философские исследования. 1997. № 3. СС. 30-73, С. 56.
398. Riesman, D. Leisure and Work in Post-Industrial Society //D. Riesman/ Larrabee E., Meyersohn R. (Eds.). Mass Leisure. Glencoe (Ill.), 1958. P. 363-385.
399. Aron, R. 28 Lectures on Industrial Society/R. Aron. L., 1968. P. 42.
400. Rostow, W.W. Politics and the Stages of Growth/W.W. Rostow. Cambridge, 1971. P. 230.
401. Gon, A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism/A. Gon. L., 1982.
402. Roswk T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society/T. Roswk. N.Y., 1972.; Illich, I. The Tools for Conviviality/I. Illich. L., 1985.

403. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского под редакцией В.Л.Иноземцева/ Д. Белл. –М: Академия, 1999; Fromm E. The Sane Society. L., 1991. P. 124.
404. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 661.
405. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting/D. Bell. New York, 1973; Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism/ D. Bell. N. Y., 1978. P. 198
406. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 655.
407. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 661.
408. Подробнее см.: Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества/В. Л. Иноземцев. Москва, 1998. С. 97-163; Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы/В. Л. Иноземцев. Москва, 2000. СС. 11-30.
409. Иноземцев, В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм // Философские исследования/ В. Л. Иноземцев. 1997. № 3. С. 30-73.
410. Ефремов, В.С. Бизнес-системы постиндустриального общества/ В. С. Ефремов// Менеджмент в России и за рубежом.-1999.- № 5 .- <http://www.dis.ru/manag/arhiv/1999/5/1.html>
411. Иноземцев, В. Л. Неизбежность постиндустриального мира. К вопросу о полярности современного мироустройства/ В. Л. Иноземцев // Постиндустриальный мир и Россия. Под ред. В.Г.Хороса, В.А.Красильщикова. М., Эдиториал УРСС, 2001. СС. 84–104.
412. Aron, R. 28 Lectures on Industrial Society/R. Aron. London, 1968. P. 26, 28.
413. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. СС. CLIV.
414. Араб-Оглы Э. Взгляд из XXI века. Рецензия на книгу: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. М., Academia, 1999/ Э. Араб-Оглы // Свободная мысль-XXI. 2000. № 12. СС. 60-61.
415. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism/D. Bell. New York, 1978. P. 198
416. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society. /D. Bell // The Public Interest. 1967. No 7. P. 102.
417. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. СС. CLIV.
418. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society. /D. Bell // The Public Interest. 1967. No 6. P. 28.
419. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 168.
420. Brzezinski, Zb. Between Two Ages/Zb. Brzezinski. New York, 1970. P. 9.
421. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 391.
422. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. CLIV-CLV.
423. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. CLI.
424. Т а м ж е.
425. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 160.
426. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 489-490
427. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society/D. Bell. // The Public Interest. 1967. No 6. P. 30.
428. Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society/Y. Masuda. Washington (DC), 1981. P. 33.
429. Touraine, A. The Post-Industrial Society/A. Touraine. London, 1974. P. 61.
430. Иноземцев, В.Л. Постиндустриальное хозяйство и "постиндустриальное" общество/В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность, № 3, 2001. СС. 140–152. С 145.

431. Алексеева, И.Ю.. Социальная роль научного знания в контексте постиндустриальной идеологии / И.Ю. Алексеева// http://www.rfbr.ru/default.asp?article_id=5578&doc_id=5209; Barglow, R. The Crisis of the Self in the Age of Information/ R. Barglow. L.-N.Y., 1994
432. Иноземцев, В.Л.. К проблеме трансформации мирового порядка в XXI веке/ В.Л.Иноземцев, Е.С.Кузнецова // *Философские исследования*, № 3 (32), 2001. СС. 4–23. С.14.
433. Lash S. Economies of Sign and Space/S. Lash, J. Urry. London, Thousand Oaks (Ca.), 1994. P. 193.
434. Lash S., Urry J. Economies of Sign and Space/S. Lash, J. Urry. London, Thousand Oaks (Ca.), 1994. P. 194.
435. Stehr, N. The Knowledge Societies/N. Stehr. London, Thousand Oaks (Ca.), 1994. P. 75, 130.
436. Шёнхер, Г. Большая книга по экономике/Пер. с нем. В. Годфрида/ Г. Шёнхер-. М.: Терра, 1997, с. 225
437. Rifkin, J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era./J. Rifkin. New York, 1996. P. 110.
438. Давыдов, Ю. П. Россия, США и интегрирующая Европа/ Ю. П. Давыдов// США. Канада. Экономика. Политика. Культура. М.,2002 .№11. с. 23
439. OECD Labour Force Statistics 1976-1996. Paris, 1997. Table 4.0. P. 36-41, 26-27.
440. Kenwood, A.G. The Growth of the International Economy 1820-2000/A. G. Kenwood, A. L. Lougheed. London, New York, 2000. P. 309.
441. Europe in Figures, 5th ed. P. 115.
442. The Economist. 2000. December 2. P. 95.
443. The Economist. 2000. December 2. P. 97.
444. Kiplinger, K. World Boom Ahead/ K. Kiplinger. Washington (DC), 1998. P. 45.
445. Europe in Figures. 5th ed. P. 161.
446. Encarnation, D.J. Rivals Beyond Trade. America versus Japan in Global Competition/D. J. Encarnation. Ithace (NY), London, 1992. P. 145.
447. Burtless G., Lawrence R.Z., Litan R.E., Shapiro R.J. Globophobia. Confronting Fears about Open Trade. Washington (DC), 1998. P. 36, 39.
448. Peterson, J. Get Away from Me Closer, You're Near Me Too Far: Europe and America after the Uruguay Round/ J. Peterson. // Pollack M.A., Shaffer G.C. (eds.) Transatlantic Governance in the Global Economy. Lanham (NC), New York, 2001. P. 47.
449. Gordon, B.K. America's Trade Follies. Turning Economic Leadership Into Strategic Weakness/B. K/ Gordon. London, 2001. P. 57.
450. Sandler, T. Global Challenges. An Approach to Environmental, Political, and Economic Problems/ T. Sandler. Cambridge, 1997. P. 185.
451. Шёнхер, Г. Большая книга по экономике/Пер. с нем. В. Годфрида/Г. Шёнхер. - М.: Терра, 1997. С. 123
452. Шёнхер, Г. Там же. СС.129-130.
453. Preston, H.H. Internet Spurs Rumblings of a Venture-Capital Revolution/ H.H. Preston. // *International Herald Tribune*, 2000, March 25-26. P. 11.
454. Prodi, R. Europe As I See It./R. Prodi Cambridge, 2000. P. 116, 101.
455. Thomas, S. Biotechnology in Europe. // Dyker D.A. (ed.) *The European Economy*/ S. Thomas. Harlow, New York, 1999. P. 385.
456. Turner, A. Just Capital. The Liberal Economy/ A. Turner. London, 2001. P. 177.
457. The Wall Street Journal Europe. 2001. March 21. P. 10.
458. Sharp M. Chemicals and Pharmaceuticals/M. Sharp,L. Cook. // Dyker D.A. (ed.) *The European Economy*. P. 355, 370.
459. Marsh P. A Lot to Hammer Out/P. Marsh, E. Adlen. // *Financial Times*. 2001. December 17. P. 15.

460. Mitchener, B. Internet Use in Europe Soars in Homes, Offices/B. Mitchener // *The Wall Street Journal Europe*. 2000. November 29. P. 11.
461. Waters, R.. Bad Signal./ R. Waters, C. Daniel // *Financial Times*. 2001. June 14. P. 12.
462. Done, K. Boeing Suffers 45% Drop in New Orders./K. Done // *Financial Times*. 2002. January 10. P. 18.
463. Антипина, О.Н. Постэкономическая революция и глобальные проблемы/ О. Н. Антипина, В.Л. Иноземцев. // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4. С. 162-173. С. 165
464. Давыдов, Ю. П. Россия, США и интегрирующая Европа/ Ю. П. Давыдов // *США. Канада. Экономика. Политика. Культура*. М., 2002. №11. с. 43.
465. Швиммер, В. Мечты о Европе. Европа с XIX в. до рубежа третьего тысячелетия/ Пер. с нем. Л. Пантиной/ В. Швиммер. -М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. с. 68.
466. Pakulski, J. The Death of Class/J. Pakulski, M. Waters. London, 1996. P. 78; Linstone, H.A. The Challenge of the 21st Century/H. A. Linstone, I. I. Mitroff. Albany (NY), 1994. P. 228;
467. Nelson, J. Post-Industrial Capitalism / J. Nelson. Thousand Oaks (Ca.) London, 1995. P. 8-9.
468. Kuttner, R. Everything for Sale. The Virtues and Limits of Markets/R. Kuttner. New York, 1997. P. 86.
469. Mishel, L. The State of Working America 2000-2001/ L. Mishel, J. Bernstein, J. Schmitt. Ithaca (NY), London, 2001. Table 7.8. P. 383.
470. Иноземцев, В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции/В. Л. Иноземцев. Москва, 1999. График 11-2. С. 486.
471. Danziger, S. America Unequal/S. Danziger, P. Gottschalk. Cambridge (Ma.), 1995. P. 118-119.
472. *The Economist*. 1998. June 27 – July 3. P. 96.
473. Freeman, R.B. The New Inequality in the United States/R. B. Freeman. // Fishlow A., Parker K. (eds.) *Growing Apart. The Causes and Consequences of Global Wage Inequality*. New York, 1999. P. 52.
474. Johnston, D.C. Bush Plan Worth Millions to Few/D. C. Johnston // *International Herald Tribune*. 2001. May 16. P. 11.
475. Crouch, C. Are Skills the Answer? The Political Economy of Skill Creation in Advanced Industrial Countries/C. Crouch, D. Finegold, M. Sako. Oxford, 1999. P. 69.
476. Gray, J. False Down. The Delusions of Global Capitalism /J. Gray. London, 1998. P. 115.
477. Gray, J. False Down. P. 117
478. Ibid. P. 120.
479. Pierson, Ch. Beyond the Welfare State? The New Political Economy of Welfare/Ch. Pierson. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 110-111.
480. Crouch, C. Social Change in Western Europe/C. Crouch. Oxford, 1999. Table 13-1. P. 369.
481. Burtless, G. Public Spending on the Poor: Historical Trends and Economic Limits/ G. Burtless // Danziger S.H., Sandefur G.D., Weinberg D.H. (eds.) *Confronting Poverty: Prescription for Change*. Cambridge (Ma.), 1994. P. 57, 63-64.
482. Jencks, Ch. Is the American Underclass Growing?/Ch. Jencks // Jencks Ch., Peterson P. (eds.) *The Urban Underclass*. Washington (DC), 1991. P. 34; Madrick J. *The End of Affluence. The Causes and Consequences of America's Economic Dilemma*. New York, 1995. P. 152.
483. Crouch, C. Social Change in Western Europe. Table 13-1. P. 369.

484. Mirka, J. The European Social Charter and the North America Free Trade Agreement/J. Mirka, C. J. Rubin // Addison J.T., Siebert W.S. (eds.) Labour Markets in Europe. Issues of Harmonization and Regulation. London, 1997. P. 217-219
485. OECD Labour Force Statistics .<http://www.databeuro.com/acatalog.html#a533>
486. Авдокушин, Е.Ф. Международные экономические отношения/ Е. Ф. Авдокушин. М., 1999. СС.82-83.
487. Авдокушин, Е.Ф. Международные экономические отношения . С. 102.
488. Crouch, C. Social Change in Western Europe. P. 75.
489. Luttwak, E. The Endangered American Dream/E. Luttwak. New York, 1993. P. 200.
490. Luttwak E. The Endangered American Dream. P. 202.
491. Давыдов, Ю. П. Россия, США и интегрирующая Европа. /Ю. П. Давыдов // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. М., 2002 .№11. с. 54
492. Greenhouse, S. U.S. Growth Industry: Workdays./ S. Greenhouse// International Herald Tribune. 2001. September 3. P. 11.
493. VIBES—Virtual International Business & Economic Sources—Western Europe <http://libweb.uncc.edu/ref-bus/reg.htm#eurw>
494. Smith ,D. Will Europe Work?/ D. Smith. London, 1999. P. 24, 76.
495. Smith D. Will Europe Work? P. 78.
496. The Economist. 2001. August 18-24. P. 59.
497. The Economist. 2000. November 25 – December 1. P. 121
498. Kuisel ,R. Seducing the French. The Dilemma of Americanization/R. Kuisel. Los Angeles, 1996. P. 112.
499. Winslow, C. Future Work. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy/ C. Winslow, W. Bramer. New York, 1994. P.100.
500. Nye, J.S. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power/J. S. Nye. New York, 1990. P. 214-215.
501. Wolff, E.N. Top Heavy. The Increasing Inequality of Wealth in America and What Can Be Done About It/ E. N. Wolff. New York, 1995. P. 10.
502. AltaVista United Kingdom <http://uk.altavista.com>; VIBES—Virtual International Business & Economic Sources—Western Europe <http://libweb.uncc.edu/ref-bus/reg.htm#eurw>
503. Цит. по: Иноземцев, В.Л. Модели постиндустриализма: сходство и различия/ В. Л. Иноземцев//Общество и экономика, №4-5, 2003, с. 81
504. Mathy, J.-Ph. French Resistance. The French-American Culture Wars. Minneapolis/ J.-Ph. Mathy. Oxford, 2000. P. 40.
505. Цит. по: Иноземцев, В.Л. Модели постиндустриализма: сходство и различия/ В. Л. Иноземцев//Общество и экономика, №4-5, 2003, с. 62.
506. Porter, M.E. Attitudes, Values, Beliefs, and the Microeconomics of Prosperity/ M. E. Porter // Harrison L.E., Huntington S.P. (eds.) Culture Matters. How Values Shape Human Progress. New York, 2000. P. 27.
507. Иноземцев, В.Л. Модели постиндустриализма: сходство и различия/ В. Л. Иноземцев//Общество и экономика, №4-5, 2003, с. 65
508. Usher, R. In Praise of Quality./R. Usher// Time. 2001. August 20/27. P. 38.
509. Цит. по: Иноземцев, В. Л. США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники/ В. Л. Иноземцев// США. Канада. Экономика. Политика. Культура. М., 2002. №9. с. 76-77.
510. Mussa, M. Global Economic Prospects. /M. Mussa.//International Economics Policy briefs. Sept. 2002// <http://www.iie.com/publications/pb/pb02-9.pdf>
511. Kanter, R.M. World Class. Thriving Locally in the Global Economy/R. M. Kanter. New York, 1995. P. 40.
512. Schwartz ,P. The Long Boom. A Vision for the Coming Age of Prosperity/ P. Schwartz, P. Leyden, J. Hyatt. Reading (Ma.), 1999. P. 236

513. Иноземцев, В. Л. США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники/ В. Л. Иноземцев// США. Канада. Экономика. Политика. Культура. М.,2002. №9. с 76-77.
514. Mussa, M. Global Economic Prospects. /M. Mussa./International Economics Policy briefs. Sept. 2002// <http://www.iie.com/publications/pb/pb02-9.pdf>
515. Kanter, R.M. World Class. Thriving Locally in the Global Economy/R. M. Kanter. New York, 1995. P. 40.
516. Schwartz, P. The Long Boom. A Vision for the Coming Age of Prosperity/ P. Schwartz, P. Leyden, J. Hyatt. Reading (Ma.), 1999. P. 236
517. Layard, R. Clues to Prosperity/R. Lavard // Financial Times. 1997. February 17. P. 6.
518. Simonazzi, A. Employment, Growth and Income Inequality./A. Simonazzi, P. Villa// Landesmann, M.A., Pichelmann, K. (eds.) Unemployment in Europe. London, New York, 2000. P. 80.
519. Sen, A. Development As Freedom/A. Sen. New York, Oxford, 1999, P. 95-96.
520. The Economist. 2001. August 18-24. P. 59.
521. Mathy, J.-Ph. French Resistance. The French-American Culture Wars. Minneapolis/ J.-Ph. Mathy. Oxford, 2000. P. 40.
522. Иноземцев, В.Л. Модели постиндустриализма: сходство и различия/ В. Л. Иноземцев//Общество и экономика, №4-5, 2003, с. 62.

**Европа:
проблемы интеграции
и развития**

Монография

Том I

История объединения Европы и теория европейской интеграции

Часть 1

